

Фридрих
Август
фон Хайек
Конституция
свободы

*Библиотека
свободы*

IN LIBERTY

Библиотека свободы

Friedrich August
von Hayek

The Constitution of Liberty

Фридрих Август
фон Хайек

Конституция свободы

Москва, 2018

УДК 008
ББК 60
X15

Серия «Библиотека свободы» выходит в рамках
издательской программы проекта InLiberty

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

Friedrich Naumann
STIFTUNG **FÜR DIE FREIHEIT**

издатель Андрей Нурилкин
дизайн Юрий Остроменцкий, Дарья Яржамбен
перевод с английского Борис Пинскер
научный редактор Юрий Кузнецов
редактор Анна Красникова

Хайек Ф.А. фон
X15 Конституция свободы / Пер. с англ.
М.: Новое издательство, 2018. — 528 с. — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-218-0

Opus magnum великого философа и эконоомиста XX века Фридриха Августа фон Хайена, «Конституция свободы» в деталях описывает позитивный идеал классического либерализма применительно к современному обществу и пересматривает устройство его основных институтов, опираясь на глубокий философский фундамент. Но главное, книга Хайена доказывает: идея свободы не абстрактна и любое общество способно воплотить ее на практике.

УДК 008
ББК 60

© 1960, 2011 by the University of Chicago
All rights reserved. Authorised translation
from the English language edition
published by Routledge, a member
of the Taylor & Francis Group
© Борис Пинскер, перевод на русский, 2018
© Новое издательство, 2018

ISBN 978-5-98379-218-0

Оглавление

9	Предисловие	293	Глава 15. Экономическая политика и верховенство закона
11	Благодарности	307	Глава 16. Упадок закона
13	Список сокращений		
15	Введение		
Часть I. Ценность свободы		Часть III. Свобода в социальном государстве	
27	Глава 1. Свобода и свободы	331	Глава 17. Упадок социализма и возвышение социального государства
43	Глава 2. Творческие силы свободной цивилизации	347	Глава 18. Профсоюзы и занятость
61	Глава 3. Прогресс с позиций здравого смысла	369	Глава 19. Социальное обеспечение
77	Глава 4. Свобода, разум и традиция	395	Глава 20. Налогообложение и перераспределение
100	Глава 5. Ответственность и свобода	417	Глава 21. Денежная система
115	Глава 6. Равенство, ценность и заслуги	433	Глава 22. Жилье и городское планирование
134	Глава 7. Правление большинства	451	Глава 23. Сельское хозяйство и природные ресурсы
152	Глава 8. Наемный труд и независимость	468	Глава 24. Образование и научные исследования
Часть II. Свобода и закон		487	Послесловие. Почему я не консерватор
169	Глава 9. Принуждение и государство	503	Аналитическое содержание
186	Глава 10. Закон, приказы и порядок	507	Предметный указатель
204	Глава 11. Истоки принципа верховенства закона	521	Именной указатель
229	Глава 12. Американский вклад: конституционализм		
254	Глава 13. Либерализм и администрация: Rechtsstaat		
272	Глава 14. Механизмы защиты индивидуальной свободы		

*Наше исследование не ставит своей целью нечто совершенное,
ибо хорошо известно, что ничего подобного среди людей
не существует; но мы ищем такую Конституцию для людей,
которая сопряжена с наименьшими или, по крайней мере,
с наиболее простительными неудобствами.*

— *Алджернон Сидней*

— *Sidney A. Discourses Concerning Government. London: Printed and are to be sold
by booksellers of London and Westminster, 1698. P. 142.*

*Неизвестной цивилизации,
которая вырастает в Америке.*

Предисловие

Цель настоящей книги я объясняю во введении, слова признательности и благодарности помещаю в нескольких абзацах непосредственно после предисловия. Здесь же мне остается только предупредить читателей и принести им свои извинения.

В этой книге речь идет не только о том, чему учит нас наука. Хотя я не смог бы написать этот труд, если бы не посвятил большую часть своей жизни изучению экономической теории, а в последние годы не стремился ознакомиться с выводами некоторых других общественных наук, здесь я не ограничиваюсь ни одними лишь фактами, ни описанием причинно-следственных связей. Моя задача — изобразить идеал, показать, как он может быть достигнут, и объяснить, что будет означать на практике его реализация. Поэтому научное обсуждение — не цель, а средство. Я считаю, что честно использовал знания о мире, в котором мы живем. Читателю самому придется решать, хочет ли он принять те ценности, на службу которым я поставил это знание.

Извиниться я хотел за ту форму, в которой я решил представить читателю результат своих трудов. Чем более амбициозна задача, тем менее адекватно будет ее исполнение — скорее всего, этого не избежать. Когда предмет столь всеобъемлющ, как в случае этой книги, совершенствовать ее можно до бесконечности, пока у автора есть на это силы. Несомненно, я вскоре обнаружу, что должен был сформулировать ту или иную мысль лучше или что допустил ошибки, которые мог бы исправить, если бы еще поработал. Уважение к читателю, конечно, требует, чтобы ему был представлен более или менее заверченный текст. Но вряд ли это означает, что автору надо ждать, пока не останется никакой надежды улучшить книгу. По крайней мере, когда речь идет о проблемах, над которыми активно работают многие, откладывать публикацию и ждать момента, когда будешь уверен, что улучшать больше нечего, было бы переоценкой собственной значимости. Если человек сумел — а я надеюсь, что я сумел, — продвинуть анализ хотя бы на шаг вперед, дальнейшие доработки, скорее всего, будут тянуть его все больше и больше назад. Возможно, другим лучше удастся уложить следующий ряд кирпичей в здание, над которым я трудился. Поэтому просто скажу, что я работал над этой книгой до тех пор,

пока не понял, что не в состоянии представить главный аргумент в более краткой форме.

Пожалуй, читателю следует также знать, что, хотя я пишу в Соединенных Штатах Америки и живу в этой стране уже почти десять лет, я не претендую на то, чтобы писать как американец. Мое мышление было сформировано в Австрии, где я родился и провел юность, а затем в Великобритании, где я прожил два десятилетия в более зрелом возрасте и гражданином которой я стал и остаюсь до сих пор. Знание об этом может пригодиться читателю, поскольку эти обстоятельства в значительной степени повлияли на книгу.

— *Чикаго, 8 мая 1959 года*

Благодарности

Из того, что я пытался сказать в этой книге, очень многое уже было написано раньше — причем так, что мне вряд ли удастся сказать лучше, — но существует в разрозненном виде или в работах, с которыми современный читатель вряд ли знаком, поэтому я решил, что будет лучше, если примечания выйдут за пределы простых ссылок на книги и статьи, которые по сути складываются в антологию индивидуалистической либеральной мысли. Эти цитаты должны показать, что идеи, которые сегодня часто кажутся странными и новыми, были когда-то общим наследием нашей цивилизации, но также и то, что раз уж мы опираемся на эту традицию, следует прилагать усилия к логичному соединению их в единый корпус мысли, непосредственно применимый к нашему времени. Именно для того, чтобы предъявить строительные блоки, из которых я попытался возвести новое здание, я и позволил себе столь обширные примечания. При этом они все еще не составляют полной библиографии предмета. Полезный перечень важных работ можно найти в книге: *Hazlitt H. The Free Man's Library*. Princeton, NJ: Van Nostrand, 1956.

Следует отметить и то, что эти примечания далеко не исчерпывают список людей, перед которыми я в долгу. Круг моих идей был сформирован, естественно, до того, как я задумал эту книгу. После того как я взялся за ее подготовку, я мало читал работы авторов, с которыми был заведомо согласен, поскольку многому научился у них в прошлом. Читая, я искал возражения против моей позиции, аргументы, которые мне нужно опровергнуть, формы, в которых эти идеи были выражены в прошлом. В результате на этих страницах редко появляются имена тех, кто больше всего помогал формироваться моим идеям, имена моих учителей и соратников. Если бы я поставил себе задачу отметить всех, с кем я согласен и кому обязан, эти примечания были бы усеяны ссылками на труды Людвиг фон Мизеса, Фрэнка Х. Найта и Эдвина Кэннана, Вальтера Ойкена и Генри Саймонса, Вильгельма Рёпке и Лайонела Роббинса, Карла Поппера, Майкла Поланьи и Бертрана де Жувенеля. А если бы я решил посвятить эту книгу тем, кому я обязан больше всего, я посвятил бы ее обществу Монт-Пелерин и в особенности двум интеллектуальным лидерам этого общества — Людвигу фон Мизесу и Фрэнку Х. Найту.

Но многие люди оказали мне более конкретную помощь, и я хочу их здесь поблагодарить. Эдвард К. Бэнфилд, Честер И. Барнард, У.Г. Бук, Джон Давенпорт, Пьер Ф. Гудрич, Вальтер Фрёлх, Дэвид Грин, Флойд Харпер, Дэвид Г. Хаттон, Артур Кемп, Фрэнк Х. Найт, Уильям Л. и Ширли Летвин, Фриц Махлуп, Лоренс У. Мартин, Людвиг фон Мизес, Александр Морин, Феликс Морли, Сильвестр Петро, Д.Г. Рейсс, Геральд Штурц, Ральф Турви, Ч.Й. Ванг и Ричард Вэе прочли разные части этой книги в рукописи и помогли мне своими замечаниями. Многие из них, а также Аарон Дайректор, Виктор Эренберг, Дункан Форбс, Милтон Фридман, Моррис Гинсберг, Клод В. Гильбо, Бруно Леони, Джон У. Неф, Маргарет Г. Рейд, Макс Райнштайн, Ханс Ротфельс, Хельмут Шёк, Ирен Шилз, Т.Ф.Т. Плакнетт и Джейкоб Вайнер поделились со мной важными ссылками и фактами, хотя мне непросто называть их имена, потому что почти наверняка забыл многих других, кто оказал мне подобную помощь.

На последних этапах подготовки книги бесценной была для меня помощь Эдвина Макклеллана. Главным образом благодаря доброжелательной редактуре его и (как я догадываюсь) миссис Макклеллан мои фразы стали чуть менее запутанными и их стало чуть проще читать. Дополнительную правку сделал мой друг Генри Хэзлитт, который любезно прочел и прокомментировал часть чистовой машинописи. Я также в долгу у Луис Ферн, сверившей все цитаты в примечаниях, и у Вернелии Кроуфорд, подготовившей предметный указатель.

Хотя книга не является плодом ставшего ныне обычным коллективного труда — я даже не научился пользоваться помощью ассистента, — она очень выиграла от помощи и возможностей, предоставленных разными фондами и институтами. Я в большом долгу у фондов Волкера, Гуттенхайма, Эрхарта и Рельма. Лекции, прочитанные в Каире, Цюрихе, Мехико-Сити, Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро и в разных американских университетах и колледжах, дали мне возможность не только отработать в аудитории некоторые из развиваемых в книге идей, но и приобрести опыт, оказавшийся полезным, когда я писал этот текст. Издания, в которых были опубликованы ранние варианты некоторых глав, указаны в примечаниях, и я благодарен всем издателям и редакторам, давшим мне разрешение включить их в книгу. Я также хочу поблагодарить за помощь библиотеку Чикагского университета — ее фонды и ее межбиблиотечный абонемент неизменно снабжали меня всем необходимым для работы, а также Комитет по исследованиям в области общественных наук и машинисток факультета общественных наук Чикагского университета, которые предоставили средства и трудовые ресурсы для перепечатывания всех черновых вариантов и подготовки чистовой машинописи этой книги.

Но больше всего я признателен Комитету по общественной мысли Чикагского университета и его председателю, профессору Джону У. Нефу, за то, что получил возможность на протяжении нескольких лет посвятить себя почти исключительно завершению этой книги, чему скорее помогали, а не мешали, другие мои служебные обязанности, связанные с работой в Комитете.

Список сокращений

- Acton. Historical Essays*
Acton J. Historical Essays and Studies / Ed. by J.N. Figgis, R.V. Laurence. London: Macmillan and Co., 1907.
- Acton. History of Freedom*
Acton J. The History of Freedom and Other Essays / Ed. by J.N. Figgis. R.V. Laurence. London: Macmillan and Co., 1907.
- [*Акстон*. Очерки становления свободы.
Акстон Дж. Очерки становления свободы. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.]
- Bagehot. Works*
Bagehot W. The Works and Life of Walter Bagehot / Ed. by R. Barrington. London: Longman, Green, and Co., 1915. Vol. 1-10.
- Burke. Works*
Burke E. The Works of the Right Honourable Edmund Burke. New edition. London: Rivington, 1815-1827. Vol. 1-16.
- Dicey. Law of the Constitution*
Dicey A.V. Introduction to the Study of the Law of the Constitution / 9th ed.; introduction and appendix by E.C.S. Wade. London: Macmillan and Co., 1939.
- Dicey. Law and Public Opinion*
Dicey A.V. Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century / 2nd ed. London: Macmillan and Co., 1914.
- Encyclopedia of the Social Sciences
Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by E.R.A. Seligman, A. Johnson. New York: Macmillan Company, 1930-1935. Vol. 1-15.
- Hume. Essays*
Hume D. Essays: Moral, Political, and Literary / Ed. by T.H. Green, T.H. Grose. London: Longmans, Green, and Co., 1875. Vol. 1-2. Во втором томе среди прочего опубликованы «Исследование о человеческом познании» и «Исследование о принципах морали».
- Hume. Treatise of Human Nature*
Hume D. A Treatise of Human Nature / Ed. by T.H. Green, T.H. Grose. London: Longmans, Green, and Co., 1890. Vol. 1-2.
- [*Юм*. Трактат о человеческой природе
Юм Д. Трактат о человеческой природе // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 1.]
- Locke. Second Treatise*
Locke J. The Second Treatise of Civil Government and A Letter Concerning Toleration / 3rd ed.; ed. by J.W. Gough. Oxford: Basil Blackwell, 1946.
- [*Локк*. Два трактата о правлении
Локк Дж. Два трактата о правлении: Книга вторая // Он же. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.]
- Menger. Untersuchungen*
Menger C. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften, und der Politischen Oekonomie insbesondere. Leipzig: Duncker und Humblot, 1883.
- [*Менгер*. Избранные работы
Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.]
- Mill. Principles*
Mill J.S. Principles of Political Economy, with Some of Their Applications to Social Philosophy / Ed. by W.J. Ashley. London: Longmans, Green, and Co., 1909.
- [*Милль*. Основы
Милль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.]
- Montesquieu. Spirit of the Laws*
Montesquieu Ch. The Spirit of the Laws / Translated by Thomas Nugent. New York: Hafner Publishing Co., 1949 (Hafner Library of Classics).
- [*Монтескье*. О духе законов
Монтескье Ш. О духе законов. М.: Мысль, 1999.]
- Smith. Wealth of Nations*
Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by Edwin Cannan. London: Methuen and Co., 1904. Vol. 1-2.
- [*Смит*. Богатство народов
Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.]
- Tocqueville. Democracy in America*
Tocqueville A. de. Democracy in America / Trans. by H. Reeve. Ed. by Phillips Bradley. New York: Alfred A. Knopf, 1945. Vol. 1-2.
- [*Токвиль*. Демократия в Америке
Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.]
- [vol.] U.S. [pp.]
United States Reports: Cases Adjudged in the Supreme Court. Washington: Government Printing Office. (В соответствии со стандартной американской юридической практикой, ссылки на этот и более ранние отчеты о делах федеральной юрисдикции, такие как «Dallas», «Cranch», «Wheaton» и «Wallace», а также на отчеты о делах, рассматривающихся в судах штатов, начинаются с номера тома, а заканчиваются номером страницы, с которой начинается отчет о данном деле, и, при необходимости, номером страницы, на которую идет ссылка.)

Введение

Я покажу сначала, каким образом действуя мы достигли теперешнего могущества, при каком государственном строе и какими путями мы возвеличили нашу власть, а затем перейду к прославлению павших. <...> По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех; что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его доблести, стяжающей ему добрую славу в том или другом деле; равным образом, скромность звания не служит бедняку препятствием к деятельности, если только он может оказать какую-либо услугу государству. Мы живем свободною политическою жизнью в государстве и не страдаем подозрительностью во взаимных отношениях повседневной жизни <...>. Свободные от всякого принуждения в частной жизни, мы в общественных отношениях не нарушаем законов больше всего из страха пред ними, и повинемся лицам, облеченным властью в данное время, в особенности прислушиваемся ко всем тем законам, которые существуют на пользу обижаемым и которые, будучи неписаными, влекут [для их нарушителя] общепризнанный позор.

— Перикл

Чтобы старые истины сохраняли свое влияние на людские умы, их нужно формулировать заново, используя язык и понятия очередного поколения. Некогда яркие выражения постепенно изнашиваются и утрачивают конкретное значение. Стоящие за ними идеи могут оставаться такими же актуальными, как и прежде, но слова — даже если они описывают все еще существующие проблемы — утрачивают былую убедительность; аргументы не действуют в знакомом контексте; и мы редко получаем прямые ответы

— Из надгробной речи Перикла, переданной Фукидидом («История», II. 36.4–37.3 [перевод Ф.С. Мищенко]).

на вопросы, которыми задаемся¹. По-видимому, это неизбежно, потому что никакая формулировка идеала, способного властвовать над умами людей, не может быть всеобъемлющей: она должна соответствовать конкретному состоянию общественного мнения, использовать в качестве исходных посылок многое из того, что принято всеми людьми того или иного времени, и иллюстрировать общие принципы применительно к вопросам, которые волнуют этих людей.

Прошло уже много времени с тех пор, как заново был сформулирован тот идеал свободы, который вдохновил современную западную цивилизацию и частичное воплощение которого сделало ее достижения возможными². Действительно, основные принципы, на которых была построена эта цивилизация, погружались в пучину забвения и пренебрежения на протяжении почти столетия. Люди чаще искали альтернативные формы общественного устройства вместо того, чтобы попытаться лучше понять и использовать базовые принципы своей цивилизации³. Только столкнувшись с совершенно иной системой, мы обнаружили, что перестали ясно осознавать, какие у нас цели, и лишились твердых принципов, которые можно было бы противопоставить чужой догматической идеологии.

Отсутствие твердых убеждений поставило Запад в невыгодное положение в борьбе за моральную поддержку народов мира. Его интеллектуальные лидеры уже давно разочаровались в его принципах, пренебрегали его достижениями и заботились исключительно о создании «лучших миров». С таким настроем мы вряд ли можем рассчитывать на появление новых последователей. Чтобы победить в развернувшейся великой схватке идей, прежде всего нам нужно знать, во что мы верим. Если мы не собираемся плыть по течению, нам следует определиться, что именно мы хотим сохранить. Четкая формулировка наших идеалов столько же необходима и в наших отношениях с другими народами. Сегодня внешняя политика во многом определяется тем, чья политическая философия восторжествует; и само наше выживание может зависеть от того, получится ли у нас сплотить достаточно сильную часть мира вокруг общего идеала.

---

¹ Есть высказывания, которые входят в оборот, потому что выражают то, что одно время представлялось важной истиной, продолжают использоваться, когда эта истина стала уже всем известна, и из-за частого механического повторения их значение размывается. В конце концов от них отказываются, потому что они больше не пробуждают никакой мысли. Их заново открывают после забвения, длящегося целое поколение, и тогда они могут использоваться с новой силой для передачи чего-то близкого к их первоначальному смыслу — и опять только для того, чтобы, если повезет, еще раз повторить тот же цикл.

² Последним, кто предпринял всеобъемлющую попытку заново сформулировать принципы свободного общества — с большими оговорками и в сжатой форме, естественной для университетского учебника, — был Генри Сиджвик (*Sidgwick H. The Elements of Politics*. London: Macmillan, 1891). Работа во многих отношениях замечательная, но очень слабо отражающая то, что можно считать британской либеральной традицией, и сильно подпорченная рационалистическим утилитаризмом, который ведет к социализму.

³ В Англии, где традиция свободы существовала дольше, чем в других европейских странах, уже в 1885 году автор, работа которого была тогда популярна в кругах либералов, мог сказать об этих либералах, что «для них самой насущной задачей стала перестройка общества, а не освобождение индивидов» (*Montague F.C. The Limits of Individual Liberty*. London: Rivingtons, 1885. P. 16).

Все это придется делать в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Многие народы мира переняли у западной цивилизации идеалы в то время, когда Запад стал сомневаться в себе и в традициях, сделавших его таким, какой он есть. Это было время, когда западные интеллектуалы в значительной мере отказались от той самой веры в свободу, которая, позволив Западу полностью использовать силы, определяющие рост всех цивилизаций, сделала возможным его беспрецедентно быстрое развитие. В результате те люди из менее развитых стран, которые, отучившись на Западе, стали затем поставщиками идей собственным народам, усвоили не знания о том, как он создал свою цивилизацию, а главным образом мечты об альтернативных путях развития, порожденные самим его успехом.

Эта тенденция особенно трагична, поскольку, хотя представления, в соответствии с которыми действуют ученики Запада, могут помочь их странам быстрее скопировать ряд его достижений, они же помешают им самостоятельно развиваться. Не все из того, что представляет собой результат исторического развития Запада, можно или должно пересаживать на почву другой культуры; и какого бы рода цивилизация в конце концов ни возникла там под влиянием Запада, она скорее сможет принять адекватные формы, если ей дадут возможность расти, а не будут навязывать их извне. Если, как порой утверждается, там отсутствует необходимое условие свободного развития — дух личной инициативы, — то, разумеется, без этого духа жизнеспособная цивилизация нигде не возникнет. В тех случаях, когда он действительно отсутствует, в первую очередь следует его пробудить; а это может сделать только режим свободы, но никак не система регламентирования.

Что касается самого Запада, то надо надеяться, что здесь пока еще существует широкое согласие относительно некоторых фундаментальных ценностей. Однако эти договоренности уже не такие точные, как раньше; и чтобы ценности восстановили свою силу и влияние, необходимо их заново переформулировать и обосновать во всей полноте. Похоже, нет ни одной работы, содержащей полное изложение той философии, на которую мог бы опереться последовательный либеральный подход, — такой работы, к которой мог бы обратиться человек, желающий осмыслить свои идеалы. Есть ряд превосходных исторических трудов, рассказывающих, как развивались «политические традиции Запада». Но хотя они и сообщают нам, что «целью большинства западных мыслителей было создать общество, в котором каждый человек, при минимальной зависимости от дискреционной власти, будет обладать правом определять собственное поведение в рамках предварительно установленных прав и обязанностей и нести ответственность за это»⁴, я не знаю ни одной работы, где разъяснялось бы, что означают эти слова применительно к конкретным проблемам нашего времени или на чем в итоге основана эта идея.

---

⁴ *Watkins F.M.* The Political Tradition of the West: A Study in the Development of Modern Liberalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1948. P. x.

В последние годы было сделано очень много для того, чтобы устранить давно возникшую путаницу вокруг принципов экономической политики свободного общества. Я не хочу недооценивать ту ясность, которая появилась в результате. И все же, несмотря на то что я до сих пор считаю себя преимущественно экономистом, меня все больше и больше одолевает чувство, что в конечном счете ответить на многие насущные общественные вопросы нашего времени можно, только поняв принципы, лежащие за пределами формальной экономической теории или какой-либо другой отдельной дисциплины. Хотя изначально меня интересовали проблемы экономической политики, чтобы исследовать их, я был вынужден постепенно перейти к амбициозной и, возможно, даже самонадеянной задаче полностью переформулировать базовые принципы философии свободы.

Но я не намерен просить прощения за этот рискованный выход далеко за пределы области, в которой я могу претендовать на статус профессионала, владеющего всеми техническими тонкостями. Наверное, подобные попытки следовало бы предпринимать намного чаще, если мы хотим снова отчетливо представлять, какие у нас цели. Работая над этой книгой, я осознал одну вещь: наша свобода во многих сферах жизни находится под угрозой из-за того, что мы слишком часто оставляем решения за экспертами либо крайне некритично относимся к их мнению по вопросам, в которых им досконально известен только один узкий аспект. Но поскольку в этой книге тема вновь и вновь повторяющегося конфликта между экономистом и другими специалистами возникает неоднократно, я хочу сразу внести ясность: экономист *не* может претендовать на то, что обладает особым знанием, которое давало бы ему право координировать усилия всех других специалистов⁵. Он может претендовать только на то, что, в силу профессиональной работы с ситуациями, для которых характерен конфликт целей, он лучше других знает, что ни один человеческий ум не способен охватить все знание, которое направляет жизнедеятельность общества, и что из этого вытекает потребность в безличном, не зависящем от индивидуальных суждений механизме, координирующем усилия отдельных людей. Тот факт, что экономист имеет дело с безличными общественными процессами, в которых используется больше знания, чем его может быть у любого человека или любой организованной группы людей, делает его неизменным противником амбиций других специалистов, требующих контрольных полномочий, поскольку, как им кажется, их знание учитывается недостаточно.

---

⁵ О проблеме «эксперткратии» см.: *Kuhn M. Herrschaft der Experten? An den Grenzen der Demokratie.* Würzburg: Werkbund-Verlag, 1961, и более ранние работы Куна, упомянутые в этой его книге. [Здесь и далее вспомогательным шрифтом выделены примечания и части примечаний, добавленные Хайеком в немецкоязычное издание «Конституции свободы» 1971 года (*Hayek F.A. con. Die Verfassung der Freiheit.* Tübingen: J.C.B. Mohr Verlag, 1971) и воспроизведенные в недавнем критическом издании книги (*Idem. The Constitution of Liberty: The Definitive Edition* / Ed. Ronald Hamowy // *The Collected Works of F.A. Hayek.* Chicago: University of Chicago Press, 2011. Vol. 17). — *Ред.*]

В одном отношении эта книга одновременно и более, и менее амбициозна, чем может ожидать читатель. Она не касается проблем какой-либо конкретной страны или исторического момента, но, по крайней мере в первых главах, рассматривает принципы, претендующие на универсальную значимость. Идея и план книги зародились после того, как я осознал, что веру в свободу во всем мире подорвали одни и те же интеллектуальные тенденции, под разными именами и личинами. Если мы хотим действительно бороться с этими тенденциями, нам следует понять те общие элементы, которые лежат в основе всех их проявлений. Нам надо также помнить, что традиция свободы не является исключительным порождением какой-либо одной страны и что даже сейчас нет ни одного народа, который бы единовластно владел ее секретом. Меня здесь интересуют главным образом не конкретные учреждения или направления политики США или Великобритании, а принципы, которые были разработаны этими странами из основ, заложенных древними греками, итальянцами периода раннего Возрождения, голландцами, и важный вклад в развитие которых внесли французы и немцы. Кроме того, я не собираюсь излагать подробную политическую программу, а всего лишь хочу сформулировать критерии, по которым следует оценивать, соответствуют ли те или иные меры режиму свободы. Если бы я счел, что мне по плечу написать всеобъемлющую политическую программу, это противоречило бы самому духу моей книги. Такая программа в конце концов должна вырасти из приложения общей философии к текущим проблемам.

Хотя невозможно дать адекватное описание идеала без постоянного сопоставления его с другими идеалами, критика не главная задача этой книги⁶. Я стремлюсь распахнуть двери для будущего развития, а не запечатать их, или, лучше сказать, не допустить, чтобы они закрылись, что неизбежно происходит, когда государство присваивает контроль над определенными процессами развития. Я делаю акцент на положительной задаче совершенствования наших институтов, и хотя могу лишь указать желательные направления развития, меня все-таки больше заботят пути, которые должны быть открыты, чем расчистка завалов.

Будучи изложением общих принципов, эта книга должна касаться преимущественно базовых вопросов политической философии, но в ней затрагиваются и более реальные проблемы. В первой из трех частей

---

⁶ Я надеюсь, что не заслужу напоминания, которое Сэмюэл Т. Колридж адресовал Эдмунду Бёрку и которое особенно важно в наше время: «Это скверная политика — представлять политическую систему как не имеющую никакой привлекательности, но созданную только для грабителей и убийц, как возникшую не естественным путем, а рожденную в мозгах глупцов или безумцев, в то время как опыт доказал, что великая опасность системы состоит в своеобразной привлекательности, с помощью которой она рассчитывает влиять на благородные и наделенные богатым воображением характеры, на всех тех, кто в милой опьяненности юношеской доброжелательностью склонен принимать свои собственные лучшие достоинства и способности за рядовые особенности и черты человеческого характера» (The Political Thought of Samuel Taylor Coleridge / Ed. by R.J. White. London: Jonathan Cape, 1938. P. 235–236).

предпринимается попытка показать, почему нам нужна свобода и что она нам дает. Эта часть включает в себя анализ факторов, определяющих рост всех цивилизаций, и вынуждена быть теоретической и философской — если последнее слово подходит для описания области, где пересекаются политическая теория, этика и антропология.

Затем следует анализ институтов, которые западный человек выработал для того, чтобы обеспечивать себе личную свободу. Здесь мы вступаем в область юриспруденции, проблемы которой будем рассматривать в исторической перспективе. Но все же мы говорим об этой эволюции не с точки зрения юриста или историка. Нас интересует только развитие идеала, в большинстве случаев лишь смутно различимого и весьма несовершенно реализованного, который до сих пор нуждается в дальнейшем прояснении, если мы хотим, чтобы он служил ориентиром в решении проблем нашего времени.

В третьей части книги эти принципы будут применены к ряду нынешних ключевых экономических и социальных проблем. Здесь я рассматриваю вопросы, принадлежащие тем областям, где ошибка в выборе среди имеющихся возможностей, вероятнее всего, угрожает свободе. Их обсуждение должно проиллюстрировать, сколь часто разные методы достижения одних и тех же целей могут либо укрепить, либо уничтожить свободу. Это преимущественно вопросы, в которых одна лишь экономическая теория не может служить руководством для выработки политики и для адекватного решения которых нужны более широкие рамки. Но, конечно, сложные проблемы, порождаемые каждым из этих вопросов, невозможно рассмотреть здесь полностью. Их обсуждение служит в основном иллюстрацией того, что является главной целью этой книги: показать взаимосвязь философии, юриспруденции и пока еще не созданной экономической теории свободы.

Эта книга создавалась для того, чтобы помочь понять, а не для того, чтобы воодушевлять. Когда пишешь о свободе, искушение обратиться к эмоциям почти непреодолимо, но я стремился писать как можно более сдержанно. Хотя чувства, вызываемые такими выражениями, как «достоинство человека» и «красота свободы», благородны и достойны похвалы, им нет места в рациональном убеждении. Я осознаю опасность, сопутствующую такому хладнокровному и чисто интеллектуальному подходу к идеалу, вызывающему у многих священный трепет, идеалу, который непреклонно отстаивали многие из тех, для кого он никогда не составлял интеллектуальной проблемы. Я не думаю, что дело свободы может победить, если мы не будем испытывать эмоций. Но хотя мощные инстинкты, всегда питавшие борьбу за свободу, служат незаменимой опорой, они не могут быть ни надежным ориентиром, ни защитой от ошибок. Те же благородные чувства часто служили самым извращенным целям. Однако еще важнее, что аргументы, подорвавшие устои свободы, принадлежат главным образом к интеллектуальной сфере, и поэтому противостоять им мы должны именно в этой области.

Некоторым читателям может показаться, что я не принимаю ценность индивидуальной свободы в качестве бесспорной нравственной предпосылки и что, пытаясь продемонстрировать ее ценность, я, возможно, свожу аргументы в ее пользу к вопросу о целесообразности. Это лишь видимость. Но если мы хотим убедить тех, кто еще не разделяет наших нравственных предпосылок, мы не должны считать их чем-то само собой разумеющимся. Мы должны показать, что свобода — это не просто одна из ценностей, но что она — источник и условие большинства моральных ценностей⁷. Свободное общество предлагает человеку намного больше того, что он мог бы сделать, будь свободным только он один. Поэтому мы не способны в полной мере оценить значимость свободы до тех пор, пока не поймем, чем общество свободных людей как целое отличается от общества, где господствует несвобода.

Я должен также предупредить читателя: не следует рассчитывать, что обсуждение всегда будет вестись на уровне высоких идеалов или духовных ценностей. На практике свобода зависит от очень прозаических вещей, и те, кто озабочен ее сохранением, должны доказать свою преданность вниманием к повседневным проблемам общественной жизни и усилиями в решении вопросов, которые идеалист часто склонен трактовать как банальные или даже низменные. Что касается интеллектуальных лидеров движения за свободу, их внимание слишком часто ограничивалось теми ее аспектами, которые наиболее близки их сердцу, и они пренебрегали необходимостью осмыслить значимость ограничений свободы, которые их лично напрямую не касаются⁸.

Раз основная часть обсуждения должна быть сухой и лишенной эмоций, то начинается оно, в силу необходимости, еще более прозаично. Значение ряда незаменимых слов сегодня настолько размылось, что важно с самого начала договориться о том, в каком смысле мы будем их употреблять. Больше всего пострадали слова, означающие свободу: *freedom* и *liberty*. Ими так злоупотребляли и их смысл был искажен до такой степени, что стало возможным утверждать: «Слово „свобода“ не означает ничего, если

---

⁷ См.: «Свобода это не ценность, а основа ценности» (из предисловия Уистена Хью Одена к книге: *James H. The American Scene: Together with Three Essays from "Portraits of Places"*. New York: Charles Scribner's Sons, 1946. P. xviii); «Свобода — это почва, необходимая для полноценного роста других ценностей» (*Bay C. The Structure of Freedom*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958. P. 19; эта работа была опубликована слишком поздно, а потому только упомянута в отдельных примечаниях). См. также: «Мир в целом более выиграет от свободы, без ноей не может существовать добродетель» (*Burke E. Reflections on the Revolution in France* // *Idem. Selected works* / Ed. by Ed.J. Payne. Oxford: Clarendon Press, 1874. Vol. 2. P. 122 [Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. С. 183–184]).

⁸ См.: «К сожалению, идея свободы была выхолощена посвященными ей литературными трудами. <...> Понятие свободы было сведено к образу предающихся созерцанию людей, шокирующих свое поколение. Когда мы думаем о свободе, то склонны ограничиваться свободой мысли, свободой печати, свободой религиозных убеждений. <...> Этот подход насквозь ошибочен. <...> Литература о свободе посвящена почти исключительно излишества. <...> На деле же свобода действий есть первостепенная потребность человека» (*Whitehead A.N. Adventure of Ideas*. New York: New American Library, 1955. P. 73).

не задан определенный контекст, а с помощью небольших манипуляций ему можно придать любое содержание, какое вы только пожелаете»⁹. Поэтому мы начнем с объяснения, какая свобода является нашим предметом. Определение понятия не будет точным до тех пор, пока мы не исследуем другие почти столь же расплывчатые понятия: «принуждение», «произвол» и «закон» — без которых не обойтись при обсуждении проблемы свободы. Однако анализ этих понятий отложен до начала второй части, и скучный разбор смысла слов не станет большой помехой на нашем пути к более существенным вопросам.

В этой попытке заново сформулировать философию совместной жизни людей, медленно развивавшуюся на протяжении более двух тысяч лет, меня воодушевлял тот факт, что она неоднократно возрождалась из пучины невзгод с новой силой. Последние несколько поколений были свидетелями одного из периодов ее упадка. Если некоторым читателям, особенно в Европе, эта книга покажется разбором оснований уже не существующей системы, то я отвечу: чтобы наша цивилизация избежала упадка, эту систему необходимо возродить. Лежащую в ее основе философию охватил застой именно в тот момент, когда она была на пике влияния, и в то же время она очень часто переживала прогресс, находясь в обороне. На протяжении последних ста лет ее развитие было незначительным, и по сей день она занимает оборонительные позиции. Но именно атаки на нее и показали нам уязвимые места в ее традиционной форме. Не нужно быть мудрее великих умов прошлого, чтобы иметь возможность лучше осмыслить важные условия индивидуальной свободы. Опыт последних ста лет научил нас многому, чего не могли понять ни Мэдисон, ни Милль, ни Токвиль, ни Гумбольдт.

Ответ на вопрос о том, настал ли момент возрождения этой традиции, будет зависеть не только от успеха нашей попытки ее усовершенствовать, но и от характера нашего поколения. Ее отвергли, когда амбиции людей стали безграничны, потому что она представляет собой скромный и даже смиренный символ веры, основанный на низкой оценке разума и способностей человека и на осознании того, что в тех рамках, в которых мы можем планировать, даже лучшее из обществ не удовлетворит всех наших желаний. Эта традиция столь же далека от перфекционизма, как и от спешки и нетерпения страстного реформатора, чье негодование по поводу отдельных изъянов часто делает его слепым к несправедливости и вреду, к которым приводит реализация его планов. Честолюбие, нетерпеливость и спешка могут казаться привлекательными в отдельных людях, но они губительны, когда ими руководствуется принуждающая сила и когда усовершенствования проводятся теми, кто, получив в свои руки власть принуждать, считает, что в их власти заключена высшая мудрость и что они имеют право навязывать другим свои убеждения. Надеюсь, наше

---

⁹ *Becker C.L.* New Liberties for Old. New Haven: Yale University Press, 1941. P. 4.

поколение усвоило, что именно перфекционизм того или иного рода часто уничтожал добропорядочность общества, какой бы она ни была¹⁰. Ставя более узкие цели, вооружившись терпением и скромностью, мы сможем на деле продвинуться дальше и быстрее, чем если будем руководствоваться «гордой и предельно самонадеянной верой в невероятную мудрость этого века и его проницательность»¹¹.

---

¹⁰ Давид Юм, который на протяжении последующих страниц будет нашим неизменным спутником и мудрым советчиком, уже в 1742 году говорил о «великом философском стремлении к совершенству, которое, под предлогом исправления предрассудков и заблуждений, покушается на самые подкупающие чувства и самые полезные склонности и инстинкты, которые только могут направлять человека» и предостерегал нас от того, чтобы «слишком отдаляться от общепринятых требований к манерам и поведению в изысканном поиске счастья или совершенства» (*Hume D. Of Moral Prejudices // Hume. Essays. Vol. 2. P. 371, 373*).

¹¹ *Wordsworth W. The Excursion: Being a Portion of The Recluse; A Poem. London: Printed for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1814. Pt. 2. P. 62.*

Ценность свободы

На протяжении всей истории ораторы и поэты восхваляли свободу, но ни один не сказал нам, почему она так важна. Наше отношение к такого рода вещам должно зависеть от того, считаем ли мы цивилизацию неизменной или развивающейся. <...> В развивающемся обществе... любое ограничение свободы уменьшает число вещей, проверенных опытом, и тем самым замедляет ход прогресса. В таком обществе свобода действовать предоставлена индивиду не потому, что она приносит ему большую удовлетворенность, а потому, что если ему будет предоставлена возможность действовать по собственному усмотрению, то в конечном итоге он будет служить всем нам лучше, чем если бы он следовал каким бы то ни было указаниям, которые мы сами могли бы ему дать.

— Г.Б. Филипс

Глава 1

Свобода и свободы

В этом мире никогда не было хорошего определения слова «свобода», а как раз сейчас американский народ в нем очень нуждается. Мы все заявляем о приверженности свободе, но, употребляя одно и то же слово, мы имеем в виду не одно и то же... Есть две не только разные, но даже несовместимые вещи, именуемые одним и тем же словом «свобода».

— Авраам Линкольн

1. В этой книге нас будет интересовать то состояние людей в обществе, когда принуждение со стороны одних по отношению к другим сведено к минимуму, насколько это возможно. Такое состояние мы будем обозначать как состояние вольности (*liberty*) или свободы (*freedom*)¹. Эти два слова используются и для описания многих других приятных сторон жизни. Поэтому было бы не очень разумно сразу начинать с вопроса о том, что они значат на самом деле². Как кажется, лучше начать с характеристики

— The Writings of Abraham Lincoln / Ed. by A.B. Lapsley. New York: G.P. Putnam's Sons, 1905. Vol. 7. P. 121. См. сходное высказывание Монтескье: «Нет слова, которое получило бы столько разнообразных значений и производило бы столь различное впечатление на умы, как слово „свобода“. Одни называют свободой легкую возможность низлагать того, кого они наделись тиранической властью; другие — право избирать того, кому они должны повиноваться; третьи — право носить оружие и совершать насилие; четвертые видят ее в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам» (*Montesquieu. Spirit of the Laws. P. 149 [Монтескье. О духе законов. С. 136]*).

¹ По-видимому, не существует принятых различий в значении слов *freedom* и *liberty*, и мы будем использовать их как синонимы. Хотя лично я предпочитаю первое, похоже, что *liberty* допускает меньше злоупотреблений. Вряд ли его можно было бы использовать в знаменитом каламбуре Франклина Д. Рузвельта, включившего в свою концепцию свободы «свободу от нужды» (*freedom from want*) (*Robinson J. Private Enterprise or Public Control. London: Association for Education in Citizenship, 1943*).

² О том, сколь невелика польза даже очень проницательного семантического анализа термина «свобода», свидетельствует книга Мориса Крэнстона «Свобода: новый анализ» (*Cranston M. Freedom: A New Analysis. New York: Longmans, Green, and Co., 1953*), которая будет поучительной для читателей, желающих познакомиться с тем, как философы запутываются в собственных попытках тщательно определить это понятие. Более серьезный обзор различных значений этого слова см. в книге, с которой мне посчастливилось ознакомиться в рукописи: *Adler M. The Idea of Freedom: A Dialectical Examination of Conceptions of Freedom. Garden City, NY: Doubleday, 1958*, и в еще более полной работе Гарольда Офстада: *Ofstad H. An Inquiry into the Freedom of Decision. Oslo: Norwegian University Press; Stockholm: Svenska bokförlaget, 1961*.

того состояния, которое мы подразумеваем, употребляя эти слова, а затем уже рассмотреть другие их значения — только для того, чтобы точнее определить основное.

Состояние человека, в котором он не подвергается принуждению на основании произвольных решений другого или других³, часто определяется как «индивидуальная» или «личная» свобода, и когда нам понадобится напомнить читателю, что мы употребляем слово «свобода» именно в этом смысле, мы будем называть ее именно так. Иногда в этом же смысле используется выражение «гражданская свобода», но мы будем его избегать, потому что его легко спутать с тем, что называют «политической свободой», — это неизбежная путаница, вытекающая из того факта, что слова «гражданский» (civil) и «политический» (political) происходят соответственно от латинского и греческого слов, имеющих одинаковое значение⁴.

Даже наше предварительное определение того, что мы будем понимать под словом «свобода», показывает, что оно обозначает состояние, к которому человек, живущий среди себе подобных, может мечтать приблизиться,

---

³ См. «Метафизику» Аристотеля, 1.2.8 (982b): «Свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого» [перевод А.В. Кубицкого], и «Два отрывка о свободе» Лейбница: «Daher kam ich der Meinung derer nahe, es sei für die Freiheit genug, daß das Geschehen dem Zwange nicht unterworfen ist, wenngleich es der Notwendigkeit untersteht» [«Я был весьма близок к тем, кто... полагает, что для свободы достаточно отсутствия принуждения, хотя она и подчиняется необходимости»] (*Leibniz G.W. Über die Freiheit // Leibniz G.W. Philosophische Werke: Hauptschriften zur Grundlegung der Philosophie / Ed. by A. Buchenau and E. Cassirer. Leipzig: Verlag der Dürr'schen Buchhandlung, 1906. Vol. 2. P. 497 [Лейбниц Г. Два отрывка о свободе // Он же. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 312]*). Ср.: «Тогда свобода может быть двух или даже более видов в зависимости от числа сторон, откуда может исходить принуждение, то есть ее отсутствие» (*Bentham J. The Limits of Jurisprudence Defined: Being Part Two of an Introduction to the Principles of Morals and Legislation / Ed. by C.W. Everett. New York: Columbia University Press, 1945. P. 59*). См. также: «Der negative Status (status liberatatis)» [«Геративный статус»] (*Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr, 1905. Ch. 8. P. 94–114*); «Freiheit bedeutet je den Gegensatz zum Zwang, der Mensch ist frei, wenn er nicht gezwungen handelt» [«Свобода означает противоположность принуждению; человек свободен, если он не действует по принуждению»] (*Schlick M. Fragen der Ethik. Vienna: J. Springer, 1930. P. 110*); «Первичное значение свободы в обществе... это всегда понятие отрицательное... и на самом деле следует определить термин принуждение» (*Knight F.H. The Meaning of Freedom // The Philosophy of American Democracy / Ed. by C.M. Perry. Chicago: University of Chicago Press, 1943. P. 75*), и более полное обсуждение вопроса у того же автора в работах «Значение свободы» (*Knight F.H. The Meaning of Freedom // Ethics. № 52. 1941. P. 86–109*) и «Конфликт ценностей: свобода и справедливость» (*Knight F.H. Conflict of Values: Freedom and Justice // Goals of Economic Life / Ed. by A. Dudley Ward. New York: Harper, 1953*); «Формула „свобода равнозначна отсутствию принуждения“ по-прежнему остается верной... из этой формулы, по существу, следует вся рациональная правовая система цивилизованного мира. <...> Это тот элемент концепции свободы, от которого мы никогда не должны отказываться» (*Neumann F.L. The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1957. P. 202*); «Среди всех целей свободы, цель наибольшей свободы каждого от принуждения должна быть главным приоритетом» (*Bay C. The Structure of Freedom. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958. P. 94*).

⁴ В настоящее время выражение «гражданская свобода» (civil liberty) используется преимущественно для обозначения тех проявлений личной свободы, которые особенно важны для функционирования демократии, таких как свобода слова, собраний и печати, а в США, в частности, для обозначения возможностей, гарантируемых Биллем о правах. Даже термин «политическая свобода» (political liberty) порой используется для обозначения, особенно в противопоставлении с термином «внутренняя свобода» (inner liberty), не коллективной свободы, как это будем делать мы, а личной свободы. Но хотя такое словоупотребление санкционировано Монтескье, в наши дни оно может только вызвать путаницу.

но которое вряд ли достижимо целиком и полностью. Поэтому задачей политики свободы должно быть сведение к минимуму принуждения и его пагубных последствий, даже если полностью избежать его невозможно.

Так уж получается, что понятие свободы, о котором мы будем говорить в нашей книге, — исходное значение этого слова⁵. Человек, по крайней мере европеец, входит в историю свободным или несвободным, и у этого разделения есть вполне определенный смысл⁶. Свобода свободных могла быть очень разной, но эти различия относились к степени той независимости, которой у рабов не было вовсе. Она всегда означала возможность действовать в соответствии с собственными решениями и планами, в отличие от положения человека, неизменно подчиненного воле другого, который своими произвольными решениями мог принуждать его к определенным действиям или бездействию. Свобода, понимаемая таким образом, долгое время описывалась выражением «независимость от произвольной воли другого».

Это старейшее значение слова «свобода» порой объявлялось примитивным, но если учесть всю путаницу, созданную попытками философов очистить или улучшить его, лучше его все-таки принять. Важно не только то, что оно исходное; еще важнее, что оно стоит особняком и описывает одну и только одну вещь — состояние, к которому мы стремимся по причинам, отличающимся от тех, которые заставляют нас желать иных вещей, также именуемых «свободой». Мы увидим, что, строго говоря, разнообразные «свободы» представляют собой не разные виды, принадлежащие к одному роду, а совершенно разные состояния, часто противоречащие друг другу, а потому требующие четкого разграничения. Хотя в некоторых других отношениях есть основания говорить о разных видах свободы, о «свободе от»

---

⁵ См.: «Изначально свобода означала качество или статус свободного человека или свободного производителя в отличие от раба» (*Barker E. Reflections on Government. London: Oxford University Press, 1942. P. 1-2*). Этимологически прагерманский корень, ныне принятый в английском языке форму *free* (свободный), обозначал положение защищенного члена сообщества: «„Frei“ hiess ursprünglich derjenige, der nicht schutz- und rechtlos war» [«Изначально „свобода“ означает незащищенное и бесправное существование»] (*Neckel G. Adel und Gefolgschaft: Ein Beitrag zur germanischen Altertumskunde // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. [1916.] № 41. Особенно с. 403*). См. также: *Schrader O. Sprachvergleichung und Urgeschichte: Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums / 3rd ed. Jena: H. Costenoble, 1906-1907. Vol. 2. Pt. 2: Die Urzeit. 1907. P. 294; Waas A. Die alte deutsche Freiheit. Ihr Wesen und ihre Geschichte. Munich; Berlin: R. Oldenburg, 1939. P. 10-15*. Сходным образом, латинское *liber* и греческое *eleutheros*, по видимому, происходят из слов, обозначающих принадлежность к племени. Значимость этого станет ясна позднее, когда мы будем анализировать отношение между законом и свободой. См. также: «Точно так же в примитивных обществах существуют гражданские свободы, главная особенность которых состоит в том, что они гарантированы всем людям без дискриминации. Везде, где эти привилегии и гарантии, на которые у всех членов общества есть неотчуждаемое право, имеют важное значение в глазах племени, люди считают себя свободными, пользующимися всеми дарами свободы независимо от формы правления» (*Benedict R.F. Primitive Freedom // Atlantic Monthly. 1942. № 169. P. 760*).

⁶ «Historisch ist die Begriffsentwicklung aber so verlaufen, daß erst das Vorhandensein von Unfreien, von Sklaven, bei den anderen das Gefühl der Freiheit weckte» [«Исторически именно существование несвободных людей, рабов, породило у других ощущение, что они сами являются свободными»] (*Pohlentz M. Griechische Freiheit: Wesen und Werden eines Lebensideals. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1955*).

и «свободе для», в нашем смысле «свобода» едина, разнясь лишь по степени, но не по существу.

В этом смысле «свобода» характеризует исключительно отношение одних людей к другим⁷ и может быть нарушена только принуждением, осуществляемым людьми. Это означает, в частности, что набор физических возможностей, из которых человек может выбирать в любой данный момент времени, не имеет непосредственного отношения к свободе. Скалолаз на опасном склоне, видящий только один путь к спасению, бесспорно свободен, хотя никто не скажет, что у него есть какой-либо выбор. И большинство людей чувствуют исходное значение слова «свобода» достаточно хорошо, чтобы понять, что когда этот скалолаз провалится в ледниковую трещину, откуда ему не выбраться, то его можно будет назвать «несвободным» только в переносном смысле, и что сказать о нем «лишился свободы» или «оказался в плену», значит употребить эти термины совсем в ином смысле, чем они употребляются при описании общественных отношений⁸.

Вопрос о том, сколько возможных вариантов действия есть у человека, разумеется, очень важен. Но это отдельный вопрос, отличающийся от того, в какой мере человек в своих действиях может следовать собственным планам и намерениям, в какой мере модель его поведения является следствием его собственного замысла, направленного на достижение результатов, к которым он целенаправленно стремится, а не следствием необходимости, формируемой другими, чтобы заставить его сделать то, чего хотят они. Свободен он или нет, зависит не от широты возможностей выбора, а лишь от того, может ли он рассчитывать, что будет определять свои действия в соответствии со своими намерениями, или у кого-то есть возможность управлять обстоятельствами так, чтобы заставить его действовать в соответствии с желаниями других, а не по его собственному усмотрению. Свобода, таким образом, предполагает, что у человека есть некая защищенная

---

⁷ См.: «Что касается смысла, придаваемого „свободе“, следует, разумеется, признать, что всякое использование этого термина для выражения чего-либо, помимо общественных и политических отношений между человеком и другими людьми, является метафорой. Даже в исходном употреблении его смысл никоим образом не постоянен. Всегда предполагается некое исключение из сферы принуждения со стороны других, но степень и условия этого исключения, которым обладает „свободный“ в разных обществах, очень разнообразны. Когда термин „свобода“ применяется к чему-либо другому, нежели установленные отношения между человеком и другими людьми, его смысл делается намного менее определенным» (*Green T.H. Lectures on the Principles of Political Obligation* [1895] / New impr. London: Longmans, Green, and Co., 1911. P. 3). См. также: «Свобода есть понятие социологическое. Не имеет смысла применять его к ситуациям вне общественных связей» (*Mises L. con. Socialism* / New ed. New Heaven: Yale University Press, 1951. P. 191 [*Мизес Л. фон. Социализм*. М.: Catallaxy, 1993. С. 128]), «В этом и состоит внешняя свобода человека — он независим от произвольной власти других» (*Ibid.* P. 194 [Там же. С. 129]).

⁸ См.: «Если бы Крузо свалился в яму или застрял в непролазных кустах, было бы вполне корректно сказать, что он оттуда освобождается (*freeing himself*) или возвращает себе свободу (*regaining his liberty*), — это применимо и по отношению к животному» (*Knight F.H. Review: The Meaning of Freedom // Ethics*. 1941–1942. Vol. 12. P. 93). Сегодня такое словопотребление, наверное, стало обычным, но все-таки оно относится к иной концепции свободы, чем отстаиваемое профессором Найтом отсутствие принуждения.

частная сфера, что в его окружении есть такие обстоятельства, в которые другие не могут вмешиваться.

Чтобы уточнить эту концепцию свободы, нужно проанализировать связанное с ней понятие принуждения (coercion). И мы будем этим систематически заниматься после того, как обсудим, почему так важна эта свобода. Но прежде нам следует более точно описать особенности нашего понятия, сопоставив его с другими значениями слова «свобода». У них есть одно свойство, общее с исходным значением: они все относятся к состояниям, которые большинство людей считают желательными; но есть и другие связи между различными значениями, объясняющие, почему для них используется одно и то же слово⁹. Тем не менее наша непосредственная задача заключается в том, чтобы как можно резче очертить различия между ними.

2. Первое значение понятия «свобода», с которым мы должны сравнить наше употребление этого термина, как правило, считается отдельным¹⁰. Это то, что обычно называется «политической свободой», то есть участие людей в выборе своего правительства, в законодательном процессе и в контроле над деятельностью администрации. Оно происходит от нашего концепта свободы, примененного к большим группам людей, понимаемым как целое, что дает им своего рода коллективную свободу. Но свободный народ в этом смысле слова — вовсе не обязательно народ, состоящий из свободных людей, и наоборот, человеку не нужно быть коллективно свободным, чтобы обладать личной свободой. Вряд ли можно утверждать, что люди, проживающие в округе Колумбия, или резиденты, не имеющие гражданства США, или те, кто не достиг избирательного возраста, не обладают

---

⁹ Похоже, что лингвистической причиной использования прилагательного «свободный» (free) и соответствующих существительных в различных значениях было отсутствие в английском (и, вероятно, во всех германских и романских языках) прилагательных, передававших идею отсутствия чего-либо. «Лишенный» (devoid) или «недостающий» (lacking) обозначают в общем случае отсутствие чего-то желательного или обычно присутствующего. Но нет ни одного прилагательного (помимо «свободный»), которое обозначало бы отсутствие чего-то нежелательного или чуждого. Обычно мы говорим, что что-то свободно от паразитов, примесей или дефектов (free of vermin, of impurities, or of vice), и таким образом свобода стала обозначать отсутствие чего-либо нежелательного. Сходным образом, когда мы хотим сказать, что некто действует сам по себе, а не под действием или влиянием внешних факторов, мы говорим, что он свободен от каких-либо посторонних влияний. В науке мы говорим даже о «степенях свободы», когда имеются различные возможности, не подверженные действию известных или предполагаемых определяющих факторов (ср.: *Cranston M. Freedom: A New Analysis*. New York: Longmans, Green, and Co., 1953. P. 5). См. также высказывание из сборника великолепных эссе Стэнли Исаака Бенна и Ричарда Стэнли Питерса: «Всякое состояние может быть описано через отсутствие его противоположности. Если здоровье — это „свобода от болезни“, а образование — „свобода от невежества“, то не существует такого аспекта социальной организации или деятельности, который нельзя было бы назвать „свободой“. Но за это превращение „свободы“ во всеобъемлющую социальную цель приходится платить тем, что она лишается всякого нормативного содержания, сохраняя лишь некие нормативные коннотации, и становится синонимом других слов, выражающих одобрение, таких как „хороший“ и „желательный“» (*Benn S.I., Peters R.S. Social Principles and the Democratic State*. London: Allen and Unwin, 1959. P. 112).

¹⁰ Это отчетливое различие «свободы» (freedom) как чередование ролей управляющего и управляемого и «свободы» (liberty) в смысле возможности каждому жить так, как ему хочется, обнаруживается уже у Аристотеля: «Одно из условий свободы — по очереди быть управляемым и править» (Политика, 6,3 (1317b) [перевод С.А. Жебелева]).

полнотой личной свободы, на том основании, что они не участвуют в реализации свободы политической¹¹.

Было бы равно абсурдным утверждать, что молодые люди, только вступающие в активную жизнь, свободны, так как уже согласились с общественным строем, при котором появились на свет и которому они, возможно, не знают альтернативы, который не могут изменить, не достигнув зрелого возраста, — пусть даже речь идет о целом поколении людей, мыслящих не так, как их родители. Но это не делает их несвободными, да и не должно делать. Взаимосвязь, которую часто ищут между таким согласием с политическим строем и индивидуальной свободой, — один из источников нынешней путаницы вокруг ее значения. Разумеется, любой имеет право «отождествить свободу... с активным участием в отправлении государственной власти и в публичном правотворчестве»¹². Но следует отдавать себе отчет, что в этом случае речь идет не о том состоянии, которое нас здесь интересует, и что распространенная практика употребления одного и того же слова для столь разных состояний не означает, что одно является, хоть в каком-нибудь смысле, эквивалентом или заменой другого¹³.

Опасность этой путаницы в том, что такое словоупотребление обычно затемняет тот факт, что человек может проголосовать за собственное рабство или продаться в рабство, отказавшись тем самым от свободы в изначальном смысле. Вряд ли мы будем утверждать, что человек, добровольно и бесповоротно продавший свои услуги на долгие годы военной организации вроде Иностранного легиона, остается свободным в нашем смысле слова; или что свободен иезуит, живущий в соответствии с идеалами основателя ордена и мыслящий себя «трупом, не имеющим ни разума, ни воли»¹⁴. Мы были свидетелями того, как миллионы голосовали за свою

---

¹¹ Если следовать Гарольду Ласки, то всех их надо было бы признать несвободными, поскольку он доказывал, что «право... голоса является основополагающим для свободы; и гражданин, не допущенный к выборам, несвободен» (*Laski H.J. Liberty in the Modern State* / New ed. London: Allen and Unwin, 1948. P. 6). Аналогичным образом определив свободу, Ханс Кельзен триумфально завершил свое рассуждение выводом, что «попытки выявить существенную связь между свободой и собственностью... провалились», хотя все, кто утверждал наличие такой связи, говорили о личной свободе, а не о политической (*Kelsen H. Foundations of Democracy // Ethics*. 1955. Vol. 66. № 1. Pt. 2. P. 94).

¹² *Mims E., jr. The Majority of the People*. New York: Modern Age Books, 1941. P. 170.

¹³ См.: «Наконец, ввиду того что в демократиях народ, по-видимому, может делать все, что хочет, свободу приурочили к этому строю, смешав, таким образом, власть народа со свободой народа» (*Montesquieu. Spirit of the Laws*. Vol. 1. P. 150 [*Монтескье. О духе законов*. С. 288]).

См. также: «Участвовать своим голосом в принятии законов — значит иметь долю, какой бы она ни была, в отправлении власти; жить в государстве, где законы равны для всех и где они заведомо исполняются... значит быть свободным» (*Lolme J.L. de. The Constitution of England, or, An Account of the English Government: In Which It Is Compared Both with the Republican Form of Government, and the Other Monarchies in Europe [1784]* / New ed. London: G.G. and J. Robinson, 1800. P. 240).

См. также отрывки, цитируемые в примечаниях 2 и 5 к главе 7.

¹⁴ Уильям Джеймс цитирует письмо Игнатия Лойолы, содержащее следующее описание надлежащего состояния ума иезуита: «Я должен быть мягким воском в руках моего начальника, вещью, с которой он может сделать все, что пожелает: может заставить меня писать письма, разговаривать или не разговаривать с таким-то человеком и тому подобные вещи; я же должен прилагать все свое старание, чтобы точно и аккуратно выполнить данное мне

полную зависимость от тирана, и, наверное, это заставило наше поколение понять, что возможность выбирать своих правителей не гарантирует свободы. Более того, не имело бы никакого смысла обсуждать ценность свободы, если бы любой режим, одобренный народом, по определению был режимом свободы.

Применение понятия «свобода» к коллективу, а не к индивидам, совершенно ясно, например, в том случае, когда мы говорим о стремлении народа освободиться от иноземного ига и самому определять свою судьбу. В этом случае мы используем слово «свобода» в смысле отсутствия принуждения по отношению к народу в целом. Сторонники личной свободы в целом сочувствовали такому стремлению к национальной свободе, что привело к устойчивому, хотя и обременительному союзу между либералами и националистическими движениями в XIX веке¹⁵. Но хотя идеи национальной и индивидуальной свободы сходны, они не тождественны; и стремление к первой не всегда увеличивает последнюю. Стремление к национальной свободе порой приводило к тому, что люди предпочитали правление близкого по крови деспота вместо либерального правления чуждого большинства; нередко это служило поводом к введению безжалостных ограничений индивидуальной свободы для членов меньшинств. Хотя желание личной свободы и желание свободы группы, к которой принадлежит индивид, часто опираются на сходные чувства и переживания, все-таки необходимо четко разделять эти два понятия.

3. Еще одно значение слова «свобода» — свобода «внутренняя» или «метафизическая» (иногда еще «субъективная»)¹⁶. Оно, пожалуй, ближе

приказание. Я должен считать себя трупом, не имеющим ни разума, ни воли; должен уподобиться неодушевленным предметам, которые без сопротивления позволяют всякому переносить себя с места на место; должен быть словно посох в руках старика, который употребляет его сообразно своим потребностям и ставит, куда ему вздумается. Таким я должен быть в руках ордена, чтобы служить ему тем способом, какой признан им наилучшим» (*James W. Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. New York: Longmans, Green, and Co., 1902. P. 314 [Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. С. 248]).

¹⁵ Именно такое представление, хотя оно и исторически ошибочно, преобладало в Германии в начале века. См. рассуждения Фридриха Науманна: *Naumann F. Das Ideal der Freiheit*. Berlin-Schöneberg: Hilfe, 1908. P. 5. Он пишет: «Freiheit ist in erster Linie ein nationaler Begriff. Das soll heißen: Lange ehe man über die Freiheit des einzelnen Volksgenossen stritt und nachdachte, unterschied man freie und unfreie Völker und Stämme» [«Термин „свобода“ ассоциируется в первую очередь с народом. Иначе говоря, задолго до того, как он стал пониматься и толковаться в смысле индивидуальной свободы жителей страны, он употреблялся для различения свободных и несвободных народов или племен»]. Однако из этого вытекало существенное следствие: «Die Geschichte lehrt, daß der Gesamtfortschritt der Kultur gar nicht anders möglich ist als durch Zerbrechung der nationalen Freiheit kleiner Völker» [«История показывает, что общий прогресс культуры возможен только через нарушение национальной свободы малых народов»] и «Es ist kein ewiges Recht der Menschen, von Stammesgenossen geleitet zu werden. Die Geschichte hat entschieden, daß es führende Nationen gibt und solche, die geführt werden, und es ist schwer, liberaler sein zu wollen, als die Geschichte selber ist» [«Иметь своими руководителями единоплеменников не есть вечное право человека. История распорядилась так, что есть ведущие и ведомые народы, и трудно хотеть быть более либеральным, чем сама история»] (p. 13).

¹⁶ Различие между идеями «внутренней» свободы и свободой в смысле отсутствия принуждения отчетливо понимали средневековые схоласты, разграничивавшие *libertas a necessitate* (свободу от неизбежности) и *libertas a coactione* (свободу от принуждения).

к понятию индивидуальной свободы, и по этой причине их легче спутать. Оно характеризует степень, в которой человек в своих действиях руководствуется собственной волей, собственным разумом или устойчивым убеждением, а не минутными импульсами или обстоятельствами. Обычно противоположность «внутренней свободы» не принуждение со стороны других, а влияние мимолетных чувств, моральная неустойчивость или интеллектуальная слабость. Если человек не в состоянии сделать то, что по трезвом размышлении считает необходимым, если в решающий момент его оставляют силы или желание и ему не удается сделать то, что он каким-то образом все еще хочет сделать, мы можем сказать, что он «несвободен», что он «раб своих страстей». Порой мы используем такого рода выражения, когда говорим, что невежество или предрассудки мешают людям делать то, что они сделали бы, обладай они знанием, и заявляем, что «знание делает свободным».

Способен ли человек осуществлять разумный выбор между альтернативами и придерживаться принятого решения — это совсем другая проблема, нежели вопрос о том, могут или не могут другие навязывать ему свою волю. Какая-то связь между ними есть: например, будут ли одни и те же условия для одних принуждением, а для других — обычными трудностями, которые надо преодолеть, зависит от силы воли человека. И в этой мере «внутренняя свобода» и «свобода» как отсутствие принуждения будут совместно определять, насколько человек способен с пользой применить свое знание о возможностях. Причина, по которой очень важно проводить четкое различие между этими двумя понятиями, заключается в связи между концепцией «внутренней свободы» и философской путаницей в вопросе о «свободе воли». Мало какие убеждения способствовали дискредитации идеала свободы так сильно, как ошибочное представление, будто научный детерминизм разрушил фундамент личной ответственности. Далее (в главе 5) мы рассмотрим эти вопросы более подробно. Здесь мы просто хотим предостеречь читателя от этой путаницы и связанного с нею софизма, согласно которому мы свободны, только если делаем то, что в некотором смысле должны делать.

4. Смешение понятия индивидуальной свободы с другими понятиями свободы особенно опасно в третьем случае, о котором мы уже упоминали выше: когда словом «свобода» описывают физическую «способность делать то, что хочется»¹⁷, власть удовлетворять свои желания или же обозначают

---

¹⁷ Wootton B. Freedom under Planning. London: Allen and Unwin, 1945. P. 10. Самое раннее из известных мне использований понятия свободы как силы (власти) встречается у Вольтера в «Невежественном философе» (*Le Philosophe ignorant*), которого цитирует Бертран де Жувенель: «Être véritablement libre, c'est pouvoir. Quand je peux faire ce que je veux, voilà ma liberté» [«Быть поистине свободным — это обладать силой. Когда я могу сделать то, что я хочу, тогда я свободен»] (*Jouvenel B. de. De la souveraineté, à la recherche du bien politique*. Paris: M.T. Génin, 1955. P. 315). По-видимому, с тех пор это смешение так и остается тесно связанным с тем, что нам позднее (в главе 4) придется определить как «рационалистическую» или французскую традицию свободы. [В немецком издании 1971 года читаем:

диапазон возможностей, открывающихся перед нами. Такого рода «свобода» является многим во сне, когда у них возникает иллюзия, что они могут летать, что они освободились от силы тяжести и «как вольные птицы» парят куда захотят или что способны менять все вокруг так, как им вздумается.

В этом метафорическом смысле это слово давно стало общеупотребительным, но до сравнительно недавнего времени мало кто всерьез путал эту «свободу от» препятствий, эту свободу, равную всемогуществу, с личной свободой, которую в состоянии обеспечить тот или иной социальный порядок. И лишь когда эта путаница в понятиях стала частью социалистического учения, она сделалась опасной. Как только допускается отождествление личной свободы с могуществом, нет уже никаких ограничений для софизмов, с помощью которых привлекательность слова «свобода» может быть использована для поддержки мер, разрушающих личную свободу¹⁸, нет конца трюкам, применяя которые можно убедить людей отказаться от свободы во имя свободы. Именно с помощью этих словесных уловок идея личной свободы была вытеснена идеей коллективной власти над обстоятельствами, а в тоталитарных государствах свобода была подавлена во имя свободы.

Переходу от концепции личной свободы к концепции свободы как могущества способствовала философская традиция, в рамках которой при определении свободы вместо слова «принуждение» используется «ограничение». Возможно, в некоторых отношениях «ограничение» и было бы более подходящим словом, если при этом все время держать в уме, что в своем прямом смысле оно предполагает некое ограничивающее действие, осуществляемое человеком¹⁹. В этом смысле оно полезно как напоминание: посягательства на свободу состоят главным образом в том, что людям

«С тех пор значение этого термина связано с традицией, которую мы позднее (в главе 4) будем описывать как французскую или „рационалистическую“. Однако представление о свободе как о силе, подобно многим другим современным антилиберальным идеям, по-видимому, восходит к Фрэнсису Бэкону». — *Ред.*

¹⁸ См.: «Чем меньше остается свободы, тем больше разговоров о „новой свободе“. Но эта новая свобода — всего лишь слово, скрывающее нечто, прямо противоречащее всему, что Европа когда-либо понимала под свободой. <...> Новая свобода, которую теперь проповедуют в Европе, — это всего лишь право большинства господствовать над индивидом» (*Drucker P. The End of Economic Man: A Study of the New Totalitarianism. London: William Heinemann, 1939. P. 74–75*). То, что эта новая свобода равным образом проповедовалась и в США, демонстрирует пример Вудро Вильсона (*Wilson W. The New Freedom: A Call for the Emancipation of the Generous Energies of a People. New York: Doubleday, Page, and Co., 1913, см., в частности, с. 26*). Более поздней иллюстрацией того же самого может служить статья А. Гручи, в которой он одобительно замечает, что «для экономистов Комитета по национальным ресурсам экономическая свобода — это не вопрос отсутствия ограничений на индивидуальную деятельность, а проблема коллективных ограничений и направления индивидов и групп к цели, обеспечивающей гарантии личного благополучия» (*Gruchy A.G. The Economics of the National Resources Committee // American Economic Review. 1939. Vol. 29. P. 70*).

¹⁹ Поэтому вполне приемлемо определение в терминах отсутствия ограничений, если оно подчеркивает это значение: «Свобода (*liberty*) означает отсутствие ограничений, налагаемых другими людьми на нашу свободу (*freedom*) выбора и действия» (*Corwin E.S. Liberty against Government: The Rise, Flowering, and Decline of a Famous Juridical Concept. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1948. P. 7*).

не дают чего-то делать, тогда как «принуждение» подчеркивает, что людей заставляют делать определенные вещи. Оба аспекта равно важны: чтобы быть точным, следовало бы, пожалуй, определить свободу как отсутствие ограничений и принуждения²⁰. К сожалению, оба слова используются также для обозначения влияний, не связанных с действиями других людей, а потому оказалось так легко перейти от определения свободы как отсутствия ограничений к определению ее как «отсутствия препятствий для реализации наших желаний»²¹ или еще более общему — «отсутствие внешних препятствий»²².

Это новое понимание свободы несет в себе наибольшую угрозу, поскольку оно глубоко проникло в речевую практику в некоторых странах, где на деле личная свобода по-прежнему в основном сохраняется. В США оно получило широкое признание в качестве фундамента политической философии, господствующей в «либеральных» кругах. Такие признанные интеллектуальные лидеры прогрессистов, как Дж.Р. Коммонс²³ и Джон Дьюи, распространили идеологию, согласно которой «свобода — это сила (power), реальная способность (efficient power) совершать определенные вещи», а «требование свободы — это спрос на силу»²⁴, тогда как отсутствие принуждения — это всего лишь «отрицательная сторона свободы» и «должно цениться только как средство достижения Свободы, которая есть сила»²⁵.

---

²⁰ «Краткий оксфордский словарь английского языка, основанный на исторических принципах» дает нам в качестве первого определения слова *coerce* (принуждать) следующее: «сдерживать или вынуждать с помощью силы или власти, опирающейся на силу» (The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Clarendon Press, 1933. Vol. 1).

²¹ Russell B. Freedom and Government // Freedom: Its Meaning / Ed. by R.N. Anshen. New York: Harcourt, Brace, 1940. P. 251.

²² Hobbes T. Leviathan; or, The Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil / Ed. by M. Oakeshott. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 84 [Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 89].

²³ Commons J.R. The Legal Foundation of Capitalism. New York: Macmillan, 1924. Особенно см. гл. 2–4.

²⁴ Dewey J. Liberty and Social Control // Social Frontier. November 1935. Vol. 2. P. 41–42.

См. также: «Оправдано применение силы или нет... это, по сути дела, вопрос эффективности (в том числе экономичности) средств для достижения целей» (Dewey J. Force and Coercion // Ethics. 1916. Vol. 23. P. 362); «Критерий ценности лежит в относительной эффективности и экономности затрачиваемой силы как средства достижения цели» (Ibid. P. 364). Дьюи жонглирует понятием свободы таким возмутительным образом, что вряд ли можно считать несправедливым суждение Дороти Фосдик: «Однако сцена [для отождествления свободы с такими принципами, как равенство] оказывается вполне подготовленной лишь тогда, когда определения свободы и равенства уже настолько подтасованы, что оба они обозначают примерно одно и то же условие деятельности. Крайний пример такого ловкачества мы видим у Джона Дьюи, когда тот говорит: „Если свобода соединена с подходящим количеством равенства, а защищенность понимается как культурная и моральная, а также материальная, я не думаю, что защищенность совместима с чем-либо кроме свободы“. Переопределив два понятия таким образом, что они стали обозначать примерно одно и то же условие деятельности, он заверяет нас, что они совместимы. И подобному жульничеству нет конца» (Fosdick D. What is Liberty? A Study in Political Theory. New York: Harper and Brothers, 1939. P. 91).

²⁵ Dewey J. Experience and Education. New York: Macmillan, 1938. P. 74. См. также работу: Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Leipzig: Duncker und Humblot, 1902. Vol. 2. P. 43 [Зомбарт В. Современный капитализм. М.: Издание С. Скимунта; Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К., 1905. С. 38], где объясняется, что *Technik* (техника) — это «die Entwicklung zur Freiheit» (развитие свободы). Подробно об этой идее см.: Zschimmer E.

5. Это смешивание свободы как силы со свободой в ее исходном значении неизбежно ведет к отождествлению свободы с богатством³⁶, и тогда становится возможным использовать всю привлекательность, которой обладает слово «свобода», для поддержки требований о перераспределении богатства. Но хотя и свобода, и богатство — хорошие вещи, которых хотят большинство из нас, и хотя для удовлетворения желаний нам часто нужно и то и другое, все-таки эти вещи — разные. Хозяин ли я самому себе и могу ли следовать собственным решениям, с одной стороны, и, с другой, много или мало у меня возможностей, из которых я должен выбирать, — это два совершенно разных вопроса. Придворный, живущий в роскоши, но всецело зависящий от своего государя, может быть куда менее свободным, чем крестьянин или ремесленник, поскольку у него меньше возможностей жить собственной жизнью и выбирать то, что ему полезнее всего. Сходным образом командующий армией генерал или директор большого строительного проекта обладает огромной, в некоторых отношениях даже неконтролируемой властью, но при этом может быть менее свободным, более зависимым от решений вышестоящего, менее способным изменять свою жизнь или решать, что для него самое важное, чем беднейший крестьянин или пастух.

Чтобы внести в обсуждение свободы ясность, ее определение не должно зависеть от того, все ли люди считают благом свободу такого рода. Очень вероятно, что есть люди, не ценящие ту свободу, которая нас интересует, не ждущие от нее ничего особенно хорошего и готовые обменять ее на другие преимущества; более того, необходимость действовать в соответствии с собственными планами и решениями они могут ощущать скорее как бремя, а не как преимущество. Но свобода может быть желанной, даже если не каждый способен воспользоваться ее благами. Нам придется подумать над тем, действительно ли выгоды, приносимые свободой большинству, зависят от того, как это большинство использует предлагаемые ею возможности, и действительно ли доводы в пользу свободы опираются на то, что к ней стремится большинство людей. Вполне возможно, что источником благ, которые мы получаем от свободы всех, служит не то, что большинство людей рассматривают как ее результат; возможно даже, что выгоды свободы порождаются дисциплиной, которую она на нас налагает, не в меньшей мере, чем более заметными возможностями, которые она нам открывает.

Philosophie der Technik: Vom Sinn der Technik und Kritik des Unsinnns über die Technik. Jena: Eugen Diedrichs, 1914. P. 86–91.

³⁶ См.: «Различение „благосостояния“ и свободы не выдерживает никакой критики, потому что фактическая свобода человека пропорциональна его ресурсам» (*Perry R.B. Liberty in a Democratic State // Freedom: Its Meaning / Ed. by R. Anshen. New York: Harcourt, Brace, 1940. P. 269*). Это привело других к утверждениям, что «свободы больше, если больше людей покупают автомобили и проводят время в отпуске» (*Waldo D. The administrative State. New York: Ronald Press Co., 1948. P. 73*) и «Имущественное неравенство... это неравенство в индивидуальной свободе» (*Hale R.L. Freedom through Law: Public Control of Private Governing Power. New York: Columbia University press, 1952. P. 73*).

Прежде всего, однако, надо осознать, что можно быть свободным и при этом бедствовать. Свобода не означает «все хорошее»²⁷ или отсутствие всякого зла. Это правда, что свобода может означать свободу голодать, совершать большие ошибки или смертельно рисковать. В том смысле, в каком мы используем этот термин, бродяга без гроша в кармане, живущий как придется и чем придется, действительно более свободен, чем состоящий на службе солдат со всеми его гарантиями и относительным комфортом. Но если, таким образом, свобода не всегда выглядит более предпочтительной на фоне других благ, все же она является особым благом, и ей нужно особое имя. И если «политическая свобода» и «внутренняя свобода» — давно утвердившиеся альтернативные способы употребления этого термина, которые, при некоторой осмотрительности, можно использовать, не создавая никакой путаницы, употребление слова «свобода» в смысле «сила» (power) весьма сомнительно.

Однако в любом случае не следует думать, что, раз уж мы используем одно и то же слово, все эти «свободы» суть разные виды, принадлежащие одному и тому же роду. Это источник опасной бессмыслицы, словесная ловушка, ведущая к самым нелепым выводам²⁸. Свобода, понимаемая как сила, политическая свобода и внутренняя свобода не являются качествами или состояниями того же рода, что и личная свобода: нельзя, пожертвовав немного одной и взяв взамен немного другой, получить в итоге некий общий элемент свободы. С помощью такого обмена мы вполне можем получить одну хорошую вещь вместо другой. Но полагать, будто в них есть общий элемент, позволяющий нам говорить о влиянии такого обмена на свободу, было бы чистым обскурантизмом, грубейшей разновидностью философского реализма, исходящей из того, что раз уж мы обозначаем эти условия одним и тем же словом, в них должно быть и нечто общее. Но мы хотим этих благ в основном по разным причинам, и их наличие или отсутствие имеет разные последствия. Если бы нам пришлось выбирать между ними, то сделать это, задаваясь вопросом, увеличится ли в результате объем свободы в целом, было бы невозможно — мы должны были бы решить, какое из разных состояний или качеств мы ценим больше.

---

²⁷ Забавную иллюстрацию этого можно найти в статье: *Gabor A., Gabor D. An Essay on the Mathematical Theory of Freedom // Journal of the Royal Statistical Society. 1954. Ser. A. Vol. 117. P. 32.* Авторы начинают с утверждения, что свобода «означает отсутствие нежелательных ограничений, а потому это понятие почти равнозначно всему желательному», а потом, вместо того чтобы отбросить это очевидно бесполезное понятие, не только берут его на вооружение, но и переходят к «измерению» свободы, определенной таким образом.

²⁸ См.: «Между свободой и силой соответствия не больше, чем между вечностью и временем» (*Acton J. Lectures on Modern History. London: Macmillan, 1906. P. 10*); «Опрометчиво отождествив свободу и силу, мы, несомненно, выпестовали бы тиранию, точно так же как мы впадаем в анархию, когда уравниваем свободу с отсутствием всяких ограничений» (*Malinowski B. Freedom and Civilization. New York: Roy Publishers, 1944. P. 47*). См. также: *Knight F.H. Freedom as Fact and Criterion // Freedom and Reform: Essays in Economics and Social Philosophy / Ed. by F.H. Knight. New York: Harper and Brothers, 1947. P. 4 ff.*; *Cropsey J. Polity and Economy: An Interpretation of the Principles of Adam Smith. The Hague: M. Nijhoff, 1957. P. XI*; *Bronfenbrenner M. Two Concepts of Economic Freedom // Ethics. 1955. Vol. 65. P. 157–170.*

6. Часто звучит мнение, что наше понятие свободы является чисто негативным²⁰. Это верно в том смысле, в каком негативными являются и такие понятия, как мир, безопасность, спокойствие или отсутствие какого-нибудь препятствия либо какой-нибудь разновидности зла. Именно к этому классу понятий принадлежит понятие свободы: оно характеризует отсутствие конкретного вида препятствия — принуждения со стороны других людей. Свобода становится положительной только через то, что мы с ней делаем. Она не гарантирует нам никаких особых возможностей, но предоставляет нам решать, как мы используем те обстоятельства, в которых мы оказываемся.

Но хотя у свободы есть много применений, она только одна. Свободы (liberties) появляются лишь тогда, когда отсутствует свобода: они представляют собой особые привилегии и льготы, которыми пользуются некоторые люди и группы, в то время как остальные более или менее несвободны. Исторически путь к свободе пролегал через приобретение отдельных свобод. Но то, что кому-то разрешено делать определенные вещи, не есть свобода, хотя ее и можно назвать «одной из свобод»; и хотя свобода совместима с запретом некоторых действий, ее не существует, если для большей части того, что может делать человек, ему требуется разрешение. Разница между свободой и свободами такая же, как между ситуацией, когда разрешено все, что не запрещено общими правилами, и когда запрещено все, на что не дано разрешения в явном виде.

Если еще раз обратиться к первичному различию между свободой и рабством, мы ясно увидим, что негативный характер свободы никак не делает ее менее ценной. Мы уже отметили, что используем это слово в древнейшем значении. Его будет легче понять, если кратко рассмотреть различие между положением свободного человека и раба. Мы знаем об этом многое на примере условий в старейших свободных сообществах — городах древней Греции. Благодаря тому, что было найдено множество решений об освобождении рабов, мы обладаем четкой картиной важнейших принципов. С обретением свободы человек получал четыре права. Вольная грамота обычно давала бывшему рабу, во-первых, «правовой статус защищенного члена сообщества»; во-вторых, «иммунитет от произвольного заключения

---

²⁰ Различие между «позитивной» («положительной») и «негативной» («отрицательной») свободой было введено в оборот Томасом Грином, а в конечном итоге восходит к Гегелю. См. в особенности: *Green T.H. Liberal Legislation and Freedom of Contract* [1880] // *The Works of T.H. Green* / Ed. by R.L. Nettleship. London: Longmans, Green, and Co., 1888. Vol. 3. P. 365–386. Идея, связанная главным образом с «внутренней свободой», с тех пор находила себе разные применения. Ср.: *Berlin I. Two Concepts of Liberty: An Inaugural Lecture Delivered Before the University of Oxford on 31 October 1958*. Oxford: Clarendon Press, 1958 (*Берлин И. Два понимания свободы* // Он же. *Философия свободы: Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2001); пример характерного заимствования социалистических аргументов консерваторами можно найти у Клинтона Росситера, который утверждал, что «консерватор должен дать нам определение свободы, которое было бы положительным и всеохватным... В новом консервативном словаре свобода будет определена с помощью таких слов, как „возможность“, „творчество“, „производительность“ и „защищенность“» (*Rossiter C. Toward an American Conservatism* // *Yale Review*. 1955. Vol. 44. P. 361).

под стражу»; в-третьих, «право заниматься тем, чем он желает»; и, в-четвертых, «право свободного перемещения»³⁰.

Этот перечень содержит большую часть того, что в XVIII и XIX веках рассматривалось как важнейшие условия свободы. Право владеть собственностью отсутствует здесь только потому, что владеть ей мог даже раб³¹. С добавлением этого права образуется совокупность элементов, необходимых для защиты индивида от принуждения. Но здесь не упоминаются никакие другие рассмотренные нами формы свободы, не говоря уж обо всех «новых свободах», которые позднее были предложены в качестве замены свободы. Очевидно, что раб не стал бы свободным, получив простое право голоса, да и при любой степени «внутренней свободы» он так и остался бы рабом — сколько бы ни старались философы-идеалисты убедить нас в обратном. Точно так же любая степень роскоши или комфорта или любая власть над другими людьми или природными ресурсами не изменила бы его зависимости от произвольных решений хозяина. Но если он подчиняется только тем законам, что и все его сограждане, если его нельзя произвольно заключать под стражу, он волен выбирать себе род занятий и может владеть собственностью и приобретать ее, никакие другие люди или группы людей не в состоянии принудить его подчиниться их приказаниям.

7. Наше определение свободы зависит от смысла понятия «принуждение», и оно не будет точным, пока мы подобным образом не определим и этот термин. На самом деле, нам придется уточнить также смысл некоторых тесно связанных с ним идей, особенно таких, как произвол и общие правила или законы. С точки зрения логики к анализу этих понятий следовало бы приступить прямо сейчас. Да мы и не можем совсем без него обойтись. Но прежде чем приглашать читателя следовать за нами в том, что может показаться бесполезной задачей дать терминам точное определение, попытаемся объяснить, почему свобода, как мы ее определили, настолько важна. Поэтому мы вернемся к попыткам дать точные определения только в начале второй части этой книги, где будем исследовать правовые аспекты режима свободы. Сейчас же нам должно хватить нескольких наблюдений, предвосхищающих результаты более систематического анализа принуждения. В кратком изложении они неизбежно будут выглядеть несколько догматичными, и позже их надо будет обосновать.

Под «принуждением» мы понимаем контроль окружения или обстоятельств человека, осуществляемый кем-либо другим, при котором во избежание худшего зла человек вынужден действовать не в соответствии

---

³⁰ Westermann W.L. Between Slavery and Freedom // American Historical Review. 1945. Vol. 50. P. 216.

³¹ Так, по крайней мере, обстояло дело на практике, даже если это не было зафиксировано законом (см.: Jones J.W. The Law and Legal Theory of the Greeks: An Introduction. London: Oxford University Press, 1956. P. 282).

с собственным продуманным планом, а служить целям другого. Если не считать того, что в навязанной ему ситуации он выбирает меньшее зло, во всем остальном он не имеет возможности ни руководствоваться собственным разумом и знаниями, ни следовать собственным целям и убеждениям. Принуждение — это зло именно потому, что оно игнорирует человека в качестве мыслящей и оценивающей личности и превращает его в простой инструмент для выполнения желаний другого. Свободное действие, когда человек преследует свои цели при помощи средств, указанных ему собственным знанием, должно опираться на исходные данные, которые не может подгонять под себя кто-то другой. Это предполагает существование известной сферы, где другие люди не могут формировать обстоятельства таким образом, чтобы оставлять человеку только один заранее определенный вариант действия.

Но совершенно избежать принуждения невозможно, потому что единственный способ его предотвратить — это угроза принуждения³². Свободное общество решило эту проблему, наделив монополией на принуждение государство³³ и попытавшись ограничить его власть теми ситуациями, в которых оно должно предотвращать принуждение со стороны частных лиц. Это достижимо, только если государство защищает известные частные сферы индивидов от вмешательства со стороны других и разграничивает эти частные сферы не тем, что предписывает эти границы, а тем, что создает условия, при которых индивид может определять свою собственную сферу с помощью правил, сообщающих ему, что именно будет делать государство в разного рода ситуациях.

Принуждение, которое государство должно использовать для достижения этой цели, сведено к минимуму и, будучи ограничено известными общими правилами, безвредно настолько, насколько это возможно — и таким образом в большинстве обстоятельств индивид никогда не будет испытывать принуждение, если только сам не поставит себя в положение, в котором, как ему известно, к нему будет применено принуждение. Даже когда принуждение неизбежно, оно лишено наиболее пагубных последствий,

---

³² Ср. с формулировкой Фрэнка Найта: «Основная функция государства заключается в предотвращении принуждения, чтобы каждому было гарантировано право жить собственной жизнью на условиях свободного объединения с ближними» (*Freedom and Reform: Essays in Economics and Social Philosophy* / Ed. by F.H. Knight. New York: Harper and Brothers, 1947. P. 193–194). См. также его рассуждение по этому вопросу в статье, ссылка на которую содержится выше в примечании 3 к главе 1.

³³ См.: *Ihering R. con. Law as a Means to an End* / Trans. by I. Husik. Boston: Boston Book Co., 1913. P. 241–242; *Weber M. Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press, 1946. P. 78 [*Вебер М. Политика как призвание и профессия* // Он же. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645] («...государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — „область“ включается в признак! — претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия»); *Malinowski B. Freedom and Civilization*. New York: Roy Publishers, 1944. P. 265 (государство — это «единственный исторический институт, имеющий монополию на применение силы»); *Clark J.M. Social Control of Business* / 2nd ed. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill, 1939. P. 115 («Предполагается, что принуждение с помощью силы — это монополия государства»); также: *Hoebel E.A. The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954. Ch. 2.

поскольку остается в пределах, связанных с ограниченными и предсказуемыми обязанностями (duties) или, по крайней мере, не зависит от произвола другого человека. Безличные и зависящие от общих абстрактных правил — воздействие которых на конкретных людей невозможно предвидеть в тот момент, когда эти правила устанавливаются, — даже принуждающие действия государства становятся исходными данными, на которых индивид может основывать свои собственные планы. Таким образом, принуждение в соответствии с известными правилами, в общем случае вытекающее из обстоятельств, в которые человек сам себя поставил, становится инструментом, помогающим индивиду в достижении его собственных целей, а не средством для достижения целей других людей.

Творческие силы свободной цивилизации

Цивилизация продвигается вперед за счет расширения числа важных операций, которые мы можем выполнять, не задумываясь.

Мыслительные операции подобны кавалерийским атакам во время сражения — число их строго ограничено, для них нужны свежие лошади, и они должны предприниматься только в решающие моменты.

— А.Н. Уайтхед

1. Изречение Сократа о том, что мудрость начинается с осознания собственного невежества, имеет огромное значение для нашего понимания общества. Прежде всего нам необходимо осознать, что человек неизбежно не знает многое из того, что помогает ему в достижении его целей. Большинство преимуществ жизни в обществе, особенно в его самой развитой форме, которую мы называем «цивилизация», вытекает из того, что человек получает выгоду от большего количества знания, чем он сам обладает. Можно сказать, что цивилизация начинается тогда, когда человек, преследуя собственные цели, способен использовать больше знания, чем он сам сумел приобрести, и когда он выходит за пределы своего неведения, извлекая выгоду из знания, которым сам не обладает.

Человек неизбежно не знает большую часть того, на чем основано функционирование цивилизации, — этот фундаментальный факт прежде не привлекал серьезного внимания. Философы и обществоведы превратно толковали это неведение как незначительный изъян, которым можно более или менее пренебречь. Но, хотя обсуждение моральных или социальных проблем на основе допущения о совершенном знании может быть полезным в качестве предварительного упражнения в логике, оно мало помогает, когда мы пытаемся объяснить реальный мир. Существующие в нем проблемы во многом связаны с «практической трудностью», ведь наше

— Whitehead A.N. Introduction to Mathematics. London: Williams and Norgate, 1911. P. 61.
Более ранний вариант этой главы появился в работе: Hayek F.A. Essays on Individuality / Ed. by F. Morley. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1958. P. 183–204.

знание действительно очень далеко от совершенства. Наверное, вполне естественно, что ученые сосредотачивают внимание на том, что мы уже знаем; но в жизни общества, где часто намного важнее то, что нам неизвестно, эта их склонность может порождать серьезные заблуждения. Многие утопические построения никуда не годятся потому, что вслед за теоретиками исходят из предположения, что мы обладаем совершенным знанием.

Следует, однако, признать, что наше незнание — чрезвычайно трудный предмет для исследования. Сначала даже может показаться, что о нем по определению невозможно говорить осмысленно. Мы не в состоянии разумно обсуждать то, о чем ничего не знаем. Нам надо хотя бы сформулировать вопросы, даже если мы не знаем ответов. А для этого требуется подлинное знание о мире, о котором мы говорим. Чтобы понять, как работает общество, нужно попытаться определить общую природу и границы нашего незнания в этой сфере. Хотя в темноте ничего не разглядеть, мы должны уметь очерчивать границы темных участков.

Заблуждения, порождаемые общепринятым подходом, очевидны, если вдуматься в смысл утверждения, что человек создал цивилизацию и, следовательно, может по своему желанию менять ее институты. Это утверждение было бы обоснованным, только если бы человек создал цивилизацию целенаправленно и полностью понимая, что делает, или хотя бы четко представляя, как ее сохранять. В некотором смысле, конечно, верно, что человек создал свою цивилизацию. Она — продукт его деятельности, точнее деятельности нескольких сот поколений. Однако это не означает, что цивилизация — плод человеческого замысла или даже что человек знает, от чего зависит ее функционирование и дальнейшее существование¹.

Само представление о человеке, который приступает к созданию цивилизации, уже наделенный умом, способным ее помыслить, неправильно в своей основе. Человек не просто налагает на мир модель, созданную его умом. И ум сам по себе — система, постоянно изменяющаяся в результате попыток приспособиться к окружению. Было бы ошибкой полагать, будто для достижения более высокого уровня цивилизации нам достаточно просто реализовать на практике идеи, которыми мы руководствуемся сегодня. Чтобы развиваться дальше, нужно оставить возможность для постоянного пересмотра нынешних концепций и идеалов, которого будет требовать будущий опыт. У нас не получится предсказать, какой будет или

---

¹ См.: «Бобер, муравей и пчела обязаны своим искусством природе. Цивилизованные же нации обязаны своими умениями самим себе, что, видимо, говорит о превосходстве их над примитивными народами. Но человеческие изобретения, как и умения животных, подсказаны природой и являются результатом действия инстинктов, направляемых многообразием ситуаций, в которые попадает человек. Приспособления, которыми обладает человек, претерпевали последовательные улучшения, общие результаты которых явились чем-то непредвиденным; они придали человеческим делам такую сложность, которую невозможно было бы предположить и при самом полном развитии человеческих способностей; даже когда названное целое приводится в исполнение, оно не поддается полному осмыслению» (*Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printed for A. Millar and T. Caddel in the Strand, and A. Kincaid, and J. Bell, Edinburgh, 1767. P. 279 [Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 265]*).

может быть цивилизация через пятьсот или даже пятьдесят лет, так же как люди эпохи Средневековья или даже наши деды не могли вообразить нашу жизнь сейчас².

Представление о человеке, сознательно созидающем свою цивилизацию, проистекает из ошибочного интеллектуализма, для которого человеческий разум — нечто выходящее за пределы природы и обладающее знанием и способностью рассуждать, не зависящими от опыта. Но развитие человеческого ума — это часть развития цивилизации; именно состояние цивилизации в любой данный момент времени определяет масштаб и возможности человеческих целей и ценностей. Ум никогда не способен предвидеть собственное развитие. Хотя мы должны всегда стремиться к достижению наших нынешних целей, мы должны также позволять новому опыту и будущим событиям определять, какие из этих целей будут достигнуты.

Возможно, в утверждении современного антрополога, что «не человек контролирует культуру, а наоборот», есть некоторое преувеличение; но тем не менее полезно услышать напоминание о том, что «только наше глубокое и всестороннее незнание природы культуры позволяет нам верить, что это мы ее направляем и контролируем»³. Он, по крайней мере, предлагает нам важную поправку к интеллектуалистской концепции. Его слова помогут нам получить более верное представление о постоянном взаимодействии между сознательным стремлением к тому, что наш интеллект изображает как достижимое, и функционированием наших институтов, традиций и привычек, совместное действие которых часто порождает нечто весьма отличное от того, к чему мы стремились.

В двух важных отношениях осознанное знание, направляющее действия человека, составляет только часть условий, позволяющих ему достигать своих целей. Ум человека сам по себе является продуктом цивилизации, в которой он формируется, и он не осознает значительную часть опыта, его определившего, — опыта, который ему помогает и который воплощен в привычках, условностях, языке и нравственных представлениях, являющихся частью его структуры. Еще одно соображение состоит в том, что знание, которым осознанно манипулирует ум индивида, представляет собой лишь малую часть того знания, которое в тот или иной момент способствует успеху его действий. Если мы задумаемся, в какой степени знания других людей определяют успех в достижении наших личных целей, мы

---

² См.: «Нам не дано вообразить те понятия, в свете которых люди будут оценивать наши идеи через тысячу и, наверное, даже через пятьдесят лет. Если бы в наши руки попала библиотека 3000 года, мы не смогли бы понять ее содержания. Как же нам сознательно определять будущее, которое, по самой своей природе, превосходит наше понимание? Предположение о том, что такое возможно, выявляет только узость мировоззрения, не обученного смирению» (*Polanyi M. The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. P. 199*).

³ *White L.A. Man's Control over Civilization: An Anthropocentric Illusion // Scientific Monthly. 1948. Vol. 66. P. 238; а также: Idem. The Science of Culture: A Study of Man and Civilization. New York: Farrar, Strauss, and Co., 1949. P. 337, 342.*

будем потрясены масштабом того, сколько всего мы не знаем об обстоятельствах, от которых зависят результаты наших действий. Знание существует только в виде знаний индивидов. Знание общества в целом — это всего лишь метафора. Сумма знаний всех людей нигде не существует как единое целое. Большой вопрос заключается в том, каким образом нам всем получать выгоду от этого рассредоточенного знания, которое существует только в виде изолированных, частичных, а порой противоречащих друг другу представлений отдельных людей.

Иными словами, во многом благодаря цивилизации, позволяющей нам постоянно получать выгоду от знаний, которыми мы лично не располагаем, и в силу того, что использование каждым отдельным человеком собственного знания может помогать другим, ему неизвестным людям, в достижении их целей, люди в качестве членов цивилизованного общества могут преследовать свои личные цели гораздо успешнее, чем если бы они действовали сами по себе. Мы мало знаем об отдельных фактах, к которым постоянно приспосабливается вся совокупность социальной деятельности, чтобы обеспечить нам результаты, которых мы привыкли ожидать. Еще меньше мы знаем о силах, соответствующим образом координирующих деятельность индивидов и тем самым обеспечивающих это приспособление. А когда мы обнаруживаем, сколь мало мы знаем о том, что позволяет нам сотрудничать, нас охватывает чувство не изумления или любопытства, а скорее негодования. Наш импульсивный порыв сокрушить всю сложнейшую машину цивилизации в значительной мере связан с этой неспособностью человека понять, что он делает.

2. Отождествление роста цивилизации с ростом знания будет, однако, большим заблуждением, если под «знанием» понимать только осознаваемое, явное знание человека, позволяющее ему констатировать, что это вот так, а то — вот эдак⁴. Еще меньше это знание может быть сведено к знанию научному. Чтобы понять наши дальнейшие рассуждения, важно помнить, что, вопреки модному представлению⁵, научным знанием не исчерпывается даже все явное и осознаваемое знание, которое постоянно используется обществом. Научные методы поиска знания не способны удовлетворить все потребности общества в явном знании. Не все используемое человеком знание о постоянно изменяющихся отдельных фактах может быть организовано или систематизировано; значительная его часть существует только в рассеянном среди бесчисленного множества людей виде. То же относится к той важной части экспертного знания, которая не является

---

⁴ См.: *Ryle G. Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1946. Vol. 46*; ср. также: *Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-critical Philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1958* [*Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985*].

⁵ См. часто цитируемое замечание: «Помимо науки, познать ничего нельзя» (*Ramsey F.P. The Foundations of Mathematics. London: Routledge and Kegan Paul, 1931. P. 287* [*Рамсей Ф.П. Эпilog // Он же. Философские работы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 213*]).

содержательным знанием о предмете, а представляет собой лишь знание о том, где и как получить нужную информацию⁶. Однако различие между разными типами рационального знания не очень важно для наших целей, и, говоря об эксплицитном, или явном, знании, мы это различие проводить не будем.

Рост знания и рост цивилизации представляют собой одно и то же, только если знание понимается таким образом, что включает в себя всякое приспособление людей к окружающей среде, в котором воплощен весь их прошлый опыт. В этом смысле не все знание является частью нашего интеллекта, а наш интеллект не является совокупностью всех наших знаний. В этом смысле наши привычки и умения, эмоциональные установки, инструменты и институты — все они суть адаптация к прошлому опыту, которая сложилась в результате избирательного устранения менее подходящего поведения. Они — столь же необходимое основание успешного действия, как и наше осознаваемое знание. Не все из этих внерациональных факторов, лежащих в основе наших действий, всегда ведут к успеху. Некоторые сохраняются долго после того, как стали бесполезными, и даже после того, как стали скорее мешать, чем помогать. Тем не менее нам без них не обойтись: даже успешное применение нашего интеллекта постоянно на них опирается.

Человек гордится ростом своего знания. Но в результате того, что он сам же и создал, становится все больше ограничений в осознанном знании и, следовательно, постоянно расширяется сфера неведения, что играет существенную роль в его сознательных действиях. Когда современная наука только родилась, лучшие умы уже понимали, что «сфера осознаваемого незнания будет расти вместе с ростом науки»⁷. К сожалению, резуль-

---

⁶ Об этих разных видах знания см. мою статью «О значении социальных институтов»: *Hayek F.A. Über den "Sinn" sozialer Institutionen // Schweizer Monatshefte. October 1956. P. 512–524*; о применении аргументации, приводимой в этой главе, к более специфическим экономическим проблемам см. два эссе: «Экономическая теория и знание» и «Использование знания в обществе», повторно опубликованные в моей книге «Индивидуализм и экономический порядок» (*Hayek F.A. Individualism and Economic Order. London; Chicago, 1948 [Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000]*). См. также замечание Сэмюэла Джонсона: «Знание бывает двух видов: мы можем сами знать предмет либо мы можем знать, где найти информацию о нем» (*Boswell J. The Life of Samuel Johnson, LL. D. / 2nd ed. London: Printed by Henry Baldwin, 1793. Vol. 2. P. 237–238*).

⁷ *Santillana G. de. The Crime of Galileo. Chicago: University of Chicago Press, 1955. P. 34–35*. Герберт Спенсер также замечает где-то: «В науке чем больше мы знаем, тем обширнее контакт с не-наукой». [В действительности цитата из: *Schiller F.C.S. Spenser Herbert // Encyclopedia Britannica / 11th ed. New York: The Encyclopedia Britannica Co., 1911. — Ped.*] См. также: «Чем больше мы узнаем о мире и чем глубже наши знания, тем более осознанным, конкретным и отчетливым становится наше знание о том, чего именно мы не знаем, наше знание о нашем незнании» (*Popper K.R. On the Sources of Knowledge and Ignorance // Proceedings of the British Academy. 1960. Vol. 46. P. 69*); «Действительно ли наука одерживает победу в своем наступлении на совокупность непознанного? Характерно, что когда наука находит один ответ, она одновременно сталкивается с несколькими новыми вопросами. Говоря образно, наука трудится посреди огромного леса незнания, расчищая постоянно расширяющийся круг, внутри которого все ясно... Но по мере того как этот круг становится все шире, увеличивается и длина окружности его контакта с областью незнания. Наука узнает все больше и больше. Но в некотором высшем смысле это не приносит выигрыша, так как все время растет объем того, что воспринимается, но не понимается. В рамках науки мы приобретаем все более изощренную картину нашего фундаментального незнания» (*Weaver W. A Scientist Ponders Faith // Saturday Review. January 1959. № 3. P. 9*).

татом прогресса науки стало широко распространенное убеждение, явно разделяемое и многими учеными, что сфера нашего незнания постепенно сужается, а потому мы можем поставить себе цель добиться более всестороннего и планомерного контроля над всей человеческой деятельностью. Именно по этой причине люди, опьяненные ростом знаний, так часто становятся врагами свободы. Рост нашего знания о природе постоянно открывает новые сферы непознанного, но в то же время цивилизация, которую нам позволит строить это знание, становится все сложнее, и это воздвигает все новые препятствия на пути интеллектуального постижения окружающего нас мира. Чем больше люди знают, тем меньшую долю этих знаний способен вместить ум отдельного человека. Чем цивилизованнее мы становимся, тем относительно меньше знает отдельный человек о фактах, от которых зависит работа цивилизации. Само разделение знания увеличивает неустранимое неведение индивида, который не обладает все большей частью этого знания.

3. Когда мы говорили о передаче знаний и обмене ими, мы имели в виду два уже выделенных нами аспекта процесса цивилизации: передачу во времени накопленного запаса знаний и обмен информацией между современниками, которые выстраивают на ее основе свои действия. Эти два аспекта не могут быть четко разграничены, потому что инструменты обмена между современниками являются частью культурного наследия, которое человек постоянно использует для достижения своих целей.

Процесс накопления и передачи знания лучше всего известен нам в области науки — поскольку она раскрывает нам как общие законы природы, так и конкретные свойства мира, в котором мы живем. Но, хотя это самая заметная часть унаследованного нами запаса знаний и главная часть того, что мы по необходимости знаем в обычном смысле слова «знать», это всего лишь часть; потому что мы владеем и множеством других инструментов — в самом широком смысле этого слова, — которые выработал человеческий род и которые позволяют нам взаимодействовать с окружающей средой. Они суть результат доставшегося нам в наследство опыта предыдущих поколений. И как только более эффективный инструмент делается доступным, мы его используем, не зная, почему он оказался лучше других и существуют ли ему какие-либо альтернативы.

Эти «инструменты», созданные человеком и составляющие столь важную часть его адаптации к окружающей среде, не только материальные орудия, их намного больше. В значительной степени это формы поведения, которым человек привычно следует не задумываясь; то, что мы называем «традиции» и «институты», которые человек использует, потому что они у него есть как продукт кумулятивного роста, а не создание чьего-либо отдельного ума. В целом человек не знает не только, почему он использует одно, а не другое орудие, но не понимает даже, как сильно зависит в своих действиях от того, какую форму они принимают. Обычно он не дает себе отчета, в какой мере успех его усилий обусловлен следованием привычкам, которые он даже

не осознает. Возможно, это одинаково верно как для цивилизованного, так и для примитивного человека. Одновременно с ростом осознанного знания всегда происходит столь же важное накопление инструментов в этом более широком смысле, а именно испытанных и общепринятых способов действия.

Сейчас нас интересует не столько унаследованное нами знание или формирование новых инструментов, которые будут использованы в будущем, сколько способ применения текущего опыта для помощи тем, кто не приобрел его непосредственно. Поскольку у нас есть такая возможность, отложим до другой главы проблему развития во времени и сосредоточимся на том, каким образом рассеянное знание и различные умения, привычки и возможности отдельных членов общества содействуют приспособлению его деятельности к постоянно меняющимся обстоятельствам.

После каждого изменения условий становятся необходимыми некоторые изменения в использовании ресурсов, в направлениях и видах человеческой деятельности, в привычках и практиках. Для каждого изменения в деятельности тех, на кого это повлияло в первую очередь, требуются еще некоторые подгонки, которые постепенно распространяются по всему обществу. Таким образом, каждое изменение в определенном смысле создает «проблему» для общества, даже если ни один индивид не воспринимает ее как таковую; и она постепенно «решается» тем, что происходит новая всеместная адаптация. Те, кто принимает участие в этом процессе, не особо осознают, почему они делают то, что делают, и у нас нет никакой возможности предсказать, кто первым совершит требуемое действие на том или ином этапе, какие именно комбинации знаний и умений, личных установок и обстоятельств подскажут конкретному человеку подходящий ответ и по каким каналам его пример дойдет до других, которые затем за ним последуют. Трудно себе представить все комбинации знаний и умений, которые вовлекаются таким образом в действие и ведут к открытию тех или иных практик и приемов, а те, будучи однажды найденными, могут быть усвоены всеми. Но из бесчисленного числа неприметных шагов, предпринятых никому не известными людьми, которые занимаются привычными вещами в изменившейся ситуации, рождаются доминирующие образцы. Они столь же важны, как и важнейшие интеллектуальные инновации, которые признаны таковыми в явном виде и в качестве таковых передаются от одних людей к другим.

Кто именно будет обладать нужной комбинацией способностей и возможностей, чтобы найти лучший путь, так же мало предсказуемо, как и то, каким именно образом соединятся разные виды знаний и умений, чтобы найти решение проблемы⁸. Успешная комбинация знаний и способностей отбирается не на основе совместного обсуждения людьми, стремящимися общими

---

⁸ См.: «Каждый человек многократно бывает новатором»; «Существует положительная корреляция между индивидуализмом и инновационным потенциалом. Чем больше свободы имеет человек для исследования мира своего опыта и для организации его элементов в соответствии с собственной интерпретацией своих чувственных впечатлений, тем больше шансов на появление новых идей» (*Barnett H.G. Innovation: The Basis of Cultural Change. New York: McGraw-Hill, 1953. P. 53, 65*).

усилиями найти решение своих проблем⁹; отбор есть результат действий индивидов, подражающих тем, кто добился успеха, и их ориентации на такие знаки или символы, как цены на продукцию или выражение морального или эстетического одобрения в ответ на соблюдение ими норм поведения, — одним словом, отбор есть результат использования людьми опыта других.

Для функционирования этого процесса необходимо, чтобы каждый имел возможность действовать в соответствии с собственным знанием, всегда уникальным, по крайней мере в том, что касается конкретных обстоятельств, и чтобы он был в состоянии использовать свои умения и возможности в известных ему пределах для достижения своих индивидуальных целей.

4. Теперь мы подошли к тому моменту, когда главную мысль настоящей главы будет понять совсем легко. Она состоит в том, что основной довод в пользу индивидуальной свободы опирается на признание неизбежного незнания всеми нами огромного числа факторов, от которых зависит достижение наших целей и наше благосостояние¹⁰.

---

⁹ См.: «Новаторы всегда в меньшинстве. Изначально новые идеи входят в практику одного, двух или нескольких людей, будь то новые технические идеи, новые формы организации, новые товары или другие новшества. Эти идеи могут очень быстро быть восприняты остальным населением. Более вероятно, что они будут встречены скептически и с недоверием, а если и будут приняты, то вначале станут прививаться очень медленно. Через какое-то время выяснится, что новая идея успешна, и тогда ее будет усваивать все большее число людей. Поэтому часто говорят, что изменения производит элита или что количество изменений зависит от качества лидерства в сообществе. С этим можно согласиться в том смысле, что большинство людей не новаторы, а просто подражают другим. Но было бы изрядным заблуждением полагать, что источником всех новых идей является некий особый класс или группа людей»; «Коллективная оценка новых идей столь часто оказывается ошибочной, что можно утверждать, что прогресс зависит от того, могут ли люди придерживаться своих идей, несмотря на коллективное неодобрение... Предоставление монополии на решение правительственному комитету, по-видимому, соединило бы в себе все возможные недостатки» (Lewis W.A. *The Theory of Economic Growth*. London: Allen and Unwin, 1955. P. 148, 172).

¹⁰ Одним из немногих авторов, отчетливо понимавших это, хотя бы частично, был Фредерик У. Мейтленд, который подчеркивал, что «сильнейший аргумент базируется на неведении, неизбежном неведении наших правителей» (Maitland F.W. *The Collected Papers of Frederic William Maitland*, Downing Professor of the Laws of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 1. P. 107). См. также: «...Главной характеристикой правящей иерархии или любой группы нашего общества является не знание, а неведение. Надо иметь в виду, что любой человек может знать лишь часть того, что происходит вокруг него. Большая часть того, что этот человек знает или в чем убежден, скорее всего, не истинна, а ложна... В любой момент времени любому представителю вертикали управления или организации в целом неизвестно намного больше, чем известно. Следовательно, вполне возможно, что, выстраивая ради эффективности иерархию власти, мы на самом деле институционализируем незнание. Создавая условия для лучшего использования того, что знают немногие, мы гарантируем, что подавляющее большинство не будет иметь возможности исследовать темные зоны, выходящие за пределы ведомого нам» (Kline B.E., Martin N.H. *Freedom, Authority and Decentralization* // Harvard Business Review. 1958. Vol. 36. Особенно с. 70). См. также: «Для спекулятивного законодательства характерно то, что оно очень часто приводит к результату, прямо противоположному тому, который собирались с его помощью получить. Причина состоит в том, что неизвестных нам факторов социальной проблемы настолько больше, чем известных, что наше решение имеет гораздо больше шансов оказаться ошибочным, чем правильным» (Sumner W.G. *Speculative Legislation* // Idem. *The Challenge of Facts and Other Papers*. New Haven: Yale University Press, 1914. P. 215).

В одном важном отношении термин «неведение», или «незнание» (ignorance), слишком узок для наших целей. В некоторых случаях, вероятно, лучше было бы говорить о «неопределенности» в отношении того, что есть на самом деле, поскольку вряд ли можно осмысленно говорить о правильности того или иного утверждения, если никто не знает, что именно

Если бы люди были всеведущими, если бы мы могли знать все, что влияет не только на исполнение наших сегодняшних желаний, но и на удовлетворение будущих нужд и устремлений, мало что можно было бы сказать в защиту свободы. В свою очередь, когда человек свободен, точно предвидеть будущее, разумеется, невозможно. Свобода совершенно необходима для того, чтобы дать место непредсказуемому и непредвиденному; мы стремимся к ней потому, что научились ожидать от нее новых возможностей для достижения наших целей. Именно потому, что каждый индивид знает так мало, и, в частности, потому, что мы не всегда понимаем, у кого из нас знание лучше, мы полагаемся на то, что независимые и конкурирующие усилия многих будут способствовать возникновению чего-то нового, что мы захотим, когда это увидим.

Как бы ни было унижительно для человеческой гордости, следует признать, что прогресс и даже простое сохранение цивилизации зависит от максимума возможностей для случайных событий¹¹. Эти случайности касаются сочетания тех или иных знаний и установок, умений и привычек, приобретаемых индивидами в том числе и тогда, когда квалифицированные специалисты сталкиваются с особыми обстоятельствами, к действиям в которых они подготовлены. Мы неизбежно знаем так мало, что, следовательно, нам приходится иметь дело преимущественно с шансами и вероятностями.

Безусловно, и в частной и в общественной жизни благоприятные случайности обычно происходят не просто так. Мы должны к ним готовить-ся¹². Но при этом они остаются случайностями, гарантировать их невозможно. Они подразумевают обдуманное принятие риска, возможность невезения для индивидов и групп, заслуживающих успеха не меньше, чем те, кто его добился, возможность серьезной неудачи или отката назад даже для большинства и всего лишь высокую вероятность получения чистого выигрыша в конечном итоге. Самое большее, чего мы можем добиться, — повысить шансы на то, что особое сочетание личных дарований и обстоятельств приведет к формированию нового инструмента или улучшению старого, и сделать более вероятным, что такие инновации будут быстро становиться известными тем, кто может получить от них выгоду.

Разумеется, все политические теории предполагают, что большинство людей крайне невежественны. Сторонники свободы отличаются

правильно в конкретном контексте. В таких случаях, возможно, факт в том, что существующие нравственные нормы поведения не дают ответа на проблему, хотя, может, и есть какой-то ответ, который, если бы он был известен и принят многими, обладал бы большой ценностью. Я очень признателен Пьеру Ф. Гудричу, замечания которого в ходе дискуссии помогли прояснить этот важный для меня аспект, хотя он не убедил меня в том, что в общем случае стоит говорить о «несовершенстве» там, где я подчеркиваю незнание.

¹¹ См.: «Вся наша задача состоит в том, чтобы совершать ошибки как можно быстрее» (Wheeler J.A. A Septet of Sibyls: Aids in the Search for Truth // American Scientist. 1956. Vol. 44. P. 360).

¹² См. замечание Луи Пастера: «В исследовательской работе случайности помогают только тем, чей ум хорошо подготовлен к этому» (цит. по: *Taton R. Reason and Chance in Scientific Discovery*. London: Hutchinson, 1957. P. 91).

от остальных тем, что к числу невежественных относят и себя, и самых мудрых из людей. В сравнении с совокупностью знаний, используемых в процессе развития динамичной цивилизации, разница между знаниями, которые могут обдуманно использовать самый мудрый и самый невежественный человек, сравнительно невелика.

Классический довод в пользу терпимости, сформулированный Джоном Мильтоном и Джоном Локком, а потом переформулированный Джоном Стюартом Миллем и Уолтером Бэджотом, опирается, конечно, на признание этого нашего неведения. Этот довод представляет собой частный случай применения общих соображений, путь к пониманию которых открывается нам благодаря нерационалистическому пониманию работы нашего ума. В этой книге мы обнаружим, что, хотя обычно мы этого не осознаем, все институты свободы представляют собой адаптацию к фундаментальному факту незнания и что они приспособлены иметь дело с шансами и вероятностями, а не с определенностью. В людских делах определенность недостижима, и как раз по этой причине мы, чтобы наилучшим образом использовать имеющееся у нас знание, должны придерживаться правил, которые, как показал опыт, приводят в целом к наилучшим результатам, хотя нам не известно, каковы будут результаты следования им в каждом конкретном случае¹³.

5. Человек учится на разочаровании в своих ожиданиях. Разумеется, нам не следует увеличивать непредсказуемость событий, создавая глупые человеческие институты. Нашей целью, насколько это возможно, должно быть такое совершенствование институтов, которое увеличивает шансы правильно предсказывать будущее. Но прежде всего мы должны обеспечивать неизвестным нам индивидам максимум возможностей для того, чтобы они учились на фактах, о которых мы сами еще ничего знаем, и использовали это знание в своих действиях.

Именно благодаря объединенным усилиям многих людей удается использовать больше знания, чем имеется в распоряжении любого отдельного человека или чем удастся синтезировать интеллектуально; именно благодаря такому использованию рассеянного знания оказываются возможными достижения, превосходящие все, что ожидается от любого отдельного ума. Именно потому, что свобода означает отказ от прямого контроля над действиями индивида, свободное общество использует намного больший объем знания, чем способен охватить ум самого мудрого правителя.

---

¹³ См.: «Доктрины свободной торговли являются обоснованными в качестве общих правил, использование которых чаще всего дает благоприятные результаты. Как и в случае других общих правил, бывают конкретные ситуации, в которых, при условии знания всех сопутствующих обстоятельств и всех последствий при всех возможных вариантах событий, было бы выгоднее не применять общее правило. Но это не делает правило плохим и не дает оснований его не применять в тех случаях, когда, как это бывает обычно, нам не известны все возможные последствия, которые могли бы сделать ситуацию желанным исключением» (*Lerner A.P. The Backward-leaning Approach to Controls // Journal of Political Economy. 1957. Vol. 65. P. 441*).

Из такого обоснования аргументации в пользу свободы следует, что нам не достичь ее целей, если мы ограничим ее отдельными ситуациями, в которых, как мы заведомо знаем, она принесет благо. Свобода, существующая, лишь когда заранее известно, что ее результаты будут благотворными, — это не свобода. Если бы мы знали, как она будет использована, аргумент в ее пользу исчез бы. Нам никогда не получить благих последствий свободы, никогда не обрести непредвиденных новых усовершенствований, возможности для которых она открывает, если она не будет предоставлена и в тех случаях, когда некоторые воспользуются ею таким образом, который нам не представляется желательным. Поэтому доводом против индивидуальной свободы не может служить утверждение, что ею часто злоупотребляют. Свобода по необходимости означает, что будет сделано много такого, что нам не по душе. Наша вера в свободу опирается не на предсказуемые результаты в отдельных ситуациях, а на убежденность, что в итоге образуются больше сил для хорошего, чем для плохого.

Из сказанного следует, что важность нашей свободы совершать то или иное конкретное действие не имеет никакого отношения к вопросу о том, воспользуемся ли когда-либо мы или большинство людей именно этой возможностью. Предоставлять ровно столько свободы, сколько могут использовать все, и не больше, означало бы совершенно не понимать ее функцию. Свобода, которой воспользуется только один из миллиона, может оказаться более важной для общества и более благотворной для большинства, чем любая свобода, которой пользуемся мы все¹⁴.

Можно даже сказать, что чем меньше вероятность воспользоваться свободой осуществлять то или иное конкретное действие, тем более драгоценна эта свобода для общества в целом. Чем менее вероятно появление возможности, тем более серьезной потерей будет упустить ее, потому что опыт, который она дарит, будет почти уникален. Наверное, справедливо утверждение, что большинство людей не заинтересовано напрямую в большинстве важных вещей, в которых каждый человек должен быть свободен. Но свобода столь важна именно потому, что мы не знаем, как люди ею воспользуются. В противном случае результаты свободы могли бы быть

---

¹⁴ См.: «Чтобы отвергнуть призыв к свободе, недостаточно указать, как это красноречиво и с юмором делает Лоус Дикинсон (*Dickinson L. Justice and Liberty: a Political Dialogue*. London: J.M. Dent, 1908. E.g. P. 129, 131), на абсурдность предположения, что не имеющие собственности работники в условиях обычного капиталистического режима пользуются некими свободами, которых социализм их лишит. Потому что может быть крайне важно, чтобы некоторые пользовались свободой — чтобы немногие имели возможность располагать своим временем по своему усмотрению — хотя подобная свобода может оказаться недоступной, да и нежеланной для подавляющего большинства. То, что культура требует существенной дифференциации социальных условий, также является бесспорно важным принципом» (*Rashdall H. The Philosophical Theory of Property // Property; Its Duties and Rights: Historically, Philosophically, and Religiously Regarded* / Ed. by Ch. Gore, L.T. Hobhouse; new ed. New York: Macmillan, 1915. P. 61–62). См. также: «Если исходить из необходимости свободы для немногих, которые сумеют воспользоваться ее преимуществами, то свобода должна быть предложена многим. Если история и преподносит какой-либо ясный урок, то именно этот» (*Kline B.E., Martin N.H. Freedom, Authority and Decentralization // Harvard Business Review*. 1958. Vol. 36. P. 69).

достигнуты на основе решений большинства, определяющего, что кому следует делать. Но действия большинства неизбежно лежат в рамках того, что уже испытано и выяснено, они ограничены вопросами, по которым уже достигнуто согласие после обсуждения, которому, в свою очередь, неизбежно должны предшествовать разные опыты и действия разных индивидов.

Таким образом, выгоды, которые я получаю от свободы, — это во многом результат использования свободы другими, и в первую очередь теми, которые использовали ее так, как я бы никогда не сумел. Следовательно, та свобода, которой могу воспользоваться я сам, не обязательно для меня самая важная. Несомненно, более важно то, чтобы все что угодно могло быть испробовано хоть кем-то, а не то, чтобы все имели возможность делать одно и то же. Мы претендуем на свободу не потому, что хотим иметь возможность совершать определенные вещи, и не потому, что рассматриваем ту или иную конкретную свободу как существенное условие нашего счастья. Инстинкт, заставляющий нас восставать против любых физических ограничений, — это союзник, хотя и полезный, но не всегда способный служить надежным руководством в обосновании или установлении границ свободы. Важно не то, какой свободой лично я хотел бы воспользоваться, а то, какая свобода может потребоваться конкретному человеку, чтобы сделать то, что будет благотворно для общества. Мы можем гарантировать такую свободу неизвестному человеку, только наделив ею всех.

Следовательно, свобода приносит пользу не только свободным — или, по крайней мере, человек получает выгоду в основном не от тех свобод, которыми сам может воспользоваться. Несомненно, в истории несвободное большинство регулярно получало выгоду от существования свободных меньшинств, и сегодня несвободные общества извлекают пользу из того, чему они могут научиться и что получить у свободных обществ. Понятно, что блага, получаемые нами от свободы других, тем больше, чем больше число тех, кто может пользоваться свободой. Следовательно, аргумент в пользу свободы некоторых приложим и к свободе всех. Тем не менее для всех лучше, если хоть кто-то свободен, чем если никто не свободен, и лучше, когда многие обладают полной свободой, чем когда все имеют свободу ограниченную. Существенно, что важность свободы делать определенные вещи не имеет никакого отношения к числу людей, желающих их делать: пропорция может оказаться обратной. Одно из следствий этого состоит в том, что общество может быть опутано контролем по рукам и ногам, а при этом подавляющее большинство и не будет осознавать, что их свобода значительно урезана. Если мы будем исходить из посылки, что важна только та свобода, которую практикует большинство, можно быть уверенным, что мы создадим застойное общество, обладающее всеми признаками несвободы.

6. Незапланированные новшества, постоянно возникающие в процессе адаптации, состоят, во-первых, из новых соглашений или моделей, в соответствии с которыми координируются усилия разных индивидов, и из новых констелляций в использовании ресурсов, столь же временных

по своему характеру, как и породившие их условия. Во-вторых, происходит модификация инструментов и институтов, приспособляющихся к новым обстоятельствам. Некоторые из них также оказываются лишь временными адаптациями к текущим условиям, тогда как другие представляют собой усовершенствования, увеличивающие гибкость существующих инструментов и способов их применения, и потому сохраняются. Последние обеспечивают лучшую адаптацию не просто к конкретным обстоятельствам места и времени, но и к некоторым постоянным свойствам нашей среды. В таких спонтанных «целостностях»¹⁵ воплощается восприятие общих законов природы. Вместе с кумулятивной материализацией опыта в инструментах и формах деятельности происходит рост явного (эксплицитного) знания, сформулированных общих правил, которые посредством языка могут передаваться от человека к человеку.

Этот процесс, благодаря которому возникает новое, лучше всего понят применительно к интеллектуальной сфере, где результатом являются новые идеи. В области, в которой большинство из нас знакомы по крайней мере с некоторыми из отдельных шагов этого процесса, где мы не можем не знать, что происходит, а потому в целом признаем необходимость свободы. Большинство ученых согласны, что мы не в состоянии планировать прогресс знания, что в ходе путешествия в непознанное — а именно этим и является исследование — мы в значительной мере зависим от причуд гения и от обстоятельств и что научный прогресс, как и новая идея, возникающая в уме одного человека, является результатом сочетания концепций, привычек и обстоятельств, которыми общество наделяет одного человека, то есть результатом в равной мере счастливых случайностей и систематических усилий.

Поскольку то, что наши успехи часто имеют источником непредвиденное и непреднамеренное, мы осознаем яснее всего применительно к интеллектуальной сфере, мы склонны преувеличивать важность свободы в этой области и пренебрегать важностью свободы *действовать*. Но свобода исследования и мнения, как и свобода слова и дискуссии, важность которых понимают многие, существенны только на последней стадии процесса открытия новых истин. Превозносить ценность интеллектуальной свободы в ущерб ценности свободы действовать — это все равно что считать верхнюю часть постройки целым зданием. У нас есть новые идеи для обсуждения и разные взгляды для согласования, потому что и взгляды, и идеи возникают из усилий индивидов в постоянно меняющихся обстоятельствах, которые используют в решении конкретных задач освоенные ими новые инструменты и формы деятельности.

---

¹⁵ Об использовании термина «целостность» (formation), который в данном контексте более уместен, чем обычный термин «институт», см. мое исследование: Hayek F.A. The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason. Glencoe, IL: Free Press, 1952. P. 83 [Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003. С. 79].

Чтобы понять и оценить неинтеллектуальную часть этого процесса — формирование изменяемой материальной среды, в которой возникает новое, — требуется гораздо большая работа воображения, чем для факторов, на которые упирает интеллектуалистский подход. Если порой нам удается проследить интеллектуальные процессы, приведшие к появлению новой идеи, то обычно мы не можем восстановить последовательность и сочетание тех действий, которые привели к приобретению эксплицитного знания; вряд ли мы в состоянии реконструировать те нашедшие применение благоприятные привычки и умения, те использованные условия и возможности, а также то конкретное окружение главных акторов, которые сопутствовали успешному результату. В своих усилиях понять эту часть процесса мы способны только показать на упрощенных моделях, какого рода силы здесь действуют, и указать на общий принцип, но не можем описать конкретный характер действующих факторов¹⁶. Люди всегда имеют дело только с тем, что им известно. И следовательно, то, о чем в ходе данного процесса ни у кого нет явного, осознанного знания, игнорируется и, вероятно, никогда не может быть отслежено детально.

На самом деле, эти неосознаваемые особенности обычно не только игнорируются — они часто считаются скорее помехой, чем подспорьем или существенным условием. Поскольку они не «рациональны» в том смысле, что не входят явным образом в наши рассуждения, они часто рассматриваются как иррациональные, то есть как нечто противоположное разумному действию. Но хотя многое из того нерационального, что влияет на наши действия, может быть иррациональным в этом смысле, многие из «простых привычек» и «бессмысленных институтов», которыми мы пользуемся и которые воспринимаем как само собой разумеющееся в наших действиях, являются существенными условиями для наших достижений; они представляют собой успешные, постоянно совершенствуемые результаты адаптации общества, от которых зависит масштаб того, чего мы можем достичь. Конечно, важно выявлять их изъяны, но мы не можем сделать и шага без постоянной опоры на них.

То, как мы научились упорядочивать наш день, одеваться, питаться, обустривать наши дома, говорить, писать и использовать другие бесчисленные инструменты и орудия цивилизации, не меньше, чем ноу-хау производства и торговли, постоянно служит нам основанием, на котором базируется наш вклад в процесс цивилизации. Новые идеи, которые потом разрабатываются в интеллектуальной сфере, возникают именно на основе того, как по-новому используется и как совершенствуется инструментарий, предлагаемый нам цивилизацией. Хотя сознательная работа абстрактной

---

¹⁶ См.: *Hayek F.A. Degrees of Explanation* // *British Journal for the Philosophy of Science*. 1955. Vol. 6. P. 209–225, переиздано: *Idem. Studies in Philosophy, Politics, and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 3–21. См. также: *Hayek F.A. The Theory of the Complex Phenomena* // *The Critical Approach to Science and Philosophy: Essays in Honor of Karl R. Popper* / Ed. by M.A. Bunge. New York: Free Press of Glencoe, 1964. P. 332–349.

мысли, раз начавшись, обретает до известной степени собственную жизнь, она не может долго продолжаться и развиваться без постоянных вызовов, порождаемых способностью людей действовать по-новому, испытывать новые способы действия и менять всю структуру цивилизации в ходе приспособления к изменениям. По сути дела интеллектуальный процесс — это всего лишь процесс разработки, отбора и отбрасывания уже сформированных идей. А поток новых идей в значительной мере идет из сферы, где сталкиваются между собой действия, часто нерациональные, и материальные события. Если свободу ограничить исключительно интеллектуальной сферой, этот источник иссякнет.

Таким образом, значимость свободы не зависит от того, насколько возвышенный характер имеет деятельность, которую она делает возможной. Свобода деятельности, даже в случае простых и незначительных вещей, столь же важна, как свобода мысли. Вошло в привычку недооценивать свободу действия, называя ее «экономической свободой»¹⁷. Но понятие свободы действия намного шире понятия экономической свободы и включает его в себя; что еще более важно, вряд ли существуют какие-либо действия, которые можно было бы назвать чисто «экономическими», и очень сомнительно, чтобы все ограничения свободы можно было свести исключительно к тому, что может быть названо «экономическими» аспектами. Экономические соображения — это просто-напросто те, посредством которых мы взаимно согласуем наши несовпадающие цели, ни одна из которых в конечном итоге не является экономической (если не считать скупца или человека, для которого деньги сами по себе превратились в цель)¹⁸.

7. Большая часть сказанного нами приложима не только к средствам, используемым человеком для достижения своих целей, но и к самим целям. Одной из черт свободного общества является открытость человеческих целей¹⁹ — новые цели сознательных усилий могут возникнуть вначале у нескольких человек, чтобы со временем сделаться целями большинства. Мы должны признать, что меняется даже то, что мы считаем хорошим или красивым, — если и не явным образом, что сделало бы нашу позицию релятивистской, то в том смысле, что нам во многих аспектах не известно, что будет представляться хорошим или красивым другому поколению. Не знаем мы и того, почему считаем то или другое хорошим и кто прав, когда мнения

---

¹⁷ См.: *Director A.* The Parity of Economic Market Place // Conference on Freedom and the Law, May 7, 1953. University of Chicago Law School Conference Series. № 13. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 16–25.

¹⁸ См.: *Hayek F.A.* The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press, 1944. Ch. 7 [*Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. Гл. 7].

¹⁹ См.: «...если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество. Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу» (*Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. Princeton: Princeton University Press, 1950. Особенно с. 195 [*Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. Т. 1. С. 248]).

людей о том, что хорошо, а что нет, расходятся. Человек есть создание цивилизации в отношении не только его знания, но и его целей и ценностей; в конечном итоге именно то, насколько желания индивида способствуют дальнейшему сохранению группы или вида, определяет, будут ли они существовать в неизменном виде или изменятся. Было бы, конечно, ошибкой думать, что мы можем делать заключения о том, какими должны быть наши ценности, на основании одного лишь понимания, что они являются плодом эволюции. Но у нас нет причин сомневаться, что эти ценности созданы и изменялись под действием тех же эволюционных сил, которые породили и наш разум. Все, что мы можем знать, — вопрос о том, что такое хорошо, а что такое плохо, будет окончательно решен не каким-нибудь мудрецом, а тем, что группы, придерживавшиеся «неправильных» представлений, придут в упадок.

Все механизмы цивилизации должны доказывать свою пригодность именно в преследовании сиюминутных целей человека; неэффективные будут отброшены, а эффективные сохранятся. Но дело не только в том, что с удовлетворением старых потребностей и появлением новых возможностей постоянно возникают новые цели. То, какие индивиды и какие группы преуспеют и продолжат существование, так же зависит от целей, которые они преследуют, и от ценностей, которыми руководствуются, как и от находящихся в их распоряжении инструментов и способностей. Достигнет ли группа процветания или исчезнет, так же зависит от морального кодекса, идеалов красоты и благополучия, которыми она руководствуется, как и от того, насколько она научилась или не научилась удовлетворять свои материальные потребности. В любом обществе отдельные группы могут возвышаться или угасать в зависимости от целей, которые они преследуют, и норм поведения, которым они подчиняются. И цели преуспевшей группы имеют тенденцию превращаться в цели всех членов общества.

Мы в лучшем случае лишь отчасти понимаем, почему ценности, которых мы придерживаемся, или правила морали, которые мы соблюдаем, способствуют тому, что общество продолжает существовать. Мы не можем быть уверены, что при постоянно изменяющихся условиях все правила, существовавшие достижению определенной цели, останутся таковыми и в будущем. Хотя есть презумпция, что любая утвердившаяся социальная норма так или иначе вносит вклад в сохранение цивилизации, единственный способ подтвердить это — убедиться, оправдывает ли она себя в соревновании с другими нормами, соблюдаемыми другими людьми или группами.

8. Конкуренцию, на которой основан процесс отбора, следует понимать в самом широком смысле. Она включает в себя конкуренцию не только между отдельными людьми, но и между организованными и неорганизованными группами. Мыслить о ней как о противоположности сотрудничества или организации — значит не понимать ее природы. Попытка достичь определенных результатов с помощью сотрудничества и организации в не меньшей мере является частью конкуренции, чем индивидуальные усилия.

Успешные внутригрупповые отношения также доказывают свою эффективность в конкуренции с иными, по-другому организованными группами. Имеет значение различие не между индивидуальной и групповой деятельностью, а между условиями, в которых могут быть испробованы основанные на разных взглядах или практиках альтернативные подходы, с одной стороны, и условиями, в которых одна организация имеет исключительное право и силу помешать другим реализовать свой подход — с другой. Только в том случае, если такие исключительные права даруются, исходя из предположения, что отдельные индивиды или группы обладают более совершенным знанием, процесс перестает быть экспериментальным, и представления, господствовавшие в определенный момент времени, становятся препятствием на пути развития знания.

Этот аргумент в пользу свободы — довод не против организации, представляющей собой одно из самых мощных средств, имеющихся в распоряжении человеческого разума, а против всякой исключительной, привилегированной, монополистической организации, против использования принуждения с целью пресечь попытки других сделать что-то лучше. Любая организация опирается на имеющееся знание; организация означает приверженность конкретным целям и конкретным методам, но даже организация, созданная ради роста знания, будет эффективна лишь в той мере, в какой истинны заложенные в ее основу знания и представления. И если какие-либо факты противоречат представлениям, на которые опирается структура организации, это станет очевидно только в результате ее неудачи и замены ее организацией другого типа. Следовательно, организация, скорее всего, будет благотворной и эффективной только до тех пор, пока она является добровольной, укорененной в сфере свободы, и она либо будет вынуждена принаравливаться к обстоятельствам, которые не были учтены при ее создании, либо потерпит крах. Превращение всего общества в единую организацию, устроенную и направляемую по единому плану, означало бы уничтожение тех самых сил, которые сформировали умы людей, ее замысливших.

Стоит задуматься на миг о том, что случилось бы, если бы во всех действиях из всего имеющегося знания использовалось лишь то, что было признано наилучшим. Если бы все попытки, представляющиеся в свете общепризнанного знания тщетными, были запрещены и задавались лишь те вопросы или проводились лишь те эксперименты, которые казались бы важными в свете господствующего мнения, человечество вполне могло бы достичь до того состояния, когда его знания позволяли бы ему предсказывать последствия всех традиционных действий и избегать неудач или разочарований. Тогда могло бы казаться, что человек подчинил окружение своему разуму, потому что он предпринимал бы лишь те попытки, результаты которых были бы полностью предсказуемыми. Можно представить себе цивилизацию, идущую к полному застою не потому, что были исчерпаны все возможности ее дальнейшего роста, а потому, что человек сумел настолько подчинить все свои действия и непосредственное окружение

существующему состоянию знаний, что не возникает благоприятного случая для появления нового знания.

9. Таким образом, рационалист, желающий все подчинить человеческому разуму, оказывается перед настоящей дилеммой. Использование разума имеет своей целью достижение контролируемости и предсказуемости. Но процесс развития разума опирается на свободу и непредсказуемость человеческой деятельности. Те, кто превозносит могущество человеческого разума, обычно видят только одну сторону взаимодействия мысли и поведения, в ходе которого разум одновременно применяется и формируется. Они не видят, что социальный процесс, в рамках которого происходит рост разума, для продвижения вперед должен оставаться свободным от его контроля.

Вряд ли можно сомневаться, что некоторыми из величайших достижений прошлого человек обязан тому, что он не смог поставить под контроль жизнь общества. Вполне может оказаться, что дальнейшее движение вперед будет зависеть от сознательного отказа от контроля, и этот шаг сегодня во власти человека. В прошлом спонтанным силам роста, каким бы сильным ограничениям они ни подвергались, обычно удавалось утвердить себя в противостоянии организованному насилию государства. Сейчас же в распоряжении правительств находятся современные технологические средства контроля, и далеко не очевидно, что эти силы могут себя защитить; как бы то ни было, такая защита вскоре может оказаться невозможной. Мы недалеко от того момента, когда сознательно организованные силы общества смогут разрушить те спонтанные силы, которые сделали возможным продвижение вперед.

Прогресс с позиций здорового смысла

---

*Всех выше поднимается тот, кто не знает,
куда он держит путь.*

— Оливер Кромвель

1. Сегодня авторы, дорожающие своей репутацией интеллектуалов, вряд ли станут упоминать прогресс, не заключая это слово в кавычки. Само собой разумевшаяся вера в прогресс, которая в последние два столетия была признаком передового мыслителя, теперь считается признаком неглубокого ума. Хотя огромные массы людей в большинстве стран мира все еще связывают свои надежды с непрерывностью прогресса, среди интеллектуалов стало обычным делом задаваться вопросом, существует ли вообще такая вещь, как прогресс, или, по крайней мере, насколько он желателен.

— См.: *Retz J.F. de. Mémoires du Cardinal de Retz de Guy-Joli, et de la duchesse de Nemours*, contenant ce qui s'est passé de remarquable en France pendant les premières années du règne de Louis XIV / Nouvelle édition. Paris: Chez Étienne Ledoux, 1820. Vol. 2. P. 497 [*Рец Ф.П. де. Мемуары*. М.: Ладомир; Наука, 1997. С. 419], где воспроизводятся слова президента Бельевра, сказавшего, что Кромвель однажды заметил ему: «On ne montait jamais si haut que quand on ne sait où l'on va». Это высказывание явно произвело глубокое впечатление на мыслителей XVIII века и цитируется Давидом Юмом (*Hume D. Whether the British Government Inclines More to Absolute Monarchy, or to a Republic // Hume. Essays. Vol. 1. P. 124*), Адамом Фергюсоном (*Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printed for A. Millar and T. Caddel in the Strand, London, and A. Kincaid and J. Bell, Edinburgh, 1767. P. 187* [*Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 189–190]), а также Тюрго (см.: *Forbes D. Scientific Whiggism // Cambridge Journal. 1954. Vol. 7. P. 654*). Оно еще раз всплывает у А. Дэйси (*Dacey. Law and Public Opinion. P. 231*). Немного измененная версия встречается в посмертно опубликованных записках Гете «Максимы и рефлексии»: «Man geht nie weiter, als wenn man nicht mehr weiss, wohin man geht» [«Человек дальше всего заходит тогда, когда не знает, куда идет»] (*Goethe J.W. Maximen, Reflexionen: Goethe's Aufsätze zur Kultur-, Theater- und Literatur- Geschichte. Leipzig: Inselverlag, 1913. Vol. 2. P. 626*). См. в этой связи также: «Homo non intelligendo fit Omnia» [«Все делается несведущими людьми»] (*Vico G. Opere di Giambattista Vico, ordinate ed illustrate coll'analisi storica della mente di Vico in relazione alla scienza della civiltà / Ed. by G. Ferrari; 2nd ed. Milan: Società Tipolog. de' Classici Italiani, 1852–1854. Vol. 5. P. 183*). Поскольку другой возможности сослаться на Вико не будет, следует заметить, что он и его великий ученик Фердинандо Галиани представляют единственную в континентальной Европе параллель антирационалистической британской традиции, которую мы подробнее рассмотрим в следующей главе. Немецкий перевод более раннего и несколько более пространный вариант этой главы см.: *Hayek F.A. Grundtatsachen des Fortschritts // Ordo. 1957. Vol. 9. P. 19–42*.

До известной степени эта реакция против восторженной и наивной веры в неизбежность прогресса была необходима. Столь многое из сказанного и написанного о нем было несостоятельным, что теперь стоит дважды подумать, прежде чем употребить это слово. Утверждение, что «цивилизация двигалась, движется и будет двигаться в желательном направлении»¹, никогда не было сколько-нибудь серьезно обосновано, равно как не было никаких оснований для оценки любых изменений как необходимых или прогресса как неизбежного и всегда благотворного. И уж меньше всего было причин для разговоров о поддающихся выявлению «законах прогресса», позволяющих нам предсказывать условия, к которым мы с неизбежностью движемся, или для истолкования каждой сделанной человеком глупости как чего-то необходимого и в силу этого правильного.

Хотя модное разочарование в идее прогресса и нетрудно объяснить, оно несет в себе и опасность. В некотором смысле цивилизация — это прогресс, а прогресс — это цивилизация². Сохранение того вида цивилизации, с которым мы знакомы, зависит от действия сил, которые при благоприятных условиях порождают прогресс. Если верно, что эволюция не всегда ведет к созданию лучшего, то верно также и то, что без сил, которые ее порождают, цивилизация и все, что мы ценим, — на самом деле, почти все, что отличает человека от животного, — не могли бы существовать либо сохраняться длительное время.

История цивилизации — это летопись прогресса, который за недолгий срок — менее чем за восемь тысяч лет — создал почти все, что мы считаем характерным для жизни человека. Отказавшись от охотничьего уклада, большинство наших прямых прародителей в начале неолитической культуры обратились к земледелию, а вскоре — менее чем три тысячи лет назад или за сто поколений до нас — к городской жизни. Нет ничего удивительного, что биологический аппарат человека в некоторых отношениях не поспевал за быстрыми изменениями, что адаптация его нерациональной составляющей несколько отставала и что многие из инстинктов и эмоций по-прежнему больше приспособлены к охотничьей, а не к цивилизованной жизни. Если многие черты нашей цивилизации кажутся нам неестественными, искусственными или нездоровыми, то именно таким и должен быть опыт человека с тех пор, как он впервые зажил городской жизнью. Все хорошо известные протесты против индустриализма, капитализма или чрезмерной утонченности — это главным образом выражение недовольства новым образом жизни, который человек

---

¹ Bury J.B. The Idea of Progress: An Inquiry into its Origin and Growth. London: Macmillan and Co., 1920. P. 2.

² Ср.: Mill J.S. Representative Government // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 121 [Милль Дж.С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. С. 4–5].

начал осваивать сравнительно недавно после более чем полумиллиона лет жизни бродячего охотника и который создает проблемы, до сих пор не разрешенные³.

2. Когда мы говорим о прогрессе в связи с нашими личными стараниями или организованными усилиями людей, мы имеем в виду продвижение к известной цели⁴. В этом смысле эволюцию общества нельзя назвать прогрессом, потому что она не является плодом человеческого разума, стремящегося при помощи известных методов достичь поставленной цели⁵. Было бы правильнее думать о прогрессе как о процессе формирования и изменения человеческого интеллекта, процессе адаптации и обучения, в ходе которого постоянно изменяются не только известные нам возможности, но и наши собственные ценности и желания. Поскольку прогресс состоит в открытии еще не познанного, его последствия по необходимости должны быть непредсказуемыми. Он всегда ведет в неведомое, и самое большее, на что мы можем рассчитывать, — разобраться в том, какого рода силы его порождают⁶. Хотя и необходимо иметь общее представление о кумулятивном росте, если мы намерены попытаться создать для него благоприятные условия, однако на основе этого знания мы никогда не сможем делать конкретные прогнозы⁷. Предполагать, что мы извлечем из него

---

³ См.: «Если противоестествен дворец, то не менее противоестественна и хижина; а высочайшие проявления политики и нравственности в известном смысле не более искусственные, чем первые движения чувства и разума» (*Ferguson A. History of Civil Society*. Edinburgh: Printed for A. Millar and T. Caddell in the Strand, London, and A. Kincaid and J. Bell, Edinburgh, 1767. P. 12 [*Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 40]). Вильгельм Рошер в качестве примеров «губительной утонченности», против которой в то или иное время метали молнии суровые моралисты, приводит вилки, перчатки и застекленные окна (*Roscher W. Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte*. Leipzig; Heidelberg: C.F. Winter, 1861. P. 408–409); Платон в своем «Федоне» заставляет одного из говорящих опасаться, что изобретение письма через ослабление памяти приведет к вырождению! [В действительности речь идет о диалоге «Федра». — *Ped.*]

⁴ Если бы можно было изменить установившееся словоупотребление, следовало бы закрепить слово «прогресс» за таким обдуманым продвижением к избранной цели, а в других случаях говорить только об «эволюции цивилизации».

⁵ См.: «Прогресс... есть нечто такое, что производит себя само. Мы не создаем его» (*Kroeber A.L. Configurations of Cultural Growth*. Berkeley: University of California Press, 1944). [В действительности цитата из: *Kroeber A.L. Anthropology*. New York: Harvourt, Brace and Company, 1923. P. 133. — *Ped.*]

⁶ См.: «Таким образом, теории прогресса делятся на два разных типа, соответствующие двум радикально противоположным политическим теориям и привлекательные для двух противоборствующих темпераментов. К одному типу относятся идеалисты-конструктивисты и социалисты, которые могут назвать каждую улицу и каждую башню „золотого города“, который, как они воображают, находится за ближайшим поворотом. Развитие человека — это замкнутая система; его условия известны и достижимы. Другой тип включает тех, кто, исследуя постепенное становление человека, верит, что благодаря тому же взаимодействию сил, которые вели его до сих пор, и благодаря дальнейшему развитию свободы, которую он завоевал, он будет медленно продвигаться к условиям все большей гармонии и счастья. В этом случае развитие не имеет четких границ; условия его неизвестны, а результаты принадлежат отдаленному будущему. Движущей силой служит личная свобода, а соответствующей политической теорией — либерализм» (*Bury J.B. The Idea of Progress*. London: Macmillan and Co., 1920. P. 236–237).

⁷ См.: *Popper K.R. The Poverty of Historicism*. London: Routledge and Kegan Paul, 1957 [*Поппер К. Нищета историцизма*. М.: Издательская группа «Прогресс»; VIA, 1993], и мою работу: *Hayek F.A. The Counter-Revolution of Science: Studies in the Abuse of Reason*. Glencoe, IL: Free Press, 1952 [*Хайек Ф.А. Контрреволюция науки*. М.: ОГИ, 2003].

законы эволюции, которым должны будем следовать, абсурдно. Человеческий разум не может ни предсказывать, ни осознанно формировать собственное будущее. Его совершенствование состоит в выяснении того, где он заблуждался.

Даже в той области, где поиск нового знания осуществляется наиболее обдуманном образом, то есть в науке, ни один человек не в состоянии предсказать последствия своей работы⁸. На самом деле сейчас становится все понятнее, что даже попытки целенаправленно ориентировать науку на добычу полезного знания — то есть знания, будущее использование которого можно предсказать, — скорее всего, будут тормозить прогресс⁹. Последний по самой своей природе не поддается планированию. Возможно, мы имеем право говорить о планировании прогресса в отдельной области, где мы стремимся решить конкретную задачу и уже представляем, каким будет решение. Но если бы нам пришлось ограничиваться достижением ближайших целей и новые задачи перестали бы постоянно возникать перед нами, поиску вскоре пришел бы конец. Мы становимся мудрее именно благодаря познанию того, чего не знали раньше.

Но нередко мы становимся из-за этого и печальнее. Хотя прогресс отчасти состоит в достижении того, к чему мы стремимся, это не означает, что нам понравятся все его результаты или что мы все окажемся в выигрыше. И поскольку в ходе этого процесса наши желания и цели также меняются, можно усомниться в осмысленности утверждения, что создаваемое прогрессом новое положение вещей всегда лучше прежнего. Прогресс, понимаемый как кумулятивный рост знаний и власти над природой, — термин, который мало что говорит о том, принесет ли нам новое состояние больше удовлетворения, чем прежнее. Удовольствие может заключаться лишь в достижении того, к чему мы стремились, а гарантированное обладание может не приносить радости. Вероятно, нет ответа на вопрос, были бы мы более благополучны или более счастливы, если бы нам пришлось

---

⁸ Это хорошо сформулировал Ирвинг Ленгмюр: «В исследовательской работе невозможно запланировать открытие, но можно спланировать работу, которая, вероятно, приведет к открытиям» (*Langmuir I. Freedom, The Opportunity To Profit from the Unexpected // Research Laboratory Bulletin. 1956. Fall. P. 4.*)

⁹ См.: *Polanyi M. The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. P. 76*, а также замечательное раннее обсуждение этих вопросов в книге Сэмюэла Бейли, в частности, наблюдение, содержащееся в предисловии: «По-видимому, необходимым условием существования человеческой науки является то, что приходится изучать много бесполезных вещей, чтобы узнать что-нибудь полезное; а поскольку невозможно до всякого опыта знать ценность наших приобретений, единственный способ, которым человечество может обеспечить себе все преимущества знания, — это продвижение исследований во всех направлениях. Не существует большего препятствия на пути прогресса науки, чем непрестанное и беспокойное обращение на каждом шагу к осязаемой полезности. Если мы уверены в благотворности общих результатов, неразумно быть чрезмерно требовательным и ожидать, что каждое отдельное усилие немедленно принесет пользу. Кроме того, в каждой науке должна быть достигнута определенная полнота, а потому мы обязаны узнавать множество частных, которые в противном случае не имели бы никакой ценности. Не следует забывать и о том, что тривиальные и очевидно бесполезные результаты часто оказываются необходимой подготовкой к важным открытиям» (*Bailey S. Essays on the Formation and Publication of Opinions, and on Other Subjects. London: Printed for R. Hunter, 1821. P. iv–v.*)

остановиться на сегодняшней стадии развития, чем если бы мы остановились сто или тысячу лет назад.

Но на самом деле ответ и не важен. Значение имеет только продвижение к тому, что в любой данный момент времени представляется достижимым. Не в плодах прошлых успехов, а в жизни будущим и в устремлении в будущее проявляет себя разум человека. Прогресс — это движение ради движения, потому что только участь и получая плоды изучения чего-то нового, человек наслаждается даром разума.

Значительная часть людей может наслаждаться личным успехом только в обществе, которое в целом развивается достаточно быстро. В стационарном обществе число поднимающихся и число опускающихся по шкале успеха будет примерно одинаковым. Для того чтобы подавляющее большинство могло в течение своей индивидуальной жизни поучаствовать в развитии, нужно, чтобы оно происходило довольно быстро. Поэтому вряд ли можно сомневаться в правоте Адама Смита, который писал: «Следует, пожалуй, отметить, что положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед, в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее — полно печали»¹⁰.

Одна из самых характерных особенностей прогрессирующего общества — то, что в нем большинство вещей, которых желают люди, можно получить только в результате дальнейшего прогресса. Это следует из необходимого характера процесса: новые знания и приносимые ими блага могут распространяться только постепенно, а амбиции многих всегда определяются тем, что пока доступно только немногим. Было бы заблуждением думать об этих новых возможностях так, будто они с самого начала являются всеобщим достоянием, которое можно сознательно поделить между всеми членами общества; они становятся общим достоянием только в ходе медленного процесса, когда достижения немногих оказываются доступными многим. Это часто затушевывается преувеличенным вниманием к тем немногочисленным важным шагам в развитии, которые заметны всем. Но крупные достижения чаще всего лишь открывают новые пути, так

---

¹⁰ *Smith. Wealth of Nations. Vol. 1. P. 83 [Смит. Богатство народов. С. 132].* Ср. противоположный подход Джона Стюарта Милля, который в 1848 году всерьез утверждал, что «только в отсталых странах мира рост производства имеет важное значение, экономика же наиболее развитых стран нуждается в улучшении распределения, одним из путей достижения которого является более строгое ограничение роста численности населения» (*Mill. Principles. P. 749 [Милль. Основы. С. 766–767]*). Похоже, что он не осознавал, что попытка с помощью перераспределения справиться даже с крайней нуждой привела бы в его время к разрушению всего, что он считал цивилизованной жизнью, и при этом не достигла бы цели.

что необходимо и дальше долго работать над тем, чтобы сделать возникшее где-то новое знание доступным для всех. Новые достижения проходят длинный путь адаптации, отбора, комбинирования и совершенствования, прежде чем начинают использоваться в полной мере. Это означает, что всегда будут люди, уже получающие выгоду от новых достижений, пока еще не доступных для остальных.

3. Быстрый экономический рост, к которому мы привыкли, по-видимому, в значительной мере происходит в результате этого неравенства и без него был бы невозможен. Столь быстрый прогресс не может идти единым фронтом, но должен осуществляться эшелонами, когда немногие заметно опережают остальных. Причину этого мы часто не видим из-за привычки рассматривать экономический прогресс главным образом как накопление все большего количества благ и техники. Но повышение нашего уровня жизни по меньшей мере в той же степени обязано росту знания, который позволяет нам не просто потреблять все больше тех же самых вещей, но и использовать другие, причем часто такие, о которых мы прежде даже не знали. И хотя рост дохода зависит отчасти от накопления капитала, с гораздо большей вероятностью он определяется тем, что мы учимся использовать имеющиеся ресурсы более эффективно и для решения новых задач.

Рост знания столь важен потому, что материальных ресурсов всегда будет не хватать и их придется приберечь для особых целей, тогда как использование новых знаний (там, где мы искусственно не делаем их редкими, создавая монополии при помощи патентов) не знает ограничений. Однажды добытое знание становится бесплатным благом для всех. Именно этот безвозмездный дар в виде знания, добытого экспериментами некоторых членов общества, делает возможным общий прогресс, а достижения тех, кто ушел вперед, облегчают движение тем, кто идет следом.

На каждой стадии этого процесса всегда будет существовать много таких вещей, которые мы уже умеем производить, но которые пока еще слишком дороги, чтобы быть достоянием масс. И на ранней стадии их производство может потребовать расхода ресурсов, многократно превосходящего ту долю совокупного дохода, которая при приблизительно равном его распределении досталась бы тем немногим, что могут извлекать из них пользу. Как правило, сначала новый товар — это «прихоть немногих избранных, и только потом в нем возникает общественная потребность, и он становится частью жизненно необходимого. Сегодняшний предмет роскоши завтра делается предметом необходимости»¹¹. Более того, часто новые вещи становятся доступными для большинства только потому, что некоторое время были роскошью для немногих.

---

¹¹ *Tarde G. Social Laws: An Outline of Sociology / Trans. by H.C. Warren. New York: Macmillan, 1907. P. 194.*

Если в богатых странах сегодня мы можем обеспечивать большинству комфорт и удобства, которые еще недавно было бы физически невозможно произвести в таких количествах, то это в значительной мере — следствие того, что они первоначально производились для немногих. Все удобства комфортабельного жилья, средств транспорта и связи, развлечений и удовольствий сначала могли производиться только в ограниченных количествах; но постепенно мы учились производить их или их подобию, расходуя намного меньше ресурсов, и в итоге получили возможность обеспечить ими подавляющее большинство людей. Таким образом, значительная часть расходов богатых, хотя они и не ставят перед собой такой цели, идет на оплату издержек экспериментирования с новыми вещами, что в результате позволяет сделать их доступными для бедных.

Важно не только, что мы постепенно учимся производить дешево и массово вещи, которые прежде умели делать только дорого и в небольших количествах, но и что следующий круг желаний и возможностей виден только с передовой позиции и, значит, новые цели будут выбраны и усилия для их достижения начнут предприниматься намного раньше, чем большинство станет к ним стремиться. Чтобы для людей вскоре стало доступным то, чего они захотят после того, как их сегодняшние цели будут реализованы, необходимо, чтобы новшества, которые принесут плоды для масс через двадцать или пятьдесят лет, определялись представлениями и мнениями людей, которые уже сегодня могут пользоваться результатами этих новшеств.

Если сегодня в США или в Западной Европе относительно бедный человек, тратя сравнительно небольшую часть своего дохода, может иметь автомобиль, холодильник, радиоприемник и летать на самолете, то это только потому, что в прошлом другие люди, располагавшие большим доходом, имели возможность тратить деньги на то, что тогда было предметом роскоши. Ход прогресса намного облегчается тем, что его путь уже известен. Раз авангард достиг цели, можно прокладывать дорогу для менее удачливых или менее энергичных. То, что сегодня может выглядеть как экстравагантность или расточительство, поскольку сейчас этим могут наслаждаться лишь немногие, а массы о таком даже и не мечтают, — плата за экспериментирование со стилем жизни, который со временем станет доступным многим. Неравное распределение нынешних благ способствует значительному расширению диапазона того, что будет опробовано, а затем и развито, накоплению опыта, который станет доступным для всех; темп прогресса значительно ускорится, если первые шаги будут предприняты задолго до того, как большинство сможет воспользоваться его плодами. Многие улучшения и в самом деле никогда не стали бы возможными для всех, если бы давным-давно не были доступны избранным. Если бы всем пришлось ждать лучшего до тех пор, пока оно не станет доступно для всех, то во многих случаях этот день никогда не настал бы. Сегодня даже беднейшие обязаны своим относительным материальным благополучием неравенству, существовавшему в прошлом.

4. Следовательно, в прогрессивном обществе, каким мы его знаем, сравнительно богатые просто несколько опережают других по уровню материального благополучия. Они уже живут в той фазе эволюции, которой другие еще не достигли. В результате бедность стала относительным, а не абсолютным понятием. Но от этого она не стала менее горькой. Хотя в развитом обществе неудовлетворенные потребности, как правило, уже не являются нуждами, связанными с физическим выживанием, а представляют собой отражение достижений цивилизации, все еще верно утверждение, что на каждом этапе некоторые вещи, привлекательные для большинства, оказываются достоянием лишь немногих и становятся доступными для всех только в ходе дальнейшего прогресса. Большая часть того, к чему мы стремимся, — это вещи, которых мы хотим потому, что они уже есть у других¹³. И все же прогрессивное общество, полагаясь на этот процесс обучения и подражания, видит в желаниях, которые создает, только стимул к дальнейшим усилиям. Оно не гарантирует результаты каждому. Оно безразлично к горечи неисполненных желаний, порожденных примером других. Оно кажется жестоким, потому что желания всех растут пропорционально тем благам, которые оно дарует немногим. Но пока общество остается прогрессивным, одни должны быть ведущими, а другие — ведомыми.

Утверждение, что в любой фазе прогресса богатые, экспериментируя с новыми стилями жизни, пока еще недоступными бедным, выполняют необходимую службу, без которой путь бедных к благам был бы гораздо более медленным, некоторыми воспринимается как образец надуманной и циничной апологетики. Однако даже небольшое размышление покажет, что эта идея вполне обоснованна и что социалистическому обществу в этом отношении придется имитировать общество свободное. В плановой экономике (если только она не будет просто воспроизводить образцы, позаимствованные у других, более развитых обществ) придется назначать людей, обязанностью которых будет испытание новейших достижений задолго до того, как они станут доступными остальным. Нет другого способа сделать общедоступным новый и пока еще дорогой образ жизни, кроме как начать с того, что его будут практиковать избранные. Но недостаточно лишь позволить некоторым людям испытывать на практике отдельные новые вещи. Ведь последние полезны и ценны только как неотъемлемая часть общего прогресса, в ходе которого они выполняют роль очередного предмета желаний. Чтобы знать, какую из новых возможностей следует развивать на каждом этапе, как и когда отдельные усовершенствования должны стать частью общего движения вперед, плановому обществу потребуется целый класс или даже иерархия классов, которые всегда будут двигаться чуть впереди остальных. Тогда плановое общество будет отличаться от свободного только тем, что неравенство окажется результатом целенаправленной

---

¹³ О курьезном выводе, к которому приходит Джон Кеннет Гэлбрейт, отталкиваясь от того факта, что большинство наших потребностей определяется культурой, см.: *Hayek F.A. The non Sequitur of the Dependence Effect // The Southern Economic Journal. April 1961. Vol. 27. P. 346–348.*

политики, а отбор индивидов или групп будет осуществляться властями, а не безличным процессом рынка и случайностями, связанными с рождением человека и его везением. Следует добавить, что дозволенными будут только одобренные властью формы лучшей жизни и они будут доступны только избранным. Но для того чтобы плановое общество могло продвигаться вперед с той же скоростью, что и свободное, преобладающая степень неравенства должна быть в них примерно одинаковой.

Не существует применимой на практике меры желательной степени неравенства. Мы, разумеется, не хотим, чтобы положение людей определялось произвольными решениями или привилегиями, которыми наделяется тот или иной человек по чьей-либо воле. Однако трудно понять, в каком смысле могло бы быть обоснованным утверждение, что некто слишком далеко оторвался от остальных или что для общества может быть опасно, если прогресс некоторых сильно опережает прогресс остальных. Такое утверждение было бы оправданным, если бы имелись большие разрывы в шкале продвижения; но пока распределение по этой шкале более или менее непрерывно и все ступени пирамиды доходов в достаточной мере заполнены, едва ли можно отрицать, что менее обеспеченные получают материальную выгоду оттого, что другие их опережают.

Возражения проистекают из ошибочного представления, будто бы находящиеся впереди предъявляют права на нечто такое, что в противном случае было бы доступно остальным. Это было бы верно, если бы мы мыслили в терминах одноразового перераспределения плодов прошлого прогресса, а не в терминах того непрерывного продвижения вперед, которое поддерживается в нашем неэгалитарном обществе. В долгосрочной перспективе существование групп, сильно опережающих остальных, явно идет на пользу отстающим, точно так же как все мы выиграли бы, если бы неожиданно получили новые знания от людей с неизвестного континента или с другой планеты, намного опережающих нас по своему уровню знаний из-за неких благоприятных условий.

5. Проблемы неравенства трудно обсуждать беспристрастно, когда речь идет о членах нашего общества. Они лучше видны, если рассматривать их шире, а именно обратиться к отношениям между богатыми и бедными странами. Нас не так сильно будет сбивать с толку идея, что каждый член любого общества имеет естественное право на определенную долю дохода своей группы. Хотя сегодня большинство народов мира получает выгоду от усилий других, у нас определенно нет оснований рассматривать совокупный мировой продукт как плод совместных усилий коллективного человечества.

Хотя тот факт, что сегодня народы Запада по уровню богатства намного опережают всех остальных, отчасти является следствием накопления большего капитала, но главным образом это результат более эффективного использования знаний. Несомненно, перспектива того, что бедные, «неразвитые» страны достигнут нынешнего уровня Запада, намного более

реалистична, чем была бы, если бы Запад не шел так далеко впереди всех. Более того, она намного более реалистична, чем была бы, если бы некая всемирная власть в ходе роста современной цивилизации решила, что ни одна часть мира не должна слишком отрываться от остальных, и позаботилась о том, чтобы на каждом этапе материальные блага распределялись по всему миру равномерно. Если сегодня некоторые страны могут за несколько десятилетий достичь того уровня материального комфорта, на достижение которого Западу потребовались столетия или тысячелетия, то разве не очевидно, что это происходит благодаря тому, что Западу прежде не приходилось делиться своими материальными достижениями с другими, то есть его развитие не сдерживалось и потому он смог намного опередить остальных?

Верно не только то, что страны Запада более богаты потому, что располагают более совершенными технологическими знаниями; они обладают более совершенными технологическими знаниями потому, что они более богаты. И свободное распространение знания, недешево доставшегося ведущим странам, позволяет следующим за ними достичь того же уровня с намного меньшими затратами¹³. Действительно, пока одни страны лидируют, все остальные могут следовать за ними, хотя иногда в них нет условий для самопроизвольного прогресса. То, что даже страны или группы, не обладающие свободой, могут пользоваться многими из ее плодов, — одна из причин, почему значимость свободы недооценивают. Во многих частях мира развитие цивилизации на протяжении долгого времени следовало уже известным образцам, а при современном уровне коммуникаций эти страны и не могут слишком сильно отставать от развитых, хотя большая часть новшеств по-прежнему возникает не в них. Как долго Советская Россия и Япония жили тем, что пытались копировать американские технологии! Пока кто-то производит большую часть новых знаний и осуществляет большую часть экспериментов, вполне возможно целенаправленно применять это знание таким образом, чтобы большинство членов той или иной группы получали от него выгоду почти одновременно и почти в одинаковой степени. Но хотя эгалитарное общество и может развиваться таким образом, его прогресс будет по существу паразитическим, заимствованным у тех, кто несет все издержки.

В связи с этим не следует забывать, что именно экономически продвинутые классы выводят страну в число лидеров в этом общемировом развитии и что страна, сознательно нивелирующая такие различия, тем самым отказывается от своих лидерских позиций, как показывает трагический пример Великобритании. Все ее классы получали выгоду от того, что класс богатых с его старинными традициями требовал для себя продукцию

---

¹³ См.: «Хотя единственным подходящим питомником этих благородных злаков и является свободное государство, все же их можно пересадить в любую другую систему правления» (*Hume D. The Rise and Progress of the Arts and Sciences // Hume. Essays. Vol. 1. P. 184 [Юм Д. О возникновении и развитии искусств и наук // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 548]*).

непревзойденного качества и вкуса, в результате чего Великобритания стала поставщиком всего мира. Британское лидерство кануло в прошлое с исчезновением класса, стилю жизни которого подражали все остальные. Британские рабочие очень скоро поймут, что получали выгоду от принадлежности к сообществу, многие члены которого были богаче, чем они сами, и что они опережали рабочих других стран отчасти благодаря аналогичному лидерству их собственных богачей по отношению к богачам других стран.

6. Если в международном масштабе даже значительное неравенство может способствовать всеобщему прогрессу, можно ли сомневаться, что то же самое верно и в отношении подобного неравенства внутри страны? И здесь точно так же общий темп продвижения увеличивают те, кто идет вперед быстрее. Даже если вначале многие отстают, вскоре кумулятивный эффект прокладывания пути настолько облегчит их продвижение, что они смогут подтянуться и не отставать. Члены общества, в котором много богатых, действительно имеют серьезное преимущество, недоступное жителям бедных стран, которые получают выгоду от капитала и опыта, предоставляемого богатыми; и, следовательно, трудно понять, каким образом эта ситуация может оправдывать притязания индивидов на перераспределение большей доли в их пользу. И правда, похоже, что в общем случае после периода быстрого прогресса накопленные преимущества для ведомых оказываются достаточно значительными, чтобы позволить им двигаться быстрее, чем ведущим, так что в результате сильно растянутая колонна человеческого прогресса подтягивается. По крайней мере, опыт США свидетельствует, что когда положение низших классов улучшается все быстрее, обслуживание богатых перестает быть главным источником больших прибылей и уступает место усилиям, направленным на обслуживание потребностей масс. Те самые силы, которые вначале способствуют обострению неравенства, позднее начинают содействовать его смягчению.

Таким образом, должно существовать два различных взгляда на возможность уменьшения неравенства и устранения бедности путем целенаправленного перераспределения — долгосрочный и краткосрочный. В любой данный момент времени мы можем улучшить положение беднейших, отдав им то, что забираем у богатых. Но хотя такое выравнивание позиций в колонне прогресса временно ускорит сплочение рядов, оно через непродолжительное время приведет к замедлению движения всех и в конце концов отбросит назад тех, кто идет в арьергарде. Это подтверждается недавним европейским опытом. Быстрота, с которой в результате эгалитарной политики богатые общества превратились в статичные, если не застойные, в то время как бедные, но конкурентоспособные страны стали весьма динамичными и прогрессивными, была одной из самых заметных черт послевоенного периода. Контраст в этом отношении между развитыми социальными государствами, такими как Великобритания и скандинавские страны, с одной стороны, и такими странами, как Западная Германия, Бельгия или

Италия, — с другой, начинает осознаваться даже в первой группе стран¹⁴. Если требовалось показать, что нет более эффективного способа сделать общество стационарным, чем навязать всем примерно равный уровень жизни, или что нет лучшего способа замедлить прогресс, чем позволять самым преуспевающим иметь уровень жизни, лишь чуть-чуть превышающий средний, то недавние европейские эксперименты как раз это и продемонстрировали.

Любопытно, что если в случае примитивного общества каждый беспристрастный наблюдатель, вероятно, признал бы, что его положение безнадежно до тех пор, пока все население живет на одинаковом предельно низком уровне, и что в качестве первого условия движения вперед необходимо, чтобы некоторые поднялись над остальными, то в случае развитых стран это готовы признать немногие¹⁵. Разумеется, общество, где только политически привилегированным разрешено богатеть или где только разбогатевшие получают политическую власть и используют ее, чтобы не допускать улучшения положения других, ничуть не лучше эгалитарного общества. Но препятствия к улучшению положения некоторых в долгосрочном плане мешают улучшать положение всех; и то, что они могут удовлетворить сиюминутную страсть большинства, не делает их менее губительными для истинных его интересов¹⁶.

7. При всем уважении к западным развитым странам иногда утверждается, что их прогресс был слишком быстрым или исключительно материальным. Возможно, эти два аспекта тесно взаимосвязаны. Периоды очень быстрого материального прогресса редко бывали временем высокого расцвета искусств, зато замедление его часто сопровождается появлением самых высоких и глубоких художественных и интеллектуальных произведений. Ни Западная Европа XIX века, ни США XX-го не выделяются своими художественными достижениями. Похоже, однако, что периодам всплеска в созидании нематериальных ценностей обычно предшествует улучшение экономических условий. Наверное, вполне естественно, что обычно после

---

¹⁴ См. две важных статьи: *The Dynamic Society* // *Times Literary Supplement*. 1956. February 24. P. 109–111 (также доступна в форме брошюры); *The Secular Trinity* // *Times Literary Supplement*. 1956. December 28. P. 773–775.

¹⁵ См.: «Равенство... это предмет роскоши для богатых обществ. Чтобы бедное общество вообще смогло чего-то добиться, оно должно создать высокую степень неравенства — чтобы прийти к выдающимся достижениям хоть в чем-то, маленький экономический излишек должен быть сосредоточен в руках немногих» (*Boulding K.E. Principles of Economic Policy*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1958. P. 94).

¹⁶ См.: «С точки зрения „долларов и центов“ вполне очевидно, что в течение промежутков времени, измеряемых годами, даже те, кто находится в самом низу лестницы неравенства, получают больше от быстрого экономического роста, чем от любого мыслимого перераспределения доходов. Ускорение роста производства в реальном выражении всего лишь на один дополнительный процент в год даже самых экономически слабых вскоре поднимет до уровня, которого им не обеспечит никакая политика перераспределения... Благодаря концепции роста экономическое неравенство становится в глазах экономиста функционально оправданным. В конечном итоге рост приносит пользу даже тем, кто поначалу кажется безнадежно проигравшим» (*Wallich H.C. Conservative Economic Policy* // *Yale Review*. 1956. Vol. 46. P. 67).

бурного роста благосостояния происходит поворот к нематериальным вещам и что, когда экономическая деятельность больше не сулит обаяния быстрого прогресса, некоторые из числа самых одаренных людей обращаются к другим ценностям.

Это, конечно, только один и, пожалуй, даже не самый важный аспект быстрого материального прогресса, и многие из тех, кто находится в его авангарде, скептически относятся к его ценности. Следует также признать, что нет уверенности в том, что большинство людей хотят всего или даже большей части того, что приносит с собой прогресс. Для большинства из них прогресс — дело недобровольное, которое, давая им многое из того, к чему они стремятся, в то же время навязывает им множество изменений, которых они вовсе не хотели. У индивида нет возможности выбирать — принять участие в прогрессе или нет; прогресс всегда не только приносит с собой новые возможности, но и лишает многих людей значительной части того, чего они хотят, что для них важно и дорого. Для некоторых это может стать настоящей трагедией, а всем, кто предпочел бы довольствоваться плодами прошлого и не участвовать в дальнейшем движении, прогресс может представляться скорее проклятием, чем благословением.

В частности, во всех странах и во все времена существуют группы, достигшие более или менее стабильного положения, образ жизни и привычки которых складывались на протяжении поколений. Этот образ жизни может быть поставлен под угрозу ходом событий, к которому они не имеют никакого отношения, и не только члены таких групп, но часто и внешние по отношению к ним люди могут желать сохранения старого уклада. Примером могут служить многие из европейских крестьян, особенно из отдаленных горных долин. Они дорожат своим образом жизни, хотя он и стал тупиковым и его сохранение слишком сильно зависит от постоянно изменяющейся городской цивилизации. Однако консервативный крестьянин, как и любой другой человек, обязан своим образом жизни людям совершенно иного типа, людям, которые в свое время были новаторами и, вводя новшества, сумели навязать новый образ жизни тем, кто принадлежал к более ранней стадии культуры; вероятно, кочевник точно так же проклинал в свое время вторжение огороженных полей на пастбище, как сегодня крестьянин клянет вторжение промышленности.

Изменения, которым вынужденно подчиняются люди, — часть платы за прогресс, иллюстрация того факта, что не только массы людей, но и, строго говоря, каждого человека рост цивилизации ведет по пути, которого он не выбирал. Если бы у большинства спросили его мнение относительно всех связанных с прогрессом изменений, то, вероятно, оно захотело бы предотвратить многие из его необходимых условий и последствий и тем самым в конечном итоге остановить его. И мне пока не известен ни один случай, когда бы голосованием большинства (в отличие от решения правящей элиты) было решено принести такие жертвы во имя лучшего будущего, какие приносятся в свободном рыночном обществе. Это, однако, не означает, что достижение большинства вещей, которых

на самом деле хотят люди, не зависит от продолжения того самого прогресса, который они, если бы смогли, вероятнее всего, остановили бы, предотвратив те его последствия, которые не встретили бы их непосредственного одобрения.

Не все радости жизни, которые сегодня достаются немногим, станут рано или поздно доступны всем; с такими вещами, как домашняя прислуга, например, это очевидным образом невозможно. Это как раз такие преимущества, которых даже богатые лишаются в результате прогресса. Но большинство выгод, которыми пользуются немногие, со временем становятся доступными остальным. Все наши надежды на уменьшение существующей нужды и бедности основываются на этом ожидании. Если бы мы отказались от прогресса, нам пришлось бы отказаться и от всех наших надежд на социальные усовершенствования. Все желаемые улучшения в области образования и здравоохранения, все надежды на то, что со временем значительная часть населения сможет достичь целей, к которым стремится, зависят от продолжения прогресса. Достаточно вспомнить, что, если помешать прогрессу в высших слоях общества, то вскоре он остановится на всех уровнях, — и мы сразу увидим, что как раз этого мы меньше всего хотим.

8. До сих пор мы говорили преимущественно о нашей собственной стране или о тех странах, которые мы считаем частью нашей цивилизации. Но следует также принять во внимание тот факт, что последствия прошлого прогресса — а именно повсеместное распространение простых и быстрых средств передачи знаний и устремлений — привели к тому, что у нас и нет особого выбора в вопросе о том, хотим мы продолжения быстрого прогресса или нет. Новый факт в нашей нынешней ситуации, который принуждает нас продвигаться вперед, состоит в том, что достижения нашей цивилизации стали предметом желания и зависти для всего остального мира. Независимо от того, действительно ли наша цивилизация самая лучшая с некоторой высшей точки зрения, надо признать, что ее материальные достижения желанны почти всем, кто с ними познакомился. Эти народы, пожалуй, и не хотят принять всю нашу цивилизацию в целом, но они определенно хотят иметь возможность выбрать для себя все, что им подходит. Можно из-за этого испытывать сожаление, но игнорировать никак нельзя: даже там, где другие цивилизации еще сохранились и определяют жизнь большинства, руководящие позиции почти везде перешли в руки тех, кто дальше всех продвинулся в освоении знаний и технологий западной цивилизации¹⁷.

---

¹⁷ Ср. с высказыванием, в котором этот эффект описывается применительно к одному из самых удаленных уголков мира: «Контакты с Западом, напрямую или через вторые руки, распространились на самых дальних кочевников и на затерявшиеся в джунглях деревушки. Более миллиарда людей усвоили, что мы живем более счастливой жизнью, выполняем более интересную работу и наслаждаемся большим материальным комфортом, чем они. Их собственные культуры не дают им всего этого, и они намерены все это получить. Большин-

Хотя внешне может показаться, что два типа цивилизации соревнуются за увеличение числа приверженцев во всем мире, факт остается фактом: и обещания, которые они дают массам, и выгоды, которые они им сулят, в сущности, одни и те же. Пусть и свободные, и тоталитарные страны заявляют, что именно их методы быстрее всего обеспечат людей тем, что они хотят, но сама цель должна представляться им одинаковой. Главное различие состоит лишь в том, что тоталитаристы якобы твердо знают, как они хотят достичь этих результатов, тогда как свободное общество может предъявить только свои прошлые достижения, поскольку по самой своей природе не способно предложить какой бы то ни было детальный «план» будущего роста.

Но если материальные достижения нашей цивилизации вселили в других новые устремления, они же дали этим людям и новые возможности разрушить ее, если им не будет предоставлено то, что, как они считают, им положено. Поскольку знания о возможностях распространяются быстрее, чем материальные преимущества, значительная часть населения мира в наши дни чувствует себя неудовлетворенной как никогда прежде и твердо намерена взять то, на что, по ее мнению, имеет право. Подобно беднякам в любой отдельной стране — и столь же ошибочно — эти люди верят, что их цель может быть достигнута путем перераспределения уже существующего богатства, причем утвердиться в этой вере им помогли западные учения. По мере того как их силы будут расти, они смогут принудить к такому перераспределению, если порождаемый прогрессом рост богатства не будет достаточно быстрым. Однако перераспределение, замедляющее скорость продвижения вперед тех, кто занимает лидирующее положение, приведет к ситуации, когда последующие улучшения будут порождаться в большей мере перераспределением и в меньшей — экономическим ростом.

Сегодня притязания подавляющего большинства населения мира могут быть удовлетворены только быстрым материальным прогрессом. Мало оснований сомневаться, что при господствующем умонастроении серьезное разочарование в ожиданиях приведет к сильной международной напряженности и, очень вероятно, даже к войне. Поэтому мир во всем мире, а с ним и сама цивилизация зависят от сохранения быстрых темпов прогресса. В такой ситуации мы оказываемся не только его творениями, но и пленниками; даже если бы мы захотели, у нас нет возможности сидеть, сложа руки, и наслаждаться уже достигнутым. Наша задача должна состоять в том, чтобы сохранять лидерство, идти вперед по пути, по которому столь многие пытаются шагать за нами след в след. В будущем, после долгого увеличения благосостояния во всем мире, настанет момент, когда каналы, по которым оно распространяется, переполнятся настолько, что даже если авангард замедлит свое движение, идущие сзади смогут

ство азиатов желают иметь все наши преимущества, но при этом хотят как можно меньше менять свои обычаи» (*Clark J. Hunza: Lost Kingdom in the Himalayas*. New York: Funk and Wagnalls, 1956. P. 266).

некоторое время продолжать двигаться с прежней скоростью, и вот тогда мы опять получим возможность выбирать, хотим мы идти дальше теми же темпами или нет. Но сейчас, когда большая часть человечества ощутила еще только возможность избавиться от голода, грязи и болезней, когда, после столетий или тысячелетий относительной стабильности, людей только коснулась растущая волна современных технологий и когда в виде первой реакции на это только начался рост населения пугающими темпами, даже малейшее замедление нашего движения вперед может оказаться для нас фатальным.

Свобода, разум и традиция

---

*Искусство жить свободным способно творить чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободным. <...>
Свобода... обычно рождается в бурях и с трудом укрепляется среди гражданских разногласий. Ее достоинства можно познать только тогда, когда она достигает почтенного возраста.*

— А. де Токвиль

1. Хотя свобода — не природное состояние, а артефакт цивилизации, она не возникла по чьему-либо замыслу. Институты свободы, как и все, что создает свобода, появились не потому, что люди предвидели выгоды, которые они принесут. Но когда эти преимущества были осознаны, люди начали совершенствовать и расширять царство свободы и с этой целью исследовать, как функционирует свободное общество. Это развитие теории свободы происходило главным образом в XVIII веке. Оно началось в двух странах — Англии и Франции. Первая из них знала свободу, вторая — нет.

В результате у нас на сегодняшний день есть две различные традиции в теории свободы¹: одна — эмпирическая и несистематичная, другая —

— Предыдущий и немного более длинный вариант этой главы был опубликован: Ethics. 1958. Vol. 68. P. 229–245.

Tocqueville. Democracy in America. Vol. 1. Ch. 14. P. 246–247 [Токвиль. Демократия в Америке. Кн. 1. Ч. 2. Гл. 6. С. 189]. См. также: «То добро, что приносит с собой свобода, обнаруживается лишь долгое время спустя, и поэтому всегда легко ошибиться в причинах, породивших благо» (Ibid. Vol. 2. Ch. 2. P. 96. [Там же. С. 373]). См. также: «Удерживать в равновесии большое государство или общество, монархическое или республиканское, на основе общих законов — это такая трудная работа, которую ни один человеческий гений, каким бы всеобъемлющим он ни был, не в состоянии выполнить только посредством разума или размышления. Суждения многих должны соединиться в этой работе; опыт должен направлять их труд, время должно довести их до совершенства, а ощущение недостатков — исправить ошибки, которые неизбежно совершаются во время проб и экспериментов» и «право, этот источник всей безопасности и счастья, при любой системе правления возникает поздно и является медленно вырабатываемым продуктом порядка и свободы» (Hume D. The Rise and Progress of the Art and Sciences // Hume. Essays. Vol. 1. P. 185 [Юм Д. О возникновении и развитии искусств и наук // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 549]). См. также «О государстве» Цицерона: II.1.2 (примечание 19 к этой главе).

¹ Токвиль замечает где-то: «Du dix-huitième siècle e de la révolution, étaient sortis deux fleuves: le premier conduisant les hommes aux institutions libres, tandis que le second les menant au pouvoir absolu» [«XVIII век и революция открыли путь в двух направлениях: пер-

спекулятивная и рационалистическая³; первая основана на истолковании традиций и институтов, спонтанно выросших и лишь приблизительно понятых, вторая ставит целью построение утопии — такие попытки неоднократно предпринимались, но ни разу не были успешными. Тем не менее все большее влияние приобретала рационалистичная, убедительная и внешне логичная аргументация французской традиции с характерными для нее лестными допущениями о неограниченных возможностях человеческого разума, в то время как менее четко сформулированная и менее проработанная традиция английской свободы приходила в упадок.

Это различие трудно обнаружить, потому что то, что мы называли «французской традицией» свободы, возникло главным образом из попытки дать интерпретацию британским институтам, и в других странах представление о британских институтах опиралось преимущественно на описания французских авторов³. Обе традиции окончательно перемешались, когда они слились в либеральном движении XIX века и когда даже ведущие британские либералы стали черпать из французской традиции не меньше, чем из британской⁴. В конечном итоге победа в Англии философских радикалов, наследников Бентама, над вигами имела следствием затухание этого фундаментального различия, которое позднее вновь проявилось в конфликте между демократией либеральной и демократией «социальной», или тоталитарной⁵.

вый вел к свободным институтам, тогда как второй — к абсолютной власти»]. Ср. с наблюдением сэра Томаса Мэя: «История одной [Франции] в современную эпоху — это история демократии, а не свободы; история другой [Англии] — это история свободы, а не демократии» (*May Th.E. Democracy in Europe*. London: Longmans, Green, and Co., 1877. Vol. 2. P. 334). См. также: *Ruggiero G. de. The History of European Liberalism* / Trans. by R.G. Collingwood. London: Oxford University Press, 1927. P. 12, 71 и 81. Об отсутствии подлинно либеральной традиции во Франции см.: *Faguet E. Le Liberalisme*. Paris: Société française d'imprimerie et de librairie, 1902. P. 307, и «Daß die Franzosen trotz aller Begeisterung für die Freiheit doch immer nur die Gleichheit gekannt haben, nie die Freiheit» [«Французы, несмотря на весь их энтузиазм по поводу свободы, знали только равенство и никогда не знали свободы»] (*Treitschke H. von. Die Freiheit* [1861]. Leipzig: Indel Bücherei, 1912. P. 12).

³ Термины «рационализм» и «рационалистический» будут использоваться так, как их определяет Бернард Грётойзен, то есть как тенденция «регулировать личную и социальную жизнь в соответствии с принципами разума и устранять насколько возможно или перенести на задний план все иррациональное» (*Groethuysen B. Rationalism* // *Encyclopaedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan Company, 1930–1935. Vol. 13. P. 113). См. также: *Oakeshott M. Rationalism in Politics* // *Cambridge Journal*. 1947. Vol. 1. P. 81–98 (*Оуксхотт М. Рационализм в политике* // Он же. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 7–37).

⁴ Автор одной из самых подробных монографий о Пьере де Буагильбере, одном из первых французских экономистов-теоретиков, отмечает: «Можно сказать, что его позитивная теория была в некотором существенном смысле всего лишь обоснованием того, что он считал английским образом жизни, который, по его мнению, следовало бы перенять французам» (*Dyke Roberts H. van. Boisguilbert: Economist of the Reign of Louis XIV*. New York: Columbia University Press, 1935. P. 327n).

⁵ См.: *Halévy E. The Growth of Philosophic Rationalism*. London: Faber and Gwyer, 1928. P. 17–18. См. также: *Ritter G. Vom sittlichen Problem der Macht*. Bern: A. Francke AG. Verlag, 1948. P. 132.

⁶ См.: *Talmon J.L. The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Secker and Warburg, 1952. Хотя Тальмон не отождествляет «социальную» и «тоталитарную» демократии, я не могу не согласиться с Гансом Кельзенем в том, что «антагонизм, который Тальмон описывает как внутренний конфликт между либеральной и тоталитарной демократией, на самом деле — антагонизм между либерализмом и социализмом, а не между двумя видами демократии» (*Kelsen H. The Foundations of Democracy* // *Ethics*. 1955. Vol. 66. Pt. 2. P. 95, n. 14).

Сто лет назад эту разницу понимали лучше, чем сегодня. В год европейских революций, в которых слились обе традиции, видный немецко-американский политический философ все еще мог четко описать отличие «англиканского» понимания свободы от «галликанского». «Галликанская свобода, — писал в 1848 году Франц Либер, — ищется в *форме правления* и, согласно англиканской точке зрения, она тем самым ищется не там, где ее можно найти. Необходимым следствием галликанского понимания является то, что французы ищут высшую степень политической цивилизации в *организации*, то есть в максимальной степени вмешательства публичной власти. Вопрос о том, представляет ли собой это вмешательство деспотизм или свободу, решается исключительно в соответствии с тем, *кто* вмешивается и в интересах какого класса, тогда как, согласно англиканской точке зрения, такое вмешательство всегда будет либо абсолютизмом, либо аристократией, и нынешняя диктатура *ouvriers* [наемных работников (*фр.*)] воспринималась бы нами как бескомпромиссная аристократия *ouvriers*»⁶.

С тех пор как это было написано, французская традиция шаг за шагом повсеместно вытеснила английскую⁷. Чтобы разделить эти две традиции, необходимо обратиться к их относительно чистым формам, в которых они появились в XVIII веке. То, что мы называем «британской традицией», было подробно разработано группой шотландских моральных философов во главе с Давидом Юмом, Адамом Смитом и Адамом Фергюсоном⁸,

⁶ Работа Франца Либера «Англиканская и галликанская свобода» первоначально была опубликована в газете в штате Южная Каролина в 1849 году, а позднее вошла в сборник: *Lieber F. Anglican and Gallican Liberty // The Miscellaneous Writings of Francis Lieber*. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1881. Vol. 2. P. 382–383. См. также с. 385: «Тот факт, что галликанская свобода всего ждет от организации, тогда как англиканская склоняется к развитию, объясняет, почему во Франции мы находим столь мало совершенствования и развития институтов; и в то же время при попытке усовершенствования следует полная отмена предыдущего порядка вещей, и все начинается *ab ovo* — с нового обсуждения первых элементарных принципов». См. также: *Eötvös J. Der Einfluß der herrschenden Ideen der 19. Jahrhunderts auf den Staat*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1854 (особенно т. 1, с. 38); *Mill J. Considerations on Representative Government*. London: Parker, Son, and Bourn, 1861. P. 82–84.

⁷ Одно из объяснений того, почему французские представления о свободе были столь привлекательными, предложил Фридрих Хауманн в уже цитировавшемся выше трактате «Идеал свободы». Он писал: «Die Länder, wo der Sieg der Freiheit das heißt in diesem Falle der gleichen Rechte (!) am vollkommensten ist, sind vom Standpunkt liberaler Romantik die langweiligsten, den in ihnen gibt es keine Freiheitskämpfer mehr, höchstens noch einen gewissen pharisäischen Stolz denen gegenüber, die noch nicht so weit sind, und ein gewisses erhabenes Mitleid für die Opfer zurückgebliebener Zustände. So etwa erscheint bisweilen der englische Liberalismus» [«Страны, в которых свобода (то есть равенство в правах) достигла наиболее полной победы, с точки зрения либерального романтизма являются самыми скучными, поскольку там больше нет никаких борцов за свободу, а то, что там осталось, представляет собой по большей части род фарисейской гордыни по отношению к странам, которые не продвинулись так далеко, и что-то вроде чувства жалости к народам, находящимся в столь отсталом состоянии. Именно таким в общих чертах выглядит английский либерализм»] (*Naumann F. Das Ideal der Freiheit*. P. 16–17).

Одним из самых удивительных эпизодов Первой мировой войны был спор поверх линии фронта между французскими и немецкими интеллигентами о том, какая из этих стран раскрыла секрет социальной организации. См.: *Labadié J. L'Allemagne: A-t-elle le secret de l'organisation?* Paris: Bibliothèque de l'Opinion, 1916. Для англичанина было бы затруднительно выдвинуть такие претензии от имени своей страны. В этом контексте стоит вспомнить о дискуссии по поводу роли «организации» в наполеоновскую эпоху.

⁸ Хорошее изложение философии роста, ставшей интеллектуальным основанием политики свободы, еще не написано, и я не делаю здесь такой попытки. Более полное описание шотландско-английской школы и ее отличий от французской рационалистической тра-

за которыми последовали их английские современники Джозайя Такер, Эдмунд Бёрк и Уильям Пейли, и представляло собой развитие традиции, коренившейся в теории общего права⁹. Им противостояла традиция французского Просвещения, глубоко пропитанная картезианским рационализмом. Ее наиболее известные представители — энциклопедисты и Руссо, физиократы и Кондорсе. Разумеется, линия раздела не вполне совпадала с национальными границами. Такие французы, как Монтескье, Бенжамен Констан и в первую очередь Алексис де Токвиль, вероятно, располагаются ближе к тому, что мы называем «британской» традицией, чем к «французской»¹⁰. А Британия дала миру по крайней мере одного из основателей рационалистической традиции — Томаса Гоббса — не говоря уж о целом поколении энтузиастов французской революции, таких как Годвин, Пристли, Прайс и Пейн, которые (подобно Джефферсону после его пребывания во Франции¹¹) принадлежали исключительно ей.

2. Хотя сегодня об этих двух группах обычно говорят как об одном целом — как о предшественниках современного либерализма, вряд ли можно вообразить больший контраст, чем между их представлениями об эволюции и функционировании социального порядка и о той роли, которую в нем играет свобода. Это отличие напрямую восходит к преобладанию эмпирицистского в основе своей представления о мире в Англии и рационалистического во Франции. Главная разница в практических выводах, вытекающих из этих подходов, недавно была удачно сформулирована следующим образом: «Один усматривает сущность свободы в спонтанности и отсутствии принуждения, другой же считает, что свобода может быть реализована только в поиске и достижении абсолютной коллективной цели»¹²; кроме того, «один выступает за органичный, медленный, полусознанный

диции см.: *Forbes D. Scientific Whiggism: Adam Smith and John Millar* // *Cambridge Journal*. 1954. Vol. 7. P. 643–670, а также в моей лекции «Индивидуализм: истинный и ложный» (*Hayek F.A. Individualism, True and False*. Dublin: Hodges Figgis, 1946; reprinted in: *Idem*. Individualism and Economic Order. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 1–32 [*Хейк Ф.А. Индивидуализм: истинный и ложный* // Он же. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. С. 18–43]). В последней, в частности, отмечена роль, которую сыграл в этой традиции Бернард Мандевиль, о чем я здесь не упоминаю. Дополнительные ссылки можно найти в более ранней версии этой статьи: *Hayek F.A. Freedom, Reason, and Tradition* // *Ethics*. 1958. Vol. 68. P. 229–245.

⁹ Прежде всего см. работу сэра Мэтью Хейла, опубликованную как приложение к труду Уильяма Холдсворта: *Sir Mathew Hale's Criticism on Hobbes Dialogs on the Common Law* // *Holdsworth W.S. A History of English Law*. London: Methuen, 1924. Vol. 5. P. 504–505.

¹⁰ Соотечественники нередко считали Монтескье, Констан и Токвиля англоманами. Констан учился в Шотландии, а Токвиль мог сказать о себе: «Столь многие мои чувства и мысли разделяются англичанами, что Англия стала для моего разума второй родиной» (*Tocqueville A. de. Journeys to England and Ireland* / Ed. and trans. by J.P. Mayer. New Haven: Yale University Press, 1958. P. 13). Более полный перечень французских мыслителей, принадлежащих скорее к эволюционной «британской», чем к рационалистической «французской» традиции должен включать молодого Тюрго и де Кондильяка.

¹¹ О том, как в результате длительного пребывания во Франции Джефферсон перешел от «британской» традиции к «французской», см. важную работу: *Vossler O. Die amerikanischen Revolutionsideale in ihrem Verhältnis zu den europäischen: untersucht an Thomas Jefferson*. Munich: Oldenbourg, 1929.

¹² *Talmon J.L. The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Secker and Warburg, 1952. P. 2.

рост, а другой — за доктринерскую продуманность; один привержен процедуре проб и ошибок, а другой — проведению в жизнь единственно верной модели»¹³. Как показал Д.Л. Тальмон, из важной книги которого взяты эти формулировки, именно второй подход стал источником тоталитарной демократии.

Широкий успех политических доктрин, возникших в русле французской традиции, вероятно, объясняется тем, что они привлекательны для человеческой гордыни и тщеславия. Но мы не должны забывать, что политические выводы двух школ вытекают из разных представлений о том, как функционирует общество. В этом отношении британские философы заложили основу глубокой и по сути своей верной теории, тогда как рационалистическая школа была просто-напросто полностью ошибочной.

Эти британские философы дали нам интерпретацию роста цивилизации, до сих пор остающуюся обязательным основанием аргументации в пользу свободы. Они считали, что институты возникают не из чьих-либо планов или замыслов, а благодаря выживанию преуспевающих. Их взгляд выражен формулой: «Целые нации спотыкаются о те установления, которые представляют собой несомненно человеческое деяние, хотя и непреднамеренное»¹⁴. Здесь подчеркивается, что то, что мы называем политическим строем, в гораздо меньшей мере является плодом нашего упорядочивающего интеллекта, чем это принято думать. Адаму Смиту и его современникам, как отмечали их непосредственные преемники, удалось «свести почти все, что ранее приписывалось позитивным институтам, к спонтанному и неупорядоченному развитию определенных очевидных принципов — и показать, сколь мало нужно было изобретательности и политической мудрости для того, чтобы смогли возникнуть самые сложные и, на первый взгляд, искусственные системы политики»¹⁵.

Это «антирационалистическое понимание исторических событий, общее для Адама Смита, Юма, Адама Фергюсона и других»¹⁶ позволило им первыми постичь, каким образом институты и нравы, язык и право формировались в процессе кумулятивного роста и что только таким образом

---

¹³ Ibid. P. 71. См. также: *Mumford L. Faith for Living*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1940. P. 64–66, где противопоставлены «либерализм идеала» и «прагматичный либерализм», а также: *Collier D. S., McGovern W. M. Radicals and Conservatives*. Chicago: H. Regnery Co., 1958. P. 9–20, где проводится различие между «консервативными либералами» и «радикальными либералами». См. также высказывание Менгера об «одностороннем рационалистическом либерализме» (*einseitigen rationalistischen Liberalismus*), в котором он ошибочно обвинял Адама Смита (*Menger. Untersuchungen*. P. 207 [*Менгер. Избранные работы*. С. 433]).

¹⁴ *Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society*. P. 187 [*Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 188].

¹⁵ [*Jeffrey F.*] *Craig's Life of Millar* // *Edinburgh Review*. 1807. Vol. 9. P. 84. Гораздо позже Фредерик У. Мейтленд высказал в каком-то из своих текстов сходную мысль о том, что «действуя эмпирическим образом, блуждая наугад, мы наталкиваемся на мудрость» (*Maitland F. W. Outlines of English Legal History, 560–1600* // *The Collected Papers of Frederic William Maitland* / Ed. by H.A.L. Fisher. Cambridge University Press, 1911. Vol. 2. P. 439).

¹⁶ *Forbes D. Scientific Whiggism: Adam Smith and John Millar* // *Cambridge Journal*. 1954. Vol. 7. P. 645. Роль шотландских моральных философов как предшественников культурной антропологии была великодушно признана в работе: *Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology*. London: Cohen and West, 1951. P. 23–25.

развился и смог успешно действовать человеческий разум. Их аргументация всецело направлена против картезианской концепции изначально и независимо существующего человеческого разума, который изобрел эти институты, и против концепции, согласно которой гражданское общество было сформировано неким мудрым законодателем, или первоначальным «общественным договором»¹⁷. Эта последняя идея о разумных людях, сошедшихся для обсуждения того, как пересоздать мир заново, пожалуй, самый характерный продукт этих теорий замысла (design theories). Она нашла свое совершеннейшее выражение, когда ведущий теоретик французской революции аббат Сийес призвал революционную ассамблею «действовать как люди, только что вышедшие из природного состояния и собравшиеся с целью подписать общественный договор»¹⁸.

Древние лучше понимали условия свободы. Цицерон цитирует Катона, сказавшего, что римская конституция превосходит конституции других государств, потому что «создана умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений. Ибо, говорил Катон, никогда не было такого одаренного человека, от которого ничто не могло бы ускользнуть, и все дарования, сосредоточенные в одном человеке, не могли бы в одно и то же время проявиться в такой предусмотрительности, чтобы он мог объять все стороны дела, не обладая долговременным опытом»¹⁹. Таким образом, ни республиканский Рим, ни Афины — две свободных страны древнего мира — не могут служить моделью для

¹⁷ Мизес пишет в связи с идеей общественного договора: «Рационализм не мог найти никакого другого объяснения после отказа от прежней веры, которая возводила общественные установления к божественным источникам или по крайней мере к озарению, посещавшему человека по божественному вдохновению. Поскольку результатом стало существующее положение вещей, люди рассматривали развитие общественной жизни как совершенно целесообразное и разумное. Как бы еще могло совершиться все это развитие, если не посредством сознательного выбора, признаваемого целесообразным и разумным?» (*Mises L. con. Socialism* / New ed. New Haven: Yale University Press, 1951. P. 43 [*Мизес Л. фон. Социализм. М.: Catallaxy, 1994. С. 33*]).

¹⁸ Цит. по: *Talmon J.L. The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Secker and Warburg, 1952. P. 73.

¹⁹ *Цицерон. О государстве. П.1.2* [перевод В.О. Горенштейна]; см. также: П.21.37 [«Вот и подтверждаются слова Катона, говорившего, что государство создается не сразу и не одним человеком. Ибо мы видим, как много благотельных и полезных установлений прибавил каждый из царей»]. Я обратил внимание на этот источник благодаря лекциям профессора Бруно Леони, ныне опубликованным в виде книги: *Leoni B. Freedom and the Law*. Princeton, NJ: D. van Nostrand, 1961. P. 89 [*Леони Б. Свобода и закон. М.: ИРИСЭН, 2008. С. 107–108*]. Нераций, позднейший римский юрист, цитируемый в «Corpus iuris civilis», доходит даже до того, что призывает юристов: «Rationes eorum quae constituuntur inquiri non oportet, alioquin multa ex his quae certa sunt subvertuntur» [«Мы должны воздерживаться от исследований разумных причин существования наших установлений, иначе многое, что считается несомненным, будет ниспровергнуто»] (*Scott S.P. The Civil Law*. Cincinnati: Central Trust Co., 1932. Vol. 2. P. 224. [Оригинал: *Нераций. Пергаменты. Кн. VI. — Ред.*]). Хотя в этом отношении греки были несколько более рационалистичны, нельзя сказать, что у них отсутствовала сходная концепция роста права. См., например, речь афинского оратора, где он говорит о законах, имеющих то «отличие, что они самые старые в этой стране... и это самый надежный признак хороших законов, потому что время и опыт показывают людям, что является несовершенным» (*Antiphon. On the Choreutes*. Par. 2 // *Minor Attic Orators* / Ed. by K.J. Maidment. Cambridge. MA: Harvard University Press, 1941. Vol. I. P. 247).

рационалистов. Для Декарта, родоначальника рационалистической традиции, образцом была Спарта, потому что она была великой «не оттого, что законы ее были хороши каждый в отдельности... но потому, что все они, будучи составлены одним человеком, направлялись к одной цели»²⁰. Именно Спарта стала идеалом свободы для Руссо, как и для Робеспьера и Сен-Жюста, а равно и для большинства позднейших сторонников «социальной», или тоталитарной демократии²¹.

Как и в древности, современные британские концепции свободы сформировались на фоне понимания того, как возникали институты, — и первыми это поняли юристы. «Есть много вещей, особенно в законах и в управлении, — писал в XVII веке, критикуя Гоббса, верховный судья Хейл, — которые по опосредствованным, отдаленным и косвенным основаниям заслуживают того, чтобы быть одобренными, хотя разум заинтересованной стороны в данный момент этого не усматривает с непосредственностью и определенностью. <...> Длительный опыт совершает больше открытий в отношении достоинств или недостатков законов, чем мог бы заранее предвидеть совет мудрейших мужей. И эти поправки и дополнения, которые благодаря разнообразному опыту мудрых и знающих людей были внесены в каждый закон, неизбежно делают законы более пригодными к применению, чем лучшие ухищрения самых изобретательных и острых умов, не располагающих подобным длительным опытом. <...> Из-за этого труднее понимать основания законов в настоящем, потому что они — порождение долгого и повторяющегося опыта, который, хотя обычно и именуется „умом глупцов“, но определенно оказывается самым благоразумным подручным средством человеческого рода и выявляет те недостатки и необходимые дополнения, которые никакое хитроумие не сможет сразу предвидеть или предложить. <...> Не обязательно, чтобы нам были открыты причины и основания институтов. Достаточно того, что это установленные законы, которые дают нам определенность, и их разумно соблюдать, хотя нам не известна конкретная причина, по которой они появились»²².

---

²⁰ *Descartes R.* A Discourse on Method / Ed. by Everyman. London: Dent, 1912. Pt. 2. P. 11 [*Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 257].

²¹ Ср.: *Talmon J.L.* The Origins of Totalitarian Democracy. London: Secker and Warburg, 1952. P. 142. О влиянии спартанского образца на греческую философию и особенно на Платона и Аристотеля см.: *Ollier F.* Le Mirage spartiate: Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque, de l'origine, jusqu'aux Cyniques. Paris: E. de Boccard, 1933; *Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. London: G. Routledge and Co., 1945 [*Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992].

²² *Sir Mathew Hale's Criticism on Hobbes Dialogs on the Common Law* // Holdsworth W.S. A History of English Law. London, 1924. Vol. 5. P. 504–505. Холдсворт верно отмечает сходство некоторых из приводимых здесь аргументов с аргументами Эдмунда Бёрка. В конечном счете они, разумеется, представляют собой попытку развить идеи сэра Эдварда Кука (которого критиковал Гоббс), особенно его знаменитую концепцию «искусственного разума», которую он объясняет следующим образом: «Дни нашей жизни на земле — всего лишь тень в сравнении с прошедшим с древности временем, когда мудростью наилучших мужей, действовавших на протяжении многих поколений, на основании долгого и повторяющегося опыта (испытания на истину и правду) законы вновь и вновь совершенствовались».

3. Из этих представлений постепенно возникла социальная теория, которая показала, каким образом в отношениях между людьми могут возникнуть сложные, упорядоченные и, в определенном смысле, весьма целенаправленные институты, которые почти никак не связаны с чьим-либо замыслом, не были никем изобретены, но возникли в результате отдельных действий множества людей, не знавших, что именно они делают. Нечто, превышающее возможности отдельного человеческого ума, может вырасти из осуществляемых наугад людских усилий — демонстрация этого представляла собой в некоторых отношениях больший вызов всем теориям замысла, чем даже возникшая впоследствии теория биологической эволюции. Впервые было показано, что наблюдаемый порядок, не являющийся плодом планирующего человеческого разума, не обязательно приписывать замыслу более высокого сверхъестественного разума, поскольку существует и третья возможность — возникновение порядка в результате эволюционной адаптации²³.

Поскольку тот акцент, который мы сегодня делаем на роли отбора в социальной эволюции, по-видимому, создает впечатление, что мы позаимствовали эту идею из биологии, на самом деле — и это надо

лись, чего не мог бы достичь или совершить ни один человек любого поколения (живущий столь мало), обладая он даже мудростью всех людей мира» (*Coke E. Seventh Report* / Ed. by I.H. Thomas, I.F. Fraser. London: J. Butterworth and Son, 1826. Vol. 4. Pt. 7. P. 6). См. также пословицу юристов: «Per varios usus experientia legem fecit» [«Через различное применение опыт становится законом»]. См.: *Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law*. New York: Cambridge University Press, 1957, а также: «Подобно тому как о всяком искусстве или науке, достигших совершенства, говорят „Per varios usus artem experiential fecit“, так и о нашем праве можно с полным правом сказать „Per varios usus Legem experiential fecit“. Долгий опыт и многочисленные попытки выявления того, что наилучшим образом служит общему благу, создали систему общего права» (*Davies J. Les Reports des Cases en Lay*. London, 1612 [это издание обычно цитируется как *Irish Reports*]. Предисловие).

²³ Обстоятельное исследование этих проблем, начиная с парадокса Бернарда Мандевилля и заканчивая первой аргументированной формулировкой в «Диалогах о естественной религии» Давида Юма, еще только предстоит осуществить (см.: *Hume. Treatise of Human Nature*. Vol. 2. P. 380–468 [Юм. Трктат о человеческой природе. С. 379–482]). Лучшим из известных мне обсуждений характера этого процесса социального развития до сих пор остается: *Menger. Untersuchungen*. Bk. 3 и Appendix 8, особенно с. 163–165, 203–204 прим., 208 [Менгер. Избранные работы; книга третья «Органическое понимание социальных явлений», особенно с. 414–219, и приложение VIII «„Органическое“ происхождение права и точное уразумение его», особенно с. 479–482, 489]. См. также обсуждение «принципа, сформулированного Фрэйзером (*Frazer J.G. Psyche's Task*. London: Macmillan, 1909. P. 4) и поддержанного Малиновским и другими антропологами, согласно которому любой институт сохраняется только до тех пор, пока он выполняет какую-либо полезную функцию» (*Macbeath A. Experiments in Living: A Study of the Nature and Foundation of Ethics or Morals in the Light of Recent Work in Social Anthropology*. London: Macmillan, 1952. P. 120, 120n), и добавленное в сноске замечание: «Но функция, которой он служит в данное время, может быть совсем не той, для которой он был создан изначально»; и следующее место, в котором лорд Акстон обозначает, как он продолжил бы свои краткие очерки, посвященные свободе в Античности и христианстве: «Я должен был бы... рассказать, кем и в какой связи был обнаружен истинный закон формирования свободных государств и как это открытие, тесно родственное тем, которые под именами развития, эволюции и непрерывности дали новый и более глубокий метод другим наукам, разрешило древнее противоречие между потребностью в стабильности и необходимостью перемен и выявило авторитет традиции в процессе развития мысли; как [возникла] теория, которую сэр Джеймс Макинтош выразил словами: „конституции не делаются — они вырастают“; теория, согласно которой законы творятся обычаем и национальными качествами управляемых, а не волей правительства» (*Acton. History of Freedom*. P. 58 [Акстон. Очерки становления свободы. С. 99–100]).

подчеркнуть — дело обстоит как раз наоборот: несомненно, Дарвин и его современники почерпнули эту идею именно из теорий социальной эволюции²⁴. Более того, один из тех шотландских философов, которые первыми приступили к развитию этих идей, опередил Дарвина даже в области биологии²⁵; а последующее использование этих концепций различными «историческими школами» в области права и языка сделало идею, согласно которой сходство структуры может объясняться общностью происхождения²⁶, общим местом в исследовании общественных явлений задолго до того, как она нашла свое применение в биологии. Печально, что впоследствии социальные науки вместо того, чтобы развивать собственные начала, в свою очередь позаимствовали некоторые из этих идей у биологии, и в них проникли и такие концепции, как «естественный отбор», «борьба за существование» и «выживание самых приспособленных», которые неприменимы в их собственной сфере, поскольку в области социальной эволюции решающий фактор не отбор физических и наследуемых свойств особей, а действующий через подражание отбор успешных институтов и привычек. Хотя этот отбор тоже действует через успешность индивидов и групп, но в итоге возникают не наследуемые признаки индивидов, а идеи и навыки — короче говоря, все культурное наследие, которое передается посредством обучения и подражания.

²⁴ Я говорю здесь не о признанном факте использования Дарвином теории народонаселения Мальтуса (а через него и Кантильона), а об общей атмосфере эволюционной философии, определявшей способы мышления на общественные темы в XIX веке. Хотя это влияние не прошло незамеченным (см., например: *Osborn H.F. From the Greeks to Darwin: An Outline of the Development of the Evolution Idea*. New York: McMillan and Co., 1894. P. 87), оно не было систематически исследовано. Я убежден, что такое исследование показало бы, что большая часть использованного Дарвином понятийного аппарата была разработана до него. Одним из тех, через кого Дарвин мог познакомиться с шотландской эволюционной традицией, был, возможно, шотландский геолог Джеймс Хаттон.

²⁵ См.: *Lovejoy A.O. Monboddo and Rousseau* [1933] // *Modern Philology*. 1933. Vol. 30. P. 275–296; переиздано: *Idem. Essays in the History of Ideas*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1948. P. 38–61.

²⁶ Пожалуй, показательным то, что в области лингвистики это первым ясно увидел сэр Уильям Джонс, который был юристом по образованию и вигом по убеждениям, причем влиятельным представителем этого направления. Ср. с его знаменитым высказыванием в «Третьем ежегодном докладе», опубликованном 2 февраля 1786 года: «Язык санскрит при всей его древности имеет поразительную структуру; он совершеннее греческого, богаче латыни, отличается более совершенным изяществом и при этом его близость к ним — как по корням слов, так и по грамматическим формам — больше, чем можно было бы объяснить чистой случайностью; эта близость настолько велика, что ни один филолог, изучивший все три языка, не может не поверить, что они возникли из некоего общего источника, возможно, более не существующего» (*Jones W. Third Anniversary Discourse // Asiatic Researches*. 1786. Vol. I. P. 422; переиздано: *Idem. Works*. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly, and John Walker, Paternoster Row, 1807. Vol. 3. P. 34). Взаимосвязь между размышлениями о языке и о политических институтах наилучшим образом выражена в одной из самых полных, хотя и довольно поздних формулировок доктрины вигов, сделанной в лекциях Дугальда Стюарта: *Stewart D. Lectures on Political Economy* [1809–1810] // *The Collected Works of Dugald Stewart*. Edinburgh, 1856. Vol. 9. P. 422–424. Большие выдержки из этой работы были процитированы в примечании к предыдущему варианту этой главы (*Ethics*. 1958. Vol. 68). Это обстоятельство имеет особую важность в силу влияния Стюарта на последнюю группу вигов — кружок, издававший *Edinburgh Review*. Случайно ли то, что величайший из философов свободы в Германии, Вильгельм фон Гумбольдт, также был одним из величайших исследователей теории языка в этой стране?

4. Для детального сопоставления двух традиций потребовалась бы отдельная книга, мы же ограничимся здесь только рядом критически важных различий.

В то время как рационалистическая традиция предполагает, что человек изначально наделен интеллектуальными и моральными достоинствами, позволяющими ему целенаправленно создавать цивилизацию, эволюционисты ясно показали, что цивилизация — результат накопленных проб и ошибок, которые дались нам нелегко, что она представляет собой сумму опыта, отчасти передававшегося от поколения к поколению в виде явного знания, но в гораздо большей степени воплощенного в инструментах и институтах, доказавших свое превосходство, — в институтах, значение которых может быть обнаружено с помощью анализа, но которые служат целям людей и без того, чтобы сами люди их понимали. Шотландские теоретики отлично осознавали хрупкость этой искусственной структуры цивилизации, которая зиждится на том, что примитивные и дикие инстинкты человека сдерживаются и укрощаются институтами, которых он не создавал и которые не может контролировать. Они были очень далеки от наивных представлений, которые позднее были несправедливо приписаны их либерализму, таких как «природная доброта человека», существование «естественной гармонии интересов» или благотворные последствия «естественной свободы» (хотя последнее выражение они порой использовали). Они знали, что для разрешения конфликта интересов необходимы далекие от естественности институты и традиции. Проблема, которую они перед собой ставили, состояла в том, чтобы понять, каким образом «универсальная движущая сила человеческой природы, себялюбие, может получить в этом случае (как и во всех других) такое направление, чтобы те усилия, которые предпринимаются для достижения собственных целей, служили бы общественному интересу»²⁷. Благотворными эти индивидуальные усилия делала не «естественная свобода» в буквальном смысле, а институты, развившиеся для защиты «жизни, свободы и собственности»²⁸. В отличие

---

²⁷ *Tucker J. The Elements of Commerce [1755] // Idem. A Selection from his Economic and Political Writings / Ed. by R.L. Schuyler. New York: Columbus University Press, 1931. P. 92.*

²⁸ То, что благотворность работы экономической системы, в частности для Адама Смита, определяется не буквально понимаемой «естественной свободой», а свободой в рамках закона, ясно выражено в его книге «Исследование о природе и причинах богатства народов»: «Та уверенность, которую законы Великобритании дают каждому человеку в том, что он сможет пользоваться плодами своего труда, сама по себе уже является достаточной для процветания любой страны, несмотря на те или другие нелепые правила о торговле; и эта уверенность была упрочена революцией как раз около того времени, когда была установлена премия. Естественное стремление каждого человека улучшить свое положение, если ему обеспечена возможность свободно и беспрепятственно проявлять себя (*security*), представляет собой столь могущественное начало, что одно оно не только способно без всякого содействия со стороны довести общество до богатства и процветания, но и преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность» (*Smith. Wealth of Nations. Bk. 4. Ch. 5. Vol. 2. P. 42–43 [Смит. Богатство народов. С. 517]*). Ср.: «Теория политической экономии, которая возникает в „Богатстве народов“, может рассматриваться как последовательная теория права и законодательства... знаменитое высказывание о невидимой руке предстает как сущность взгляда Адама Смита на право» (*Cooke C.A. Adam Smith and Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1935. Vol. 51.*

от Бентама, ни Локк, ни Юм, ни Смит, ни Бёрк никогда не утверждали, что «всякий закон — это зло, ибо всякий закон есть нарушение свободы»²⁹. Их аргументация никогда не была аргументацией за абсолютное *laissez-faire**, которое, как видно из самого выражения, также принадлежит французской рационалистической традиции и в своем буквальном смысле никогда не поддерживалось английскими классическими экономистами³⁰. Они знали лучше большинства своих будущих критиков, что успешно направляет индивидуальные усилия к общественно полезным целям не какая-то магия, а эволюция «хорошо построенных институтов», в рамках которых будет происходить примирение «правил и принципов соперничающих интересов и частичных выгод»³¹. В действительности, их аргументация никогда не была сама по себе антигосударственной или анархистской, что было бы логически неизбежным результатом рационалистической доктрины *laissez-faire*; это была аргументация, принимавшая во внимание как необходимые функции государства, так и пределы его деятельности.

Разница особенно заметна в соответствующих посылах двух школ в отношении индивидуальной природы человека. Рационалистические теории замысла по необходимости исходили из предположения об индивидуальной склонности человека к рациональным действиям и его природной разумности и добродетельности. Эволюционная теория, напротив, показала, как определенные институциональные структуры побуждают человека использовать свой разум для получения наилучших результатов и как институты

Р. 328); а также интересное обсуждение: *Cropsey J. Polity and Economy: An Interpretation of the Principles of Adam Smith*. The Hague: M. Nijhof, 1957. Примечательно, что общее рассуждение Смита о «невидимой руке», «которая понуждает человека содействовать цели, о которой он не заботился», появляется уже у Монтескье, где он говорит, что таким образом «каждый, думая преследовать свои личные интересы, по сути дела стремится к общему благу» (*Montesquieu. The Spirit of the Laws*. Vol. 1. P. 25 [Монтескье. О духе законов. С. 31]). См. также: «Но республиканское и свободное правление были бы очевидным абсурдом, если бы определенные ограничения и контроль, установленные конституцией, не имели никакого реального влияния и не заставляли бы даже плохих людей действовать в интересах общественного блага» (*Hume D. That Politics May Ne Reduced to a Science* // *Hume. Essays*. Vol. 1. P. 99 [Юм Д. О том, что политика может стать наукой // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 491]). А также: «Aber nun kommt die Natur dem verehrten, aber zur Praxis ohnmächtigen allgemeinen, in der Vernunft gegründeten Willen, und zwar gerade durch jene selbstsüchtigen Neigungen, zu Hilfe, so, dass es nur auf eine gute Organisation des Staats ankommt (die allerdings im Vermögen der Menschen ist), jener ihre Kräfte so gegen einander zu richten, dass der Erfolg für die Vernunft so ausfällt, als wenn beide gar nicht da wären, und so der Mensch, wenn gleich nicht ein moralisch-guter Mensch, dennoch ein guter Bürgers zu sein gezwungen wird» [«Но здесь общей, основанной на разуме воле, почитаемой, но на практике бессильной, природа оказывает поддержку с помощью как раз тех же эгоистических склонностей, так что лишь от хорошей организации государства (а это во всяком случае под силу человеку) зависит, как направить силы этих склонностей, чтобы каждая из них или сдерживала разрушительное действие другой, или уничтожала его»] (*Kant I. Zum ewigen Frieden: Ein philosophischer Entwurf* // *Idem. Werke* / Ed. by Weischedel W. Wiesbaden: Insel-Verlag. 1956–1964. Vol. 6. P. 223–224 [Кант И. К вечному миру // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 32]).

²⁹ *Bentham J. Theory of Legislation* / 5th ed. London: Trübner, 1887. P. 48.

* Экономическая система, в которой государство никак не вмешивается в сделки между частными лицами, не используя для этого ни регулирование, ни пошлины и субсидии, не устанавливая монополии и т.п. [Здесь и далее под знаком звездочки — примеч. науч. ред.]

³⁰ См.: *MacGregor D.H. Economic Thought and Policy*. London: Oxford University Press, 1949. P. 54–59; *Robbins L. The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*. London: Macmillan, 1952. P. 42–46.

³¹ *Burke E. Thoughts and Details on Scarcity* // *Burke. Works*. Vol. 7. P. 398.

могут быть выстроены таким образом, чтобы от плохих людей было как можно меньше вреда³². Здесь антирационалистическая традиция ближе к христианскому пониманию человека как существа греховного и склонного к заблуждениям, тогда как перфекционизм рационалистов оказывается в непримиримом конфликте с ним. Даже такая знаменитая фикция, как «экономический человек», изначально не была частью британской эволюционной традиции. Можно без больших преувеличений утверждать, что с точки зрения этих британских философов, человек по природе своей ленив и бездеятелен, непредусмотрителен и расточителен, и лишь давление обстоятельств может заставить его действовать экономно или заботиться о том, чтобы его цели соответствовали его средствам. Только Милль-младший ввел понятие *homo oeconomicus*, а также много чего другого, принадлежащего не к эволюционной, а к рационалистической традиции³³.

5. Но наибольшая разница между двумя подходами заключается в их представлениях о роли традиций и ценности всех других плодов неосознаваемого роста, происходящего на протяжении веков³⁴. Вряд ли будет

³² См., например, контраст между суждением Д. Юма (*Hume D. On the Independency of Parliament* // *Hume. Essays. Vol. 1. P. 117–118* [Юм Д. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 593]): «Политические писатели утвердили в качестве принципа, что, разрабатывая любую систему правления и фиксируя в конституции отдельные механизмы сдерживания и контроля, следует в каждом человеке предполагать мошенника, который во всех своих действиях не имеет других целей, кроме своего частного интереса» (по-видимому, здесь содержится отсылка к Макиавелли: «учредителю республики и создателю ее законов необходимо заведомо считать всех людей злыми» (*Machiavelli N. Discorsi, I, 3* [Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Он же. Государь: Сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. С. 132])).

Ср.: «Воля каждого человека, если она совершенно свободна от ограничений, неизменно приведет его к нравственности и добродетели» (*Price R. Two Tracts on Civil Liberty, the War with America, and the Debts and Finances of the Kingdom. London, 1778. P. 11*). См. также мою работу: *Hayek F.A. Individualism and Economic Order. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 11–12* [Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Издграф, 2000. С. 31–33].

³³ См.: *Mill J.S. On the definition of Political Economy; and on the Method of Investigation Proper to It* // *Idem. Essays on Some Unsettled Questions of Political Economy. London: J.W. Parker, 1844. P. 120–164* [Милль Дж.С. Об определении предмета политической экономики; и о методе исследования, свойственном ей // Милль. Основы. С. 987–1023].

³⁴ Эрнест Ренан в важном эссе о принципах и тенденциях либеральной школы («*M. de Sacy et l'école libérale*»), впервые опубликованном в 1858 году, а позднее вошедшем в его «*Essais de morale et de critique*», замечает: «*Le libéralisme, ayant la prétention de se fonder uniquement sur le principes de la raison, croit d'ordinaire n'avoir pas besoin de traditions. Là est son erreur... L'erreur de l'école libérale est d'avoir trop cru qu'il est facile de créer la liberté par la réflexion, et de n'avoir pas vu qu'un établissement n'est solide que quand il a des racines historiques... Elle ne vit pas que de tous ses efforts ne pouvait sortir qu'une bonne administration, mais jamais la liberté, puisque la liberté résulte d'un droit antérieur et supérieur à celui de l'État, et non d'une déclaration improvisée ou d'un raisonnement philosophique plus ou moins bien déduit*» [«Либерализм претендовал на то, что он основывается только на принципах разума, и обычно полагал, что не нуждается в традициях. Это его ошибка... Ошибка либеральной школы была в том, что она не видела, что прочно утвердиться можно только на исторических корнях... Она не видела, что из всех ее усилий может получиться только система администрации, но не свободы, потому что свобода возникает из права более древнего и более высокого, чем государственное, а не из непродуманных деклараций и философских рассуждений, более или менее несерьезных»] (*Renan E. Œuvres complètes / Ed. by H. Psichari. Paris: Calmann-Lévy, 1947. Vol. 2. P. 45–46*). См. также наблюдение, высказанное Роналдом Б. Маккаллумом во введении к своему изданию «О свободе» Джона Стюарта Милля: «Хотя Милль признает огромную власть обычая и его полезность в определенных гра-

несправедливым утверждение, что в этом рационалистический подход противостоит почти всему, что является специфическим плодом свободы и придает свободе ее ценность. Те, кто верит, что все полезные институты — намеренно созданные приспособления, и кто не может представить себе, чтобы нечто, служащее целям человека, не было бы сознательно спроектировано, — все они просто не могут не быть врагами свободы. Для них свобода равнозначна хаосу.

Однако для эмпирицистской эволюционной традиции ценность свободы состоит главным образом в возможностях, которые она открывает для роста того, что не было заранее намечено и задумано, и благотворное функционирование свободного общества опирается преимущественно на существование таких свободно выросших институтов. Возможно, подлинной веры в свободу никогда бы не было, и уж определенно не было бы успешных попыток построить свободное общество, если бы не было подлинного уважения к сложившимся институтам, к традициям и обычаям и «всем тем гарантиям свободы, которые формируются на основе давних неписаных законов и древних обычаев»³⁵. Каким бы парадоксальным это ни казалось, но, скорее всего, верно утверждение, что успешное свободное общество всегда в значительной мере будет обществом, ограниченным традицией³⁶.

Это уважение к традиции и обычаю, к выросшим институтам и правилам, происхождения и оснований для возникновения которых мы не знаем, не означает, конечно, — как полагал, с характерным для рационалистов непониманием, Томас Джефферсон, — что мы «приписываем людям прежних веков мудрость, превышающую человеческую и... предполагаем, что сделанное ими не подлежит изменению»³⁷. никоим образом не допуская, что создатели институтов были мудрее нас, эволюционная точка зрения исходит из того, что в результатах экспериментирования многих поколений может быть воплощено больше опыта, чем есть у любого отдельного человека.

никах, он готов критиковать все правила, основывающиеся на нем и не имеющие разумного обоснования. Он замечает: „Люди проповедуют нам, что такие-то вещи справедливы, потому что они справедливы, потому что мы чувствуем, что они справедливы; они учат нас, что мы должны искать в нашем собственном уме и в нашем сердце законы поведения, обязательные как для нас самих, так и для всех других людей“. Эту позицию Милль, будучи рационалистическим утилитаристом, принять не мог. Это принцип „симпатии-антипатии“, который Бентам рассматривал как основу всех систем, отличающихся от рационалистического подхода. В качестве политического мыслителя Милль стоял на той позиции, что все эти предположения, не имеющие разумного обоснования, должны быть подвергнуты глубокой и сбалансированной оценке мыслящих людей» (*McCallum R.B. Introduction // Mill J.S. On Liberty and Considerations on Representative Government. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. xv*).

³⁵ *Butler J. The Works of Joseph Butler / Ed. by W.E. Gladstone. Oxford: Clarendon Press, 1896. Vol. 2. P. 278.*

³⁶ Даже Герберт Баттерфилд, понимающий это лучше многих, видит «один из парадоксов истории» в том, что «имя Англии оказалось столь тесно связанным со свободой, с одной стороны, и с традицией — с другой» (*Butterfield H. Liberty in the Modern World. Toronto: Ryerson Press, 1952. P. 21*).

³⁷ *Jefferson T. The Works of Thomas Jefferson / Ed. by P.L. Ford. New York: G.P. Putnam's Sons, 1904. Vol. 12. P. 11.*

6. Мы уже рассмотрели разные институты и обычаи, инструменты и способы действия, возникшие в ходе этого процесса и образующие унаследованную нами цивилизацию. Но нам нужно присмотреться к тем правилам поведения, сформировавшимся в рамках этого же процесса, которые образуют одновременно и плод, и условие свободы. Из всех обычаев и традиций, направляющих человеческие отношения, наиболее важны нравственные правила, но не только они. Мы понимаем друг друга и ладим между собой, способны успешно действовать в соответствии с нашими планами, потому что в большинстве случаев члены нашей цивилизации следуют бессознательным моделям поведения, демонстрируют регулярность в своих действиях, которая является следствием не приказов или принуждения и часто не сознательного следования известным правилам, а прочно утвердившихся привычек и традиций. Общее соблюдение этих обычаев — необходимое условие упорядоченности мира, в котором мы живем, и нашей способности ориентироваться в нем, хотя мы не знаем их значения и даже не всегда осознаем их существование. Если бы подобные нормы или правила не соблюдались с достаточной регулярностью, в некоторых случаях оказалось бы необходимым для нормального управления обществом прибегнуть к принуждению, чтобы обеспечить аналогичное единообразие поведения. Следовательно, в некоторых случаях возможно избежать принуждения только благодаря высокой степени добровольного подчинения нормам, а это означает, что добровольное подчинение может быть условием благотворного действия свободы. Все великие поборники свободы за пределами рационалистической школы не уставали подчеркивать ту истину, что свобода никогда не бывает действенной без глубоко укоренившихся нравственных убеждений и что принуждение может быть сведено к минимуму только там, где можно рассчитывать, что люди будут, в большинстве случаев, добровольно следовать определенным принципам³⁸.

Положение дел, при котором подчинение таким правилам не навязывается принуждением, предпочтительно не только потому, что принуждение само по себе плохо, но и потому, что зачастую желательно, чтобы правила соблюдались только в большинстве случаев и чтобы человек имел

---

³⁸ См., например: «Люди пригодны для гражданской свободы ровно в той мере, в какой они готовы ограничить моральными узами свои аппетиты; в той мере, в какой их любовь к справедливости превышает их алчность; в той мере, в какой их здравомыслие и трезвость понимания превосходят их тщеславие и самомнение; в той мере, в какой они предпочитают слушать совет мудрых и добродетельных, а не лести мошенников» (*Burke E. A Letter to a Member of the National Assembly // Burke. Works. Vol. 6. P. 64*).

Также см. высказывание Джеймса Мэдисона в ходе дебатов 20 июня 1788 года в конвенте штата Виргиния по ратификации Конституции США: «Предполагать, что какая бы то ни было форма правления обеспечит свободу или счастье, при том что люди не знают, что такое добродетель, — это химерическая идея» (*The Debates in the Several State Conventions, on the Adoption of the Federal Constitution / Ed. by J. Elliot. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1863–1891. Vol. 2. P. 537*), а также высказывания Токвиля: «Царства свободы нельзя достичь без господства нравственности, так же как нельзя сделать нравственным общество, лишенное веры»; «Никогда и нигде не существовало общества, свободного от морали» (*Tocqueville. Democracy in America. Vol. 1. P. 12; Vol. 2. P. 235 [Токвиль. Демократия в Америке. С. 33, 428]*).

возможность преступить их, когда, по его мнению, позор и бесчестье, которое он тем самым на себя навлечет, будут оправданной платой. Важно также, чтобы сила общественного давления и сила привычки, обеспечивающие их соблюдение, не были постоянными. Именно эта гибкость добровольных правил делает возможными постепенную эволюцию и спонтанный рост в сфере морали, создает условия для накопления нового опыта, ведущего к изменениям и совершенствованию. Подобная эволюция возможна только в случае правил, которые не являются целенаправленно навязанными и опирающимися на принуждение, — правил, соблюдение которых считается достоинством, и хотя большинство им подчиняется, они могут быть нарушены людьми, чувствующими, что имеют достаточно серьезные основания, чтобы противостоять осуждению со стороны ближних. В отличие от любых целенаправленно навязанных принудительных правил, которые могут быть изменены только скачкообразно и одновременно для всех, правила такого рода допускают постепенные экспериментальные изменения. Существование людей и групп, одновременно соблюдающих частично не совпадающие правила, создает возможность для отбора более эффективных правил.

Именно это подчинение никем сознательно не придуманным правилам и обычаям, значение и важность которых мы по большей части не понимаем, именно это уважение к традициям оказываются столь чуждыми рационалистическому складу мышления, хотя именно они необходимы для функционирования свободного общества. Основание свободного общества — в осознании того, что «правила морали не являются заключениями нашего разума», — эту мысль подчеркивал Давид Юм, и она имеет решающее значение для антирационалистической эволюционной традиции³⁹. Подобно всем другим ценностям, наши правила морали являются не результатом, а предпосылкой разума, частью тех целей, для служения которым был развит инструмент нашего интеллекта. На любой стадии нашей эволюции система наследуемых ценностей обеспечивает нас целями, которым должен служить наш разум. Эта заданность системы целей

---

³⁹ В главе «Моральные различия не проистекают из разума»: «Следовательно, правила морали не являются заключениями нашего разума» (*Hume. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 235 [Юм. Трактат о человеческой природе. С. 499]*). Та же идея заключена уже в максиме схоластиков: «Ratio est instrumentum non est iudex» [«Разум — это орудие, а не судья»]. Что же касается эволюционных представлений Юма о морали, я счастлив возможности процитировать утверждение, которого я сам сделать бы не решился из страха приписать Юму то, чего у него нет, но здесь оно исходит от автора, который, я уверен, смотрел на Юма под другим углом зрения, чем я. Кристиан Бэй пишет: «Нормы нравственности и справедливости есть то, что Юм называет „артефактами“; они не продиктованы божеством, не являются неотъемлемой частью изначальной человеческой природы и не являются плодом чистого разума. Они суть результат практического опыта человечества, и в ходе медленной проверки временем единственно важным является полезность каждого правила нравственности для достижения благополучия людей. Юма можно назвать предшественником Дарвина в сфере этики. По сути дела, он провозгласил доктрину выживания наиболее приспособленных из числа людских обычаев — наиболее приспособленных не в смысле хороших зубов, а в смысле наибольшей социальной полезности» (*Bay C. The Structure of Freedom. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958. P. 33*).

предполагает, что, хотя мы всегда должны стремиться к совершенствованию наших институтов, нашей целью не может быть перестройка их в целом и что, стремясь к их усовершенствованию, мы должны принимать на веру много такого, чего мы не понимаем. Мы обречены работать в рамках не нами созданных систем ценностей и институтов. В частности, мы совсем не можем искусственно сконструировать новый корпус правил морали или сделать так, что соблюдение нами известных правил будет зависеть от того, понимаем мы или нет, какие результаты даст их соблюдение в той или иной конкретной ситуации.

7. Рационалистический подход к этим проблемам лучше всего можно проиллюстрировать отношением к так называемым предрассудкам⁴⁰. Я не хочу недооценивать достоинства неустанной и настойчивой борьбы, которая велась в XVIII и XIX веках против очевидно ложных убеждений⁴¹. Но мы должны помнить, что распространение понятия «предрассудок» на все верования и убеждения, истинность которых неочевидна, не может быть таким образом оправдано и часто бывает вредно. Из того, что мы не должны верить утверждению, ложность которого была доказана, не следует, что верить нужно только в то, истинность чего была доказана. Есть существенные основания, по которым любой человек, желающий жить и успешно действовать в обществе, должен принимать многие распространенные представления, хотя ценность этих оснований никак не связана с доказуемой истинностью представлений, о которых идет речь⁴². Кроме того, такие представления опираются на некий прошлый опыт, а не на опыт, который может быть кем-то подтвержден. Разумеется, ученый, если его попросят согласиться с каким-либо обобщением в его области, имеет право потребовать данные, на которых это обобщение основывается. Многие

---

⁴⁰ См. работу: *Acton H.B. Prejudice // Revue internationale de philosophie*. 1952. Vol. 21. P. 323–336, содержащую любопытную демонстрацию сходства взглядов Юма и Бёрка; см. также выступление того же автора: *Idem. Tradition and Some Other Forms of Order // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1953. Vol. 53. P. 1, особенно замечание насчет того, что «либералы и коллективисты единым фронтом выступают против традиции, когда она содержит „предрассудок“, который они собираются атаковать». См. также: *Robbins L. The Theory of Economic Policy*. London: Macmillan, 1952. P. 196n.

⁴¹ Пожалуй, даже в такой форме это слишком сильное утверждение. Гипотеза может быть очевидно ложной, но если из нее следуют новые выводы, которые оказываются истинными, все же она лучше, чем никакой гипотезы вообще. Такие пробные, хотя отчасти ошибочные ответы на важные вопросы могут иметь большую ценность в практическом плане, хотя ученый не любит их, потому что они нередко могут препятствовать прогрессу.

⁴² См.: «Формы социального поведения иногда бывает необходимо осознавать для того, чтобы лучше приспособиться к изменившимся условиям, но я думаю, можно признать за принцип (с широкой сферой применения), что при нормальном течении жизни отдельному индивиду нет смысла и даже вредно заниматься сознательным анализированием окружающих его социокультурных стереотипов. Это дело ученого, обязанного разбираться в таких стереотипах. Здоровая бессознательность форм социализированного поведения, которым все мы подчиняемся, так же необходима для общества, как для телесного здоровья организма необходимо, чтобы мозг не знал или, вернее, не осознавал, как работают внутренние органы» (*Sapir E. Selected Writings in Language, Culture, and Personality / Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1949. P. 558–559 [Cenup Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс Универс, 1993. С. 609]; см. также с. 26 [с. 241–242]).*

представления, которые в прошлом выражали накопленный опыт человеческого рода, были опровергнуты именно таким образом. Это, однако, не означает, что мы сможем на каком-то этапе избавиться от всех представлений, не подкреплённых научными доказательствами. Опыт дан человеку в гораздо более разнообразных формах, чем те, с которыми обычно работает профессиональный экспериментатор или исследователь, ищущий явного знания. Мы разрушили бы фундамент многих успешных действий, если бы стали пренебрегать методами, выработанными в процессе проб и ошибок, лишь потому, что нам не была сообщена причина, по которой мы должны усвоить эти методы. Адекватность нашего поведения вовсе не зависит от того, знаем ли мы, почему оно адекватно. Понимание этого — лишь один из способов сделать наше поведение адекватным, но отнюдь не единственный. Выхолощенный мир представлений, очищенных от всего, ценность чего не может быть позитивно продемонстрирована, вероятно, окажется не менее губительным, чем аналогичное состояние в сфере биологии.

Хотя сказанное применимо ко всем нашим ценностям, оно имеет особую важность в случае правил нравственного поведения. Последние, наряду с языком, являются, пожалуй, важнейшим примером непреднамеренного роста, примером совокупности правил, направляющих жизнь каждого из нас, о которых мы при всем при том не можем сказать, ни почему они такие, какие есть, ни как именно они на нас влияют: нам неизвестно, каковы будут последствия их соблюдения как для каждого из нас в отдельности, так и для группы. Именно против требования подчиняться подобного рода правилам постоянно восстает дух рационализма. Он требует применить к ним декартовский принцип: «отбросить как безусловно ложное все, в чем мог вообразить малейший повод к сомнению»⁴³. Рационалисты всегда мечтали о целенаправленно построенной, синтезированной системе моральных норм, о системе, в которой, по словам Эдмунда Бёрка, «исполнение всех моральных обязанностей и все основания общества, покоящиеся на соответствующих доводах, сделаны ясными и наглядными для каждого человека»⁴⁴. Рационалисты XVIII столетия и в самом деле утверждали, что, поскольку они знают природу человека, они «легко могут найти соответствующие ей моральные нормы»⁴⁵. Они не понимали, что то, что они на-

⁴³ *Descartes R.* A Discourse on Method. London: Dent, 1912. Pt. 4. P. 26 [*Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 268].

⁴⁴ *Burke E.* A Vindication of Natural Society // *Burke. Works.* Vol. 1. P. 7.

⁴⁵ *Holdbach P.H.T. baron de.* Système social, Ou Principes naturels de la morale et de la politique. London [Rouen], 1773. Vol. 1. P. 55; цит. по: *Talmon J.L.* Origins of Totalitarian Democracy. London: Seeker and Warburg, 1952. P. 273. Столь же наивные утверждения нетрудно найти в работах современных психологов. Например, Беррес Ф. Скиннер заставляет героя своей утопии утверждать следующее: «Почему бы не заняться экспериментированием? Вопросы достаточно просты. Что является лучшим поведением для индивида с точки зрения интересов группы? И как можно побудить индивида действовать именно таким образом? Почему бы не исследовать эти вопросы в духе науки? В Уолден-два мы можем сделать это. Мы уже разработали кодекс поведения — разумеется, подлежащий модификации в соответствии с экспериментами. Если все будут жить в соответствии с этим кодексом, все

зывали «природой человека», в значительной мере является плодом тех самых моральных представлений, которые каждый усваивает вместе с языком и мышлением.

8. Любопытным симптомом растущего влияния этой рационалистической концепции является то, что во всех известных мне языках вместо слов «нравственный», «моральный» (*moral*) или просто «хороший» (*good*) все чаще используется слово «общественный» (*social*). Было бы полезно кратко рассмотреть, что же это значит⁴⁶. Когда люди говорят об «общественной совести» (*social conscience*) вместо просто «совести», они, предположительно, имеют в виду осознание конкретных последствий наших действий для других людей, попытку руководствоваться в своих действиях не просто традиционными правилами, а пристально рассматривать конкретные последствия действия в том или ином случае. В сущности, они говорят, что в своих действиях мы должны руководствоваться полным пониманием того, как функционирует социальный процесс, и должны стремиться — через сознательную оценку конкретных фактов, относящихся к ситуации, — к достижению предвидимого результата, который они обозначают как «общественное благо».

Здесь любопытно то, что этот призыв к «общественному» на самом деле подразумевает требование, чтобы действиями индивида руководили не правила, выработанные обществом, а индивидуальный разум — чтобы люди отказались от использования того, что в полном смысле слова может быть названо «общественным» (в том смысле, что это является плодом безличного социального процесса), а вместо этого каждый раз полагались на свое личное суждение. Это предпочтение «общественных соображений» в ущерб приверженности моральным правилам представляет собой в конечном итоге следствие презрения к тому, что является подлинным общественным феноменом, и веры в превосходящую силу индивидуального человеческого разума.

Ответ на эти рационалистические требования заключается, разумеется, в том, что они предполагают в качестве условия наличие знаний, превосходящих возможности отдельного человеческого ума, и что в попытке их выполнить большинство людей станут менее полезными членами общества, чем были бы, если бы преследовали свои цели в границах, установленных нормами права и морали.

пойдет как по маслу. Наше дело — присмотреть, чтобы все именно так и жили» (*Skinner B.F. Walden Two. New York: Macmillan, 1948. P. 85*).

⁴⁶ См. мою статью: *Hayek F.A. Was ist und was heisst "sozial"? // Masse und Demokratie / Ed. by A. Hunold. Zurich: Erlenbach-Zurich: E. Rentsch, 1957. P. 71-84, переиздано: What is "Social"? — What Does it Mean? // Idem. Studies in Philosophy, Politics, and Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 237-247. См. также попытку защитить это понятие: *Jahrreiss H. Freiheit und Sozialstaat // Kölner Universitätsreden. № 17. Krefeld, 1957, вошедшую в сборник того же автора: Idem. Mensch und Staat. Rechtsphilosophische, staatsrechtliche und völkerrechtliche Grundfragen in unserer Zeit&. Cologne; Berlin: Carl Heymann, 1957. P. 69-88.**

В данном случае рационалистический аргумент игнорирует то, что в общем случае опора на абстрактные правила — это инструмент, которым мы научились пользоваться потому, что наш разум недостаточно силен, чтобы совладать со всеми деталями сложной реальности⁴⁷. Это верно и когда мы обдуманно формулируем абстрактное правило, которым должен руководствоваться человек, и когда мы подчиняемся общим правилам деятельности, развившимся в ходе социального процесса.

Нам всем известно, что мы вряд ли сумеем добиться успеха в достижении личных целей, если не установим для себя некие общие правила, которых будем придерживаться, не проверяя заново их обоснованность в каждом конкретном случае. Упорядочивая свой день, выполняя, а не откладывая на будущее, малоприятные, но необходимые задачи, отказываясь от употребления возбуждающих средств или подавляя определенные импульсы, мы часто приходим к необходимости превратить все эти действия в бессознательную привычку, потому что знаем, что без этого разумные основания, делающие такое поведение желательным, окажутся недостаточно эффективными, чтобы постоянно перевешивать сиюминутные желания и побуждать нас делать то, что нам следовало бы делать с учетом долговременных перспектив. Хотя тезис, согласно которому, чтобы действовать рационально, нам часто необходимо руководствоваться привычкой, а не размышлением, или тезис, в соответствии с которым, чтобы не дать себе принять неверное решение, нам следует сознательно сузить свои возможности выбора, может звучать парадоксально, на практике всем известно, что для достижения долгосрочных целей нам зачастую необходимо именно это.

Те же соображения в еще большей степени применимы там, где наше поведение напрямую затрагивает не нас, а других, и где, следовательно, нашей главной заботой становится приспособление собственных действий к действиям и ожиданиям других, чтобы не нанести им ненужного вреда. В таких случаях маловероятно, чтобы какой-либо индивид сумел рационально сформулировать правила более эффективные для целей, которым они служат, чем правила, развившиеся постепенно; и даже если кому-либо это и удалось бы, эти правила не смогут достичь цели, если они не станут соблюдаться всеми. Таким образом, у нас нет другого выбора, кроме как подчиниться правилам, обоснования которых мы часто не знаем, и делать это безотносительно к тому, зависит ли, по нашему мнению, что-либо важное от их соблюдения в конкретной ситуации или нет. Правила морали инструментальны в том смысле, что они помогают главным образом достигать других человеческих ценностей; однако, поскольку мы только изредка можем знать, что именно зависит от их соблюдения в конкретном случае, следование им надо рассматривать как ценность саму по себе, как

---

⁴⁷ См. у Токвиля подчеркивание того факта, что «общие идеи свидетельствуют не о силе человеческого разума, но, скорее, о его несовершенстве» (*Tocqueville. Democracy in America*. Vol. 2. P. 13 [*Токвиль. Демократия в Америке*. С. 325]).

своего рода промежуточную цель, к которой мы должны стремиться, не думая, оправданны они или нет в каждом отдельном случае.

9. Разумеется, эти соображения не доказывают, что все возникшие в обществе наборы моральных представлений приносят пользу. Группа может подняться благодаря моральным нормам, которым следуют ее члены, и ее ценностям в результате будет подражать вся страна, во главе которой окажется эта преуспевшая группа, но точно так же группа или нация может разрушить себя теми моральными нормами, которым она привержена. Только конечные результаты могут показать, благотворны или разрушительны идеалы, которыми руководствуется группа. Тот факт, что общество стало рассматривать учение определенных людей как воплощение добродетели, не доказывает, что следование их принципам не приведет общество к гибели. Вполне возможно, что нация может уничтожить себя, последовав учению тех, кого считает лучшими из людей, даже настоящими святыми, бесспорно руководствующимися самыми бескорыстными идеалами. Подобного рода опасность невелика в обществе, члены которого все еще вольны выбирать образ практической жизни, потому что тенденции такого рода будут подвергаться самокоррекции: группы, руководствующиеся «непрактичными» идеалами, и только они, будут приходить в упадок, а их место займут другие, менее нравственные по текущим стандартам. Но так может получиться только в свободном обществе, в котором подобные идеалы не навязываются всем в принудительном порядке. Там, где все обречены служить одним и тем же идеалам, где инакомыслящим не позволено следовать тому, во что они верят, нерациональность правил может быть доказана только упадком всей нации, которая ими руководствуется.

Здесь возникает важный вопрос: является ли согласие большинства по поводу того или иного правила морали достаточным основанием, чтобы принуждать инакомыслящее меньшинство к его исполнению, или же такая власть большинства должна быть ограничена более общими правилами — иными словами, не должно ли обычное законодательство быть ограничено общими принципами, подобно тому как нравственные правила индивидуального поведения не допускают определенные виды действий независимо от того, насколько благими являются преследуемые цели? Существует огромная потребность в нравственных правилах не только индивидуальной, но и политической деятельности, а результаты последовательности коллективных решений (точно так же как и индивидуальных) могут быть благотворными лишь тогда, когда они согласуются с общими принципами.

Такие моральные правила коллективных действий возникают лишь с большим трудом и очень медленно. Но в этом следует видеть доказательство того, насколько они драгоценны. Важнейшим из немногих развитых нами принципов такого рода является индивидуальная свобода, которую уместнее всего рассматривать как моральный принцип политического действия. Подобно всем принципам морали, она требует, чтобы ее принимали как ценность саму по себе, как принцип, который надо уважать,

не задаваясь вопросом, будут ли его последствия благотворны в частном случае. Мы не достигнем желаемых результатов, если не примем его как символ веры или как презумпцию настолько сильную, что никаким соображениям целесообразности не будет позволено ее ограничивать.

В конечном итоге аргумент в пользу свободы является аргументом за принципы и против целесообразности в коллективных действиях⁴⁸, что, как мы увидим, эквивалентно утверждению, что решение о применении мер принуждения может принимать только судья, но не администратор. Когда один из интеллектуальных лидеров либерализма XIX века, Бенжамен Констан, описал либерализм как *système de principes*⁴⁹ [систему принципов (*gpr.*)], он выявил суть дела. Свобода — это не только система, при которой все действия правительства направляются принципами, но это еще и идеал, который не удастся сохранить, если он не будет принят как доминирующий принцип, направляющий все отдельные акты законодательства. Там, где нет непреклонной приверженности такому фундаментальному правилу как конечному идеалу, по поводу которого недопустимы компромиссы ради материальных выгод, — как идеалу, временный отход от которого хотя и возможен в критическом положении, но который при этом является основой всего постоянного общественного устройства, — свобода почти заведомо будет разрушена частичными посягательствами на нее. Потому что в каждом отдельном случае можно будет пообещать конкретные и ощутимые выгоды, достижимые благодаря ограничению свободы, тогда как приносимые при этом в жертву блага всегда будут, в силу своей природы, неизвестными и неопределенными. Если не относиться к свободе как к верховному принципу, тот факт, что свободное общество всегда может обещать только возможности, а не гарантии, только перспективы, а не конкретные дары определенным индивидам, неизбежно окажется фатальным недостатком и станет причиной медленного разрушения свободы⁵⁰.

---

⁴⁸ Сегодня часто высказывается сомнение в том, что последовательность — достоинство в общественной деятельности. Иногда стремление к последовательности характеризуется даже как рационалистический предрассудок, тогда как принятие решения в каждом случае в соответствии с особыми обстоятельствами превозносится как истинно экспериментальная или эмпирическая процедура. На самом деле здесь все обстоит ровно наоборот. Стремление к последовательности имеет источником осознание неспособности нашего разума точно учесть все последствия каждого отдельного решения, тогда как якобы прагматичная процедура основывается на претензии, что мы можем должным образом оценить все последствия, не обращаясь к тем принципам, которые говорят нам, какие именно факты нам следует учитывать.

⁴⁹ *Constant B. De l'arbitraire // Œuvres politiques de Benjamin Constant / Ed. by C. Louandre. Paris: Charpentier et Cie, 1874. P. 91–92.*

⁵⁰ См.: «Благотворный результат государственного вмешательства, особенно в форме законодательства, является прямым, непосредственным и, так сказать, наблюдаемым, в то время как его пагубные результаты проявляются постепенно, опосредованно и вне поля зрения. <...> Поэтому большинство людей почти неизбежно относятся к государственному вмешательству с необоснованным одобрением. Этой неизбежной предвзятости можно противопоставить только присутствие в данном обществе... презумпции или предрассудка, отдающего предпочтение индивидуальной свободе, то есть *laissez faire*» (*Dacey. Law and Public Opinion. P. 257–258*). См. также рассуждения Карла Менгера о «прагматизме, который вопреки намерению его представителей неминуемо ведет к социализму» (*Menger. Untersuchungen. P. 208 [Менгер. Избранные работы. С. 433]*), а также мое

10. К этому моменту у читателя может возникнуть вопрос, какую же роль может играть разум в упорядочении общественных дел, если политика свободы требует столь значительного воздержания от целенаправленного контроля, столь полного принятия всего, что развилось спонтанно и ненаправленно. Первый ответ заключается в том, что если уж возникла необходимость в поиске адекватных границ использования разума, то поиск этих границ как раз и представляет собой самое важное и трудное применение разума. Более того, хотя нам здесь пришлось сосредоточиться именно на этих границах, мы никоим образом не подразумевали, что у разума нет важных положительных задач. Разум, несомненно, самое драгоценное, что есть у человека. Наше рассуждение стремилось продемонстрировать лишь то, что он не всемогущ и что вера, будто он может стать господином самому себе и контролировать собственное развитие, способна разрушить его. На самом деле мы попытались защитить разум от злоупотреблений со стороны тех, кто не понимает условий его эффективного функционирования и непрерывного роста. Это призыв к тому, чтобы люди увидели, что мы должны использовать наш разум осмотрительно, а для этого нам следует сохранить ту незаменимую матрицу неконтролируемого и внерационального, которая представляет собой единственную среду, в которой разум может расти и эффективно действовать.

Эту антирационалистическую позицию не следует путать с иррационализмом или призывом к мистицизму⁵¹. Здесь мы защищаем не отречение от разума, а рациональное исследование той области, в которой разум имеет смысл держать под контролем. Отчасти этот аргумент состоит в том, что такое здоровое использование разума не означает применение продумывающего и планирующего разума в максимально возможном числе случаев. В противоположность наивному рационализму, который считает имеющийся у нас разум абсолютным, мы должны продолжать дело Давида Юма, который «обратил против Просвещения его собственное оружие» и принял «с помощью рационального анализа понижать притязания разума»⁵².

Первым условием такого осмотрительного использования разума для упорядочивания общественных дел является понимание той роли, которую он на деле играет и может играть в жизни любого общества, основанного на сотрудничестве множества отдельных умов. Это означает, что

эссе: *Hayek F.A. Die Ursachen der ständigen Gefährdung der Freiheit // Ordo. 1961. Vol. 12. P. 103–109.*

⁵¹ Надо признать, что после того, как обсуждаемая здесь традиция перешла через Бёрка к французским реакционерам и немецким романтикам, она превратилась из антирационалистической позиции в иррационалистическую веру и сохранилась почти исключительно в этой форме. Но извращение, за которое Бёрк несет частичную ответственность, не следует использовать для дискредитации того ценного, что есть в этой традиции, и не следует забывать, как верно отметил Фредерик Уильям Мейтленд, «сколько основательным вигом [Бёрк] был во всем» (*Maitland F.W. Collected Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 1. P. 67.*)

⁵² *Wolin S.S. Hume and Conservatism // American Political Science Review. 1954. Vol. 48. P. 1001.* См. также: «В эпоху Разума Юм занял позицию методичного антирационалиста» (*Mossner E.C. Life of David Hume. Oxford: Clarendon Press, 1954. P. 125.*)

прежде, чем мы сможем попытаться перестроить общество со знанием дела, нам следует понять, как оно функционирует; мы должны осознать, что можем ошибаться, даже когда считаем, что уже это поняли. Мы должны научиться понимать, что человеческая цивилизация живет своей собственной жизнью, что улучшать состояние дел мы должны лишь в рамках функционирующего целого, которое мы не в состоянии полностью контролировать, и что мы можем рассчитывать только на то, что у нас получится облегчать работу и помогать силам, действующим в нем, поскольку мы их понимаем. Нам нужно такое же отношение к обществу, как у врача — к живому организму: нам тоже приходится работать с самостоятельным целым, существующим благодаря силам, которые мы не в состоянии заметить, а потому должны использовать их во всем, чего пытаемся достичь. То, что может быть сделано для его усовершенствования, должно быть сделано с помощью этих сил, а не вопреки им⁵³. Во всех наших попытках усовершенствований мы всегда должны работать внутри этого данного целого, стремиться к постепенному, а не тотальному конструированию⁵⁴, на каждой стадии использовать имеющийся исторический материал, шаг за шагом улучшать детали и не стремиться переустроить все сразу.

Среди этих выводов нет ни одного аргумента против использования разума, но лишь аргументы против такого его использования, которое требует исключительных и применяющих принуждение полномочий правительства; нет аргументов против экспериментирования, но есть аргументы против любой монополистической власти, обладающей исключительным правом заниматься экспериментированием в определенной области — власти, которая не терпит альтернатив и претендует на обладание высшей мудростью, — и против неизбежных в таком случае барьеров на пути решений, лучших по сравнению с теми, которые выбраны самой властью.

---

⁵³ См.: «Der Gesetzgeber gleicht eher dem Gärtner, der mit dem vorhandenen Erdreich und mit den Wachstumsbedingungen der Pflanzen zu rechnen hat, als dem Maler, der seiner Phantasie freies Spiel läßt» [«Законодатель больше напоминает садовника, который должен оценивать почву и условия, необходимые для роста его саженцев, чем художника, дающего волю своему воображению»] (*Schindler D. Recht, Staat, Völkergemeinschaft: ausgewählte Schriften und Fragmente aus dem Nachlass. Zurich, Schulthess and Co., 1948. P. 86*).

⁵⁴ Ср.: *Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. London, 1945. Passim* [Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992].

Ответственность и свобода

---

*Сомнительно, чтобы демократия смогла выжить
в обществе, организованном на принципе терапии,
а не наказания, ошибки, а не греха.
Если люди свободны и равны, их следует судить, а не лечить.*

— Ф.Д. Уормут

1. Свобода означает не только то, что у человека есть возможность и бремя выбора, но и что он должен отвечать за последствия своих действий и что будет получать за них хвалу либо порицание. Свобода и ответственность неразделимы. Свободное общество не сможет ни функционировать, ни поддерживать свое существование, если его члены не считают правильным, чтобы каждый человек занимал то положение, которое является результатом его действий, и считал, что именно его действия позволили ему занять это положение. Хотя общество может предложить индивиду лишь шанс на успех и хотя результат его усилий будет зависеть от бесчисленных случайностей, оно настойчиво привлекает его внимание к тем обстоятельствам, которые он может контролировать, как если бы только они имели значение. Поскольку индивид должен иметь возможность использовать обстоятельства, которые могут быть известны только ему одному, и поскольку, как правило, никто не может знать, использовал ли он их в полной мере, предполагается, что результат его действий определяют именно сами действия, если только нет полной уверенности в обратном.

Эта вера в личную ответственность, которая всегда сильна там, где люди твердо верят в свободу индивида, заметно ослабла с упадком уважения к свободе. Ответственность стала непопулярным понятием, словом, которого избегают опытные ораторы и писатели из-за очевидной скуки и враждебности, с которой встречало это слово поколение, питавшее неприязнь ко всякому морализаторству. Это понятие часто возбуждает прямую враждебность в людях, которые приучены думать, что их положение в жизни

— Wormuth F.D. The Origins of Modern Constitutionalism. New York: Harper, 1949. P. 212–213.

или даже их действия определены исключительно обстоятельствами, над которыми у них нет никакого контроля. Однако это отречение от ответственности обычно порождается страхом перед ответственностью — страхом, который неизбежно превращается и в страх перед свободой¹. Несомненно, многие люди боятся свободы именно потому, что возможность строить собственную жизнь означает также неустанный труд и дисциплину, которой человек должен подчинить себя, если желает достичь своих целей.

2. Одновременный упадок уважения к свободе и ответственности индивида в значительной мере является результатом ошибочной интерпретации уроков науки. Прежние взгляды были тесно связаны с верой в «свободу воли» — концепцию, которая никогда не имела четкого смысла и которую впоследствии современная наука, по-видимому, лишила всяких оснований. Растущая вера в то, что все природные явления однозначно определены предшествующими событиями или подчинены познаваемым законам и что самого человека следует рассматривать как часть природы, привела к выводу, что действия человека и работу его ума также следует рассматривать как непременно определяемые внешними обстоятельствами. Господствовавшая в науке XIX столетия концепция всеобщего детерминизма² была, таким образом, применена к поведению людей, и это, по-видимому, привело к исключению спонтанности из действий человека. Конечно, следует признать, что утверждение, будто действия человека тоже подчиняются законам природы, было не более чем общим предположением и что на самом деле мы не знали, за исключением редчайших случаев, как именно они определяются конкретными обстоятельствами. Но само допущение, что работу человеческого ума, по крайней мере в принципе, следует рассматривать как подчиняющуюся единым законам, похоже, устранило роль

---

¹ Эту старую истину лаконично выразил Бернард Шоу: «Свобода означает ответственность. Вот почему большинство людей перед ней трепещут» (*Shaw G.B. Maxims for Revolutionaries // Idem. Man and Superman: A Comedy and a Philosophy. Westminster: Archibald Constable, 1903. P. 229*). Эту тему, разумеется, полностью раскрыл в некоторых своих романах Федор Достоевский (особенно в эпизоде с Великим инквизитором в «Братьях Карамазовых»), и современные психоаналитики и философы-экзистенциалисты мало что смогли добавить к его психологическому прозрению. Но см. книги Эриха Фромма (*Fromm E. Escape from Freedom. New York: Farrar and Rinehart, Inc., 1941 [Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2016]*), Марджори Г. Грина (*Greene M.G. Dreadful Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 1948*) и Отто Вейта (*Veit O. Die Flucht vor der Freiheit: Versuch zur geschichtsphilosophischen Erhellung der Kulturkrise. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1947*). Вера в личную свободу и связанному с ней уважению к закону, преобладающим в свободных обществах, противостоит симпатия к нарушителям закона, которая постоянно проявляется в несвободных обществах и которая была столь характерна для русской литературы XIX столетия.

² Тщательное исследование философских проблем детерминизма см.: *Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery — Postscript: After Twenty Years. London: Hutchinson & Co., 1959*; см. также мое эссе: *Hayek F.A. Degrees of Explanation // British Journal for the Philosophy of Science. 1955. Vol. 6. P. 209–225*; переиздано: *Idem. Studies in Philosophy, Politics, and Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 3–21*. См. также мою статью: *Hayek F.A. The Theory of Complex Phenomena // The Critical Approach: Essays in Honor of Karl R. Popper / Ed. by M. Bunge. New York: Free Press, 1964. P. 332–349*. [Также переиздано: *Idem. Studies in Philosophy, Politics and Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 22–42. — Ped.*]

отдельной личности, которая имеет существенное значение для концепции свободы и ответственности.

Интеллектуальная история нескольких последних поколений дает нам сколько угодно примеров того, как эта детерминистская картина мира сотрясала основание веры в свободу в сфере морали и политики. И сегодня многие люди с естественно-научным образованием, вероятно, согласятся с ученым, который, обращаясь к широкой аудитории, признает, что «ученому очень трудно обсуждать понятие [свободы], отчасти потому, что он в конечном счете не уверен, что нечто подобное существует»³. Да, впоследствии физики и в самом деле отказались (по-видимому, с некоторым облегчением) от идеи всеобщего детерминизма. Однако сомнительно, что новая концепция подчиненности мира всего лишь статистической регулярности каким-либо образом влияет на решение загадки свободы воли. Так как, судя по всему, трудности, с которыми люди сталкиваются, пытаясь понять смысл произвольности действий и ответственности за них, вовсе не вытекают логически из веры в причинную детерминированность человеческих действий, а рождаются интеллектуальной путаницей, приводящей к заключениям, которые никак не следуют из посылок.

По-видимому, утверждение, что воля свободна, имеет столь же мало смысла, как и отрицание этого, и вся эта проблема иллюзорна⁴, спор о сло-

---

³ Waddington C.H. The Scientific Attitude. Pelican Books; Harmondsworth: Penguin Books, 1941. P. 110. См. также: «Я вообще отрицаю, что свобода существует. Я должен отрицать ее, или моя программа будет абсурдной. Не может быть науки о предмете, который скачет туда-сюда по собственному капризу» (Skinner B.F. Walden Two. New York: Macmillan, 1948. P. 257). См. также работу: Skinner B.F. Science and Human Behaviour. New York: Macmillan, 1953, которая являет собой самый крайний пример антилиберального подхода, принятого современными представителями «наук о поведении».

⁴ Это ясно понимал уже Джон Локк, который говорил о «невразумительном вследствие непонятности вопросе о том, свободна ли человеческая воля или нет. Ведь если я не ошибаюсь, то из сказанного мною следует, что вопрос сам по себе совершенно неправилен» (Locke J. An Essay concerning Human Understanding. London: Printed for Thomas Basset and sold by Edward Mory, 1690. Bk. 2. Ch. 14. Sec. 14 [Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Кн. 2, 14 // Он же. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 292]); и даже Томас Гоббс (Hobbes T. Leviathan; or, The Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiasticall and Civil / Ed. by M. Oakeshott. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 137–138 [Гоббс Т. Левиафан // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989–1991. Т. 2. С. 163–164]). Позднейшие высказывания об этом см.: Gomperz H. Das Problem der Willensfreiheit. Jena: Diedrichs, 1907; Schlick M. Problems of Ethics. New York: Prentice-Hall, 1939; Broad C.D. Determinism, Indeterminism, and Libertarianism: An Inaugural Lecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1934; Hare R.M. The Language of Morals. Oxford: Clarendon Press, 1952; Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceeding of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. P. 171–194, переиздано в: Logic and Language. 1st ser. / Ed. by A. Flew. Oxford: B. Blackwell, 1951. P. 145–166; Nowell-Smith P.H. Free Will and Moral Responsibility // Mind. 1948. Vol. 17. P. 45–61, и того же автора: Idem. Ethics. Pelican Books; London: Penguin Books, 1954; Mabbott J.D. Freewill and Punishment // Contemporary British Philosophy: Personal Statements, 3rd Series / Ed. by H.D. Lewis. London: Allen and Unwin, 1956. P. 287–309; Campbell C.A. Is Free Will a Pseudo-Problem // Mind. 1951. Vol. 60. P. 441–465; MacKay D.M. On Comparing the Brain with Machines // Advancement of Science. (British Association Symposium on Cybernetics.) 1954. Vol. 10. P. 402–406, особенно с. 406; Determinism and Freedom in the Age of Modern Science: A Philosophical Symposium / Ed. by S. Hook. New York: New York Press, 1958; Kelsen H. Causality and Imputation // Ethics. 1950–1951. Vol. 61. P. 1–11; Pap A. Determinism and Moral Responsibility // Journal of Philosophy. 1946. Vol. 43. P. 318–327; Farrer A.M. The Freedom of the Will: The Gifford Lectures Delivered in the University of Edinburgh, 1957. London: Adam and Charles Black, 1958.

вах, в котором спорящие стороны не договорились о том, что значит положительный или отрицательный ответ. Безусловно, отрицающие свободу воли лишают слово «свобода» его обычного значения, связанного с действием, совершаемым по собственной, а не по чужой воле; чтобы избежать бессмысленности, им следовало бы предложить другое определение, чего они никогда не делают⁵. Более того, само представление о том, что «свобода» в каком-либо содержательном или существенном смысле исключает идею, что действие с необходимостью определяется некими факторами, оказывается при ближайшем рассмотрении совершенно необоснованным.

Путаница становится очевидной, если проанализировать выводы, к которым приходят обе стороны в соответствии со своими позициями. Детерминисты обычно доказывают, что поскольку действия людей полностью определяются естественными причинами, нет никаких оснований говорить об их ответственности, хвалить или порицать то, что они делают. Волонтаристы, со своей стороны, утверждают, что поскольку в человеке существует некое действующее начало, стоящее вне цепи причин и следствий, это действующее начало является носителем ответственности и законным объектом похвалы или порицания. Мало оснований сомневаться, что в плане практических выводов волонтаристы ближе к истине, тогда как детерминисты просто зашли в тупик. Но, как ни странно, ни у одной из сторон этого спора выводы не следуют из заявленных посылок. Как неоднократно было показано, концепция ответственности опирается фактически на детерминистскую точку зрения⁶, тогда как только конструкция метафизического «я», пребывающего вне цепи причинно-следственных связей, а потому не затрагиваемого ни хвалой, ни порицанием, может обосновать освобождение человека от ответственности.

3. Конечно, можно было бы для иллюстрации заявленной детерминистской позиции сконструировать автомат, который неизменно предсказуемым образом реагировал бы на все события окружающего мира. Однако эта конструкция не соответствовала бы ни одной позиции, всерьез отстаиваемой

---

⁵ См.: «Таким образом, мы можем подразумевать под свободой только способность действовать или не действовать сообразно решениям воли» (*Hume D. An Enquiry concerning Human Understanding* // *Hume. Essays. Vol. 2. P. 78* [*Юм Д. Исследование о человеческом познании* // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 81]). См. также обсуждение вопроса в моей книге: *Hayek F.A. The Sensory Order*. Chicago: University of Chicago Press, 1952. Secs. 8.93–8.94.

⁶ Хотя это утверждение кажется парадоксом, оно восходит к Давиду Юму и даже к Аристотелю. Юм четко сформулировал: «Поступки какого-либо лица могут быть поставлены ему в заслугу или вменены в вину только при условии принципа необходимости, хотя бы общее мнение и склонялось к противоположному взгляду» (*Hume. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 192* [*Юм. Трактат о человеческой природе. С. 454*]). Об Аристотеле см.: *Simon Y. Traité du libre arbitre*. Liège: Sciences et lettres, 1951. P. 93–99; *Heman C.F. Des Aristoteles Lehre von der Freiheit des menschlichen Willens*. Leipzig: Fues's R. Riesland, 1887, особенно с. 168–194, которые цитируются в книге Симона. Более новые публикации см.: *Hobart R.E. Free Will as Involving Determination and Inconceivable without It* // *Mind*. 1934. Vol. 43. P. 1–27; *Foot P. Free Will as Involving Determinism* // *Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. P. 439–450.

даже самыми крайними оппонентами «свободы воли». Они утверждают, что поведение личности в каждый момент времени, ее реакция на тот или иной набор внешних обстоятельств определяются совместным действием наследственной внутренней организации и всего предшествующего опыта, так что каждый новый опыт интерпретируется в свете всего предыдущего индивидуального опыта, — кумулятивный процесс, порождающий в каждом случае отдельную уникальную личность. Эта личность действует как своего рода фильтр для внешних событий, вызывая соответствующее поведение, которое может быть с уверенностью предсказано только в исключительных обстоятельствах. Детерминистская позиция утверждает, что совокупные результаты наследственности и прошлого опыта составляют целое индивидуальной личности и поэтому не существует никакого другого «я», на характер которого не влияли бы никакие внешние или материальные факторы. Это значит, что все те факторы, влияние которых порой непоследовательно отрицают те, кто не признает «свободу воли», такие как рассуждение и аргументация, убеждение или порицание, ожидание похвалы или неодобрения, на самом деле относятся к числу наиболее важных, определяющих личность, а через нее и отдельные действия человека. Именно потому, что не существует никакого отдельного «я», которое пребывало бы вне цепи причинно-следственных связей, не существует и такого «я», на которое мы не могли бы попытаться разумно повлиять с помощью вознаграждения и наказания⁷.

То, что мы на деле часто можем влиять на поведение людей с помощью обучения и примера, разумного убеждения, одобрения или неодобрения, вероятно, никогда всерьез не отрицалось. Поэтому правомерным остается только один вопрос: в какой степени на определенных людей, находящихся в определенных обстоятельствах, может повлиять знание, что из-за их действий их станут оценивать хуже или лучше или что после их ждет вознаграждение или наказание.

Строго говоря, не имеет никакого смысла расхожая фраза «Человек не виноват в том, что он такой, каков есть», потому что цель возложения на него ответственности состоит именно в том, чтобы сделать его другим, чем он есть или мог бы стать. Если мы говорим, что человек отвечает за последствия своих действий, то это не констатация факта и не указание на причинную связь. Это утверждение, конечно, было бы необоснованным, если бы ничто из того, что он «мог бы» сделать или не сделать,

---

⁷ Наиболее крайняя детерминистская позиция тяготеет к отрицанию того, что у термина «воля» есть какой-либо смысл (употребление этого слова было даже запрещено в некоторых направлениях супернаучной психологии) или что существует такая вещь, как произвольное действие. Но даже те, кто придерживается такой позиции, не могут избежать различения между действиями, на которые могут влиять рациональные соображения, и теми, которые не поддаются такому влиянию. Но в этом все и дело. Они будут вынуждены признать — и это оказывается *reductio ad absurdum* для их позиции, — что то, верит или не верит человек в свою способность составлять и осуществлять планы (что обычно и подразумевается под утверждением, что его воля свободна или не свободна), может сильно влиять на то, что он будет делать.

не сказывалось на результате. Но когда мы используем в этой связи такое выражение, как «мог бы», мы не имеем в виду, что в момент принятия решения что-то в нем сработало иначе, чем это было обусловлено действием закономерных причинных связей в данных обстоятельствах. Утверждение, что человек несет ответственность за свои поступки, скорее нацелено на то, чтобы сделать его действия иными, чем они были бы, если бы он не верил в истинность этого положения. Мы наделяем человека ответственностью не для того, чтобы сказать, что он — такой, какой он есть — должен был бы поступить по-другому, но для того, чтобы сделать его другим. Если я причинил кому-то вред по неосторожности или забывчивости, причем «я ничего не мог с этим поделать» в конкретных обстоятельствах, это не освобождает меня от ответственности, но еще сильнее, чем прежде, внушает мне необходимость помнить о возможных последствиях⁸.

Таким образом, правомерными могут быть только вопросы о том, восприимчив ли человек, на которого мы возлагаем ответственность за некое действие или его последствия, к обычным, нормальным мотивам (иными словами, способен ли он нести ответственность за свое поведение) и можно ли рассчитывать, что в данной ситуации этот человек будет действовать под влиянием соображений и представлений, которые мы хотим ему навязать. Как и в большинстве подобных проблем, наше незнание конкретных обстоятельств, как правило, будет следующим: мы будем знать лишь, что ожидание того, что люди будут нести ответственность за свое поведение, скорее всего, будет в целом влиять на людей, находящихся в определенной ситуации, и подталкивать их в желательном для нас направлении. Наша проблема в общем и целом состоит не в том, действуют ли определенные психические факторы в конкретном случае, а в том, как можно было бы сделать некоторые соображения, направляющие деятельность, максимально эффективными. Для этого нужно, чтобы индивид получал поощрение или порицание независимо от того, повлияет ли ожидание поощрения или порицания на само действие. Мы никогда не можем наверняка знать в каждом отдельном случае, каков будет эффект, но мы убеждены, что в общем случае знание о том, что за действия придется отвечать, влияет в желательном направлении на поведение личности. В этом смысле установление ответственности не подразумевает утверждения факта. Оно скорее является частью природы конвенции, цель которой в том, чтобы побуждать людей к соблюдению определенных правил. Вопрос о том, насколько действенна конкретная конвенция такого рода,

---

⁸ Тем не менее мы называем решение человека «свободным», хотя в условиях, созданных нами, он склонен делать именно то, чего мы хотим, потому что эти условия не определяют его действия однозначно, но всего лишь делают более вероятным, что любой в его положении сделает то, что мы одобряем. Мы пытаемся «повлиять», но не определяем того, что он сделает. В этом отношении, как и во многих других, называя его действие «свободным», мы часто имеем в виду, что мы не знаем, что именно определило это действие, а не то, что оно ничем не было определено.

всегда может оказаться спорным. Мы, как правило, лишь по опыту знаем, насколько в целом действенна та или иная конвенция.

Ответственность стала прежде всего правовым понятием, потому что закон нуждается в четких критериях, позволяющих определить, когда действия человека создают обязательство, а когда должны повлечь наказание. Но это, конечно же, не в меньшей мере и понятие морали, лежащее в основе нашего представления о моральных обязанностях человека. Фактически же его сфера выходит довольно далеко за пределы того, что мы обычно относим к морали. Наше отношение в целом к функционированию социального порядка, одобрение или неодобрение того, как в нем устанавливается относительное положение разных индивидов, тесно связано с нашими представлениями об ответственности. Таким образом, значение этого понятия выходит далеко за пределы сферы принуждения, и его наибольшая важность, возможно, состоит в той роли, которую оно играет, направляя свободные решения людей. Вероятно, свободное общество больше любого другого нуждается в том, чтобы в своих действиях люди руководствовались чувством ответственности, выходящим за пределы обязанностей, требуемых законом, и чтобы общее мнение санкционировало ответственность индивидов за успех или неудачу их начинаний. Когда людям позволено действовать по собственному выбору, они должны нести ответственность за результаты своих усилий.

4. Таким образом, возложение ответственности опирается на предполагаемое влияние этой практики на будущие действия; его цель — научить людей, что следует принимать во внимание в схожих ситуациях в будущем. Хотя мы предоставляем людям решать самим за себя, потому что они, как правило, лучше других знают обстоятельства, в которых действуют, нам также нужно, чтобы эти условия давали им возможность использовать свое знание наилучшим образом. Если мы допускаем свободу людей, потому что считаем их разумными существами, мы должны также сделать для них разумное поведение стоящим делом, предоставив им нести ответственность за последствия собственных решений. Это не означает, что всегда предполагается, что человек — лучший судья в том, что касается его интересов; это означает лишь то, что никогда не известно, кто именно знает его обстоятельства лучше, чем он сам, и что мы хотим полностью использовать потенциал всех, кто может внести вклад в общие попытки поставить окружающие нас обстоятельства на службу целям людей.

Следовательно, возлагая ответственность на людей, мы подразумеваем, что у них есть способность к рациональному действию, и стремимся побудить их действовать более рационально, чем они действовали бы в противном случае. Мы подразумеваем у них некоторую минимальную способность к обучению и дальновидности, способность руководствоваться в своих действиях знанием о последствиях. То, что разум лишь в незначительной мере определяет действия людей, не может служить возражением, поскольку цель в том и состоит, чтобы заставить эту «малость» проявиться

максимально. Рациональность в этом отношении может означать не более чем некоторую степень согласованности и последовательности в действиях человека, некое устойчивое влияние знаний или понимания, которые, однажды обретенные, будут играть роль в его действиях позднее и в других обстоятельствах.

Неразрывность свободы и ответственности означает, что аргумент в пользу свободы применим лишь к тому, кто может быть ответственным. Он неприменим к детям, идиотам или душевнобольным. Он предполагает, что человек способен учиться на опыте и в своих действиях руководствоваться приобретенным таким образом знанием; он недействителен в отношении всех тех, кто еще мало чему обучился или неспособен учиться. Человек, действия которого полностью определяются одними и теми же неизменными импульсами, не учитывающий заранее известных последствий или страдающий настоящим раздвоением личности, то есть шизофреник, не может в этом смысле быть ответственным, потому что его знание о собственной будущей ответственности не в состоянии изменить его действий. То же применимо к людям, страдающим от по-настоящему неконтролируемых побуждений, kleптоманам или алкоголикам, которые, как показывает опыт, невосприимчивы к тому, что влияет на мотивацию нормальных людей. Но если у нас есть основание полагать, что знание человека о своей ответственности может повлиять на его действия, с ним следует обходиться как с человеком ответственным независимо от того, даст ли это желаемый эффект в конкретном случае. Наделение ответственностью основано не на том, что мы считаем истинным в конкретном случае, а на том, что мы полагаем вероятным результатом стимулирования людей к рациональным и обдуманым действиям. Это инструмент, созданный обществом, чтобы преодолеть нашу неспособность читать в умах других людей и чтобы внести порядок в нашу жизнь, не прибегая к принуждению.

Здесь не место для обсуждения особой проблемы, возникающей в связи с теми, кого нельзя признать ответственным и к кому в силу этого аргумент в пользу свободы совсем или по большей части неприменим. Важно то, что состояние свободного и ответственного члена сообщества — это особый статус, подразумевающий как бремя, так и привилегии; и этот статус, при условии что свобода выполняет свои задачи, не должен дароваться по чьему-либо усмотрению, но должен автоматически принадлежать каждому, кто удовлетворяет определенным объективно определяемым критериям (таким, как возраст), если только не существует явного опровержения презумпции, согласно которой он обладает требуемым минимумом способностей. В личных отношениях переход от опеки к полной ответственности может быть медленным и нечетким, и слабые формы принуждения, которые существуют в отношениях между людьми и в которые государство не должно вмешиваться, могут быть приспособлены к разным степеням ответственности. Однако в политическом и правовом плане, если мы хотим, чтобы свобода была действенной, различие должно быть четким и определенным и опираться на общие и безличные правила. Принимая решение

о том, должен ли человек быть хозяином самому себе или подчинен воле другого, мы должны рассматривать его как ответственного либо не ответственного, как имеющего или не имеющего право действовать непредсказуемо, непонятно или нежелательно для других. Тот факт, что не каждому человеку может быть предоставлена полная свобода, не должен означать, что свобода всех должна быть подвергнута ограничениям и регламентированию, связанным с индивидуальными обстоятельствами. Индивидуальный подход в судах по делам несовершеннолетних или в случае попечительства над умственно отсталыми — это знак несвободы, опеки. В близких отношениях в частной жизни мы можем приспособливать свое поведение к особенностям партнеров, но в общественной жизни свобода требует, чтобы к нам относились как к представителям типов, а не как к неповторимым личностям, и обращались с нами исходя из предположения, что нормальные мотивы и меры сдерживания будут действительны, независимо от того, истинно это предположение в том или ином конкретном случае или нет.

5. Идеал, в соответствии с которым человеку следует предоставить право идти к собственным целям, путают с верой в то, что, будучи свободным, человек станет стремиться исключительно к своим эгоистическим целям или что ему следует так себя вести⁹. Однако и для самого альтруистического человека, для которого нужды других значат очень много, свобода преследовать собственные цели важна не меньше, чем для любого эгоцентрика. В типичном случае частью природы человека (причем, возможно, женщин в большей мере, чем мужчин) и одним из главных условий его счастья является то, что он делает своей главной целью благополучие других людей. Это часть открытого перед нами выбора, а часто и ожидаемого от нас решения. По общему мнению, в этом отношении главной заботой каждого из нас должно быть, конечно, благополучие нашей семьи. Но кроме того, мы показываем другим, что мы их ценим и хорошо о них думаем, делая их своими друзьями, а их цели — своими целями. Выбор партнеров и вообще тех, чьи нужды мы включаем в круг своих забот, — это существенная часть свободы и представлений о морали в свободном обществе.

Однако всеобъемлющий альтруизм — бессмысленная концепция. Никто не в состоянии эффективно заботиться о других вообще; ответственность, которую мы можем взять на себя, всегда должна быть конкретной, может относиться только к тем, о ком мы знаем что-то определенное, кого связал с нами либо наш собственный выбор, либо какие-то особые условия. Решать, какие и чьи нужды наиболее важны для него, — часть фундаментальных прав и обязанностей свободного человека.

---

⁹ См.: *Carver T.N. Essays in Social Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1922; и первое эссе в моей книге: *Hayek F.A. Individualism and Economic Order*. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 1–32 [*Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок*. М.: Изограф, 2000. С. 18–43].

Признание того, что у каждого есть своя шкала ценностей, которую мы должны уважать, даже если не одобряем, является частью концепции ценности индивидуальной человеческой личности. То, как мы оцениваем другого человека, неизбежно будет зависеть от того, каковы его ценности. Но вера в свободу означает, что мы не берем на себя роль окончательного судьи в вопросе о ценностях другого человека, что мы не чувствуем себя вправе мешать ему стремиться к не одобряемым нами целям, при условии что он не вторгается в столь же защищенную сферу жизни других.

Общество, не признающее за каждым право руководствоваться в жизни собственными ценностями, не может иметь уважения к достоинству индивида и не может по-настоящему познать свободу. Но верно и то, что в свободном обществе индивид оценивается в соответствии с тем, как он использует свою свободу. В отсутствие свободы нравственное достоинство лишается смысла: «Если каждое действие зрелого человека — доброе или злое — было предпринято под давлением нужды, приказа или принуждения, что остается от добродетели, кроме имени, какую похвалу сможет заслужить добродетель, что за радость быть трезвым, справедливым или целомудренным?»¹⁰ Свобода — это возможность творить добро, но лишь при условии что одновременно она является возможностью творить зло. Тот факт, что свободное общество может успешно функционировать, только если люди в какой-то мере руководствуются общими ценностями, пожалуй, объясняет, почему философы иногда определяли свободу как действие в согласии с нормами морали. Но такое определение свободы отрицает ту свободу, которая нас интересует. Свобода действия, являющаяся условием нравственного достоинства, включает в себя свободу действовать неправильно: наша похвала и осуждение всегда относятся к человеку, имеющему возможность выбора, к тому, кто соблюдает правила не в силу принуждения, но лишь в силу предписания.

То, что сфера личной свободы является также сферой личной ответственности, не означает, что за наши действия мы отвечаем перед кем-то конкретно. Действительно, мы можем навлечь на себя осуждение других, делая то, что им не нравится. Но главный довод, почему мы должны нести полную ответственность за наши решения, заключается в том, что так мы обращаем внимание на причины событий, которые зависят от наших

---

¹⁰ *Milton J. Areopagitica*. Everyman ed. London: J.M. Dent and Sons, 1927. P. 18. Идея, что моральное достоинство требует свободы действий, была известна уже в античной Греции. См. «Гераклиды» Еврипида: «Если ж душу / Вы примете мою и умереть / Дадите мне за них по вольной воле, / Без всякого насилия, — я готова...» (549–551 [перевод И.Ф. Анненского]). Идея зависимости оценки моральных заслуг от свободы подчеркивалась уже схоластическими философами, а позднее особенно в немецкой «классической» литературе (см., например: «Человеку необходима свобода, чтобы быть готовым к морали» (*Schiller F. On the Aesthetic Education of Man: In A Series of Letters*. New Haven: Yale University Press, 1954. P. 74. [В книге Фридриха Шиллера такой цитаты найти не удалось. — *Ред.*]). А также: «Qu'est-ce que la vertu, sinon le choix libre de ce qui est bien?» [«Что есть добродетель, как не свободный выбор того, что является благом?»] (*Tocqueville A. de. Voyage en Angleterre et en Irlande de 1835 // Idem. Œuvre complètes*. Paris: Gallimard, 1951. Vol. 5. Pt. 2. P. 91).

действий. Главная функция веры в личную ответственность — побудить нас полностью использовать наши знания и способности для достижения наших целей.

6. Возлагаемое свободой бремя выбора, ответственность за собственную судьбу, которая ложится на человека в свободном обществе, стали в современном мире главным источником неудовлетворенности. Гораздо больше, чем когда-либо прежде, успех человека стал зависеть не от наличия у него особых способностей вообще, а от того, сумел ли он правильным образом их использовать. Во времена меньшей специализации и менее сложной организации, когда почти каждый мог знать о большинстве существующих возможностей, поиск продуктивного использования своих особых умений и талантов был не столь трудным. По мере роста общества и его усложнения потенциальный заработок все больше зависел не от умений и способностей человека, а от правильного их использования; и теперь искать наилучшее применение своим способностям будет все тяжелее, а разрыв между вознаграждением, получаемым людьми с одними и теми же техническими навыками или способностями, будет расти.

Пожалуй, нет ничего грустнее, чем осознавать, какую пользу ты мог бы приносить людям и сколь бесплодно были растрочены твои таланты. То, что в свободном обществе никто не обязан заботиться о наиболее подходящем применении талантов человека, ни один индивид не вправе требовать, чтобы ему предоставили возможности для использования его особых талантов, и что его таланты, если только он сам не найдет им применения, скорее всего, останутся невостребованными, — самый веский упрек в адрес свободного общества и источник самого острого негодования. Если человек осознает, что обладает некими потенциальными способностями, это естественным образом приводит к притязаниям на то, что долг кого-то другого — их использовать.

Необходимость найти сферу, в которой мы будем полезны, подходящую работу, самих себя — это труднейшее дисциплинарное требование, возлагаемое на нас свободным обществом. Но оно неотделимо от свободы, поскольку никто не может гарантировать каждому человеку, что его таланты будут использованы должным образом, если только у него нет власти заставить других их использовать. Мы можем гарантировать кому-либо, что его таланты найдут себе применение, которого они, по его мнению, заслуживают, только лишив другого человека возможности выбирать, кто будет его обслуживать, чьи способности или чью продукцию он будет использовать. Существенная черта свободного общества состоит как раз в том, что ценность и вознаграждение человека зависят не от его способностей вообще, а от того, насколько хорошо у него получается обратить их в конкретную услугу, полезную другим — тем, кто может дать что-то взамен. И главная цель свободы — предоставить человеку как возможности, так и стимулы, обеспечивающие максимальное использование знаний, которые он в состоянии приобрести. В этом отношении уникальным индивида

делает не общее, а конкретное знание, касающееся особых условий и обстоятельств.

7. Следует признать, что в этом отношении результаты свободного общества часто противоречат этическим взглядам, являющимся пережитками более раннего типа общества. Вряд ли можно сомневаться, что с точки зрения общества важнейшим из всех искусств является искусство выгодного использования своих способностей, умение найти им наиболее эффективное применение; но чрезмерная изобретательность в этом деле достаточно часто встречает неодобрение, а достигнутые благодаря успешному использованию конкретных обстоятельств преимущества перед людьми, наделенными в общем-то такими же способностями, видятся несправедливостью. Во многих обществах «аристократическая» традиция, соответствующая условиям деятельности в организационной иерархии, в которой за каждым закреплены свои задачи и обязанности, традиция, часто создававшаяся людьми, которых привилегии освободили от необходимости оказывать полезные услуги другим, подчеркивает благородство того, кто ждет, пока его таланты будут открыты другими; изобретательность же, о которой идет речь (лучше всего передаваемую немецким термином *Findigkeit* [находчивость, ловкость]), культивировали только религиозные или этнические меньшинства, с большим трудом пытавшиеся подняться вверх, — и по этой причине остальные обычно испытывали к ним неприязнь. Однако не может быть сомнений в том, что один из самых крупных вкладов в благосостояние сограждан, который может сделать человек в нашем обществе, — найти способ лучше использовать вещи или собственные способности и что только предоставляя максимальные возможности для этого свободное общество смогло стать гораздо более процветающим, чем все другие. Успешное использование предпринимательского таланта (а в том, что касается открытия наилучшего применения наших способностей, все мы — предприниматели) получает в свободном обществе наивысшее вознаграждение, тогда как тому, кто возлагает поиск полезного применения своих способностей на других, приходится довольствоваться более скромным вознаграждением.

Важно понять, что, обучая технических специалистов, рассчитывающих на то, что им «будет найдено применение», неспособных самостоятельно найти свое место и считающих, что на ком-то лежит ответственность за правильное использование их способностей или умений, мы не готовим людей для свободного общества. Каким бы способным ни был человек в той или иной области, ценность его услуг в свободном обществе будет неизбежно низка, если только он не в состоянии довести знание о своих способностях до сведения тех, кто может получить от них наибольшую выгоду. Наше чувство справедливости может быть оскорблено тем, что из двух равно усердных, знающих и подготовленных людей одного ждет успех, а другого провал, но нам следует понимать, что в свободном обществе именно использование конкретных возможностей определяет нашу полезность,

и, соответственно, согласовывать наше образование с нашим этосом. В свободном обществе мы получаем вознаграждение не за наши умения, а за их правильное использование; и это не может быть никак иначе до тех пор, пока мы свободны выбирать себе занятие, а не следовать указаниям. Действительно, почти никогда невозможно определить, в какой части карьерный успех обязан превосходным знаниям, способностям или настойчивости, а в какой — удачному случаю; но все равно очень важно сделать так, чтобы для каждого было целесообразно делать правильный выбор.

Насколько плохо понимают это важнейшее обстоятельство, видно из утверждений, причем высказываемых не только социалистами, вроде: «Каждый ребенок, будучи гражданином, имеет естественное право не только на жизнь, свободу и стремление к счастью, но и на то общественное положение, на которое ему дают право его таланты»¹¹. В свободном обществе таланты человека не «дают права» ни на какое определенное положение. Утверждать обратное означало бы, что некое ведомство располагает властью и полномочиями принимать решения об общественном положении человека на основе собственных оценок. Все, что может предложить человеку свободное общество, — это лишь возможность искать подходящее положение со всеми сопутствующими рисками и неопределенностью, с которыми сопряжен поиск рынка для своих талантов. Несомненно, в этом отношении свободное общество подвергает большинство людей давлению, часто вызывающему негодование. Но было бы ошибкой думать, что в каком-нибудь обществе другого типа человек был бы свободен от подобного давления; так как альтернативой давлению, создаваемому ответственностью за собственную судьбу, является куда более оскорбительное давление личных приказов, которым человек обязан подчиняться.

Часто утверждается, что вера в то, что человек сам ответствен за свою судьбу, поддерживается только теми, кто преуспел в жизни. Это утверждение само по себе не столь неприемлемо, как лежащая в его основе посылка, будто люди разделяют это убеждение только потому, что они добились успеха. Что касается меня, я склонен думать, что зависимость здесь прямо обратная, и люди часто добиваются успеха благодаря тому, что придерживаются этого представления. Хотя убежденность человека в том, что всеми своими достижениями он обязан исключительно своим упорству, умениям и проницательности, может быть во многом ошибочной, она может и оказывать самое благотворное влияние на его энергию и осмотрительность. И если самодовольная гордыня преуспевших людей часто несносна и оскорбительна, вера, что успех зависит только от них, по-видимому, в прагматическом плане является наиболее эффективным стимулом к успешному действию; а чем больше человек склонен винить в своих неудачах других людей или обстоятельства, тем больше шансов, что он так и останется раздраженным и бесплодным неудачником.

---

¹¹ *Crosland C.A.R.* The Future of Socialism. London: Jonathan Cape, 1956. P. 208.

8. В наше время чувство ответственности ослабляется как чрезмерным расширением сферы ответственности индивида, так и избавлением его от последствий собственных действий. Поскольку мы возлагаем на индивида ответственность, чтобы влиять на его действия, она должна охватывать лишь те последствия его поведения, которые он по-человечески в состоянии предвидеть и в отношении которых можно обоснованно ожидать, что он в обычных обстоятельствах способен их учитывать. Чтобы быть действенной, ответственность должна быть четко определенной и ограниченной, эмоционально и интеллектуально соответствовать человеческим способностям. Если мы привьем человеку установку, что он отвечает за все, это будет столь же разрушительно, как если бы мы внушили ему мысль, что он не может отвечать ни за что. Свобода требует, чтобы ответственность человека распространялась только на то, о чем он предположительно может судить, чтобы его действия учитывали последствия, которые он в состоянии предвидеть, и, в частности, чтобы он отвечал только за свои собственные действия (или тех, кто находится под его опекой), но не за действия других, столь же свободных, как и он сам.

Чтобы быть эффективной, ответственность должна быть индивидуальной. В свободном обществе не может быть никакой коллективной ответственности членов группы как таковой, если только они своими согласованными действиями не сделали каждого в отдельности индивидуально ответственным. Совместная или разделяемая с другими ответственность может вынудить человека к согласию с другими и таким образом ограничить возможности каждого в отдельности. Если одно и то же дело становится ответственностью многих, не связывая их одновременно обязанностью действовать совместно и согласованно, то это приведет к тому, что на деле никто не возьмет на себя ответственность. Как всеобщая собственность — по сути дела ничья собственность, так и всеобщая ответственность — это ничья ответственность¹³.

Невозможно отрицать, что современные тенденции, особенно развитие больших городов, в значительной степени разрушили чувство ответственности за состояние местных дел, которое в прошлом было основой спонтанных и весьма благотворных совместных действий. Существенным условием ответственности является то, что она относится к обстоятельствам, о которых индивид в состоянии судить, к проблемам, которые человек может, не слишком напрягая воображение, почувствовать своими и решение которых он может с достаточным основанием считать собственной,

---

¹³ См. также наблюдение: «Dans chaque groupe collectif une partie du jugement de l'individu est absorbée avec une partie de sa responsabilité par le mot d'ordre collectif. Le sentiment d'être tous ensemble responsables de tout, accroît dans le monde actuel le danger de l'irresponsabilité absolue de l'action de masses» [«В каждом сплоченном коллективе здравый смысл индивида поглощается его ответственностью перед коллективом и готовностью ему подчиняться. В реальном мире чувство, что все ответственные за все, умножает опасность абсолютной безответственности массовых действий»] (*Huizinga J. Incertitudes: Essai de diagnostic du mal dont souffre notre temps. Paris: Librairie de Médecine, 1939. P. 216*).

а не чужой заботой. Вряд ли такое условие применимо к жизни в анонимной толпе большого промышленного города. Прошло то время, когда индивид был членом небольшой общины, в которой всех знал и в делах которой принимал непосредственное участие. Это увеличило его независимость, но и отняло чувство защищенности, которое дают личные связи и дружеское участие соседей. Несомненно, растущий запрос на получение защиты и безопасности от безличной власти государства — во многом результат исчезновения этих малых сообществ и чувства изолированности индивида, который теперь не может рассчитывать на личное участие и помощь других членов малой группы¹³.

Сколько бы мы ни сожалели об исчезновении этих малых сообществ и замене их широкой сетью ограниченных, безличных и временных связей, мы не можем рассчитывать, что чувство ответственности за известное и близкое будет заменено сходным чувством по отношению к отдаленному и известному лишь теоретически. Хотя нас может по-настоящему заботить судьба знакомых соседей и обычно мы знаем, как им помочь, когда бывает нужна помощь, у нас не может быть такого же отношения к тысячам или миллионам несчастных, о которых известно лишь то, что они существуют в мире, но чьи личные обстоятельства нам неведомы. Как бы ни трогало нас описание их злосчастий, мы не можем в своей повседневной деятельности руководствоваться абстрактным знанием об огромном числе страждущих. Для того чтобы действовать эффективно и с пользой, мы должны ставить перед собой ограниченные цели, соответствующие возможностям нашего ума и способности к сопереживанию. Если постоянно напоминать человеку о его «социальной» ответственности перед всеми нуждающимися или несчастными в городе, в стране или в мире, неизбежным результатом будет ослабление его чувств, пока не исчезнет всякое различие между той ответственностью, которая требует от него действий, и той, которая их не требует. Следовательно, чтобы быть действенной, ответственность должна быть ограничена таким образом, чтобы человек мог, опираясь на свое конкретное знание, судить о важности различных задач, применять свои моральные принципы к известным ему обстоятельствам и добровольно заботиться об уменьшении зла и несчастий.

---

¹³ См.: *Riesman D. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven: Yale University Press, 1950.

Равенство, ценность и заслуги

---

*Страсть к равенству, которая представляется
мне просто-напросто идеализированной
завистью, не вызывает у меня никакого уважения.*

— Оливер Уэнделл Холмс-мл.

1. Великой целью борьбы за свободу было равенство перед законом. Это равенство по отношению к правилам, соблюдение которых государство обеспечивает принуждением, может быть дополнено аналогичным равенством по отношению к нормам, которые люди добровольно соблюдают в отношениях между собой. Это распространение принципа равенства на нормы морали и общественного поведения — главное выражение того, что обычно именуют духом демократии, и, вероятно, в первую очередь благодаря ему неравенства, которые неизбежно порождает свобода, не обижают людей.

Однако равенство по отношению к общим нормам закона и правилам поведения — единственный вид равенства, способствующий свободе, и единственный вид равенства, который можно гарантировать, не разрушая самой свободы. Свобода не только не имеет никакого отношения ко всем другим видам равенства, но и обречена порождать неравенство во многих аспектах¹. Таков неизбежный результат, а отчасти и оправдание индивидуальной свободы: если ее плоды не демонстрируют, что некий образ жизни способствует успеху больше, чем другие, то исчезает значительная часть доводов в пользу свободы.

Аргументация в пользу свободы требует, чтобы правительство обращалось с людьми одинаково не потому, что люди на самом деле равны,

---

— The Holmes-Laski Letters: The Correspondence of Mr. Justice Holmes and Harold J. Laski, 1916–1935. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1953. Vol. 2. P. 942.

Немецкий перевод более раннего варианта текста этой главы см.: Ordo. 1958. Vol. 10. P. 5–29.

¹ См.: «Freiheit erzeugt notwendig Ungleichheit und Gleichheit notwendig Unfreiheit» [«Свобода с необходимостью порождает неравенство, а равенство с необходимостью порождает несвободу»] (Leibholz G. Die Bedrohung der Freiheit durch die Macht der Gesetzgeber // Die Freiheit der Persönlichkeit: eine Vortragsreihe. Stuttgart: A. Kröner, 1958. P. 80).

и не потому, что оно пытается сделать их равными. Эта аргументация не только признает, что все люди очень разные, но и в значительной степени опирается на это предположение. Она настаивает, что государство, которое обращается с людьми по-разному, не может оправдывать это их индивидуальными особенностями. И возражает против того, чтобы государство по-разному обращалось со своими гражданами — а это стало бы неизбежным, если бы людям, которые на самом деле очень разные, потребовалось обеспечить одинаковое положение в жизни.

Современные сторонники гораздо большего материального равенства обычно отрицают, что их требования основаны на предположении о фактическом равенстве всех людей². Тем не менее широко распространено представление, что именно в этом состоит главное оправдание подобных требований. Однако нет большей опасности для требования о равном обращении, чем опора на очевидно ложное предположение о фактическом равенстве всех людей. Когда требование равного обращения с национальными или расовыми меньшинствами обосновывается утверждением, что они не отличаются от других, тем самым неявно признается, что фактическое неравенство оправдывает неравное обхождение; и доказательство того, что некоторые различия действительно существуют, не заставит себя долго ждать. Сущность требования равенства перед законом заключается в том, что с людьми нужно обходиться одинаково, несмотря на то что все они разные.

2. Безграничное разнообразие человеческой природы — широкий спектр различий в индивидуальных способностях и потенциальных возможностях — это одна из самых характерных черт человеческого рода. В ходе эволюции он приобрел большее внутривидовое разнообразие, чем какие-либо другие виды животных. Однажды было хорошо сказано: «Биология, краеугольным камнем которой является изменчивость, дарует каждому человеку неповторимый набор качеств, наделяющих его достоинством, которым в противном случае он бы не обладал. Каждый новорожденный младенец — это неизвестная величина в том, что касается его потенциальных возможностей, поскольку существуют многие тысячи неизвестных взаимосвязанных генов и генотипов, которые вносят вклад в его формирование. Благодаря сочетанию природных задатков и воспитания новорожденный младенец может стать одним из величайших людей всех времен и народов. В каждом случае у него или у нее есть задатки отличного от других индивида. <...> Если различия не очень важны, то и свобода не очень важна, равно как и идея ценности отдельного индивида»³. Автор справедливо добавляет, что распространенная теория единообразия человеческой

---

² См., например: *Tawney R.H. Equality*. London: George Allen and Unwin, 1931. P. 47–50.

³ *Williams R.J. Free and Unequal: The Biological Basis of Individual Liberty*. Austin: University of Texas Press, 1953. P. 23, 70; см. также: *Haldane J.B.S. The Inequality of Man*. London: Chatto and Windus, 1932; *Medawar P.B. The Uniqueness of Individual*. London: Methuen, 1957.

природы, «которая внешне кажется согласующейся с демократией... со временем подорвет самые фундаментальные идеалы свободы и ценности индивида и сделает бессмысленной жизнь, какой мы ее знаем»⁴.

В современную эпоху модно приуменьшать значение врожденных различий между людьми и приписывать все существенные различия влиянию среды⁵. При всей важности последнего мы не должны пренебрегать тем фактом, что люди изначально очень разные. Значение индивидуальных различий вряд ли уменьшилось бы, даже если бы люди воспитывались в совершенно одинаковых условиях. Утверждение, что «все люди рождены равными», просто-напросто ложно. Мы можем и дальше использовать эту освященную традицией фразу для выражения идеала, в соответствии с которым ко всем людям следует относиться одинаково с правовой и моральной точек зрения. Но если мы хотим понять, что может или должен означать этот идеал равенства, мы должны, прежде всего, освободиться от веры в фактическое равенство.

Из того, что все люди очень разные, следует, что если обходиться с ними одинаково, результатом неизбежно будет неравенство в их действительном положении⁶, а единственный способ поместить всех в одинаковое положение состоит в том, чтобы обходиться с ними по-разному. Вследствие этого равенство перед законом и материальное равенство не только различны, но и противоречат друг другу, так что мы можем достичь либо одного, либо другого, но не того и другого одновременно. Равенство перед законом, которого требует свобода, ведет к материальному неравенству. Наш аргумент заключается в следующем: хотя в тех случаях, когда государству приходится использовать принуждение по другим основаниям, оно должно обходиться с людьми одинаково, желание сделать людей более равными по жизненным условиям не может быть принято в свободном обществе как оправдание для дальнейшего и дискриминационного принуждения.

Мы не возражаем против равенства как такового. Просто дело в том, что требование равенства является главной темой большинства тех, кто жаждет навязать обществу заранее выработанную распределительную модель. Наше возражение направлено против всех попыток навязать обществу преднамеренно выбранную модель распределения независимо от того, стремимся мы к равенству или неравенству. Далее мы увидим, что многие из тех, кто требует большего равенства, на самом деле требуют не равенства, а такого распределения, которое более точно соответствовало бы человеческим представлениям об индивидуальных достоинствах или заслугах, и что их желания столь же несовместимы со свободой, как и более прямые эгалитарные требования.

---

⁴ *Williams R.J.* Free and Unequal. P. 152.

⁵ См. описание этого модного взгляда: «При рождении человеческие детеныши независимо от наследственности одинаковы, как автомобили марки „Форд“» (*Kallen H.M.* Behaviorism // *Encyclopedia of the Social Sciences*. P. 498).

⁶ См.: «...для неравных равное стало бы неравным, если бы не соблюдалась надлежащая мера» (*Платон. Законы*. Кн. VII. 757a [перевод А.Н. Егунова]).

Если некто возражает против использования принуждения для установления более равного или более справедливого распределения, то это не означает, что он не считает эти цели желательными. Но если мы хотим сохранить свободное общество, то важно понимать, что даже если что-то представляется нам желательным, это не является достаточным оправданием для применения принуждения. Человек может мечтать о сообществе, в котором нет чрезмерного контраста между богатыми и бедными, и приветствовать то, что общий рост богатства, как кажется, ведет к постепенному уменьшению неравенства. Я целиком разделяю эти чувства и безусловно считаю достигнутый в США уровень социального равенства достойным самой высокой оценки.

Также вроде бы нет причин, почему эти довольно популярные предпочтения не могут направлять некоторые аспекты политики. Когда существует законная потребность в правительственных действиях, и нам нужно выбрать между разными методами удовлетворения этой потребности, то предпочтительными будут те методы, которые заодно уменьшают неравенство. Если, например, в законе о наследовании при отсутствии завещания какое-либо положение будет в большей мере способствовать достижению равенства, то это может быть серьезным аргументом в его пользу. Но совсем другое дело, если выдвигается требование, чтобы для обеспечения материального равенства мы отбросили базовый постулат свободного общества, а именно ограничение всякого принуждения принципом равенства перед законом. На это мы возразим, что экономическое неравенство не является одним из тех видов зла, которые оправдывают применение нами избирательного принуждения или привилегий в качестве средства его исправления.

3. Наша точка зрения опирается на два базовых утверждения, которые, вероятно, достаточно лишь сформулировать, чтобы они завоевали поистине всеобщее одобрение. Первое выражает убежденность в определенном сходстве всех людей: это утверждение, что ни один человек или группа людей не может окончательно определять потенциальные возможности других людей, и, конечно, нельзя доверять на постоянной основе эту роль никогда и никому. Как бы ни были велики различия между людьми, у нас нет оснований полагать, что они когда-либо окажутся столь огромными, что в том или ином случае дадут возможность уму одного человека полностью охватить все, на что способен ум другого ответственного человека.

Второе базовое утверждение заключается в том, что когда любой член общества получает дополнительные способности и может делать что-то новое, что может оказаться ценным, это всегда следует рассматривать как выигрыш для всего общества. Конечно, кому-то может стать хуже из-за того, что в их области появились новые конкуренты, превосходящие их в той или иной способности, но любая такая дополнительная способность, скорее всего, будет выгодна большинству членов сообщества. Из этого следует, что способности и возможности любого индивида желательно расширять

независимо от того, насколько то же доступно и другим — разумеется, при условии что другие не лишаются тем самым возможности приобретать такие же или какие-либо другие способности, которые могли бы быть им доступны, не будь они закреплены за кем-то одним.

Эгалитаристы обычно по-разному относятся к тем различиям в индивидуальных способностях, которые являются врожденными, и тем, которые объясняются влиянием среды, или, иными словами, к тем различиям, которые есть результат «природы», и тем, которые проистекают из «воспитания». Нужно сразу оговорить, что ни те, ни другие не имеют отношения к моральным заслугам⁷. Хотя и те и другие могут сильно влиять на ценность человека в глазах других, однако как нет его заслуги в том, что он получил желаемые качества от рождения, так нет ее и в том, что он вырос в благоприятной среде. Различие между первыми и вторыми существенно лишь тем, что в первом случае обстоятельства, обеспечившие преимущество, явно находятся вне контроля человека, тогда как во втором они зависят от факторов, которые мы могли бы изменять. Важный вопрос заключается в том, существуют ли доводы в пользу изменения наших институтов таким образом, чтобы по возможности устранить все преимущества, связанные со средой. Должны ли мы согласиться с тем, что «все формы неравенства, основанные на рождении и унаследованной собственности, должны быть уничтожены, чтобы остались лишь те, которые имеют источником талант и усердие»?⁸

Тот факт, что определенные преимущества основываются на структурах человеческих отношений, не обязательно означает, что мы в состоянии обеспечить равные преимущества всем или что если они кому-то даны, то кто-то другой оказался обделенным. Важнейшими факторами здесь являются семья, наследуемое имущество и образование, и как раз против порождаемого ими неравенства преимущественно направлена критика. Но есть и другие важные факторы среды. Вряд ли менее важны географические условия, такие как климат и ландшафт, не говоря уже о местных и групповых различиях в культурных и моральных традициях. Мы, однако, можем рассмотреть здесь только три основных фактора, действие которых чаще всего вызывает возражения.

Что касается семьи, то налицо любопытный контраст между почтением большинства людей к этому институту и их неприязнью к тому обстоятельству, что принадлежность к некоей семье может обеспечить человеку особые преимущества. Похоже, многие считают, что хотя полезные качества,

---

⁷ См.: «Не существует очевидных оснований для того, чтобы кто-либо имел большие или меньшие права на доход от унаследованных личных способностей, чем на доход от наследственной собственности, полученной в какой-либо другой форме» (Freedom and Reform: Essays in Economics and Social Philosophy / Ed. by F.H. Knight. New York: Harper and Brothers, 1947. P. 151), и обсуждение: Röpke W. Mass und Mitte. Erlenbach; Zurich: Eugen Rentsch, 1950. P. 65–75.

⁸ Такова позиция Ричарда Г. Тоуни в изложении Джона П. Пламенаца: *Plamenatz J.P. Equality of Opportunity // Aspects of Human Equality* / Ed. by Bryson L. and others. New York: Distributed by Harper, 1956. P. 100.

приобретаемые человеком благодаря природным задаткам в одинаковых для всех условиях, выгодны для общества, те же самые качества становятся почему-то нежелательными, если их получить в результате более благоприятной, чем у других, обстановки. Однако трудно понять, почему одно и то же полезное качество приветствуется, когда является результатом природной одаренности человека, но становится менее ценным, когда является результатом таких обстоятельств, как разумные родители или хороший дом.

Большинство людей ценят институт семьи, потому что верят, что, как правило, родители могут подготовить своих детей к хорошей жизни лучше, чем кто-либо еще. Отсюда следует не только то, что преимущества, которые люди приобретают в семье, будут разными, но и то, что эти преимущества могут иногда накапливаться на протяжении нескольких поколений. Так почему кто-то считает, что желаемое качество человека менее ценно для общества, если оно сформировалось в результате семейной предыстории, чем в других случаях? На самом деле есть серьезные причины думать, что некоторые общественно ценные качества редко приобретаются в одном поколении, но обычно формируются усилиями двух или трех поколений. Это означает просто, что они — часть культурного наследия общества, которая наиболее эффективно передается через семью⁹. Учитывая это, было бы неразумно отрицать, что общество будет иметь более качественную элиту, если не ограничивать восхождение одним поколением, не принуждать всех начинать с одного уровня и не лишать детей возможности получать выгоду от более качественного образования и материального достатка, которые им могут дать родители. Принять это — значит признать лишь то, что принадлежность к семье есть часть человеческой личности, что общество состоит как из отдельных людей, так и из семей и что передача наследия цивилизации внутри семьи представляет собой столь же важный инструмент совершенствования человечества, как и наследование хороших физических качеств.

4. Многие из тех, кто согласен, что семья желательна как инструмент передачи нравов, вкусов и знаний, сомневаются в желательности передачи материальной собственности. Однако несомненно, что для того, чтобы первое было возможно, необходимо постоянство стандартов, внешних форм жизни, и это может быть достигнуто только при условии, что можно передавать по наследству не только нематериальные, но и материальные преимущества. Разумеется, в том, что некоторые рождаются у богатых родителей,

---

⁹ См.: «Истинная честь, правдивость, сдержанность в проявлении личных чувств, самоконтроль и учтивость прививаются наилучшим образом, если не исключительно, путем постоянного наставления и примера, получаемых в самом раннем детстве от благородных родителей и родственников. Нет ничего на земле, что требовало бы больших затрат труда, чем воспитание благородного человека. Не подлежит сомнению также, что домашняя дисциплина и обучение прививают характеру человека наиболее твердые и ценные элементы и что без такого обучения развитие цивилизации означает улучшение еды и одежды, но не совершенствование людей» (*Sumner W.G. Andrew Jackson. Boston: Houghton Mifflin, 1899. P. 24–25.*).

нет ни больших заслуг, ни большей несправедливости, чем в том, что у некоторых родители добрые или умные. Если хотя бы некоторые дети стартуют, имея преимущества, которые в любой момент времени им может обеспечить только богатство, для общества это не менее выгодно, чем когда некоторые наследуют большие умственные способности или усваивают в семье лучшие нравы.

Мы не касаемся здесь главного аргумента в пользу частного наследования собственности, а именно что оно, как кажется, играет существенную роль, поддерживая процесс рассредоточения контроля над капиталом и стимулируя людей к его накоплению. Нас интересует другое — является ли тот факт, что частное наследование собственности предоставляет некоторым незаслуженные преимущества, веским аргументом против этого института? Бесспорно, он является одной из институциональных причин неравенства. В настоящем контексте мы не задаемся вопросом, требует ли свобода неограниченной свободы наследования. Наш вопрос состоит всего лишь в том, должны ли люди пользоваться свободой передачи детям или кому-либо другому материальной собственности — свободой, порождающей существенное неравенство.

Раз уж мы согласились, что желательно поставить природные инстинкты родителей на службу тому, чтобы как можно лучше подготовить к жизни новое поколение, то, по-видимому, не остается разумных причин для ограничения этого только нематериальными благами. Функция семьи по передаче норм и традиций тесно связана с возможностью передачи материальных благ. И если мы ограничим улучшение материальных условий одним поколением, то трудно понять, каким образом это будет служить истинным интересам общества.

Есть еще одно соображение, которое хоть и может показаться немного циничным, но определенно наводит на мысль, что если мы хотим наилучшим образом использовать природную любовь родителей к своим детям, то не должны препятствовать передаче собственности. Кажется бесспорным, что из многих способов, какими родители могут передать детям свои власть и влияние, передача состояния по наследству — в социальном плане самый дешевый. Если людей лишить такой возможности, они будут искать другие пути, чтобы позаботиться о своих детях, например назначать их на должности, которые обеспечивают доход и престиж, сопоставимые с тем, что приносит богатство; но это вызовет гораздо большую растрату ресурсов и несправедливость, чем в случае наследования собственности. Так происходит во всех обществах, где не существует наследования собственности, в том числе коммунистических. Следовательно, тем, кому не по душе неравенство, порождаемое наследованием, надо осознать, что даже с их точки зрения это наименьшее из зол, если учитывать человеческую природу.

5. Хотя прежде наследование имущества было самым критикуемым источником неравенства, сегодня ситуация, по-видимому, изменилась. Сейчас

агитация эгалитаристов больше сосредоточена на неравенстве преимуществ, которое создается различиями в образовании. Растет тенденция выражать стремление к равенству условий в виде требования, чтобы самое лучшее образование, которое мы научились давать некоторым, стало бы бесплатным и доступным для всех; а если же это окажется невозможным, то нельзя позволить, чтобы человек получал лучшее образование на том лишь основании, что его родители могут за него заплатить, — к благам ограниченных ресурсов высшего образования должны быть допущены те и только те, кто смог пройти единый тест, определяющий способности.

Проблема образовательной политики затрагивает слишком много вопросов, чтобы обсуждать их между делом в связи с общей темой равенства. Нам придется посвятить им отдельную главу в конце книги. Сейчас же лишь отметим, что из-за принудительного равенства в этой области, скорее всего, кто-то не сможет получить то образование, которое он получил бы в противном случае. Что бы мы ни предприняли, нет способов предотвратить то, что некоторые преимущества, которые могут иметь — и желательно, чтобы имели, — лишь немногие, достанутся тем, кто лично их не заслуживает, или тем, кто использует их не так хорошо, как могли бы другие. Эту проблему нельзя решить удовлетворительно с помощью исключительных и принудительных полномочий государства.

Будет полезно кратко рассмотреть, как в этой сфере изменился в современную эпоху идеал равенства. Сто лет назад, на пике классического либерального движения, этот идеал выражался фразой «la carrière ouverte aux talents» [«карьера открыта талантам» (*фр.*)]. Это было требование устранить все созданные людьми препятствия, мешающие некоторым расти, уничтожить все индивидуальные привилегии и сделать так, чтобы государство вкладывалось одинаково в шансы на улучшение положения каждого человека. При этом многие разделяли мнение, что, поскольку все люди разные и выросли в разных семьях, равных стартовых возможностей быть не может. В то время понимали, что обязанность государства заключается не в том, чтобы обеспечить каждому равные перспективы достижения определенного положения, а просто в том, чтобы сделать доступными для всех на равных условиях те возможности, которые по природе своей зависят от действий государства. Считалось само собой разумеющимся, что результаты будут непременно разными не только потому, что все люди разные, но и потому, что лишь малая часть обстоятельств, влияющих на исход, зависит от государства.

Концепция, согласно которой каждому нужно позволить попробовать, была вытеснена совершенно иной, требующей для всех равных стартовых условий и равных перспектив. Это, попросту говоря, означает, что государство, не ограничиваясь предоставлением всем равных условий, должно стремиться к контролю над всеми условиями, имеющими отношение к перспективам индивида, и корректировать их в зависимости от его способностей таким образом, чтобы он гарантированно имел такие же перспективы, как и все остальные. Такое расчетливое приспособление возможностей

к целям и способностям индивида, разумеется, представляет собой полную противоположность свободе. Невозможно оправдать его и как наилучшее использование всего имеющегося знания, если только не полагать, что государству лучше известно, каким образом можно использовать способности каждого человека.

Когда мы пытаемся выяснить, насколько эти требования оправданы, мы обнаруживаем, что они опираются на недовольство, которое успех одних часто вызывает в менее удачливых людях, или, попросту говоря, на зависть. Современная склонность потворствовать этой страсти и наряжать ее в респектабельный наряд социальной справедливости все сильнее угрожает свободе. Недавно была сделана попытка обосновать эти требования тем аргументом, что целью политики должно быть устранение всех источников недовольства¹⁰. Из этого, разумеется, с необходимостью следует, что государство должно быть ответственным за то, чтобы ни у кого не было более крепкого здоровья, более счастливого характера, более красивой жены или более преуспевающих детей, чем у любого другого. Если и в самом деле все нереализованные желания являются основанием для предъявления требований обществу, то личной ответственности приходит конец. Зависть, бесспорно, не относится к числу тех источников недовольства, которые свободное общество могло бы ликвидировать. Одно из существенных условий сохранения такого общества состоит, по-видимому, в том, чтобы не поощрять зависть и не поддерживать ее требования, пряча их за лозунгами социальной справедливости, а относиться к ней, по словам Джона Стюарта Милля, как к «самой антисоциальной и самой гнусной из всех страстей»¹¹.

6. Хотя большая часть эгалитарных требований основывается на одной лишь зависти, следует признать, что многое из того, что на первый взгляд кажется требованием большего равенства, на деле является требованием более справедливого распределения благ этого мира и, таким образом, причины у него гораздо более уважительные. Большинство людей протестуют не против самого неравенства, а против того факта, что разница в вознаграждении не соответствует никаким распознаваемым различиям в достоинствах или заслугах получателей. Обычный ответ на это заключается в том, что в свободном обществе в целом достигается такого рода справедливость¹². Но это утверждение недоказуемо, если под справедли-

---

¹⁰ *Crosland C.A.R.* The Future of Socialism. London: Jonathan Cape, 1956. P. 205.

¹¹ *Mill J.S.* On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 70 [*Милль Дж.С.* О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 357]. Особенно см.: *Schoeck H.* Der Neid: Eine Theorie der Gesellschaft. Freiburg, Munich: Albers, 1966 [*Шёк Г.* Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2008].

¹² См.: *Gallie W.B.* Liberal Morality and Socialist Morality // Philosophy, Politics, and Society / Ed. by P. Laslett. Oxford: B. Blackwell, 1956. P. 123–125. В качестве сущности «либеральной морали» автор представляет требование, чтобы в свободном обществе вознаграждение было равно заслугам. Такой была позиция некоторых либералов в XIX веке, что часто ослабляло их аргументацию. Характерным примером является Уильям Г. Самнер, который утверждал, что если бы у всех «были равные шансы в той степени, в какой шансы предо-

востью иметь в виду пропорциональность вознаграждения моральным достоинствам или заслугам. Любая попытка обосновать дело свободы этим аргументом очень опасна, так как он признает, что материальное вознаграждение должно соответствовать поддающимся наблюдению заслугам, а потому опровергает вывод, который делают из этого большинство людей, с помощью утверждения, не являющегося истинным. Правильный ответ заключается в том, что в свободном обществе и нежелательно, и на практике невозможно сделать так, чтобы материальное вознаграждение в общем случае соответствовало тому, что люди распознают и признают в качестве достоинств или заслуг, и что существенная характеристика свободного общества заключается в том, что положение человека не должно обязательно зависеть от мнения его сограждан о его заслугах.

Это утверждение сначала может показаться настолько странным и даже возмутительным, что я прошу читателя воздержаться от оценок до тех пор, пока я не объясню различия между ценностью и заслугой¹³. Внести пол-

---

ставляются или ограничиваются обществом», это бы «породило неравные результаты, поскольку результаты должны быть пропорциональны заслугам людей» (*Sumner W.G. What Social Classes Owe to Each Other // Freeman. Los Angeles. N.d. Vol. 4. № 1. P. 141*). Это верно только если слово «заслуги» (merits) использовано в том же смысле, в каком мы используем слово «ценность» (value), без каких-либо моральных коннотаций, но безусловно неверно, если это должно означать пропорциональность вознаграждения всякой попытке сделать что-либо хорошее или правильное или всякому субъективному усилию, направленному на достижение соответствия идеальному образцу.

Но, как мы видим теперь, Уолтер Б. Гэлли прав в том, что в соответствии с аристотелевскими терминами, которые он использует, либерализм стремится к уравнивающей (commutative) справедливости, а социализм — к распределительной (distributive). Но, подобно большинству социалистов, он не видит того, что распределительная справедливость несовместима со свободой выбора деятельности: это справедливость иерархической организации, а не свободного общества.

«В действительности установление пропорциональной зависимости между вознаграждением и выполненной работой справедливо лишь тогда, когда разница в количестве выполненной работы есть дело выбора самого человека; в тех случаях, когда эта разница зависит от природного неравенства сил или способностей, такой принцип вознаграждения сам по себе несправедлив: он дает уже имеющему, предназначает большую часть тем, кто уже облагодетельствован природой» (*Mill J.S. Principles of Political Economy // The Collected Works of John Stuart Mill. Toronto: University of Toronto Press, 1965. Vol. 2. Bk. 2, Ch. 1. P. 210 [Милль. Основы. С. 280]*). См.: «Auch das sozialistische Gemeinwesen wird also ein Rechtsstaat sein, ein Rechtsstaat freilich, der statt von der ausgleichenden von der austeilenden Gerechtigkeit beherrscht wird» [«Социалистическое государство также станет правовым. Но оно будет руководствоваться не уравнивающей, а распределительной справедливостью»] (*Radbruch G. Rechtsphilosophie / 5th ed. Stuttgart: Koehler, 1956. E.g. P. 187 [Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. С. 105]*).

¹³ Хотя я убежден, что это различие между ценностью и заслугами то же самое, которое имели в виду Аристотель и Фома Аквинский, когда они говорили об отличии «распределительной справедливости» от «уравнивающей справедливости», я предпочитаю обойти стороной всю путаницу и сложности, которыми со временем обросли эти традиционные понятия. Представляется ясным, что так называемое «вознаграждение в соответствии с заслугой» соответствует аристотелевской распределительной справедливости. Трудности возникают в связи с концепцией «уравнивающей справедливости», и разговор о справедливости в этом смысле всегда порождает некоторую путаницу. Ср.: *Solomon M. Der Begriff der Gerechtigkeit bei Aristoteles: nebst einem Anhang über den Begriff des Tauschgeschäfts. Leiden: Sijthoff, 1937*; обзор обширной литературы на эту тему см.: *Vecchio G. del. Die Gerechtigkeit / 2nd ed. Basel: Verlag für Recht und Gesellschaft, 1950*.

См. также: «Но, если бы человечество исполняло этот закон [предназначить наибольшую собственность наибольшей добродетели и придать каждому силу делать добро в соответствии с его склонностью], неопределенность [морального] достоинства как вследствие естественной неясности, так и в силу сомнения каждого индивида была бы столь велика, что из такого достоинства нельзя было бы вывести ни одного определенного правила поведения, и это непосредственно по-

ную ясность трудно в силу того, что термин «заслуга» (merit), единственно подходящий для обозначения того, что я имею в виду, используется также в более широком и туманном смысле. Здесь он будет употребляться исключительно для обозначения особенностей поведения, делающих его достойным похвалы, то есть морального характера действия, а не оценки достижений¹⁴.

В ходе нашего обсуждения мы уже убедились, что ценность поступка или некоей способности человека в глазах ближних не имеет непосредственной связи с тем, что можно назвать заслугой в нашем смысле. Как врожденные, так и приобретенные таланты человека явно имеют ценность для окружающих, которая никак не зависит от уважения к нему в связи с тем, что он ими обладает. Человек мало способен изменить то, что его конкретные таланты весьма обычны или чрезвычайно редки. В целом хорошие умственные способности или красивый голос, прекрасное лицо или умелые руки, остроумие или обаяние — столь же мало зависят от усилий человека, как и его возможности или опыт. Во всех этих случаях ценность, которую имеют для нас качества человека или его услуги, за которые он и получает вознаграждение, имеют мало отношения к тому, что мы могли бы называть нравственной заслугой или достоинством. Наш вопрос состоит в том,

---

вело бы к развалу общества» (*Hume D. Enquiry Concerning the Principles of Morals* // Hume. Essays. Vol. 2. P. 187 [*Юм Д.* Исследование о принципах морали // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 198]); «С точки зрения справедливости, учитывающей узко понимаемые права, тот ее вид, который учитывает достоинства, называется „распределительной несправедливостью“; одна обычно применяет правило пропорциональности, другая — правило простого равенства» (*Grotius H. The Jurisprudence of Holland*. Oxford: Calendon Press, 1926. Vol. 1. P. 3); *Smith A. The Theory of Moral Sentiments*. London: Printed for A. Miller, 1759. Pt. 2: Of the Sense of Merit and Demerit. Sec. 1. P. 141–169 [*Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. Часть вторая, отдел I «О чувстве одобрения и порицания». С. 83–93]; «Существующая система наделяет контролем над экономическими благами пропорционально ценности произведенных услуг и находящемуся в собственности имуществу. <...> В противоположность этому устоявшемуся порядку вещей мы обнаруживаем, что у многих, возможно даже у большинства, людей в уме сосуществуют две несовместимые и довольно туманные идеи. <...> Согласно [первой из них] контроль над экономическими благами должен распределяться пропорционально моральным достоинствам. <...> Вторая идея — это коммунистический идеал равного распределения» (*Cannan E. The History of Local Rates on England* / 2nd ed. London: P.S. King and Son, 1912. P. 160–161); Кеннет Эварт Боулдинг отмечает, что «справедливость, понимаемая как ситуация, в которой каждый получает то, чего он заслуживает, может быть названа стандартом, основанным на заслугах (merit standard)», и указывает, что «уравнивание заслуг с вносимым вкладом было бы опасной этической ошибкой» (*Boulding K.E. Principles of Economic Policy*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1958. P. 85). См. также работу Артура Адкинса «Заслуги и ответственность»; к сожалению, этот автор использует термин «заслуги» в том смысле, в котором я использую слово «ценность», а то, что я называю «заслугами», он называет «ответственностью» (*Adkins A.W.H. Merit and Responsibility: A Study in Greek Values*. Oxford: Clarendon Press, 1960).

¹⁴ Терминологические трудности возникают из-за того, что мы используем слово *merit* в объективном смысле и говорим о *merit* (достоинстве) идеи, книги или картины вне всякой связи с заслугами создавшего их человека. Иногда слово используют также для обозначения того, что мы рассматриваем как «истинную» ценность некоего достижения в отличие от его рыночной ценности. Однако даже достижение человека, имеющее высочайшую ценность или заслугу в этом смысле, не обязательно является доказательством нравственной заслуги того, о ком говорят. По-видимому, наше использование слова санкционировано философской традицией. См., например: «Само внешнее проявление этих качеств не составляет заслуги; мы должны заглянуть внутрь, чтобы найти нравственное качество. <...> Однако данные поступки продолжают рассматриваться только как знаки, и конечным объектом нашей похвалы, нашего одобрения является вызвавший их мотив» (*Hume*. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 252 [*Юм*. Трактат о человеческой природе. С. 518]).

желательно ли, чтобы люди получали выгоду пропорционально той пользе, которую другие извлекают из их деятельности, или же распределение выгод должно основываться на оценке их заслуг со стороны других.

Вознаграждение в соответствии с заслугой должно на практике означать вознаграждение в соответствии с допускающей оценкой заслугой, то есть заслугой, которую другие люди могут признать и одобрить, а не заслугой в глазах высшей власти. В этом смысле допускающая оценка заслуга предполагает, что мы можем убедиться, что человек сделал то, что требовали от него некие принятые правила поведения, и что это действие стоило ему трудов и усилий. Определить это по результату нельзя: заслуга имеет отношение не к объективному результату, а к субъективному усилию. Попытка достичь ценного результата может быть весьма похвальной, однако и полный провал и полный успех могут зависеть исключительно от случая, а потому могут не быть связанными ни с какими заслугами. Если мы знаем, что человек сделал все, что мог, мы часто будем хотеть, чтобы его вознаградили независимо от результата; а если мы знаем, что чрезвычайно ценное достижение почти целиком обязано везению или благоприятным обстоятельствам, мы не станем придавать особое значение автору.

Мы можем захотеть, чтобы у нас была способность проводить это различие в каждом случае. Но на деле у нас крайне редко получится сделать это с какой бы то ни было степенью уверенности. Это возможно, только если мы располагаем всеми теми знаниями, которым располагал действующий человек, в том числе знанием о его умениях и уверенности в себе, о его чувствах и умонастроении, о его способности сосредоточиться, энергии, настойчивости и т.д. Таким образом, возможность правильно оценивать заслуги зависит от наличия именно тех условий, отсутствие которых чаще всего является главным аргументом в пользу свободы. Именно потому, что мы хотим, чтобы люди использовали то знание, которым мы не обладаем, мы предоставляем им решать за себя. Но в той самой мере, в какой мы хотим, чтобы они свободно использовали свои способности и знание фактов, которых у нас нет, мы не в состоянии оценить, чего заслуживают их достижения. Оценка заслуги предполагает, что мы в состоянии судить о том, использовали ли люди свои возможности так, как следовало бы, и каких усилий воли и самоотверженности им это стоило; это предполагает также, что мы в состоянии провести различие между достижениями, обусловленными обстоятельствами, которые люди контролируют или нет.

7. Несовместимость системы вознаграждения по заслугам со свободой выбирать себе занятие наиболее очевидна в тех областях, где неопределенность результата особенно велика, а наши личные оценки шансов на успех разного рода усилий сильно расходятся¹⁵. Что касается тех психических

---

¹⁵ См. важное эссе: *Alchian A.A. Uncertainty, Evolutions, and Economic Theory* // Journal of Political Economy. 1950. Vol. 58. Sec. 2. P. 211–221 [*Алчиан А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория* // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процес-

усилий, которые мы называем «исследованиями» или «изучением», а в экономической сфере обычно именуем «спекуляцией», мы не можем рассчитывать на привлечение к ним самых квалифицированных специалистов, пока тем, кто добился успеха, не достанется весь почет или весь выигрыш, пусть многие тоже очень старались. По той же причине, по какой никто не может заранее знать, кто именно добьется успеха, никто не может сказать, чья заслуга больше. Нам явно не пойдет на пользу, если мы предоставим долю в выигрыше всем, кто честно старался. Более того, если мы так сделаем, кто-то должен будет получить право решать, кому позволено стремиться к этому выигрышу. Для того чтобы в погоне за негарантированными результатами люди использовали все свои знания и способности, они должны руководствоваться не тем, что, по мнению других, они должны делать, а тем, насколько для других ценны результаты, к которым они стремятся.

То, что столь очевидным образом верно в отношении начинаний, которые все мы считаем рискованными, не менее верно для любой цели, которую мы выбираем. Любое такое решение окружено неопределенностью, и чтобы выбор был разумен, насколько может быть разумен выбор человека, предполагаемые результаты каждой альтернативы должны быть помечены в соответствии с их ценностью. Если бы ожидаемое вознаграждение не соответствовало ценности, которую имеет плод усилий человека для остальных, у него не было бы оснований принимать решение о том, стоит ли тратить силы и рисковать, стремясь к данной цели, или нет. Необходимо будет сказать ему, что он должен делать, и кто-то другой должен будет оценить, как лучше использовать его способности и, соответственно, определить его обязанности и вознаграждение¹⁶.

На самом деле мы, конечно, хотим не того, чтобы люди приобретали себе как можно больше заслуг, а чтобы они приносили максимум пользы при минимуме жертв и страданий, иными словами, при минимальных

са. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 33–52], особенно с. 213–214 [с. 38–39] (раздел, озаглавленный «Успех определяется результатами, а не намерениями»). Вероятно, не случайно и то, что американский экономист, больше других сделавший для более глубокого понимания свободного общества, Фрэнк Хайнеман Найт, начал свою профессиональную карьеру с исследования «Риск, неопределенность и прибыль». См. также: *Jouvenel B. de. Power: The Natural History of its Growth*. London: Hutchinson, 1948. P. 298 [*Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания*. М.: Мысль, 2010. С. 463–464].

¹⁶ Часто утверждается, что, в соответствии с требованиями справедливости, денежное вознаграждение должно быть пропорционально непривлекательности труда и что по этой причине дворник или золотарь должны получать больше, чем врач или конторский служащий. Действительно, может показаться, что это следует из принципа вознаграждения в соответствии с заслугами (или «распределительной справедливости»). На рынке такой результат стал бы возможен только при условии, что все люди были бы равно умелыми во всех профессиях, так что тем, кто мог бы зарабатывать не меньше других, выполняя более приятную работу, пришлось бы заплатить больше, чтобы привлечь их на малоприятные рабочие места. В реальном мире тем людям, чья полезность на более привлекательных рабочих местах невелика, эти малоприятные рабочие места дают возможность заработать больше, чем они могли бы где-то еще. То, что люди, которые мало что могут предложить, смогут зарабатывать примерно столько же, сколько остальные, но только ценой намного больших жертв, неизбежно в любом обществе, в котором людям позволено самим выбирать сферу полезной деятельности.

заслугах. Мало того что мы не в состоянии справедливо вознаградить все заслуги, но даже и нежелательно, чтобы люди стремились главным образом к максимизации заслуг. Любая попытка побудить их к этому обязательно привела бы к разному вознаграждению людей за одинаковые услуги. И мы в состоянии оценить хоть с какой-то степенью достоверности только ценность результатов, но не степень усилий и внимания, затраченных разными людьми на их достижение.

Функция наград, которые свободное общество предлагает за достижение результатов, состоит в том, что они сообщают претендентам, какое количество усилий имеет смысл прилагать для их достижения. Однако за одинаковые результаты предлагаются равные награды вне зависимости от затраченных усилий. То, что верно применительно к вознаграждению за одинаковые услуги, оказанные разными людьми, еще более верно, когда мы говорим об относительной величине вознаграждения за разные услуги, требующие разных талантов и способностей: оно имеет мало отношения к заслугам. То, что в общем случае рынок предлагает за услуги любого рода, есть их ценность для тех людей, которые получают от них пользу; но редко будет известно, действительно ли нужно было предлагать за эти услуги так много, и, несомненно, часто общество могло бы получить их намного дешевле. Один пианист, как недавно писали, сказал, что продолжал бы играть, даже если бы ему самому пришлось платить за эту привилегию, и, пожалуй, он точно обозначил позицию многих, кто хорошо зарабатывает на том, что еще и приносит им удовольствие.

8. Хотя большинство людей считают вполне естественным, чтобы никто не получал больше того, что он заслужил своим трудом и усердием, тем не менее это требование основано на невероятной самонадеянности. Ведь оно подразумевает, что мы в состоянии в каждом отдельном случае оценить, сколь хорошо люди используют различные возможности и таланты и в какой мере их достижения являются их заслугой в свете всех обстоятельств, сделавших эти достижения возможными. Оно подразумевает, что некоторые люди в состоянии безошибочно определять, чего стоит человек, и имеют право выносить окончательное суждение о том, чего он может достичь. Оно подразумевает также то, что опровергается именно аргументацией в пользу свободы, а именно что мы можем знать и действительно знаем все, чем руководствуется человек в своих действиях.

Общество, в котором положение индивида соответствовало бы представлениям людей о моральных заслугах, было бы прямой противоположностью свободного общества. Это было бы общество, в котором люди получали бы вознаграждение не за успех, а за выполнение обязанностей, в котором каждый шаг каждого индивида направлялся бы тем, что, по мнению других, ему следует делать, и в котором индивид был бы тем самым освобожден от риска принятия решений и от ответственности. Но если ни у кого нет знаний, достаточных для руководства всеми действиями людей,

то не существует в природе и такого человека, который был бы компетентен вознаграждать каждого в соответствии с его заслугами.

В своем индивидуальном поведении мы обычно действуем исходя из предположения, что размер наших обязательств перед человеком определяется ценностью его результатов, а не заслугами. Как бы ни обстояло дело с более близкими отношениями, при обычном течении жизни мы не чувствуем, что если человеку, который оказал нам услуги, пришлось пойти на жертвы, мы должны ему больше, чем кому-то другому, кто мог бы оказать ту же услугу с легкостью. В отношениях с людьми мы ощущаем, что поступаем вполне справедливо, если выплачиваем вознаграждение, по ценности равное предоставленной нам услуге, не занимаясь выяснением, во что обошлось человеку предоставление этой услуги. Наша ответственность определяется пользой, извлекаемой нами из услуг, предлагаемых другими, а не их заслугами, с которыми связано предоставление этих услуг. И мы в свою очередь рассчитываем, что будем вознаграждены в соответствии с ценностью оказанных нами услуг, а не в соответствии с нашими субъективными заслугами. Более того, пока мы мыслим в терминах наших отношений с конкретными людьми, мы обычно вполне осознаем, что признаком свободного человека является то, что его доход зависит не от представлений других о его достоинствах, а исключительно от того, что он может им предложить. Мы требуем вознаграждения в соответствии с заслугами только тогда, когда считаем, что наше положение или доход определяется «обществом» в целом.

Хотя моральная ценность, или заслуги, тоже является видом ценности, не всякая ценность является моральной, и большинство наших суждений о ценности не моральные суждения. Очень важно, что именно так и должно быть в свободном обществе; и неспособность провести различие между ценностью и заслугой всегда была источником серьезной путаницы. Нам нет необходимости любить все те виды деятельности, плоды которых мы ценим; а в большинстве случаев, когда мы ценим то, что получаем, у нас нет даже возможности оценить заслуги тех, кто нам это предоставил. Если квалификация человека после тридцати лет работы в данной области оценивается более высоко, чем раньше, это не зависит от того, чем были наполнены эти тридцать лет — радостью и хорошим доходом или постоянными жертвами и тревогами. Когда благодаря хобби человек овладевает особым умением или его случайное изобретение оказывается в высшей степени полезным для других, даже если в этом мало его заслуги, его результаты не менее ценны, чем результаты, достигнутые ценой болезненных усилий.

Эта разница между ценностью и заслугой не специфична для какого-либо одного типа общества — она существует повсеместно. Мы могли бы, конечно, попытаться сделать так, чтобы вознаграждение соответствовало не ценности, а заслугам, но вряд ли бы преуспели в этом. В стремлении добиться этого мы разрушили бы стимулы, которые позволяют людям самим решать, что им следует делать. Кроме того, более чем сомнительно, чтобы даже сравнительно удачная попытка привести денежное вознаграждение

в соответствие с заслугами сделала общественное устройство более привлекательным или даже просто сносным. Общество, в котором считается, что высокий доход есть свидетельство заслуг, а низкий — их отсутствия, в котором принято верить, что положение и вознаграждение соответствуют заслугам, в котором нет другого пути к успеху, кроме как добиться одобрения своего поведения большинством окружающих, оказалось бы, по-видимому, гораздо более невыносимым для неудачников, чем то, в котором откровенно признается, что нет никакой закономерной связи между заслугами и успехом¹⁷.

Мы, наверное, больше сделали бы для человеческого счастья, если бы вместо попыток привязать вознаграждение к заслугам постарались прояснить, сколь неопределенно соотношение между ценностью и заслугами. Возможно, мы слишком готовы видеть личную заслугу там, где фактически имеет место лишь более высокая ценность. Если индивид или группа отличается более высокой цивилизованностью или воспитанием, это, конечно, представляет собой значительную ценность для общества, к которому они принадлежат; но обычно в этом очень мало заслуги. Популярность и почитание связаны с заслугами не больше, чем финансовый успех. В основном именно потому, что мы так привыкли предполагать часто несуществующие заслуги там, где есть только ценность, мы порой сильно разочаровываемся, когда несоответствие такое большое, что его трудно не заметить.

Есть все основания стремиться почтительно относиться к особым заслугам там, где они остаются без адекватного вознаграждения. Но проблема вознаграждения выдающихся заслуг, которые должны быть широко известны и служить примером для всех, отличается от проблемы стимулов, на которые опирается повседневное функционирование общества. Свободное общество порождает институты, в которых — для тех, кто предпочитает такой способ, — продвижение человека может зависеть от его оценки вышестоящими или большинством сослуживцев. По мере роста и усложнения организаций задача выявления индивидуального вклада становится все более трудной; а потому становится все более необходимым, чтобы вознаграждение многих определялось не объективной ценностью вклада,

---

¹⁷ См.: «Даже если бы всех неудачников удалось убедить, что у них были равные шансы, это не смягчило бы их недовольства, напротив, это могло бы сделать его более острым. Когда известно, что возможности неравны, а отбор явно идет по признакам богатства или происхождения, люди, потерпевшие неудачу, могут утешать себя тем соображением, что у них ведь не было настоящих возможностей — система была нечестной, все слишком сильно играло против них. Но если отбор очевидным образом происходит на основании заслуг, этот источник утешения исчезает, и неудача порождает чувство абсолютной неполноценности без каких-либо извинений или утешений; и это, в силу естественных причуд человеческой природы, действительно увеличивает зависть и возмущение по поводу успехов других» (*Crosland C.A.R. The Future of Socialism. London: Jonathan Cape, 1956. P. 235*). См. также примечание 8 к главе 14. Ср. также: *Tawney R.H. Equality. London: Allen and Unwin, 1931. P. 52*. Я еще не видел книгу Майкла Янга «Возвышение меритократии, 1870–2033», но в ней, судя по рецензиям, эти проблемы представлены весьма ясно: *Young M.D. The Rise of Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality. London: Thames and Hudson, 1958*.

а заслугами в глазах менеджеров. До тех пор пока это не приводит к ситуации, в которой всему обществу навязывается единая всеобъемлющая шкала заслуг, пока множество организаций конкурируют между собой, предлагая разные перспективы, такое положение не просто совместимо со свободой, но и расширяет открытое индивиду пространство выбора.

9. Справедливость, подобно свободе и принуждению, — понятие, которое ради ясности должно быть ограничено сферой преднамеренных действий одних людей по отношению к другим. Она представляет собой один из аспектов целенаправленного определения тех условий жизни людей, которые подчинены такому контролю. В той мере, в какой мы хотим, чтобы люди в своих усилиях руководствовались собственными представлениями о шансах и перспективах, результаты их усилий неизбежно оказываются непредсказуемыми, и вопрос о справедливости результирующего распределения доходов не имеет смысла¹⁸. Справедливость требует, чтобы те условия человеческой жизни, которые определяются государством, предоставлялись бы всем равным образом. Но равенство этих условий неизбежно ведет к неравенству результатов. Ни равное предоставление тех или иных общественных зданий и сооружений, ни равное обращение с разными партнерами по добровольным сделкам не гарантирует пропорциональности между вознаграждением и заслугами. Вознаграждение за слуг — это вознаграждение за подчинение желаниям других в том, что мы делаем, а не оплата выгод, которые мы им принесли, сделав то, что сочли наилучшим.

Действительно, одно из возражений против попыток государства зафиксировать шкалу доходов заключается в том, что государство должно стремиться быть справедливым во всем, что оно делает. Как только принцип вознаграждения в соответствии с заслугами будет принят в качестве надлежащего основания для распределения дохода, справедливость потребует, чтобы все, кто этого желает, получали вознаграждение в соответствии с этим принципом. Вскоре понадобится, чтобы этот принцип применялся ко всем и чтобы были запрещены доходы, не пропорциональные признанным заслугам. Даже попытка всего лишь провести различие между «заработанными» и «незаработанными» доходами или выигрышем приведет к установлению принципа, который государство попытается применять, но на деле не сможет использовать в большинстве случаев и повсеместно¹⁹. И каждая такая попытка установить преднамеренный контроль над

---

¹⁸ См. интересное обсуждение этой темы в статье: *Collingwood R.G. Economics as a Philosophical Science* // *International Journal of Ethics*. 1926. Vol. 36, где делается следующий вывод: «Справедливая цена, справедливая заработная плата, справедливый процент — все это противоречия в терминах. Вопрос о том, что должен получить человек в обмен на его товары и труд, есть вопрос абсолютно лишенный смысла. Правомерны только вопросы о том, что он может получить в обмен на его товары и труд и должен ли он вообще их продавать» (с. 174).

¹⁹ Конечно, можно найти четкое юридическое определение различий между «заработанными» и «незаработанными» доходами, выигрышем или прибавкой, но эти определения

какими-либо видами вознаграждения неизбежно приведет к требованиям установить новые виды контроля. Принцип распределительной справедливости, будучи однажды введенным, не может быть осуществлен, пока все общество не будет организовано в соответствии с ним. В результате возникнет общество, которое во всех существенных отношениях будет противоположностью свободного — общество, в котором власти будут определять, что и как должен делать индивид.

10. В заключение мы должны кратко рассмотреть другой аргумент, на который часто опираются требования более равного распределения, хотя он редко формулируется в явном виде. Это утверждение, что принадлежность к некоторому обществу или стране дает человеку право на определенный материальный уровень, определяемый общим богатством группы, в которую он входит. Любопытно, что это требование противоречит желанию увязать распределение с личными заслугами. Ясно, что нет никакой заслуги в том, чтобы родиться в определенном обществе, и никакие рассуждения о справедливости не могут основываться на случайности рождения в одном месте, а не в другом. На деле относительно богатые общества регулярно наделяют своих беднейших членов выгодами, неизвестными тем, кто родился в бедных обществах. У членов богатого общества единственное оправдание для требования дополнительных благ состоит в том, что в нем есть изобилие частных богатств, которые государство может конфисковать и перераспределить, и что люди, постоянно видящие богатство, которым пользуются другие, сильнее хотят завладеть им, чем те, кто знает о нем только понаслышке, если вообще что-нибудь знает.

Нет очевидных оснований для того, чтобы совместные усилия членов какой бы то ни было группы, поддерживающей правопорядок или организующей предоставление определенных услуг, давали ее членам право требовать определенную долю в богатстве этой группы. Подобные требования особенно трудно оправдать в тех случаях, когда их сторонники не желают признать такие же права за теми, кто не принадлежит к той же стране или сообществу. Признание подобных требований в национальном масштабе фактически создало бы лишь новый вид коллективных (но столь же исключительных) прав собственности на ресурсы страны, которые нельзя было бы оправдать на тех же основаниях, что и право частной собственности. Мало кто готов признать справедливость этих требований в масштабе

быстро утратят связь с моральными критериями, служившими их обоснованием. Любая серьезная попытка применить на практике моральные критерии быстро сталкивается с теми же непреодолимыми трудностями, которые ждут всякую попытку оценить субъективную заслугу. Насколько мало философы понимают эти трудности (за исключением редких случаев, на которые есть ссылки в примечаниях выше), иллюстрирует обсуждение этого вопроса в книге: *Stebbing L.S. Thinking to Some Purpose*. Pelican Books; Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1939. P. 184, в которой в качестве примера понятного, но нечеткого различия автор приводит «оправданную» и «избыточную» прибыль и замечает: «Различие между „избыточной прибылью“ (или „наживой“) и „оправданной прибылью“ понятно, хотя оно не является четким».

всего мира. И вряд ли их делает более справедливыми один только факт, что в данной стране большинство обладает реальной властью для проведения этих требований в жизнь, тогда как в мире в целом оно этого еще не может.

У нас есть достаточно оснований стремиться использовать любую имеющуюся политическую организацию для того, чтобы позаботиться о слабых, немощных или о жертвах стихийных бедствий. Не исключено, что самый эффективный метод защиты от рисков, общих для всех граждан государства, заключается в том, чтобы защитить от этих рисков каждого гражданина. Уровень защиты от общих рисков непосредственно связан с уровнем общего благосостояния сообщества.

Но совсем другое дело утверждать, что бедные — бедные по сравнению с более состоятельными людьми из этого же общества — имеют право на долю в богатстве последних или что рождение в группе, достигшей определенного уровня цивилизации и комфорта, дает право на долю во всех благах. Тот факт, что все граждане заинтересованы в совместном предоставлении некоторых услуг, не оправдывает притязаний на собственную долю во всех благах. Он может послужить стандартной мерой того, что некоторым следовало бы добровольно отдавать, но не того, чего кто-либо может требовать.

Если та точка зрения, против которой мы выступаем, будет и дальше распространяться, то группы людей, живущих в разных странах, будут становиться все более и более замкнутыми. Вместо того чтобы допускать людей к выгодам, которые обеспечивает проживание в стране, нация предпочтет удерживать их за пределами страны, потому что иначе они скоро заявят о своем праве на определенную долю в ее богатстве. Концепция, согласно которой гражданство или даже просто проживание в стране дает право на определенный уровень жизни, уже становится серьезным источником международных трений. И поскольку единственное, чем можно оправдать применение этого принципа в данной стране, — возможность правительства провести его в жизнь, не следует изумляться, когда мы обнаружим, что тот же принцип навязывается силой в международном масштабе. Если право большинства на блага, которыми пользуется меньшинство, признано в национальном масштабе, нет никаких оснований, чтобы применение этого принципа ограничивалось территорией существующих государств.

Правление большинства

---

*Хотя людьми во многом управляют
интересы, самими интересами и всеми
людскими делами управляют мнения.*

— Давид Юм

1. Равенство перед законом ведет к требованию, чтобы все люди в равной мере участвовали в создании законов. Именно в этом месте сходятся традиционный либерализм и демократическое движение. Тем не менее они фокусируют внимание на разном. Либерализм (в том понимании, которое существовало в Европе в XIX веке и которого мы будем придерживаться в этой главе) заботится главным образом об ограничении полномочий государства — любого, в том числе и демократического — на использование принуждения, тогда как догматические демократы знают только одно ограничение для государства — текущее мнение большинства. Разница между двумя идеалами станет особенно наглядной, если назвать их противоположности: для демократии это авторитарное правление; для либерализма — тоталитарное. Ни одна из двух систем не исключает с необходимостью противоположную: демократия вполне может быть тоталитарной и легко себе представить авторитарное правительство, придерживающееся либеральных принципов¹.

— *Hume D.* Whether the British Government Inclines More to Absolute Monarchy, or to a Republic // *Hume. Essays*. Vol. 1. P. 125. Источником идеи, очевидно, является большая полемика, имевшая место в предыдущем столетии. В качестве фронтисписа к первому тому сборника «Трактаты о свободе в пуританскую революцию, 1638–1647» (*Tracts on Liberty in the Puritan Revolution, 1638–1647*. New York: Columbia University Press, 1934) Уильям Халлер воспроизводит гравюру Вацлава Холлара, датированную 1641 годом, с изображением борта корабля и надписью: «В мире правит и господствует мнение».

¹ О происхождении концепции «тотального» государства и о противоположности тоталитаризма и либерализма см.: *Ziegler H.O.* *Autoritärer oder totaler Staat*. Tübingen: Mohr, 1932, особенно с. 6–14; см. также: *Neumann F.* *The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory*. Glencoe, IL: Free Press, 1957. Представление о так называемых демократах-догматиках, о которых мы будем упоминать в этой главе, можно получить в работах: *Mims E., Jr.* *The Majority of the People*. New York: Modern Age Books, 1941; *Commager H.S.* *Majority Rule and Minority Rights*. New York: Oxford University Press, 1943.

Подобно большинству терминов в нашей области слово «демократия» также используется в более общем и размытом значении. Но если использовать его строго для описания метода правления — а именно правления большинства, — оно явно обращается к проблеме, отличной от той, которую решает либерализм. Либерализм — это учение о том, каким должен быть закон, а демократия — учение о методе определения того, каким будет закон. Либерализм считает желательным, чтобы законом становилось только то, что одобрено большинством, но он не верит, что в результате обязательно получится хороший закон. Его цель в том, чтобы убедить большинство соблюдать определенные принципы. Он принимает правление большинства как метод принятия решений, но не как авторитетный источник суждения о том, каким должно быть решение. Для демократического доктринера тот факт, что большинство чего-то хочет, является достаточным основанием рассматривать это как добро; для него воля большинства определяет не только что есть закон, но и что есть хороший закон.

По поводу различия между идеалами либерализма и демократии существует широкое согласие³. Но есть и те, кто использует слово «свобода» для

---

³ См., например: «Либерализм и демократия — это такие две вещи, которые начинают с того, что у них нет ничего общего между собой, а заканчивают, если говорить о тенденциях, смыслами, которые враждебны друг другу. Демократия и либерализм — это два ответа на два совершенно разных вопроса.

Демократия отвечает на следующий вопрос: „Кто должен осуществлять публичную власть?“ И ответ дает такой: осуществление публичной власти есть прерогатива граждан в целом.

Но этот ответ не затрагивает того, что должно входить в сферу полномочий публичной власти. Речь идет только о том, кому эта власть принадлежит. Демократия предполагает, что мы все правим, то есть что мы являемся сувереном во всех общественных действиях. Либерализм, со своей стороны, отвечает на другой вопрос: „Независимо от того, кто осуществляет публичную власть, какими должны быть пределы этой власти?“ Ответ, который он дает, таков: „Независимо от того, осуществляет ли публичную власть автократ или народ, она не может быть абсолютной: у индивида есть права, которые находятся вне сферы какого бы то ни было вмешательства государства“» (*Ortega y Gasset J. Invertebrate Spain*. New York: W.W. Norton, 1937. P. 125).

См. также: *Ortega y Gasset J. The Revolt of Masses*. London: Allen and Unwin, 1932. P. 83 [*Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс*. М.: АСТ, 2002. С. 112–113]. Не менее выразителен Макс Лернер, занимающий позицию догматического демократизма: «Когда я говорю здесь о демократии, я хочу четко отделить ее от либерализма. В уме простого человека сегодня вряд ли можно найти большую путаницу, чем склонность отождествлять их» (*Lerner M. Minority Rule and the Constitutional Tradition // The Constitution Reconsidered / Ed. by Conyers Reasd*. New York: Columbia University Press, 1938. P. 199). См. также: «Важно осознать, что принцип демократии и принцип либерализма не тождественны, что между ними существует даже определенный антагонизм» (*Kelsen H. Foundations of Democracy // Ethics*. 1955. Vol. 66. № 1. Pt. 2. P. 3). Также см.: «Однако существование демократии само по себе не гарантирует дара свободы» (*Benedict R.F. Primitive Freedom // Atlantic Monthly*. 1942. Vol. 30. P. 760). Один из лучших исторических обзоров этих взаимоотношений см. в работе: *Schnabel F. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert*. Vol. 2: Monarchie und Volkssouveränität. Freiburg im Breisgau: Herder, 1933. P. 98: «Liberalismus und Demokratie waren also nicht sich ausschließende Gegensätze, sondern handelten von zwei verschiedenen Dingen: der Liberalismus sprach vom Umfang der staatlichen Wirksamkeit, die Demokratie vom Inhaber der staatlichen Souveränität» [«Либерализм и демократия не были полными антагонистами, но действовали с разных позиций: либерализм говорил от лица всей государственной деятельности, демократия выступала как гарант государственного суверенитета»]. См. также: *Lowell A.L. Democracy and Liberty // Idem. Essays on Government*. Boston: Houghton Mifflin, 1889, особенно с. 50–117; *Schmitt C. Die geistesgeschichtlichen Grundlagen des Heutigen Parlamentarismus*. Munich: Duncker und Humblot, 1926; *Radbruch G. Rechtsphilosophie* / 4th ed.

обозначения политической свободы и в силу этого отождествляет либерализм с демократией. Для них идеал свободы ничего не говорит о том, что должно быть целью демократических действий: всякое состояние, создаваемое демократией, — состояние свободы по определению. Такое словоупотребление, мягко говоря, сбивает с толку.

В то время как либерализм — это одна из доктрин, предметом которой являются полномочия и задачи государства, из которых должна выбирать демократия, последняя, представляя собой метод, ничего не говорит о целях правления. Хотя сегодня слово «демократический» часто используется для обозначения тех или иных целей политики, оказавшихся популярными, в частности эгалитарных целей, не существует необходимой связи между демократией и какой бы то ни было конкретной идеей по поводу того, каким образом следует использовать власть большинства. Чтобы знать, что мы хотим, чтобы приняли и признали другие, нам нужны иные критерии, нежели текущее мнение большинства — фактор, не имеющий отношения к процессу формирования этого мнения. Оно определенно не дает ответ на вопрос о том, за что человеку следует голосовать или что является желательным — если только не предположить, как это делают многие догматические демократы, что классовое положение человека неизбежно учит его осознавать свои истинные интересы, а потому голосование большинства всегда наилучшим образом выражает интересы большинства.

2. Современная неразборчивость в использовании слова «демократический» в качестве общей похвалы не вполне безопасна. Возникает впечатление, что поскольку демократия — вещь хорошая, всякое расширение ее всегда выгодно человечеству. Это может показаться самоочевидным, но это далеко не так.

Существуют по крайней мере два аспекта, в которых почти всегда можно расширить демократию: круг имеющих право голоса и круг вопросов, решения по которым принимаются с помощью демократической процедуры. Ни в том, ни в другом случае нельзя всерьез утверждать, что каждое возможное расширение полезно или что принцип демократии требует, чтобы она непрерывно расширялась. Однако при обсуждении почти любого

Stuttgart: K.F. Koehler, 1950. P. 137 и далее, особенно с. 160 [*Радбрук Г.* Философия права. М.: Международные отношения, 2004. С. 78 и далее]; *Croce B.* Liberalism as a Concept of Life // *Idem.* Politics and Morals. New York: Philosophical Library, 1945; *Wiese L. von.* Liberalismus und Demokratismus in ihren Zusammenhängen und Gegensätzen // *Zeitschrift für Politik.* 1916. Vol. 9. P. 407–425; *Srbik H.R. von.* Deutsche Einheit: Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. Munich: F. Bruckmann KG, 1940. Vol. 1. P. 245; *Ritter G.* Vom sittlichen Problem der Macht. Bern: A. Francke AG Verlag, 1948. P. 106, 118; *Rossi P.* Liberismo e regime parlamentare in Gaetano Mosca // *Giornale degli Economisti e Annali di Economia.* N.s., 1949. Vol. 8. P. 621–634; *Kägi W.* Rechtsstaat und Demokratie: Antinomie e Synthese // *Demokratie und Rechtsstaat: Festgabe zum 60. Geburtstag von Z. Giacometti.* Zürich: Polygraphischer Verlag, 1953. P. 107–142. Полезный обзор литературы см.: *Thür J.* Demokratie und Liberalismus in ihren gegenseitigen Verhältnis: dissertation. Bischofzell: Buchdruckerei L. Hildebrand, 1944. См. также: *Orelli K. von.* Das Verhältnis von demokratie und Gewaltenteilung und seine Wandlungen insbesondere im schweizerischen Bunde: dissertation. Wädenswill: Villiger, 1947.

частного вопроса о демократии обычно говорят так, будто желательность ее всемерного расширения абсолютно неоспорима.

То, что это не верно, неявно признается практически всеми, когда речь идет о праве голоса. Было бы затруднительным — с позиций любой демократической теории — представить всякое возможное расширение права голоса как улучшение. Мы говорим о всеобщем праве взрослых участвовать в выборах, но на деле существующие ограничения права голоса определяются главным образом соображениями целесообразности. Типичные ограничения — такие, как исключение из участия в выборах лиц, не достигших 21 года, преступников, проживающих в стране иностранцев, граждан, не живущих в стране постоянно, а также жителей особых регионов или территорий — обычно принимаются как обоснованные. Кроме того, никоим образом не очевидно, что пропорциональное представительство имеет преимущество над всеми прочими как якобы более демократическое³. Вряд ли можно утверждать, что равенство перед законом непременно требует, чтобы все взрослые имели право голоса; для того чтобы этот принцип действовал, достаточно, чтобы одно и то же безличное правило применялось ко всем. Если бы право голоса получили только люди старше сорока или, скажем, только те, кто имеет доходы, только главы семей или только умеющие читать и писать, вряд ли это оказалось бы большим нарушением принципа, чем нынешние общепринятые ограничения. Разумные люди могли бы привести доводы в пользу того, что идеалам демократии пошло бы только на пользу, если бы права голоса были лишены, скажем, все правительственные чиновники или все получатели государственных пособий⁴. Если в западном мире всеобщее участие взрослых людей в выборах представляется наилучшим решением, это еще не доказывает, что оно предписывается неким фундаментальным принципом.

Нам следует также помнить, что право большинства обычно признается только внутри данной страны, а то, что является единой страной, не всегда представляет собой естественное или очевидное целое. Мы определенно не будем считать правильным утверждение, что граждане большой страны должны доминировать над малой сопредельной страной просто потому, что их больше. Нет оснований признать за большинством народа, объединившимся ради каких-то целей, будь то нация или наднациональная организация, полномочия расширять пределы своей власти так, как ему это заблагорассудится. Недостатком существующей теории демократии является то, что она обычно разрабатывалась для некоего идеального

---

³ См.: *Hermens F.A. Democracy or Anarchy? A Study of Proportional Representation*. Notre Dame, IN: Review of Politics, Notre Dame University, 1941.

⁴ Полезно помнить, что в старейшей и самой успешной из европейских демократий, в Швейцарии, женщины до сих пор [1960-е] не имеют права голоса, причем, по-видимому, с согласия большинства из них. Представляется возможным и то, что в примитивных условиях только право голоса, ограниченное, скажем, землевладельцами, смогло бы привести к избранию законодательного собрания, достаточно независимого от правительства, чтобы осуществлять эффективный контроль над ним.

однородного сообщества, а применяется к очень несовершенным и зачастую произвольно сформированным единицам, каковыми являются существующие государства.

Эти замечания я делаю только для того, чтобы показать, что даже самый догматичный демократ вряд ли может утверждать, что любое расширение демократии — дело хорошее. Сколь бы ни были сильны доводы в пользу демократии, она не представляет собой конечной или абсолютной ценности, и ее надо судить по тому, чего она достигнет. Возможно, это лучший метод достижения определенных целей, но не цель в себе⁵. Хотя есть серьезные основания для того, чтобы предпочесть демократический метод принятия решений, когда очевидно, что необходимо какое-либо коллективное действие, проблема желательности или нежелательности расширения коллективного контроля должна решаться на иных основаниях, нежели принцип демократии как таковой.

3. Таким образом, демократическая и либеральная традиции сходятся в том, что, когда на сцену должно выступить государство, а особенно когда должны быть установлены правила, предполагающие применение принуждения, решение должно приниматься большинством. Но они расходятся в вопросе о пределах деятельности государства, руководствующегося демократически принятыми решениями. В то время как демократ-догматик считает желательным, чтобы как можно больше вопросов решалось большинством голосов, либерал убежден, что существуют определенные ограничения круга вопросов, которые должны решаться таким образом. Демократ-догматик полагает, в частности, что любое сложившееся большинство должно иметь право решать вопрос об имеющихся у него полномочиях и о том, как их использовать, тогда как либерал считает важным, чтобы полномочия любого временного большинства были ограничены долговременными принципами. Для него источником полномочий большинства является не волеизъявление этого сиюминутного большинства, а более широкое соглашение об общих принципах.

Для сторонника демократической доктрины ключевой является концепция народного суверенитета. Для него это означает, что власть большинства ничем не ограничена и не может быть ничем ограничена. Таким образом, идеал демократии, первоначально нацеленный на предотвращение произвольной власти, становится оправданием новой произвольной

---

⁵ См.: «Те, кто принимает дорогу к демократии за дорогу к свободе, путают временные средства с конечными целями» (*Maitland F.W. The Collected Papers of Frederic William Maitland, Downing Professor of the Laws of England. 3 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 1. P. 84*). Также: «Демократия — это всего лишь метод, так сказать, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений. Отсюда — она не способна быть целью сама по себе, безотносительно к тем решениям, которые будут приниматься в конкретных обстоятельствах при ее посредстве» (*Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper and Brothers, 1942. P. 242 [Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 637]*).

власти. Однако авторитет демократического решения покоится на том, что оно принято большинством сообщества, которое удерживается вместе тем, что основано на определенных убеждениях, общих для большинства его членов; и необходимо, чтобы большинство следовало этим общим принципам, даже когда его сиюминутные интересы требуют их нарушения. Не имеет значения, что прежде эта точка зрения находила выражение в терминах концепций «естественного права» или «общественного договора», которые давно утратили свою привлекательность. Осталось главное: именно признание таких общих принципов делает множество людей сообществом. И это признание является необходимым условием свободного общества. Обычно группа людей превращается в общество, не устанавливая себе законы, а подчиняясь одним и тем же правилам поведения⁶. Это означает, что власть большинства ограничена разделяемыми всеми принципами и что за их пределами легитимная власть невозможна. Понятно, что людям необходимо прийти к согласию о том, как следует выполнять необходимые задачи, и вполне разумно, что для этого нужно решение большинства; но далеко не очевидно, что то же самое большинство должно иметь право определять, что находится в его компетенции. Нет оснований для того, чтобы не существовало вещей, делать которые никто не имеет права. Отсутствие достаточного согласия о необходимости определенных способов использовать силы принуждения должно означать, что никто не имеет права ее легитимно применять. Если мы признаем права меньшинств, это подразумевает, что власть большинства в конечном счете вытекает из принципов и ограничена принципами, которые принимают и меньшинства.

Из принципа, согласно которому любые действия государства должны иметь санкцию большинства, не следует, что большинство имеет моральное право делать все, что ему захочется. Очевидно, что морально неоправданы действия большинства, предоставляющего своим членам привилегии посредством принятия действующих в их пользу дискриминационных правил. Демократия не обязательно является неограниченным правлением. И демократическое правление не меньше любого другого требует встроенных предохранительных устройств для защиты индивидуальной

---

⁶ См.: *Hoebel E.A.* The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954. P. 100; *Fleiner F.* Tradition, Dogma, Entwicklung als aufbaubende Kräfte der schweizerischen Demokratie. Zurich: O. Füssli, 1933, переиздано в книге того же автора: *Idem.* Ausgewählte Schriften und Reden. Zurich: Polygraphischer Verlag, 1941. P. 288–302; также: «Das Volksrecht in seiner ursprünglichsten Form ist solcherart allerdings nicht das Ergebnis eines Vertrags oder einer auf die Sicherung des Gemeinwohls hinielenden Reflexion. Es ist aber auch nicht, wie die historische Schule behauptet, mit dem Volke zugleich gegeben; es ist vielmehr älter, als die Erscheinung dieses letztern, ja es ist eines der stärksten Bindemittel, durch welches die Bevölkerung eines Territoriums zu einem Volke wird und zu einer staatlichen Organisation gelangt» [«Народное право в его первоначальнейшей форме не есть, таким образом, результат соглашения или сознания, направленного на обеспечение общего благосостояния. Оно не есть также, как это утверждает историческая школа, нечто заложенное в самом народе; оно древнее, нежели появление последнего; право — одна из сильнейших связей, благодаря которым население известной территории становится народом и достигает государственной организации»] (*Menger.* Untersuchungen. P. 277 [Менгер. Избранные работы. С. 484]).

свободы. И в самом деле, только на сравнительно поздней стадии истории современной демократии великие демагоги заговорили о том, что раз теперь власть в руках народа, больше нет необходимости в каких-либо ограничениях этой власти⁷. Когда начинают звучать утверждения, что «в демократии право — это то, что объявило таковым большинство»⁸, демократия вырождается в демагогию.

4. Если демократия есть средство, а не цель, то ее пределы следует очерчивать исходя из предназначения, которому, по нашему мнению, она должна служить. Существуют три главных аргумента, которыми может быть оправдана демократия, и каждый из них может рассматриваться как решающий. Первый заключается в том, что, если необходимо, чтобы из нескольких противоборствующих мнений возобладало одно, причем даже если для этого потребуется применить силу, то менее затратный способ выяснить, какое из них имеет более весомую поддержку, — это не боевые действия, а подсчет числа сторонников. Демократия — это единственный открытый человеком метод осуществления мирных перемен⁹.

---

⁷ Ср., например, речь Джозефа Чемберлена в клубе «восемидесяти» 28 апреля 1885 года (напечатана в лондонской Times: 1885. April 29): «Когда государство представляло только авторитет короны и взгляды отдельного класса, я могу понять, что первым долгом мужчин, уважающих свою свободу, было ввести эту власть в рамки и ограничить ее расходы. Но все переменялось. Теперь государство — это организованное выражение нужд и желаний народа, и в этой ситуации давайте-ка перестанем относиться к нему с подозрением. Подозрительность есть продукт старого времени, давно исчезнувших обстоятельств. Теперь наше дело — расширить его функции и посмотреть, каким образом можно с пользой наращивать его деятельность». Но Джон Стюарт Милль уже в 1848 году выступал против такого подхода, см.: *Mill. Principles. Bk. 5. Ch. 11. Sec. 3. P. 944* [Милль. Основы. С. 952–953]; а также: *Idem. On Liberty* // *Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government* / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 3 [Милль Дж.С. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 288]. См. также заявления, сделанные Томасом Джефферсоном, на которые я ссылаюсь ниже, в главе 16, примечание 79 (*Waterfield E.D. The Kentucky Resolutions of 1798: A Historical Study* / 2nd ed. New York: Putnam, 1894. P. 157–158). Более того, эта идея восходит к Руссо, который в книге «Об общественном договоре» высказывает мнение, что, когда народ формирует законодательный орган с неограниченными полномочиями, верховная власть суверена нисколько не нуждается в поручителе перед подданными, ибо невозможно, чтобы организм захотел вредить всем своим членам; и мы увидим далее, что он не может причинять вред никому из них в отдельности» (*Rousseau J.J. Du Contrat social. Paris: Aubier, Editions Montaigne, 1943. Bk. 1. Ch. 7. P. 106* [Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре // Он же. Трктаты. М.: Наука, 1969. С. 163]).

⁸ *Finer H. Road to Reaction. Boston: Little, Brown and Co., 1945. P. 60.*

⁹ См.: «Мы согласны помериться силами путем подсчета голов, а не разбивания голов. <...> Выигрывает не самая мудрая сторона, а та, которая в данный момент демонстрирует свое превосходство в силе (одним из элементов которой, несомненно, является и мудрость), заручаясь более массовой и активной поддержкой. Меньшинство уступает не потому, что убедилось в своей неправоте, а потому, что убедилось в том, что оно меньшинство» (*Stephen J.F. Liberty, Equality, Fraternity. London: Smith, Elder, and Co., 1873. P. 27–28*). См. также: «Ради внутреннего мира либерализм стремится к демократическому правлению. Демократия поэтому не является революционным институтом. Напротив, она как раз выступает средством предотвращения революций и гражданских войн. Демократия дает способ мирной настрйоки правительства на волну воли большинства» (*Mises L. von. Human Action. New Haven: Yale University Press, 1949. P. 150* [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 141]). Аналогично: «Лично я называю тип правительства, которое может быть устранено без насилия, „демократией“, а другой тип — „тиранией“» (*Popper K.R. Prediction and Prophecy and Their Significance for Social Theory* // *Proceedings of the 10th International Congress of Philosophy. Amsterdam, 1948. Vol. 1. Особенно с. 90*). См. также: «Потому что, несмотря на все поношения, она предоставляет возможность бескровно померяться социальными

Второй аргумент, исторически бывший самым важным и сохранивший значение до сих пор, хотя мы больше не можем быть уверены, что он всегда правомерен, заключается в том, что демократия является важной гарантией личной свободы. Автор XVII века однажды сказал: «Благо демократии — свобода, а также порождаемые свободой отвага и трудолюбие»¹⁰. Такой взгляд, разумеется, признает, что демократия — это еще не свобода, он лишь утверждает, что она с большей вероятностью, чем другие формы правления, порождает свободу. Это представление можно считать вполне обоснованным, пока речь идет о принуждении одних индивидов в отношении других: вряд ли большинству выгодно, чтобы некоторые обладали возможностью произвольно применять принуждение к другим. Но защита индивида от коллективного действия самого большинства — это другое дело. Можно и в этом случае рассуждать так: поскольку полномочия по принуждению всегда осуществляются немногими, злоупотребление этими полномочиями менее вероятно, если они, будучи вверенными немногим, всегда могут быть отозваны теми, кто должен принуждению подчиняться. Но если перспективы индивидуальной свободы и лучше в условиях демократии, чем при любой другой форме правления, это не означает, что они гарантированы. Перспективы свободы зависят от того, является ли она для большинства сознательной целью. Но у нее мало шансов, если мы понадеемся, что простого существования демократии достаточно, чтобы ее сохранить.

Третий аргумент исходит из воздействия, оказываемого существованием демократических институтов на общий уровень понимания общественных дел (*public affairs*). Мне он кажется самым сильным. Вполне может быть, как это часто утверждалось¹¹, что при любом данном состо-

---

силами — подумать только, бескровно! — способ обеспечения преемственности, принцип стабильности, избавление от парализующего ужаса революции» (*Hand L. Democracy: Its Presumptions and Realities // The Spirit of Liberty: Papers and Addresses of Learned Hand / Ed. by Dillard I. New York: Alfred A. Knopf, 1952. P. 98*).

¹⁰ *Culpepper J. An Exact Collection of All the Remonstrances, Declarations, Votes, Orders, Ordinances, Proclamations, Petitions, Messages, Answers, and Other Remarkable Passages between the King's Most Excellent Majesty, and His High Court of Parliament, Beginning at His Majesties Return from Scotland in December, 1641, and Continued until March the 21, 1643. London: Printed for E. Husbards, T. Warren, R. Best, 1643. P. 320.*

¹¹ О том, насколько зачарованы были рационалистические либералы концепцией правления, при котором политические вопросы решаются «не обращением, прямым или косвенным, к суждению или воле необученных масс — все равно, джентльменов или деревенщины, — но обращением к обдуманно сформированным мнениям сравнительно немногих, специально подготовленных к решению этой задачи», ярко свидетельствует раннее эссе Джона Стюарта Милля, из которого взят процитированный отрывок: *Mill J.S. Democracy and Government // London Review. 1835. Vol. 31. P. 85–129*; вошло в сборник: *Idem. Early Essays. London: G. Bell and Sons, 1897. P. 384*. Далее он указывает, что «из всех систем правления, древних или современных, единственная, которая достигла этого в совершенстве, — это система правления Пруссии — самая влиятельная и искусно организованная аристократия самых высокообразованных людей в королевстве». См. также отрывок: *Idem. On Liberty / Ed. by R.M. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 9* [*Милль Дж.С. О свободе. С. 296–207*]. Что касается пригодности свободы и демократии для менее цивилизованных народов, некоторые старые виги были существенно либеральнее некоторых позднейших радикалов. Например, Томас Б. Маколей говорит: «Многие политики нашего времени привыкли утверждать как самоочевидную истину, что никакой народ не должен получать сво-

янии дел правительство, сформированное некоей образованной элитой, окажется более эффективным и, возможно, более справедливым, чем избранное большинством голосов. Но ключевая мысль состоит в том, что при сравнении демократических форм правления с другими мы не можем принимать как данность понимание народом тех или иных проблем в то или иное время. Именно это делает веским аргумент, выдвинутый Токвилем в его великой книге «Демократия в Америке», а именно что демократия — это единственный действенный способ обучения большинства¹². Сегодня это так же истинно, как и в его время. Демократия — это прежде всего процесс формирования мнения. Ее главным преимуществом является не метод отбора тех, кто правит, а тот факт, что, поскольку большая часть населения принимает активное участие в формировании мнения, всегда присутствует широкий круг людей, из которых можно выбирать. Мы можем согласиться, что демократия не отдает власть в руки самых мудрых и наиболее информированных и что в любой данный момент времени решение правительства, состоящего из элиты, может оказаться более благоприятным для всех; но, несмотря на это, все равно предпочтем демократию. Ценность демократии подтверждается ее динамическим, а не статическим аспектом. Как и в случае свободы, преимущества демократии проявляются только со временем, тогда как ее ближайшие достижения вполне могут проигрывать в сравнении с другими формами правления.

5. Концепция, согласно которой правительство должно руководствоваться мнением большинства, имеет смысл, только если это мнение не зависит от правительства. Идеал демократии опирается на веру, что взгляды, направляющие курс правительства, возникают в ходе независимого и спонтанного процесса¹³. Следовательно, он требует значительной сферы, независимой от контроля со стороны большинства, в которой формируются мнения индивидов. Существует широкое согласие по поводу того, что именно по этой причине аргументы в пользу демократии и аргументы в пользу свободы слова и дискуссий неразделимы.

буду, пока он не будет подготовлен к ее использованию. Сентенция, достойная дурака из старого анекдота, который решил не входить в воду, пока не научится плавать. Если люди должны ждать свободы до тех пор, пока, находясь в состоянии рабства, не станут мудрыми и благими, им придется ждать вечно» [См.: *Macaulay T.B. Milton // Critical and Historical Essays. London: J.M. dent and Sons. 1907. Vol. 2. P. 180*].

¹² Видимо, этим же можно объяснить характерный для работы Токвиля загадочный контраст между постоянной критикой демократии почти во всех ее отдельных моментах и подчеркнутым признанием самого принципа.

¹³ См.: «Таким образом, государство даже в демократических обществах все больше превращается в структуру, отделенную от своих граждан, принимающую решения, о которых те ничего не знают, с помощью манипуляций вынуждающую их занять позиции, с которых те не могут отступить, самостоятельно формирующую общественное мнение, на котором она в конечном счете основывается — вплоть до того, что сегодня государству угрожает перспектива превратиться в главного врага человека вместо того, чтобы быть его мудрейшим другом» (*Boulding E.K. The Organizational Revolution: A Study in the Ethics of Economic Organization. New York: Harper and Bros., 1953. P. 250*).

Однако представление о том, что демократия дает не только метод принятия решений при наличии разных мнений о характере будущих действий, но еще и критерий того, каким должно быть мнение, уже породило далеко идущие последствия. В частности, оно изрядно запутало вопрос о том, что есть фактически действующий закон и что должно быть законом. Чтобы демократия продолжила функционировать, важно, чтобы первое было всегда четко определено, а второе всегда ставилось под вопрос. Решения большинства сообщают нам то, чего хотят люди в конкретный момент, но не то, чего им следовало бы хотеть в собственных интересах, если бы они были более информированы; и пока их не удастся переубедить, эти решения не будут иметь никакой ценности. Аргумент в пользу демократии предполагает, что любое мнение меньшинства может стать мнением большинства.

Этого можно было бы не подчеркивать, если бы не факт, что иногда принятие взглядов и ценностей большинства представляется как обязанность демократа и особенно демократического интеллектуала. Действительно, существует конвенция, в соответствии с которой решение большинства должно возобладать, если речь идет о коллективных действиях, но это ни в коей мере не означает, что не следует прилагать усилия, чтобы изменить это решение. Можно иметь глубочайшее уважение к этому правилу, но при этом очень мало уважения к мудрости большинства. Наше знание и понимание прогрессивно развиваются только потому, что мнению большинства всегда противостоит другое мнение. В ходе формирования мнений очень вероятно, что окажется так: когда какое-либо мнение станет мнением большинства, оно уже не будет самым лучшим — кто-то уже продвинется вперед по сравнению с тем, чего достигло большинство¹⁴. Именно потому, что мы пока не знаем, какое из многих конкурирующих мнений в конце концов окажется лучшим, мы дожидаемся, пока оно не приобретет достаточную поддержку.

Представление о том, что усилия всех должны направляться мнением большинства или что в обществе достигается большее согласие, когда оно следует критериям большинства, фактически противоположно принципу, по которому развивается цивилизация. Если его примут все, то это, вероятно, приведет к застою, или даже к упадку цивилизации. Прогресс состоит в том, что немногие убеждают многих. Новые взгляды должны где-то появиться, чтобы со временем стать взглядами большинства. В опыте общества нет ничего такого, что не было бы первоначально опытом немногих людей. Процесс формирования общественного мнения ни целиком, ни даже главным образом не сводится к дискуссиям, вопреки тому, что рисует слишком интеллектуализированная концепция. Есть доля истины в том, что демократия — это правление посредством дискуссий, но это относится только к последнему этапу, на котором испытываются достоинства альтернативных

---

¹⁴ См. цитируемые в примечании 16 слова Дэйси (*Dacey. Law and Public Opinion. P. 33*).

взглядов и желаний. Хотя дискуссии очень важны, это не основной процесс, в ходе которого люди учатся. Их взгляды и желания формируются тем, что каждый действует в соответствии со своим замыслом; и они выигрывают от того, чему другие научились на своем опыте. Если не будут появляться отдельные люди, знающие больше, чем другие, и имеющие возможность убедить остальных, прогресс во мнениях будет весьма незначительным. Именно потому, что обычно нам не известно, кто знает лучше, мы оставляем решение процессу, который не контролируем. Но только благодаря меньшинству, действующему не так, как предписало бы большинство, это большинство в конце концов и научается действовать лучше.

6. У нас нет оснований приписывать решениям большинства высшую, индивидуальную мудрость, которой, в некотором смысле, могут обладать плоды спонтанного общественного роста. В решениях большинства не стоит искать такую высшую мудрость. Они обречены, если уж на то пошло, быть хуже решений, которые, выслушав все мнения, приняли бы наиболее разумные члены группы: их менее тщательно обдумывали, и обычно они представляют собой компромисс, никого полностью не удовлетворяющий. Это еще более верно для кумулятивного результата, порождаемого последовательными решениями большинства, состав которого постоянно меняется: результат становится выражением не связной концепции, а различных и часто несовместимых целей и мотивов.

Такой процесс не следует путать с теми спонтанными процессами, которые свободные сообщества научились рассматривать как источник многого из того, что превосходит возможные плоды изобретательности отдельного человека. Если под «социальным процессом» мы понимаем постепенную эволюцию, порождающую лучшие решения, чем сознательный замысел, то навязывание воли большинства вряд ли можно считать социальным процессом. Оно коренным образом отличается от того свободного роста, в ходе которого возникают обычаи и институты, поскольку его принудительный, монополистический и исключаяющий характер разрушает те самокорректирующиеся силы, благодаря действию которых в свободном обществе ошибочные решения отбрасываются, а успешные распространяются. Оно также фундаментально отличается от кумулятивного процесса развития прецедентного права, если только, как в случае судебных решений, оно не встраивается в связное целое благодаря тому факту, что при этом сохраняется сознательная приверженность принципам, примененным в предыдущих случаях.

Более того, решениям большинства, если они не руководствуются общепринятыми принципами, особенно свойственно приводить к результатам, которых никто не хотел. Часто случается, что собственные решения большинства вынуждают его к совершению действий, которых никто не задумывал и не желал. Вера в то, что коллективные действия могут обходиться без принципов, — это в значительной степени иллюзия, и обычно в результате отказа от принципов большинство вынуждено двигаться в направлении,

определяемом непредвиденными последствиями прежних решений. Единичное решение может иметь отношение только к какой-то конкретной ситуации. Но оно порождает ожидание, что когда опять сложится подобная ситуация, правительство поступит точно так же. В результате принципы, применение которых для общего случая никем не предполагалось, которые в случае такого применения могут оказаться нежелательными или бессмысленными, порождают в будущем действия, которых мало кто желал вначале. Обычно правительство, заявляющее о том, что свободно от принципов и намеревается решать каждую проблему по обстоятельствам, в конце концов начинает следовать принципам, которых оно не выбирало, и проводить политику, которой не замышляло. Феномен, который мы уже имели возможность наблюдать, — это когда правительство, начинающее с гордого заявления, что намерено сознательно и обдуманно контролировать все дела, вскоре обнаруживает, что на каждом шагу вынуждено считаться с давлением обстоятельств, созданных его прежними действиями. Именно с тех пор, как правительства возомнили себя всемогущими, мы постоянно слышим о том, что было необходимо или неизбежно то или иное их действие, о неразумности которого им хорошо известно.

7. Если у политика или государственного деятеля нет другого выбора, как принять определенный курс действий (или если историки считают его действия неизбежными), то это потому, что не объективные факты, а мнения — его или других людей — не оставляют ему другой возможности. Только для людей, находящихся под влиянием определенных представлений, реакция на конкретные события может выглядеть как однозначно определенная обстоятельствами. Для политика, занятого решением конкретных вопросов, эти представления — действительно непреложные факты, которые нельзя не учитывать. То, что он будет неоригинален и сформирует свою программу на основе мнений, которых придерживаются многие, почти неизбежно. Добившийся успеха политик своей властью обязан тому, что он движется в рамках принятых схем мышления, что его мысли и слова не выходят за рамки общепринятого. Политик — лидер в области идей — это почти парадокс. В демократическом государстве задача политика состоит в том, чтобы выявлять мнения наибольшего числа людей, а не запустить в оборот новые, которые только в отдаленном будущем смогут стать мнением большинства.

Состояние общественного мнения, направляющего решения политических вопросов, — всегда результат медленной и очень продолжительной эволюции, происходящей на многих разных уровнях. Новые идеи возникают у немногих и постепенно распространяются, пока не становятся достоянием большинства, ничего не знающего об их происхождении. В современном обществе этот процесс включает в себя разделение функций между теми, кто занят преимущественно частными вопросами, и другими, кто занят общими идеями, погружен в разработку и согласование различных принципов деятельности, вытекающих из прошлого опыта. Наши

представления как о будущих последствиях наших действий, так и о том, к чему мы должны стремиться, — главные заповеди, доставшиеся нам как часть культурного наследия общества. Эти политические и моральные взгляды, так же как наши научные представления, мы получаем в наследство от тех, кто профессионально работает с абстрактными идеями. Именно от них и обычный человек, и политический лидер получают фундаментальные концепции, задающие рамки их мыслей и направляющие их действия.

Убежденность в том, что в конце концов именно идеи, а значит и люди, которые запускают новые идеи в оборот, направляют эволюцию, как и в том, что отдельные шаги в этом процессе должны направляться набором внутренне согласованных концепций, давно стала фундаментальной частью либерального мировоззрения. Невозможно изучать историю и не узнать об «уроке, который дается человечеству в каждую эпоху и всегда игнорируется, — что спекулятивная философия, которая поверхностному взгляду кажется чем-то крайне далеким от жизни и мирских интересов людей, в действительности является тем самым, что больше всего влияет на них и в конце концов берет верх над всеми влияниями, кроме тех, которым сама должна подчиняться»¹⁵. Хотя сегодня этот факт, возможно, понимают еще хуже, чем когда Джон Стюарт Милль писал эти строки, мало оснований сомневаться, что он верен во все времена, признают это люди или нет. И понимают его так плохо, потому что мыслители-теоретики влияют на массы лишь опосредованно. Люди редко знают, да и не интересуются, откуда пришли распространенные в их время идеи — от Аристотеля или

---

¹⁵ Mill J.S. Bentham // London and Westminster Review. August 1838. Vol. 39. P. 327; эта статья также вошла в сборник: *Idem*. Dissertations and Discussions Political, Philosophical, and Historical: Reprinted Chiefly from the Edinburgh and Westminster Reviews / 3rd ed. London: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1875. Vol. 1. P. 330–331. Далее в тексте следует: «Два автора, о которых я говорю [то есть Бентам и Кольридж], никогда не были прочитаны многими; если не считать самых незначительных их работ, читателей у них было мало, но они были учителями учителей; вряд ли можно найти в Англии человека, хоть чем-то проявившего себя в области мысли, который (к какому бы мнению он впоследствии ни пришел) не учился бы мышлению у одного из этих двух; и хотя их влияние начало распространяться в обществе только через этих посредников, вряд ли есть хоть одна мало-мальски значительная публикация, обращенная к образованным классам, которая, если бы этих двух авторов не существовало, не была бы иной, чем на самом деле». См. также часто цитируемое высказывание лорда Кейнса, представляющего собой выдающийся пример подобного влияния в нашем поколении: «Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда заблуждаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писателя, сочинявшего несколько лет назад. Я уверен, что сила корыстных интересов значительно преувеличивается по сравнению с постепенным усилением влияния идей. Правда, это происходит не сразу, а по истечении некоторого периода времени. В области экономической и политической философии не так уж много людей, поддающихся влиянию новых теорий после того, как они достигли 25- или 30-летнего возраста, и поэтому идеи, которые государственные служащие, политические деятели и даже агитаторы используют в текущих событиях, по большей части не являются новейшими. Но рано или поздно именно идеи, а не корыстные интересы становятся опасными и для добра, и для зла» (*Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest, and Money*. London: Macmillan, 1936. P. 383–384 [*Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег*: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 340]).

Локка, Руссо или Маркса, или от какого-нибудь профессора, взгляды которого были модны среди интеллектуалов лет двадцать назад. Большинство из них никогда не читали работ и даже не слышали имен авторов, концепции и идеалы которых стали частью их мышления.

Если говорить о прямом влиянии политического философа на текущие дела, оно может быть ничтожным. Но когда его идеи — через работы историков и публицистов, учителей, писателей и интеллектуалов в целом — становятся общим достоянием, они фактически направляют развитие. Это означает не только то, что новые идеи начинают оказывать влияние на политические действия лишь поколение или более спустя после того, как они впервые были сформулированы¹⁶, но еще и то, что прежде, чем вклад спекулятивного мыслителя сможет оказать такое влияние, они должны пройти через длительный процесс отбора и модификации.

Изменения в политических и социальных представлениях в каждый конкретный момент времени неизбежно происходят на многих различных уровнях. Этот процесс нужно представлять себе не как распространение по плоскости, а как медленное просачивание с вершины пирамиды вниз, где более высокие уровни соответствуют большей степени обобщения и абстрактности, хотя и необязательно большей мудрости. По мере проникновения идей вниз меняется и их характер. Те, которые все еще находятся на высоком уровне обобщения, конкурируют только со столь же абстрактными и только за поддержку людей, интересующихся общими концепциями. Для подавляющего большинства эти общие идеи становятся известными только в применении к конкретным и частным вопросам. Какие именно идеи доберутся до них и завоюют их поддержку, определяется не чьим-то отдельным умом, а спорами, идущими на другом уровне, среди людей, больше интересующихся общими идеями, а не частными проблемами, которые в силу этого рассматривают последние преимущественно в свете общих принципов.

За исключением таких редких событий, как конституционные собрания, демократический процесс обсуждения и принятия решений большинством

---

¹⁶ Классическое описание того, как идеи влияют на политику, с большой задержкой во времени дал Дэйси: «Мнение, изменяющее закон, в одном смысле есть мнение того времени, когда закон был изменен; но в другом смысле в Англии это зачастую бывало мнение, господствовавшее за двадцать или тридцать лет до этого; оно бывало мнением вчерашнего дня столь же часто, как и сегодняшнего».

Мнение законодателей — неизбежно мнение сегодняшнего дня, потому что когда законы изменяются, это изменение по необходимости осуществляется законодателями, которые действуют в уверенности, что изменение является улучшением; но это изменяющее законное мнение — также и мнение вчерашнего дня, потому что представления, которые в конце концов так овладевают законодателями, что порождают изменение закона, обычно создаются мыслителями или писателями, оказывавшими влияние задолго до того, как произошло изменение закона. Поэтому вполне может быть, что новшество осуществляется в то время, когда учителя, предложившие аргументы в его поддержку, уже в могиле, или даже — и это заслуживает того, чтобы быть отмеченным, — когда в мире теоретических построений уже идет движение против тех идей, которые достигли максимального влияния в мире деятельности и законотворчества» (*Dacey, Law and Public Opinion*. P. 28 ff. Особенно с. 33).

голосов по необходимости ограничен лишь частью системы права и государственного управления. Порождаемые этим процессом постепенные изменения окажутся желательными и реальными, только если он направляется некоей общей концепцией желательного общественного устройства, неким логически связным образом мира, в котором люди хотели бы жить. Получение такого образа — непростая задача, и даже профессиональный исследователь может лишь стремиться к тому, чтобы различать его с чуть большей ясностью, чем предшественники. Человек практических действий, озабоченный насущными проблемами, не имеет ни времени, ни интереса для исследования взаимоотношений между разными частями сложно устроенного общества. Он просто делает выбор между предложенными ему возможными вариантами общественного устройства и в итоге принимает политическую доктрину или систему принципов, разработанную и представленную другими.

Если бы люди в большинстве случаев не руководствовались некоторой системой общих идей, были бы невозможны ни последовательная политика, ни даже реальное обсуждение конкретных проблем. В конце концов и само существование демократии вряд ли было бы возможно, если бы подавляющее большинство не объединялось хотя бы общей концепцией желательного типа общества. Но даже если такая концепция и существует, она не обязательно проявляется в каждом решении большинства. Группы не всегда действуют в соответствии со своим знанием, равно как и абстрактно признаваемым правилам морали они следуют не больше, чем любой отдельный человек. Но только обращаясь к таким общим принципам, мы можем надеяться на то, что достигнем согласия в результате обсуждения и разрешим конфликт интересов с помощью рассуждения и убеждения, а не применением грубой силы.

8. Чтобы общественное мнение развивалось, теоретик, предлагающий руководящие принципы, не должен считать себя связанным мнением большинства. Задача политического философа отличается от задачи чиновника-эксперта, претворяющего волю большинства в жизнь. Хотя ему не следует претендовать на положение «лидера», определяющего, что должен думать народ, его обязанность в том, чтобы показывать возможности и последствия общих действий, предлагать всеобъемлющие цели политики, над которыми большинство еще не задумывалось. Демократия может решить, чего она хочет, только тогда, когда предложена исчерпывающая картина потенциальных результатов различных вариантов политики. Если политика — это искусство возможного, то политическая философия — это искусство превращения кажущегося политически невозможным в политически возможное¹⁷.

---

¹⁷ См.: *Schoeck H.* What is Meant by "Politically Impossible"? // *Pall Mall Quarterly*. 1958. Vol. 1. P. 48–53; см. также: *Philbrook C.* "Realism" in policy Espousal // *American Economic Review*. 1953. Vol. 43. P. 846–859.

Политическому философу не удастся справиться с этой задачей, если он ограничится только фактами и побоится сделать выбор между конфликтующими ценностями. Он не может позволить себе ограничиться позитивизмом ученого, который сводит свои функции к демонстрации только того, что есть, и запрещает любое обсуждение того, что должно быть. Если он займет такую позицию, то ему придется остановиться задолго до того, как он будет в состоянии выполнить свою самую важную функцию. В стремлении сформировать логически согласованную картину он часто будет обнаруживать, что некоторые ценности противоречат друг другу — факт, о котором большинство людей не догадываются, — и что он вынужден выбирать, какую принять, а какую отвергнуть. Если политический философ не готов защищать ценности, которые представляются ему истинными, ему никогда не создать той всеобъемлющей системы, которая потом неизбежно будет оцениваться как единое целое.

Выполняя эту задачу, он часто будет оказывать наибольшую услугу демократии тем, что будет противостоять воле большинства. Только превратное понимание процесса развития общественного мнения может привести к тезису, что в сфере мнений он должен подчиняться взглядам большинства. Если воспринимать существующее мнение большинства в качестве критерия того, чем должно быть мнение большинства, весь процесс станет цикличным и стационарным. По сути дела, когда политический философ обнаружит, что его взгляды стали очень популярны, у него появятся основания заподозрить, что он не справился со своей задачей¹⁸. Только настаивая на соображениях, которые большинство не желает учитывать, только придерживаясь принципов, которые большинству кажутся неудобными и вызывающими раздражение, может он доказать свою ценность. Для интеллектуала склониться перед убеждением только потому, что его придерживается большинство, есть предательство не только своей особой миссии, но и ценностей самой демократии.

Принципы, требующие самоограничения власти большинства, не делаются неверными от того, что демократия ими пренебрегает, да и демократия не делается нежелательной от того, что часто делает то, что либерал считает ошибочным решением. Он просто верит, что у него есть аргументация, которая, будучи верно понятой, побудит большинство положить пределы собственной власти, и он надеется, что когда будут приниматься решения по конкретным вопросам, ему удастся склонить большинство к принятию этой аргументации.

9. Не последнее место в этой либеральной аргументации занимает утверждение, что пренебрежение этими пределами в конце концов губительно

---

¹⁸ См. наблюдение Альфреда Маршалла: «Исследователи, работающие в области общественных наук, должны опасаться популярности: с ними зло, когда люди говорят о них хорошо. Если имеется некий набор мнений, отстаивая которые газета может увеличить свой тираж, то исследователь, желающий оставить мир в целом и свою страну в частности

не только для мира и процветания, но и для самой демократии. Либерал убежден, что пределы, которыми демократия должна ограничить себя, являются теми самыми пределами, внутри которых она может действовать эффективно и внутри которых большинство может в полном смысле слова направлять и контролировать действия правительства. Пока демократия ограничивает индивида только созданными ею же общими правилами, она удерживает власть принуждения под контролем. Если же она попытается управлять людьми более конкретно, то вскоре обнаружит, что лишь указывает цели, которых следует достичь, предоставляя чиновникам-экспертам выбирать, какими именно способами их надо достигать. И как только мысль, что решения большинства могут лишь указывать цели, а способ их достижения следует оставить на усмотрение администрации, становится общепризнанной, вскоре возникает и убеждение, будто почти любые средства достижения этих целей легитимны.

У человека нет оснований бояться каких-либо общих законов, которые могут быть приняты большинством, но у него достаточно причин бояться правителей, которых большинство может поставить над ним для исполнения своих указаний. Сегодня личной свободе угрожает не та власть, которой могут фактически обладать демократические законодательные собрания, а власть администраторов, которым поручено достижение конкретных целей. Согласившись, что большинство должно предписывать правила, которые мы будем соблюдать, преследуя наши индивидуальные цели, мы обнаруживаем, что все больше и больше оказываемся подчинены приказам и произволу его агентов. Достаточно показательно, что не только большинство сторонников неограниченной демократии вскоре становятся защитниками произвола и начинают разделять взгляд, что экспертам нужно предоставить решать, что именно хорошо для общества, но и что самые восторженные сторонники такой неограниченной власти большинства — часто те самые администраторы, которым лучше всего известно, что когда такая власть будет установлена, осуществлять ее будут именно они, а не большинство. Если современный опыт в этом отношении что-то и доказал, то лишь, что когда для решения определенных задач обширные полномочия по принуждению предоставляются правительственным ведомствам, действенный контроль над этими полномочиями со стороны законодательных собраний становится невозможен. Если последние сами не установят средства, которые надлежит использовать, то решения их агентов будут более или менее произвольными.

Общие соображения и недавний опыт показывают, что демократия эффективна лишь до тех пор, пока правительство, применяя принуждение,

---

в лучшем состоянии, чем если бы он не был рожден, обязан сосредоточиться на ограниченности, изъянах и ошибках этого набора мнений, если таковые есть — и никогда не оказывать им безусловную поддержку, даже в обсуждении *ad hoc*. Для исследователя почти невозможно при жизни быть истинным патриотом и иметь репутацию такового» (*Marshall A. Memorials of Alfred Marshall / Ed. by A.C. Pigou. London: Macmillan, 1925. P. 89*).

ограничивается только теми задачами, которые могут быть решены демократическим путем¹⁹. Если демократия — средство сохранения свободы, то свобода индивида — не менее существенное условие функционирования демократии. Хотя демократия, вероятно, наилучшая из форм ограниченного правления, она становится абсурдом, если превращается в неограниченное правление. Те, кто провозглашает, что демократия обладает неограниченной компетенцией, и поддерживает все, чего желает большинство в любой данный момент времени, ведут дело к ее гибели. По сути дела, либерал старой школы — гораздо больший друг демократии, чем демократ-догматик, ибо он озабочен сохранением условий, обеспечивающих работоспособность демократии. Нет ничего «антидемократического» в попытке убедить большинство, что существуют некие границы, за которыми его действия перестают быть благотворными, и что ему следует соблюдать принципы, которые не были целенаправленно установлены им самим. Чтобы выжить, демократия должна осознать, что она не источник справедливости и что ей необходимо признать концепцию справедливости, которая не обязательно воплощается в наиболее популярном мнении по каждому конкретному вопросу. Опасно то, что мы ошибочно принимаем средства обеспечения справедливости за саму справедливость. Поэтому те, кто стремится убедить большинство в необходимости признать соответствующие границы своей справедливой власти, столь же необходимы для демократического процесса, как и те, кто неустанно указывает новые цели для демократической деятельности.

В части II этой книги мы продолжим исследование тех пределов полномочий государства, которые представляются нам необходимым условием для того, чтобы демократия работала, и которые были разработаны народами Запада под именем «верховенство закона» (rule of law). Здесь мы лишь добавим, что мало оснований ожидать, что люди преуспеют в управлении или сохранении демократического механизма управления, если сначала не познакомятся с традициями законоправства (government of law).

---

¹⁹ Более подробное обсуждение этих вопросов см. в главе 5 моей книги «Дорога к рабству» (Hayek F.A. *The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press, 1944. P. 56–71 [Хайек Ф.А. *Дорога к рабству*. М.: Новое издательство, 2005. С. 76–89]) и в книге Уолтера Липмана, в частности: «[Народ] может править, только когда люди понимают, как демократия может управлять собой; что она может править, только назначая своих представителей, которые будут судить, применять и пересматривать законы, устанавливающие права, обязанности, привилегии и неприкосновенность людей, ассоциаций, общин и самих должностных лиц — те, которыми наделен каждый в отношении всех остальных. Такова конституция свободного государства. Поскольку философы-демократы XIX века не вполне понимали, что неперменным следствием представительного правления является определенный способ управления, они были сбиты с толку предполагаемым конфликтом между законом и свободой, между социальным контролем и индивидуальной свободой. Этих конфликтов не существует там, где социальный контроль осуществляется правовым порядком, в рамках которого согласовываются и обеспечиваются принудительной санкцией взаимные права. Поэтому в свободном обществе государство не руководит делами людей. Оно осуществляет правосудие в отношениях между людьми, которые занимаются своими собственными делами» (Lippmann W. *An Inquiry into the Principles of the Good Society*. Boston: Little, Brown and Co., 1937. С. 267).

Наемный труд и независимость

---

*И пожелать хотелось бы
Добра нажить, конечно.
Не для того, чтобы сплошной
Огородить стеною,
Для привилегии одной,
Чтоб быть самим собою.*

— Роберт Бернс

1. Идеалы и принципы, заново сформулированные в предыдущих главах, были разработаны в обществе, которое отличалось от нашего в важных аспектах. Это было общество, в котором значительная часть людей, в том числе большинство тех, кто влиял на формирование мнения, были независимы в той деятельности, которая обеспечивала им средства к существованию¹. Насколько принципы, действовавшие в таком обществе, по-прежнему применимы сегодня, когда большинство из нас работает по найму в крупных организациях, когда мы используем не принадлежащие нам ресурсы и чаще всего выполняем чьи-то распоряжения? В частности, если независимые люди сегодня образуют гораздо меньшую по размерам и влиянию часть общества, то не является ли их вклад по этой причине менее значимым или же они до сих пор жизненно важны для благополучия любого свободного общества?

Прежде чем обратиться к главной теме, мы должны избавиться от мифа о росте класса наемных работников, который распространился достаточно

— Этот отрывок из стихотворения Бернса [«Послание юному другу», перевод Ю.П. Князева] я позаимствовал из книги: *Smiles S. Self Help: With Illustrations of Character and Conduct*. London: John Murray, 1859. Ch. 9. P. 215, где он также использован в качестве эпитафии.

¹ См.: «Хотя точные цифры отсутствуют, по-видимому, в начале XIX века четыре пятых работающего населения были самозанятыми предпринимателями; в 1870 году к этому старому среднему классу принадлежала примерно треть, а в 1940 году — всего лишь около одной пятой» (*Mills C.W. White Collars*. New York: Oxford University Press, 1951. P. 63). Там же на с. 65 говорится о том, в какой мере это изменение является по преимуществу результатом снижения доли сельскохозяйственного населения, что, однако, не меняет его политического значения.

широко, чтобы сбивать с толку общественное мнение, хотя в самой грубой форме исповедовался только марксистами. Это миф о том, что появление не имеющего собственности пролетариата — результат процесса экспроприации, в ходе которого массы оказались лишены собственности, прежде позволявшей им зарабатывать на жизнь, ни от кого не завися. Факты рассказывают совершенно иную историю. До появления современного капитализма для большинства людей возможность завести семью и детей зависела от наследования дома, земли и необходимых орудий производства. Те, кто не унаследовал от родителей землю и орудия, впоследствии смогли выжить и умножиться благодаря тому, что у богатых появилась реальная и прибыльная возможность использовать свой капитал так, чтобы предоставить занятость очень многим. Если «капитализм создал пролетариат», то лишь в том смысле, что позволил множеству людей выжить и произвести потомство. Конечно, сегодня в западном мире в результате этого процесса растет не численность пролетариата в старом смысле слова, а численность большинства занятых по найму, которые во многих отношениях чужды, а часто и враждебны многому из того, что образует движущую силу свободного общества.

Рост населения в последние два столетия был обеспечен преимущественно наемными работниками, городскими и промышленными. Хотя технологические изменения, которые благоприятствовали крупным предприятиям и помогли создать новый большой класс конторских работников, несомненно, способствовали увеличению доли работающего по найму населения, не исключено, что росту крупных организаций в свою очередь содействовало повышение числа не имеющих собственности и предлагающих свои услуги людей.

Политическое значение этой тенденции усиливалось тем, что в то самое время, когда особенно быстро увеличивалось число зависимых и не имеющих собственности, им было предоставлено право голоса, которого прежде большинство из них не имело. В результате, вероятно, во всех странах Запада представления подавляющего большинства избирателей стали определяться тем, что они — наемные работники. Поскольку теперь именно их мнение стало в значительной степени направлять политику, принимались меры, которые сделали положение наемных работников более, а положение независимых людей — менее привлекательным. То, что наемные работники используют свое политическое влияние таким образом, совершенно естественно. Проблема заключается в том, отвечает ли их долгосрочным интересам последовательное превращение общества в одну огромную иерархию наемного труда. Это вполне вероятный результат, если только наемные работники не осознают, что в их собственных интересах обеспечить сохранение достаточного числа независимых. Потому что если этого не произойдет, мы все обнаружим, что наша свобода пострадала, и они сами столкнутся с тем, что при отсутствии большого числа работодателей, из которых можно выбирать, их положение окажется не столь хорошим, как было когда-то.

2. Проблема в том, что многие проявления свободы не представляют особого интереса для наемных работников и часто им бывает нелегко понять, что их свобода зависит от способности других принимать решения, непосредственно не затрагивающие их образ жизни. Поскольку они могут жить и живут, не принимая подобных решений, им и непонятно, зачем это может понадобиться, и они почти не придают значения возможностям для осуществления действий, с которыми в жизни просто не сталкиваются. Они считают ненужными многие проявления свободы, столь важные для независимого человека, который без этого не сможет выполнять свои функции, а их представления о заслугах и соответствующем вознаграждении совершенно не такие, как у него. Поэтому сегодня свободе угрожает серьезная опасность из-за склонности работающего по найму большинства навязывать остальным свои критерии и взгляды на жизнь. Самым трудным делом может стать попытка убедить массы наемных работников в том, что, заботясь об интересах всего общества, а потому и о своих собственных долгосрочных интересах, они должны сохранить условия, позволяющие немногим достичь положения, которое им самим кажется недостижимым или не стоящим сил и труда.

Если определенные проявления свободы имеют мало отношения к жизни наемных работников, это не означает, что последние несвободны. Любое решение человека, касающееся его образа жизни или добывания средств к существованию, означает, что в результате этого выбора он будет не очень заинтересован делать некоторые вещи. Подавляющее большинство людей выбирают работу по найму, потому что она открывает им больше возможностей вести образ жизни, который им нравится, по сравнению с любым независимым положением. Даже для тех, кто не особенно стремится к относительной защищенности и отсутствию риска и ответственности, то есть к тому, что обеспечивает работа по найму, решающим фактором часто оказывается не то, что независимость недостижима, а то, что работа по найму открывает перспективу деятельности, приносящей больше удовлетворения и дохода, чем, скажем, деятельность независимого торговца.

Свобода не означает, что мы можем иметь все, что пожелаем. При выборе жизненного пути нам всегда приходится выбирать между сложными комбинациями преимуществ и недостатков, а когда этот выбор сделан, мы должны быть готовы мириться с определенными неудобствами ради чистого выигрыша. Если кому-то нравится регулярный доход, который он получает за свой труд, то он должен посвятить свое рабочее время выполнению тех задач, которые ставят перед ним другие. Для работающего по найму условием достижения его целей является выполнение получаемых распоряжений. Порой это может вызывать досаду, но в нормальных условиях нельзя сказать, что он несвободен, то есть испытывает принуждение. В самом деле, риск лишения, создаваемый перспективой отказа от работы, может быть столь велик, что человек будет держаться даже за ненавистную работу. Но то же самое может быть сказано и о любом виде деятельности,

которому посвятил себя человек, — и уж точно о многих видах независимого образа жизни.

Крайне важно то, что в конкурентном обществе работающий по найму не находится во власти конкретного работодателя, разве что в периоды массовой безработицы. Закон благоразумно не признает действительными трудовые договоры о бессрочной продаже человеческого труда, исключающие право на увольнение, и в общем случае не принуждает работника к исполнению контракта, предусматривающего достижение им конкретных результатов. Никого нельзя принудить продолжать работу под руководством конкретного начальника, даже если это предусмотрено заключенным контрактом, а в нормально функционирующем конкурентном обществе всегда возможна временная занятость, даже если, как это часто бывает, она хуже оплачивается².

То, что свобода наемного работника зависит от наличия множества разных работодателей, станет понятно, если мы рассмотрим ситуацию, которая сложится, если будет существовать единственный работодатель — а именно государство — и единственным дозволенным источником средств к существованию будет работа по найму. А последовательное применение социалистических принципов, как бы их ни маскировали делегированием права осуществления найма номинально независимым публичным корпорациям и тому подобным организациям, обязательно ведет к тому, что остается только один работодатель. Независимо от того, будет ли этот работодатель действовать прямо или косвенно, он очевидно будет обладать неограниченной властью принуждения по отношению к индивиду.

3. Таким образом, свобода наемных работников зависит от существования группы людей, которые занимают другое положение в обществе. Однако в условиях демократии, в которой работающие по найму составляют большинство, именно от их представлений о жизни зависит, сможет ли такая группа существовать и выполнять свои функции. Доминирующими будут идеи подавляющего большинства — эти люди включены в иерархические организации и по большей части не знают, какого рода проблемы и точки зрения определяют отношения между отдельными структурами, в которых они работают. Критерии, вырабатываемые большинством, позволяют его представителям быть эффективными членами общества, но не применимы ко всему обществу, если оно должно оставаться свободным.

Интересы и ценности наемных работников неизбежно будут несколько отличаться от тех, которые характерны для людей, принимающих на себя риск и ответственность, связанные с организацией использования ресурсов. Человек, работающий под руководством других и получающий

---

² Важно помнить, что даже те, кто в силу возраста или специализированного характера способностей не может всерьез рассчитывать на смену рабочего места, защищены тем, что работодатель вынужден создавать такие рабочие условия, которые обеспечат ему необходимый приток новых работников.

постоянное жалование, или заработную плату, может быть столь же сознательным, усердным и разумным, как и тот, кто должен постоянно выбирать из разных вариантов, но вряд ли он будет столь же изобретателен или склонен к экспериментированию, поскольку в его работе возможности для выбора более ограничены³. Обычно от него не ждут никаких действий, которые не были бы предписанными или рутинными. Он не может выйти за пределы порученной задачи, даже если способен на большее. Порученная задача — это всегда по необходимости ограниченная задача, связанная к данной сфере деятельности и основанная на установившемся разделении труда.

Работа по найму сказывается не только на инициативности и изобретательности человека. Он мало знает об ответственности тех, кто контролирует ресурсы и должен постоянно думать о новых соглашениях и комбинациях; он мало знаком с установками и образом жизни, которые возникают из необходимости принятия решений о том, как использовать собственность и доход. Для независимого человека не может быть такой резкой грани между его частной и деловой жизнью, как у наемного работника, который продал часть своего времени за фиксированный доход. В то время как для наемного работника труд — это главным образом вопрос встраивания в заданную структуру на протяжении установленного рабочего времени, для независимого человека — это вопрос планирования и перепланирования жизни, поиска решений для новых проблем. Особенно различаются взгляды наемного работника и независимого человека на то, что можно обоснованно рассматривать как доход, какие риски он должен принимать на себя и какой образ жизни в наибольшей степени способствует успеху.

Однако самая большая разница между ними заключается в их мнениях о том, как следует определять надлежащее вознаграждение за различные услуги. Когда человек работает под чьим-то руководством в качестве члена большой организации, ценность его индивидуальных услуг установить трудно. Насколько точно и разумно он соблюдает правила и инструкции,

---

³ См. любопытное обсуждение этих проблем: «Die Zahl der Unselbstständigerwerbenden hat stark zugenommen, sowohl absolut wie prozentuell zu den Beschäftigten. Nun ist das Gefühl der Verantwortung für sich und die Zukunft bei den Selbstständigerwerbenden aus naheliegenden Gründen lebhafter entwickelt; sie müssen auf lange Sicht planen und haben auch die Möglichkeit, durch Geschick und Initiative für schlechtere Zeiten vorzusorgen. Die Unselbstständigerwerbenden hingegen, die in regelmäßigen Abständen ihren Lohn erhalten, haben ein anderes, [ein] statisches Lebensgefühl; sie planen selten auf lange Sicht, und erschrecken bei der geringsten Schwankung. Ihr Sinnen und Trachten ist auf *Stabilität und Sicherheit* gerichtet» [«Количество работающих по найму среди занятых значительно выросло как в абсолютном, так и в процентном исчислении. У независимых работников чувство ответственности за себя и свое будущее по понятным причинам развито сильнее: они приучены планировать на длительную перспективу и благодаря изобретательности и инициативности способны подготовиться к трудным временам. Напротив, тем, кто работает по найму и регулярно получает зарплату, свойственно иное, статичное отношение к жизни. Они, как правило, далеко не заглядывают и приходят в смятение от малейшей неожиданности. Все их чаяния обращены к одному — *стабильности и надежности*»] (Bieri E. Kritische Gedanken zum Wohlfahrtsstaat // Schweizer Monatshefte. 1956. Vol. 35. С. 575).

насколько хорошо он вписался в работу организации — все это можно установить только по отзывам других. Зачастую ему приходится платить не по результату, а по оценке заслуг. Чтобы в организации царило согласие, важнее всего, чтобы вознаграждение считалось справедливым, чтобы оно соответствовало известным и понятным правилам и чтобы был человек или люди, на которых лежит ответственность за вознаграждение каждого, и чтобы это вознаграждение соответствовало представлениям других сотрудников о том, что полагается его получателю⁴. Однако принцип вознаграждения человека в соответствии с мнением других о том, чего он заслуживает, не может применяться к людям, действующим по собственной инициативе.

4. Когда законодательство и политику определяет состоящее из наемных работников большинство, условия будут меняться в соответствии с нормами этой группы и становиться менее благоприятными для независимых людей. Положение первых в результате будет делаться все более привлекательным и их относительная сила будет увеличиваться. Не исключено даже, что преимущества, которые сегодня есть у крупных организаций в сравнении с малыми, — отчасти результат политики, которая сделала положение наемных работников привлекательным для многих из тех, кто в прошлом предпочел бы независимость.

В любом случае не вызывает сомнений, что большинство людей не только работают по найму, но и предпочитают такую работу и уверены, что это в основном дает им то, что они хотят: гарантированный фиксированный доход, достаточный для текущих расходов, более или менее автоматическое его повышение и обеспеченную старость. Таким образом, эти люди освободились от некоторых видов ответственности, сопутствующей участию в экономической жизни; и совершенно естественно, что когда в результате упадка или банкротства нанявшей их организации они попадают в сложную экономическую ситуацию, то винят в этом не себя, а кого-то другого. В таком случае неудивительно, что они не могут не хотеть, чтобы некая опекающая власть присматривала за деятельностью руководителей, которой они не понимают, но от которой зависят их средства к существованию.

Там, где этот класс преобладает, концепция социальной справедливости во многом приспособляется к его потребностям. Это относится не только к законодательству, но и к институтам, и к практике бизнеса. В основу налогообложения закладывается концепция дохода, отвечающая пониманию наемного работника. Патерналистская система предоставления социальных услуг почти исключительно приспособлена к его требованиям. Даже критерии и практики потребительского кредита приспособлены к ним. А все, что касается владения капиталом и его использования для

---

⁴ См. обсуждение: *Barnard Ch.I. The Functions of the Executive*. Cambridge: Harvard University Press, 1938 [*Барнард Ч. Функции руководителя: Власть, стимулы и ценности в организации*. М.; Челябинск: Социум; ИРИСЭН, 2009].

обеспечения средств к существованию, рассматривается как особый интерес небольшой привилегированной группы, против которой вполне справедливо применять дискриминационные меры.

Американцам эта картина все еще может показаться преувеличением, но европейцам бóльшая часть всего этого хорошо знакома. Развитие в этом направлении, как правило, сильно ускоряется, когда государственные служащие превращаются в самую многочисленную и влиятельную группу наемных работников и когда выдвигается требование распространения принадлежащих им особых привилегий на всех наемных работников в качестве права. Такие привилегии государственных служащих, как гарантированная постоянная работа на должности (*tenure*) и автоматическое продвижение по служебной лестнице в соответствии с принципом старшинства, предоставленные им не ради них самих, а в интересах общества, имеют тенденцию выходить за пределы этой группы. Для государственной бюрократии даже в большей степени, чем для других крупных организаций, справедливо утверждение, что конкретную ценность услуг индивида объективно оценить невозможно, а потому вознаграждение приходится устанавливать на основе поддающихся оценке заслуг, а не результата⁵. Тенденция к распространению критериев, господствующих внутри бюрократии, не в последнюю очередь объясняется влиянием государственных служащих на законодательство и на новые институты, созданные для удовлетворения потребностей наемных работников⁶. В частности, во многих европейских странах бюрократия новой системы оказания социальных услуг стала очень важным политическим фактором, создателем и инструментом реализации новой концепции потребностей и заслуг, критериям которой все больше подчиняется жизнь людей.

5. Наличие разнообразных возможностей для занятости в конечном счете зависит от существования независимых индивидов, берущих на себя инициативу в процессе непрерывного переформирования и переориентации организаций. На первый взгляд может показаться, что такое же многообразие возможностей обеспечат и многочисленные корпорации, управляемые наемными менеджерами и принадлежащие большому числу акционеров, и что поэтому владельцы крупной собственности будут не нужны. Но хотя корпорации такого рода вполне пригодны в устоявшихся отраслях, очень маловероятно, что удастся сохранить конкурентные условия или предотвратить окостенение всей корпоративной структуры без создания новых организаций для новых рискованных предприятий, а в этом деле индивид, обладающий собственностью и способный принимать на себя риск,

---

⁵ О связи между бюрократической организацией и бюрократическим управлением и о невозможности в этой сфере ориентироваться на прибыль и убыток см. прежде всего: *Mises L. von. Human Action*. New Haven: Yale University Press, 1949. P. 300–307 [*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005. С. 286–293].

⁶ *Mason L. The Language of Dissent*. Cleveland: World Publishing Co., 1959; особенно с. 19: «Никто не может полюбить свободу, работая на государство».

по-прежнему незаменим. И превосходство индивидуальных решений над коллективными не ограничивается новыми рискованными предприятиями. Сколь бы адекватной в большинстве случаев ни была коллективная мудрость совета директоров, даже в случае крупных и прочно утвердившихся корпораций причиной выдающегося успеха зачастую бывает один человек, который достиг независимости и влияния благодаря контролю над значительными средствами. Как бы простое различие между руководящим собственником и наемным работником ни было затемнено институтом корпораций, вся система обособленных предприятий, предлагающая и наемным работникам, и потребителям достаточно альтернатив, чтобы лишить каждую отдельную организацию возможности осуществлять принуждение, предполагает частную собственность и личную ответственность за использование ресурсов⁷.

6. Однако частный владелец крупной собственности важен не только потому, что его существование обеспечивает сохранение структуры конкурентного предпринимательства. Человек, независимый в своих средствах, становится еще более важной фигурой в свободном обществе, когда он занят не применением своего капитала для получения прибыли, а тем, что ставит его на службу целям, не приносящим материальной отдачи⁸. В любом цивилизованном обществе человек, живущий на независимые средства, в продвижении целей, о которых не может в достаточной мере позаботиться механизм рынка, играет еще более важную роль, чем в сохранении самого рынка⁹.

Хотя рыночный механизм — самый эффективный метод обеспечения тех услуг, которые можно оценить в деньгах, есть и другие, чрезвычайно важные услуги, которые рынок не может предоставить, потому что их

---

⁷ Ср. с тем, что говорит об этом Йозеф А. Шумпетер: *Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper and Bros., 1942. P. 242 [*Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 601], дальнейшее обсуждение особенностей больших организаций см. ниже в главе 17, § 8.

⁸ У Сиднея и Беатрисы Уэбб «было и то и другое — время для того, чтобы думать, и социальные контакты с сильными мира сего — благодаря унаследованному Беатрисой от отца годовому доходу в 1000 фунтов стерлингов. Найдет ли следующее поколение реформаторов своих уэббов?» (*Beveridge W.H. Power and Influences*. London: Hodder and Stoughton, 1955. P. 70).

⁹ Хотел бы я обладать тем красноречием, с которым покойный лорд Кейнс однажды при мне распространялся по поводу незаменимости той роли, которую человек, живущий на независимые средства, играет в любом достойном обществе! Я был несколько удивлен, услышав это от человека, который ранее приветствовал «эвтаназию рантье». Я был бы менее удивлен, если бы знал, как остро сам Кейнс чувствовал, что для положения, к которому он стремился, необходимо независимое состояние, и как успешно он действовал для приобретения этого состояния. Как рассказывает нам его биограф, в возрасте тридцати шести лет Кейнс «был исполнен решимости не впасть опять в унылую жизнь получателя жалованья. Он должен иметь финансовую независимость. Он чувствовал — в нем есть то, что оправдывает подобную независимость. Ему нужно было многое рассказать стране. И он хотел быть обеспеченным». В результате он ринулся в спекуляции и, начав практически с нуля, сделал за двенадцать лет полмиллиона фунтов (*Harrod R.F. The Life of John Maynard Keynes*. London: Macmillan, 1951. P. 297). Поэтому меня не должно было удивить, что, когда я затронул эту тему, он разразился восторженным панегириком роли, которую сыграл в росте цивилизации образованный и состоятельный человек; и мне бы очень хотелось, чтобы эта история с богатыми иллюстрациями увидела свет.

невозможно продать отдельному бенефициару. Экономисты часто создавали у своих читателей и слушателей впечатление, что полезно только то, за что с публики можно взять деньги, а исключения они упоминали лишь в качестве довода за то, что государство должно вступать в игру там, где рынок не может обеспечить желаемое. Но хотя ограничения, свойственные рынку, оправдывают некоторые типы действий государства, это никоим образом не доказывает, что только оно способно предоставлять такие услуги. Из одного лишь признания того, что существуют потребности, которые рынок не удовлетворяет, не следует, что государство обязательно является единственной организацией, способной делать то, что не окупается, то есть что здесь должна быть не монополия, а как можно больше независимых центров, способных удовлетворять такие потребности.

Лидерство индивидов или групп, способных обеспечить финансовую поддержку своим убеждениям, особенно существенно в области культуры, изящных искусств, в образовании и исследованиях, в сохранении красот природы и исторических ценностей и, что важнее всего, в распространении новых идей в сфере политики, морали и религии. Для того чтобы взгляды меньшинства имели шанс стать взглядами большинства, необходимо, чтобы возможность инициировать действие имели не только люди, уже пользующиеся авторитетом у большинства, а чтобы и у представителей самых разных взглядов и вкусов была возможность своими средствами и энергией поддержать идеалы, еще не разделяемые большинством.

Если бы нам был неизвестен наилучший способ создания такой группы, были бы серьезные аргументы в пользу того, чтобы случайным образом выбирать из популяции каждого сотого или тысячного и наделять их богатством, достаточным для преследования любых избранных ими целей. В той мере, в какой были бы при этом представлены все вкусы и мнения и каждый вид интересов получил бы свой шанс, такой метод был бы оправданным, даже если из этой выборки только один из сотни или из тысячи использовал полученную возможность таким образом, чтобы впоследствии можно было сказать, что это привело к благотворным результатам. Отбор посредством наследования от родителей к детям, который в нашем обществе порождает именно такую ситуацию, имеет по крайней мере то преимущество (даже если не учитывать вероятность наследования способностей), что те, кому достаются особые возможности, обычно получают соответствующее образование и воспитываются в среде, в которой материальные выгоды богатства привычны и, воспринимаясь как данность, перестают быть главным источником удовлетворения. Грубые удовольствия от богатства, которым, как правило, предаются нувориши, обычно не обладают особой привлекательностью для тех, кто унаследовал состояние. Если есть хоть какая-то доля истины в утверждении, что процесс восхождения по социальной лестнице иногда растягивается на несколько поколений, и если мы признаем, что некоторые люди не должны тратить много сил на добывание средств к существованию, а должны располагать временем и средствами, чтобы посвятить себя достижению избранных ими целей,

то невозможно отрицать, что наследование представляет собой, вероятно, наилучший из известных нам методов отбора.

В связи с этим часто упускается из виду то обстоятельство, что действие на основе коллективного согласия ограничивается случаями, когда в результате прежних усилий уже выработан общий взгляд на вещи, когда уже установилось мнение о желательном и проблема заключается только в выборе между уже более-менее осознанными возможностями, а не в открытии новых. Однако общественное мнение не может решать, в каком направлении следует предпринять усилия, чтобы пробудить общественное мнение, и ни государство, ни другие известные организованные группы не должны иметь исключительных полномочий на это. Но организованные усилия могут быть приведены в движение немногими индивидами, которые либо сами располагают необходимыми ресурсами, либо заручились поддержкой тех, кто ими владеет; без таких людей взгляды, разделяемые сегодня лишь незначительным меньшинством, могут так никогда не получить шанса быть принятыми большинством. Сколь мало лидерского поведения можно ждать от большинства, демонстрируется недостаточной поддержкой искусства там, где большинство заменило богатого покровителя в качестве источника такой поддержки. И это еще более верно в отношении филантропических и идеалистических движений, благодаря которым меняются нравственные ценности большинства.

У нас здесь нет возможности даже кратко изложить долгую историю всех благих дел, которые получили признание лишь после того, как одинокие первопроходцы посвятили свою жизнь и богатство тому, чтобы пробудить совесть общества, — историю их длительной борьбы за отмену рабства, реформу пенитенциарной системы, предотвращение жестокого обращения с детьми и животными, более гуманное обращение с душевнобольными. Долгое время все это было только упованием горстки идеалистов, стремившихся изменить мнение подавляющего большинства в отношении некоторых общепринятых практик.

7. Однако богатый человек может успешно выполнять подобные функции только тогда, когда общество в целом не считает его единственной задачей извлечение прибыли и всяческое увеличение этого богатства, и когда класс богатых состоит не только из людей, интересующихся преимущественно тем, чтобы их ресурсы обеспечивали материальную производительность. Иными словами, необходима терпимость к существованию группы праздных богачей — праздных не в том смысле, что не делают ничего полезного, а в том, что их цели не определяются целиком и полностью материальной выгодой. То, что большинство людей неизбежно вынуждены зарабатывать себе на жизнь, не делает менее желательным, чтобы некоторые не должны были этого делать, чтобы немногие имели возможность стремиться к целям, безразличным для остальных. Без сомнения, было бы отвратительно, если бы для этого богатство произвольно отнималось у одних и передавалось другим. Мало смысла и в том, чтобы право наделять подобной

привилегией было предоставлено большинству, потому что оно выбрало бы людей, цели которых уже одобрило. В этом случае большинство просто создало бы еще одну форму занятости или новую форму вознаграждения за признанные заслуги, но не возможность преследовать цели, которые еще не получили общего признания в качестве желательных.

Меня восхищает нравственная традиция неодобрительного отношения к праздности, когда речь идет об отсутствии целенаправленной деятельности. Но не работать ради дохода не обязательно означает пребывать в праздности; и нет оснований не считать почтенным занятие, не приносящее материальной отдачи. Тот факт, что большинство наших потребностей могут быть удовлетворены рынком, который одновременно дает большинству людей возможность зарабатывать на жизнь, не должен понижаться так, что никакому человеку нельзя позволить направить всю свою энергию на цели, не приносящие финансовых результатов, или что только большинство или только организованные группы должны иметь возможность стремиться к таким целям. То, что лишь немногие могут иметь подобную возможность, не делает менее желательным, чтобы некоторые ее имели.

Сомнительно, чтобы класс богатых, этос которого требует, чтобы по крайней мере каждый принадлежащий к нему мужчина доказал свою полезность приращением богатства, мог адекватным образом оправдать свое существование. Каким бы важным ни было значение независимого владельца собственности для экономического порядка свободного общества, оно, вероятно, еще больше в области мысли и мнений, вкуса и убеждений. Обществу, в котором все интеллектуальные, моральные и художественные лидеры принадлежат к классу наемных работников, особенно если большинство из них работает на государство, недостает чего-то очень серьезного. При этом мы повсеместно движемся именно к такому состоянию. Хотя в среде свободных писателей и художников, а также в профессиональных сообществах медиков и юристов все еще находятся отдельные независимые лидеры мнений, подавляющее большинство тех, кто должен бы осуществлять лидерство — ученые в области естественных и гуманитарных наук, — сегодня в большинстве стран работают на государство¹⁰. В этом отношении

---

¹⁰ Я, разумеется, не возражаю против того, чтобы интеллектуальные классы, к которым я и сам принадлежу, то есть университетские преподаватели, журналисты и государственные служащие, обладали соответствующим влиянием. Но я осознаю, что, будучи наемными служащими, они неизбежно имеют профессиональные предубеждения, которые в некоторых существенных пунктах противоречат требованиям свободного общества, а потому должны встречать противодействие или, по крайней мере, подвергаться коррекции с другой позиции, с точки зрения людей, не являющихся членами организованной иерархии, жизненное положение которых не зависит от популярности выражаемых ими взглядов, которые могут на равных иметь дело с богатыми и обладающими властью. В истории эту роль порой исполняла земельная аристократия (в Виргинии в конце XVIII столетия — сельские джентльмены). Для создания такого класса не нужны наследственные привилегии, и патрицианские семьи многих торговых городов-республик, вероятно, имеют больше заслуг в этом отношении, чем вся титулованная знать. Но без какого-то количества людей, имеющих возможность посвятить жизнь тем ценностям, которые они избрали, не нуждающихся в том, чтобы их деятельность получала одобрение начальников или клиентов, и не зави-

произошли очень большие изменения в сравнении с XIX столетием, когда такие джентльмены-ученые, как Дарвин¹¹ и Маколей, Грот и Лаббок, Мотли и Генри Адамс, Токвиль и Шлиман, были известными публичными фигурами и когда даже такой неортодоксальный критик общества, как Карл Маркс, смог найти богатого покровителя, который позволил ему посвятить всю жизнь разработке и пропаганде доктрин, вызывавших искреннюю ненависть большинства его современников¹².

Почти полное исчезновение этого класса — и почти полное его отсутствие в США — породило ситуацию, когда класс собственников, теперь почти исключительно состоящий из деловых людей, не обладает ни интеллектуальным лидерством, ни даже последовательной и аргументированной жизненной философией. Класс богатых, отчасти и праздный класс, всегда насыщен непропорционально большим количеством ученых и государственных деятелей, писателей и художников. Именно благодаря общению в собственном кругу с такими людьми, которые вели тот же образ жизни, богатые деловые люди имели возможность участвовать в движении идей и в дискуссиях, формировавших общественное мнение. Европейскому наблюдателю, которого не может не поражать видимая беспомощность той прослойки, что в Америке и до сих пор иногда еще рассматривается как правящий класс, представляется, что во многом это положение дел обязано тому, что здешние традиции помешали появлению в его среде группы праздных людей, которые могли бы использовать независимость, даруемую богатством, для иных целей, нежели те, которые вульгарно именуются экономическими. Однако это отсутствие культурной элиты в рядах класса собственников сегодня наблюдается и в Европе, где сочетание последствий

сящих от вознаграждения за признанные заслуги, некоторые направления эволюции, бывшие в прошлом очень благотворными, закроются. Если даже «независимость, это величайшее из земных благ» (как назвал ее Эдвард Гиббон в своей «Автобиографии») (*Gibbon E. Autobiography* / World's Classics edition. London: Oxford University Press, 1950. P. 176), является «привилегией» в том смысле, что лишь немногие могут ею располагать, это не делает менее желательным, чтобы некоторые ею обладали. Мы можем лишь надеяться, что это редкое преимущество не станет наградой, которая выдается по воле человека, а будет случайно доставаться немногим счастливым.

¹¹ Сам Дарвин это прекрасно осознавал; см.: «Существование известного числа образованных людей, которым не нужно работать для добыwania насущного хлеба, имеет значение, которое нельзя переоценить. В самом деле, вся высшая интеллектуальная работа производится ими, а от этой работы зависит материальный прогресс в самых разнообразных формах, не говоря уже о других высших преимуществах» (*Darwin C. The Descent of Man (The Origin of Species By Means of Natural Selection; or, The Preservation of Favored Races in the Struggle for Life and The Descent of Man and Selection in Relation to Sex)*. New York: Modern Library, 1960. P. 502 [*Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор* // Он же. Сочинения. М.: Академия наук СССР, 1953. Т. 5. С. 247]).

¹² О том, сколь значительна в современной Америке роль богатых в распространении радикальных мнений см.: *Friedman M. Capitalism and Freedom* // *Essays on Individuality* / Ed. by F. Morley. Pittsburgh: University of Pennsylvania Press, 1958. P. 178 [*Фридман М. Капитализм и свобода*. М.: Новое издательство, 2005. С. 231]; см. также: *Mises L. von. The Anti-capitalism Mentality*. Princeton, NJ: Van Nostrand, 1956 [*Мизес Л. фон. Антикапиталистическая ментальность* // Он же. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М.: Дело, 1993. С. 169–231], а также мое эссе: *Hayek F.A. The Intellectuals and Socialism* // *University of Chicago Law Review*. 1949. Vol. 16. P. 412–433; переиздано: *Idem. Studies on Philosophy, Politics, and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 178–194.

инфляции и налогообложения по большей части разрушило старую группу праздных людей и помешало созданию новой.

8. Не приходится отрицать, что такая группа праздных людей породит намного больше *bon vivants*, чем ученых и общественных служителей, и что первые будут шокировать общественную мораль своим демонстративным расточительством. Но подобное расточительство везде является ценой свободы; и было бы трудно утверждать, что критерии, по которым потребление самых праздных богачей оценивается как расточительное и предосудительное, действительно отличаются от тех, по которым потребление американских масс было бы оценено как расточительное египетскими феллахами или китайскими кули. В количественном отношении громадные расходы богачей на развлечения просто ничтожны в сравнении с тем, что тратится на похожие и столь же «необязательные» увеселения масс¹³, отвлекающие значительные ресурсы от целей, которые можно было бы счесть важными по некоторым этическим нормам. И лишь потому, что расходы праздных богачей на свои удовольствия бросаются в глаза и выглядят непривычно, они кажутся достойными особого порицания.

Верно и то, что даже когда чрезмерная расточительность некоторых людей в высшей степени неприятна другим, вряд ли можно быть уверенным, что в каждом отдельном случае даже самые абсурдные эксперименты с образом жизни не приведут в целом к благотворным результатам. Неудивительно, что жизнь на новом уровне возможностей сначала ведет к бесцельному хвостовству. Однако у меня нет сомнений — хотя сказать так, значит стать мишенью для насмешек, — что даже для того, чтобы проводить досуг, нужны первопроходцы и что многими ныне широко распространенными образами жизни мы обязаны людям, посвящавшим все свое время искусству жизни¹⁴, и что множество игр и предметов спортивного инвентаря, ставших со временем привычными средствами массового отдыха, были изобретены плеей боями.

Наша оценка полезности разных видов деятельности была в этом отношении странным образом искажена повсеместностью денежных критериев. Поразительно, что часто те же самые люди, которые особенно громко сетуют на материалистичность нашей цивилизации, не принимают никакого другого критерия полезности тех или иных услуг, кроме того, что люди соглашаются за них платить. Но разве так уж очевидно, что профессиональный игрок в теннис или гольф — более полезный член общества, чем богатые любители, которые посвящают свое время совершенствованию этих игр? Или что получающий жалованье хранитель публичного музея

---

¹³ В США только расходы на табак и алкоголь составляют около 120 долларов в год на каждого взрослого!

¹⁴ Изучение развития английской архитектуры и обычаев повседневной жизни даже привело видного датского архитектора к утверждению, что «в английской культуре все хорошее имеет своим корнем праздность» (*Rasmussen S.E.* London, the Unique City. New York: Macmillan, 1937. P. 294).

полезнее частного коллекционера? Прежде чем читатель поспешит ответить на эти вопросы, я бы попросил его задуматься: а могли бы вообще когда-либо появиться профессиональные игроки в теннис и гольф, равно как и музейные хранители, если бы им не предшествовали богатые любители? Разве нельзя надеяться, что новые интересы могут появиться из хобби тех, кто, возможно, посвятил им лишь небольшую часть своей жизни? Совершенно естественно, что больше всего пользы для развития искусства жизни и нематериальных ценностей может принести деятельность тех, кто избавлен от материальных забот¹⁵.

Одна из величайших трагедий нашего времени заключается в том, что массы уверовали, будто достигли высокого уровня материального благосостояния благодаря низвержению богатых, и стали бояться, что сохранение или возникновение подобного класса лишит их чего-то, что в противном случае они получают как должное. Мы уже видели, почему в прогрессивном обществе нет никаких оснований считать, что богатство, которым пользуются немногие, вообще существовало бы, если бы им не было позволено им владеть. Оно не отнято и не утаивается от других. Оно есть первый признак нового образа жизни, начатого авангардом. Нужно признать, что к числу обладателей привилегии открыто демонстрировать возможности, которыми смогут насладиться только дети или внуки всех остальных, в целом относятся не самые достойные, а просто те, кого случай поставил в столь завидное положение. Но этот факт неотделим от процесса роста, который всегда идет дальше, чем в состоянии предвидеть какой-либо человек или группа. Помешав некоторым первыми воспользоваться определенными преимуществами, мы тем самым можем помешать и всем остальным воспользоваться ими когда бы то ни было. Когда из зависти мы делаем некоторые исключительные способы жизни невозможными, мы все в конце концов обеднеем материально и духовно. Мы не в состоянии устранить неприятные проявления индивидуального успеха, не разрушив в то же время те самые силы, которые делают возможным движение вперед. Можно в полной мере разделять отвращение к демонстративной роскоши, плохому вкусу и расточительности многих новых богачей, но при этом нужно отдавать себе отчет, что если бы мы помешали появиться всему, что нам не нравится, то, вероятно, среди непредвиденных вещей, которые так и не появились бы на свете, хороших оказалось бы больше, чем плохих. Мир, в котором большинство имеет возможность не допускать появления всего, что ему не нравится, был бы миром stagnирующим, а то и угасающим.

---

¹⁵ Ср.: *Jouvenel B. de. The Ethics of Redistribution.* Cambridge: Cambridge University Press, 1951. Особенно с. 80 [*Жувенель Б. де. Этика перераспределения.* М.: Институт национальной модели экономики, 1995. Особенно с. 122].

Часть II

Свобода и закон

Первоначально, когда была одобрена некая система правления определенного вида, возможно, никто дополнительно и не продумывал способ правления, но все было оставлено на мудрость и усмотрение тех, кто должен был править; пока на своем опыте люди не обнаружили, что это очень неудобно для всех сторон, ибо то, что они придумали для исцеления, только увеличило язву, которую должно было исцелить. Они увидели, что жизнь по воле одного человека стала причиной невзгод для всех людей. Это вынудило их обратиться к законам, чтобы все люди могли заранее видеть свои обязанности и знать, каково будет наказание за их неисполнение.

— Ричард Хукер

— Эпиграф взят из книги: *Hooker R. The Laws of Ecclesiastical Polity* [1593]. London: J.M. Dent, 1907. Vol. 1. P. 192; отрывок поучителен несмотря на рационалистическую интерпретацию исторического развития, которая в нем подразумевается.

Принуждение и государство

Так как это — абсолютная крепостная зависимость, в соответствии с которой выполняемая служба неопределенна и точно не установлена, и нельзя знать вечером, какую службу нужно будет выполнить утром, то есть человек обязан делать все то, что ему прикажут.

— Генри Бракстон

1. Ранее в нашем рассуждении мы предварительно определили свободу как отсутствие принуждения (coercion). Но принуждение — почти столь же неудобное понятие, как и сама свобода, и по той же самой причине: мы не проводим четкого различия между тем, как на нас сказываются действия других людей и как влияют материальные обстоятельства. Собственно говоря, в английском языке есть два разных слова, чтобы отличать одно от другого: мы вполне можем сказать, что обстоятельства вынудили (compelled) нас сделать то или другое, но если мы говорим, что нас принудили (coerced), то подразумеваем в этом случае человеческий фактор.

Принуждение имеет место, когда действия одного человека вызваны тем, что ему приходится служить воле другого ради достижения не своей, а чужой цели. Дело не в том, что в условиях принуждения человек вообще не принимает решений; если бы это было так, нам бы не следовало говорить о его «действиях». Если кто-то, применяя физическую силу, водит моей рукой, чтобы получить мою подпись, или прижал мой палец

— Цитата из Генри Брактона заимствована из работы: *Polanyi M. The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. P. 158. Главная идея главы была хорошо выражена и Фредериком У. Мейтлендом: «Непредсказуемый характер отправления власти порождает самые большие ограничения, потому что ограничение больше всего чувствуется и потому оказывается наибольшим, когда оно наименее предсказуемо. Мы чувствуем себя наименее свободными, когда знаем, что в любой момент могут быть наложены ограничения на любое из наших действий, и при этом мы не в состоянии предвидеть эти ограничения. <...> Известные общие законы, сколь угодно плохие, меньше препятствуют свободе, чем решения, основанные на заранее не известном правиле» (*Maitland F.W. Historical Sketch of Liberty and Equality as Ideals [1875] // Collected Papers of Frederic William Maitland, Downing Professor of the Laws of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 1. P. 80*).

к спусковому крючку пистолета — я не осуществил действия. Конечно, такое насилие, которое делает мое тело чьим-то физическим инструментом, так же плохо, как и собственно принуждение, и его следует предотвращать по тем же причинам. Однако принуждение предполагает, что я все-таки осуществляю выбор, но при этом в чей-то инструмент превращен мой ум, потому что открытыми для меня альтернативами проманипулировали таким образом, что поведение, которого добивается от меня принуждающий, оказывается для меня наименее болезненным¹. Хотя и под давлением силы, но все-таки это я решаю, что является наименьшим злом в данных обстоятельствах².

Понятно, что принуждением не исчерпываются все виды влияния, которое люди могут оказывать на действия других. Оно даже не включает в себя все случаи, в которых человек действует или угрожает действовать таким образом, что это, как ему известно, причинит вред другому и заставит его изменить свои намерения. Нельзя сказать, что человек, который преграждает мне дорогу, и мне приходится отступить в сторону, человек, взявший в библиотеке книгу, которая понадобилась мне, и даже тот, кто производит неприятные звуки и отвлекает меня, тем самым осуществляет принуждение по отношению ко мне. Принуждение подразумевает угрозу причинения вреда и намерение добиться этим от меня определенного поведения.

Хотя принуждаемый все же делает выбор, его альтернативы определены принуждающим так, что он выберет то, чего принуждающий хочет. Он не то чтобы совсем не может использовать свои способности, но лишен возможности использовать свои знания в собственных целях. Чтобы эффективно применять свой интеллект и знания для достижения своих целей, человеку нужно предвидеть некоторые условия окружающей его среды и придерживаться собственного плана действий. Большинство человеческих целей можно достичь только в результате цепочки связанных действий, задуманных как согласованное целое и опирающихся на предположение, что факты будут соответствовать ожиданиям. Только потому, что мы умеем, и в той мере, в какой умеем предсказывать события или хотя бы оценивать их вероятность, мы способны достигать чего-либо. И пусть физические обстоятельства часто непредсказуемы, они не могут злонамеренно расстроить наши планы. Но если то, что определяет наши планы, всецело находится под контролем другого, наши действия точно так же окажутся под его контролем.

---

¹ См.: «Принуждение есть „произвольное“ манипулирование со стороны одного человека доступными другому условиями или альтернативами при выборе — обычно нам следует говорить о „неоправданном“ вмешательстве („unjustified“ interference)» (*Knight F.H. Conflict of Values: Freedom and Justice // Goals of Economic Life / Ed. by A. Dudley Ward. New York: Harper and Bros., 1953. P. 208*). См. также: *MacIver R.M. Society: A Textbook of Sociology. New York: Farrar and Rinehart, 1937. P. 342*.

² См. юридическое правило «*etsi coactus tamen voluit*» [«будучи принужден, я все же выразил свою волю» (перевод под ред. Л. Кофанова)], пришедшее из «*Corpus juris civilis*» (Дигесты. IV.4.21). О его значении см.: *Lübrow U. von. Der Ediktstitel „Quod metus causa gestum erit“*. Greiswald: Bamberg, 1932. P. 61–71.

Таким образом, в принуждении плохо то, что оно не позволяет человеку в полной мере использовать свои умственные способности, а значит, и вносить максимально возможный вклад в процветание общества. Хотя принуждаемый в любой данный момент времени будет делать для себя лучшее из того, что может, единственный общий план, в который составной частью входят его действия, придуман другим.

2. Политические философы обсуждали власть чаще, чем принуждение, потому что политическая власть обычно означает возможность принуждать³. Но хотя великие умы от Джона Мильтона и Эдмунда Бёрка до лорда Актона и Якоба Буркхардта, представлявшие власть как начало всякого зла⁴, были по-своему правы, ошибочно говорить в этой связи просто о вла-

---

³ См.: Wieser F. von. Das Gesetz der Macht. Vienna: Julius Springer, 1926; Russel B. Power: A New Social Analysis. London: Allen and Unwin, 1930; Ferrero G. The Principles of Power. New York: G.P. Putnam's Sons, 1942; Jouvenel B. de. Power: The Natural History of Its Growth. London: Hutchinson, 1948 [Жувенель Б. де. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010]; Ritter G. Vom sittlichen problem der Macht: Fünf Essays. Bern: Francke, 1948; Idem. Machtstaat und Utopie: vom Streit um die Dämonie der Macht seit Machiavelli und Morus. Munich: Oldenburg, 1940; Radcliffe C.J. The Problem of Power. London: Secker and Warburg, 1952; MacDermott J.C. Protection from Power under English Law. London: Stevens, 1957.

⁴ Жалобы на власть как на архизло так же стары, как сами размышления о политике. Уже Геродот заставляет Отана сказать в своей речи о демократии: «...Если бы даже самый благородный человек был облечен такой [безответственной] властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям» (Геродот. История в девяти книгах. III.80 [перевод Г.А. Стратановского]); Джон Милтон говорит, что «длительное обладание властью может испортить честнейших мужей» (Milton J. The Ready and Easy Way to Establish a Free Commonwealth, and the Excellence thereof, Compared with the Inconveniences and Dangers of Readmitting Kingship in this Nation [1660] // Milton's Prose / Ed. by M.W. Wallace. London: Oxford University Press, 1925. P. 459); Монтескье утверждает: «Но известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» (Montesquieu. Spirit of the Laws. Bk. 11. Ch. 4. Vol. 1. P. 150 [Монтескье. О духе законов. С. 137]); И. Кант: «Обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума» (Kant I. Zum ewigen Freiden: Ein philosophischer Entwurf [1795] / Ed. by K. Kehrbach. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1881. P. 36 [Кант II. К вечному миру // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 37]; Эдмунд Бёрк: «Многие из величайших тиранов в анналах истории начинали свое правление с величайшей справедливости. Но правда в том, что эта неестественная власть портит и сердце и разум» (Burke E. Thoughts on the Causes of Our Present Discontents // Burke. Works. Vol. 2. P. 307) [В действительности цитата из: Idem. A Vindication of Natural Society; or, A View of the Miseries and Evils Arising to Mankind from Every Species of Artificial Society / 3rd ed. Dublin: Printed by and for Sarah Cotter, 1766. P. 38. — Ped.]; Джон Адамс: «Властью злоупотребляют всегда, когда она не ограничена и не уравновешена» (Adams J. Works: With a Life of the Author / Ed. by C.F. Adams. Boston: Charles C. Little and James Brown, 1851. Vol. 6. P. 73), а также: «Абсолютная власть равным образом опьяняет деспотов, монархов, аристократов и демократов, якобинцев и sans culottes» (Ibid. P. 477); Джеймс Мэдисон: «Всякая принадлежащая человеку власть тяготеет к злоупотреблению», а также: «Власть, где бы она ни была сосредоточена, более или менее склонна к злоупотреблению» (The Complete Madison: The Complete Madison: His Basic Writings / Ed. by S.K. Padover. New York: Harper, 1953. P. 46); Якоб Буркхардт никогда не уставал повторять, что власть сама по себе зло (Burckhardt J. Force and Freedom: Reflections on History. New York: Pantheon Books, 1943. E.g. P. 115); и, разумеется, нужно вспомнить высказывание лорда Актона: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно» (Acton. Historical Essays. P. 504). См. также: «Es liegt in der unumschränkten Gewalt eine so schauerliche Macht der bösen Versuchung, daß nur die alleredelsten Menschen ihr widerstehen können» [«Абсолютная власть в самой себе содержит дьявольский соблазн склониться ко злу, сопротивляться которому могут лишь самые благородные»] (Rotteck C. von. Absolutismus // Staatslexikon oder Encyklopädie der Staatswissenschaften. Atona: Hammrich, 1834. Vol. 1. P. 155).

сти. Плоха не власть как таковая — способность достигать желаемого, — но лишь власть применять принуждение, заставляя человека служить чужой воле под угрозой причинения вреда. Нет ничего плохого во власти, принадлежащей директору большого предприятия, к которому люди присоединились добровольно и для собственных целей. Часть преимуществ цивилизованного общества и состоит в том, что благодаря такому добровольному объединению усилий под руководством одного человека людям удается чрезвычайно увеличить свою коллективную силу.

Развращает не власть, понимаемая как расширение наших способностей, а подчинение воли других людей нашей воле, использование других в наших целях против их воли. Действительно, в человеческих отношениях власть и принуждение обитают рядом, и большая власть, которой обладают немногие, может дать им возможность принуждать других, пока она не натолкнется на противодействие еще большей силы; но принуждение не столь необходимое, не столь распространенное следствие власти, как это обычно считается. Ни власть Генри Форда, ни власть Комиссии по атомной энергии, ни власть генерала Армии спасения, ни даже (по крайней мере, до недавнего времени) власть президента США не является властью принуждать других людей действовать в своих целях.

Во избежание путаницы следовало бы иногда вместо слова «принуждение» (coercion) использовать термины «сила» (force) и «насилие» (violence), поскольку угроза применения силы или насилия — самая важная форма принуждения. Но это не синонимы принуждения, потому что угроза применения физической силы не единственный вид осуществления принуждения. Аналогичным образом термин «угнетение», или «подавление» (oppression), — являющийся, пожалуй, настоящей противоположностью свободы, как и принуждение, — должен относиться только к состоянию постоянных актов принуждения.

3. Нужно быть внимательным в том, чтобы отличать принуждение от условий, на которых люди готовы оказывать нам те или иные услуги или предоставлять те или иные блага. Только в очень исключительных обстоятельствах единоличный контроль доступа к жизненно важной для нас услуге или ресурсу дает другому возможность осуществлять настоящее принуждение. Жизнь в обществе неизбежно подразумевает, что удовлетворение наших потребностей в большинстве случаев зависит от услуг других людей; в свободном обществе эти взаимные услуги добровольны, и каждый определяет, кому и на каких условиях он хочет оказывать услуги. Польза и возможности, предлагаемые другими, доступны, только если мы принимаем их условия.

Это верно как для социальных, так и для экономических отношений. Если хозяйка приглашает меня на свои вечеринки только при условии, что я буду соответствовать определенным требованиям к одежде и поведению, или если мой сосед разговаривает со мной только при условии моего приличного поведения, в этом нет никакого принуждения. Нельзя назвать

«принуждением» и то, что производитель или продавец соглашаются предоставить мне желаемое только по своей цене. Это бесспорно в случае конкурентного рынка, где я могу обратиться к другому поставщику, если условия первого меня не устраивают; но, как правило, это не менее верно и в случае с монополистом. Если, например, я захотел, чтобы мой портрет написал знаменитый художник, а он требует за это очень высокую цену, было бы абсурдным утверждать, что меня принудили. То же верно и в отношении любого другого товара или услуги, без которых я могу обойтись. Пока от чьих-либо услуг не зависит моя жизнь или то, что я ценю больше всего, условия, которые требует человек за предоставление своих услуг, не могут быть названы «принуждением».

Однако монополист мог бы осуществлять настоящее принуждение, если бы он оказался, скажем, владельцем родника в оазисе. Предположим, что там поселились какие-то люди, рассчитывавшие, что вода всегда будет доступна по разумной цене, а потом обнаружили — например, из-за того что пересох второй родник, — что смогут выжить, только приняв все требования владельца единственного источника воды, — вот это несомненный пример принуждения. Можно придумать еще ряд примеров, в которых люди оказываются в полной зависимости от монополиста, способного контролировать жизненно важный ресурс. Но если монополист не имеет возможности полностью перекрыть поставки незаменимого ресурса, он не в состоянии осуществлять принуждение, как бы ни были его требования неприятны тем, кто зависит от его услуг.

В свете того, что ниже будет сказано об адекватных методах обуздания государственной принудительной власти, следует отметить, что как только возникает опасность, что монополист получит возможность осуществлять принуждение, вероятно, самый разумный и действенный метод предотвращения этого — потребовать от него, чтобы он обращался со всеми потребителями одинаково, то есть настаивать на том, чтобы его цены были одинаковыми для всех, и запретить ему всякую дискриминацию. Тот же самый принцип мы используем для обуздания принудительной власти государства.

Отдельный работодатель в обычной ситуации способен осуществлять принуждение не в большей степени, чем любой поставщик каких-либо товаров или услуг. До тех пор пока он в состоянии устранить только одну из множества возможностей зарабатывать на жизнь, пока он может лишь перестать платить людям, которые не смогут ни в каком другом месте зарабатывать столько же, сколько у него, он способен причинять неприятности, но не в состоянии принуждать. Бесспорно, бывают случаи, когда условия найма создают возможность для настоящего принуждения. В периоды острой безработицы угроза увольнения может быть использована, чтобы принудить к действиям, не предусмотренным договором найма. А в условиях, скажем, горняцкого поселка управляющий вполне может установить режим произвола, самодурства и тирании в отношении неугодного ему человека. Но в процветающем конкурентном обществе такие ситуации хотя и возможны, но они будут редкими исключениями.

Абсолютная монополия найма, подобная той, которая возникает в полнотой социалистическом государстве, где единственный работодатель и собственник всех средств производства — правительство, дает неограниченные возможности для принуждения. В свое время Лев Троцкий сделал открытие: «В стране, где единственным работодателем является государство, эта мера [не давать работы оппозиционерам] означает медленную голодную смерть. Старый принцип: кто не работает, тот не ест, заменен новым: кто не повинется, тот не ест»⁵.

За исключением подобных случаев монополии на жизненно важные услуги, простая возможность отказать в получении выгоды не порождает принуждения. Использование такой власти каким-либо человеком действительно может изменить социальный ландшафт, к которому я приспособил свои планы, и заставить меня пересмотреть все прежние решения, возможно, даже перестроить всю свою жизнь и побеспокоиться о многих вещах, которые я прежде воспринимал как данность. Но хотя вставшие передо мною альтернативы могут быть до обидного малочисленны и рискованны, а мои новые планы будут всего лишь паллиативом, тем не менее мои действия не подчинены чужой воле. Я могу действовать под очень большим давлением, но нельзя сказать, что меня принуждают. Даже если угроза голода для меня и моей семьи заставляет меня пойти на малоприятную работу за очень низкую плату, даже если я оказываюсь «во власти» единственного человека, готового дать мне работу, меня не принуждает он или кто-то еще. До тех пор пока действие, поставившее меня в затруднительное положение, не имеет целью заставить меня сделать или не сделать что-то определенное, до тех пор пока причиняющее мне вред действие не направлено на то, чтобы принудить меня служить целям другого человека, оно влияет на мою свободу не больше, чем любое стихийное бедствие, вроде пожара или наводнения, уничтожающего мой дом, или несчастный случай, наносящий ущерб моему здоровью.

4. Настоящее принуждение имеет место, когда вооруженные отряды завоевателей заставляют покоренный народ работать на них, когда организованные бандиты вымогают деньги за «защиту», когда тот, кто узнал чужую темную тайну, шантажирует свою жертву и, конечно, когда государство угрожает наказать или применить физическую силу, чтобы заставить нас подчиняться его распоряжениям. Возможны разные уровни принуждения, от крайнего случая господства хозяина над рабом или тирана над своими подданными, когда неограниченная власть наказывать обеспечивает полное подчинение воле хозяина, до единичной угрозы причинить человеку такой вред, что тот предпочитает согласиться почти на все, чтобы избежать этого.

---

⁵ *Trotsky L. The Revolution Betrayed: What Is the Soviet Union and Where is it Going?* Garden City, NY: Doubleday, Doran and Co., 1937. P. 283 [*Троцкий Л. Преданная революция*. М.: НИИ культуры, 1991. С. 234].

Будет ли успешной попытка принудить к чему-то отдельного человека, в большой мере зависит от его внутренней силы: одного и угроза убийства не заставит отказаться от своих целей, а другого остановит угроза мелкими неприятностями. Но, хотя мы можем пожалеть слабых или слишком впечатлительных людей, которых даже грозный взгляд «вынудит» сделать то, чего так бы они делать не стали, нас все же интересует принуждение, которое может воздействовать на нормального среднего человека. Обычно используют угрозу телесных повреждений по отношению к самому человеку или его близким или угрожают уничтожить какую-то ценную или важную ему собственность, однако принуждению не обязательно применять силу или насилие. Можно лишить человека всякой свободы действий, затруднив его жизнь бесконечным множеством мелких препятствий: коварство и злоба найдут средства принудить физически более сильного человека. Ватага сорванцов вполне может прогнать из города человека, который им не нравится.

До известной степени все тесные отношения между людьми, которых связывают между собой чувства, экономическая необходимость или внешние обстоятельства (например, нахождение на корабле или в экспедиции), создают возможности для принуждения. В отношениях с домашней прислугой, как и в более близких отношениях, несомненно, есть возможности для особо деспотичной разновидности принуждения, которая в результате создает ощущение ограничения личной свободы. Угрюмый муж, сварливая жена или истеричная мать способны сделать жизнь невыносимой, если только не удовлетворять каждый их каприз. Но здесь общество мало чем способно помочь человеку, разве что сделать подобные союзы подлинно добровольными. Любая попытка регулировать эти близкие отношения больше предполагает такие серьезные ограничения свободы выбора и поведения, которые могут породить только еще большее принуждение: если люди вольны выбирать себе спутников жизни и близких друзей, принуждение, возникающее в результате этих добровольных союзов, не должно быть предметом заботы государства.

Читателю может показаться, что мы уделили слишком много внимания различиям между тем, что может обоснованно считаться «принуждением», а что нет, между более жесткими формами принуждения, которые необходимо предотвращать, и менее серьезными его формами, которые не должны быть заботой властей. Но, как и в случае свободы, постепенное расширение этого понятия сделало его почти бессмысленным. Свободу можно определить так, что она станет почти недостижима. Равно и принуждение можно определить так, что оно окажется повсеместным и неустранимым явлением⁶. Мы не можем предотвратить весь тот вред, который один че-

---

⁶ Характерный пример этого, попавшийся мне на глаза, когда я работал над этой главой, содержится в обзоре Бертрана Ф. Уилкокса: *Willcox B.F.* "The Labor Policy of a Free Society" by Sylvester Petro // *Industrial and Labor Relations Review*. 1957-1958. Vol. 9. P. 273. Чтобы оправдать «мирное экономическое принуждение» со стороны профсоюзов, автор утверждает

человек может причинить другому, и даже те сравнительно мягкие формы принуждения, которые возникают в отношениях между близкими людьми; но это не означает, что мы не должны пытаться предотвратить более тяжелые формы принуждения или что нам не следует определять свободу как отсутствие такого принуждения.

5. Поскольку принуждение — это контроль над важнейшими данными, от которых зависят действия индивида, осуществляемый другим индивидом, его можно предотвратить лишь позволив человеку обеспечить себе некоторую частную сферу, где он будет защищен от подобного вмешательства. Гарантию того, что определенные факты не подвергаются умышленному манипулированию со стороны других, может дать только некая власть, обладающая необходимой силой. Именно в этом смысле принуждение одного индивида по отношению к другому может быть предотвращено только угрозой принуждения.

Существование такой защищенной сферы представляется нам настолько нормальным условием жизни, что мы склонны определять «принуждение» с помощью таких выражений, как «нарушение законных ожиданий», «нарушение прав» или «произвольное вмешательство»⁷. Но определяя принуждение, мы не можем принимать как данность установления, созданные для его предотвращения. «Законность» чьих-либо ожиданий и «права» человека — результат признания такой частной сферы. Если бы такой защищенной сферы не существовало, принуждение не только имело бы место, но и было бы намного распространеннее. Только в обществе, которое ради предотвращения принуждения уже провело демаркацию этой защищенной сферы, выражение «произвольное вмешательство» имеет точный смысл.

Однако чтобы само признание защищенной частной сферы не превратилось в инструмент принуждения, ее размеры и содержание не должны задаваться преднамеренным приписыванием определенных вещей определенным людям. Если бы то, что подлежит включению в частную сферу индивида, зависело от воли одного человека или группы людей, то полномочия на применение принуждения были бы просто переданы этой воле. Точно так же было бы равно нежелательным, чтобы содержание частной

ет: «Мирная конкуренция, основанная на свободном выборе, вся пронизана принуждением. Свободный продавец товаров или услуг, устанавливая цену, принуждает желающего купить — принуждает его либо заплатить, либо обойтись без этого товара, либо искать товар где-то еще. Свободный продавец товаров или услуг, устанавливая условие, что не будет продавать тому, кто покупает у X, принуждает потенциального покупателя — принуждает его либо обойтись без покупки, либо отправляться за товаром куда-то еще, либо не покупать у X — в последнем случае объектом принуждения оказывается также и X». Это злоупотребление термином «принуждение» имеет главным источником работу Джона Р. Коммонса (см.: *Commons J.R. Institutional Economics*. New York: Macmillan, 1934. Особенно с. 336–337; см. также: *Hale R.L. Coercion and Distribution in a Supposedly Noncoercive State* // *Political Science Quarterly*. 1923. Vol. 38. P. 470–494; *Idem. Freedom through Law: Public Control of Private Governing Power*. New York: Columbia University Press, 1952).

⁷ См. высказывание Фрэнка Х. Найта, цитируемое выше в этой главе в примечании 1 (*Knight F.H. Conflict of Values: Freedom and Justice*. P. 208).

сферы человека оказалось зафиксированным раз и навсегда. Для того чтобы люди могли наилучшим образом использовать свои знания, способности и предвидение, желательно, чтобы они сами могли участвовать в определении того, что должно быть включено в их защищенную частную сферу.

Найденное людьми решение этой проблемы опирается на признание общих правил, регулирующих условия, при которых объекты или обстоятельства становятся частью защищенной частной сферы человека или людей. Признание таких правил позволяет каждому члену общества формировать содержание своей защищенной сферы, а всем вместе осознать, что принадлежит к их личной сфере, а что не принадлежит⁸.

Не следует представлять себе дело так, что эта сфера состоит исключительно или даже преимущественно из материальных объектов. Хотя разделение окружающих нас материальных объектов на «мое» и «чужое» — важнейшая задача правил, разграничивающих частные сферы, эти же правила закрепляют за нами много других «прав», таких как гарантированная возможность определенным образом использовать вещи или просто защита от вмешательства в наши действия.

6. Таким образом, признание частной, или раздельной (*several*)⁹, собственности — существенное, хотя далеко не единственное условие предотвращения принуждения. Нам редко удастся осуществить последовательный план действий, если мы не уверены в своем исключительном контроле над некоторыми материальными объектами; а если такого контроля нет, то необходимо знать, у кого он есть, чтобы иметь возможность наладить с этими людьми сотрудничество. Признание собственности, несомненно, первый шаг в определении частной сферы, защищающей нас от принуждения; уже давно признано, что «народ, питающий отвращение к институту частной собственности, лишен первейшего элемента свободы»¹⁰ и что «никто не может нападать на раздельную собственность и одновременно заявлять, что ценит цивилизацию. Их история неразделима»¹¹. Современная антропология подтверждает тот факт, что «частная собственность очень определенно возникает на примитивных стадиях» и что «укорененность собственности как правового принципа, который определяет материальные отношения между человеком и его окружением, естественным

---

⁸ О роли собственности в американской традиции свободы см.: *Freund P.A. On Understanding the Supreme Court: A Series of Lectures Delivered under the Auspices of the Julius Rosenthal Foundation at Northwestern University School of Law, in April 1949 / 3rd ed. Boston: Little, Brown and Co., 1951. P. 14 ff.*

⁹ Выражение «раздельная собственность» (*several property*), использованное сэром Генри Мэйном (*Maine H. Village Communities in the East and West: Six Lectures Delivered at Oxford to which are added Other Lectures, Addresses, and Essays. New York: H. Holt and Co., 1880. P. 230*), во многих отношениях более удачно, чем привычное словосочетание «частная собственность», и время от времени мы будем заменять им последнее.

¹⁰ *Acton J. Nationality // Acton. History of Freedom. P. 297 [Актон. Очерки становления свободы. С. 135].*

¹¹ *Maine H. Village Communities in the East and West. New York: H. Holt and Co., 1880. P. 230.*

и искусственным, является совершенно необходимым условием любой упорядоченной — в культурном смысле — деятельности»¹².

Однако в современном обществе существенным условием защищенности индивида от принуждения служит не то, что он владеет собственностью, а то, что материальные средства, необходимые для осуществления его плана деятельности, не находятся под чьим-либо исключительным контролем. Одно из достижений современного общества заключается в том, что свободным может быть человек, не имеющий практически никакой собственности (за исключением личных вещей, вроде одежды, — но даже это можно брать на прокат)¹³, и что мы можем предоставить другим заботу о собственности, которая служит нашим нуждам. Важно, чтобы собственность была достаточно рассредоточена, чтобы индивид не зависел от отдельных людей, которые были бы единственными, кто может предоставить то, что удовлетворяет его нужды, или были бы для него единственными работодателями.

То, что собственность других людей может быть полезной для достижения наших целей, связано с возможностью обеспечить принуждение к выполнению договоров (*enforcibility of contracts*). Сеть создаваемых договорами прав — столь же важная часть нашей защищенной сферы и такая же основа наших планов, как и всякая наша собственность. Решающим условием взаимовыгодного сотрудничества между людьми, опирающегося на добровольное согласие, а не на принуждение, является наличие множества людей, способных помочь нам в достижении наших целей, так что никто не связан зависимостью от отдельных людей в том, что касается удовлетворения основных жизненных потребностей или возможности развития в том или ином направлении. Благодаря конкуренции, которую сделало возможной рассредоточение собственности, индивидуальные владельцы конкретных вещей лишаются всякой возможности осуществлять принуждение.

Ввиду широко распространенного непонимания известной максимы¹⁴ следует заметить, что мы не зависим от воли тех, в чьей помощи нуждаемся,

---

¹² *Malinowski B.* Freedom and Civilization. New York: Roy Publishers, 1944. P. 132–133.

¹³ Я не хочу сказать, что это предпочтительная форма существования. Тем не менее немаловажно, что сегодня заметная часть людей, во многом определяющих общественное мнение, таких как журналисты и писатели, нередко на протяжении долгого времени обходятся минимумом личного имущества, и это, несомненно, влияет на их мировоззрение. Похоже, что некоторые люди, которые располагают доходом, позволяющим покупать все необходимое, даже стали считать материальное имущество помехой, а не подспорьем.

¹⁴ «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству в своем лице и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» (*Kant I.* Critique of Practical Reason / Ed. by L.W. Beck. Chicago: University of Chicago Press, 1949. P. 87 [*Kant И.* Основоположения метафизики нравов // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 205]). Если это означает, что ни одного человека нельзя принуждать делать то, что полезно лишь для достижения целей других людей, то это всего лишь еще один способ сказать о необходимости избегать принуждения. Но если интерпретировать эту максиму в том смысле, что, сотрудничая с другими, мы должны руководствоваться не только собственными, но также их целями, то, как только мы будем не согласны с их целями, неизбежно возникнет конфликт с их свободой. В качестве примера такой интерпретации см.: *Clark J.M.* The Ethical Basis of Economic Freedom: Kazanjian Foundation Lecture. Westport, CT: C.K. Kazanjian Economics Foundation, 1955. P. 26; а также немецкую литературу, которая рас-

потому что они оказывают нам услуги ради достижения собственных целей и обычно мало интересуются пользой, которую мы извлекаем из их услуг. Мы слишком зависели бы от убеждений окружающих, если бы они были готовы продавать нам свою продукцию, только когда одобряют наши цели, а не ради собственной выгоды. Именно благодаря тому, что в повседневных экономических взаимодействиях мы — всего лишь безличное средство для окружающих, которые помогают нам исключительно в собственных целях, у нас есть возможность рассчитывать на помощь совершенно незнакомых людей и использовать ее так, как нам заблагорассудится¹⁵.

Институты собственности и контракта необходимы для разграничения частных сфер индивидов везде, где ресурсы или услуги, нужные для достижения их целей, редки и потому обязательно находятся под контролем того или иного человека. Но если это и так в отношении большинства выгод, которые нам приносят усилия людей, в некоторых случаях это неверно. Некоторые виды услуг, такие как канализация или дороги, если уж они произведены, то обычно их хватает для всех, кто в них нуждается. Предоставление подобных услуг издавна было признанной областью общественных усилий, и право доступа к ним — важный элемент защищенной сферы индивида. Стоит только вспомнить, какую роль гарантированный «доступ к Королевской дороге (Via Reggia)» сыграл в истории, чтобы понять, насколько важными могут быть такие права для свободы индивида.

Мы не можем перечислять здесь все права или защищенные интересы, которые имеют целью гарантировать человеку как субъекту права известную сферу беспрепятственной деятельности. Но поскольку современный человек стал несколько менее восприимчивым к подобным вещам, следует, пожалуй, упомянуть, что в периоды свободы признаваемая защищенной индивидуальная сфера обыкновенно включает право на личное пространство (*privacy*) и сохранение тайны, концепцию «мой дом — моя крепость»¹⁶ и то, что никто не имеет права выведывать, что человек делает у себя дома.

7. Характер этих абстрактных и общих правил, которые появились в результате эволюции для ограничения принуждения со стороны как других людей, так и государства, будет предметом следующей главы. Сейчас же мы кратко обсудим, каким образом угрозу принуждением — единственное

смаатривается в работе, процитированной в следующем примечании [*Engels F.* Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie / 5th ed. Stuttgart: J.H.W. Dietz, 1910; *Cohen H.* Ethik des reinen Willens. Berlin: B. Cassirer, 1904. P. 303 et seq. — *Ред.*].

¹⁵ *Mises L. von.* Socialism. New Heaven: Yale University Press, 1951. P. 194, 430–441 [*Мизес Л. фон.* Социализм. М.: Catallaxy, 1993. С. 142–143, 313–316].

¹⁶ Ввиду частых утверждений об отсутствии индивидуальной свободы в Древней Греции стоит упомянуть, что в Афинах V века до н.э. неприкосновенность частного жилища признавалась настолько, что даже в период правления Тридцати тиранов человек «мог спасти свою жизнь, оставаясь дома» (см.: *Jones J.W.* The Law and Legal Theory of the Greeks: An introduction. Oxford: Clarendon Press, 1956. P. 91, со ссылкой на Демосфена, XXIV, 52).

средство, с помощью которого государство может предотвратить принуждение одним индивидом другого, — лишить наиболее опасных и нежелательных свойств.

Угроза принуждением производит совсем иное действие, чем реальное и неизбежное принуждение, если она относится только к известным обстоятельствам, которых потенциальный объект принуждения может избежать. Большая часть угроз принуждением, которые должно применять свободное общество, относится именно к этой разновидности. Большинство правил, соблюдение которых оно обеспечивает принуждением, особенно в области частного права, не требует от частного человека (в отличие от государственного служащего) выполнения каких-либо особых действий. Правовые санкции предназначены для того, чтобы удержать человека от совершения определенных поступков или заставить его соблюдать добровольно взятые на себя обязательства.

Если я заранее знаю, что, поставив себя в определенное положение, я подвергнусь принуждению, и если я в состоянии сделать так, чтобы не оказаться в этом положении, тот тут и речи не идет о том, что меня принуждают. В той мере, в какой правила, предусматривающие применение принуждения, не направлены лично против меня, а сформулированы так, что одинаково применимы ко всем людям, оказавшимся в сходных ситуациях, они ничем не отличаются от природных препятствий, которые влияют на мои планы. Законы государства говорят мне, что произойдет, *если* я сделаю то или это, и поэтому имеют для меня то же значение, что и законы природы; и я могу использовать свое знание законов государства для достижения своих целей так же, как я использую свое знание законов природы.

8. Конечно, в некоторых отношениях государство использует принуждение, чтобы заставить нас осуществить определенные действия. Важнейшие из них — уплата налогов и разные повинности, особенно служба в армии. Хотя предполагается, что избежать их нельзя, эти повинности, по крайней мере, предсказуемы и человек должен их выполнять независимо от того, как бы он потратил свои силы и время в противном случае; и это во многом лишает их негативных свойств принуждения. Если известная необходимость уплаты определенной суммы в виде налогов становится основой всех моих планов, а период службы в армии — предсказуемой частью моей карьеры, то я могу следовать общему плану своей жизни и так же независимо от воли другого человека, как и все люди, научившиеся жить в обществе. Хотя, несомненно, обязательная воинская служба, когда ты ее несешь, включает суровое принуждение и хотя про пожизненного рекрута никогда нельзя сказать, что он свободен, краткий и предсказуемый период службы в армии, безусловно, меньше ограничивает возможности самому формировать собственную жизнь, чем, например, постоянная угроза ареста, которую произвольная власть применяет для обеспечения того, что она считает хорошим поведением.

Вмешательство принуждающей государственной власти в нашу жизнь создает больше всего помех, когда его нельзя ни предотвратить, ни предсказать. Когда такое принуждение оказывается необходимым даже в свободном обществе — например, в тех случаях, когда нас привлекают к участию в суде в качестве присяжных заседателей или к службе в качестве особого констебля (*special constable*), последствия этого смягчаются тем, что ни один человек не наделяется властью принуждать по собственному произволу. Вместо этого решение о том, на кого именно ложится эта повинность, принимается на основе случайного процесса, такого как вытягивание жребия. Эти непредсказуемые акты принуждения, порождаемые непредсказуемыми событиями, но подчиняющиеся известным правилам, затрагивают нашу жизнь, как и все прочие «вмешательства Бога», но не ставят нас в зависимость от произвола другого человека.

9. Является ли предотвращение принуждения единственным оправданием того, что государство использует угрозу принуждения? Мы могли бы, вероятно, включить в понятие принуждения все формы насилия или, по крайней мере, согласиться, что успешное предотвращение принуждения будет подразумевать предотвращение всех видов насилия. Однако остается еще один вид вредных действий, предотвращение которого принято считать желательным и который на первый взгляд может показаться стоящим особняком. Это обман и мошенничество. Хотя назвать их «принуждением» было бы натяжкой, после некоторого размышления становится ясно, что причины, по которым мы хотели бы их предотвращения, те же самые, что и в случае принуждения. Мошенничество, как и принуждение, — это форма манипулирования данными, на которые рассчитывает человек, с целью заставить его сделать то, что хочет жулик. Если последний достигает успеха, то обманутый точно так же оказывается невольным орудием, служащим исключительно целям другого. Хотя у нас нет одного слова для обозначения всех трех видов действий, все, сказанное выше о принуждении, равным образом применимо к мошенничеству и обману.

С этой поправкой, как представляется, можно принять, что свобода требует не более чем предотвращения принуждения и насилия, обмана и мошенничества, но допускает применение принуждения государством с единственной целью обеспечить соблюдение известных правил, предназначенных для создания наилучших условий, в которых индивид может организовать свою деятельность в соответствии с рациональным и внутренне согласованным паттерном.

Проблема пределов принуждения отличается от вопроса о надлежащих функциях государства. Задачи государства никоим образом не сводятся к применению принуждения. Действительно, услуги государства обычно финансируются с помощью мер принуждения. Средневековое государство, которое финансировало свою деятельность главным образом за счет дохода от своей собственности, могло предоставлять услуги, не прибегая к принуждению. Однако в современных условиях вряд ли можно реализовать

на практике требование, чтобы государство предоставляло такие услуги, как забота о немощных и нетрудоспособных, строительство и содержание дорог или предоставление информации, не прибегая к использованию своей принуждающей власти для их финансирования.

Не приходится ожидать, что когда-либо будет достигнуто полное согласие о желательности того или иного объема производства таких услуг, и далеко не очевидно, что принуждение людей к участию в достижении целей, в которых они не заинтересованы, может быть морально оправданным. Однако в известной мере большинство из нас находит выгодным делать такого рода взносы, поскольку понимает, что и мы в свою очередь выигрываем от аналогичных взносов, которые делают другие в достижение наших целей.

Если оставить в стороне вопрос о налогах, то, вероятно, желательно, чтобы в качестве оправдания принуждения со стороны государства мы приняли одну лишь необходимость предотвращения более жесткого принуждения. Этот критерий, по-видимому, не может быть применен к каждому отдельному положению законодательства, но только к правовой системе в целом. Например, защита частной собственности как предохранительный механизм против принуждения может потребовать особых мер, которые сами по себе не служат уменьшению принуждения, а просто гарантируют, что частная собственность не создает неоправданных помех действиям, не наносящим вреда собственнику. Но вся концепция вмешательства или невмешательства государства опирается на посылку о наличии частной сферы, демаркируемой на основании общих правил, соблюдение которых обеспечивается государством; и реальный вопрос заключается в том, следует ли государству ограничить свои принуждающие действия только теми, что обеспечивают соблюдение этих правил, или оно должно делать что-то еще.

Часто предпринимаются попытки — например, одна из них была сделана Джоном Стюартом Миллем¹⁷ — определить защищаемую от принуждения частную сферу в терминах различия между действиями, которые затрагивают лишь самого действующего человека, и такими, которые затрагивают еще и других. Но поскольку вряд ли возможно действие, совсем не затрагивающее других, это различие оказалось не слишком полезным. Оно становится значимым лишь благодаря очерчиванию защищаемой сферы каждого индивида. Его целью не может быть защита людей от всех действий других, которые могут нанести им ущерб¹⁸, а только лишь обе-

---

¹⁷ Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. Ch. 4. P. 66–83 [*Милль Дж.С.* О свободе. Гл. 4 // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 353–372].

¹⁸ См.: «Есть много таких случаев, когда индивидуум, преследуя совершенно законную цель, неизбежно, а следовательно, и законно причиняет вред или ущерб другим или препятствует им достигнуть блага, на которое они имели основание надеяться» (Ibid. P. 84 [Там же. С. 372–373]). Ср. также сбивающую с толку первоначальную формулировку, содержащуюся во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года: «La liberté

спечение того, чтобы данные, на основании которых они планируют свои действия, находились вне контроля других. В определении, где должны быть проведены границы защищенной сферы, важный вопрос заключается в том, действительно ли поступки других людей, которые мы хотели бы предотвратить, разрушают обоснованные ожидания защищаемого человека.

В частности, удовольствие или страдание, которые может принести знание о действиях других людей, не должно рассматриваться как правомерное основание для принуждения. Например, обеспечение соблюдения религиозных требований было легитимной целью государства в то время, когда люди верили в коллективную ответственность общины перед неким божеством и думали, что за грехи одного будут наказаны все. Но там, где частные практики не могут затронуть никого, кроме сделавших добровольный выбор взрослых участников, простое неодобрение того, что они делают, или даже знание о том, что своими действиями они наносят себе вред, не является легитимным основанием для принуждения¹⁹.

Мы убедились, что потенциал открытия новых возможностей, постоянно создаваемый ростом цивилизации, есть один из главных аргументов в пользу свободы; поэтому аргументация в пользу свободы лишилась бы всякого смысла, если бы — из-за зависти со стороны других²⁰ или из-за их неприязни ко всему, что вносит смуту в привычный им ход мыслей, — нам пришлось отказаться от определенных видов деятельности. Хотя есть, несомненно, основания для того, чтобы обеспечивать соблюдение правил поведения в публичных местах, сам факт, что действие неприятно кому-либо из тех, кто узнал о нем, не может быть достаточным основанием для его запрета.

Вообще говоря, это означает, что внутри защищенной частной сферы государство не должно осуществлять принуждающий контроль за тем, морально действие или нет. Возможно, одна из важнейших характеристик, отличающих свободное общество от несвободного, — то, что в вопросах поведения, не затрагивающего напрямую защищенную сферу других, правила, которым фактически следует большинство, носят добровольный характер, а их соблюдение не обеспечивается мерами принуждения. Недавний опыт

---

consiste a pouvoir faire tout ce qui ne nuit pas à autrui» [«Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому»] с корректной формулировкой статьи VI Декларации прав человека 1793 года: «La liberté est le pouvoir qui appartient à l'homme de faire tout ce que ne nuit pas aux droits d'autrui» [«Свобода есть присущая человеку возможность делать все, что не причиняет ущерба правам другого»].

¹⁹ В нашем обществе самый яркий пример этого — его отношение к гомосексуализму. Как заметил Бертран Рассел: «Если бы все еще верили, как встарь, что терпимость к такому поведению навлечет на общество судьбу Содома и Гоморры, общество имело бы полное право вмешаться» (*Russel B. John Stuart Mill // Proceedings of the British Academy. 1955. Vol. 41. P. 55*). Но когда подобные представления о мире перестали господствовать, такая практика, осуществляемая в частной сфере взрослыми людьми, даже если большинство относится к ней негативно, не может быть основанием для применения принуждения со стороны государства, целью которого является минимизация принуждения.

²⁰ *Crosland C.A.R. The Future of Socialism. London: Jonathan Cape, 1956. P. 206.*

с тоталитарными режимами ярко продемонстрировал значение принципа «никогда не отождествлять основания нравственных ценностей с основаниями государства»²¹. Вполне вероятно, что люди, без колебаний решавшие применить принуждение для искоренения зла, причинили больше вреда и страданий, чем люди, намеренно причинявшие зло.

10. Однако тот факт, что поведение внутри частной сферы не является подходящим объектом для принудительных действий со стороны государства, не означает, что в свободном обществе такое поведение не подлежит давлению общественного мнения или порицанию. Сто лет назад, в более строгой моральной атмосфере Викторианской эпохи, когда принуждение со стороны государства в то же время было минимальным, Джон Стюарт Милль направил против такого «морального принуждения» свою самую мощную атаку²². В этой борьбе за свободу он, пожалуй, перегнул палку. В любом случае для большей ясности, вероятно, лучше не описывать термином «принуждение» то давление, посредством которого общество, выказывая одобрение или порицание, добивается подчинения моральным правилам и условностям.

Мы уже видели, что принуждение — это в конечном итоге вопрос степени и что принуждение, которое государство должно предотвращать и которым должно угрожать ради свободы, — только принуждение в его наиболее жестоких формах — такое, угрожая которым можно удержать средней силы человека от стремления к важной для него цели. Независимо от того, хотим ли мы называть принуждением те более мягкие формы давления, которое общество использует против неконформистов, не может быть

---

²¹ Цитируемое высказывание приписывают Иньяцио Силоне [*Silone I. On the Place of the Intellect and the Pretensions of the Intellectual // Horizon: A Review of Literature and Art. December 1947. Vol. 16. P. 323; переиздано: Idem. The Intellectuals: A Controversial Portrait. Glencoe, IL: The Free Press, 1960. P. 264. — Ped.*]. См. также: «Когда государство пытается реализовать нравственные цели напрямую — это дегенерация, это философская и бюрократическая гордыня, потому что только общество может и в состоянии сделать это» (*Burkhardt J. Reflections on History. P. 118*); «Принуждение ради добродетели столь же отвратительно, как и принуждение ради порока. Если американские либералы не желают выступить против принципа принуждения в случае запрета на продажу спиртных напитков, так как им лично почти все равно, трезва страна или нет, то им не будет доверия тогда, когда они начнут бороться против принуждения в тех случаях, когда им будет *не все равно*» (*Stearns H. Liberalism in America: Its Origins, Its Temporary Collapse, Its Future. New York: Boni and Liveright, 1919. P. 69*). Типичное для социалистов отношение к этим проблемам наиболее четко выражено в работе Роберта Холла, где утверждается (по поводу обязанности наращивать капитал страны): «Тот факт, что необходимо использовать такие слова, как „моральная обязанность“ и „долг“, показывает, что здесь речь не идет о точном расчете и что здесь мы имеем дело с решениями, которые не только могут, но и должны быть приняты обществом в целом, иными словами, с политическими решениями» (*Hall R.L. The Economic System in a Socialist State. London: Macmillan, 1937. P. 202–203*). О том, как консерваторы обосновывают использование политической власти для обеспечения соблюдения моральных принципов, см.: *Berns W. Freedom, Virtue, and the First Amendment. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1957*.

²² *Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by Ronald Buchanan McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. Ch. 3. P. 49–66 [Милль Дж.С. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. Гл. III. С. 335–341].*

сомнений в том, что эти моральные правила и условности, обладающие меньшей сдерживающей силой, чем закон, играют важную и даже незаменимую роль и, возможно, делают для облегчения жизни людей в обществе не меньше, чем строгие правила закона. Мы знаем, что они будут соблюдаться только в целом, не везде и не всегда, но знание о них тем не менее дает полезные ориентиры и уменьшает неопределенность. Хотя уважение к подобным правилам не мешает людям время от времени вести себя предосудительным образом, оно ограничивает такое поведение случаями, когда человеку по-настоящему важно пренебречь правилами. Иногда эти не поддерживаемые принуждением правила представляют собой экспериментальный вариант того, что позднее в модифицированной форме может превратиться в закон. Но намного чаще они образуют гибкую основу более или менее неосознаваемых привычек, которыми люди руководствуются в большинстве действий. В целом эти условности и нормы социальных взаимодействий и индивидуального поведения не создают серьезных помех индивидуальной свободе, но обеспечивают определенный минимум единообразия поведения, что скорее помогает человеку в его усилиях, чем мешает ему.

Закон, приказы и порядок

*Порядок — это не давление, оказываемое на общество
извне, а равновесие, устанавливаемое изнутри.*

— Х. Ортега-и-Гасет

1. «Правило, посредством которого устанавливается неделимая пограничная линия, за которой бытие и деятельность каждого индивида получают защищенное и свободное пространство, есть закон»¹. Именно так один из величайших ученых прошлого столетия сформулировал основополагающую идею закона свободы. Это представление о законе, и сделавшее его основой свободы, было с тех пор по большей части утрачено. Основной целью этой главы будет восстановить и сделать более точной концепцию

— «Orden no es una presión que desde fuera se ejerce sobre la sociedad, sino un equilibrio que se suscita en su interior». Эпиграф взят из работы: *Ortega y Gasset J. Mirabeau o el político* [1927] // Idem. Obras completas. Madrid; Revista de Occidente, 1947. Vol. 3. P. 603; Ср.: «Закон — это не свод приказов, навязанных обществу извне властью единоличного правителя или владыки либо суверенным собранием, составленным из представителей общества. Во все времена он существует как один из элементов общества, возникающий непосредственно из традиций и обычаев. Поэтому он представляет собой бессознательное творение общества или, иными словами, результат роста» (*Carter J.C. The Ideal and the Actual in the Law* // Report of Thirteenth Annual Meeting of the American Bar Association. Philadelphia: Dando Publishing Co., 1890. P. 21). О Картере, на которого оказали влияние Лютер Стернс Кушинг и Фридрих Карл фон Савиньи, см.: *Aronson M.J. The Juridical Evolutionism of James Coolidge Carter* // University of Toronto Law Journal. 1953. Vol. 10. P. 1–53. Акцент нам том, что закон предшествует государству — организованной попытке создать и провести его в жизнь, — восходит по меньшей мере к Давиду Юму (см. его «Трактат о человеческой природе», кн. 3, ч. 2).

¹ *Savigny F.C. von. System der heutigen römischen Rechts*. Berlin: Veit und Comp., 1840. Vol. 1. P. 331–332. Прочитанный в тексте отрывок представляет собой сжатую суть нескольких предложений, заслуживающих того, чтобы быть приведенными здесь полностью: «Der Mensch steht inmitten der äusseren Welt, und das wichtigste Element in dieser seiner Umgebung ist ihm die Berührung mit denen, die ihm gleich sind durch ihre Natur und Bestimmung. Sollen nun in solcher Berührung freie Wesen neben einander bestehen, sich gegenseitig fördernd, nicht hemmend, in ihrer Entwicklung, so ist dieses nur möglich durch Anerkennung einer unsichtbaren Grenze, innerhalb welcher das Dasein und die Wirksamkeit jedes Einzelnen einen sichern, freien Raum gewinne. Die Regel, wodurch jene Grenze und durch die dieser freie Raum bestimmt wird, ist das Recht. Damit ist zugleich die Verwandtschaft und die Verschiedenheit zwischen Recht und Sittlichkeit gegeben. Das Recht dient der Sittlichkeit, aber nicht indem es ihr Gebot vollzieht, sondern indem es die freie Entfaltung ihrer, jedem einzelnen Willen inwohnenden Kraft sichert. Sein Dasein aber ist ein selbstständiges, und darum ist es kein Widerspruch, wenn im einzelnen

закона, на которой был воздвигнут идеал свободы в рамках закона, открывший возможность говорить о праве как о «науке о свободе»².

Жизнь человека в обществе, и даже социальных животных в группе, возможна благодаря тому, что отдельные особи действуют в соответствии с определенными правилами³. С развитием интеллекта эти правила имеют тенденцию превращаться из бессознательных привычек в явные и артикулированные формулировки, становясь в то же самое время более общими и абстрактными. Наше знакомство с институтами права мешает нам видеть, насколько тонкое и сложное приспособление — осуществляемая посредством абстрактных правил демаркация индивидуальных сфер. Если бы она была преднамеренно сконструирована, то заслужила бы место в ряду величайших изобретений человечества. Но она, конечно же, не была изобретением какого-то одного ума, как язык, деньги или большинство практик и обычаев, на которые опирается социальная жизнь⁴.

Что-то вроде разграничения индивидуальных пространств с помощью правил проявляется даже в животных сообществах. Некоторая степень порядка, предотвращающая слишком частые драки, ситуации, в которых один мешает искать еду другому, и т.п., часто возникает из того факта, что чем больше удаляешься от своего логова, тем меньше ты готов вступать в схватку. Поэтому, когда двое встречаются на какой-то промежуточной территории, один обычно отступает без настоящей пробы сил. Таким образом, пространство, принадлежащее каждому из них, определяется не проведением конкретной границы, а соблюдением правила — правила, которое, разумеется, как таковое не известно ни одному из животных, но соблюдается на практике. Этот пример показывает, что даже подобные бессознательные привычки

Fall die Möglichkeit unsittlicher Ausübung eines wirklich vorhandenen Rechts behauptet wird» (правописание приведено в соответствие с современными нормами) [«Человек существует в окружающем мире, и самое важное для него в этой среде — взаимодействие с теми, кто подобен ему по природе и назначению. И если это взаимодействие — свободных субъектов, поддерживающих друг друга, а не препятствующих друг другу в развитии, то мы должны признать незримые границы, которые окружают каждого из нас и внутри которых наша истинная природа и результативность обретают гарантированное свободное пространство. Правила, посредством которых устанавливаются упомянутые границы и возникает свободное пространство, суть право. В этом обстоятельстве заключено родство и одновременно различие права и морали. Право служит морали, но конечное его назначение в другом: оно обеспечивает свободное развитие движущей силы, составляющей основу индивидуальной воли. И поскольку право есть нечто самостоятельное, то не является противоречием утверждение, что в некоторых случаях возможно не-моральное использование существующего права»]. См. также: «Правило справедливости определяет сферу свободы стремящегося к собственному благосостоянию индивида, причем таким образом, чтобы удерживать эту свободу в границах, согласующихся с общим благосостоянием человечества» (*Salmond J.W. Salmond on Jurisprudence* / 11th ed.; ed. by Glanville L.W. London: Sweet and Maxwell, 1957. P. 63).

² «Право в самом общем смысле слова — это наука о свободе» (*Beudant C. Le Droit individuel et l'État: Introduction à l'étude du droit*. Paris: A. Rousseau, 1891. P. 5).

³ Ряд весьма содержательных объяснений роли правил в детерминации социальных структур можно найти в работах Ричарда Стэнли Питерса, особенно: *Peters R.S. The Concept of Motivation*. London: Routledge and Kegan Paul, 1958; а также в книге, которую он написал совместно со Стэнли Бенном: *Benn S.I., Peters R.S. Social Principles and the Democratic State*. London: Allen and Unwin, 1959.

⁴ См.: *Menger C. Untersuchungen*. Appendix 8. P. 271–287 [*Менгер К. Избранные работы. Приложение VIII*. С. 479–492].

не обходятся без определенного рода абстракции: такое универсальное условие, как расстояние от дома, определяет реакцию одного индивида при встрече с другим. Если мы попытаемся дать определение любому из подлинно социальных обычаев, делающих возможной жизнь животных в группе, многие из них нам придется сформулировать в виде абстрактных правил.

То, что такие абстрактные правила регулярно соблюдаются в жизни, не означает, что они известны индивиду, то есть что тот, кто им следует, может их сообщить другому. Абстрагирование происходит всякий раз, когда индивид одинаково реагирует на ситуации, которые объединяет лишь несколько характерных черт⁵. В этом смысле люди в целом следуют абстрактным правилами задолго до того, как могут сформулировать их⁶. Даже когда они обрели способность сознательно оперировать абстракциями, их осознанное мышление и поведение, вероятно, по-прежнему направляются множеством таких абстрактных правил, которым они подчиняются, хотя и не в силах их сформулировать. Таким образом, если правило и соблюдается в деятельности в общем случае, это не исключает того, что его еще предстоит открыть и сформулировать словесно.

2. Природа тех абстрактных правил, которые мы именуем «законами» в строгом смысле слова, лучше всего видна в противопоставлении с особыми и конкретными приказами. Если мы возьмем слово «приказ» в его самом широком смысле, то общие правила, направляющие поведение человека, также могут рассматриваться как приказы. Законы и приказы отличаются

---

⁵ «Абстракция» встречается не только в форме словесного высказывания. Она проявляется также в том, как мы сходным образом реагируем на каждое событие, принадлежащее к некоему классу, хотя эти события могут быть очень разными во многих отношениях, и в том, какие чувства пробуждают в нас эти события и как направляют наши действия, будь это чувство справедливости, морального или эстетического одобрения или неодобрения. Кроме того, здесь, вероятно, всегда присутствуют более общие принципы, руководящие нашим умом, которые мы не в силах сформулировать, хотя именно они направляют наше мышление, — законы структуры мышления, слишком общие, чтобы можно было их сформулировать в рамках этой структуры. Даже когда мы говорим об абстрактных правилах, направляющих решения, речь не обязательно идет о правилах, выраженных в словах, но о таких, которые только могли бы быть сформулированы. В связи со всеми этими проблемами см. мою книгу: *Hayek F.A. The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology*. London; Chicago, 1952; и мою статью: *Idem. Rules, Perception, and Intelligibility* // *Proceeding of British Academy*. 1962. Vol. 48. P. 321–344 [переиздана: *Idem. Studies in Philosophy, Politics, and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 43–65]; см. также:

Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. London: A. Millar and T. Caddel, 1767. P. 38–46.
⁶ См.: «Австралийский абориген, например, с легкостью скажет, каким термином родства он обозначает того или иного своего соплеменника или с кем из них он вправе вступать в те или иные отношения. Однако ему чрезвычайно трудно будет выразить то общее правило, по отношению к которому эти конкретные элементы поведения являются всего лишь иллюстрациями, несмотря на то что этот абориген все время действует так, как будто оно правило прекрасно ему известно. В некотором смысле оно, действительно, хорошо ему известно. Но это знание недоступно для сознательного оперирования в терминах словесных символов. Это, скорее, ощущение почти неуловимых оттенков тончайших отношений, осуществленных в реальном опыте и потенциально возможных» (*Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality* / Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1949. P. 548 [*Cenup Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе* // Он же. Избранные работы по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 599]).

от утверждений о фактах одним и тем же образом, а потому принадлежат к одной логической категории. Но общее правило, которому подчиняется каждый, — в отличие от собственно приказа, — не обязательно предполагает, что есть человек, его издавший. Оно отличается от приказа также общим и абстрактным характером⁷. Степень общности и абстрактности образует непрерывный ряд в диапазоне от приказа, предписывающего человеку сделать нечто определенное здесь и сейчас, до инструкции, устанавливающей, что в таких-то и таких-то условиях его действия должны отвечать определенным требованиям. В своей идеальной форме закон может быть описан как приказ, издаваемый «раз и навсегда», который обращен к неизвестным людям и, абстрагируясь от всех частных обстоятельств места и времени, относится только к таким условиям, которые могут возникнуть когда угодно и где угодно. Тем не менее целесообразно не смешивать законы и приказы, хотя надо признать, что законы, по мере того как их содержание делается более конкретным, мало-помалу переходят в приказы.

Важное различие между этими двумя понятиями заключается в следующем: при переходе от приказов к законам источник решения о том, какое именно действие следует предпринять, все больше смещается от того, кто издает закон или приказ, к действующему лицу. Приказ как идеальный тип однозначно определяет действие, которое следует выполнить, и не оставляет исполнителям ни малейшего шанса использовать собственные знания или следовать своим склонностям. Действия, совершаемые в соответствии с такими приказами, служат исключительно целям того, кто его издал. В противоположность этому закон как идеальный тип просто предоставляет дополнительную информацию, которую тот, кто действует, должен учитывать при принятии решения.

То, как цели и знание, направляющие отдельное действие, распределены между властью и исполнителем, является, таким образом, самым важным различием между общими законами и конкретными приказами. Иллюстрацией могут послужить разные способы, какими вождь примитивного племени или глава семьи регулирует деятельность тех, кто ему подчиняется. Одной крайностью будет ситуация, в которой он полагается исключительно на точные приказы и его подданным не разрешено действовать иначе, чем приказано. Если вождь в каждом случае предписывает каждую деталь действия, его люди будут простыми орудиями, лишенными возможности использовать собственные знания и суждения, так что будут преследоваться только цели, выбранные вождем, и использоваться только

---

⁷ Трактовка закона как разновидности приказа (идущая от Фрэнсиса Бэкона, Томаса Гоббса и Джона Остина) первоначально должна была подчеркнуть логическое сходство двух этих типов высказываний в отличие, скажем, от констатаций факта. Однако это не должно, как часто бывает, заслонять от нас существенные различия. См., например, работу: *Olivecrona K. Law as Fact*. Copenhagen: E. Munksgaard, 1939, где законы характеризуются как «независимые императивы», которые не являются «ничьими приказами, хотя их языковая форма характерна для приказов» (с. 43); см. также: *Wollheim R. The Nature of Law* // *Political Studies*. 1954. Vol. 2. P. 128–141.

то знание, которым он обладает. Однако в большинстве случаев для достижения его целей будет более выгодно давать всего лишь общие инструкции, касающиеся видов действий, которые следует выполнить, или целей, которых следует достичь в то или иное время, а в остальном предоставлять индивидам возможность определять детали в соответствии с обстоятельствами, то есть в соответствии с их знанием. Такие общие инструкции представляют собой уже своего рода правила, и осуществляемая в соответствии с ними деятельность будет направляться отчасти знанием, которое есть у вождя, а отчасти тем, которое есть у действующих лиц. Именно вождь решает, каких результатов достичь, в какой момент времени, кем и, возможно, какими средствами; но решения о том, каким именно образом будут получены соответствующие результаты, будут принимать ответственные исполнители. Так, слуги в большом доме или работники завода почти все время заняты рутинной, исполняя действующие правила, постоянно приспособляясь к разным обстоятельствам и только время от времени получая особые указания.

В подобных ситуациях цели, к которым направлена вся эта активность, — по-прежнему цели вождя. Однако он может позволить членам группы преследовать, в определенных границах, и собственные цели. Это предполагает, что указываются средства, которые каждый может использовать в собственных целях. Такая аллокация средств может иметь форму выделения конкретных вещей или периодов времени, которые индивид может использовать для достижения своих целей. Этот перечень прав каждого может быть изменен только особыми приказами вождя. Либо же сфера свободной деятельности каждого индивида может определяться и изменяться в соответствии с общими правилами, заранее устанавливаемыми на более длительные периоды, и такие правила могут дать каждому человеку возможность собственными действиями (например, производя обмен с другими членами группы или заработав премию, установленную вождем за заслуги) изменять или формировать ту сферу, внутри которой он может действовать в соответствии с собственными намерениями. Таким образом, из демаркированной на основе правил частной сферы возникает право, подобное праву собственности.

3. Аналогичный переход от специфического и конкретного ко все более общему и абстрактному мы находим также в эволюции от правил, устанавливаемых обычаем, к праву в современном смысле. В сравнении с законами общества, культивирующего личную свободу, правила поведения в примитивном обществе относительно конкретны. Они не просто устанавливают границы, внутри которых индивид может сам определять собственные действия, но и зачастую точно предписывают, каким именно путем он должен двигаться к достижению конкретных результатов или что он должен делать в определенном месте и в определенное время. В них выражение фактического знания о том, что определенные эффекты можно получить, следуя конкретной процедуре, еще не отделено от требования следовать

в соответствующих условиях именно этой процедуре. Вот лишь один иллюстративный пример: правила, которые соблюдает представитель народа банту, когда он движется между четырнадцатью хижинами своей деревни по строго предписанным — в соответствии с его возрастом, полом или статусом — линиям, сильно ограничивают его возможности выбора⁸. Хотя он подчинен не воле другого человека, а безличному обычаю, необходимость соблюдать ритуал при движении к тому или иному пункту ограничивает его выбор метода больше, чем это необходимо для обеспечения равной свободы для всех остальных.

«Принуждение обычаем» становится препятствием только тогда, когда привычный способ делать то или иное дело перестает быть единственным известным индивиду, так что у него появляется возможность помыслить другие способы достижения желаемого. Главным образом в связи с ростом индивидуального интеллекта и склонности отказываться от привычного способа действий возникла необходимость сформулировать в явном виде или переформулировать правила и постепенно перейти от позитивных предписаний к преимущественно негативному ограничению спектра действий, чтобы они не были вторжением в равно признанные личные сферы других.

Переход от специфичного обычая к закону даже лучше, чем переход от приказа к закону, иллюстрирует то, что, за отсутствием лучшего термина, мы назвали «абстрактным характером» подлинного закона⁹. Его общие и абстрактные правила устанавливают, что при определенных обстоятельствах действие должно удовлетворять некоторым условиям, но при этом все разнообразные виды действий, удовлетворяющие этим условиям, дозволены. Правила лишь обеспечивают рамки, в которых должен двигаться индивид, но внутри них решения принимает он сам. Если затрагиваются его отношения с другими частными лицами, запреты имеют почти исключительно негативный характер, если только тот человек, к которому относятся эти правила, сам собственными действиями не создал условий, из которых вытекают позитивные обязательства. Запреты инструментальны, они — средства, предоставленные в его распоряжение, благодаря им

---

⁸ Этот пример я заимствовал из работы: *Ortega y Gasset J. Del imperio romano* [1940] // *Idem. Obras completas*. Madrid, 1947. Vol. 6. P. 76, а он, предположительно, взял его у какого-то антрополога.

⁹ Если бы не опасность путаницы с другими значениями этих терминов, лучше было бы говорить о «формальных», а не об «абстрактных» законах, в том же смысле, в каком термин «формальный» используют в логических дискуссиях (ср.: *Popper K.R. Logik der Forschung: Zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft*. Vienna: Julius Spinger, 1935. P. 29–32, 85 [*Поппер К. Логика научного исследования*. М.: Республика, 2004. С. 59–63, 124]). К сожалению, термин «формальный» (formal) относится и ко всему, что принимается законодательным собранием, хотя лишь в том случае, если принятый таким образом документ имеет форму абстрактного правила, этот закон в формальном смысле является также законом в существенном или материальном смысле. Например, когда Макс Вебер говорит о «формальной справедливости», он имеет в виду справедливость, определяемую законом не просто в формальном, но и в материальном смысле (*Weber M. Law in Economy and Society* / Ed. by M. Rheinstein. Cambridge: Harvard University Press, 1954. P. 226–229). Об этом различии в немецком и французском конституционном праве см. главу 14, примечание 10.

он получает часть данных, которые он может использовать как основу своих решений наравне с собственным знанием конкретных обстоятельств места и времени.

Поскольку законы определяют лишь часть условий, которым должны удовлетворять действия индивида, и они применимы к заранее не известным людям в момент возникновения указанных в них обстоятельств независимо от большинства фактов, характеризующих конкретную ситуацию, законодатель не может предвидеть, каким окажется их влияние на конкретных людей или в каких целях эти люди будут их использовать. Когда мы говорим, что законы «инструментальны», мы имеем в виду, что, соблюдая их, индивид по-прежнему преследует свои собственные цели, а не цели законодателя. Конкретные цели деятельности, имеющие всегда частный характер, не должны входить в формулировку общих правил. Закон будет запрещать убийство другого человека вообще или убийство в большинстве случаев, за исключением разве что условий, определенных так, что они могут возникнуть в любое время и в любом месте, но не убийство каких-то конкретных людей.

Соблюдая такие правила, мы не служим цели другого человека, и нельзя сказать, что мы подчинены его воле в собственном смысле слова. Едва ли можно рассматривать мое действие как подчиненное воле другого, если я использую установленные им правила в собственных целях подобно тому, как я мог бы использовать свое знание законов природы, а этот человек не знает о моем существовании, или о тех обстоятельствах, в которых правила будут применены ко мне, или о том, как они повлияют на мои планы. По крайней мере, во всех тех случаях, когда угрозы принуждения можно избежать, закон просто изменяет имеющиеся в моем распоряжении средства и никак не определяет цели, к которым я стремлюсь. Было бы смешотворным утверждение, что, выполняя условия договора, я подчинен чьей-то воле, если я не мог бы его заключить, не будь признанного правила, согласно которому обещания должны выполняться, или что мной движет чья-то воля, когда я принимаю правовые последствия любого другого действия, предпринятого мною в условиях полного знания закона.

Знание, что определенные правила применимы во всех случаях, значимо для индивида, потому что вследствие этого знания различные цели и формы деятельности приобретают для него новые качества. Он тем самым знает о созданных человеком причинно-следственных отношениях, которые он может использовать при осуществлении любых своих замыслов. Воздействие этих созданных человеком законов на деятельность индивида типологически эквивалентно воздействию законов природы: знание их позволяет ему предвидеть последствия собственных действий и помогает уверенно строить планы. Нет большой разницы между знанием, что если он разложит костер в своей спальне, то дом сгорит, и знанием, что если он подожжет дом своего соседа, то попадет в тюрьму. Подобно законам природы, законы государства определяют твердо установленные особенности среды, в которой ему приходится жить; они хоть и лишают

его части открытых для него возможностей, но, как правило, не сводят его выбор к некоему конкретному действию, которого ждет от него кто-то другой.

4. Концепция свободы в рамках закона, то есть главный предмет этой книги, опирается на утверждение, что, когда мы подчиняемся законам, то есть общим абстрактным правилам, установленным независимо от того, насколько они применимы лично к нам, мы не подчинены воле другого человека и потому свободны. Именно потому, что законодатель не знает тех частных случаев, в которых будут применены его правила, а также потому, что применяющий их судья не имеет выбора при составлении заключений, вытекающих из совокупности законов и конкретных фактов рассматриваемого дела, можно утверждать, что правят не люди, а законы. Поскольку правило установлено в условиях неведения о конкретном деле и ничья конкретная воля не устанавливает меры принуждения, используемые в качестве санкции за его нарушение, закон нельзя назвать произвольным¹⁰. Это, однако, верно лишь в том случае, если под «законом» мы подразумеваем общие правила, равно применимые к каждому. Эта всеобщность, вероятно, самый важный аспект того качества закона, которое мы называли его «абстрактностью». Правильный закон не должен упоминать никакие частности, и уж тем более он не должен выделять каких-либо конкретных людей или группы людей.

Значение системы, в которой все принудительные действия государства направлены на то, чтобы обеспечить соблюдение общих абстрактных правил, часто выражают словами одного из великих историков права: «Движение прогрессивных обществ до сих пор было движением *от статуса к контракту*»¹¹. Действительно, концепция статуса, предписанного места, которое каждый индивид занимает в обществе, соответствует государству, в котором правила не являются вполне общими, а отличают отдельных людей или группы и дают им особые права и обязанности. Однако подчеркивание того, что контракт — противоположность статуса, в некоторой

---

¹⁰ Ср.: «Когда человек добровольно регулирует собственное поведение в соответствии с правилом или принципом, предварительно объявив о своем намерении следовать ему, считается, что тем самым он лишил себя *arbitrium* [право свободного выбора (*лат.*)], свободы воли, свободы действия или *willkür* [произвол (*нем.*)] в единичном действии. Поэтому, когда государство в отдельном единичном случае действует в нарушение существовавшего до этого закона или правила поведения, установленного им самим, говорят, что его действие есть произвол» (*Lewis G.C. An Essay on the Government of Dependencies. London: John Murray, 1841. P. 16*). Также: «Всякое правление, будь оно монархическим, аристократическим или демократическим, может осуществляться произвольно, а не в соответствии с общими правилами. Нет и не может быть в форме правления ничего такого, что могло бы дать подданным правовую защиту от недолжного, произвольного применения суверенной власти. Эту защиту можно найти только во влиянии общественного мнения и в других моральных ограничениях, которыми и определяется главное различие в добродетельности верховной власти» (*Ibid. P. 24*).

¹¹ *Maine H.S. Ancient Law: Its Connection with the Early History of Society and Its Relation to Modern Ideas. London: John Murray, 1861. P. 141*; см.: *Graveson R.H. The Movement from Status to Contract // Modern Law Review. 1940–1941. Vol. 4. P. 261–272*.

степени вводит в заблуждение, потому что выделяет лишь один, хоть и самый важный, из предоставляемых законом инструментов, с помощью которого человек может влиять на свое положение. Настоящая противоположность верховенству статуса — верховенство общих и равных для всех законов, то есть правил, одинаковых для всех, — или, можно сказать, верховенство *leges* в первоначальном значении латинского слова, обозначающего законы, в противоположность *privi-leges* [букв. исключительные законы; законы, изданные в пользу отдельного лица (*lat.*)].

Требование, чтобы нормы подлинного закона имели общий характер, не означает, что специальные правила не могут применяться к различным классам людей, если они относятся к свойствам, которыми обладают только некоторые. Возможны правила, применимые только к женщинам, только к слепым или только к людям старше определенного возраста. (В большинстве таких случаев даже не нужно оговаривать, к кому применимо правило: например, только женщина может быть изнасилована или забеременеть.) Подобные различия не произвольны и не подчиняют одну группу воле других, если их оправданность признают как принадлежащие к группе, так и не принадлежащие к ней. Это не означает, что необходимо единодушие по вопросу о желательности различия, но лишь то, что взгляды индивида не зависят от того, принадлежит он к группе или нет. Например, при условии что данное различие одобряет большинство входящих в группу и не входящих в нее, есть твердые основания для презумпции, что оно служит целям и тех и других. Однако когда различие одобряют только входящие в группу, оно очевидно является привилегией; а если его одобряют только не входящие в группу, то оно представляет собой дискриминацию. Разумеется, то, что является привилегией для одних, представляет собой дискриминацию в отношении всех остальных.

5. Невозможно отрицать, что даже общие, абстрактные правила, равно применимые ко всем, могут сильно ограничивать свободу. Но если мы поразмыслим над этим, то увидим, насколько это маловероятно. Главная гарантия состоит в том, что правила должны применяться и к тем, кто их устанавливает, и к тем, кто их применяет, то есть не только к управляемым, но и к правящим, и что никто не имеет власти предоставлять исключения. Если все, что запрещено или предписано, запрещено или предписано всем без исключения (если только исключение не вытекает из другого общего правила), и даже обладающие властью не имеют особых полномочий, если не считать полномочий, связанных с принуждением к соблюдению закона, маловероятно, что будет запрещено совершать что-либо из того, что кто-либо может на разумных основаниях пожелать. Возможно, конечно, что фанатичная религиозная группа наложит на остальных ограничения, которые ее члены соблюдают охотно, но которые будут помехой для других в достижении важных целей. Но если верно, что религия часто бывала предлогом для установления правил, воспринимавшихся как чрезвычайно

репрессивные, и что свобода вероисповедания именно поэтому рассматривается как очень важное условие свободы, важно учитывать и то, что религиозные представления, по-видимому, служили чуть ли не единственным основанием, по которому общие правила, серьезно ограничивающие свободу, когда-либо навязывались всем. Но как безобидны, при всей их докучливости, большинство таких ограничений, обязательных буквально для каждого, — например, таких, как «шотландское воскресенье» (Scottish Sabbath), — в сравнении с теми, которые могут быть наложены только на некоторых! Примечательно, что ограничения, касающиеся того, что мы относим к сфере частной жизни, такие как законодательство против роскоши, в большинстве случаев налагались только на избранные группы или, как в случае сухого закона, были реализованы на практике только потому, что правительство оставляло за собой право даровать исключения.

Следует также помнить, что в том, что касается действий одних людей по отношению к другим, свобода может означать лишь, что они ограничены только общими правилами. Поскольку не существует таких действий, которые не могли бы вторгаться в защищенное пространство других лиц, ни слово, ни печать, ни религиозная деятельность не могут быть полностью свободными. Во всех этих областях (и, как мы увидим далее, в сфере договоров) свобода означает и может означать лишь, что то, что мы можем делать, не зависит от одобрения какого-либо человека или власти, а ограничено только одними и теми же абстрактными правилами, которые одинаково применяются ко всем.

Но если именно закон делает нас свободными, то это относится только к закону в смысле абстрактных общих правил или, как его называют, к «закону в материальном смысле», который отличается от закона лишь в формальном смысле характером правил, а не их происхождением¹³. «Закон», представляющий собой особое распоряжение, приказ, который называется «законом» только потому, что он исходит от законодательной власти, — главный инструмент притеснения. В смешении этих двух концепций закона и в утрате веры в то, что возможно правление законов и что люди, устанавливая законы в первом смысле и обеспечивая их соблюдение, не подчиняют общество своей воле, заключается одна из важнейших причин того упадка свободы, в который теория права внесла не меньший вклад, чем политическая доктрина.

Позднее нам придется вернуться к тому, как современная теория права все больше и больше затушевывала это различие. Здесь мы можем только указать на противоположность двух вышеупомянутых концепций закона, приведя примеры крайних позиций, занимаемых в отношении этой дилеммы. Классический взгляд выражен в знаменитом утверждении председателя Верховного суда США Джона Маршалла: «Судебной власти, отдельной

---

¹³ Ср. выше примечание 9 и дальнейшее обсуждение в тексте, к которому относится это примечание.

от власти законов, не существует. Суды — это всего лишь инструменты закона, и они не могут иметь собственной воли»¹³. Сопоставьте с ним наиболее часто цитируемое высказывание одного современного юриста, а именно судьи Холмса, нашедшего самую горячую поддержку среди так называемых прогрессистов: «Общие утверждения не решают конкретных дел»¹⁴. Ту же позицию современный политолог изложил так: «Закон не может править. Только люди могут осуществлять власть над другими людьми. Следовательно, если кто-то говорит, что правит закон, а не люди, то, возможно, это значит, что он стремится скрыть тот факт, что люди правят людьми»¹⁵.

Дело в том, что если «править» означает заставлять людей подчиниться чьей-то воле, то в свободном обществе у правительства нет возможности править в этом смысле. Гражданином как таковым в этом смысле править невозможно, им нельзя командовать, какое бы положение в той сфере деятельности, которую он выбрал по своим соображениям, он ни занимал, причем даже в то время, когда он в соответствии с законом временно становится агентом государства. Но им можно править в том смысле, в каком «править» означает заставлять соблюдать общие правила, установленные вне связи с конкретными случаями и равно обязательные для всех. Потому что в подавляющем большинстве дел, к которым применяются правила, не требуется решения человека; и даже когда суд должен определить, каким образом общие правила могут быть применены к конкретному случаю, решает дело не воля суда, а логические следствия всей системы принятых правил.

6. Основная причина, по которой каждому человеку обеспечивается известное пространство, внутри которого он может сам определять свои действия, заключается в том, чтобы дать ему возможность наиболее полно использовать свои знания, а особенно конкретное и часто уникальное знание обстоятельств места и времени¹⁶. Закон говорит ему, на какие факты он может рассчитывать, и, таким образом, расширяет пределы, в которых он может предсказывать последствия своих действий. В то же время закон сообщает ему, какие возможные последствия своих действий он должен принимать во внимание или за что он будет нести ответственность. Это означает, что все, что он имеет право или обязан делать, должно зависеть только от обстоятельств, о которых можно предполагать, что он их знает

---

¹³ Chief Justice John Marshall // *Osborn v. Bank of United States*, 22 U.S. (9 Wheaton) 736, at 866. 1824.

¹⁴ O. W. Holmes // Jr. *Lochner v. New York*, 198 U.S. 45, at 76. 1905.

¹⁵ *Neumann F.L.* The Concept of Political Freedom // *Columbia Law Review*. 1953. Vol. 53. P. 910; переиздано в книге: *Idem.* The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1957. P. 169.

¹⁶ См.: «Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью» (*Smith.* *Wealth of Nations*. Vol. 1. P. 421 [*Смит.* *Богатство народов*. С. 443]).

или может узнать. Никакое правило не будет эффективным либо не даст ему свободы принятия решения, если оно ставит его диапазон свободных решений в зависимость от отдаленных последствий его деятельности, которые он не в состоянии предвидеть. Даже из тех последствий, которые он предположительно мог бы предвидеть, правила выделяют некоторые, которые ему придется учитывать, и позволяют пренебрегать остальными. В частности, такие правила не просто требуют, чтобы он не делал ничего, что может навредить другим, но и сформулированы — или должны быть сформулированы — так, что, примененные к конкретной ситуации, позволяют четко определить, какие последствия человек обязан учитывать, а какие не обязан.

Таким образом, если закон наделяет индивида способностью результативно действовать на основании собственных знаний и для этого увеличивает его знание, он одновременно воплощает знание или результаты прошлого опыта, которые будут использоваться до тех пор, пока люди будут действовать по этим правилам. Фактически сотрудничество индивидов, следующих общим правилам, основано на своего рода разделении знания¹⁷, в рамках которого люди должны учитывать конкретные обстоятельства, а закон гарантирует, что их деятельность будет адаптирована к определенным общим или постоянным характеристикам их общества. Этот воплощенный в законе опыт, который индивиды используют благодаря соблюдению правил, трудно обсуждать, поскольку в общем случае он не известен ни им, ни какому-либо отдельному человеку. Большинство этих правил не были намеренно изобретены, но возникли постепенно путем проб и ошибок, и в этом процессе опыт сменявшихся поколений помог сделать их такими, каковы они есть. Следовательно, в большинстве случаев никто не знает и никогда не знал всех доводов и соображений, которые привели к тому, что правило утвердилось в той или иной форме. Поэтому нам часто приходится предпринимать усилия, чтобы *открыть* функцию, которой на самом деле служит правило. Если нам не известно обоснование некоего правила, как это часто на деле и бывает, то, чтобы быть в состоянии улучшить его целенаправленной законодательной деятельностью, мы должны попытаться понять, в чем, скорее всего, состоит его общая функция или цель.

Таким образом, правила, по которым действуют граждане, обеспечивают адаптацию всего общества к окружающей среде и к общим характеристикам его членов. Они служат или должны служить тому, чтобы помогать индивидам составлять планы деятельности, которые можно осуществить с большой вероятностью. Правила могли в свое время возникнуть просто

---

¹⁷ Ср. с высказыванием Лайонела Роббинса: классический либерал «предлагает своего рода разделение труда: государство должно предписывать, чего люди не должны делать, чтобы не сталкиваться постоянно между собой, а гражданам надо позволить делать все, что не запрещено. Первому ставится задача утверждения формальных правил, вторые наделяются ответственностью за содержание конкретных действий» (*Robbins L. The Theory of Economic Policy: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe: IL, 1957. P. 193*).

потому, что в определенного рода ситуациях между индивидами возникают разногласия по поводу того, кто и на что имеет право, и предотвратить их можно, только если существует правило, четко говорящее каждому, каковы его права. Здесь необходимо лишь, чтобы известное правило распространялось на определенный тип ситуаций, и тогда может быть не так уж важно, каково его содержание.

Однако часто будет несколько правил, удовлетворяющих этому требованию, но которые не будут удовлетворять его в равной степени. Что именно следует включить в тот набор прав, который мы именуем «собственностью», особенно если речь идет о земле, какие другие права должны входить в защищенную сферу, соблюдение каких договоров должно обеспечивать государство — во всех этих вопросах только опыт может выявить самое подходящее решение. Нет ничего «естественного» в той или иной возможной дефиниции такого рода прав, например в римской концепции собственности как права употреблять вещь или злоупотреблять ею по своему усмотрению — сколь бы часто ее ни повторяли, вряд ли она практически реализуема в полном смысле. Но главные черты всех сравнительно развитых правовых систем достаточно схожи между собой, как будто они являются вариантами того, что Давид Юм назвал «тремя основными естественными законами: *о стабильности собственности, о передаче последней посредством согласия и об исполнении обещаний*»¹⁸.

Однако предметом нашего интереса здесь не может быть конкретное содержание, но лишь определенные общие свойства, которыми должны обладать эти правила в свободном обществе. Поскольку законодатель не в состоянии предвидеть, какое применение люди найдут его правилам, он может стремиться лишь к тому, чтобы сделать их благотворными в целом или в большинстве случаев. Но поскольку они действуют посредством создаваемых ими ожиданий, существенно, чтобы они применялись всегда и независимо от того, кажутся ли последствия их применения в данном конкретном случае желательными или нет¹⁹. То, что законодатель ограни-

---

¹⁸ *Hume. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 293 [Юм. Трактат о человеческой природе. С. 565].* См. также: «Просматривая Французский свод законов и оставив вне рассмотрения семейное право, Дюги обнаруживает лишь три фундаментальных нормы и не более того — свобода договора, неприкосновенность собственности и обязанность компенсировать другому ущерб, нанесенный по собственной вине. Все остальное сводится к вспомогательным указаниям, даваемым тому или иному представителю государства» (*Jones J.W. Historical Introduction to the Theory of Law. Oxford: Clarendon Press, 1940. P. 114*).

¹⁹ Ср.: *Hume. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 258–300 [Юм. Трактат о человеческой природе. С. 525–573].* Эти главы содержат, пожалуй, наиболее удовлетворительное обсуждение интересующих нас здесь проблем, особенно см.: «Единичный акт справедливости часто противоречит общественному интересу, и если бы он оставался единственным, не сопровождаясь другими актами, то сам по себе мог бы быть очень пагубным для общества. <...> Каждый единичный акт справедливости, рассматриваемый сам по себе, служит частным интересам не больше, чем общественным. <...> Но хотя единичные акты справедливости могут противоречить как общественному, так и частному интересу, однако несомненно, что общий план, или общая система, справедливости в высшей степени благоприятен или даже безусловно необходим как для поддержания общества, так и для благосостояния каждого отдельного индивида. Невозможно отделить благо от зла. Собственность должна быть стабильна и установлена при помощи общих правил. Пусть в отдельном случае от этого

чил себя общими правилами, а не прибегнул к специальным приказам, — следствие его неизбежного незнания особых обстоятельств, в которых они будут применяться; все, что он может сделать, — это предоставить тем, кому приходится планировать конкретные действия, некоторые надежные данные. Но, фиксируя для них только некоторые из условий их деятельности, он может предоставить возможности и шансы, но ни в коем случае не уверенность относительно результатов их усилий.

Необходимость сделать акцент на том, что именно сущностью абстрактных правил закона объясняется как высокая вероятность того, что они окажутся благотворными в большинстве случаев, к которым они применимы, так и то, что они фактически являются одним из средств, с помощью которых человек научился преодолевать свойственное его природе неведение, была навязана нам некоторыми рационалистическими истолкованиями утилитаризма. Утверждение, что обоснованием всякого отдельного положения закона должна быть его полезность — даже если она не может быть доказана рациональной аргументацией, а известна нам только потому, что на практике это положение оказывается более удобным, чем любое другое, — само по себе более или менее верно. Но, вообще говоря, в таком обосновании нуждается только правило в целом, а не каждый случай его применения²⁰. Идея, что каждый правовой или моральный кон-

---

страдает общество, однако такое временное зло щедро возмещается постоянным проведением данного правила в жизнь, а также тем миром и порядком, которые оно устанавливает в обществе» (с. 269 [с. 537]). См. также: «Однако выгода, получаемая от [социальных добродетелей справедливости и верности], не является следствием одного единственного индивидуального акта, но возникает благодаря целой схеме или системе, распространяющейся на все общество или на большую его часть. <...> Результат индивидуального акта здесь во многих случаях прямо противоположен результату целой системы действий, и первый может быть чрезвычайно вредным, в то время как последний в высшей степени полезен. Богатство, полученное по наследству от родителей, в руках дурного человека становится орудием зла. Право собственности может в отдельном случае оказаться вредным. Его выгода возникает только благодаря соблюдению общего правила, и достаточно, если тем самым будет компенсироваться все то зло и все те неудобства, которые проистекают из частных характеров и ситуаций» (*Hume D. The Enquiry Concerning Human Understanding // Hume. Essays. Vol. 2. P. 273 [Юм Д. Исследование о принципах морали // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 298]*). Также: «Все естественные законы, которые регулируют собственность, так же как и все гражданские законы, носят общий характер и учитывают только некоторые существенные обстоятельства дела, не принимая во внимание характера, положения и связи заинтересованных лиц или какие-либо частные следствия, которые могут иметь место благодаря установлению этих законов в каком-либо частном случае. Они без колебаний лишают щедрого человека всего его имущества, если оно приобретено по ошибке и без должного документа, дающего на него право, и даруют это имущество эгоистичному скряге, который уже накопил огромные запасы излишних богатств. Общественная польза требует, чтобы собственность регулировалась общими неизменными правилами, и, хотя такие правила приспособлены для того, чтобы наилучшим образом служить той же цели общественной пользы, невозможно предупредить все отдельные трудности или обеспечить благотворные последствия в каждом отдельном случае. Достаточно, если план или схема в целом окажутся необходимыми для поддержания гражданского общества, если чаша весов, на которой находится добро, как правило, будет значительно перевешивать чашу весов, на которой находится зло» (*Ibid. P. 274 [Там же. С. 299]*). См.: *Hayek F.A. The Legal and Political Philosophy of Davide Hume // Il Politico. 1963. Vol. 28. P. 691–704; переиздано: Idem. Studies in Philosophy, Politics, and Economics. New York: Simon and Schuster, 1967. P. 106–121*. В этой связи я хотел бы признать, что в долгу перед сэром Арнольдом Плантом, который много лет назад обратил мое внимание на важность того, как эти вопросы рассматривает Юм.

²⁰ См.: *Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 68 [Милль Дж.С. О свобо-*

фликт должен разрешаться так, как счел бы наиболее целесообразным некто, обладающий способностью охватить все последствия этого решения, означает отрицание необходимости каких-либо правил. «Только общество всеведущих индивидов могло бы дать каждому полную свободу взвешивать каждое конкретное действие на общем утилитаристском основании»²¹. Такой «крайний» утилитаризм ведет к абсурду; а потому только так называемый «ограниченный» утилитаризм имеет хоть какое-то отношение к нашей проблеме. Однако очень немногие идеи оказали более разрушительное влияние на уважение к правилам закона и морали, чем убеждение, что правило является обязывающим, только если может быть доказан благоприятный результат его соблюдения в конкретном случае.

Древнейшая форма этого заблуждения ассоциируется с (обычно неточно цитируемой) формулой «*salus populi suprema lex esto*» («благо народа должно быть высшим законом» — а не «есть высший закон»)²². При правильном понимании это означает, что целью закона должно быть благоденствие народа, что общие правила должны быть составлены так, чтобы служить ему, но это *не* значит, что любая идея конкретной общественной цели должна служить основанием для нарушения этих общих правил. Специальная цель, конкретный результат, которого надо достичь, никогда не могут быть законом.

7. Враги свободы всегда строили свою аргументацию на утверждении, что для того, чтобы в делах людей был порядок, необходимо, чтобы кто-то приказывал, а остальные повиновались²³. Неприятие системы свободы в рамках общих законов в значительной мере вырастает из неспособности постичь эффективную координацию человеческой деятельности без ее сознательной организации управляющим разумом. Одним из достижений экономической теории было объяснение того, как при известном разграничении сфер контроля каждого индивида взаимное приспособление спонтанной деятельности индивидов обеспечивается рынком. Понимание этого

де // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 355].

²¹ См.: *Rawls J.* Two Concepts of Rules // *Philosophical Review*. 1955. Vol. 64. P. 3–32; *Smart J.J.C.* Extreme and Restricted Utilitarianism // *Philosophical Quarterly*. 1956. Vol. 6. P. 344–354; *McCloskey H.J.* An Examination of Restricted Utilitarianism // *Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. P. 466–485; *Urmson J.O.* The Interpretation of Moral Philosophy of J. S. Mill // *Philosophical Quarterly*. 1953. Vol. 3. P. 33–39; *Mabbott J.D.* Interpretation of Mill's Utilitarianism // *Philosophical Quarterly*. 1956. Vol. 6. P. 115–120; *Toulmin S.E.* An Examination of the Place of Reason in Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. Особенно с. 161.

²² Джон Селден замечает: «Ничем в мире не злоупотребляли так, как этой фразой, „*salus populi suprema lex esto*“» (*Selden J.* Table Talk of John Selden. Oxford: Clarendon Press, 1892. P. 131). Ср.: *McIlwain C.H.* Constitutionalism: Ancient and Modern. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1947. P. 149, n. 6; об этой теме в целом см.: *Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. Munich: R. Oldenburg, 1924. P. 265; в настоящее время эта книга переведена на английский язык под названием «Макиавеллизм» (London: Routledge and Kegan Paul, 1957); также см.: *Mises L. von.* Socialism. New Haven: Yale University Press, 1951. P. 400 [*Мизес Л.* фон. Социализм. М.: Catallaxy, 1993. С. 360].

²³ См., например, мнение короля Якова I, согласно которому «порядок зависит от взаимосвязи приказа и повиновения. Вся организация держится на старшинстве и субординации» (цит. по: *Wormuth F.D.* The Origins of Modern Constitutionalism. New York: Harper, 1949. P. 51).

механизма взаимного приспособления индивидов образует самую важную часть знания, которое должно быть использовано при создании общих правил, ограничивающих индивидуальные действия.

Упорядоченность социальной деятельности проявляется в том, что индивид может осуществить внутренне согласованный план деятельности, который почти на каждой своей стадии базируется на ожидании определенного вклада со стороны других. «Очевидно, что в социальной жизни есть своего рода порядок, согласованность и постоянство. Если бы это было не так, никто из нас не смог бы заниматься своими делами или удовлетворять свои самые элементарные потребности»²⁴. Такая упорядоченность не может быть результатом единого управления, если мы хотим, чтобы люди приспособливали свою деятельность к частным обстоятельствам, которые известны только им, но в своей совокупности недоступны ни одному уму. Таким образом, в применении к обществу порядок по существу означает, что в своей деятельности люди руководствуются успешным прогнозированием, что они не только эффективно используют свои знания, но и с высокой степенью уверенности предвидят, какого сотрудничества могут ждать от других²⁵.

Такой порядок, подразумевающий приспособление к обстоятельствам, знание которых рассредоточено среди огромного множества людей, не может быть установлен посредством централизованного руководства. Он может возникнуть только из взаимного согласования элементов и их реакции на события, воздействующие непосредственно на них. Это то, что Майкл Полани называл спонтанным формированием «полицентрического порядка»: «Когда порядок во взаимоотношениях между людьми достигается тем, что им позволено взаимодействовать по собственной инициативе — подчиняясь только законам, которые одинаково обязательны для всех, — мы получаем систему спонтанного порядка в обществе. Тогда мы можем сказать, что усилия этих индивидов скоординированы благодаря осуществлению их личной инициативы и что такая самокоординация оправдывает эту свободу соображениями общественной пользы. Действия таких людей называются свободными, потому что они не направляются какими-либо конкретными приказами со стороны вышестоящих начальников или публичной власти; принуждение, которому они подвергаются, имеет безличный и общий характер»²⁶.

---

²⁴ Я прошу прощения у автора, слова которого я процитировал, но имя забыл. В моих записях этот фрагмент сопровождается ссылкой на книгу: *Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology*. London: Cohen and West, 1951. P. 19; но хотя в ней содержится та же идея, процитированного отрывка там нет. [В действительности это цитата из: *Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology*. Glencoe, IL: The Free Press, 1954. P. 49. — *Ред.*]

²⁵ Ср.: «Sozial-Ordnung ist Sozial-Berechenbarkeit» [«Упорядоченность общества — это предсказуемость общества»] (*Jahrreiss H. Größe und Not der Gesetzgebung* // *Idem. Mensch und Staat: Rechtsphilosophische, staatsrechtliche und völkerrechtliche Grundfragen in unserer Zeit*. Cologne: G. Heymann, 1957. P. 22).

²⁶ *Polanyi M. The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. P. 159.

Хотя людям, более знакомым со способами, которыми индивиды упорядочивают физические объекты, трудно постичь формирование таких спонтанных порядков, есть немало примеров того, как мы сходным образом полагаемся на спонтанное приспособление индивидуальных элементов в процессе формирования физических порядков. Нам никогда не удалось бы создать кристалл или сложное органическое соединение, если бы для этого нужно было помещать каждую отдельную молекулу или атом на соответствующее место по отношению к другим. Нам приходится полагаться на тот факт, что при определенных условиях они сами складываются в структуру, обладающую определенными свойствами. Таким образом, использование этих спонтанных сил, которые в таких случаях оказываются единственными средствами достижения желаемого результата, предполагает, что многие характеристики процесса, создающего порядок, оказываются вне нашего контроля; иными словами, мы не можем полагаться на эти силы и одновременно гарантировать, что конкретные атомы займут конкретные места в возникающей структуре.

Сходным образом, мы можем создать условия для формирования порядка в обществе, но мы не можем влиять на то, как его элементы в соответствующих условиях будут упорядочивать сами себя. В этом смысле задача законодателя состоит не в том, чтобы создать некий конкретный порядок, а в том, чтобы просто создать условия, при которых упорядоченная структура сможет установиться и постоянно поддерживать себя. Как и в природе, для того чтобы стимулировать формирование такого порядка, не требуется способность предсказывать поведение отдельных атомов — которое будет зависеть от неизвестных особых условий, в которых каждый из них окажется. Все, что требуется, — это ограниченная регулярность их поведения; и назначение человеческих законов, соблюдение которых мы обеспечиваем, заключается в том, чтобы достичь такой ограниченной регулярности, которая делает возможным формирование порядка.

Когда элементами такого порядка являются обладающие разумом люди, от которых мы хотим, чтобы они как можно более эффективно использовали свои индивидуальные способности для достижения собственных целей, главное условие возникновения порядка состоит в том, что каждый должен знать, на какие характеристики своего окружения он может рассчитывать. Эту потребность в защите от непредсказуемого вмешательства иногда представляют как характерную для «буржуазного общества»³⁷. Но если под «буржуазным обществом» не понимается любое общество, в котором свободные индивиды сотрудничают в условиях разделения труда, подобный

---

³⁷ Макс Вебер склонен истолковывать потребность в «просчитываемости и надежности функционирования правового порядка» как характерную особенность «капитализма» или «буржуазной фазы» общества. См.: *Weber M. Theory of Social and Economic Organization*. London: W. Hodge, 1947. P. 386. Это верно только в том случае, если эти термины рассматривать как применимые к любому свободному обществу, опирающемуся на разделение труда.

взгляд ограничивает эту потребность слишком малым числом социальных институтов. Защита от непредсказуемого вмешательства — существенное условие индивидуальной свободы, и ее обеспечение есть главная функция закона²⁸.

---

²⁸ См.: «Закон — это порядок, образующийся путем предвидения. Именно эту услугу он и оказывает людям; в этом состоит его бремя и его опасность. Он предлагает защиту от произвола, он дает чувство надежности, защищенности, он снимает с будущего покров зловещего мрака» (*Brunner E. Justice and the Social Order. New York: Harper, 1945. P. 22*).

Истоки принципа верховенства закона

Целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Ведь во всех состояниях живых существ, способных иметь законы, там, где нет закона, нет и свободы. Ведь свобода состоит в том, чтобы не испытывать ограничения и насилия со стороны других, а это не может быть осуществлено там, где нет закона. Свобода не является «свободой для каждого человека делать то, что он пожелает», как нам говорят (ибо кто мог бы быть свободным, если бы любой другой человек по своей прихоти мог тиранить его?); она представляет собой свободу человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле.

— Джон Локк

1. Самый ранний период, до которого можно проследить личную свободу в Новое время, — это, вероятно, XVII столетие в Англии¹. Первоначально она возникла (и, вероятно, всегда возникает) как побочный продукт борьбы за власть, а не как результат осознанного стремления. Но она продолжала

— *Locke*. Second Treatise. Sec. 57. P. 29 [Локк. Два трактата о правлении. Книга вторая. § 57. С. 293–294]. Материал этой главы, а также глав 13–16 был использован в моих лекциях, прочитанных для Национального банка Египта и им же опубликованных (*Hayek F.A. The Political Ideal of the Rule of Law*. Cairo: National Bank of Egypt, 1955).

¹ Чем больше я узнаю о развитии этих идей, тем больше я убеждаюсь в той важной роли, которую сыграл пример Голландской республики. Но хотя это влияние совершенно бесспорно в конце XVII и начале XVIII столетий, сказать, было оно или нет в более ранний период, можно только после специальных исследований. Пока же см.: *Clark G.N. The Birth of the Dutch Republic* // *Proceedings of the British Academy*. 1946. Vol. 32. P. 189–218; *Figgis J.N. Studies of Political Thought from Gerson to Grotius 1414–1625*. Cambridge: Cambridge University Press, 1907. P. 191, 198, 209; *Moyley J.L. The Rise of the Dutch Republic*. New York: Harper and Brothers, 1856; *Geyl P. Liberty in Dutch History* // *Delta: A Review of Arts, Life, and Thought in the Netherlands*. 1958. Vol. 1. P. 11–22; *Idem. The revolt of the Netherlands, 1555–1609*. London: Williams and Norgate Ltd., 1932; *Britain and the Netherlands, Papers delivered to the Oxford-Netherlands Historical Conference, 1959* / Ed. by J.S. Bromley, E.H. Kossman. London: Chatto and Windus, 1960.

существовать достаточно долго, чтобы ее преимущества были осознаны. И более двух столетий сохранение и совершенствование индивидуальной свободы было направляющим идеалом в этой стране, а ее институты и традиции стали образцом для цивилизованного мира².

Это не значит, что наследие Средних веков никак не связано с современной свободой. Но его роль несколько иная, чем часто полагают. Действительно, во многих отношениях средневековый человек обладал большей свободой, чем принято считать сегодня. Но у нас мало оснований думать, что в то время англичане пользовались существенно большими свободами, чем многие континентальные народы³. Если люди Средневековья и знали многие свободы — то есть привилегии, предоставленные отдельным людям

Неосведомленность также принуждает меня обойти молчанием важные дискуссии и развитие сходных идей в Италии эпохи Ренессанса, особенно во Флоренции. (Кратко об этом см. во вступительном примечании к главе 20.) См. также: *Albertini R. von. Das florentinische Staatsbewußtsein im Übergang von der Republik zum Prinzipat*. Bern: Francke, 1955. Особенно с. 294. См. также: *Guarini G.B. Trattato della pubblica libertà* (ca. 1599). Venice: Andreola, 1818. И я не могу сколько-нибудь компетентно говорить о том любопытном факте, что в одной великой неевропейской цивилизации, в Китае, примерно в то же время, что и в Греции, по-видимому, возникли концепции права, удивительно сходные с идеями западной цивилизации. Согласно Фэн Юланю, «поразительной политической тенденцией того времени (с VII по III столетие до н.э.) было движение от феодального правления к правлению монархов, обладавших неограниченной властью; от правления на основе традиционной морали (*ли*), осуществлявшегося индивидами, к правлению на основе закона» (*Yu-Lan F. A History of Chinese Philosophy*. Vol. 1: The Period of Philosophers (from the Beginnings to Circa 100 B.C.). Peiping: H. Vetch, 1937. P. 312). В качестве доказательства автор цитирует «Гуань-цзы», трактат, приписываемый Гуань Чжуню (ок. 715–645 до н.э.), но, возможно, составленный в III веке н.э.: «Когда государство управляется законом, все дела просто делаются нормальным, упорядоченным образом. <...> Если закон не единообразен, это будет несчастьем для хозяина государства. <...> Когда и правитель и министр, и высший и низший, и знатный и простой — все соблюдают закон, это называется Великое Благое Правление». Он добавляет, однако, что это «идеал, который на самом деле никогда не был достигнут в Китае» (с. 322). См. также: *Creel H.G. The Fa-chia: "Legalists" or "Administrators"* // *Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica*. 1961. Vol. 4. P. 607–636; *Tung-Tsu Ch'ü [Tongzu Qu]*. Law and Society in Traditional China. Paris: Mouton, 1961; особенно с. 242–244; Бертран де Жувенель в книге «Власть» утверждает, что китайцы употребляли термины «правление законов» и «правление людей» уже 2500 лет назад [*Жувенель B. де. Власть*. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. С. 474].

² См. замечание Монтескье в «Духе законов»: «Есть также на свете народ, непосредственным предметом государственного устройства которого является политическая свобода» (*Montesquieu. Spirit of the Laws*. Vol. 1. P. 151 [*Монтескье. О духе законов*. С. 138]). См. также: *Henne R. Der englische Freiheitsbegriff*. Dissertation. Zurich: R. Sauerländer, 1927. Тщательное исследование того, как народ континентальной Европы открыл для себя английскую свободу, и влияния английского примера на континент еще предстоит написать. Среди ранних работ нужно отметить: *Miege G. L'État présent de la Grande-Bretagne après son heureuse union en 1707, sous le règne glorieux d'Anne*. Amsterdam: Chez les Wetsteins, 1708; расширенное немецкое издание: *Idem. Geist- und weltlicher Stand von Grossbritannien und Irland nach der gegenwärtigen Zeit*. Leipzig: Weidmanns, 1718; *Rapin-Thoyras P. de*. Dissertation sur le Whigs et les Torys, or and Historical Dissertation upon Whig and Tory / Trans. by M. Ozell. London: Printed for E. Curl, 1717; *Hennings A.A.F. von*. Philosophische und statistische Geschichte des Ursprungs und des Fortgangs der Freyheit in England nach Hume, Blackstone und andern Quellen ausgearbeitet. Copenhagen: Proft, 1783.

³ См. в частности: *Maitland F.W., Pollock F. History of English Law Before the Time of Edward I* / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1911. Vol. 1–2; *Keller R. von*. Freiheitsgarantien für person und Eigentum im Mittelalter: eine Studie zur Vorgeschichte moderner Verfassungsgründrechte. Heidelberg: C. Winter, 1933; *Planitz H.* Zur Ideengeschichte der Grundrechte // Die Grundrechte und Grundpflichten der Reichsverfassung. Kommentar zum zweiten Teil der Reichsverfassung / Ed. by H.C. Nipperdey. Berlin: Verlag Reimar Hobbing, 1929–1930. Vol. 3. P. 597–623; *Gierke O. von*. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien: zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Rechtssystematik / 2nd ed. Breslau: Verlag Marcus, 1902.

или сословиям, вряд ли им была знакома свобода как общее состояние народа. В некоторых отношениях господствовавшие тогда общие представления о природе и источниках закона и порядка не позволяли сформулировать проблему свободы в ее современном виде. Но можно также утверждать, что именно потому, что Англия в большей степени сохранила средневековый идеал верховенства закона, который в других местах был разрушен усилением абсолютизма, она смогла положить начало современному росту свободы⁴.

Эта средневековая точка зрения, имевшая фундаментальное значение в качестве предпосылки современного развития, хотя полностью она принималась, пожалуй, только в раннем Средневековье, состояла в том, что «государство не может само по себе создавать или принимать закон и, конечно, столь же мало оно может упразднить или нарушать закон, потому что это означало бы упразднение самой справедливости, это был бы абсурд, грех, восстание против Бога, который один лишь и творит закон»⁵.

⁴ См.: *McIlwain C.H.* The English Common Law Barrier against Absolutism // *American Historical Review*. 1934. Vol. 49. P. 27. То, в какой степени даже самая знаменитая, а позднее наиболее влиятельная статья Великой хартии вольностей всего лишь выражала общие идеи своего времени, демонстрирует декрет императора Конрада II от 28 мая 1037 года (приводится в книге: *Stubbs W.* Germany in the Early Middle Ages, 476–1250 / Ed. by A. Hassall. London: Longmans, Green and Co., 1908. P. 147), который провозглашает: «Ни один человек не должен быть лишен лена... кроме как по законам Империи и по решению суда равных».

Здесь у нас нет возможности для сколь-нибудь детального исследования философской традиции, идущей от Средних веков. Однако когда лорд Акстон назвал Фому Аквинского первым вигом, в некоторых отношениях это вовсе не было парадоксом (см.: *Acton J.* Freedom in Christianity // *Acton. History of Freedom*. P. 37 [*Акстон Дж.* Свобода в христианскую эпоху // *Акстон. Очерки становления свободы*. С. 74]; *Figgis J.N.* Studies of Political Thought from Gerson to Grotius. Cambridge: Cambridge University Press, 1907. P. 7). О Фоме Аквинском см.: *Gilby T.* Principality and Polity: Aquinas and the Rise of the State Theory in the West. London: Longmans, Green, and Co., 1958; о его влиянии на раннюю английскую политическую теорию, особенно на Ричарда Хукера, см.: *Wolin S.S.* Richard Hooker and English Conservatism // *Western Political Quarterly*. 1953. Vol. 6. P. 28–47. Более полный обзор должен был бы уделить особое внимание Бартоло да Сассоферрато в XIV и Николаю Кузанскому в XV веках, продолжившим эту традицию. Особенно см.: *Nicolas of Cusa.* De concordantia catholica [1514] / Ed. by G. Kallen. Hamburg: Felix Meiner, 1963. Bk. 3. Ch. 1. P. 327–328; *Marsilius of Padua.* Defensor Pacis / Ed. by R. Scholtz. Hanover: Hahnsche Buchhandlung, 1933. Vol. 1. Dictio 2. Ch. 2. Sec. 4. P. 146–147 [*Марсилиус Падуанский.* Защитник мира. Defensor pacis. М.: Дашков и Ко, 2014. Часть 1. Гл. 2. Пар. 4. С. 72–73]; *Scharpf F.A. von.* Der Cardinal und Bischof Nicolaus von Cusa als Reformator in Kirche, Reich und Philosophie des fünfzehnten Jahrhunderts. Tübingen: Laupp, 1871. Особенно с. 22; *Figgis J.N.* Bartolus and the Development of European Political Ideas // *Transactions of the Royal Historical Society*. N.s., 1905. Vol. 19. P. 147–168; *Woolf C.N.S.* Bartolus of Sassoferrato: His Position in the History of Medieval Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1913; о политической теории этого периода в целом см.: *Carlyle R.W., Carlyle A.J.* A History of Medieval Political Theory in the West. Edinburgh: Blackwood, 1903. Vol. 1–6.

⁵ См.: *Vossler O.* Studien zur Erklärung der Menschenrechte // *Historische Zeitschrift*. 1930. Vol. 142. P. 518; также: *Kern P.* Kingship and Law in the Middle Ages. Vol. 1: The Divine Right of Kings and the Right of Resistance in the Early Middle Ages; Vol. 2: Law and Constitution in the Middle Ages: Studies / Trans. by S.B. Chrimes. Oxford: B. Blackwell, 1939; *Jenks E.* Law and Politics in the Middle Ages: With a Synoptic Table of Sources. London: J. Murray, 1898. P. 24–25; *McIlwain C.H.* The High Court of Parliament and Its Supremacy: An Historical Essay on the Boundaries Between Legislation and Adjudication in England. New Haven: Yale University Press, 1910; *Figgis J.N.* The Divine Right of Kings / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1914; *Langlois C.V.* Le Règne de Philippe III, le Hardi. Paris: Hachette et cie, 1887. P. 285; необходимые коррективы в отношении ситуации в позднем Средневековье см.: *Plucknett T.F.T.* Studies and Their Interpretation in the First Half of the Fourteenth Century.

На протяжении веков была общепринята доктрина, в соответствии с которой король или любая другая земная власть может только провозглашать или отыскивать существующий закон либо устранить просочившиеся в него искажения, но не может создать закон⁶. Лишь постепенно в конце Средневековья получила признание концепция создания нового закона путем сознательного и целенаправленного действия — то есть идея законодательства, какой мы ее знаем. Таким образом, в Англии парламент превратился из органа, главным образом находившего закон, в орган, создающий закон. В конечном итоге в споре о праве устанавливать законы,

---

Cambridge: Cambridge University Press, 1922; *Idem*. Legislation of Edward I. Oxford: Clarendon Press, 1949. Общий обзор см.: *Gough J.W.* Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford: Clarendon Press, 1955.

⁶ См.: «Das Auftauchen des Phänomens der Gesetzgebung... bedeutet in der Menschheitsgeschichte die Erfindung der Kunst, Recht und Gesetz zu machen. Bis dahin hatte man ja geglaubt Recht nicht setzen, sondern nur anwenden zu können als etwas, das seit jeher war. An dieser Vorstellung gemessen ist die Erfindung der Gesetzgebung vielleicht die folgenschwerste, die je gemacht worden — folgenschwerer als die des Feuermachens oder des Schießpulvers — denn am Stärksten von allen hat sie das Schicksal des Menschen in seine Hände gelegt» [«В человеческой истории возникновение феномена законотворчества — это открытие искусства создавать право и закон. До этого считалось, что право нельзя создавать, а можно только применять как нечто, существовавшее всегда. Отталкиваясь от этого, можно сказать, что создание законотворчества было изобретением с самыми серьезными последствиями, вероятно, более серьезными, чем изобретение огня или пороха, поскольку оно больше, чем любое другое открытие, вложило судьбу человека в его собственные руки»] (*Rehfeldt B.* Die Wurzeln des Rechtes. Berlin: Duncker und Humblot, 1951. P. 67).

В еще не опубликованной работе, представленной на симпозиуме по теме «Расширение общества», организованном Азиатским институтом Чикагского университета в декабре 1958 года, Макс Рейнштайн делает похожее наблюдение: «Идея, что правомерные нормы поведения могут быть установлены с помощью законодательства, была особенностью последних этапов греческой и римской истории; в Западной Европе она оставалась забытой вплоть до открытия римского права и установления абсолютной монархии. Утверждение, что весь закон есть повеление суверена, представляет собой постулат, рожденный демократической идеологией французской революции, согласно которой источником всех законов должны быть надлежащим образом избранные представители народа. Однако это не описывает реальность адекватно, по крайней мере в странах англо-саксонского общего права». [Позже статья была опубликована в сборнике трудов симпозиума: *Rheinstein M.* Process and Change in the Cultural Spectrum Coincident with Expansion: Government and Law // City Invisible: A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East, held at the Oriental Institute of the University of Chicago, December 4–7, 1958 / Ed. by H. Kraeling, R. McCormick Adams, Chicago: University of Chicago Press, 1960. P. 405–418. — *Ред.*] К этому можно добавить, что необходимой предпосылкой успеха правового позитивизма в Англии оказалось наличие в стране философа, обученного немецкому подходу к философии права, — Джона Остина.

Насколько глубоко традиционное представление о том, что законы открываются, а не создаются, все еще доминировало в общественном мнении Англии в конце XVIII века, показывает утверждение Эдмунда Бёрка: «Было бы трудно найти ошибку, которая была бы поистине более разрушительной для всякого порядка и красоты, для всякого мира и счастья, для человеческого общества, чем представление, согласно которому некое собрание людей имеет право устанавливать те законы, которые захотят его члены; или что законы могут становиться сколь-нибудь авторитетными просто в результате их принятия, независимо от качественных характеристик их предмета. Такую практику невозможно оправдать никакими политическими аргументами, государственными соображениями или заботой о сохранении конституции. <...> Все человеческие законы, говоря по существу, только декларативны; они могут менять методы и способы применения, но не имеют силы над существом первичной справедливости» (*Burke E.* Tracts Relative to the Laws against Popery in Ireland // *Burke. Works.* Vol. 9. P. 352–353). Другие примеры, иллюстрирующие эту мысль, см.: *Corwin E.S.* The “Higher Law” Background of American Constitutional Law. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1955. P. 6, n. 11; впервые: *Harvard Law Review*. 1928–1929. Vol. 42. P. 153–154, n. 11; также издано: *Idem.* Selected Essays on Constitutional Law. Chicago: Foundation Press, 1938. Vol. 1. P. 5, n. 1.

в ходе которого стороны упрекали друг друга в произволе — то есть в том, что те действуют не в соответствии с признанными общими законами, — непреднамеренно получило свое развитие движение к индивидуальной свободе. Новая власть высокоорганизованного национального государства, возникшего в XV и XVI столетиях, впервые использовала законодательство как инструмент целенаправленной политики. Какое-то время казалось, что эта новая власть как в Англии, так и на континенте приведет к абсолютной монархии, которая разрушит средневековые свободы⁷. Так концепция ограниченных полномочий государства или ограниченного правления (*limited government*), возникшая в Англии в XVII веке, стала новой отправной точкой в решении новых проблем. Если ранняя английская доктрина и великие средневековые документы, начиная с Великой хартии вольностей, этой грандиозной «*Constitutio Libertatis*»⁸, существенны для развития современной доктрины, то это потому, что они служили орудиями в этой борьбе.

И поскольку ввиду стоящих перед нами задач нам нет необходимости более задерживаться на средневековой доктрине, следует присмотреться к античному наследию, которое получило новую жизнь в начале Нового времени. Это важно не только из-за большого влияния, которое оно оказало на политическую мысль XVII столетия, но также из-за того, что опыт древних непосредственно важен для нашего времени⁹.

⁷ См.: «У юриста, который рассматривает вопрос исключительно с правовой точки зрения, есть сильный соблазн утверждать, что действительный предмет спора между такими государственными деятелями, как Бэкон и Уэнтворт, с одной стороны, и Кук или Элиот, с другой, заключался в том, должна ли быть установлена в Англии на постоянной основе сильная администрация континентального типа» (*Dacey. Law of the Constitution*. P. 370).

⁸ Именно так Генри Брактон называет Великую хартию вольностей в трактате «О законах и обычаях Англии»: *Bracton H. De legibus et consuetudinibus Angliae* / Ed. by G.E. Woodbine. New Haven: Yale University Press, 1915–1942. Fol. 168b [Vol. 3. P. 35]. О последствиях того, что было, по сути дела, ошибочной интерпретацией Великой хартии вольностей в XVII веке, см.: «Если туманные и неточные высказывания Кука затемнили смысл многих глав [Великой хартии вольностей] и распространили ложные представления о развитии английского права, то услуги, оказанные именно этими ошибками делу конституционного прогресса, безмерны» (*McKechnie W.S. Magna Carta: A Commentary on the Great Charter of King John, With an Historical Introduction* / 2nd ed. Glasgow: J. Maclehose and Son, 1914. P. 133). Впоследствии эта идея была высказана много раз (см., в частности: *Butterfield H. The Englishman and His History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1944. P. 7).

⁹ См. слова Томаса Гоббса о том, что «одной из наиболее частых причин таковых [восстаний] является чтение политических и исторических книг древних греков и римлян» и что «ничто никогда не было куплено такой дорогой ценой, как изучение западными странами греческого и латинского языков» (*Hobbes T. Leviathan; or, The Matter, Forme, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil* / Ed. by M. Oakeshott. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 214, 141 [*Гоббс Т. Левиафан* // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 254–255, 168]. Гоббс разделяет эту враждебность к классической Античности с Фрэнсисом Бэконом, который хотел бы, чтобы труды Аристотеля были запрещены. См. также замечание Обри, что корни «энтузиазма» Мильтона «по поводу свободы человечества» лежат в «хорошем знании им Тита Ливия и римских авторов и в стоявшем перед его взором величии, которого достигло римское государство» (*Aubrey's Brief Lives* / Ed. by O.L. Dick. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1957. P. 203). Об античных истоках идей Мильтона, Харрингтона и Сиднея см.: *Fink Z.S. The Classical Republicans: An Essay in the Recovery of a Pattern of Thought in Seventeenth Century England* // *Northwestern University Studies in Humanities*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1945. № 9.

2. Хотя влияние античной традиции на современный идеал свободы неоспоримо, его природа нередко понимается неверно. Часто утверждается, что древние не знали свободы, понимаемой как свобода индивида. Это утверждение справедливо для многих мест и периодов даже Древней Греции, но определенно неверно для Афин времени их величия (или Рима периода поздней республики); это может быть верно для выродившейся демократии времен Платона, но, конечно же, не для тех афинян, которым Перикл сказал, что «в нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады»¹⁰, и чьим воинам — в момент наивысшей опасности во время операции на Сицилии — их военачальник напомнил, что, прежде всего, они сражаются за отечество, в котором «люди наслаждаются свободой и где каждому дана возможность устроить свою частную жизнь независимо»¹¹. Каковы же были главные характеристики свободы в этой «свободнейшей из свободных стран», как по тому же случаю называл Афины Никий, свободы, увиденной глазами самих греков и англичан периода поздних Тюдоров и Стюартов?

¹⁰ *Фукидид*. История. II.37.2 [перевод Г.А. Стратановского]. Вероятно, самое убедительное свидетельство принадлежит врагам афинской либеральной демократии, когда они жалуются, как это сделал Аристотель, что в таких демократиях каждый живет «так, как ему хочется» (Политика. VI. 2. 1317b [перевод С.А. Жебелева]). (См. также: *Плутарх*. Линург. 24.) Греки, возможно, были первыми, кто стал путать свободу личную и политическую, но это не означает, что они не знали первой или не ценили ее. Во всяком случае, философы-стоики сохранили исходное значение и передали его последующим векам. Зенон определял свободу как «возможность самостоятельного действия, а рабство — его лишение» (*Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. VII.121 [перевод М.Л. Гаспарова]). Филон Александрийский даже предлагает совершенно современную концепцию свободы в рамках закона: «Нosoi de meta nomou zōsin, eleutheroi» [«Свободны те, кто живет согласно закону»] (Quod omnis probus liber sit, 452.45 [О том, что каждый добродетельный свободен]). Он также говорит о надписи в Приене, которая гласит: «Для эллинов нет ничего более великого, чем свобода» (*Philo of Alexandria*. Works. London: W. Heinemann, 1941. Vol. 9. 19.13a. [В действительности нужной цитаты по указанной ссылке нет. — *Ped.*]); а Страбон в своей «Географии» пишет о критянах: «Что касается государственного устройства критян, которое описано Эфором, то достаточно, пожалуй, дать беглый обзор важнейшего. По словам Эфора, законодатель, по-видимому, принял в основу положение, что свобода — высшее благо для государств. Ведь только одна свобода делает блага собственностью тех, кто приобрел их, тогда как блага, приобретенные в рабстве, принадлежат правителям, а не управляемым» (10.4.16 [перевод Г.А. Стратановского]). См.: *Havelock E.A.* The Liberal Temper in Greek Politics. New Haven: Yale University Press, 1957. Кроме того, больше невозможно отрицать наличие свободы в древних Афинах на основании того, что их экономика «основывалась» на рабстве, поскольку последние исследования ясно показали, что оно играло относительно неважную роль; см.: *Westermann W.L.* Athenaeus and the Slaves of Athen // *Athenian Studies Presented to William Scott Ferguson*. London: H. Milford, Oxford University Press, 1940. P. 451–470; *Jones A.H.M.* The Economic Basis of Athenian Democracy // *Past and Present*. 1952. Vol. 1. P. 13–31, переиздано в его же: *Athenian Democracy*. Oxford: B. Blackwell, 1957. P. 3–20.

¹¹ *Фукидид*. История. VII.69. Ложное представление о греческой свободе восходит к Томасу Гоббсу и получило широкую известность благодаря работе Бенжамена Констана «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» [1819] (переиздана: *Idem*. Cours de politique constitutionnelle. Paris: Guillaumin, 1861. Vol. 2. P. 539–560 [Полис. 1993. № 2]); а также работе: *Fustel de Coulanges N.D.* La Cité antique. Paris: Durand, 1864 (*Фюстель де Куланж Н.-Д.* Древний город. М.: Центрполиграф, 2010]. О спорах по этому вопросу см.: *Jellinek G.* Allgemeine Staatslehre / 2nd ed. Berlin: O. Härling, 1905. P. 285–305. Трудно понять, как даже в 1933 году Г. Ласки все еще мог утверждать, что «в таком органическом обществе концепция индивидуальной свободы была практически неизвестна» (*Laski H.J.* Liberty // *Encyclopedia of the Social Sciences*. 1993. Vol. 9. P. 442).

На ответ указывает слово, заимствованное людьми елизаветинской эпохи у греков, но потом вышедшее из употребления¹². *Isonomia* была привезена в Англию из Италии в конце XVI века в качестве слова, означающего «равное отношение закона к людям любого сорта»¹³; вскоре после этого переводчик Тита Ливия щедро использовал англизированную форму *isonomy* для обозначения равенства всех перед законом и ответственности должностных лиц¹⁴. Термин использовался на протяжении всего XVII века¹⁵, пока его постепенно не вытеснили выражения «равенство перед законом», «правление закона» и «верховенство закона».

История этого понятия в Древней Греции служит интересным примером, потому что представляет собой первый случай цикла, который цивилизация, похоже, повторяет. Появившись впервые¹⁶, оно обозначало состояние, которое Солон установил ранее в Афинах, когда дал народу «равные законы для знатных и подлых»¹⁷ и тем самым дал им «не столько контроль над публичной политикой, сколько уверенность в том, что ими управляют

¹² Ср.: *Huizinga J.* Wenn die Waffen schweigen: die Aussichten auf Genesung unserer Kultur. Basel: Burg-Verlag, 1945: «Man muss eigentlich bedauern, dass die Kulturen, die sich auf der Grundlage der griechischen Antike aufbauten, nicht an Stelle des Wortes Demokratie jenes andere übernommen haben, das in Athen auf Grund der geschichtlichen Entwicklung besondere Achtung erweckte und ausserdem den hier wesentlichen Gedanken einer guten Regierungsform besonders rein zum Ausdruck brachte: das Wort "Isonomia", Gleichheit der Gesetze. Dies Wort hatte sogar einen unsterblichen Klang. <...> Aus dem Worte "Isonomia" spricht weit deutlicher und unmittelbarer als aus "Demokratia" das Ideal der Freiheit; auch ist die in der Bezeichnung "Isonomia" enthaltene These nichts Unerfüllbares, wie dies bei "Demokratia" der Fall ist. Das wesentliche Prinzip des Rechtsstaates ist in diesem Wort bündig und klar wiedergegeben» [«И впрямь достойно сожаления, что культуры, строившие себя на фундаменте греческой Античности, не сохранили вместо слова „демократия“ другое слово, которое пользовалось в Афинах особым почтением в силу исторического развития и к тому же с непревзойденной четкостью выражало суть достойной формы правления, — слово „исономия“, означавшее равенство перед законом. Этот термин, можно сказать, звучит безупречно. <...> Он передает идеал свободы гораздо более ясно и непосредственно, чем „демократия“. Сверх того, обозначаемая им цель, — в отличие от той, которую выражает термин „демократия“, — не является недостижимой. Он лаконично и четко формулирует основной принцип правового государства»].

¹³ В италийском словаре: *Florio J.* Worlde of Wordes, or Most Copious and Exact Dictionary in Italian and English. London: Printed by Arnold Hatfield for Edw. Blount, 1598. P. 195.

¹⁴ *Livius Titus.* Romane Historie / Trans. Ph. Holland. London: Printed by Adam Islip, 1600. P. 114, 134, 1016.

¹⁵ Oxford English Dictionary в связи со словом *Isonomy* дает примеры его использования в 1659 и 1684 годах, свидетельствующие о том, что в этот период термин имел довольно широкое хождение.

¹⁶ Первое использование слова «изономия» зафиксировано у Алкмеона около 500 года до н.э. (*Diels H.* Die Fragmente der Vorsokratiker: Griechisch und Deutsch / 4th ed. Berlin: Wiedmannsche Buchhandlung, 1922. Vol. 1. P. 136. Alkmaion. Frag. 4 [Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989. Алкмеон, 4 (22). С. 272–274]). Поскольку оно использовано метафорически (изономия представлена как состояние физического здоровья), можно сделать вывод, что термин уже имел достаточное распространение.

¹⁷ *Diehl E.* Anthologia lyrica Graeca / 3rd ed. Leipzig: Teubner, 1949. Frag. 24. Line 18. Vol. 1. P. 45. См.: *Wolf E.* Mass und Gerechtigkeit bei Solon // Gegenwartsprobleme des internationalen Rechtes und der Rechtsphilosophie: Festschrift für Rudopf Laun zu seinem 70. Geburtstag. Hamburg: Girardet, 1953. P. 449–464; *Freeman K.* The Work and Life of Solon: With a Translation of His Poems. London: Milford, 1926; *Woodhouse W.J.* Solon, the Liberator: A Study of the Agrarian Problem in Attika in the Seventh Century. London: Oxford University Press, 1938; *Hönn K.* Solon, Staatsmann und Weiser. Vienna: L. W. Seidel, 1948. P. 107.

законно, в соответствии с известными правилами»¹⁸. Изономия противопоставлялась произволу тиранов и получила известность благодаря популярным застольным песням, воспевавшим убийство одного из этих тиранов¹⁹. Судя по всему, это понятие старше, чем *demokratia*, и требование равного участия всех в управлении является, видимо, одним из его последствий. Для Геродота все еще изономия, а не демократия «обладает преимуществом перед всеми [другими] уже в силу своего прекрасного имени»²⁰. Термин продолжали использовать и какое-то время после установления демократического правления — сначала как его обоснование, а позднее, как было сказано²¹, все больше для того, чтобы исказить его смысл, потому что демо-

¹⁸ Barker E. Greek Political Theory: Plato and His Predecessors / 2nd ed. London: Methuen, 1925. P. 44. См.: Acton. History of Freedom. P. 7; Vinogradoff P. Collected Papers of Paul Vinogradoff. Oxford: Clarendon Press, 1928. Vol. 2. P. 41–42.

¹⁹ См.: Pohlenz M. Griechische Freiheit: Wesen und Werden eines Lebensideals. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1955; Busolt G. Griechische Staatskunde. Pt. 1 of Allgemeine Darstellung des griechischen Staates / 3rd rev. ed. Munich: Beck, 1920. P. 417–418; Larsen J.A.O. Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to George H. Sabine. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1948. P. 1–16; Ehrenberg V. Isonomia // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: J.B. Metzler, 1940. Suppl. 7. P. 293–301; Idem. Origins of Democracy // Historia: Zeitschrift für alte Geschichte. 1950. Vol. 1. P. 515–548. Особенно с. 535; Idem. Das Harmodioslied // Wiener Studien: Zeitschrift für Klassische Philologie (Festschrift Albin Lesky). 1956. Vol. 69. P. 57–69; Vlastos G. Isonomia // American Journal of Philology. 1953. Vol. 74. P. 337–366; Jones J.W. The Law and Legal Theory of Greeks: An Introduction. Oxford: Clarendon Press, 1956. Ch. 4. Греческое *skolion*, упоминаемое в тексте, встречается в двух вариантах у Диля (*Diehl E. Anthologia lyrica Graeca*. Vol. 2. P. 184–185 [10 (9), *scolia*], 185 [13 (12)]). Любопытным свидетельством привлекательности этих песен, воспевавших *изономию*, для английских вигов конца XVIII века служит «Ода в подражание Каллистрату» сэра Уильяма Джонса, упоминавшегося нами ранее как пример связи между политическими взглядами вигов и эволюционной традицией в лингвистике (см.: Jones W. The Works of Sir William Jones. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly, and John Walker, Paternoster Row, 1807. Vol. 4. P. 574), которая начинается греческим текстом *skolion*, а после двадцати строк во славу Гармония и Аристогитона продолжает:

Тогда во всех *Афинах* мир царил,
Закон равный и дух Свободы:
Искусства колыбель и око *Греции!*
Народ решителен, отважен и свободен!
Не менее прославлены деяния
Твой, друг добродетели *Уэнтуорт*;
Не менее блистательна награда,
Преуготована тебе, друг *Равенства Ленокс!*
В Свободы храме чтут тебя, *Фитц-Морис*,
На возвышении лучезарном,
Достоинствам твоим поют хвалу,
Глас мудрости и доблести рука!
Пусть веки не сомкнет им рок:
Благословенные в цветущих кущах,
Пусть возлежат они с *Гармонием*,
И обретут покой с *Аристогитоном*.

См. также «Оду в подражание Алкею», где Джонс говорит в связи с «суверенным законом императрицы»:

Ее священный гневом поражен,
Рассеялся как дым бес *Произвола*.

²⁰ Геродот. История. III.80; см. также III.142, и V.37.

²¹ Busolt G. Allgemeine Darstellung des griechischen Staates. Munich: Beck, 1920. P. 417; Ehrenberg V. Isonomia // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: J.B. Metzler, 1940. Suppl. 7. P. 299.

кратическое правление вскоре стало пренебрегать тем самым равенством перед законом, которым обосновывалось его существование. Древние греки отчетливо понимали, что эти два идеала хоть и взаимосвязаны, но не тождественны: Фукидид без колебаний говорит об «изономической олигархии»²², а Платон даже сознательно использует термин «изономия» как противоположность демократии, а не как ее обоснование²³. К концу четвертого столетия стало необходимым подчеркивать, что «самое большое значение надо придавать тому, чтобы в демократии имели силу законы»²⁴.

На этом фоне некоторые знаменитые места у Аристотеля, хотя он уже не использует термин «изономия», выглядят как защита этого традиционного идеала. В «Политике» он подчеркивает, что «предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один», что тех, кто обладает высшей властью, «следует назначать... стражами закона и его слугами» и «кто требует, чтобы властвовал закон, по-видимому, требует, чтобы властвовало только божество и разум»²⁵. Он осуждает тот вид правления, при котором «верховная власть принадлежит не закону, а простому народу» и при котором «решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон». Для него такое правление не имеет отношения к свободному государству: «Там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем». Правление, при котором «все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера»²⁶. Если добавить к этому следующее место из «Риторики», мы получим достаточно полную формулировку идеала правления посредством закона²⁷: «Нужно, чтобы хорошо составленные за-

²² Фукидид. История. III.62.3–4 [в русских переводах — «равноправная олигархия». — *Ред.*]; и сопоставьте это использование термина в его законном смысле с упоминанием того, что Фукидид описывает как его лживое использование (III.82.8); ср. также: *Исократ*. Ареопагитика (VII. 20); Панаф (XII.178).

²³ Платон. Государство. viii. 557bc, 559d, 561e [в русском переводе используется термин «равноправие». — *Ред.*].

²⁴ Цицерон. Речь в защиту Евксениппа, 5: «ὁπὸς ἐν δημοκρατίᾳ κύριοι οἱ νόμοι εἰσὶν αἱ» («*hopōs en demokratiai kurioi hoi nomoi esontai*») [«что самое большое значение надо придавать тому, чтобы в демократии имели силу законы» (перевод Л.М. Глускиной)] (*Minor Attic Orators* / Ed. by J.O. Burt. 2 vols. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. Vol. 2. P. 468). Фраза о том, что закон — это царь (*nomos basileus*), встречается намного раньше.

²⁵ Аристотель. Политика. 1287a. Использован не наиболее привычный перевод на английский — Бенджамена Джоуэтта, а перевод Уильяма Эллиса: *The Politics of Aristotle: A Treatise on Government* / Trans. by W. Ellis. New York: Dutton, 1947.

²⁶ Там же. 1292a.

²⁷ Насколько фундаментальными оставались для афинян эти понятия, показывает закон, о котором Демосфен говорит в одной из своих речей («Против Аристократа») как о законе, который «нисколько не уступает своим совершенством любому другому закону» (xxiii. 86 [здесь и далее пер. на русский под ред. Л.П. Маринович]). Предложивший его афинянин полагал, что так же как каждый гражданин имеет равную долю в гражданских правах, так каждый должен иметь равную долю в законах; и он поэтому предложил такую формулировку: «Не разрешается издавать законы, касающиеся только одного человека, если они не будут распространяться равным образом на всех граждан Афин» (xxiv. 59). И это стало законом Афин. Нам не известно, когда это произошло — Демосфен упомянул об этом в 352 году до н.э. Но интересно, что к этому времени демократия уже стала первичным понятием, вытеснившим старую идею равенства перед законом. Хотя Демосфен уже не использует термин «изономия», его ссылка на закон есть не что иное, как парафраз этого старого идеала.

коны насколько возможно определяли все сами и оставляли на усмотрение судей как можно меньше <...> причина заключается в том, что решение законодателя подразумевает не отдельный случай, но относится к будущему и имеет характер всеобщности, тогда как участник народного собрания и судья принимают решения об уже существующем и по определенному делу»²⁸.

Имеются ясные доказательства того, что современное использование выражения «правление законов, а не людей» прямо восходит к этому высказыванию Аристотеля. Томас Гоббс был убежден, что «ошибкой „Политики“ Аристотеля является положение, что в хорошо организованном государстве должны управлять не люди, а законы»²⁹, на что Джеймс Харрингтон резко возразил, что «искусство установления и сохранения гражданского общества на фундаменте общих прав и интересов... [есть], говоря словами Аристотеля и Тита Ливия, господство законов, а не людей»³⁰.

3. В течение XVII столетия влияние латинских авторов в целом вытеснило прямое влияние греков. Поэтому нам надо кратко рассмотреть и традицию, идущую от Римской республики. Основание ее свободы образуют знаменитые законы Двенадцати таблиц, представляющие собой, по общему мнению, сознательное подражание законам Солона. Первый из содержащихся в них публичных законов гласит, что «недопустимо установление в пользу частных лиц никаких привилегий или статуты, ущемляющих права других, вопреки закону, общему для всех граждан, который бы люди

См. об этом законе: *Lipsius J.H.* Attisches Recht und Rechtsverfahren. Leipzig: Reisland, 1905–1915. Vol. 1. P. 388; *Weiss E.* Griechisches Privatrecht auf rechtsvergleichender Grundlage. Vol. 1: Allgemeine Lehren. Leipzig: F. Meiner, 1923. P. 93, n. 186a. См. также: «Никогда не было законным [в Афинах] изменить закон простым постановлением народного собрания. Инициатор подобного постановления подлежал знаменитому „обвинению в противозаконных действиях“, которое в случае поддержки его судом грозило инициатору тяжкими наказаниями» (*Jones A.H.M.* The Athenian Democracy and Its Critics // Cambridge Historical Journal. 1953. Vol. 9. P. 10, переиздано: *Idem.* Athenian Democracy. Oxford: B. Blackwell, 1957. P. 52).

²⁸ *Аристотель*. Риторика 1354ab [перевод О.П. Цыбенко]. Я не цитирую в тексте то место из «Политики» (1317b), где Аристотель в качестве условия свободы упоминает, что «ни одна должность... верховной власти не имеет ни в каком деле или в крайнем случае имеет ее в самом ограниченном круге дел», потому что оно встречается в контексте, где он не высказывает собственное мнение, а цитирует взгляды других. Важное утверждение, передающее его взгляды на судейское усмотрение, содержится в «Никомаховой этике», где он доказывает, что судья должен заполнить пробел в законе, «поправить упущение, которое признал бы даже сам законодатель, окажись он тут, а если бы знал заранее, то внес бы [эту поправку] в законодательство» (Кн. 5. Гл. 10. 1137b [перевод Н.В. Брагинской]) — тем самым предвосхитив знаменитую статью Швейцарского гражданского кодекса.

²⁹ *Hobbes T.* Leviathan / Ed. by M. Oakeshott. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 448 [*Гоббс Т.* Левиафан // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 522]. Характерно, что Фрэнсис Бэкон начинает «Великое восстановление наук» с выражения своей враждебности к Аристотелю, чьи книги, по его мнению, следовало бы запретить.

³⁰ *Harrington J.* The Commonwealth of Oceana. London: Printed by J. Streater for Livewell Chapman, 1656. P. 2, в начале. Фраза следует сразу за тем местом в «Левеллере» 1659 года, которое цитируется в работе: *Gough J.W.* Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford: Clarendon Press, 1955. P. 137. [The Leveller; or, the Principles and Maxims Concerning Government and Religion, Which are Asserted by those that are commonly called Levellers. London: Printed, for Thomas Brewster, at the Three Bibles, at the West-End of Pauls, 1659. P. 5. — *Ped.*]

любого звания имели право использовать»³¹. Это базовая идея, в соответствии с которой постепенно сформировалась — и этот процесс очень похож на процесс возникновения общего права³² — первая в истории в полной мере развитая система частного права, очень отличающаяся по духу от появившегося впоследствии кодекса Юстиниана, который определил правовое мышление континентальной Европы.

Этот дух законов свободного Рима дошел до нас главным образом в работах историков и ораторов того времени, вновь ставших влиятельными в период латинского Ренессанса в XVII веке. Тит Ливий — переводчик которого познакомил людей с термином «изономия» (сам Ливий его не использовал) и у которого Харрингтон взял идею различия между правлением законов и правлением людей³³, — Тацит и, прежде всего, Цицерон стали главными авторами, благодаря которым распространялась античная традиция. Действительно, Цицерон стал главным авторитетом для современного либерализма³⁴, и ему мы обязаны многими из самых впечатляющих формулировок идеи свободы в рамках закона³⁵. Ему обязаны своим появлением концепция общих правил, или *leges legum*, которые направляют законодательную деятельность³⁶, представление о том, что мы по-

³¹ См.: *Scott S.P.* The Civil Law, Including the Twelve Tables, the Institutes of Gaius, the Rules of Ulpian, the Opinions of Paulus, the Enactments of Justinian, and the Constitutions of Leo. Cincinnati: Central Trust Co., 1932. Vol. 1. P. 73. [Таблица IX. Закон 1. — *Ред.*]

Обо всем этом разделе см., в дополнение к трудам Моммзена, две книги, с которыми я познакомился после окончания работы над этой книгой: *Wirszubski C.* Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1950; *Lübrow U. von.* Blüte und Verfall der römischen Freiheit: Betrachtungen zur Kultur- und Verfassungsgeschichte des Abendlandes. Berlin: Blaschker, 1953.

³² См.: *Buckland W.W., McNair A.D.* Roman Law and Common Law: A Comparison in Outline. Cambridge: Cambridge University Press, 1936.

³³ *Тит Ливий.* История Рима от основания города. II.1.1: «*imperia legum potentiora quam hominum*» [«власть законов, превосходящая человеческую», перевод под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе]. Эту латинскую фразу цитируют (неточно) Алджернон Сидней (*Sidney A.* Discourses Concerning Government // The Works of Algernon Sydney. London: Printed for W. Strahan Inn. for T. Beckert and Co., 1772. P. 10) и Джон Адамс (*Adams J.* Works: With a Life of the Author. Boston: Charles C. Little and James Brown, 1851. Vol. 4. P. 403). В переводе Голланда, опубликованном в 1600 году, который цитируется выше в примечании 14, эти слова переданы так: «Власть и *правление законов* более сильны и могущественны, чем власть и правление людей» — слова, выделенные мною курсивом, представляют собой самый ранний из известных мне случаев, когда слово *rule* (правило) используется в значении «правление» или «господство» (с. 44).

³⁴ См.: *Rüegg W.* Cicero und der Humanismus: formale Untersuchungen über Petrarca und Erasmus. Zurich: Rheinverlag, 1946; *Sabine G.H., Smith S.B.* Introduction // Cicero M. Tullius. On the Commonwealth. Columbus: Ohio State University Press, 1929. P. 74–99. О влиянии Цицерона, в частности, на Давида Юма см. его «Автобиографию»: *Hume D.* My Own Life // Hume. Essays. Vol. 1. P. 2; а также: *Laird J.* Hume's Philosophy of Human Nature. London: Methuen and Co., Ltd., 1932. P. 241–243. Автор говорит о «цицероновском привкусе в этическом мышлении Юма».

³⁵ *Цицерон.* Речь о своем доме. XIII.33, где он говорит: «Основным признаком свободного государства является невозможность нанести правам и имуществу гражданина какой бы то ни было ущерб без приговора сената, или народа, или людей, которые были назначены быть судьями в том или ином деле» [перевод В.О. Горенштейна].

³⁶ *Цицерон.* О законах. II.7.18. Эти «высшие законы» признавались римлянами, которые начертали в своих статутах положение, утверждающее, что они не собираются отменять то, что является священным или *jus* [правом (*лат.*)] (см.: *Corwin E.S.* The «Higher Law» Background of American Constitutional Law. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1955. P. 12–18, и литературу, которая там цитируется).

винуемся закону, чтобы быть свободными³⁷, и концепция, в соответствии с которой судья должен быть всего лишь устами, которыми говорит закон³⁸. Никто другой не показывает с такой ясностью, что в классический период римского права вполне понимали, что не существует конфликта между законом и свободой и что свобода зависит от определенных свойств закона — от его всеобщности и определенности, а также от того, как он ограничивает дискреционные полномочия власти.

Этот классический период был также и периодом полной экономической свободы, которой Рим был обязан своим могуществом и процветанием³⁹. Однако во втором столетии новой эры началось быстрое наступление государственного социализма⁴⁰. При этом свобода, созданная равенством всех перед законом, постепенно разрушалась, так как возник спрос на другого рода равенство. В период поздней империи закон стал менее строг,

³⁷ Цицерон. Речь в защиту Авла Клуенция Габита. LIII.146: «Omnes legum servi sumus ut liberi esse possimus». [Точная цитата: «Legum ministri magistratus, legum interpretes iudices, legum denique idcirco omnes servi sumus, ut liberi esse possimus» <«Слуги законов — должностные лица, толкователи законов — судьи, наконец, рабы законов — все мы, именно благодаря этому мы можем быть свободны», перевод В.О. Горенштейна>. — *Ред.*] Ср.: «Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане» (*Montesquieu*. Spirit of the Laws. Vol. 2. P. 76 [Монтескье. О духе законов. С. 137]; «La liberté consiste à ne dépendre que de lois» [«Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов»] (*Voltaire*. Pensées sur le gouvernement [1752] // *Idem*. Œuvres complètes. Paris: Garnier frères, 1877–1885. Vol. 23. P. 526 [Вольтер. Мысли о государственном управлении // Он же. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1947. С. 546]); «Свободы нет там, где нет законов и где кто-то стоит над законами: даже в естественном состоянии человек свободен только благодаря естественному закону, который предписан каждому» (*Rousseau J.J.* Lettres écrites de la Montagne. Lettre 8 // The Political Writings of Jean Jacques Rousseau. Cambridge: Cambridge University Press, 1915. Vol. 2. P. 235).

³⁸ Цицерон. О законах. III.1.2: «Magistratum legem esse loquentem» [«Магистрат — это закон говорящий», перевод В.О. Горенштейна]. Ср. с тем, что сказал сэр Эдвард Кук в Деле Кальвина (цитируется в главе 4, примечание 18) (*Coke E.* Seventh report // The Reports of Edward Coke. London: J. Butterworth and Son, 1826. Pt. 7, 6. Vol. 4. P. 6); «Judex est lex loquens» [«Судья есть закон говорящий»]; и с правовой максимой XVIII столетия, «Rex nihil aliud est quam lex agens» [«Король есть не что иное, как действующий закон»]; а также с высказыванием Монтескье в книге «О духе законов» (книга 11, глава 6): «...Судьи народа... не более как уста, произносящие слова закона, безжизненные существа, которые не могут ни умерить силу закона, ни смягчить его суровость» (*Montesquieu*. Spirit of the Laws. Vol. 1. P. 159 [Монтескье. О духе законов. С. 145]). Эта фраза была еще раз повторена в США председателем Верховного суда Джоном Маршаллом (дело *Osborn v. Bank of United States*, 22 U.S. [9, Wheaton. — *Ред.*] 738 at 866), когда он сказал о судьях как о «простых рупорах закона», не «способных ничего желать». [В действительности фраза звучит так: «Суды — лишь инструменты закона и не способны ничего желать». — *Ред.*]

³⁹ См.: *Rostovtzeff M.I.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig: Quelle und Meyer, 1931. Vol. 1. P. 49, 140 [*Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи: В 2 т. М.: Наука, 2000. Т. 1. С. 51, 161].

⁴⁰ См.: *Oertel F.* The Economic Life of the Empire // Cambridge Ancient History. Vol. 12: The Imperial Crisis and Recovery, A.D. 193–324. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 232–281. Особенно с. 270 и далее. Также см. принадлежащее перу того же автора приложение к книге: *Pöhlmann R.* Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt / 3rd ed. Munich: C.H. Beck, 1925. Vol. 2. P. 511–585; также: *Lübnow U. von.* Blüte und Verfall der römischen Freiheit. Berlin: Blaschker, 1953. P. 87–107; *Rostovtzeff M.I.* The Decay of the Ancient World and Its Economic Explanation // Economic History Review. 1930. Vol. 2. P. 196–214; *Frank T.* Epilogue: Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore: John Hopkins Press, 1933–1940. Vol. 5. P. 296–304; *Haskell H.J.* The New Deal in Old Rome. New York: A. Knopf, 1939; *Einaudi L.* Greatness and Decline of Planned Economy in the Hellenistic World // Kyklos. 1948. Vol. 1 [Pt. 1. P. 193–210; Pt. 2. P. 289–315. — *Ред.*], переиздано как: *Idem*. Greatness and Decline of Planned Economy in the Hellenistic World. Berne: A. Francke, 1950.

поскольку государство в интересах новой социальной политики усилило контроль над экономической жизнью. Итогом этого процесса, достигшего кульминации при Константине, было то, что, по словам выдающегося исследователя римского права, «абсолютная власть провозгласила наравне с принципом справедливости авторитет эмпирической воли, не стесняемой ограничениями закона. Юстиниан с его учеными профессорами довел этот процесс до логического конца»⁴¹. Соответственно, концепция, согласно которой законодательство должно служить защите свободы человека, была после этого на тысячу лет забыта. И когда вновь было открыто искусство законодательства, образцом на континенте стал кодекс Юстиниана с его концепцией монарха, стоящего над законом⁴².

4. В Англии, однако, широкое влияние античных авторов в царствование Елизаветы подготовило путь для другого развития. Вскоре после ее смерти вспыхнула ожесточенная борьба между королем и парламентом, в качестве побочного продукта которой возникла свобода индивида. Примечательно, что споры начались главным образом с вопросов экономической политики, очень сходных с теми, с которыми мы снова сталкиваемся сегодня. Историк XIX века действия Якова I и Карла I, спровоцировавшие конфликт, могли казаться устаревшими и не представляющими жизненного интереса. Нам же проблемы, порожденные попытками королей установить промышленные монополии, знакомы: Карл I даже попытался национализировать угольную промышленность, и его остановило только предостережение, что это может вызвать бунт⁴³.

После того как в знаменитом деле о монополиях⁴⁴ суд постановил, что предоставление исключительных прав на производство любого вида продукции «противоречит общему праву и свободе подданных», требование равных законов для всех граждан стало главным оружием парламента

---

⁴¹ *Pringsheim F.* Jus aequum und jus strictum // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1921. Vol. 42. P. 668. См. того же автора: *Idem.* Höhe und Ende der Jurisprudenz: Vortrag gehalten bei der Freiburger wissenschaftlichen Gesellschaft am 3. Dezember 1932. Freiburg am Baden: Speyer und Kaerner, 1933.

⁴² См.: *Esmelin A.* La Maxime Princeps legibus solutus est dans l'ancien droit public français // Essays in Legal History Read Before the International Congress of Historical Studies Held in London in 1913 / Ed. by P. Vinogradoff. London: Oxford University Press, 1913. P. 201–214.

⁴³ См.: *Nef J.U.* Industry and Government in France and England, 1549–1640. Philadelphia: American Philosophical Society, 1940. P. 114. Интересное описание того, как позднее «свобода

печати появилась в Англии почти случайно, в качестве побочного результата отмены коммерческой монополии», см.: *Cranston M.* John Locke. London: Longmans, 1957. P. 387.

⁴⁴ Решение 1603 года в процессе *Darcy v. Allein* (The “Case of Monopolies”) (11 Co. Rep. 84 b, 77 Eng. Rep. 1260 [1603]; Moore 671, 72 Eng. Rep. 830 [1603]; Noy 173, 74 Eng. Rep. 1131 [1603]). Сам принцип был сформулирован четырьмя годами ранее в решении по делу *Davenant v. Hurd* (The Merchant Tailors’ Case) (Moore 576, 72 Eng. Rep. 769 [King’s Bench]), когда было заявлено, что «предписание такого рода, направленное на передачу всей отрасли или всего грузопотока одной компании или одному человеку и исключение всех остальных противоречит закону». См.: *Letwin W.L.* The English common Law concerning Monopolies // University of Chicago Law Review. 1953–1954. Vol. 21. P. 355–385; а также две статьи Дональда Вагнера: *Wagner D.O.* Coke and the Rise of Economic Liberalism // Economic History Review. 1935–1936. Vol. 6. P. 30–44; *Idem.* The Common Law and Free Enterprise: An Early Case of Monopoly // Economic History Review. 1936–1937. Vol. 7. P. 217–220.

в противостоянии устремлениям короля. Тогда англичане лучше, чем сегодня, понимали, что регулирование производства всегда означает создание привилегии: Петру дано разрешение делать то, что Павлу не позволено.

Однако первая эпохальная формулировка базового принципа была связана с другим видом экономического регулирования. Петиция 1610 года королю Якову I была спровоцирована тем, что тот ввел новые правила строительства в Лондоне и запретил производить крахмал из пшеницы. Эта знаменитая жалоба палаты общин утверждает, что среди всех традиционных прав британских подданных «нет ни одного, которое бы они считали более дорогим и любимым, чем право быть ведомыми и руководимыми надежным правлением закона, которое дает голове и членам то, что принадлежит им по праву, а не в силу зависящей от случая и произвола формы правления. <...> Из этого корня выросло бесспорное право народа нашего королевства не подвергаться никакому наказанию, распространяющемуся на их жизнь, земли, тело или имущество, если оно не предписано общими законами этой страны или законами, принятыми по общему согласию парламентом»⁴⁵.

Наконец, в ходе дискуссии по поводу Статута о монополиях 1624 года сэр Эдвард Кук, этот великий источник идей вигов, разработал свою интерпретацию Великой хартии вольностей, которая стала краеугольным камнем новой доктрины. Во второй части «Институтов английского права» (*Institutes of the Laws of England*), вскоре после этого опубликованной по решению палаты общин, он не только утверждает (со ссылкой на дело о монополиях), что «если какому-либо человеку предоставлено право быть единственным в производстве игральные карты или в любом другом занятии, то такое пожалование несовместимо с вольностями и свободой подданного, который прежде занимался или мог бы законным образом заниматься этим делом, и, следовательно, это противоречит Великой хартии»⁴⁶; но идет дальше этого возражения против королевской прерогативы и призывает сам парламент «измерять все основания золотым и верным мерлом закона, а не зависящим от случая и извивающимся шнурком усмотрения»⁴⁷.

Из всестороннего и непрерывного обсуждения этих вопросов в ходе Гражданской войны постепенно возникли все те политические идеалы, которые с тех пор направляют политическую эволюцию Англии. Мы

---

⁴⁵ Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of James I / Great Britain, Public Record Office. London: Longman, Brown, Green, Longmans, and Roberts, 1857–1872. Vol. 5. July 7, 1610. [В действительности запись петиции см.: *Proceedings in Parliament*, 1610. Vol. 2: House of Commons. New Heaven: Yale University Press, 1966. P. 257–271. Прочитанные строки см. на с. 258. — *Ред.*]

⁴⁶ *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the Exposition of Many Ancient and Modern Statutes. London: Printed for W. Clarke and Sons, 1809. P. 47.

⁴⁷ *Ibid.* P. 51. [В действительности цитата из: *Idem.* Fourth Part of the Institutes of the Laws of England, Concerning the Jurisdiction of Courts. London: printed for E. and R. Brooke, 1797. P. 40–41. — *Ред.*]

не можем заняться здесь детальным исследованием их развития в полемической литературе того периода, чрезвычайное идейное богатство которой открылось только после недавнего переиздания источников⁴⁸. Мы можем лишь перечислить основные идеи, которые звучали все чаще и чаще, пока, ко времени Реставрации, не стали частью утвердившейся традиции и, после Славной революции 1688 года, частью доктрины победившей партии.

Великим событием, ставшим для последующих поколений символом непреходящих достижений Гражданской войны, была ликвидация в 1641 году прерогативных судов и особенно Звездной палаты, которая стала, по часто цитируемому выражению Мейтленда, «собранием политиков, проводящих свою политическую линию, а не местом для судей, осуществляющих правосудие»⁴⁹. Почти в то же время впервые была предпринята попытка обеспечить независимость судей⁵⁰. В дискуссиях последующих двадцати лет центральное место занял вопрос, становившийся все более важным, — о предотвращении произвольных действий правительства. Несмотря на давнишнее смешение двух значений слова *arbitrary* [«дискреционный, произвольный» и «деспотичный» (*англ.*)], когда парламент начал действовать столь же произвольно, как и король⁵¹, стало ясно, что произвольность действия определяется не источником власти, а тем, согласуется ли оно с существующими до и независимо от него общими принципами права⁵². Чаще всего подчеркивались следующие положения: не должно быть наказаний, не предусмотренных существовавшими прежде законами⁵³; никакие статуты не должны иметь обратной силы⁵⁴; дискреционные пол-

---

⁴⁸ См.: *Clarke W.* The Clarke Papers: Selections from the Papers of William Clarke, Secretary to the Council of the Army, 1647–1649, and to General Monck and the Commanders of the Army in Scotland, 1651–1660 / Ed. by C.H. Firth. London: Printed for the Camden Society, 1891–1901. Vol. 1–4; *Gooch G.P.* English Democratic Ideas in the Seventeenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1898; *Pease T.C.* The Leveller Movement: A Study in the History and Political Theory of the English Civil War. Washington, DC: American Historical Association, 1916; *Tracts on Liberty in the Puritan Revolution, 1638–1647* / Ed. by W. Haller. New York: Columbia University Press, 1934. Vol. 1–3; *Puritanism and Liberty: Being the Army Debates (1647–9) from the Clarke Manuscripts, with Supplementary Documents* / Ed. by A.S.P. Woodhouse. London: J.M. Dent and Sons, 1938; *The Leveller Tracts: 1647–1653* / Ed. by W. Haller, G. Davies. New York: Columbia University Press, 1944; *Wolfe M.* Leveller Manifestoes of the Puritan Revolution. New York: T. Nelson and Sons, 1944; *Haller W.* Liberty and Reformation in the Puritan Revolution. New York: Columbia University Press, 1955; *Zagorin P.* A History of Political Thought in the English Revolution. London: Routledge and Paul, 1954.

⁴⁹ *Maitland F.W.* The Constitutional History of England: A Course of Lectures. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. P. 263.

⁵⁰ Ср.: *McIlwain C.H.* The Tenure of English Judges // *Constitutionalism and the Changing World: Collected Papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 300.

⁵¹ См.: *Gough J.W.* Fundamental Law in English Constitutional History. Oxford: Clarendon Press, 1955. P. 76 ff., 159.

⁵² *Gardiner S.R.* History of Great Civil War: 1642–1649. London: Longmans, Green, and Co., 1898. Vol. 3. P. 392–394.

⁵³ Это одна из главных тем оставшейся в записях части «дебатов об армии» (см.: *Puritanism and Liberty: Being the Army Debates (1647–49) from the Clarke Manuscripts, With Supplementary Documents* / Ed. by A.S.P. Woodhouse. London: J.M. Dent and Sons, 1938. P. 336, 345, 354–355, 472).

⁵⁴ Эта неоднократно повторяющаяся фраза явно восходит к Эдварду Куку (*Coke E.* The Second Part of the Institute. London: Printed for W. Clarke and Sons, 1809. P. 292): «Nova

номочия всех должностных лиц и судей должны быть строго очерчены законом⁵⁵. В общем, руководящая идея состояла в том, что королем должен быть закон или, как сказано в одном из полемических трактатов того периода, «Lex, Rex» [«Закон — Царь» (*лат.*)]⁵⁶.

Постепенно возникли две ключевые концепции, связанные с тем, как защитить эти основные идеалы: идея писаной конституции⁵⁷ и принцип разделения властей⁵⁸. Когда в январе 1660 года, как раз накануне Реставрации, в «Декларации парламента, собравшегося в Вестминстере» была сделана последняя попытка зафиксировать в официальном документе основные принципы конституции, туда был включен следующий поразительный пассаж: «Поскольку нет ничего более необходимого для свободы государства, чем то, что людьми должны править законы и что правосудие должны отправлять только те, кто несет ответственность за плохое его отправление, настоящим сверх того объявляется, что все судебные разбирательства, касающиеся жизни, свободы и собственности всех свободных

---

consitutio futuris formam imponere debet, non praetiritis» [«Новая конституция должна придавать форму будущему, а не прошлому»].

⁵⁵ См.: *Puritanism and Liberty*. P. 154 ff., 353 ff.

⁵⁶ *Rutherford S. Lex, Rex: The Law and the Prince: A Dispute for the Just Prerogative of King and People*. London: Printed for John Field, 1644; выдержки из этой работы приведены см.: *Puritanism and Liberty*. P. 199, 212. Оборот, стоящий в названии, восходит к древнегреческому *nomos basileus*. Противопоставление закона и произвола использовали не только «круглоголовые» (презрительная кличка, которой сторонники короля называли сторонников парламента); оно часто встречается в аргументах роялистов, и Карл I в своей речи на эшафоте мог утверждать: «Их вольности и их свобода состоят в том, чтобы получать от государства те законы, при которых их жизнь и их имущество будут их собственными в наибольшей мере: речь не идет об участии в правлении» (*King Charles*. The Speech Made upon the Scaffold at Whitehall-Gate, Immediately before his Execution, on Tuesday the 30 of Jan. 1648. With a Relation of the Maner of His Going to Execution. London: Printed by P. Cole, 1649. P. 6).

⁵⁷ См.: *Gardiner S.R. The Constitutional Documents of Puritan Revolution, 1625–1660* / 3rd ed. rev. Oxford: Clarendon Press, 1906. Достаточно хороший краткий обзор см.: *Wormuth F.D. The Origins of Modern Constitutionalism*. New York: Harper, 1949. См. также: *Rothschild W. Der Gedanke der geschriebenen Verfassung in der englischen Revolution*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1903; *Judson M.A. The Crisis of the Constitution: An Essay in Constitutional and Political Thought in England, 1603–1945*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1949; *Gough J.W. Fundamental Law in English Constitutional History*. Oxford: Clarendon Press, 1955. См. также: «В каждом правлении должно быть нечто фундаментальное, нечто вроде Великой хартии вольностей, определенное и неизменное» (*Cromwell O. Letters and Speeches* / Ed. by T. Carlyle. 2nd ed. enlarged. London: Chapman and Hall, 1846. Vol. 3. P. 67).

⁵⁸ Впервые идея разделения властей появилась, по-видимому, в 1645 году в памфлете Джона Лилберна (см.: *Pease T.C. The Leveller Movement*. Washington, DC: American Historical Association, 1916. P. 114), а вскоре после этого она встречается уже довольно часто, например в памфлете Джона Мильтона «Иконоборец»: «У всех мудрых народов законодательная власть и судебное исполнение этой власти чаще всего были разьединены и [находились] в разных руках; но при этом первая была высшей, а другая — подчиненной» (*Milton J. Eikonoklastes* [1649] // *The Prose Works, With a Preface, Preliminary Remarks, and Notes* / Ed. by J.A. St. John. London: H.J. Bohn, 1884. Vol. 1. P. 363), — и в работе Джона Сэдлера «Права королевства» (1649): «Весьма спорна идея, что законодательная, судебная и исполнительная власти по естественному праву должны быть в разных руках» (*Sadler J. Rights of the Kingdom*; цит. по: *Wormuth F.D. The Origins of Modern Constitutionalism*. New York: Harper, 1949. P. 61). Идея была весьма детально разработана в книге: *Lawson G. An Examination of the Political Part Mr. Hobbs, His Leviathan*. London: Printed by R. White for Francis Tyton, 1657 (см.: *Maclean A.H. George Lawson and John Locke* // *Cambridge Historical Journal*. 1947. Vol. 9. P. 69–78). Дополнительные ссылки можно найти в работе: *Wormuth F.D. The Origins of Modern Constitutionalism*. New York: Harper, 1949. P. 59–72, 191–206. Чрезвычайно полезное руководство по литературе английских вигов XVIII века — работа Кэролайн Роббинс: *Robbins C. The Eighteenth Century Commonwealthmen*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959.

людей нашего государства, должны осуществляться в соответствии с законами этой земли и что парламент не должен вмешиваться в повседневное администрирование или в сферу исполнения закона: принципиальная [*sic*] часть [всего] этого, так же как это было при всех прежних парламентах, состоит в том, чтобы оберегать свободу людей от произвола правительства»⁵⁹. Если впоследствии принцип разделения властей и не был, по-видимому, вполне «устоявшимся принципом конституционного права»⁶⁰, он, по крайней мере, оставался частью господствующей политической доктрины.

5. На протяжении последующих ста лет всем этим идеям — в той итоговой форме, которую они приняли после окончательного изгнания Стюартов в 1688 году, — предстояло оказать решающее влияние не только в Англии, но также в Америке и на Европейском континенте. Хотя в то время, пожалуй, некоторые другие работы были не менее, а, возможно, и более, влиятельными⁶¹, «Второй трактат о гражданском правлении» Джона Локка

---

⁵⁹ Wormuth F.D. The Origins of Modern Constitutionalism. New York: Harper, 1949. P. 71.

⁶⁰ Ibid. P. 72.

⁶¹ Два основных автора, которые должны быть упомянуты в сколько-нибудь полном обзоре, — это Алджернон Сидней и Гилберт Бернет. В работе Сиднея «Рассуждения о правлении» (впервые опубликована в 1698 году) для нас существенны следующие тезисы: «Свобода состоит исключительно в независимости от воли другого», что логически связано с максимой «*potentiora erant legum quam hominum imperia*» [«сила закона была больше, чем сила людей» (*лат.*)] (Sidney A. Discourses concerning Government // The Works of Algernon Sydney. London, 1772. P. 10); «законы, направленные к общему благу, не проводят различий между людьми» (Ibid. P. 150); законы принимаются, «потому что народы должны управляться по правилам, а не по произволу» (Ibid. P. 338); и законы «должны по возможности быть бессрочными» (Ibid. P. 492). Из многочисленных работ Гилберта Бернета особого внимания заслуживает его анонимно опубликованная книга: [Burnet G.] Enquiry into the Measures of Submission to the Supreme Authority and of the Grounds upon which it may be Lawful or Necessary for Subjects to Defend Their Religion, Lives, and Liberties. London, 1688: «Требование свободы всегда утверждает себя, если только не получается так, что от него отказались или оно было ограничено специальным соглашением. <...> В деле управления этим гражданским обществом нужно проводить четкое различие между властью принимать законы, чтобы регулировать его образ действий, и властью проведения этих законов в жизнь; высшей властью должны быть наделены те, за кем закреплена законодательная власть; но не те, кто наделен только исполнительной, которая, когда она отделена от законодательной власти, является просто-напросто доверительным управлением» (цит. по: Harleian Miscellany; or, A Collection of Scarce, Curious, and Entertaining Pamphlets and Tracts / Ed. by William Oldys. London: Printed for R. Dutton, 1808–1811. Vol. 9. Особенно с. 204). Также см.: «Мера власти и, как следствие, мера повиновения должны опираться на явно сформулированные законы того или иного государства или совокупности людей, или на клятвы, которые они дают, или на права давности и длительного владения, которые оба дают титул [власти] и, после длительного времени, делают плохой титул хорошим; поскольку право давности, когда оно закрепляется в памяти человека и не оспаривается никаким другим претендентом, дает в силу общего согласия людей справедливый и хороший титул. Таким образом, говоря об этом вопросе в целом, мера всякой гражданской власти должна иметь источником либо явно сформулированные законы, древние обычаи, либо те клятвы, которые подданные приносят своему государю; еще только предстоит установить в качестве принципа, что во всех спорах между властью и свободой власть всегда должна оправдываться, тогда как свобода заранее оправдана; первая опирается на позитивное право, а вторая — на естественное право» (Ibid. P. 205–206). «Главный замысел всего нашего права и всех отдельных правил нашей конституции состоит в защите и сохранении нашей свободы» (Ibid. P. 209). Именно на этот трактат ссылались в своих работах тогдашний континентальный европеец, открывший для себя английскую свободу, такой как Мъеж: он заявлял, что «никакие подданные в мире не обладают столь многочисленными фундаментальными и наследуемыми свободами, как народ Англии» и что «поэтому их состояние было самым счастливым и предпочтитель-

оказал столь выдающееся долговременное воздействие, что мы должны сосредоточить свое внимание на нем.

Труд Локка получил известность главным образом как всестороннее философское оправдание Славной революции⁶², а его подлинный вклад заключается преимущественно в более общих размышлениях о философских основаниях правления. Но тем аспектом его работы, который был наименее важен в его время и больше всего занимает нас здесь, является его кодификация победившей политической доктрины, тех практических принципов, которые, как было решено, должны отныне и впредь контролировать правомочия государства⁶³.

Если в философской части своих рассуждений Локк занят источником, делающим власть легитимной, и общей целью правления, то практическая проблема, которая его занимает, — как можно не допустить, чтобы власть, кому бы она ни принадлежала, стала произвольной: «Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека»⁶⁴. Его аргумент направлен главным образом против «беспорядочного и ненадежного применения власти»⁶⁵: существенно то, что «кто бы ни обладал законодательной или верховной властью в любом государстве, он обязан править согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным народу, а не путем импровизированных указов; править с помощью

ным в сравнении со всеми европейскими подданными» (*Miège. L'État présent de la Grande-Bretagne...* Amsterdam: Chez les Wetsteins, 1708. P. 512–513).

⁶² Это можно утверждать даже несмотря на то, что, как представляется сегодня, черновик его «Трактата» был готов еще до революции 1688 года. (См.: *Cranston M. John Locke. London: Longmans, 1957. P. 326*; и особенно вступительную статью Питера Ласлетта к изданию: *Locke J. Two Treatises of Government: A Critical Edition / Ed. by P. Laslett. Cambridge: Cambridge University Press, 1964*.)

⁶³ Ср.: *Gough J.W. John Locke's Political Philosophy: Eight Studies. Oxford: Clarendon Press, 1950*. Вопрос о том, в какой мере Локк, рассматривая вопросы, которые мы обсуждаем здесь, просто подытожил взгляды, задолго до него сформулированные юристами того времени, заслуживает дальнейшего изучения. В этой связи особенно важен сэр Мэтью Хейл, который примерно в 1673 году в своем рукописном ответе Гоббсу, вероятно, известном Локку (см. письмо Обри Локку, цитируемое в в работе: *Cranston M. John Locke. London: Longmans, 1957. P. 152*), говорит: «Чтобы избежать этой большой неопределенности в применении разума конкретными лицами в конкретных ситуациях; а также для того, чтобы люди могли понимать, по каким правилам и критериям жить и владеть; и чтобы не оказаться под властью неизвестного, произвольного и ненадежного разума отдельных лиц — все это было главной причиной того, что более мудрые люди мира во все века договаривались о неких определенных законах, правилах и методах отправления общего правосудия, чтобы это было настолько точным и определенным, насколько можно было помыслить» («Sir Matthew Hale's Criticisms on Hobbes Dialogue of the Common Laws» издано как приложение к книге: *Holsworth W.S. A History of English Law. London: Methuen, 1924. Vol. 5. P. 503*). См. также: *Pocock J. G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law. New York: Cambridge University Press, 1957*.

⁶⁴ *Locke. Second Treatise. Sec. 22. P. 13* [Локк. Два трактата о правлении. Книга вторая. § 22. С. 274].

⁶⁵ *Ibid. Sec. 127. P. 63* [Там же. § 127. С. 335].

беспристрастных и справедливых судей, которые должны разрешать споры посредством этих законов; и применять силы сообщества в стране только для выполнения таких законов»⁶⁶. Даже законодатели не имеют «абсолютной деспотической власти»⁶⁷, и «законодательная власть не может брать на себя право повелевать посредством произвольных деспотических указов; наоборот, она обязана отправлять правосудие и определять права подданного посредством провозглашенных постоянных законов и известных уполномоченных на то судей»⁶⁸, тогда как «верховный исполнитель закона... не имеет ни воли и ни власти, кроме тех, которыми обладает закон»⁶⁹. Локк не склонен признавать какую-либо суверенную власть, и сам «Трактат» порой характеризуется как критика идеи суверенитета как таковой⁷⁰. Главная практическая защита от злоупотребления властью, предложенная им, — это идея разделения властей, которую он излагает несколько менее отчетливо и в менее привычной форме, чем некоторые его предшественники⁷¹. Больше всего его заботит, как ограничить своеволие «того, в чьих руках находится исполнительная власть»⁷², но никаких особых предохранительных механизмов он не предлагает. Однако его конечная цель — то, что сегодня часто называют «приручением власти»: цель, ради которой люди «выбирают и уполномочивают законодательный орган, заключается в том, чтобы принимались законы и устанавливались правила в качестве гарантии и охраны собственности всех членов общества, дабы ограничивалась власть и умерялось господство каждой части и каждого члена общества»⁷³.

6. Путь от одобрения идеала общественным мнением до его полной реализации в политике весьма долг; и идеал верховенства закона, пожалуй, еще не успел полностью воплотиться в практике, когда спустя двести лет процесс пошел в обратном направлении. Как бы то ни было, главным периодом консолидации, когда он все больше входил в повседневную жизнь, была первая половина XVIII века⁷⁴. Начиная с окончательного под-

⁶⁶ Ibid. Sec. 131. P. 64 [Там же. § 131. С. 337].

⁶⁷ Ibid. Sec. 137. P. 69 [Там же. § 137. С. 342].

⁶⁸ Ibid. Sec. 136. P. 68 [Там же. § 136. С. 281].

⁶⁹ Ibid. Sec. 151. P. 75 [Там же. § 151. С. 350–351].

⁷⁰ См.: *Figgis J.N.* The Divine Right of Kings / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1914. P. 242; *Holdsworth W.S.* Some Lessons From Our Legal History. New York: Macmillan, 1928. P. 126–127; *Vaughan C.E.* Studies in the History of Political Philosophy before and after Rousseau. Manchester: Manchester University Press, 1939. Vol. 1. P. 134.

⁷¹ *Locke.* Second Treatise. Ch. 13. P. 74–79 [Локк. Два трактата о правлении. Книга вторая. Гл. 13. С. 349–356]. Ср. выше примечание 58 о разделении властей.

⁷² Ibid. Sec. 159. P. 80 [Там же. § 159. С. 356–357].

⁷³ Ibid. Sec. 222. P. 107 [Там же. § 222. С. 390].

⁷⁴ См.: «Особым вкладом более раннего ганноверского периода было установление правления закона; а этот закон, со всеми его тяжелыми ошибками, был все-таки законом свободы. На этом прочном основании были построены все наши последующие реформы» (*Trevvelyan G.M.* English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria. London: Longmans, Green, and Co., 1942. P. 245, 350 ff. Особенно с. 351 [Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. С. 367]).

тверждения независимости судей Актом о престолонаследии 1701 года⁷⁵ и принятия в 1706 году последнего парламентского закона о конфискации имущества и лишении прав состояния в отношении конкретного лица (bill of attainder) — что привело не только к окончательной формулировке всех аргументов против таких произвольных действий законодателей⁷⁶, но и к повторному подтверждению принципа разделения властей⁷⁷, — этот период стал временем медленного, но неуклонного распространения большинства тех принципов, за которые сражались англичане в XVII столетии.

Можно кратко отметить несколько значительных событий этого периода, например эпизод, когда член палаты общин (в те времена, когда отчеты о дебатах готовил Сэмюел Джонсон) заново сформулировал базовую доктрину «nulla poena sine lege» [«нет наказания без закона» (*лат.*)], по поводу которой даже сегодня иногда высказывается мнение, что она не является частью английского права⁷⁸: «То, что где нет закона, там нет и нарушения, не только есть принцип, установленный всеобщим согласием, но это и само по себе очевидно и неопровержимо; и конечно же, сир, не менее бесспорно, что где нет нарушения, там не может быть наказания»⁷⁹. Еще был случай, когда лорд Камден в деле Уилкса дал понять, что суды учитывают только общие правила, а не конкретные цели правительства или, как иногда интерпретируется его позиция, что государственная политика не может быть аргументом в суде⁸⁰. В других отношениях прогресс был более медленным

⁷⁵ О значимости этого события см. в частности: *Holdsworth. A History of English Law*. London, 1924. Vol. 10. Особенно с. 647: «В результате всех этих последствий независимости судов доктрина правления, или верховенства, закона утвердилась в ее современной форме и стала, вероятно, наиболее характерной и определенно наиболее благотворной из всех отличительных черт английского конституционного права».

⁷⁶ Ее влияние приобрело новую силу в XIX веке благодаря яркому изложению этих событий в книге: *Macaulay T.B. History of England from the Accession of James II*. London: J.M. Dent, 1953. Vol. Ch. 22. 4. P. 272–292 [*Максвелл Т.Б. История Англии* // Он же. Полное собрание сочинений. В 16 т. СПб.; М.: Издание Вольфа, 1863–1866. Т. 12. С. 147–218].

⁷⁷ См. также: *Defoe D. The History of the Kentish Petition*. London, 1701, и вышедшее в том же году его так называемое «Напоминание легиона», которое завершается утверждением: «Англичане не должны быть рабами ни парламента, ни короля» (*Idem. Legion's Memorial* // *The Works of Daniel Defoe*. 3 vols. London: John Clements, 1843. Vol. 3. P. 5). См. об этом также: *McIlwain C.H. Constitutionalism: Ancient and Modern: A Constitutional Interpretation*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1947. P. 150, n. 6.

⁷⁸ Ср., например: *Denning A. Freedom under the Law*. London: Steven, 1949. P. 41, где автор говорит по поводу континентальной доктрины «nullum crimen, nulla poena sine lege» [«нет преступления, нет наказания без закона» (*лат.*)]: «Однако в нашей стране общее право не ограничило себя подобным образом. Оно содержится не в своде законов, а в совести судей, которые формулируют и развивают принципы, необходимые для разрешения любой вновь возникшей ситуации». См. также: *Glaser S. Nullum crimen nulla poena sine lege* // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. 3rd ser. 1942. Vol. 24. P. 29–41. В существующей форме латинская максима датируется лишь концом XVIII столетия (см. ниже главу 13, примечание 22), но в том же веке в Англии было в ходу аналогичное выражение: «ubi non est lex ibi non est transgressio» [«где нет закона, там нет нарушения» (*лат.*)].

⁷⁹ *The Works of Samuel Johnson, LL.D.* London: J. Stockdale, 1787. Vol. 12. P. 22, отчет о речи Кэмпбелла в дебатах по закону о зерне в палате общин 25 ноября 1740 года. Ср.: *McAdam E.L. Dr. Johnson and the English Law*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1951. P. 17. См. также: *Greene D.J. The Politics of Samuel Johnson*. New Heaven: Yale University Press, 1960.

⁸⁰ Так иногда излагают мнение лорда Камдена. Единственное его высказывание, выражающее по существу тот же подход, я смог найти в материалах процесса *Entick v. Carrington* (1765): «Что касается аргумента о государственной необходимости или намерения провести различие между государственными преступлениями и всеми другими, общее право не по-

и, вероятно, истинно утверждение, что с точки зрения самых бедных идеал равенства перед законом долго оставался довольно сомнительным фактом. Но если процесс реформирования законов в соответствии с этими идеалами был медленным, сами принципы перестали быть предметом споров: они больше не были партийной точкой зрения и были целиком приняты тори⁸¹. Тем не менее в некоторых отношениях эволюция скорее уводила от идеала, чем приближала к нему. В частности, принцип разделения властей, хоть и рассматривался на протяжении столетия как самая характерная черта британской конституции⁸², с развитием современного правительственного кабинета стал иметь все меньше отношения к реальности. И парламенту с его притязанием на неограниченную власть вскоре суждено было отойти еще от одного принципа.

7. Во второй половине XVIII века появились ясные и последовательные изложения идеалов, в значительной мере определившие климат общественного мнения на последующие сто лет. Как это часто бывает, идеи пришли к публике в виде интерпретации событий историками, а не в систематическом изложении политических философов и юристов. Самым влиятельным среди них был Давид Юм, который в своих работах вновь и вновь подчеркивал важнейшие моменты⁸³ и о котором справедливо было сказано,

---

нимает такого рода доводов, а наши книги не упоминают подобных различий» (*Howell T.B. A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and Other Crimes and Misdemeanors from the Earliest Period [1163] to the Present Time [1820]. London: T.C. Hansard for Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1809–1828. Vol. 19. P. 1073.*)

⁸¹ Вероятно, решающую роль в окончательном принятии этой доктрины тори сыграло «Десятое письмо» Болингброка с принятым в нем противопоставлением «правления по конституции» и «правления по произволу» (*Bolingbroke H.S.-J. Letter 10 [1734] // A Dissertation upon Parties in Several Letters to Caleb d'Anvers / 5th ed. London: Printed for R. Francklin, 1739. P. 111.*)

⁸² См.: «Если бы юриста, государственного деятеля или политического философа XVIII века спросили, что, по его мнению, является самой характерной чертой британской конституции, он бы ответил, что ее самой характерной чертой является разделение компетенции разных органов власти» (*Holdsworth W.S. A History of English Law. London, 1924. Vol. 10. P. 713.*) Однако даже в то время, когда Монтескье популяризировал эту концепцию на континенте, это утверждение было лишь отчасти истинным для характеристики реальной ситуации в Англии.

⁸³ В дополнение к отрывку, цитируемому далее в этом тексте, см. в частности его эссе «О происхождении правления» (*Hume. Essays. Vol. 1. P. 117 [Юм Д. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 507–511]*), «О гражданской свободе» (*Ibid. Vol. 1. P. 161 [Там же. Т. 2. С. 529–537]*), и в особенности «О возникновении и развитии искусств и наук» (*Ibid. Vol. 1. P. 178 [Там же. Т. 2. С. 541]*), где он размышляет: «Применение общих законов к частным случаям сопровождается отрицательными явлениями; и требуется глубокая проникаемость и огромный опыт как для того, чтобы осознать, что это зло меньше, чем то, которое происходит от неограниченной власти в руках каждого правителя, так и для того, чтобы различить, какие общие законы в целом сопровождаются наименьшими отрицательными явлениями. Этот вопрос представляет собой такую огромную трудность, что люди могут уже достичь определенных успехов даже в возвышенных искусствах поэзии и красноречия, где быстрота духа и воображения помогает их развитию, прежде чем они придут к сколько-нибудь значительному улучшению своих гражданских законов, где только частые судебные процессы и прилежное наблюдение могут направлять их совершенствование». Ср. также: *Idem. Enquiry concerning the Principles of Morals // Hume. Essays. Vol. 2. P. 179–196, 281, 272–278 [Он же. Исследования о принципах морали // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 189–209, 297–304].* Поскольку Юма часто представляют в качестве тори, следует отметить, что, по его собственным словам, «мои взгляды на вещи более согласуются с принципами вигов, а мое представление о людях — с предрассудками тори» (цит.

что для него реальное значение истории Англии заключалось в развитии от «правления произвола к правлению закона»⁸⁴. По крайней мере, одно характерное место из его «Истории Англии» заслуживает быть процитированным. В связи с роспуском Звездной палаты он пишет: «В ту эпоху нигде в мире не было правления (и, вероятно, ничего подобного нельзя найти ни в каких летописях истории), которое существовало бы без примеси деспотической, произвольной власти, переданной какому-то должностному лицу, и можно было заранее и не без разумных причин усомниться в том, способно ли человеческое общество достичь когда-либо такой степени совершенства, чтобы для его сохранения уже не требовалось никаких иных сдержек, кроме всеобщих норм законности и справедливости. Парламент, однако, верно рассудил, что король — это слишком выдающийся по своему положению магистрат, чтобы вверять ему дискреционные полномочия, которые он мог бы легко использовать для уничтожения свободы. События же, вплоть до нашего времени, доказывают, что хотя строжайшее следование закону и влечет за собой чувствительные неудобства, однако соответствующие преимущества перевешивают их, и потому англичане должны благодарить своих предков, которые после долгой борьбы установили этот благородный, хотя и рискованный принцип»⁸⁵.

Позднее, в XVIII столетии, эти идеалы стали все чаще принимать как данность, а не формулировать в явном виде, и современному читателю приходится строить догадки, когда он пытается понять, что подразумевали под свободой такие люди, как Адам Смит⁸⁶ и его современники. Лишь из-

---

по: *Mossner E.C.* Life of David Hume. Oxford: Clarendon Press, 1954. P. 331; см. также: Ibid. P. 179, где Юм охарактеризован как «„революционный виг“, хотя и не догматической разновидности». Томас Карлейль даже называет Юма «отцом всех последующих вигов» (*Carlyle T.* Boswell's Life of Johnson // Critical and Miscellaneous Essays. London: Chapman and Hall, Ltd., 1899. Vol. 3. P. 133). См. также: «Поскольку в Англии преобладает республиканская часть системы правления, хотя и со значительной примесью монархии, она обязана ради собственного сохранения постоянно проявлять бдительность по отношению к правителям, устранять всякую неограниченную власть и охранять жизнь и состояние каждого при помощи всеобщих и обязательных законов. Ни один поступок не должен считаться преступлением, кроме тех, которые закон ясно определил как таковые» (*Hume D.* Liberty of the Press // Hume. Vol. 1. P. 96 [Юм Д. О свободе печати // Он же. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 490]).

⁸⁴ *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. Munich; Berlin: R. Oldenbourg, 1936. Vol. 1. P. 234.

⁸⁵ *Hume D.* History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688. London: Printed for A. Miller, 1762. Vol. 5. P. 280 [Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 273].

⁸⁶ Чтобы увидеть, каким именно образом Адам Смит выражает свое согласие с принципом разделения властей и с его обоснованием как с чем-то само собой разумеющимся, см.: *Smith.* Wealth of Nations. Vol. 2. P. 213–214 [Смит. Богатство народов. С. 674–675]. Предыдущее упоминание об этих проблемах, когда Смит кратко объясняет, что в Англии «общественная безопасность не требует, чтобы государь на самом деле стал неограниченным властелином» даже для подавления «самых грубых, неосновательных и своевольных выступлений», потому что он «охраняется постоянной армией» (Ibid. P. 201 [Там же. С. 664]), стало для одного из самых проникательных исследователей британской конституции поводом для важного обсуждения этой уникальной ситуации: Жан-Луи Делольм в своей «Конституции Англии» (*Lolme J.S. de.* Constitution of England; or, An Account of the English Government [1794]. New ed. London: G.G. and J. Robinson, 1800) представляет как «наиболее характерную черту английской системы правления и как самое точное из всех возможных доказательств подлинной свободы, которая является следствием ее устройства» (с. 441) то, что в Англии «все действия индивида считаются законными, пока не будет указан закон, в соответствии с ко-

редка, как в «Комментариях» Блэкстона, мы встречаем попытку проработать отдельные моменты, такие как важность независимости судей и разделения властей⁸⁷, или прояснить значение термина «закон», определяя его как «правило, а не разовый внезапный приказ, исходящий от вышестоящего или касающийся конкретного лица; но нечто постоянное, единообразное и всеобщее»⁸⁸.

Многие из самых известных формулировок этих идеалов встречаются, конечно, в знакомых текстах Эдмунда Бёрка⁸⁹. Но, пожалуй, с наибольшей полнотой доктрина верховенства закона сформулирована в работе Уильяма Пейли, «великого кодификатора мысли в эпоху кодификации»⁹⁰. Она заслуживает обстоятельного цитирования. «Первый принцип свободного

торым они не являются таковыми» (с. 436). И далее он говорит об «основаниях этого правового принципа или доктрины, которая ограничивает применение власти правительства лишь такими случаями, которые предусмотрены действующими законами» и которая, хотя и восходит к Великой хартии вольностей, вступила в силу только после уничтожения Звездной палаты с тем результатом, что, «как показали события, то самое исключительное ограничение правительственной власти, на которое мы ссылаемся, и его исполнение есть ровно то, что может допустить внутреннее положение вещей и сила конституции» (с. 440). (Отметьте, как заметно в этом отрывке влияние приведенного выше рассуждения Юма.) Можно было бы процитировать много аналогичных высказываний того периода, но будет достаточно двух самых характерных. Автор первого фрагмента — Джон Уилкс: «При *свободном правлении* эти три власти всегда были или, по крайней мере, всегда должны были быть разделены: потому что, если все три или любые две из них соединятся в одном человеке, с этого мгновения свободы народа будут уничтожены. Например, если бы *законодательная* и *исполнительная власти* были соединены в руках одного и того же должностного лица или в одном органе управления, не осталось бы места для такой вещи, как свобода, поскольку возникли бы сильные основания опасаться, что этот самый монарх или сенат утвердит тиранические законы, чтобы тираническим образом проводить их в жизнь. И очевидно, что не может существовать такой вещи, как свобода, там, где *судебная* власть соединена с *законодательной* или *исполнительной*. В первом случае жизнь и свобода подданного неизбежно окажутся беззащитными перед самой неотвратимой опасностью, потому что один и тот же человек будет судьей и законодателем. Во втором случае положение подданного окажется не менее прискорбным, потому что тот же самый человек сможет вынести жестокий приговор, чтобы затем, вероятно, исполнить его с еще большей жестокостью» (The North Briton. 1768. September 3. Vol. 64. P. 1; цит. по: Allen C.K. Law and Orders: An Inquiry into the Nature and Scope of Delegated Legislation and Executive Powers in England. London: Stevens, 1945. P. 5–6).

Второй фрагмент: «Правление в Англии — это правление закона. Мы предаем сами себя, мы противоречим духу наших законов и расшатываем всю систему английского правосудия всякий раз, когда вручаем дискреционную власть над жизнью, свободой или имуществом подданного какому бы то ни было человеку или группе людей, предполагая при этом, что ею не злоупотребят» (Junius [Petty-Fitzmaurice W.] Letter 47, dated May 25, 1771 // Letters of Junius / Ed. by C.W. Everett. London: Faber and Gwyer, 1927. P. 208).

⁸⁷ «В этом раздельном и обособленном существовании судебной власти в руках отдельной группы людей, хотя и назначаемых короной, но не смещаемых по прихоти, заключается главное средство сохранения гражданской свободы, которая не сможет длительное время сохраниться ни в одном государстве, если отправление общего правосудия не будет до известной степени отделено как от законодательной, так и от исполнительной власти. Если она присоединится к законодательной, жизнь, свобода и собственность человека окажутся в руках творящих произвол судей, решения которых будут направляться только их собственным мнением, а не какими-либо фундаментальными правовыми принципами, такими, которые, хотя законодатели могут от них отклониться, будут обязательны для соблюдения судьями» (Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford: Clarendon Press, 1765. Vol. 1. P. 259).

⁸⁸ Ibid. P. 44.

⁸⁹ См. в частности: Burke E. Speech on the Motion Made in the House of Commons, the 7th of February, 1771, Relative to the Middlesex Elections // Burke. Works. Vol. 10. P. 63–71.

⁹⁰ Barker E. Traditions of Civility: Eight Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 216. Обратите также внимание на любопытный рассказ на с. 245 и с. 248 о восхищении, которое Альберт В. Дэйси питал к Пейли.

государства, — пишет он, — состоит в том, чтобы все законы принимались одной группой людей, а проводились в жизнь другой; иными словами, чтобы фигура законодателя и фигура судьи оставались раздельными. Если эти должности соединены в одном лице или собрании, то для конкретных случаев принимаются особые законы, чаще всего имеющие источником особые мотивы и направленные к частным целям: пока эти фигуры остаются раздельными, общие законы принимает одно собрание людей, не могущих предвидеть, кого эти законы могут затронуть; а когда они приняты, их должны применять другие, и пусть они затрагивают кого хотят. <...> Когда стороны и интересы, которые будут затронуты законом, известны, законодатель непременно отдаст предпочтение одной или другой стороне; а там, где нет ни фиксированных правил, которые бы регулировали их решения, ни высшей власти, которая бы контролировала их деятельность, эти пристрастия воспрепятствуют безупречности публичного правосудия. Неизбежным следствием будет то, что подданные такой конституции либо будут жить, не имея постоянных законов, то есть не имея каких-либо известных и заранее установленных правил судебного разрешения конфликтов, либо будут подчиняться законам, принятым для конкретных лиц и не сущим в себе все противоречия и всю несправедливость мотивов, которые были их источником.

От таких опасностей, благодаря разделению законодательных и судебных функций, в этой стране есть действенная защита. Парламенту не известны те индивиды, к которым будут применяться его законы; перед ним нет ни сторон, ни интересов; нет никаких частных проектов, которым он служит: поэтому его решения будут подсказаны соображениями универсальных эффектов и тенденций, а это всегда порождает беспристрастные и, как правило, выгодные нормы»⁹¹.

8. С концом XVIII века закончилось и время, когда Англия вносила важный вклад в развитие принципов свободы. Хотя Маколей повторил в XIX столетии то, что сделал Юм для XVIII⁹², и хотя вигская интеллигенция из *Edinburgh Review* и экономисты, следовавшие традиции Смита, такие как Джон Р. Мак-Куллох и Нассау У. Сениор, продолжали мыслить о свободе в классических терминах, движение вперед было незначительным. Новый либерализм, постепенно вытеснивший вигизм, все больше подпадал под влияние рационалистических пристрастий философских радикалов и французской

---

⁹¹ *Paley W. The Principles of Moral and Political Philosophy* [1785]. London: Printed for T. Tegg, 1824. P. 308.

⁹² Сегодня редко вспоминают об успехе Маколей, сумевшего еще раз сделать живым достоянием каждого образованного англичанина достижения конституционной борьбы былых времен. Тем не менее см.: *Times Literary Supplement*. 1953. January 16. P. 40: «Он сделал для нашей истории то же, что Тит Ливий для истории Рима, и он сделал это лучше». Ср. также замечание лорда Актона о том, что Маколей «сделал больше любого другого писателя в истории мировой литературы для распространения либеральных убеждений, и он был не только величайшим, но и самым типичным из живших тогда [1856] англичан» (*Acton. Historical Essays*. P. 482).

традиции. Бентам и его утилитаристы своим презрительным отношением ко всем особенностям британской конституции, которыми до той поры восхищались больше всего, много способствовали разрушению представлений⁹³, которые Англия отчасти сохранила со Средних веков. И они занесли в Британию то, что прежде там совершенно отсутствовало, — желание перестроить на рациональных началах все ее законы и институты.

Непонимание традиционных принципов английской свободы людьми, руководствовавшимися идеалами Французской революции, отчетливо видно на примере одного из первых апостолов этой революции в Англии, д-ра Ричарда Прайса. Уже в 1778 году он утверждал: «Определение свободы слишком несовершенно, когда говорится, что это должно быть „правление ЗАКОНОВ, а не ЛЮДЕЙ“. Если законы созданы одним человеком или некоей кликой, а не общим согласием народа, правление таких законов не отличается от рабства»⁹⁴. Спустя восемь лет он уже мог похвастаться одобрительным письмом от Тюрго: «Как это получается, что вы чуть ли не первым из писателей своей страны смогли дать верную идею свободы и показать всю ложность идеи, столь часто повторяемой почти всеми республиканскими авторами, „что свобода состоит в том, чтобы подчиняться только законам“?»⁹⁵ С тех пор по существу французское понятие политической свободы начало вытеснять английский идеал индивидуальной свободы, так что через некоторое время можно было сказать, что «в Великобритании, которая чуть больше столетия назад отвергла идеи Французской революции и возглавила сопротивление Наполеону, эти идеи восторжествовали»⁹⁶. Хотя в этой стране большая часть достижений XVII столетия пережила XIX век, дальнейшее развитие лежавших в их основе идеалов мы должны искать в другом месте.

---

⁹³ В некоторых отношениях даже последователи Бентама волей-неволей продолжают и улучшают старую традицию, для разрушения которой они так много сделали. Это определенно применимо к усилиям Джона Остина, стремившегося четко разграничить истинные общие «законы» от «ситуативных или конкретных приказов» (*Austin J. Lectures on Jurisprudence; or, The Philosophy of Positive Law [Lecture One]* / 5th ed. London: J. Murray, 1885. Vol. 1. P. 92).

⁹⁴ *Price R. Two Tracts on Civil Liberty: The War with America and the Debts and Finances of the Kingdom.* London: T. Cadell, 1778. P. 7.

⁹⁵ *Idem.* Observations on the Importance of the American Revolution and the Means of Making It a Benefit to the World, to Which is Added a Letter from M. Turgot (dated March 22, 1778). London: T. Cadell, 1785. P. 111.

⁹⁶ *Holdsworth W.S. A History of English Law.* London, 1924. Vol. 10. P. 23.

Американский вклад: конституционализм

Казалось, что Европа неспособна стать родиной свободных государств. Именно из Америки пришло к нам ясное сознание того, что каждый человек должен, прежде всего, заниматься своим делом — и что народ ответственен перед небом за действия своего государства. Эта мысль, заключенная в латинских фоллиантах, десятилетиями вынашивавшаяся в сердцах одиноких мыслителей, в итоге обрела свое имя — права человека — и вырвалась на свет, который ей предназначено было покорить и преобразовать.

— Лорд Актон

1. «Когда в 1767 году этот осовремененный британский парламент, будучи к тому времени приверженным принципу неограниченного и не подлежащего ограничению суверенитета парламента, провозгласил, что парламентское большинство может принять любой закон, который считает нужным, в колониях это было встречено возгласами ужаса. Джеймс Отис и Сэм Адамс в Массачусетсе, Патрик Генри в Виргинии и другие вожди прибрежных колоний вскричали „Измена“ и „Великая хартия вольностей“! Эта доктрина, настаивали они, разрушила сущность всего, за что воевали их британские предки, убила саму душу той возвышенной англосаксонской свободы, за которую умирали мудрецы и патриоты Англии»¹. Так один из современных американских поклонников неограниченной власти большинства описывает начало движения, которое привело к новой попытке защитить свободу индивида.

Вначале движение было основано исключительно на традиционных представлениях о свободах англичан. Не только Эдмунд Бёрк и другие сочувствующие англичане говорили о колонистах, что они «преданы не просто свободе, но свободе в соответствии с английскими идеями

— Acton. History of Freedom. P. 55 [Актон. Очерки становления свободы. С. 95–96].

¹ Mims E., jr. The Majority of the People. New York: Modern Age Books, 1941. P. 71.

и на английских принципах»²; колонисты и сами держались того же взгляда³. Они чувствовали, что защищают принципы вигской революции 1688 года⁴; и так же как «высокопоставленные виги пили за генерала Вашингтона, ликовали оттого, что Америка сопротивлялась, и настаивали на признании независимости»⁵, так и колонисты пили за поддерживавших их Уильяма Питта и государственных мужей из партии вигов⁶.

В Англии после полной победы парламента концепция, согласно которой ни одна власть не должна быть произвольной и любая власть должна быть ограничена высшим законом, начала быстро забываться. Но колонисты унесли эти идеи с собой и теперь обратили их против парламента. Они возражали не только против того, что они не представлены в парламенте, но и в еще большей мере против того, что он не признает никаких пределов своей власти. Потребовав от самого парламента соблюдать принцип правового ограничения власти высшими принципами, американцы захватили инициативу дальнейшего развития идеала свободного правления.

Им, как никому другому в подобной ситуации, необычайно повезло в том, что среди их вождей оказался ряд глубоких знатоков политической философии. Примечательный факт состоит в том, что в то время, когда новая страна

---

² *Burke E.* Speech on Conciliation with America [1775] // *Burke. Works.* Vol. 3. P. 49. Преобладающее влияние английских идеалов на американскую революцию кажется еще более поразительным для исследователя из континентальной Европы, чем для современного американского историка; ср. в частности: *Vossler O.* Die amerikanischen Revolutionsideale in ihrem Verhältnis zu den europäischen: untersucht an Thomas Jefferson. Munich: Oldenbourg, 1929 (Beiheft 17 to the Historische Zeitschrift); но также см.: *McIlwain C.H.* The American Revolution: A Constitutional Interpretation. New York: Macmillan, 1923; особенно с. 148–159, 183–191.

³ См., например, ответ, данный 19 июня 1769 года законодателями Массачусетса губернатору Бернарду, в котором утверждается: «Лучшее, на что можно истратить время, — это сохранение прав, берущих начало в британской конституции, и отстаивание положений, которые, хотя Вашему превосходительству они могут показаться несущественными, мы считаем как наилучшую защиту. Любому сокровищу не найти лучшего применения, чем истратить его на укрепление той верной старой английской вольности, которая придает вкус всем прочим радостям» (цит. по: *McLaughlin A.C.* A Constitutional History of the United States. New York: D. Appleton-Century Co., 1935. P. 67; отрывок из: *Speeches of the Governors of Massachusetts, 1765–1775; and the Answers of the House of Representatives to the same; with Their Resolutions and Addresses for that Period, and Other Public Papers Relating to the Dispute between This Country and Great Britain which Led to the Independence of the United States* / Ed. by A. Bradford. Boston: Printed for Russel and Gardner, 1818. P. 173).

⁴ См.: «В принципе, это тот же самый спор, который возник в прошлом столетии между народом этой страны и Карлом Первым. <...> Король и палата общин могут номинально различаться, но неограниченная власть делает их в сущности одинаковыми, за тем лишь исключением, что то, чего следует бояться, присутствует во многих в бесконечно большем масштабе, чем в одном» ([*Lee A.*] The Political Detention; or, the Treachery and Tyranny of Administration Both at Home and Abroad; Displayed in a Series of Letters Signed Junius Americanus. London: Printed by J. and W. Oliver, 1770. P. 73–74); и высказывания Бёрка об американцах, занимавших во время революции «то же положение в отношении Англии, в каком была Англия в отношении короля Якова Второго в 1688 году» (*Burke E.* An Appeal from the New to the Old Whigs [1791] // *Burke. Works.* Vol. 6. P. 123). Общий обзор вопроса см.: *Guttridge G.H.* English Whiggism and the American Revolution. Berkeley: University of California Press, 1942.

⁵ *Acton J.* The Rise of the Wigs // *Idem.* Lectures on Modern History. London: Macmillan, 1906. P. 217.

⁶ См.: *Rossiter C.* Seedtime of the Republic: The Origin of the American Principle of Political Liberty. New York: Brace, 1953. P. 360, где он цитирует по *Newport Mercury* от 19 мая 1766 года тост «Сына вольности из округа Бристоль, Массачусетс»: «В общем, наш тост — Великая хартия вольностей, британская конституция — Питт и свобода навечно!»

во многих отношениях была еще очень отсталой, о ней можно было сказать, что «только в политической науке Америка занимает первое место. Шесть американцев стоят на одном уровне с самыми выдающимися европейцами, со Смитом и Тюрго, Миллем и Гумбольдтом»⁷. Более того, они были пропитаны античной традицией не менее любого из числа английских мыслителей предыдущего столетия и были превосходно знакомы с идеями последних⁸.

2. До окончательного разрыва с метрополией требования и аргументы, выдвигавшиеся колонистами в конфликте с ней, опирались исключительно на права и привилегии, на которые они претендовали как британские подданные. Только обнаружив, что британская конституция, в принципы которой они твердо верили, имеет мало отношения к реальности и не может защитить их от притязаний парламента, они решили, что необходимо, чтобы у них появилось основание, которого им не хватало⁹. Они рассматривали в качестве базовой доктрины то, что сущность любого свободного правления состоит в «фиксированной конституции»¹⁰ и что такая конституция

⁷ *Acton J.* James Bryce's "The American Commonwealth" // *Acton. History of Freedom*. P. 578.

⁸ См. *Mullet C.F.* Fundamental Law and the American Revolution, 1760–1776: dissertation. New York: Columbia University Press, 1933. P. 13–78; в этой работе цитируется книга Адамса (*Adams R.G.* Political Ideas of the American Revolution / 3rd ed. New York: Barnes and Noble, 1958), отмечающего, что, по мнению Джефферсона, для американцев XVIII века труды от Аристотеля до Локка были «книгами для начального обучения».

⁹ Превосходный краткий обзор влияния этих идей см.: *Humphreys R.A.* The Rule of Law and the American Revolution // *Law Quarterly Review*. 1937. Vol. 53. P. 80–98. См. также: *Jones J.W.* Acquired and Guaranteed Rights // *Cambridge Legal Essays*. Cambridge: W. Heffer and Sons Ltd., 1926. P. 223–242; *Mullett C.F.* Fundamental Law and the American Revolution, 1760–1776. New York: Columbia University Press, 1933; *Baldwin A.M.* The New England Clergy and the American Revolution. Durham, NC: Duke University Press, 1928; ср. замечание лорда Актона, что американцы «сделали нечто большее: подчинив все формы гражданской власти воле народа, они окружили волю народа ограничениями, которых не допустила бы британская законодательная власть» (*Acton J.* Freedom in Christianity // *Acton. History of Freedom*. P. 56 [*Ак-тон Дж.* Свобода в христианскую эпоху // Актон. Очерки становления свободы. С. 97]).

¹⁰ Выражение «фиксированная конституция» (fixed constitution), постоянно используемое Джеймсом Отисом и Сэмюэлем Адамсом, явно заимствовано из: *Vattel E. de.* Law of Nations; or, the Principles of Natural Law. London: Printed for G.G. and J. Robinson London, 1797. Bk. 1. Ch. 3. Sec. 34. P. 11 [*Ваттель Э.* Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. Кн. 1. Гл. 3. § 34]. Самая известная формулировка обсуждаемых в тексте концепций содержится в «Массачусетском циркулярном письме от 11 февраля 1768 года» [автор — Сэмюэл Адамс. — *Ред.*], важнейший абзац которого гласит: «Палата смиренно представила правительству свое собственное мнение о том, что Высший суд парламента Его величества является высшей законодательной властью всей империи: во всех свободных государствах конституция является фиксированной, а поскольку власть и авторитет высшего законодательного органа проистекает из конституции, он не может выходить за ее границы, не разрушив своего собственного основания; что конституция устанавливает и ограничивает как суверенитет, так и лояльность, и, вследствие этого, американские подданные Его Величества, признающие себя связанными узами лояльности, имеют справедливое притязание на полное обладание основными правилами британской конституции; что существенное и неотменяемое в силу природы вещей право, введенное в британскую конституцию в качестве фундаментального закона, всегда почитавшегося подданными королевства как священный и неотменяемый, состоит в том, что все, что человек честно приобрел, есть абсолютная его собственность, которую он может свободно отдать, но которая не может быть взята у него без его согласия; что, следовательно, американские подданные могут — оставляя в стороне всевозможные соображения о правах, предоставленных хартиями [колоний], — с достойной прямой, соответствующей характеру свободных людей и подданных, отстаивать это естественное и конституционное право» (цит. по: *MacDonald W.* Documentary Source Book of American History, 1606–1926. New York: Macmillan, 1929. P. 146–150).

означает ограниченное правление¹¹. Из их собственной истории им были известны письменные документы, определяющие и ограничивающие власть государства, такие как Мэйфлауэрское соглашение¹² и хартии отдельных колоний.

Опыт научил их и тому, что любая конституция, назначающая и распределяющая различные полномочия, тем самым с необходимостью ограничивает полномочия любой власти. Можно было бы представить себе, что конституция ограничивается процедурными вопросами и просто определяет источник всей власти. Но вряд ли они назвали бы конституцией документ,

---

¹¹ Чаще всего использовалось выражение «ограниченная конституция» (limited constitution), в этой форме кратко выражалась идея конституции, ограничивающей власть государства. См. в особенности: *Hamilton A. The Judiciary Department* (№ 78) // *Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist* / Ed. by M. Beloff. Oxford: B. Blackwell, 1948. P. 397 [*Гамильтон А. Федералист* № 78 // *Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея*. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 504], где Александр Гамильтон дает следующее определение: «Под ограниченными конституциями я понимаю те, в которых содержатся определенные исключения в компетенции законодательной власти; например, нет парламентского осуждения виновного в государственной измене, не принимаются законы *ex post facto* и тому подобное. <...> Ограничения этого рода на практике можно осуществить только через суды, задача которых объявлять все акты, противоречащие духу конституции, недействительными. Без этого все ограничения конкретных прав и привилегий ничего не значат». Термин «ограниченная конституция» (limited constitution) в применении к Древней Греции и Риму появляется уже в «Истории Англии» Юма (*Hume D. History of England: From the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688*. 6 vols. London: A. Millar, 1762. Vol. 5. P. 14 [В имеющемся русском переводе этот термин передан словосочетанием «свободное государственное устройство». См.: *Юм Д. Англия под властью дома Стюартов*. СПб.: Алетейя, 2001. Т. 1. С. 18. — *Ред.*]).

¹² См.: «Ко времени ссоры с метрополией колонисты были уже хорошо знакомы с двумя идеями, более или менее чуждыми общему направлению английской юридической мысли, — доктриной прав человека и идеей о возможности или даже необходимости (поскольку они теперь боролись с парламентом) ограничения законодательной власти писаной конституцией» (*Jones J.W. Acquired and Guaranteed Rights* // *Cambridge Legal Essays*. Cambridge: W. Heffer and Sons Ltd., 1926. P. 229 ff.).

В этом вопросе я в долгу главным образом у двух американских авторов, Чарльза Г. Макилвайна и Эварда С. Корвина, и чтобы избежать лишних ссылок, я дам здесь перечень их главных работ.

McIlwain C.H. The High Court of Parliament and Its Supremacy: An Historical Essay on the Boundaries Between Legislation and Adjudication in England. New Haven: Yale University Press, 1910; *Idem. The American Revolution: A Constitutional Interpretation*. New York: Macmillan, 1923; *Idem. The English Common Law Barrier against Absolutism* // *American Historical Review*. 1943–1944. Vol. 49. P. 23–31; *Idem. Constitutionalism and the Changing World: Collected Papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1939; *Idem. Constitutionalism, Ancient and Modern: A Constitutional Interpretation* / Ed. by C.H. McIlwain. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1947; особенно с. 1–22.

Corwin E.S. The Doctrine of Judicial Review: Its Legal and Historical Basis, and Other Essays. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1914; *Idem. The Constitution and What It Means Today* [1920] / 11th ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1954; *Idem. The Progress of Constitutional Theory between the Declaration of Independence and the Meeting of Philadelphia Convention* // *American Historical Review*. 1925. Vol. 30. P. 511–536; *Idem. Judicial Review in Action* // *University of Pennsylvania Law Review*. 1926. Vol. 74. P. 639–671; *Idem. The “Higher Law” Background of American Constitutional Law*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1955 (впервые опубликовано: *Harvard Law Review*. 1929. Vol. 42. P. 149–185, 365–409; переиздано: *Idem. Selected Essays on Constitutional Law*. Chicago: Foundation Press, 1938. Vol. 1. P. 1–67); *Idem. Liberty against Government: The Rise, Flowering, and Decline of a Famous Juridical Concept*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1948; *Idem. The Constitution of the United States: Analysis and Interpretation; Annotation of Cases Decided by the Supreme Court of the United States to June 30, 1952*. Washington, DC: Government Printing Office, 1953. Некоторые из перечисленных статей и тех, на которые я еще буду ссылаться, вошли в первый том сборника: *Selected Essays on Constitutional Law* / Ed. by a Committee of the Association of American Law Schools. Chicago: Foundation Press, 1938. См. также: *Black C.L. The People and the Court: Juridical Review in a Democracy*. New York: Macmillan, 1960.

который просто говорит, что все, сказанное таким-то органом или человеком, и есть закон. Они понимали, что если подобный документ наделяет разные органы власти определенными полномочиями, он должен также ограничить их полномочия не только в отношении подданных или преследуемых целей, но также в отношении применяемых методов. Для колонистов свобода означала, что государство должно иметь полномочия только на действия, которые в явном виде предписаны законом, так чтобы никто не мог обладать произвольной властью¹³.

Идея конституции оказалась тесно связанной с идеей представительного правления, в котором полномочия представительного органа строго ограничены документом, наделяющим его конкретными полномочиями. Формула, согласно которой вся власть имеет своим источником народ, относится не столько к регулярным выборам представителей, сколько к тому факту, что народ, организованный как целое, принимающее конституцию, имеет исключительное право определять полномочия избираемого законодательного собрания¹⁴. Таким образом, конституция воспринималась как защита народа от всякого произвола со стороны и законодателей, и всех других ветвей власти.

Конституция, которая подобным способом должна обеспечить ограниченное правление, помимо норм, регулирующих источники власти, должна содержать и такие нормы, которые по существу являются материально-правовыми. Она должна устанавливать общие принципы, которым должны следовать действия утвержденного в своих полномочиях законодательного собрания. Следовательно, идея конституции включает не только идею иерархии авторитета или власти, но также идею иерархии правил или законов, в которой те, которые обладают большей степенью общности и были приняты более авторитетным органом, определяют содержание более конкретных законов, принимаемых теми, кто действует на основании делегированного авторитета.

3. Концепция высшего закона, направляющего ход законодательной деятельности, весьма стара. В XVIII веке обычно говорили о Божьем законе, о естественном законе или о законе Разума. Но идея сделать этот высший закон явным и обеспечить его принудительной санкцией, изложив его на бумаге, хотя уже и не совсем новая, впервые была воплощена в жизнь только колонистами-революционерами. Фактически, отдельные колонии уже экспериментировали с кодификацией этого высшего закона, опираясь на более широкую народную базу, чем в случае обычного законодательства.

---

¹³ См.: «Само определение свободы означало свободу от произвольного правления» (*Humphreys R.A. The Rule of Law and the American Revolution // Law Quarterly Review. 1937. Vol. 53. P. 90*).

¹⁴ О производном характере власти всех собраний представителей в процессе создания конституции см. в частности: *McLaughlin A.C. Constitutional History. New York: D. Appleton-Century Co., 1935. P. 109*.

Но моделью, которой предстояло оказать глубокое влияние на весь мир, была федеральная конституция.

Фундаментальное различие между конституцией и обычными законами полностью аналогично различию между законами вообще и постановлениями суда по отдельным делам: как судья связан в решении по конкретному делу общими правилами, так и законодательное собрание в принятии законов связано более общими принципами конституции. Обоснование этих различий также в обоих случаях сходно: подобно тому как судебное решение считается справедливым, только если оно согласуется с общим законом, так и отдельные законы считаются справедливыми, только если они согласуются с более общими принципами. И поскольку мы хотим не допустить, чтобы судья по неким частным мотивам нарушал закон, мы также хотим не допустить, чтобы законодательное собрание ради решения каких-то временных и непосредственных задач нарушило определенные общие принципы.

Мы уже обсудили в другой связи причины, по которым все это необходимо¹⁵. Дело в том, что все люди ради ближайшей цели готовы — или, ввиду ограниченности их интеллекта, фактически вынуждены — нарушать правила поведения, которые тем не менее в общем случае должны, по их мнению, соблюдаться. В силу ограниченных возможностей нашего ума, наши ближайшие цели всегда кажутся нам самыми важными, и мы склонны жертвовать ради них своими долговременными выгодами. Поэтому как в индивидуальном, так и в социальном поведении мы можем достичь определенной степени рациональности или последовательности в принятии конкретных решений только если будем подчиняться общим принципам, независимо от текущих потребностей. Если законодательная деятельность должна учитывать совокупные последствия, то она может обойтись без общих принципов не больше, чем любая другая человеческая деятельность.

Законодательное собрание, как и индивид, будет больше сопротивляться принятию определенных мер ради важной непосредственной цели, если для этого нужно явно отказаться от официально провозглашенных принципов. Нарушить конкретное обязательство или обещание — это совсем не то же самое, что открыто заявить, что контракты или обещания могут быть нарушены при таких-то и таких-то общих условиях. Принять закон, имеющий обратную силу, или наделить кого-то привилегиями либо назначить наказание путем принятия закона — это не то же самое, что аннулировать принцип, требующий никогда так не поступать. И когда законодатели нарушают права собственности или свободу слова ради достижения некоей великой цели — это совсем не то же самое, что узаконить общие условия, при которых эти права могут нарушаться¹⁶.

---

¹⁵ См. выше, глава 6, § 8, и глава 7, § 6, и ср. об этой теме в целом: *Hume. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 300–304* [Юм. Трактат о человеческой природе. С. 573–578].

¹⁶ Это положение признается в явном виде в ст. 19, п. 1, Основного закона (Grundgesetz) Федеративной Республики Германии. Примечательно, что эта статья требует, чтобы закон, ограничиваю-

Формулирование условий, при которых такие действия законодательного собрания законны, имело бы, вероятно, благотворные последствия даже в том случае, если бы формулировать их должен был только сам законодательный орган, подобно тому как судья обязан оглашать принципы, на основании которых он принимает решение. Но оно было бы очевидно более эффективным, если бы полномочия вносить поправки в эти базовые принципы имел лишь другой орган, особенно если его процедуры были бы достаточно продолжительными, а потому давали время адекватно оценить значимость конкретной цели, которая дала повод для выдвижения требования о внесении изменений. Здесь стоит отметить, что в общем случае учредительные собрания или аналогичные органы, создаваемые для установления наиболее общих принципов правления, считаются правомочными решать только эту задачу и не могут принимать какие-либо частные законы¹⁷.

Выражение «an appeal from the people drunk to the people sober» [*букв.* «обращение пьяных к трезвым» (*англ.*)], которое часто используется в этой связи, подчеркивает только один аспект намного более широкой проблемы и, в силу легкомысленной формы, пожалуй, скорее затемняет, чем проясняет очень важные вещи, о которых идет речь. Проблема не просто в том, что надо дать время, чтобы охладить страсти, хотя порой и это бывает очень важно, а в том, что необходимо учитывать общую неспособность человека продумывать в явном виде все возможные последствия той или иной меры и его потребность в обобщениях или принципах для достижения

щий какое-либо основное право, не только «носил общий характер, а не относился лишь к отдельному случаю», но и называл ограничиваемое основное право с указанием соответствующей статьи [Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: БЕК, 1997. С. 161].

¹⁷ См.: *Giacometti Z.* Allgemeine Lehren des rechtsstaatlichen Verwaltungsrechts: Allgemeines Verwaltungsrecht des Rechtsstaates. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1960. Vol. 1, P. 24, n. 4. См. также: *Lillburne J.* Legal Fundamental Liberties [1649] (частично переиздано: *Puritanism and Liberty* / Ed. by A.S.P. Woodhouse. Chicago: University of Chicago Press, 1951), где, описывая то, что мы назвали бы конституционным или учредительным собранием, автор четко оговаривает: «Эти люди не должны осуществлять какую-либо законодательную власть, но только составить проект оснований справедливого правления и предложить их для одобрения заинтересованным людям каждой страны. Каковое соглашение должно быть выше закона, а потому границы, пределы и масштабы [полномочий] народных представителей — законодателей в парламенте, предусмотренные соглашением, [должны] быть указаны в формальном договоре и совместно подписаны» (с. 344). В связи с этим примечательна и резолюция собрания города Конкорд, штат Массачусетс, проведенного 21 октября 1776 года, в которой провозглашается, что законодательное собрание не годится для выработки конституции: «Во-первых, потому что мы полагаем, что конституция, если понимать ее правильно, должна быть системой принципов, установленных для защиты собственности, прав и привилегий подданных от любого посяательства со стороны власти имущих. Во-вторых, потому что тот самый орган, который формирует конституцию, тем самым имеет власть изменить ее. В-третьих, потому что конституция, которая может быть изменена высшим законодательным собранием, вовсе не является защитой от всевозможных посятельств со стороны власти имущих на часть или на все права и привилегии подданных» (повторно опубликовано: *Sources and Documents Illustrating the American Revolution, 1764–1788, and the Formulation of the Federal Constitution* / Ed. by S.E. Morison. Oxford: Clarendon Press, 1923. P. 177). Отцы-основатели американской конституции единодушно отвергли прямую демократию вроде той, что существовала в Древней Греции, главным образом именно из-за желания не допустить, чтобы высшая инстанция вмешивалась в частности, а не из-за технической неосуществимости.

согласованности отдельных своих решений в рамках единого целого. «Люди наиболее действенным образом могут служить своим интересам путем всеобщего и неуклонного соблюдения законов справедливости»¹⁸.

Нет необходимости специально указывать на то, что конституционная система не предполагает абсолютного ограничения воли народа, но лишь подчинение ближайших целей долговременным. В сущности, это означает ограничение средств, которые временное большинство может использовать для достижения частных целей, общими принципами, установленными другим большинством с расчетом на длительное будущее. Иначе говоря, это означает, что согласие подчиняться воле временного большинства в частных вопросах основано на понимании, что это большинство будет подчиняться более общим принципам, установленным ранее более представительным собранием.

Это разделение власти содержит в себе больше, чем может показаться на первый взгляд. Оно подразумевает, что признается ограниченность обдумывающего разума и предпочтение отдается проверенным принципам, а не решениям *ad hoc*; более того, оно подразумевает, что иерархия правил не обязательно оканчивается на сформулированных в явном виде нормах конституционного права. Подобно силам, направляющим ум индивида, силы, созидające социальный порядок, имеют многоуровневый характер; и даже конституции основаны на согласии, или подразумевают согласие насчет более фундаментальных принципов — принципов, которые, возможно, никогда не были четко сформулированы, но которые делают возможным и предвеляют как наше подчинение, так и писанные базовые законы. Не следует верить в то, что раз мы научились осознанно принимать законы, значит, все законы были осознанно и целенаправленно приняты неким человеческим институтом¹⁹. Скорее уж наоборот, группа людей в состоянии составить общество, способное принимать законы именно потому, что у них уже есть общие представления, которые делают возможными обсуждение и убеждение и с которыми должны согласовываться явно сформулированные правила, чтобы быть признанными в качестве легитимных²⁰.

Отсюда следует, что никакой человек или собрание людей не обладают полной свободой навязывать остальным удобные только им законы. Противоположный взгляд, лежащий в основе гоббсовой концепции суверенитета²¹ (и вытекающего из нее правового позитивизма), берет начало из ложного рационализма, полагающего, что разум автономен и определяет сам себя, но не замечающего, что любая рациональная мысль движется внутри

---

¹⁸ Hume. Treatise of Human Nature. Vol. 2. P. 300 [Юм. Трактат о человеческой природе. С. 573]; ср. также с. 303 [С. 576].

¹⁹ Ср. выше главу 4, особенно примечания 5 и 8.

²⁰ О концепции «легитимности» (legitimacy) см.: Ferrero G. The Principles of Power: The Great Political Crises of History. New York: G.P. Putnam's Sons, 1942; особенно с. 131–276.

²¹ Это утверждение неверно в отношении исходной концепции суверенитета, развитой Жаком Боденом. См.: McIlwain C.H. Constitutionalism and the Changing World. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. Ch. 2.

нерациональной рамки верований и институтов. Конституционализм означает, что вся власть зиждется на понимании — она будет осуществляться в соответствии с общепринятыми принципами, а люди, которым вверена власть, избраны потому, что, как считается, именно они будут делать то, что правильно, а не для того, чтобы все, что они сделают, считалось правильным. Он основан в конечном счете на понимании, что власть в основе своей — не физический факт, а состояние умов, которое заставляет людей повиноваться²².

Только демагог может объявить «антидемократическими» ограничения, которые налагаются на власть временного большинства долговременными решениями и общими принципами, разделяемыми народом. Принято полагать, что эти ограничения защищают людей от тех, кому они вынуждены вверять власть, и представляют собой единственное средство, с помощью которого люди могут определить общий характер порядка, при каком им придется жить. Принимая общие принципы, народ неизбежно свяжет руки временному большинству в том, что касается конкретных вопросов. Ибо только воздерживаясь от мер, которые они не хотели бы испытать на себе, члены большинства могут предотвратить применение таких мер к себе в будущем, когда они окажутся в меньшинстве. Приверженность долговременным принципам, по сути дела, дает людям больший контроль над общим характером политического порядка, чем если бы этот его характер определялся исключительно последовательными решениями, принятыми по частным вопросам. Свободное общество определенно нуждается в постоянно действующих средствах ограничения власти правительства независимо от того, какими могут оказаться конкретные цели текущего момента. И конституция, которую новый американский народ готовился дать себе, определенно понималась не как установление источников властных полномочий, а как конституция свободы, конституция, которая защитит индивида от любого произвольного принуждения.

4. Для тринадцати новых штатов одиннадцать лет, прошедших от Декларации независимости до принятия федеральной конституции, были периодом экспериментирования с принципами конституционализма. В некоторых отношениях отдельные конституции штатов с большей ясностью, чем окончательная конституция федеративного союза, показывают, насколько целью конституционализма было ограничение государственной власти. Это явствует, прежде всего, из того, насколько важное положение отводилось в них неприкосновенным правам индивида, которые перечислялись либо в самих конституционных документах, либо в отдельных биллях о правах²³. Хотя многие из них были не более чем подтверждением прав, ко-

---

²² Как подчеркивал Д. Юм, а также многие другие теоретики вплоть до Визера, развившего эту идею в своей книге: *Wieser F. von. Das Gesetz der Macht*. Vienna: Julius Springer, 1926.

²³ См.: *Pound R. The Development of Constitutional Guarantees of Liberty*. New Haven: Yale University Press, 1957. Значительная литература об истоках биллей о правах су-

торыми колонисты обладали де-факто²⁴ или считали, что всегда были ими наделены, а большая часть прочих была сформулирована наспех, под влиянием продолжавшихся в момент принятия споров, они ясно демонстрируют, чем был конституционализм для американцев. Сформулированные в разных местах, они в совокупности предвосхитили большинство принципов, которые позднее вошли в федеральную конституцию²⁵. Как показывает Билль о правах, предваряющий конституцию Массачусетса, в первую очередь всех их заботило то, что правление должно быть «правлением законов, а не людей»²⁶.

Самый знаменитый из этих Биллей о правах, виргинский, который был разработан на основе английских и колониальных прецедентов и принят до подписания Декларации независимости, послужил основным прототипом не только для аналогичных документов других североамериканских государств, но и для французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, а через нее и для всей Европы²⁷. По существу, различные билли о правах американских штатов и их основные положения сегодня известны каждому²⁸. Некоторые из тех положений, что встречаются не везде, заслуживают все же быть упомянутыми, в том числе такие, как запрет на принятие законов, имеющих обратную силу, который есть в биллях о правах только четырех штатов, или запрет «вечных

существует на немецком языке, в том числе: *Jellinek G. Die Erklärung der Menschen- und Bürgerrecht: Ein Beitrag zur modernen Verfassungsgeschichte* / 3rd ed.; ed. by W. Jellinek. Munich; Leipzig: Duncker und Humblot, 1919. P. III–XIV, содержит обзор обсуждений, которые велись начиная с первой публикации работы в 1895 году; *Schmidt R.K. Die Vorgeschichte der geschriebenen Verfassung* // Festgabe für Otto Mayer: Zum siebzigsten Geburtstag dargebracht von Freunden, Verehrern und Schülern. 29. März 1916. Leipzig: F. Meiner, 1916. P. 81–191; *Hashagen J. Zur Entstehungsgeschichte der nordamerikanischen Erklärungen der Menschenrechte* // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1924. Vol. 78. P. 461–495; *Salander G.A. Vom Werden der Menschenrechte: ein Beitrag zur modernen Verfassungsgeschichte unter Zugrundelegung der virginischen Erklärung der Rechte von 12. Juni 1776*. Leipzig: T. Weicher, 1926; *Vossler O. Studien zur Erklärung der Menschenrechte* // Historische Zeitschrift. 1930. Vol. 142. P. 516–545.

²⁴ *Webster W.C. A Comparative Study of the State Constitutions of the American Revolution* // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1897. Vol. 9. P. 415.

²⁵ *Ibid.* P. 418.

²⁶ Конституция Массачусетса (2 марта 1780 года), ч. 1, ст. 30. Хотя этой статьи еще не было в черновом варианте Джона Адамса, она полностью соответствует духу его мышления.

²⁷ Обсуждение этих взаимосвязей см. в работах, перечисленных выше в примечании 23.

²⁸ См.: «Каждый из этих документов провозглашал, что никто не может быть лишен свободы, кроме как по закону или по приговору равных ему; что каждый, кому предъявлено обвинение, имеет право получить копию обвинительного акта, а также право на помощь адвоката и предъявление ему доказательств (right to evidence); и что никто не обязан давать показания против себя. Все они очень заботливо предусмотрели право на суд присяжных; гарантировали свободу печати и выборов; запретили общие ордера [без указания имен лиц, подлежащих задержанию и пр.] и регулярные армии в период мира, запретили раздачу дворянских званий, наследственных почестей и исключительных привилегий. Все эти документы, за исключением принятых в Виргинии и Мэриленде, гарантировали право собраний, подачи петиций и наказов депутатам. Везде, кроме Вермонта и Пенсильвании, было запрещено требовать чрезмерную сумму залога, чрезмерные штрафы и назначение необычных наказаний, было также запрещено приостановление действия законов какой-либо ветвью власти, кроме законодательной, и налогообложение без представительства» (*Webster W.C. Comparative Study of the State Constitutions of the American Revolution* // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1897. Vol. 9. P. 386).

распоряжений (perpetuity)* и монополий»²⁹ — в документах двух штатов. Важна также та категоричность, с какой в некоторых конституциях устанавливается принцип разделения властей³⁰, — тем более потому, что соблюдался он чаще на словах, чем на деле. Другая повторяющаяся черта, которая современным читателем воспринимается как всего лишь дань красноречию, но для людей того времени была очень важной, — ссылки на «фундаментальные принципы свободного правления», содержащиеся в нескольких конституциях³¹, и напоминания о том, что «частое обращение к фундаментальным принципам абсолютно необходимо для сохранения благ свободы»³².

Надо признать, что многие из этих восхитительных принципов остались преимущественно в теории и законодательные собрания штатов вскоре начали притязать на почти такое же всемогущество, как британский парламент. Действительно, «в соответствии с большинством революционных конституций законодательная власть оказывалась поистине всемогущей, а исполнительная, соответственно, слабой. Почти все документы наделяли первую практически неограниченной властью. В шести конституциях вообще ничто не препятствовало законодателям изменять конституцию в ходе обычного законодательного процесса»³³. Даже ког-

* Завещания, которые устанавливают вещные права со сроком возникновения более чем 21 год после смерти завещателя.

²⁹ Конституция Северной Каролины, ст. 23. Ср.: Конституция Мэриленда, Декларация прав, ст. 41: «Эти монополии отвратительны, несовместимы с духом свободы и принципами торговли и не должны допускаться».

³⁰ См. в особенности Конституцию Массачусетса (1780), ч. 1, Декларация прав, ст. 30: «В правительстве этого штата законодательная ветвь власти никогда не будет располагать исполнительными и судебными полномочиями или каким-либо одним из них; исполнительная ветвь власти никогда не будет располагать законодательными и судебными полномочиями или каким-либо одним из них... для того, чтобы это могло быть правлением законов, а не людей».

³¹ Конституция Массачусетса (1780), ч. 1, ст. 24.

³² Впервые это выражение встречается в проекте Виргинской декларации прав (май 1776), подготовленном Джорджем Мейсоном (см.: *Rowland K.M. The Life of George Mason, 1725–1792. New York: G.P. Putnam's Sons, 1892. Vol. 1. P. 435 ff.*), а затем в п. 15 принятой Декларации. См. также Конституцию Нью-Гемпшира, ст. 16, и Вермонта, ст. 16. (Поскольку, видимо, не существует сборника конституций штатов, действовавших в 1787 году, я использую издание: *The Constitutions of All the United States, According to the Latest Amendments: To Which are Prefixed, the Declaration of Independence and the Federal Constitution. Lexington, KY: Printed and sold by Thomas T. Skillman, 1817*, в котором публикуемые тексты не всегда датированы. Поэтому некоторые ссылки в этом и последующих примечаниях могут относиться к поправкам, принятым уже после утверждения федеральной конституции.) О происхождении этой оговорки см. готовящуюся к публикации книгу: *Stourzh G. The Pursuit of Greatness. [Профессор Штурц не публиковал работы с таким названием. Однако он любезно согласился пояснить происхождение приведенной Хайеком ссылки: «„The Pursuit of Greatness“ („Погоня за величием“) — это название первого, чернового варианта моей книги, которая впоследствии была озаглавлена „Alexander Hamilton and the Idea of Republican Government“ („Александр Гамильтон и идея республиканского правления“) (окончательный текст опубликован в 1970 году). „The Pursuit of Greatness“ теперь — заголовки последней, пятой главы». Фрагмент, на который ссылается Хайек, можно найти в первой главе этой книги (с. 34–37). — *Ред.*] См. также: «Маниавелли говорит, что любую систему правления следует чаще возвращать к ее первоначальным принципам» (*Hume D. Idea of a Perfect Commonwealth // Hume. Essays. Vol. 1. P. 482 [Юм Д. Идея совершенного государства // Он же. Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 677]*).*

³³ *Webster W.C. A Comparative Study of State Constitutionst // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1897. Vol. 9. P. 398.*

да это было не так, законодательные собрания своевольно пренебрегали текстом конституции и еще больше — теми неписаными правами граждан, которые эти конституции должны были защищать. Но на создание надежной защиты от подобных злоупотреблений требовалось время. Главным уроком периода Конфедерации было то, что при отсутствии четкого механизма проведения конституции в жизнь все ее требования остаются на бумаге³⁴.

5. Порой придается очень большое значение тому факту, что американская конституция возникла в результате определенного замысла и что впервые в современной истории люди осознанно сконструировали механизм правления, при котором им хотелось жить. Сами американцы очень четко осознавали уникальность своего начинания, и в определенном смысле верно, что они руководствовались духом рационализма, стремлением к осознанному конструированию и прагматичной процедурой, что ближе к той традиции, которую мы называли «французской», нежели к «британской»³⁵. Эта установка часто усиливалась общим недоверием к традиции и чрезмерной гордостью оттого, что новая структура создана исключительно ими. Здесь это было более оправданно, чем во многих аналогичных ситуациях, но, в сущности, это было заблуждением. Поразительно, насколько сильно отличается возникшая структура правления от любой предсказуемой модели, насколько результат был обязан историческим случайностям и применению унаследованных принципов в новой ситуации. Содержащиеся в федеральной конституции открытия либо были результатом применения традиционных принципов к решению частных проблем, либо возникли в качестве лишь смутно осознаваемых выводов из общих идей.

Когда Конституционный конвент, получив наказ «сделать конституцию федерального правительства более соответствующей насущным потребностям Союза», собрался в мае 1787 года в Филадельфии, вожди

---

³⁴ См. слова Джеймса Мэдисона в самом конце «Федералиста»: «Простое проведение на бумаге конституционных границ между законодательной, исполнительной и судебной властью не создает достаточной защиты от тех вторжений, которые ведут к присущему тирании сосредоточению всей полноты власти в одних и тех же руках» (*Madison J. These Departments Should not Be So Far Separated as to Have No Constitutional Control Over Each Other* (№ 48) // Hamilton A., Madison J., Jay J. *The Federalist* / Ed. by M. Beloff. Oxford: B. Blackwell, 1948. P. 256 [*Мэдисон Дж. Федералист № 48* // *Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея*. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 337]).

³⁵ Майкл Джозеф Оукшотт пишет, что Джон Джей сказал в 1777 году: «Американцы — это первый народ, которому Бог милостиво предоставил возможность поразмыслить и выбрать форму правления, при которой они будут жить. Все другие конституции возникли в результате насилия или случайных обстоятельств и поэтому, видимо, более далеки от совершенства» (см.: *Oakeshott M. Rationalism in Politics* // *Cambridge Journal*. 1947. Vol. 1. P. 151). Но сравните с этим выразительное заявление Джона Дикинсона в конституционном конвенте в Филадельфии 13 августа 1787 года: «Нашим проводником должен быть только опыт. Разум может ввести нас в заблуждение. Не Разум открыл исключительный и восхитительный механизм английской конституции. Не Разум открыл... странный, а в глазах тех, кто руководствуется разумом, и абсурдный обычай суда присяжных. По-видимому, случайности дали нам эти открытия, а опыт их одобрил. Значит, он и есть наш проводник» (цит. по: *The Records of the Federal Convention of 1787* / Ed. by M. Farrand. New Haven: Yale University Press, 1911. Vol. 2. P. 278).

федералистского движения столкнулись с двумя проблемами. Хотя каждый соглашался, что полномочия конфедерации недостаточны и должны быть усилены, основной заботой оставалось ограничение полномочий государства как такового, и не последним мотивом реформ было обуздание чрезмерных властных притязаний законодательных собраний штатов³⁶. Опыт первого десятилетия независимости просто немного сместил акценты с защиты от произвольного правления на создание работоспособного общего правительства. Но он же дал новые основания для недоверия в отношении применения власти законодательными собраниями штатов. Вряд ли кто-либо предвидел, что решение первой проблемы даст ответ и на вторую и что передача ряда важнейших полномочий центральному правительству, при условии сохранения остальных за правительствами штатов, создаст действенные ограничения для всей государственной власти. По-видимому, от Мэдисона идет «идея, что проблемы обеспечения адекватной защиты прав частных лиц и достаточных полномочий национального правительства — это в конечном итоге одна и та же проблема, поскольку усилившееся национальное правительство может служить противовесом против

---

³⁶ Выступая на Филадельфийском конвенте 6 июня 1787 года, Джеймс Мэдисон в качестве главной цели национального правительства отметил «необходимость обеспечить более эффективную защиту частных прав и устойчивое отправление правосудия. Вмешательство в эти сферы было тем злом, которое, пожалуй, больше всего другого привело к созыву этого конвента». (Records of the Federal Convention of 1787 / Ed. by M. Farrand. New Haven: Yale University Press, 1911. Vol. 1. P. 133). Ср. также знаменитое высказывание из книги Томаса Джефферсона «Заметки о штате Виргиния» (*Jefferson T. Notes on the State of Virginia* // Idem. Writings. New York: Literary Classics of the United States, 1984 (Library of America). P. 245–246 [*Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. С. 196–197*]), цитируемое Мэдисоном в «Федералисте»: «Все ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная — сходятся в законодательном органе. Средоточие их в одних и тех же руках как раз и определяет деспотическое правление. Ничуть не будет легче, если вся эта власть находится в руках многих, а не кого-то одного. 173 деспота, несомненно, будут угнетать так же, как и один. Пусть те, кто сомневается в этом, посмотрят на Венецианскую республику. Что из того, что они нами выбраны? Выборный деспотизм — эта не та форма правления, за которую мы боролись. Мы боролись за такую форму правления, которая не только должна основываться на принципах свободы, но при которой правящая власть была бы так разделена и уравновешена между несколькими институтами власти, чтобы ни один из них не смог бы выйти за пределы своих законных полномочий, не встретив эффективного сдерживания и противодействия со стороны остальных. <...> [Другие ветви, кроме законодательной] уже во многих случаях и принимали решения по вопросам, которые должны были быть оставлены для *судебного разбирательства*; так *руководство исполнительной властью в течение всего времени сессии становится им привычным и знакомым*» (*Madison J. These Departments Should not Be So Far Separated as to Have No Constitutional Control Over Each Other* (№ 48) // Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist / Ed. by M. Beloff. Oxford: B. Blackwell, 1948. P. 254–255 [*Мэдисон Дж. Федералист № 48 // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 334–335*]). Таким образом, вывод Хамфриза справедлив даже для Джефферсона, этого идола позднейших демократов-доктринеров: «Такой была республика, которую пытались построить авторы федеральной конституции. Они стремились не к тому, чтобы Америка стала безопасной для демократии, а хотели сделать демократию безопасной для Америки. Путь от лорда главного судьи Кука до Верховного суда Соединенных Штатов Америки не близкий, но прямой. Контролирующая власть закона, которую XVII век ставил над королем или парламентом, которую пуритане превозносили в делах гражданских и церковных, которую философы считали руководящим принципом вселенной, которую колонисты противопоставили абсолютизму парламента, теперь „была сделана важнейшим принципом федерации“» (*Humphreys R.A. The Rule of Law and the American Revolution* // Law Quarterly Review. 1937. Vol. 53. P. 98).

раздутых прерогатив законодательных собраний штатов»³⁷. Вот так было сделано великое открытие, о котором лорд Актон позднее сказал: «Из всех механизмов, сдерживающих демократию, федерализм оказался самой действенной и самой близкой по духу. <...> Федеративная система ограничивает и сдерживает суверенную власть тем, что разделяет ее и отводит правительству только некоторые определенные права. Это единственный метод обуздания не только большинства, но и власти всего народа, и он предоставляет сильнейшее основание для второй палаты, которая оказалась важнейшей защитой свободы во всех подлинных демократиях»³⁸.

Причина, в силу которой разделение полномочий между разными ветвями власти всегда уменьшает власть каждой из них, не всегда понимается адекватно. Дело не только в том, что разные органы власти в силу взаимной ревности мешают друг другу выходить за пределы своих полномочий. Более важен тот факт, что некоторые виды принуждения требуют совместного и согласованного использования разных полномочий или совместного применения разнообразных средств, а когда эти средства находятся в разных руках, никто не в состоянии осуществить эти виды принуждения. Наиболее известной иллюстрацией служат многие виды экономического контроля, которые бывают эффективны лишь при условии, что осуществляющая их власть в состоянии также контролировать движение людей и товаров через границы своей территории. Если она может контролировать внутренние события, но не перемещения через границы, она не в состоянии проводить политику, предполагающую контроль того и другого. Таким образом, федеральное правительство в очень определенном смысле является ограниченным правительством³⁹.

Другая важная черта конституции, существенная для нас, — ее часть, гарантирующая права индивида. Причины, по которым первоначально было решено не включать Билль о правах в конституцию, и соображения, впоследствии переубедившие даже тех, кто сначала этому противился, одинаково важны. Аргумент против включения был четко сформулирован Александром Гамильтоном в «Федералисте»: «[Билли о правах] не только не нужны в предложенной конституции, но даже опасны. В них будут различные исключения о непредоставлении прав, и именно по этой причине они дают благовидный предлог претендовать на большее, чем предоставлено. Зачем декларировать: что-то нельзя сделать, когда нет права

---

³⁷ *Corwin E.S.* The Progress of Constitutional Theory between the Declaration of Independence and the Meeting of the Philadelphia Convention // *American Historical Review*. 1925. Vol. 30. P. 536; далее в тексте следует: «Однако на долю Конституционного конвента, который принял суть идеи Мэдисона, выпала ее реализация с помощью механизма судебного контроля. Не приходится сомневаться, что этой решимости немало помогло растущее признание конвентом доктрины судебного контроля».

³⁸ *Acton J.* Sir Erskine May's Democracy in Europe // *Idem.* History of Freedom. P. 98.

³⁹ См. мое эссе: *Hayek F.A.* The Economic Conditions of Inter-State Federalism // *New Commonwealth Quarterly*. 1939. Vol. 5. P. 131–149; вошло в мою книгу: *Idem.* Individualism and Economic Order. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 255–272 [*Хайек Ф.А.* Экономические условия межгосударственного федерализма // Он же. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. С. 215–227].

делать? Зачем, например, говорить, что свобода печати не будет ограничена, когда не дано права вводить ограничения. Я не буду утверждать, что такое положение обеспечивает право регулирования, но оно, очевидно, предоставит лицам, склонным к узурпации, реальный повод для претензий на эту власть. С мнимой обоснованностью они станут настаивать, что конституцию не следует перегружать абсурдом — принимать меры против злоупотребления полномочиями, которые не даны, и что положение против ограничения свободы печати ясно указывает, что должны правила об этом надлежит вверить национальному правительству. Вот пример, какой простор откроет потакание безрассудному рвению в пользу биллей о правах для самого различного использования доктрины конструктивных прав»⁴⁰.

Таким образом, основное возражение заключалось в том, что конституция предназначена для защиты гораздо более широкого круга индивидуальных прав, чем может быть исчерпывающе перечислено в каком-либо документе, а потому перечисление только некоторых может быть истолковано так, что остальные защите не подлежат⁴¹. Опыт показал, что были веские основания для опасений, что ни один билль о правах не в состоянии включить все права, подразумеваемые «определяющими принципами, общими для наших институтов»⁴², и что может показаться, что выделение некоторых из них подразумевает, что другие не защищены. С другой стороны, вскоре стало понятно, что конституция в любом случае наделяет правительство полномочиями, которые могут быть использованы для посягательств на индивидуальные права, если они не будут специально

⁴⁰ *Hamilton A. Certain General and Miscellaneous Objections to the Constitution Considered and Answered* (№ 84) // *Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist*. Oxford: B. Blackwell, 1948. P. 439–440 [*Гамильтон А. Федералист № 84* // *Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея*. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 554–555].

⁴¹ С еще большей ясностью, чем Гамильтон, этот взгляд выразил Джеймс Уилсон в дебатах о конституции на Пенсильванском конвенте (*The Debates in the Several State Conventions, on the Adoption of the Federal Constitution, as Recommended by the General Convention at Philadelphia in 1787* / Ed. by J. Elliot; 2nd ed. Philadelphia: J.B. Lippincott and Co., 1836–1859. Vol. 2. P. 436). Он называет Билль о правах «крайне неблагоприятным», потому что «во всех обществах существуют многие полномочия и права, которые не поддаются конкретному перечислению. Привязанный к конституции Билль о правах — это *перечень полномочий*, которые оговорены. Если мы попытаемся их перечислить, это будет подразумевать, что все, не вошедшее в перечень, уступлено». Однако Джеймс Мэдисон с самого начала, по-видимому, придерживался взгляда, который в конце концов восторжествовал. В важном письме Джефферсону от 27 октября 1788 года, слишком длинном, чтобы воспроизводить его здесь целиком, он писал: «Мое мнение всегда было в пользу Билля о правах; надо только, чтобы он был составлен так, чтобы из него невозможно было бы вывести полномочия, в явном виде не включенные в перечень. <...> Нужно опасаться *главным образом* не тех посягательств на частные права, которые связаны с действиями правительства, не соответствующими настроениям его избирателей, но таких действий, в которых правительство является простым инструментом большого числа избирателей. Это истина огромной важности, но она еще недостаточно понята. <...> Можно спросить: какой же пользе может служить билль о правах при народном правлении? <...> 1. Политические истины, провозглашаемые с такой торжественностью, постепенно приобретают характер фундаментальных принципов свободного правления, а когда они делаются частью народных чувств, то противодействуют порывам интересов и страстей...» (здесь цит. по: *The Complete Madison: His Basic Writings* / Ed. by S.K. Padower. New York: Harper, 1953. P. 253).

⁴² Слова Джона Маршалла на процессе: *Fletcher v. Peck*, 10 U.S. (6, Cranch), 87 at 139 (1810).

защищены, а поскольку ряд подобных прав уже упоминается в тексте конституции, то добавление более полного каталога будет полезным. «Билль о правах, — как было сказано позднее, — важен и зачастую незаменим, когда он действует как ограничитель полномочий, действительно предоставленных народом правительству. В этом состоит реальное основание всех биллей о правах в бывшей метрополии, в колониальных конституциях и законах, а также в конституциях штатов». И далее, «Билль о правах — это важная защита от несправедливого поведения и угнетения со стороны самого народа»⁴³.

От опасности, которую так отчетливо видели многие в то время, защищала предусмотрительная оговорка (в Девятой поправке): «Перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых народом», — оговорка, смысл которой позднее был совершенно забыт⁴⁴.

Следует хотя бы кратко упомянуть еще одну черту американской конституции, чтобы не создалось впечатления, что восхищение, которое поборники свободы всегда испытывали к конституции⁴⁵, с необходимостью распространяется и на этот ее аспект, тем более что он является плодом той же традиции. Доктрина разделения властей привела к формированию президентской республики, в которой глава исполнительной власти получает свои полномочия непосредственно от народа, а потому может принадлежать не к той партии, которая контролирует законодательное собрание. Далее мы увидим, что толкование этой доктрины, на котором основывается такой порядок, никоим образом не диктуется той целью, которой он служит. Трудно понять, чего ради была устроена эта помеха эффективности исполнительной власти, и вполне можно себе представить, что другие достоинства американской конституции проявились бы еще более действенно, если бы не эта ее черта.

6. Если учесть, что главной целью конституции было ограничение власти законодательных собраний, то станет очевидным, что способ реализации этого ограничения должен быть точно таким же, как и в случае других законов, а именно посредством суда. Поэтому неудивительно, что

---

⁴³ *Story J. Commentaries on the Constitution of the United States, With a Preliminary Review of the Constitutional History of the Colonies and States, Before the Adoption of the Constitution.* Boston: Hilliard, Gray, and Co., 1833. Vol. 3. P. 718, 720.

⁴⁴ См.: *Dunbar L.W. James Madison and the Ninth Amendment // Virginia Law Review.* 1956. Vol. 42. P. 627–645. Примечательно, что даже лучший знаток американской конституции в известном эссе (*Corwin E.S. The "Higher Law" Background of American Constitutional Law.* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1955. P. 5) неверно цитирует текст Девятой поправки и воспроизводит ошибку при переиздании текста через четверть века — по-видимому, потому, что никто не заметил, что на месте фразы из одиннадцати слов, содержащейся в первоначальном тексте, появилась фраза из шести!

⁴⁵ Восхищение было обычным среди либералов XIX века, таких как Уильям Ю. Гладстон, который однажды сказал про американскую конституцию, что это «самая поразительная работа, осуществленная в определенный момент времени благодаря уму и целеустремленности человека» (*Gladstone W.E. Kin Beyond Sea // North American Review.* 1878. September–October. Vol. 264. P. 185).

внимательный историк обнаруживает, что «судебный контроль изобрели вовсе не американцы, он так же стар, как и само конституционное право, и без него конституционализм никогда не был бы осуществлен»⁴⁶. Учитывая характер движения, приведшего к замыслу создания писаной конституции, действительно должно казаться странным, что необходимость в судах, которые могли бы признавать законы неконституционными, когда-либо ставилась под сомнение⁴⁷. В любом случае существенно то, что для некоторых составителей конституции судебный контроль представлял собой необходимую и самоочевидную часть конституции, так что когда вскоре после ее принятия в ходе дискуссий у них возник повод для защиты своей концепции, они высказались достаточно точно и определенно⁴⁸, а вскоре посредством решения Верховного суда этот принцип стал законом страны. Он уже применялся прежде судами штатов в отношении конституций штатов (в нескольких случаях даже до принятия федеральной конституции)⁴⁹,

⁴⁶ *McIlwain C.H.* Constitutionalism and the Changing World. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 278 [Точная цитата: «Судебный контроль изобрели вовсе не американцы, он так же стар, как и само конституционное право и без конституционного права не мог бы существовать». — *Ped.*]; ср.: «Иными словами, история судебного контроля есть история конституционных ограничений» (*Corwin E.S.* The Basic Doctrine of American Constitutional Law // *Michigan Law Review*. February 1914. Vol. 12. P. 252; переиздано: *Idem.* Selected Essays on Constitutional Law. Vol. 1. P. 105). См. также: *Dietze G.* America and Europe — Decline and Emergence of Judicial Review // *Virginia Law Review*. 1958. Vol. 44. P. 1233–1272.

⁴⁷ Все аргументы в поддержку отказа от судебного контроля недавно были систематизированы и детально изложены в работе: *Crosskey W.W.* Politics and the Constitution in the History of the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1953. Vol. 1–2.

⁴⁸ См. главным образом эссе № 78 Александра Гамильтона из «Федералиста»: «Ни один законодательный акт, противоречащий конституции, не может иметь силу» (*Hamilton A.* The Judiciary Department (№ 78) // *Hamilton A., Madison J., Jay J.* The Federalist. Oxford: B. Blackwell, 1948. P. 399 [*Гамильтон А.* Федералист № 78 // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс; Литера, 1994. С. 504]); см. также: *Debates and Proceedings in the Congress*. 1st Congress, 1st Session, Senate: June 8, 1789. Vol. 1. P. 457, где Мэдисон заявляет, что суды будут «считать себя в своем роде защитниками этих прав; они станут непроницаемым барьером для любых попыток присвоения полномочий законодательной и исполнительной ветвями власти: они будут естественно противиться любым посягательствам на права, четко оговоренные в конституции Декларацией прав», и его позднее высказывание в письме Джорджу Томпсону от 30 июня 1825 года: «Доктрина, освобождающая законодателей от контроля со стороны конституции, не может быть состоятельной. Последняя является таким же законом для законодателей, как принимаемые ими решения для отдельных индивидов, и хотя она всегда может быть изменена народом, который и создал ее, никакая другая власть не в состоянии ее изменить; и уж определенно не те, кого народ выбрал для реализации ее на практике. Это настолько жизненно важный принцип, он столь оправданно был гордостью нашего народного правительства, что отрицание его не может приобрести длительный и массовый характер» (цит. по: *The Complete Madison*. P. 344). Кроме того, см. заявление сенатора Мэйсона и губернатора Морриса в ходе прений в Конгрессе об отмене Закона о суде 1801 года, цитируемое в работе: *McLaughlin A.C.* A Constitutional History of the United States. New York: D. Appleton-Century Co., 1935. P. 291; а также лекцию Джеймса Уилсона, прочитанную в 1792 году студентам Пенсильванского университета (*The Works of James Wilson, Associate Justice of the Supreme Court of the United States and Professor Law in the College of Philadelphia: Being His Public Discourses Upon Jurisprudence and the Political Science, Including Lectures as Professor of Law, 1790–92* / Ed. by J.D. Andrews. Chicago: Callagan and Co., 1896. Vol. 1. P. 417), в которой он представляет судебный контроль как «необходимый результат осуществленного конституцией распределения полномочий между законодательной и судебной властью».

⁴⁹ Даже в предельно критичном недавнем обзоре Уильям Кросски в целом характеризует ситуацию следующим образом: «Имеются определенные доказательства того, что основная идея судебного контроля пользовалась в Америке некоторым признанием даже в колониальный период» (*Crosskey W.* Politics and the Constitution in the History of the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1953. Vol. 2. P. 943).

хотя ни одна из конституций штатов не предусматривала такой возможности в явном виде, и представлялось очевидным, что федеральные суды должны иметь те же полномочия в отношении федеральной конституции. Решение, принятое в деле *Marbury v. Madison*, в котором председатель Верховного суда Маршалл утвердил этот принцип, пользуется заслуженной славой еще и благодаря мастерству, с которым было сформулировано обоснование писаной конституции как таковой⁵⁰.

Часто отмечалось, что на протяжении пятидесяти четырех лет после этого решения Верховный суд не нашел ни одного случая, чтобы вновь заявить об этом своем праве. Но следует заметить, что в этот период соответствующие полномочия часто использовали суды штатов и что неиспользование их Верховным судом имело бы значение, только если бы удалось показать, что он не использовал их в тех случаях, когда должен был использовать⁵¹. Более того, не может быть сомнений, что именно в этот период получила наибольшее развитие доктрина конституции, на которой основывается судебный контроль. В те годы возникла уникальная литература о правовых гарантиях личной свободы, которая в истории свободы заслуживает быть помещенной рядом с великими английскими спорами XVII и XVIII веков. В более полном изложении вклад Джеймса Уилсона, Джона Маршалла, Джозефа Стори, Джеймса Кента и Дэниела Уэбстера заслуживал бы самого тщательного изучения. Позднейшая реакция против их доктрин несколько затемнила то огромное влияние, которое это поколение юристов оказало на эволюцию американской политической традиции⁵².

---

⁵⁰ *Marbury v. Madison*, 5 U.S. (1 Cranch), 137 (1803); здесь я могу процитировать лишь несколько мест из этого знаменитого решения: «В отношении системы правления Соединенных Штатов настойчиво подчеркивается, что это правление законов, а не людей. Она определено утратит право на это высокое имя, если законы не предоставят защиты от нарушений закрепленных законных прав. <...> Вопрос о том, может ли закон, несовместимый с конституцией, стать законом страны, представляет глубокий интерес для Соединенных Штатов, но, к счастью, его сложность не пропорциональна этому интересу. Представляется, что для его решения необходимо лишь признать определенные принципы, считающиеся давно и прочно утвержденными. <...> Полномочия законодательного собрания определены и ограничены; и конституция написана для того, чтобы эти границы нельзя было забыть или неверно понять. С какой целью эти полномочия ограничены и с какой целью эти ограничения зафиксированы на бумаге, если те, для сдерживания кого эти границы и установлены, могут в любое время их перейти? Не будет разницы между государственной властью с ограниченными и неограниченными полномочиями, если эти границы не сдерживают тех людей, для которых они установлены, и если законы запрещенные и законы допустимые будут равно обязательны. <...> Право и долг судебной власти безусловно состоит в том, чтобы сообщать, что есть закон. Те, кто применяет правило в конкретных делах, по необходимости должны разъяснять и истолковывать это правило. Если два закона противоречат друг другу, дело судов решать вопрос о применении каждого».

⁵¹ См.: *Jackson R.H. The Struggle for Judicial Supremacy: A Study of a Crisis in American Power Politics*. New York: Alfred A. Knopf, 1941. P. 36–37, где автор высказывает предположение, что «это могло быть результатом не просто воздержания суда [от вмешательства], но и того факта, что в принимаемых Конгрессом законах мало что могло задеть консервативные умы. Философией как законодателей, так и самого суда, до известной степени, было *laissez faire*. Отчасти именно этот факт не позволял разглядеть потенциальные последствия решений по делу *Marbury v. Madison* и еще в большей мере по делу *Dred Scott* [*Dread Scott v. Sanford*, 19 Howard 393 (March 1857)]. — *Ped.*].

⁵² Об огромном влиянии правовой мысли на американскую политику этого периода см., в частности: *Tocqueville. Democracy in America*. Vol. 1. P. 272–280 [*Токвиль. Демократия*].

Мы имеем возможность рассмотреть здесь еще лишь одно достижение конституционной теории этого периода. Речь идет о растущем признании того, что конституционная система, основанная на разделении властей, предполагает четкое различие между собственно законами и другими правовыми актами, не являющимися общими правилами. В дискуссиях этого периода мы находим постоянные ссылки на концепцию «общих законов, сформулированных в результате тщательного обдумывания, не под влиянием раздражения и при условии отсутствия знания о том, кого они затронут»⁵³. Много обсуждалась нежелательность «специальных», в отличие от «общих», законов⁵⁴. В судебных решениях вновь и вновь подчеркивалось, что законы в собственном смысле слова должны быть «общими публичными законами, равно обязательными для каждого члена общества при сходных обстоятельствах»⁵⁵. Предпринимались разные попытки отразить это различие в конституциях штатов⁵⁶, пока оно не стало рассматриваться как одно из главных ограничений, налагаемых на законодательную деятельность. Это, а также внесенный в федеральную конституцию в явном виде запрет на придание законам обратной силы (который одним из ранних решений Верховного суда по непонятным причинам был

в Америке. Кн. 1. Ч. 2. Гл. 8. С. 204–214]. Мало что может более ярко охарактеризовать изменение атмосферы, чем упадок репутации таких людей, как Дэниел Уэбстер, чье впечатляющее изложение конституционной теории, считавшееся в свое время классическим, теперь по большей части забыто. См., в частности, его аргументы в деле Дартмутского колледжа и в процессе *Luther v. Borden* [*Rachel Luther et al. v. Luther M. Borden et al.*, 48 U.S. 1; 12 L. Ed. 581; 7 How. 1 (January 1849). — *Pea.*]: «Под законом страны очевидным образом подразумевается общий закон; закон, который сначала выслушивает и лишь потом осуждает; который сначала проводит расследование, а приговор выносит только после судебного разбирательства. Смысл в том, чтобы каждый гражданин пользовался своей жизнью, свободой, собственностью и привилегиями под защитой общих правил, направляющих общество. Поэтому не все, что может быть принято в форме законодательного акта, следует считать законом страны» (Writings and Speeches of Daniel Webster. Boston: Little, Brown, 1903. Vol. 10–11; особенно т. 10, с. 219). Также см.: *Ibid.* Vol. 10. P. 232, где подчеркивается, что народ «с исключительной мудростью предпочел пойти на риск возможных неудобств, возникающих из-за недостатка власти, ради возможности поставить ей границу и пользоваться постоянной защитой от злоупотреблений ею». См. также: «Я сказал, что один из принципов американской системы состоит в том, что народ ограничивает свою государственную власть на уровне страны и на уровне штатов. Это так, но есть и другой принцип, столь же истинный, определенный и, по моей оценке, столь же важный, состоящий в том, что народ часто *ограничивает сам себя*. Он установил пределы своей собственной власти. Он предпочел защитить созданные им институты от внезапных порывов, исходящих от простого большинства. Все наши институты множество раз сталкивались с подобным. Великий консервативный принцип, которому следовал народ при установлении форм государственного управления, состоит в том, чтобы обезопасить то, что им установлено, от опрометчивых изменений решением простого большинства» (*Ibid.* Vol. 11. P. 224).

⁵³ *Ex parte Bollman*; *Ex parte Swartwout* 8 U. S. Reports 75 (4 Cranch 750); 2 L. Ed. 554 (February 1807) at 127.

⁵⁴ См.: *Corwin E.S.* The Basic Doctrine of American Constitutional Law. P. 258, цит. выше в примечании 46.

⁵⁵ *Ibid.* P. 259.

⁵⁶ См. конституции Арканзаса (1874), ст. 5, гл. 25; Джорджии (1877), ст. 1, гл. 4, § 1; Канзаса (июль 1859), ст. 2, гл. 17; Мичигана (1863), ст. 4, гл. 29; Огайо (1851), ст. 2, гл. 26. Обсуждение этого различия см.: *Mangoldt H. con.* Rechtsstaatsgedanke und Regierungsformen in den Vereinigten Staaten von Amerika: Die geistigen Grundlagen des amerikanischen Verfassungsrechts. Essen: Essener Verlagsanstalt, 1938. P. 315–318; особенно с. 316.

отнесен только к уголовному праву⁵⁷⁾ показывает, каким образом предполагалось использовать конституционные правила для ограничения материально-правового (substantive) законодательства.

7. Когда в середине столетия Верховному суду представился случай еще раз продемонстрировать полномочия проверять конституционность принимаемых Конгрессом законов, в существовании этих полномочий вряд ли кто-либо сомневался. Проблема теперь состояла скорее в природе материально-правовых ограничений, налагаемых на законодательную деятельность конституцией или конституционными принципами. Какое-то время судебные решения прямо апеллировали к «сущностной природе всякого свободного правления» и «фундаментальным принципам цивилизации». Но идеал народного суверенитета делался более влиятельным, и случилось то, чего опасались противники перечисления защищаемых прав в явном виде: общее признание получила доктрина, согласно которой суды не вольны «объявлять закон ничтожным на том основании, что, по их мнению, он противоречит *духу*, предположительно пронизывающему конституцию, но *не выраженному в словах*»⁵⁸. Смысл Девятой поправки был забыт и, похоже, остается забытым до сих пор⁵⁹.

Привязанные таким образом к явно сформулированным положениям конституции судьи Верховного суда во второй половине столетия оказались в довольно своеобразном положении, когда столкнулись с использованием законодательных полномочий, которое, по их ощущениям, конституция предполагала предотвратить, но по поводу которых она не содержала явного запрета. Фактически, они на первых порах лишили себя оружия, содержащегося в Четырнадцатой поправке. «Ни один штат не должен издавать или применять законы, которые ограничивают привилегии и льготы граждан Соединенных Штатов» — решением Верховного суда этот запрет в течение пяти лет превратился в «практически не действующий»⁶⁰. Но продолжению этой же самой статьи, гласившему, что «ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона», предстояло стать чрезвычайно важным совершенно непредвиденным образом.

Предусматриваемое этой поправкой условие о «надлежащей правовой процедуре» (due process) повторяет в явном виде применительно к законодательству штата то, что уже обеспечивала Пятая поправка

---

⁵⁷ *Calder v. Bull*, 3 U.S. (3 Dall) 386, 388 (1798); ср.: *Corwin E.S.* The Basic Doctrine of American Constitutional Law // Michigan Law Review. February 1914. Vol. 12. P. 248–258.

⁵⁸ *Coolley T.M.* A Treatise on Constitutional Limitations Which Rest Upon the Legislative Power of the States of the American Union / 1st ed. Boston: Little, Brown, and Co., 1868. P. 171. [Курсив Ф.А. Хайека. — *Ред.*]

⁵⁹ Ср.: *Jackson R.H.* The Supreme Court in the American System of Government. P. 74.

⁶⁰ The “Slaughter House Cases”, 83 U.S. (16 Wallace) 36 (1873). Ср.: *Corwin E.S.* Liberty against Government. P. 122.

и конституции ряда штатов. В общем, Верховный суд дал толкование более раннего положения, несомненно, в соответствии с его первоначальным значением как «надлежащей правовой процедуры при применении закона». Но в последней четверти столетия, когда, с одной стороны, стала считаться бесспорной доктрина, согласно которой только буква конституции может служить для Верховного суда основанием для объявления закона неконституционным, и когда, с другой стороны, он столкнулся с нарастающим потоком законов, представлявшихся несовместимыми с духом конституции, он ухватился за эту соломинку и истолковал процессуальную норму как материально-правовую. Содержавшийся в Пятой и Четырнадцатой поправках пункт о «надлежащей правовой процедуре» был единственным в конституции упоминанием о собственности. Поэтому в последующие пятьдесят лет эти поправки стали тем фундаментом, на котором Верховный суд выстроил корпус законов, затрагивающих не только индивидуальные свободы, но и государственный контроль над экономической жизнью, в том числе с использованием полицейской власти и налогообложения⁶¹.

Результаты этого своеобразного и отчасти случайного исторического развития событий не позволяют извлечь столь общеприменимые уроки, чтобы дальше рассматривать в этой книге порожденные ими запутанные проблемы современного американского конституционного права. Мало кто сочтет удовлетворительной ситуацию, сложившуюся в конечном счете. Потеряв почву под ногами, Верховный суд неизбежно пришел к тому, что стал принимать решения не о том, нарушает или нет некий закон предоставленные законодателям конкретные полномочия, и не о совместимости закона с общими принципами, писаными или неписаными, ради соблюдения которых предположительно была задумана конституция, а о желательности или нежелательности целей, ради которых законодатели использовали свои полномочия. Вопрос свелся к тому, «разумны» ли цели, ради которых эти полномочия были применены (*reasonableness*)⁶², или, иными словами, была ли в данном конкретном случае потребность достаточно велика, чтобы оправдать использование определенных полномочий, хотя в других случаях оно могло быть оправданным. Верховный суд явно вышел за пределы назначенных ему судебных функций и присвоил себе, по сути дела, законодательные полномочия. В конечном итоге это привело к конфликту с общественным мнением и с исполнительной (президентской) властью, в ходе которого авторитет суда несколько пострадал.

---

⁶¹ В осуществленном Э. Корвином эталонном аннотированном издании Конституции Соединенных Штатов Америки (1953) 215 из 1237 страниц посвящены полномочиям, основанным на Четырнадцатой поправке, и только 136 страниц посвящены «пункту о регулировании торговли»!

⁶² Ср. комментарий: «Единственный критерий, который предлагается, — разумность. С точки зрения юриспруденции трудно было бы придумать что-нибудь более неудовлетворительное» (*Freund E. Standards of American Legislation: An Estimate of Restrictive and Constructive Factors. Chicago: University of Chicago Press, 1917. P. 211*).

8. Хотя для большинства американцев это все еще недавняя, знакомая история, мы не можем здесь совсем проигнорировать кульминацию борьбы между исполнительной властью и Верховным судом, которая со времен первого Рузвельта и развернутой прогрессистами под предводительством Лафоллета-старшего кампании против Верховного суда была постоянным сюжетом американской политической сцены. Конфликт 1937 года, хоть он и побудил Верховный суд отойти от наиболее крайней позиции, имел своим результатом подтверждение фундаментальных принципов американской традиции, имеющих непреходящее значение.

Когда самая глубокая экономическая депрессия Нового времени была в полном разгаре, пост американского президента занял один из тех неординарных людей, о которых Уолтер Бэджот писал: «Некий гениальный человек с привлекательным голосом и ограниченным умом, который провозглашает и настаивает, что конкретное усовершенствование не только хорошо само по себе, но что оно лучше всего остального и корень всех прочих благ»⁶³. Абсолютно уверенный в том, что он лучше всех знает, как надо, Франклин Д. Рузвельт вообразил, что функция демократии во время кризиса состоит в том, чтобы наделить неограниченной властью человека, которому она доверяет, даже если это означает, что тем самым она «выковыривает новые инструменты власти, которые в иных руках будут опасны»⁶⁴.

Эта установка, при которой почти любые средства считались приемлемыми, если цели желательны, скоро должна была неизбежно привести к лобовому столкновению с Верховным судом, который в течение полувека привычно оценивал «разумность» законодательства. Вероятно, будет справедливым утверждение, что когда Верховный суд принял свое самое впечатляющее решение, единогласно признав неконституционным закон о Национальном управлении экономического восстановления (National Recovery Administration), он не только уберек тем самым страну от плохо продуманной меры, но и действовал в рамках своих конституционных полномочий. Однако впоследствии консервативное большинство суда принялось не большим перевесом голосов и на гораздо более спорных основаниях одну за другой отменять предлагаемые президентом меры, и он в конце концов убедился, что единственный шанс осуществить их — ограничить полномочия или заменить состав Верховного суда. Кульминацией этой борьбы стал законопроект о расширении состава Верховного суда (Court Packing Bill)*. Повторное избрание Рузвельта президентом в 1936 году беспрецедентным большинством, укрепившее его позиции в борьбе с Верховным

---

⁶³ *Bagehot W. The Metaphysical Basis of Toleration [1874] // Bagehot. Works. Vol. 6. P. 232–233.*

⁶⁴ Цит. по: *Thompson D. Essentials of Democracy: The American Scene. New York: The Town Hall, 1938. P. 21.*

* Рузвельт предложил Конгрессу расширить состав Верховного суда путем добавления к каждому судье, чей возраст превышал 70 лет, еще одного судьи, что увеличило бы состав суда с 9 до 15 человек. Это позволило бы ему ввести в состав суда своих сторонников и изменить баланс мнений членов суда в свою пользу. Законопроект не был утвержден Конгрессом.

судом, одновременно, видимо, убедило суд в том, что президентская программа пользуется широким одобрением. Когда в результате суд отказался от самой крайней позиции и не только пересмотрел свою точку зрения по ряду центральных вопросов, но и, по сути дела, отказался от применения положения о надлежащей правовой процедуре, президент лишился самых сильных аргументов. В конечном итоге предложенные им меры потерпели полное поражение в Сенате, где его партии принадлежало подавляющее большинство, и по его авторитету был нанесен серьезный удар в тот самый момент, когда он достиг вершины популярности.

Этот эпизод — подходящее завершение обзора американского вклада в идеал свободы в рамках закона главным образом благодаря блистательному изложению традиционной роли Верховного суда в отчете сенатского Комитета по судебной системе (Senate Judiciary Committee). Здесь могут быть процитированы лишь немногие из самых характерных мест этого документа. Формулировка принципов начинается с презумпции, что сохранение американской конституционной системы «неизмеримо более важно... чем немедленное принятие какого бы то ни было законодательства, сколь угодно благотворного». Доклад призывает к «продолжению и сохранению навсегда правления и господства закона в отличие от правления и господства людей, и в этом мы всего лишь повторяем базовые принципы конституции Соединенных Штатов». И далее следует утверждение: «Если Суд последней инстанции будет обязан реагировать на политически навязываемые господствующие настроения текущего момента, то этот Суд в конечном итоге станет подчиняться давлению сиюминутного общественного мнения, которое может в любой момент оказаться в объятиях страстей толпы, несовместимых с более спокойным и дальновидным рассмотрением вопросов. <...> В произведениях и делах великих государственных деятелей нам не найти более точной и более надежной философии свободного правления, чем в решениях Верховного суда, когда он разрешает грандиозные проблемы свободного правления, затрагивающие права человека»⁶⁵.

---

⁶⁵ Reorganization of the Federal Judiciary: Adverse Report from the [Senate] Committee on the Judiciary Submitted to Accompany S. 1392 (75th Congress, 1st Session, Senate Report 711, June 7, 1937). P. 8, 15, 19, 20. См. также с. 19: «Суды несовершенно, как и судьи. Несовершенен Конгресс, равно как сенаторы и конгрессмены. Несовершен президент. В этих ветвях государственной власти и подчиненном им чиновничьем аппарате полно людей, по большей части стремящихся жить в соответствии с высоким положением и идеалами системы, которая была задумана для достижения величайшей из возможных мер свободы и справедливости для всего народа. Мы разрушаем систему, когда сводим ее к несовершенным критериям людей, которые приводят ее в движение. Мы усиливаем ее и самих себя, мы делаем справедливость и свободу для всех людей более надежными, когда, проявляя терпение и самообладание, поддерживаем ее на том высоком уровне, на котором она была задумана. Неудобства и даже задержки с введением законов в силу — не самая большая плата за нашу систему. Конституционная демократия продвигается вперед уверенно, а не быстро. Безопасность и устойчивость поступательного прогресса нашей цивилизации намного важнее для нас и тех, кто придет нам на смену, чем немедленное введение в силу любого отдельного закона. Конституция Соединенных Штатов предоставляет изобилие возможностей для выражения воли народа, чтобы осуществить такие реформы и изменения, которые люди могут считать важными для их настоящего и будущего благополучия. Таков перечень полномочий, которыми народ наделяет тех, кто правит им».

Никогда законодатели не воздавали большей дани почтения тому самому Верховному суду, который ограничивал их власть. И никто в США из тех, кто помнит это событие, не может усомниться в том, что это было выражением чувств подавляющего большинства населения⁶⁶.

9. При всей невероятной успешности американского эксперимента с конституционализмом — а я не знаю ни одной другой писаной конституции, которая просуществовала бы хотя бы вполовину столь же долго, — это все-таки эксперимент с новым подходом к устройству системы правления, так что не следует думать, будто в нем сосредоточена вся мудрость этой сферы. Основные черты американской конституции выкристаллизовались на столь ранней стадии понимания того, что значит конституция, а полномочия по воплощению усвоенных уроков в письменный документ с помощью поправок использовались настолько мало, что в некоторых отношениях неписаная часть конституции оказалась более поучительной, чем ее текст. Во всяком случае, для целей данного исследования лежащие в ее основе общие принципы важнее, чем те или иные ее конкретные особенности.

Главное здесь заключается в том, что в США было установлено: законодательное собрание связано общими правилами; оно должно решать конкретные проблемы таким образом, чтобы основополагающий принцип мог быть применен и в других случаях; а если оно нарушит принцип, который прежде соблюдался, хотя, возможно, никогда и не был недвусмысленно сформулирован, оно должно признать этот факт и подчиниться разработанной процедуре, чтобы установить, действительно ли изменились основные убеждения народа. Судебный контроль не является абсолютной помехой изменениям, и самое большее, что он может достичь, — это приостановить процесс и поставить институт, имеющий право изменять конституцию, перед необходимостью отвергнуть или вновь утвердить принцип, о котором идет речь.

Практика основанного на общих принципах ограничения государственной власти в ее преследовании ближайших целей — отчасти мера предосторожности против законодательного дрейфа; при этом судебный контроль нуждается в дополнении чем-то вроде референдума, обращением ко всему народу для решения вопросов, имеющих принципиальное значение. Более того, государство, которое может осуществлять принуждение по отношению к отдельному гражданину только в соответствии с прежде установленными долговременными общими правилами, но не ради особых временных целей, совместимо отнюдь не с любым экономическим строем.

---

⁶⁶ Мне не забыть того, как это чувство выразил водитель такси в Филадельфии, в машине которого мы услышали сообщение радио о внезапной смерти президента Рузвельта. Я уверен, что он выразил мнение подавляющего большинства народа, когда в заключение прочувственного панегирика президенту сказал: «Но он не должен был пытаться расширить состав Верховного суда. Этому ему делать не следовало!» Очевидно, что потрясение было очень глубоким.

Если принуждение может быть применено только в соответствии с общими правилами, для правительства становится невозможным брать на себя определенные задачи. Таким образом, верно, что «очищенный от всякой шелухи либерализм и есть конституционализм, „правление законов, а не людей“»⁶⁷, — если либерализм понимать так, как его понимали в Соединенных Штатах Америки в 1937 году, когда Верховный суд боролся с президентом и когда «либерализм» сторонников Верховного суда подвергался атакам как мнение меньшинства⁶⁸. В этом смысле американцы, защитив свою конституцию, смогли защитить свободу. Сейчас же мы увидим, как в начале XIX века на европейском континенте либеральное движение, вдохновленное американским примером, сделало своей главной целью учреждение конституционализма и верховенства закона.

---

⁶⁷ *McIlwain C.H.* Constitutionalism and the Changing World. New York: Macmillan, 1939. P. 286; см. также: *Neumann F.L.* The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1957. P. 31.

⁶⁸ См.: *Lerner M.* Minority Rule and the Constitutional Tradition // *The Constitution Reconsidered* / Ed. by C. Read. New York: Columbia University Press, 1938. P. 199 ff.

Либерализм и администрация: Rechtsstaat

Как можно поставить определенный предел высшей власти, если ее цель — неопределенное общее счастье в соответствии с ее собственными суждениями? Должны ли князья быть отцами народа, как бы ни была велика опасность того, что они станут деспотами?

— Г.Г. фон Берг

1. К середине XVIII столетия в большинстве стран европейского континента два века абсолютизма разрушили традиции свободы. Хотя некоторые из прежних идей были сохранены и развиты теоретиками естественного права, главный импульс к возрождению пришел из-за Ла-Манша. Но по мере

— *Berg G.H. von.* Handbuch des deutschen Polizeyrechtes. Hannover: Hahn, 1799–1804. Vol. 2. P. 3. Этот фрагмент по-немецки: «Wo bleibt eine bestimmte Grenze der höchsten Gewalt, wenn eine unbestimmte, ihrem eigenen Urtheile überlassene allgemeine Glückseligkeit ihr Ziel sein soll? Sollen die Fürsten Väter des Volks seyn, so gross auch die Gefahr ist, dass sie seine Despoten seyn werden?» См. также: «Die Rechtsherrschaft vom Staate verlangen, heißt ihn verpflichten, die Rechte jedes Einzelnen zu schützen und zu achten, die Wohlfahrt von ihm verlangen, heißt ihn auffordern, die Rechte der Einzelnen zu verletzen, weil die Mittel, wodurch die Größe, die Macht, der Ruhm, der Wohlstand einer Nation befördert werden soll, in der Regel von der Art sind, daß jene Rechte dadurch beeinträchtigt werden» [«Требовать, чтобы государство установило верховенство закона, — значит утверждать, что оно обязано защищать и уважать права индивида. Требовать, чтобы государство обеспечивало благосостояние своих граждан, — значит призывать его нарушать права индивида в той мере, в какой увеличение размеров, могущества, славы и процветания страны связано с ущемлением этих прав»] (*Aretin J.C. von.* Staatsrecht der konstitutionellen Monarchie: Ein Handbuch für Geschäftsmänner, studirende Jünglinge und gebildete Bürger. Altenburg: Literatur-Comptoir, 1824–1827. Vol. 2. P. 179). Все это, по-видимому, восходит к Канту: *Kant I.* Vom Verhältnis der Theorie zur Praxis im Staatsrecht // *Idem.* Sämtliche Werke / Ed. by G. Hartenstein. Leipzig: Leopold Voss, 1868. Vol. 6. P. 327 [*Кант И.* Об отношении теории к практике в государственном праве // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 175–196]; *Idem.* Von dem Kampf des guten Prinzips mit dem bösen, und die Gründung eines Reichs Gottes auf Erden // *Ibid.* P. 220–229 [Хайек констатирует названия частей книги Канта «Религия в пределах только разума». В действительности ее вторая часть называется «Von dem Kampf des guten Prinzips, mit dem bösen, um die Herrschaft über den Menschen» («О борьбе доброго принципа со злым за господство над человеком»), а третья — «Der Sieg des guten Prinzips über das böse, und die Gründung eines Reichs Gottes auf Erden» («О победе доброго принципа над злым и основание царства божьего на земле»). — *Ред. J.*; *Idem.* Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre // *Ibid.* Vol. 7. P. 130 [*Он же.* Метафизические начала учения о праве // Там же. Т. 6. С. 224–230]. Сколь мало изменились проблемы за полтора столетия, видно, когда сравниваешь это высказывание с наблюдением, сделанным в работе Альфреда фон Мартина «Порядок и свобода»: «Denn es kann — auch bei aller revolutionär-demokratischen Ideologie keinen weiterreichenden Freibrief für die Macht geben, als wenn sie lediglich an den (jeder jeweiligen „Generallinie“ nachgebenden) Kautschukbegriff des Gemeinwohls gebunden ist, der unter dem Deckmantel

того как новое движение росло, оно сталкивалось с ситуацией совершенно иной, чем в Америке того времени или в Англии столетием раньше.

Новым фактором был созданный абсолютизмом мощный централизованный административный механизм, корпус профессиональных администраторов, ставших главными правителями народа. Эта бюрократия гораздо больше занималась благополучием и нуждами народа, чем могла бы система ограниченного правления в англо-саксонском мире или чем ожидалось от этой системы. Следовательно, европейские либералы уже на раннем этапе своего движения столкнулись с проблемами, которые в Англии и США стали проявляться намного позже и так постепенно, что почти не возникало поводов для их систематического обсуждения.

С самого начала великой целью движения против произвольной власти было установление верховенства закона. Не только интерпретаторы английских институтов — главным из которых был Монтескье — представляли правление закона как сущность свободы; даже Руссо, работы которого стали главным источником другой и противоположной традиции, чувствовал, что «главная проблема политической теории, которую я уподобляю проблеме квадратуры круга в геометрии, — найти форму правления, которая поставит закон выше людей»¹. Его амбивалентное понятие «общей воли» также привело к важным усовершенствованиям концепции верховенства закона. Общая воля должна была быть общей не только в смысле воли всех людей, но и по интенции: «Когда я говорю, что предмет законов всегда имеет общий характер, я разумею под этим, что Закон рассматривает подданных как целое, а действия — как отвлечение, но никогда не рассматривает человека

---

des Moralischen, jeder politischen Beliebigkeit freie Bahn gibt» [«Независимо ни от какой революционно-демократической идеологии невозможно представить себе власть с более широкой свободой действия, чем та, которая привязана исключительно к эластичному (неизбежно принимающему форму, соответствующую „генеральной линии“ текущего момента) понятию „общего блага“, которое под прикрытием морали открывает все возможности для политического произвола»] (*Martin A.W. von. Ordnung und Freiheit. Materialien und Reflexionen zu Grundfragen des Soziallebens. Frankfurt am Main: Josef Knecht, 1956*).

Ссылку на предыдущую публикацию основного содержания этой и трех последующих глав см. в примечании в начале главы 11.

¹ *Rousseau J.J. Lettre à Mirabeau* [from Rousseau to Mirabeau, Trye, 26 July 1767] // *Œuvres complètes de J. J. Rousseau / Avec des éclaircissements et des notes historiques; 2nd ed. Paris: Baudouin frères, 1826. Vol. 24. P. 175. Cp. также место из его «Писем с гор»: Idem. Lettres écrites de la montagne (№ 8) // The Political Writings of Jean Jacques Rousseau. Cambridge: Cambridge University Press, 1915. Vol. 2. P. 235, цитируемое выше в главе 11, примечание 37; а также обсуждение: *Nef H. Jean Jacques Rousseau und die Idee des Rechtsstaates // Schweizer Beiträge zur allgemeinen Geschichte / Études suisses d'histoire générale / Studi svizzeri di storia generale. 1947. Vol. 5. P. 167–185; Beccaria C. Dei Delitti e delle Pene edizione rivista, corretta, e disposta secondo l'ordine della traduzione francese approvato dall'autore coll'aggiunta del commentario alla detta opera di Mr. de Voltaire tradotto da celebre autore. London [Venice]: Presso la Società dei Filosofi, 1774. В трактате, впервые опубликованном анонимно в Италии в 1764 году, Бенкьяриа отмечает, что «верховная власть» или «суверен» может устанавливать лишь «leggi generali, chi obblighino tutti i membri» [«законы общего характера, обязывающие всех»] (*Бенкьяриа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. С. 73*), и утверждает, что законодательные акты следует толковать силогистически: «In ogni delitto si deve fare dal giudice un sillogismo perfetto; la maggiore dev'essere la legge generale, la minore l'azione conforme o no alla legge, la conseguenza la libertà o la pena» [«По поводу всякого преступления судья должен построить правильный силлогизм, в котором большой посылкой служит общий закон, а малой — конкретный поступок, противоречащий или соответствующий закону; заключение — оправдание или наказание»] (с. 9 [с. 76]).**

как индивида или отдельный поступок. Таким образом, Закон вполне может установить, что будут существовать привилегии, но он не может предоставить таковые никакому определенному лицу; Закон может создать несколько классов граждан, может даже установить те качества, которые дадут право принадлежать к каждому из этих классов; но он не может конкретно указать, что такие-то и такие-то лица будут включены в тот или иной из этих классов; он может установить королевское Правление и сделать корону наследственной; но он не может ни избирать короля, ни провозглашать какую-либо семью царствующей, — словом, всякое действие, объект которого носит индивидуальный характер, не относится к законодательной власти»².

2. Поэтому-то революция 1789 года приветствовалась всеми как, по известному выражению историка Мишле, «l'avènement de la loi» [«пришествие закона»] (*фр.*)³. Как писал позже Альберт В. Дайси, «Бастилия была внешне видимым знаком беззаконной власти. Ее падение воспринималось, и совершенно справедливо, как провозвестие для всей Европы того верховенства закона, которое уже существовало в Англии»⁴. Прославленная «Декларация прав человека и гражданина» с ее гарантиями индивидуальных прав и утверждением принципа разделения властей, которые она представляла как существенную часть любой конституции, имела целью установление строгого царства закона⁵. И первые попытки создания конституции полны усердного и даже педантичного стремления проговорить в явном виде основные идеи правления закона⁶.

Как бы изначально ни вдохновлялась революция идеалом верховенства закона⁷, сомнительно, что она способствовала его достижению. Тот факт,

---

² *Rousseau J.J.* Du contrat social. Bk. 2. Ch. 6 // Œuvres complètes de J.J. Rousseau / Avec des éclaircissements et des notes historiques. Paris: Baudouin frères, 1826. Vol. 6. P. 72 [*Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Кн. 2. Гл. 6 // Он же. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 177].

³ *Michelet J.* Histoire de la Revolution française. Paris: Chamerot, 1847–1850. Vol. 1. P. xxiii. См. также: *Mignet F.* Histoire de la Revolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. Paris: Didot, 1824. P. 2 [*Мишель Ф.* История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М.: ГПИВ, 2006. С. 35].

⁴ *Dicey A.V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution / 1st ed. London: Macmillan, 1885. P. 177.

⁵ См. ст. 16 Декларации, принятой 26 августа 1789 года: «Общество, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции» [Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989. С. 29].

⁶ Особенно тексты и разные конституционные проекты Кондорсе уделяют большое внимание фундаментальным различиям, относящимся к самой сути предмета, таким как различие между настоящими законами, то есть общими правилами, и простыми приказами. См. в частности: *Projet girondin* // Archives parlementaires de 1787 à 1860: Recueil complet des debates législatifs et politiques des chambres françaises. Paris, 1900. Vols. 52–70: 1st series 1 (1787–1799). Vol. 58. Title 7. Sec. 2. Arts. 1–7. P. 617–618; Œuvres de Condorcet / Ed. by A.C. O'Connor, M. F. Arago / 2nd ed. Paris: Firmin Didot frères, 1847–1849. Vol. 12. P. 356–358, 367. См. также место, цитируемое без ссылки в работе: *Barthélemy J.* Le Rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes. Paris: Girard et Brière, 1906. P. 489. См. также: *Stern A.* Condorcet und der girondistische Verfassungsentwurf von 1793 // Historische Zeitschrift. 1930. Vol. 141. P. 479–496.

⁷ Ср.: *Ray J.* La Révolution française et le pensée juridique: l'idée de règne de la loi // Revue philosophique. 1939. Vol. 128. P. 364–425; *Belin J.* La Logique d'une idée-force: l'idée d'utilité sociale et la Révolution française. Paris: Hermann and Cie., 1939. Vol. 1–7.

что идеал народного суверенитета одержал победу одновременно с идеалом верховенства закона, вынудил последний вскоре отойти на задний план. Быстро набрали силу другие устремления, с которыми этот идеал никак не согласовывался⁸. Пожалуй, никакая насильственная революция не повышает уважение к закону. Лафайет мог призывать к «господству законов» в противоположность «господству клубов», но его усилия были тщетны. Общее влияние «революционного духа», вероятно, лучше всего описано словами, которые произнес автор французского гражданского кодекса, передавая его в законодательное собрание: «Это пылкая решимость насильственно принести все права в жертву революционным целям и не признавать больше никаких соображений, кроме не поддающихся определению и переменчивых представлений о том, чего требуют интересы государства»⁹.

Решающим фактором, обрекшим на бесплодие усилия революции утвердить свободу индивида, была созданная ею вера в то, что раз уж вся

---

⁸ См.: Ray J. La Révolution française et le pensée juridique: l'idée de règne de la loi // Revue philosophique. 1939. Vol. 128. P. 372. Некоторый интерес представляет то, что одно из самых ясных изложений английской идеи свободы было опубликовано в Женеве в 1792 году Жан-Жозефом Мунье в знак протеста против злоупотреблений словом «свобода» в период французской революции. Работа носит примечательное название «Recherches sur les causes qui ont empêché les François de devenir libres, et sur les moyens qui leur restent pour acquérir la liberté» [«Исследование причин, мешающих французам стать свободными, и средств, которые остаются им, чтобы заполучить свободу»], а ее первая глава, под названием «Quels sont les caractères de la liberté?» («Каковы признаки свободы?»), начинается так: «Les citoyens sont libres, lorsqu'ils ne peuvent être contraints ou empêchés dans leurs actions ou dans la jouissance de leurs biens et de leur industrie, si ce n'est en vertu des loix antérieures, établies pour l'intérêt public, et jamais d'après l'autorité arbitraire d'aucun homme, quels que soient son rang et son pouvoir.

Pour qu'un peuple jouisse de la liberté, les loix, qui sont les actes plus essentiels de la puissance souveraine, doivent être dictées par des vues générales, et non par des motifs d'intérêt particulier; elles ne doivent jamais avoir un effet rétroactif, ni se rapporter à [des circonstances passées, ou à] certaines personnes» [«Граждане свободны, когда их не могут стеснить или помешать им в их действиях или в пользовании своим имуществом и умениями, кроме как на основании законов страны, установленных в общественных интересах, но не на основании произвольного решения какого-либо человека, независимо от его влияния и общественного положения. Чтобы люди могли пользоваться свободой, законы, которые являются самыми основными постановлениями суверенной власти, должны быть продиктованы самыми общими суждениями, а не частными интересами; они не должны иметь обратной силы, не должны быть направлены против неких установленных лиц»] (Mounier J.-J. Recherches sur les causes qui ont empêché les François de devenir libres, et sur les moyens qui leur restent pour acquérir la liberté. Geneva, 1792).

Мунье полностью осознает, что он защищает, по сути дела, английскую концепцию свободы, и на следующей странице он недвусмысленно об этом говорит: «Sûreté, propriété, disent les Anglois, quand ils veulent caractériser la liberté civile ou personnelle. Cette définition est en effet très exacte: tous les avantages que la liberté procure sont exprimés dans ces deux mots» [«Защищенность, право собственности, говорят англичане, когда хотят охарактеризовать свободу личную или гражданскую. Эти определения по существу очень точны: все выгоды, доставляемые свободой, выражены этими двумя словами»]. О Мунье и в целом о первоначальном, но постепенно падающем в ходе французской революции влиянии английских идей см.: Bonno G. La Constitution britannique devant l'opinion française de Montesquieu à Bonaparte. Paris: H. Champion, 1931; особенно гл. 6, с. 191–272.

⁹ Жан Порталис в речи, произнесенной в 1796 году по поводу передачи третьего проекта французского гражданского кодекса Совету пятисот; цит. по: Fenet P.A. Recueil complet des travaux préparatoires du code civil, suivi d'une édition de ce code, à laquelle sont ajoutés les lois, décrets et ordonnances formant le complément de la législation civile de la France, et ou se trouvent indiqués, sous chaque article séparément, tous les passages du recueil qui s'y rattachent. Paris: Ducassois, 1827. Vol. 1. P. 464–467.

власть наконец-то оказалась в руках народа, любая защита от этой власти оказывается ненужной. Дело мыслилось так, что приход демократии автоматически предотвращает произвольное использование власти. Однако вскоре оказалось, что избранные представители народа намного больше пекутся о том, чтобы органы исполнительной власти всецело служили их целям, чем чтобы индивид был защищен от самой исполнительной власти. Хотя французская революция во многих отношениях вдохновлялась американской, ей так и не удалось достичь того, что было главным результатом последней, а именно конституции, ограничивающей полномочия законодательной власти¹⁰. Более того, с самого начала революции ее основному принципу равенства перед законом начали угрожать новые требования, выдвинутые предтечами современного социализма, которые сформулировали лозунг *égalité de fait* [равенство на деле] вместо простого *égalité de droit* [равенство прав].

3. Единственное, чего не затронула революция и что, как превосходно показал Токвиль¹¹, пережило все превратности последующих десятилетий, — это власть административного аппарата. Действительно, принятое во Франции крайнее толкование принципа разделения властей служило укреплению власти администрации. Оно использовалось преимущественно для защиты административных властей от любого вмешательства судов и, следовательно, для ограничения, а не укрепления власти государства.

Сменивший революцию наполеоновский режим неизбежно был больше озабочен повышением эффективности и мощи административного механизма, чем защитой свободы индивида. На фоне этой тенденции свобода в рамках закона, повторно ставшая девизом в короткий период июльской монархии, имела мало шансов на успех¹². Республика не находила особых

---

¹⁰ Описание того, как Франции не удалось выработать настоящую конституцию в американском понимании и как это постепенно привело к упадку принципа верховенства закона, см.: *Rougier L. La France à la recherche d'une constitution*. Paris: Recueil Sirey, 1952.

¹¹ См.: *Tocqueville A. de. L'ancien régime* [1856]. Oxford: B. Blackwell, 1952. Бк. 2. Особенно гл. 2 и 4 [*Tocqueville A. de. Старый режим и революция*. СПб.: Алетейя, 2008. С. 39–47, 56–61]; а также: «Поэтому, когда люди утверждают, что ничто не защищено от революций, я говорю им, что они ошибаются и что один из примеров этого — централизация. Во Франции нам только одного никак не удается наладить — свободного правления, и только один институт нам никак не удается разрушить — централизацию. Как она могла бы исчезнуть? Враги правительства любят ее, а те, кто правит, всячески ее лелеют. Последние, правда, время от времени осознают, что она навлекает на них внезапные и непоправимые бедствия; но это не отвращает их от нее. Они готовы рисковать и подвергаться опасностям ради удовольствия, которое доставляет им возможность вмешиваться в жизнь каждого и держать все в своих руках» (*Recollections of Alexis de Tocqueville*. London: H. Henry, 1896. P. 238).

¹² Сообщалось, что сам король Луи-Филипп сказал, обращаясь к национальной гвардии: «La liberté ne consiste que dans le règne de loi. Que chacun ne puisse pas être tenu de faire autre chose que ce que la loi exige de lui, et qu'il puisse faire tout ce que la loi n'interdit pas, telle est la liberté. C'est vouloir la détruire que de vouloir autre chose» [«Свобода есть не что иное, как верховенство закона. Свобода — это когда каждый обязан делать только то, что требует закон, и может делать все, чего закон не запрещает. К разрушению стремятся те, кто хочет другого»] (цитируется в эссе де Ламенне, изначально опубликованном в *L'Avenir* от 23 мая 1831 года, а затем: *Lammennais H. de. Troisiemes mélange*. Paris: P. Daubrée et Cailleux, 1835. P. 266). Более полный рассказ о развитии традиции во Франции должен был бы уделить достаточно места некоторым ведущим политическим мыслителям и государственным де-

поводов предпринимать какие-либо систематические усилия для защиты индивида от произвольной исполнительной власти. Фактически, та ситуация, которая доминировала во Франции на протяжении большей части XIX века, надолго создала «административному праву» дурную репутацию в англосаксонском мире.

Это правда, что в недрах административного аппарата постепенно возникла новая сила, все больше бравшая на себя функцию ограничения дискреционных полномочий административных учреждений. *Conceil d'État* [Государственный совет (*фр.*)], первоначально созданный только для контроля за тем, чтобы намерения законодателей воплощались в жизнь с надлежащей точностью, в современный период эволюционировал таким образом, что, как недавно выяснили с некоторым изумлением англосаксонские исследователи¹³, стал обеспечивать граждан лучшей защитой от произвольных действий административных властей, чем та, что доступна жителям современной Англии. Эти французские достижения привлекли гораздо больше внимания, чем аналогичная эволюция, происходившая в Германии примерно в то же время. Здесь сохранение института монархии никогда не позволяло наивной вере в автоматическую эффективность демократического контроля затемнять суть вопроса. Поэтому систематическое обсуждение проблем породило здесь подробную теорию контроля над администрацией, которая, несмотря на то что ее политическое влияние на практике длилось недолго, глубоко повлияла на правовое мышление континентальной Европы¹⁴. А поскольку новые правовые теории, которым было суждено покорить мир и подорвать систему верховенства закона, были развиты в противовес именно этой немецкой форме принципа верховенства закона, важно познакомиться с ней чуть подробнее.

ателям этого периода, таким как Бенжамен Констан, Гизо и группа *doctrinaires* [теоретиков (*фр.*)], которые разработали теорию «гарантизма» (*garantisme*), систему ограничителей, предназначенных для защиты индивида от вмешательства государства. О них см.: *Ruggiero G. de. The History of European Liberalism*. London: Oxford University Press, 1927; *Corral L.D. del. El Liberalismo doctrinario*. Madrid: Instituto de estudios políticos, 1945. О доктринальном развитии французского административного права и судебной практики в этот период см., в частности: *Broglie A.-L.-V. de. De la jurisdiction administrative* // *Idem. Écrits et discours*. Paris: Didier et cie, 1863. Vol. 1. P. 249–331; *Cormenin L. M., de Lahaye. Questions de droit administratif*. Paris: M. Ridler, 1822. О живом интересе Тонвиля к теме подчинения бюрократических решений судебному контролю как существенного условия свободы см., в частности: *Lively J. The Social and Political Thought of Alexis de Tocqueville*. Oxford: Clarendon Press, 1962. P. 166–182.

¹³ См.: *Schwartz B. French Administrative Law and the Common Law World*. New York: New York University Press, 1954; *Hamson C.J. Executive Discretion and Judicial Control: An Aspect of the French Conseil d'État*. London: Stevens, 1954; *Sieghart M.A. Government by Decree*. London: Stevens, 1950.

¹⁴ О значимости немецких теоретических достижений см.: *Alexéef P. L'État — le droit — et le pouvoir discrétionnaire der autorités publiques* // *Revue internationale de la théorie du droit*. 1928–1929. Vol. 3. P. 216; *McIlwain C.H. Constitutionalism and the Changing World: Collected Papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 270; *Duguit L. Manuel du droit constitutionnel, théorie générale de l'état, le droit de l'état, les libertés publiques, organisation politique*. Paris: Fontenoing and Cie., 1918; последняя работа — хороший пример того, как один из самых известных в англосаксонском мире трактатов по конституционному праву в равной мере черпает аргументы как у французских, так и у немецких предшественников.

4. В свете той репутации, которую приобрела Пруссия в XIX веке, читателя может удивить сообщение, что немецкое движение за верховенство закона началось именно в этой стране¹⁵. Однако в некоторых отношениях правление просвещенного деспотизма в XVIII столетии было здесь поразительно современным — можно было бы даже сказать, почти либеральным — в том, что касается правовых и административных принципов. Утверждение Фридриха II, сказавшего о себе, что он первый слуга государства¹⁶, вовсе не было бессмыслицей. Традиция, восходящая в первую очередь к великим теоретикам естественного права, а отчасти и к западным источникам, в конце XVIII века значительно усилилась благодаря влиянию этической и правовой теории философа Иммануила Канта.

Немецкие авторы обычно начинают свое изложение истории движения к *Rechtsstaat* [правовому государству (*нем.*)] с теорий Канта. Хотя этим, пожалуй, преувеличивается оригинальность его философии права¹⁷, он, несомненно, придал идеям ту форму, в которой они оказались чрезвычайно влиятельными в Германии. И в самом деле, его главный вклад — общая теория морали, в которой принцип правления закона предстает как частное применение более общего принципа. Его знаменитый «категорический императив», правило, требующее от человека: «Поступай всегда согласно такой максиме, всеобщности которой в качестве

---

¹⁵ Особенно см.: *Conrad H. Rechtsstaatliche Bestrebungen im Absolutismus Preußens und Österreichs am Ende des 18. Jahrhunderts*. Cologne: Westdeutscher Verlag, 1961, и более ранние работы этого автора, там упомянутые. Ср. пронизательное наблюдение: «В Пруссии бюрократия была организована таким образом, чтобы обеспечивать лучшую защиту индивидуальных прав и более жесткое соблюдение закона. Но эта система рухнула с распространением французских идей после 1848 года, когда антагонистические интересы внутри государства, воспользовавшись возможностями парламентской системы, стали злоупотреблять административной властью и установили настоящую партийную тиранию» (*Lowell A.L. Governments and Parties in Continental Europe*. New York: Houghton, Mifflin, 1896. Vol. 2. P. 86). [Этой цитаты в книге Лоуэлла нет. — *Ped.*]

¹⁶ Концепция власти закона, преобладавшая в Пруссии XVIII века, хорошо иллюстрируется анекдотом, известным каждому немецкому ребенку. Рассказывают, что Фридриха II раздражала старая ветряная мельница, стоявшая в близком соседстве с его дворцом Сан-Суси и портившая вид, и после нескольких неудачных попыток купить ее он пригрозил владельцу, что прогонит его с участка, на что старый мельник якобы ответил: «У нас в Пруссии еще есть суд!» (Обычно по-немецки эту фразу цитируют так: «Es gibt noch eine Kammergericht in Berlin!») Что касается фактов, вернее отсутствия фактической базы у этой легенды, см.: *Koser R. Geschichte Friedrich des Großen*. Stuttgart: Cotta, 1912–1914. Vol. 3. P. 413 ff. Эта история говорит о том, что у королевской власти были свои пределы, чего в то время, вероятно, нельзя было сказать ни про одну другую страну континента, и я не уверен, что сегодня это может быть сказано о главах демократических государств: одного их намека городским планировщикам было бы достаточно, чтобы принудительно убрать эту помеху — хотя, конечно, исключительно в интересах общества, а не для того, чтобы удовлетворить чей-либо каприз! [В действительности фраза в книге Козера такова: «Es gibt noch Richter in Berlin!» («В Берлине есть еще законы!»). — *Ped.*]

¹⁷ О кантовской философии права см.: *Kant I. Die Metaphysik der Sitten*. Vol. 1: *Anfangsgründe der Rechtslehre*. Pt. 2: «Das Staatsrecht». Secs. 45–49 [*Kant II. Метафизика нравов. Учения о праве, часть 2. Государственное право. § 45–49*]; и еще две его работы: «Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis» [«О поговорке: „Может, это и верно в теории, но не годится для практики“»] и «Zum ewigen Frieden» [«О вечном мире»]. Ср.: *Haensel W. Kants Lehre vom Widerstandsrecht. Ein Beitrag zur Systematik der Kantischen Rechtsphilosophie*. Berlin: Pan-Verlag Rolf Heise, 1926; *Darmstädter F. Die Grenzen der Wirksamkeit des Rechtsstaates: Eine Untersuchung zur gegenwärtigen Krise des liberalen Staatsgedankens*. Heidelberg: C. Winter, 1930.

закона ты в то же время можешь желать»¹⁸, — является, фактически, распространением на сферу этики в целом фундаментальной идеи, лежащей в основе верховенства закона. Он, как и принцип верховенства закона, просто устанавливает критерий, которому все частные правила должны соответствовать, чтобы быть справедливыми¹⁹. Но, подчеркивая необходимость общего и абстрактного характера всех правил, если таковые правила призваны направлять деятельность свободного индивида, концепция тем самым сыграла значительную роль в подготовке почвы для развития права.

Здесь не место для полного рассмотрения влияния кантовской философии на развитие конституционализма²⁰. Нам придется ограничиться упоминанием чрезвычайно важного эссе молодого Вильгельма фон Гумбольдта «О пределах государственной деятельности»²¹, которое, разъясняя кантовский подход, не только послужило широкому распространению выражения «уверенность в закономерной свободе», но и в некоторых отношениях стало прообразом крайней позиции; иными словами, он не только ограничил все принудительные действия государства исполнением предварительно обнародованных общих законов, но и представил принуждение к исполнению этих законов как *единственную* правомерную функцию государства. Концепция индивидуальной свободы, оставляющая открытым вопрос о допустимости других, не связанных с принуждением функций государства, этого не подразумевает. Именно благодаря влиянию

¹⁸ *Kant I. Fundamental Principles of Morals*. P. 421 [*Кант И. Основоположения метафизики нравов* // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 215]. Именно в соответствии с этим переносом понятия верховенства закона на область морали Кант утверждает, что свобода, зависящая только от закона, — это «независимость воли от всякого другого закона, за исключением морального» (*Idem. Kritik der praktischen Vernunft* // Kants Werke. Berlin: Walter de Gruyter, 1968. Vol. 5. P. 93 [Он же. Критика практического разума // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 486]).

¹⁹ Ср.: *Menger K. Moral, Wille und Weltgestaltung. Grundlegung zur Logik der Sitten*. Vienna: J. Springer, 1934. P. 13–17.

²⁰ Более полный обзор должен был бы уделить особое внимание ранним работам философа Иоганна Г. Фихте, особенно его: *Fichte J.G. Grundlage des Naturrechts nach Prinzipien der Wissenschaftslehre* [1796] // *Idem. Sämtliche Werke*. Berlin: Veit, 1845. Vol. 3 [*Фихте И.Г. Основы естественного права согласно принципам наукоучения*. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014], а также произведениям поэта Фридриха Шиллера, внесшего, вероятно, наибольший вклад в распространение либеральных идей в Германии. См.: *Eyck E. Freiheit und Demokratie, 1848–1948* // *Accademia Nazionale dei Lincei. Convengo di scienze morali, storiche e filologiche*. 4–10 ottobre 1948. Rome: Accademia Nazionale dei Lincei, 1949. P. 31. О них и других немецких классиках см.: *Falter G. Staatsideale unserer Klassiker*. Leipzig: C.L. Hirschfeld, 1911; *Metzger W. Gesellschaft, Recht und Staat in der Ethik des deutschen Idealismus*. Heidelberg: C. Winter, 1917. Однако у меня сложилось впечатление, что центральная роль Христиана Гарве, пользовавшегося авторитетом у Юма, Смита, Фергюсона и Бёрна, переводившего Аристотеля и Цицерона, дружившего с Шиллером и состоявшего в переписке с Кантом и Генцем, осталась никем не замеченной.

²¹ *Humboldt W. von. Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen*. Breslau: E. Trewendt, 1851 [*Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности*. Челябинск: Социум; М.: Три квадрата, 2009]. Эта работа была написана в 1792 году, но сначала была опубликована лишь ее часть, а целиком она вышла только в посмертном издании, на которое я здесь ссылаюсь, и сразу после появился английский перевод, который оказал глубокое влияние не только на Джона Стюарта Милля, но и на француза Эдуарда Лабуэ. См. его работу: *Laboulaye E. L'État et ses limites: suivi d'essais politiques*. Paris: Charpentier, 1863.

Гумбольдта эти разные концепции часто смешивались позднейшими сторонниками *Rechtsstaat*.

5. Два события в области права, произошедшие в Пруссии в XVIII веке, оказали впоследствии столь серьезное влияние, что их необходимо рассмотреть более подробно. Одно из них — начало кодификации всех законов, фактически инициированное Фридрихом II и начавшееся с создания в 1751 году прусского гражданского кодекса²³, — этот процесс быстро распространился на другие страны и наиболее известным его результатом стали кодексы Наполеона 1800–1810 годов. Все это движение в целом следует рассматривать как одно из самых важных усилий, направленных на утверждение верховенства закона в континентальной Европе, потому что именно оно во многом определило как общий характер, так и направление последующих достижений, произошедших, по крайней мере в теории, в странах общего права.

Конечно, даже совершенно составленный кодекс не гарантирует той определенности, какой требует принцип верховенства закона; поэтому кодекс не может служить заменой глубоко укорененной традиции. Это, однако, не должно заслонять того, что, видимо, существует, во всяком случае на первый взгляд, конфликт между идеалом правления закона и системой прецедентного права. В устоявшейся системе прецедентного права степень, в которой судья действительно создает закон, может быть и не больше, чем в системе кодифицированного права. Но эксплицитное признание того, что источником законов является не только законодательство, но и судопроизводство, хотя и соответствует эволюционной теории, лежащей в основе британской традиции, часто затушевывает различие между созданием закона и его применением. И это вопрос: не означает ли хваленая гибкость общего права, способствовавшая тому, что принцип верховенства закона развивался, когда был общепринятым идеалом, еще и меньшую сопротивляемость тенденциям, направленным против нее, когда исчезает бдительность, необходимая для поддержания свободы?

По крайней мере, не может быть сомнения, что усилия по кодификации привели к формулировке в явном виде некоторых общих принципов, на которые опирается верховенство закона. Самым важным событием такого рода было официальное признание принципа «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» [«нет преступления, нет наказания без устанавливающего его закона»] (*лат.*)²³, который впервые вошел в австрийский уголовный кодекс 1787 года²⁴, а после его включения во французскую Декларацию прав человека был введен в большинство европейских кодексов.

---

²³ Ему предшествовали шведский кодекс 1734 года и еще более ранний датский кодекс.

²³ По-видимому, впервые этот принцип был сформулирован в таком виде в работах: *Feuerbach P.J.A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts*. Giessen, 1801. Однако см. выше главу 11, примечание 76.

²⁴ Ст. 8: «La loi ne doit établir que de peines strictement et évidemment nécessaires, et nul ne peut être puni qu'en vertu d'une loi établie et promulguée antérieurement au délit, et légalement

Однако самый оригинальный вклад Пруссии XVIII века в реализацию принципа верховенства закона был сделан в области контроля над публичным администрированием. Если во Франции буквальное следование идеалу разделения властей привело к изъятию действий администрации из-под судебного контроля, то в Пруссии развитие пошло в противоположном направлении. Руководящим принципом, глубоко повлиявшим на либеральное движение XIX века, было требование поставить под судебный контроль все действия административной власти, затрагивающие личность или собственность гражданина. Дальше всего в этом направлении пошел закон 1797 года — применявшийся только в новых восточных провинциях Пруссии, но рассматривавшийся как образец для всей страны, — который подчинял все споры между административными органами власти и частными гражданами юрисдикции обычных судов²⁵. И в последующие восемьдесят лет он послужил одним из главных прототипов при обсуждении *Rechtsstaat*.

6. Именно на этой основе в первые десятилетия XIX века теоретическая концепция правового государства, *Rechtsstaat*, систематически развивалась²⁶ и стала, вместе с идеалом конституционализма, главной целью но-

---

appliquée» [«Закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые; никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного» (Декларация прав человека и гражданина 1789 года. Ст. 8 // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26–29)].

²⁵ См.: *Loening E.* Gerichte und Verwaltungsbehörden in Brandenburg-Preußen: Ein Beitrag zur preußischen Rechts- und Verfassungsgeschichte. Halle: Waisenhaus, 1914, и особенно обширную обзорную статью об этой работе: *Hintze O.* Preußens Entwicklung zum *Rechtsstaat* // *Idem.* Geist und Epochen der preußischen Geschichte. Leipzig: Koehler and Amelang, 1943. P. 105–171.

²⁶ Мы не можем здесь продолжить исследование ранней истории этой немецкой концепции, и, в особенности, интересного вопроса о том, в какой мере она могла быть производной от развитой Жаном Боденом концепции *droit gouvernement* [правового правления (*gfp.*)]. О специфически немецких источниках см.: *Gierke O.F. von.* Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien: zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Rechtssystematik. Breslau W. Koebner, 1880. Согласно Карлу Шмитту (*Schmitt C.* Was bedeutet der Streit um den, *Rechtsstaat*? // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft.* 1935. Vol. 95. P. 190), термин *Rechtsstaat* впервые появляется в книге: *Müller A.H.* Elemente der Staatskunst: Öffentliche Vorlesungen vor Sr. Durchlaucht dem Prinzen Bernhard von Sachsen-Weimar und einer Versammlung von Staatsmännern und Diplomaten, im Winter von 1808 auf 1809, zu Dresden, gehalten. Berlin: Sander, 1809.

Слово *Rechtsstaat*, похоже, впервые появилось, но вряд с тем же значением, в книге: *Welcker K.T.* Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe: Philosophisch und nach den Gesetzen der merkwürdigsten Völker rechtshistorisch entwickelt. Giessen: Heyer, 1813, где различаются три вида правления: деспотизм, теократия и *Rechtsstaat*. Об истории концепции см.: *Asanger R.* Beiträge zur lehre vom Rechtsstaat im 19. Jahrhundert. Westfälischer Wilhelms-Universität. Münster, 1938 (неопубликованная диссертация). Лучший обзор роли этого идеала в немецком либеральном движении см.: *Schnabel F.* Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Freiburg: im Breisgau: Herder, 1933–1959. Vol. 2. P. 99–109. См. также: *Ellwein T.* Das Erbe der Monarchie in der deutschen Staatskrise: Zur Geschichte des Verfassungsstaates in Deutschland. Munich: Isar, 1954.

Возможно, не случайно, что начало теоретического движения, приведшего к разработке идеала *Rechtsstaat*, было положено в Ганновере, который через своих королей имел больше контактов с Англией, чем остальные части Германии. См.: *Rosin F.* Gesetz und Verordnung: Gesetz und Verordnung nach badischem Staatsrecht. Freiburger Abhandlungen aus dem Gebiet des öffentlichen Rechts, Heft 18, Dissertation. Karlsruhe: G. Braun, 1911. P. 30–47; автор ссылается, в частности, на Юсти и Юстуса Мёзера и описывает то, как барон фон Штейн основал эту тради-

вого либерального движения²⁷. То ли потому, что ко времени, когда началось это движение в Германии, американский прецедент был уже лучше известен и более понятен, чем во времена Французской революции, то ли потому, что в Германии развитие шло в рамках конституционной монархии, а не республики, и она была менее подвержена иллюзии, что с приходом демократии все проблемы будут автоматически решены, но именно здесь ключевой целью либерального движения стало ограничение всех

цию. См. также: *Hermann C. Friedrich Christof Dahlmanns politische Entwicklung bis 1848: ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Liberalismus*. Leipzig: Haessel, 1921. В последние десятилетия XVIII века в Ганновере появилась группа видных политических теоретиков, опиравшихся на традицию английских вигов: особенно большой вклад в распространение английских конституционных идей в Германии внесли Э. Брандес, А.В. Реберг и, позднее, Ф.К. Дальман. См. о них: *Christern H. Deutscher Ständestaat und englischer Parlamentarismus am Ende des 18. Jahrhunderts*. Munich: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1939. Однако с точки зрения наших целей самой значительной фигурой в этой группе был Гюнтер Г. фон Берг, которого мы процитировали в эпиграфе этой главы (см. особенно: *Berg G.H. von. Handbuch... Hannover: Hahn, 1799–1804. Vol. 1. P. 158–160; Vol. 2. P. 1–4, 12–17*). О влиянии его работы см.: *Marchet G. Studien über die Entwicklung der Verwaltungslehre in Deutschland von der zweiten Hälfte des 17. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts*. Munich: R. Oldenbourg, 1885. P. 419–428. Ученый, который впоследствии больше всех сделал для распространения теории *Rechtsstaat*, Роберт фон Мольте, занимался исследованием американской конституции; см. его работу: *Mohl R. von. Das Bundesstaatsrecht der Vereinigten Staaten von Nord-Amerika*. Stuttgart: J.C. Cotta, 1824, которая принесла ему значительную известность в США и после которой его попросили дать отзыв на «Комментарии» судьи Стоуна (*Mohl R. von. German Criticism of Mr. Justice Story's "Commentaries on the Constitution of the United States"* // *American Jurist and Law Magazine*. October 1835. Vol. 14. P. 330–345). Свою теорию *Rechtsstaat* он разрабатывал, в частности, в книге: *Mohl R. von. Staatsrecht des Königreiches Württemberg*. Tübingen: H. Laupp, 1829–1831. Vol. 1–2, где он принял введенное Беклером различие деспотизма, теократии и конституционного государства, добавив, однако, четвертый тип — патриархальное государство (т. 1, с. 6–9). По ходу дела он дал, вероятно, самое точное определение конституционного государства, какое только можно найти в немецкой литературе: это государство, в котором «гражданин становится осведомлен о каждом изменении в цели или положениях любого закона не вследствие произвольных приказов высшей человеческой или божественной власти, а только посредством законов, в равной мере применяемых ко всем» (с. 182). См. также его книгу: *Idem. Das Recht der Steuerverwilligung nach den Grundsätzen der württembergischen Verfassung, mit Rücksicht auf entgegenstehende Bestimmungen des deutschen Bunde*. Stuttgart: Liesching, 1836, где он дает одну из первых формулировок различия между материальным и процессуальным правом. [В действительности автор этой работы — Пауль А. Пфизер. — *Ред.*] Далее, см.: *Mohl R. von. Die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates*. Tübingen: Laupp, 1832–1834. Vol. 1–3; *Idem. Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*. Erlangen: Ferdinand Enke, 1855–1858. Vol. 1–3. Самая известная формулировка концепции *Rechtsstaat* принадлежит одному из консервативных теоретиков этого периода, Фридриху Ю. Штаулю. В работе «Философия права» он дает следующее определение: «Государство должно быть правовым государством — это лозунг и, по правде говоря, еще и тенденция последнего времени. Оно должно точно и неизменно определять и гарантировать *направления* и *границы* своей деятельности, сферу свободы граждан, и не навязывать от своего лица или напрямую какие-либо моральные идеи, выходящие за пределы сферы закона. Такова концепция *Rechtsstaat*, и она не утверждает, что государство должно ограничиться обеспечением правопорядка или *только* защитой прав индивида. Она ничего не говорит о *содержании* или *цели* государства, но определяет лишь образ действий и метод их достижения» (*Stahl F.J. Die Philosophie des Rechts* / 5th ed. Vol. 2: *Rechts- und Staatslehre*, Pt. 2 (1837). Tübingen; Leipzig: J.C.B. Mohr, 1878. P. 352). (Последние предложения в приведенном фрагменте направлены против крайней позиции, представленной, например, В. фон Гумбольдтом.)

²⁷ См., например: «Noch mächtiger und unbesiegbarer muss aber der Liberalismus dann erscheinen, wenn man sich überzeugt, dass er nichts Anderes ist als der auf einer gewissen Stufe menschlicher Entwicklung notwendige Übergang des Naturstaats in den Rechtsstaat» [«Еще более сильным и непобедимым либерализм выглядит тогда, когда удастся убедить себя, что он есть не что иное, как необходимое на определенном этапе человеческого развития преобразование естественного государства в правовое»] (*Pfizer P.A. Liberal, Liberalismus* // *Staatslexicon oder Enzyklopädie der sämtlichen Staatswissenschaften* / Ed. by C. von Rotteck, C.T. Welcker. Altona: J.F. Hammerich, 1845–1848. Vol. 8. P. 534).

правительственных полномочий с помощью конституции и, в частности, ограничение всей административной власти силой закона, исполнение которого обеспечивается судами.

Большая часть аргументации немецких теоретиков того времени была в явном виде направлена против «административной юрисдикции» в том смысле, в каком этот термин по-прежнему использовался во Франции, — то есть против квазисудебных органов административного аппарата, которые изначально предназначены для контроля за исполнением закона, а не для защиты свободы индивида. Доктрина, согласно которой, говоря словами одного из верховных судей южногерманского государства, «всякий раз, когда возникает вопрос, были ли права частных лиц нарушены действиями должностного лица или в полной мере соблюдены, он должен решаться обычными судами»²⁸, быстро наращивала влияние. Когда Франкфуртский парламент в 1848 году разработал проект конституции для всей Германии, туда был введен пункт, требовавший прекращения всей «административной юстиции» (в тогдашнем понимании) и передачи всех дел о нарушении прав частных лиц в обычные суды²⁹.

Однако надежда на то, что с установлением конституционной монархии в отдельных государствах Германии будет эффективно реализован идеал верховенства закона, быстро развеялась. Новые конституции мало продвинулись в этом направлении, и вскоре обнаружилось, что, хотя «дана конституция и провозглашено *Rechtsstaat*, на деле сохранилось полицейское государство. Кто должен был стать хранителем публичного права и его индивидуалистического принципа фундаментальных прав? Никто иной, как та самая администрация, от чьей деятельности и от чьего стремления к экспансии фундаментальные законы и должны были защитить»³⁰. Фактически именно в последующие двадцать лет Пруссия приобрела репутацию

---

²⁸ Minnigerode L. Beitrag zu der Frage: Was ist Justiz- und was ist Administrativ-Sache? Darmstadt: Meyer, 1835. P. 8. См. также: Pfizer P.A. Das Recht der Steuerverwilligung, где, как уже указывалось в примечании 27, автор говорит о различии между нормами материального и процессуального права.

²⁹ Следует отметить, что существовало серьезное расхождение во мнениях между южной Германией, где было сильным французское влияние, и северной Германией, где, по-видимому, преобладало сочетание влияний старой тевтонской традиции, теоретиков естественного права и английского примера. В частности, группа южногерманских юристов, которая составила политическую энциклопедию (см. выше примечание 27), ставшую самым влиятельным руководством для либерального движения, явно находилась под влиянием таких французских, как Бенжамен Констан и Франсуа Гизо. О значимости «*Staatslexikon*» [этой энциклопедии. — *Ред.*] см.: Zehner H. Das Staatslexikon von Rotteck und Welcker: eine Studie zur Geschichte des deutschen Frühliberalismus. Jena: G. Fisher, 1929; о преимущественно французском влиянии на южногерманский либерализм см.: Fickert A. Montesquius und Rousseaus Einfluß auf den vormärzlichen Liberalismus Badens. Leipzig: Queller und Meyer, 1914. См.: Wilhelm T. Die englische Verfassung und der vormärzliche deutsche Liberalismus: eine Darstellung und Kritik des Verfassungsbildes der liberalen Führer. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1928. Различие традиций проявилось позднее в том факте, что если в Пруссии судебный контроль был распространен, хотя бы в принципе, на вопросы, по которым административные учреждения были наделены дискреционными полномочиями, то в южной Германии такие вопросы однозначно исключались из сферы судебного контроля.

³⁰ Anschütz G. Verwaltungsrecht // Systematische Rechtswissenschaft. Berlin: B.G. Teubner, 1906. P. 352.

полицейского государства, в прусском парламенте велись ожесточенные схватки по поводу принципа *Rechtsstaat*³¹ и, наконец, было сформулировано окончательное решение проблемы. В течение какого-то времени еще считалось, по крайней мере в Северной Германии, что идеальным решением была бы передача контроля над законностью действий администрации обычным судам. Эта концепция *Rechtsstaat*, прозванная впоследствии «юстициализмом» (justicialism)³², вскоре была вытеснена другой, которую в основном разработал исследователь английской административной практики Рудольф фон Гнейст³³.

7. Имеется два разных основания утверждать, что не следует совмещать обычную юрисдикцию и судебный контроль административных актов. Хотя оба соображения в конечном счете способствовали созданию системы административных судов в Германии и хотя их часто смешивают, они направлены к разным и даже несовместимым целям, а потому их нужно четко различать.

Один аргумент заключается в том, что проблемы, возникающие в связи со спорами по поводу административных актов, требуют знания соответствующих фактов и разделов права, чего нельзя ожидать от судьи обычного суда, имеющего подготовку главным образом в сфере частного или уголовного права. Это сильный и, вероятно, даже решающий аргумент, но он не требует большего разделения между судами по частным и административным спорам, чем обычно существует между судами, разбирающими дела в области соответственно частного, торгового и уголовного права. Административные суды, отделенные от обычных судов только в этом смысле, могли бы сохранять ровно такую же независимость от правительства, как и последние, и заботиться при этом только об отправлении правосудия, то есть о применении совокупности уже существующих правил.

Но особые административные суды можно считать необходимыми еще и на том основании, что споры о юридической силе административных актов не могут быть решены на основании чисто юридических соображений, потому что здесь всегда примешиваются вопросы государственной политики или целесообразности. Суды, созданные специально для этой цели, всегда будут учитывать текущие намерения правительства, а потому

---

³¹ См.: *Lasker E.* Polizeigewalt und Rechtsschutz in Preußen // *Deutsche Jahrbücher für Politik und Literatur*. 1861. Vol. 1. P. 27–48; переиздано: *Idem.* *Zur Verfassungsgeschichte Preußens*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1874. P. 179–212. Эта статья поучительна еще и тем, что демонстрирует, насколько сильно пример Англии влиял на северную Германию.

³² Типичной работой, развивающей этот подход, является: *Bähr O.* *Der Rechtsstaat: Eine publicistische Skizze*. Cassel: Wigand, 1864.

³³ См.: *Gneist R. von.* *Der Rechtsstaat*. Berlin: Julius Springer, 1872, и особенно второе расширенное издание той же работы: *Idem.* *Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland*. Berlin: Julius Springer, 1879. О том, какое значение придавалось работе фон Гнейста в то время, можно судить по названию анонимного памфлета того периода: *Herr Professor Gneist, oder der Retter der Gesellschaft durch den “Rechtsstaat”*. Berlin: Schoppmeier, 1873 [«Господин профессор Гнейст, или Спаситель общества с помощью правового государства»].

не смогут быть полностью независимыми: они должны быть частью административного аппарата и подчиняться указаниям, по крайней мере, главы исполнительной власти. Их задачей будет не столько защита индивида от посягательств на его частную жизнь со стороны правительственных учреждений, сколько обеспечение того, чтобы это не происходило вопреки намерениям и инструкциям правительства. Они будут механизмом, обеспечивающим выполнение правительственными ведомствами воли правительственной власти (в том числе законодательной), а не средством защиты индивида.

Граница между этими задачами может быть проведена четко и однозначно только в том случае, если существует корпус детализированных правовых норм, направляющих и ограничивающих действия администрации. Граница неизбежно окажется размытой, если административные суды создаются в то время, когда законодательным и судебным органам власти еще только предстоит попытаться решить задачу по разработке соответствующих норм. В такой ситуации одной из необходимых задач этих судов станет формулирование в качестве правовых норм того, что прежде было лишь внутренними правилами административного аппарата; и, решая эту задачу, они обнаружат, что им очень трудно провести грань между внутренними правилами, имеющими общий характер, и теми, которые выражают всего лишь конкретные цели текущей политики.

Именно такой была ситуация в Германии в 1860–1870-х годах, когда наконец была предпринята попытка реализовать на практике давно лелеемый идеал *Rechtsstaat*. Аргументом, в конце концов перевесившим давно устоявшиеся доводы в пользу «юстициализма», стало то, что нецелесообразно доверять простым судьям, не имеющим специальной подготовки, решение запутанных вопросов, возникающих при рассмотрении споров по поводу административных актов. В результате были созданы новые, отдельные административные суды, которые должны были стать совершенно независимыми, занятыми исключительно вопросами, касающимися правовых норм; была надежда, что со временем они возьмут под строгий судебный контроль все действия администрации. Для людей, разработавших эту систему, особенно для ее главного архитектора, Рудольфа фон Гнейста, и для большинства последующих немецких специалистов по административному праву, создание системы отдельных административных судов представлялось венцом *Rechtsstaat*, свидетельством воплощения в жизнь системы правления закона³⁴. Хотя оставалось еще много лазеек для фактически произвольных административных решений, но это казалось всего лишь мелким и временным недостатком, неизбежным следствием сложившихся условий. Творцы системы верили, что для продолжения

---

³⁴ См., например: *Radbruch G. Einführung in die Rechtswissenschaft* / 2nd ed. Leipzig: Quelle und Meyer, 1913 [*Радбрух Г. Введение в науку права*. М.: Труд, 1915]; *Fleiner F. Institutionen des deutschen Verwaltungsrechts* / 8th ed. Tübingen: Mohr, 1928; *Forsthoff E. Lehrbuch des Verwaltungsrechts*. Munich: C.H. Beck, 1950. Vol. 1. P. 394.

функционирования административного аппарата на время, пока не будет выработана необходимая совокупность точных правил для его деятельности, ему нужна широкая свобода действий.

Таким образом, хотя в организационном плане формирование административных судов представлялось завершающим этапом создания институциональной структуры, призванной обеспечивать верховенство закона, наиболее трудная задача еще ждала своего решения. Надстраивание аппарата судебного контроля над прочно укоренившимся бюрократическим механизмом может быть действенным только если выработка новых правил будет осуществляться в том же духе, в каком была задумана вся система. Но получилось так, что завершение конструкции, предназначенной для служения идеалу верховенства закона, более или менее совпало по времени с отказом от этого идеала. Практически одновременно с введением новой системы начался большой поворот интеллектуальных трендов; концепции либерализма с правовым государством в качестве главной цели были отвергнуты. Новое движение — к государственному социализму и социальному государству — начало набирать силу как раз в 1870–1880-х годах, когда в государствах Германии (и во Франции) была полностью сформирована система административных судов. По этой причине не было особого желания воплощать на деле концепцию ограниченного правления, которой были призваны служить новые институты, посредством постепенной ликвидации дискреционных полномочий администрации в результате принятия новых законов. Новая тенденция была направлена на расширение лазеек во вновь созданной системе, на выведение из-под судебного контроля дискреционных полномочий, необходимых для решения новых задач государства.

Таким образом, в Германии многое было реализовано скорее в теории, чем на практике. Но не следует недооценивать сделанного. Немцы были последним народом, до которого докатилась волна либерализма перед тем, как началось обратное движение. Но именно они наиболее систематически разработали и упорядочили весь опыт Запада и обдуманно применили его уроки к решению проблем современного административного государства. Развитая ими концепция *Rechtsstaat* — прямое следствие старого идеала верховенства закона для случая, когда ограничению подлежит не монарх или законодательное собрание, а сложный административный аппарат³⁵.

---

³⁵ Фактически неверно, когда о раннем этапе этой работы, проделанной в Германии, высказываются суждения вроде того, которое содержится у Франца Леопольда Неймана, будто бы «нет ничего общего между английской идеей верховенства закона и немецкими доктринами *Rechtsstaat*» (*Neumann F.L. The Concept of Political Freedom // Columbia Law Review. 1953. Vol. 53. P. 910; переиздано: Idem. The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1957. P. 169; см. также противоположные утверждения там же, с. 22*). Это может быть справедливо применительно к выхолащиванию концепции лишь «формального» *Rechtsstaat*, ставшей доминирующей к концу столетия, но не об идеалах, вдохновлявших либеральное движение первой половины века и не о теоретических концепциях, направлявших реформу административной юрисдикции в Пруссии. В частности, Рудольф фон Гнейст вполне сознательно выбрал для себя образцом английскую ситуацию (и был, кстати говоря, автором влиятельной монографии об англий-

Даже несмотря на то что развитые ими новые концепции так и не смогли укорениться, в некоторых отношениях они представляют собой последний этап непрерывного развития и, возможно, лучше приспособлены для решения проблем нашего времени, чем многие старые институты. Поскольку в наше время главная угроза индивидуальной свободе исходит от профессионального администратора, институты, созданные в Германии для того, чтобы держать его под контролем, надо изучить более внимательно, чем прежде.

8. Одной из причин, по которой эти немецкие достижения не привлекли большого внимания, было то, что ситуация, сложившаяся к концу прошлого столетия в Германии и на всем континенте, демонстрировала сильный контраст между теорией и практикой. В принципе идеал верховенства закона был давно признан и, хотя эффективность одного важного институционального усовершенствования — административных судов — была несколько ограничена, оно было важным вкладом в решение новых проблем. Но за то короткое время, которое было отведено на этот эксперимент для раскрытия его возможностей, некоторые черты прежнего порядка вещей искоренить не удалось; а движение к социальному государству, которое началось на континенте намного раньше, чем в Англии и США, вскоре привнесло новые черты, которые никак не могут быть согласованы с идеалом правления в рамках закона.

Результатом было то, что даже непосредственно перед Первой мировой войной, когда политическая структура континентальных и англосаксонских стран в наибольшей степени сблизилась, англичанин или американец, наблюдавший повседневную жизнь Франции или Германии, должен был чувствовать, что ситуация в них была очень далека от того, чтобы отражать идеал верховенства закона. Разница между полномочиями и поведением полиции в Лондоне и Берлине — если взять самый часто приводимый пример — казалась столь же большой, как и всегда. И хотя на Западе уже начали появляться признаки процессов, всюду шедших на континенте, проницательный американский наблюдатель в конце XIX века еще мог охарактеризовать различие следующим образом: «Действительно, в некоторых случаях [даже в Англии] должностное лицо [местного] коллегиального органа обладает предоставленными статутом полномочиями устанавливать правила. Примерами этого могут служить Департамент местного самоуправления [Local Government Board] (в Великобритании) и наши отделы здравоохранения. Но это исключительные случаи, и большинство

ском «административном праве» [*Gneist R. von. Das englische Verwaltungsrecht mit Einschluss des Heeres, der Gerichte und der Kirche. Vol. 1: Geschichte des englischen Verwaltungsrechts; Vol. 2: Das heutige englische Verwaltungsrecht. Berlin: Julius Springer, 1867. — Ped.*], и если бы Альберт В. Дэйси знал о ней, это уберегло бы его от столь полного непонимания, как употреблялся термин «административное право» на континенте). Немецкая калька выражения *rule of law* — *Herrschaft des Gesetzes* — часто использовалась как синоним *Rechtsstaat*.

англосаксов чувствуют, что подобная власть по своей природе произвольна, а потому не должна простирается за пределы абсолютно необходимого»³⁶.

Именно в этой атмосфере живший в Англии Альберт В. Дайси в своей ставшей классической работе³⁷ сформулировал традиционную концепцию верховенства закона таким образом, что задал направление всей последовавшей дискуссии, и противопоставил ситуацию в Англии ситуации на континенте. Однако нарисованная им картина была не вполне точной. Начав с общепринятого и бесспорного утверждения, что на континенте положение дел с верховенством закона далеко от совершенства, и предположив, что это как-то связано с тем фактом, что административное принуждение все еще в значительной мере свободно от судебного контроля, он сделал своим главным критерием возможность контроля над административными актами со стороны *обычных* судов. Складывается впечатление, что он знал только французскую систему административных судов (и даже ее не очень хорошо)³⁸ и не имел практически никакого представления о том, что происходило в Германии. Его резкая критика французской системы, возможно, была в некоторой степени оправданна, хотя даже в то время Conseil d'État уже инициировал изменения, которые, по замечанию современного наблюдателя, «со временем могли поставить все дискреционные полномочия администрации... под судебный контроль»³⁹. Но она была явно неприменима в отношении *принципа* немецких административных судов, которые с самого начала были созданы как независимые судебные органы, предназначенные для обеспечения того верховенства закона, сохранение которого так заботило Дайси.

Действительно, в 1885 году, когда Дайси опубликовал свой знаменитый «Вводный курс лекций по конституционному праву» («Lectures Introductory to the Study of the Law of the Constitution»), немецкая система административных судов только складывалась, а французская лишь недавно приобрела свою окончательную форму. Тем не менее «фундаментальная ошибка» Дайси, «настолько фундаментальная, что ее трудно понять или извинить, когда речь идет о столь выдающемся авторе»⁴⁰, имела самые печальные последствия. Сама идея особых административных судов — и даже термин «административное право» — стала рассматриваться в Англии (и, в меньшей степени, в США) как отрицание принципа верховенства закона. Таким образом, своей попыткой защитить верховенство закона, как он его понимал, Дайси, по сути дела, заблокировал развитие

---

³⁶ Lowell A.L. Governments and Parties in Continental Europe. New York: Houghton, Mifflin, 1896. Vol. 1. P. 44.

³⁷ Dicey. Law of the Constitution (книга на основе лекций, прочитанных в 1884 году).

³⁸ Позднее Дайси, по крайней мере частично, осознал свою ошибку. См. его статью: *Idem*. Droit Administratif in Modern French Law // Law Quarterly Review. 1901. Vol. 17. P. 302–318.

³⁹ Sieghart M.A. Government by Decree. London: Stevens, 1950. P. 221.

⁴⁰ Allen C.K. Law and Orders: An Inquiry into the Nature and Scope of Delegated Legislation and Executive Powers in England. London: Stevens, 1945. P. 28.

процесса, который мог бы предоставить наибольшие шансы на его сохранение. Дайси не мог остановить рост в англосаксонском мире административного аппарата, аналогичного тому, который уже существовал на континенте. Но он во многом предотвратил или задержал рост институтов, которые могли бы установить действенный контроль над новым бюрократическим аппаратом.

Механизмы защиты индивидуальной свободы

---

*Через эту маленькую щелку со временем
может вытечь свобода каждого человека.*

— Джон Селден

1. Пришло время попытаться свести воедино разные исторические нити и последовательно сформулировать основные условия существования свободы в рамках закона. Из долгого и болезненного опыта человечество извлекло урок, что закон свободы должен обладать определенными признаками¹. Каковы они?

— Из речи Джона Селдена на парламентских слушаниях по вопросу о свободе подданных в 1627–1628 годах (Proceedings in Parliament Relating to the Liberty of the Subject, 1627–1628 // Howell T.B. A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and Other Crimes and Misdemeanors from the Earliest Period to the Year 1783. London: T.C. Hansard, 1816–1828. Vol. 3. P. 170).

¹ В последнее время вышло большое число публикаций о значении принципа верховенства закона, и здесь мы можем перечислить только самые важные: Allen C.K. Law and Orders: An Inquiry into the Nature and Scope of Delegated Legislation and Executive Powers in England. London: Stevens, 1945; особенно с. 274–275; Barker E. The Rule of Law // Political Quarterly. 1914. Vol. 1. P. 117–140, переиздано: Idem. Church, State, and Study. London: Methuen, 1930. P. 171–192; Bellot H.L. The Rule of Law // Quarterly Review. 1926. Vol. 246. P. 346–365; Collingwood R.G. The New Leviathan; or, Man, Society, Civilization, and Barbarism. Oxford: Clarendon Press, 1942. Ch. 39. P. 326–332; Dickinson J. Administrative Justice and the Supremacy of Law in the United States. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927; Friedrich C.J. Constitutional Government and Democracy: Theory and Practice in Europe and America. Boston: Little, Brown, and Co., 1941; Goodnow F.J. Politics and Administration: A Study in Government. New York: Macmillan, 1900; Holcombe A.N. The Foundations of the Modern Commonwealth. New York: Harper and Brothers, 1923. Ch. 11. P. 436–479; Jones H.W. The Rule of Law and the Welfare State // Columbia Law Review. 1958. Vol. 58. P. 143–156; Lippmann W. An Inquiry into the Principles of the Good Society. Boston: Little, Brown, and Co., 1937; Lorton H.H. A Government of Law or a Government of Men // North American Review. 1911. Vol. 193. P. 1–25; McIlwain C.H. Government by Law // Foreign Affairs: An American Quarterly Review. 1935–1936. Vol. 14; переиздано: Idem. Constitutionalism and the Changing World. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 266–282; Neumann F.L. The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1957; Pen-nock J.R. Administration and the Rule of Law. New York: Farrer and Rinehart, 1941; Pound R. Rule of Law // Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 13. P. 463–466; Idem. The Rule of Law and the Modern Social Welfare State // Vanderbilt Law Review. 1953. Vol. 7. P. 1–34; Wilson F.G. The Elements of Modern Politics: An Introduction to Political Science. New York: McGraw-Hill, 1936; см. также: Rule of Law: A Study / Inns of Court Conservative and Unionist Society. London: Conservative Political Centre, 1955.

Первое, что нужно подчеркнуть, — поскольку принцип верховенства закона означает, что государство не может применять принуждение к человеку кроме как для того, чтобы он выполнил заранее известное правило³, он ограничивает полномочия всех ветвей власти, в том числе законодательной. Эта доктрина о том, чем должен быть закон как таковой и какими общими характеристиками должен обладать каждый конкретный закон. Это

Leroy M. La Loi: Essai sur la théorie de l'autorité dans la démocratie. Paris: V. Giard and E. Brière, 1908; *Picot A.* L'État fondé sur le droit et le droit penal. Basel: Helbling and Lichtenhahn, 1944 (= Actes de la Société Suisse de Juristes / Verhandlungen des Schweizerischen Juristenvereins / Atti della Società svizzera dei Giuristi). P. 201a–208a; *Waline M.* L'Individualisme et le droit. Paris: Éditions Domat Montchrestien, 1949.

Поведение Карла Шмитта при гитлеровском режиме не отменяет того факта, что среди современных немецких работ на эту тему его труды по-прежнему относятся к числу самых серьезных и проницательных; см., в частности: *Schmitt C.* Verfassungslehre. Munich: Duncker und Humblot, 1928; *Idem.* Der Hüter der Verfassung. Tübingen: Mohr, 1931. Равно важны для донацистской истории мысли следующие работы: *Heller H.* Rechtsstaat oder Dictatur? Tübingen: Mohr, 1930; *Idem.* Staatslehre. Leiden: A.W. Sijthoff, 1934; *Darmstädter F.* Die Grenzen der Wirksamkeit des Rechtsstaates: Eine Untersuchung zur gegenwärtigen Krise des liberalen Staatsgedankens. Heidelberg: C. Winter, 1930; *Idem.* Rechtsstaat oder Machtstaat? Berlin: Rothschild, 1932. См.: *Hallowell J.H.* The Decline of Liberalism as an Ideology: With Particular Reference to German Politico-Legal Thought. Berkeley: University of California Press, 1943. Из немецкой послевоенной литературы см. в частности: *Böhm F.* Freiheitsordnung und soziale Frage // Grundsatzfragen der Wirtschaftsordnung: Vortagszyklus. Berlin: Duncker und Humblot, 1954. P. 71–95; *Menger C.-F.* Der Begriff des sozialen Rechtsstaates im Bonner Grundgesetz. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1953; *Lange R.* Der Rechtsstaat als Zentralbegriff der neuesten Strafrechtsentwicklung. Tübingen, 1952; Recht, Staat, Wirtschaft; Schriftenreihe des Innenministers des Landes Nordrhein-Westfalen für staatswissenschaftliche Fortbildung / Ed. by H. Wandersleb. Stuttgart: Kohlhammer; Düsseldorf: L. Swann, 1949–1953. Vol. 1–4; *Marcic R.* Vom Gesetzesstaat zum Richterstaat. Vienna: Springer, 1957.

Особенно важна в первую очередь в связи с взаимоотношениями между демократией и *Rechtsstaat* обширная швейцарская литература, находящаяся преимущественно под влиянием Фрица Фляйнера и его ученика и последователя Заккарии Джакометти. В первую очередь следует назвать книги: *Fleiner F.* Schweizerisches Bundesstaatsrecht. Tübingen: Mohr, 1923 (новое издание под редакцией Джакометти; Zürich: Polygraphischer Verlag; 1949); *Idem.* Institutionen des deutschen Verwaltungsrechts / 8th ed. Tübingen: Mohr, 1928; *Giacometti Z.* Die Verfassungsgerichtsbarkeit des schweizerischen Bundesgerichtes (die staatsrechtliche Beschwerde). Zürich: Polygraphischer Verlag, 1933. Также см. посвященный Джакометти сборник под заголовком: Demokratie und Rechtsstaat: Festgabe zum 60. Geburtstag von Zaccaria Giacometti. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1953, особенно статью: *Kägi W.* Rechtsstaat und Demokratie (Antinomie und Synthese) (с. 107–142); *Bäumlin R.* Die rechtsstaatliche Demokratie: eine Untersuchung der gegenseitigen Beziehungen von Demokratie und Rechtsstaat. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1954; *Grossmann R.H.* Die staats- und rechtsideologischen Grundlagen der Verfassungsgerichtsbarkeit in den U.S.A. und der Schweiz: Eine Studie in amerikanischem und schweizerischem Staats- und Rechtsdenken. Dissertation. Zürich: Schulthess, 1948; *Kägi W.* Die Verfassung als rechtliche Grundordnung des Staates: Untersuchungen über die Entwicklungstendenzen im modernen Verfassungsrecht. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1945; Demokratie, Gleichheit und Egalitarismus // Die Schweiz: Ein nationales Jahrbuch [Vol. 25]. Bern: Jahrbuch Verlag, 1954. P. 36–45; и особенно: Rechtsfragen der Volksinitiative auf Partialrevision // Verhandlungen des Schweizerischen Juristenvereins. Bk. 4. Basel, 1956; *Imboden M.* Der Schutz vor staatlicher Willkür. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1945; *Idem.* Das Gesetz als Garantirechtsstaatlicher Verwaltung. Basel: Helbling, 1954; *Brunner A.* Rechtsstaat gegen Totalstaat. Dissertation. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1948. Vol. 1–2; и сборник: Die Freiheit des Bürgers im schweizerischen Recht: Festgabe zur Hundertjahrfeier der Bundesverfassung / La liberté du citoyen en droit suisse: recueil du centenaire de la constitution fédérale publié. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1948.

См. также: *Polak C.H.F.* Ordening en Rechtsstaat. Zwolle: W.E.J. Tjeenk Willink, 1951; *Lacambra Legaz L.* El Estado de derecho // Revista de administración pública. 1951. Vol. 2. P. 13–34; *Battaglia F.* Stato etico e Stato di diritto // Rivista internazionale di filosofia di diritto. 1937. Vol. 17. P. 237–287; Report of the International Congress of Jurists, held June 13–20, 1955, at Athens. The Hague: International Commission of Jurists, 1956.

³ Недавно этот базовый принцип подлинно либеральной системы был четко сформулирован Нейманом: «Самое важное и, пожалуй, решающее требование либерализма состоит

важно, потому что сегодня концепцию верховенства закона порой путают с требованием, чтобы все действия государства просто-напросто соответствовали закону. Принцип верховенства закона, разумеется, предполагает полное соответствие таких действий закону, но этого недостаточно: если закон дает государству неограниченные полномочия действовать, как ему будет угодно, все его действия будут законными, но оно определенно не будет подчинено верховенству закона. Таким образом, верховенство закона, или правление закона, есть также нечто большее, чем конституционализм: оно требует, чтобы все законы подчинялись определенным принципам.

Из того факта, что принцип верховенства закона накладывает ограничение на все законодательство, следует, что сам по себе он не может быть законом в том же смысле, что и законы, принимаемые законодателем. Положения конституции могут сделать более трудным покушение на принцип верховенства закона. Они могут помочь предотвратить ненамеренные нарушения в рутинном законодательном процессе³. Но законодатель последней инстанции (*ultimate legislator*) никак не может ограничить своих полномочий законом, потому что он всегда в силах отменить любой принятый им закон⁴. Таким образом, верховенство закона есть не верховенство некоего конкретного закона, а правило, устанавливающее, каким должен быть закон, то есть метаправовая доктрина или политический идеал⁵. Он будет эффективным лишь постольку, поскольку законодатель

в том, что вмешательство в права, закрепленные за индивидом, разрешено только на основе общих, а не индивидуальных законов» (*Neumann F.L. The Democratic and the Authoritarian State*. P. 31); «Либеральная правовая традиция покоится, таким образом, на очень простом утверждении: вторжение государства в пределы индивидуальных прав возможно только в том случае, если государство может обосновать свое притязание ссылкой на общий закон, регулирующий неопределенное число будущих случаев; это исключает законы, имеющие обратную силу, и требует разделения законодательных и судебных функций» (*Ibid.* P. 166). Ср. с цитатой, приведенной в примечании 12 к предыдущей главе. Кажущееся незначительным смещение акцентов, которое, с ростом правового позитивизма, сделало эту доктрину неэффективной, хорошо заметно при сравнении двух характерных утверждений конца прошлого столетия. Адемар Эсмен видит сущность свободы в ограничении власти посредством «des règles fixes, connues d'avance, qui, dans le cas donné, dicteront au souverain sa décision» [«установленных правил, известных заранее, которые, в каждом данном случае, диктуют властителю его решение»] [курсив Ф.А. Хайека. — *Ped.*] (*Esmein A. Éléments de droit constitutionnel français et comparé* [1896] / Ed. by H. Nèzard; 7th ed. Paris: L. Tenin, 1921. Vol. 1. P. 22).

Однако для Георга Еллинека «alle Freiheit ist einfach Freiheit von gesetzwidrigem Zwange» [«вся свобода — это просто свобода от незаконного принуждения»] (*Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Freiburg: J.C.B. Mohr, 1892. P. 98). В первом случае допустимо только принуждение, требуемое законом, а во втором — всякое принуждение, не запрещаемое законом!

³ *Stoll H. Rechtsstaatsidee und Privatrechtskehre // Jherings Jahrbücher für die Dogmatik des bürgerlichen Rechts*. 1925. Vol. 76; особенно с. 193–204.

⁴ Ср. утверждение Фрэнсиса Бэкона: «Ибо верховная абсолютная власть не может ограничить самое себя, а то, что по природе своей подлежит отмене, не может быть установлено навек» (цит. по: *McIlwain C.H. The High Court of Parliament*. New Haven: Yale University Press, 1910). [В действительности это утверждение Бэкона цит. в работе: *Dicey. Law of the Constitution*. P. 62, n. 2. Первоисточник цитаты: *Bacon F. History of King Henry VII from the Works of Francis Bacon, Baron Verulam, Viscount St. Albans, and Lord High Chancellor of England*. Printed by R. Gosling, 1730. Vol. 3. P. 463 (*Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII*. М.: Наука, 1990. С. 92). — *Ped.*]

⁵ См.: *Jellinek G. Die Rechtliche Natur der Staatenverträge: Ein Beitrag zur juristischen Constuction des Völkerrechts*. Vienna: A. Hölder, 1880. P. 2–3; *Kelsen H. Hauptprobleme der Staats-*

чувствует себя связанным им. В условиях демократии это означает, что он не будет господствовать, пока не превратится в часть моральной традиции общества, в общий идеал, разделяемый и бесспорно принятый большинством⁶.

Именно этот факт делает столь тревожными непрекращающиеся нападки на принцип верховенства закона. Опасность еще больше усиливается тем, что многие конкретные приложения принципа верховенства закона также представляют собой идеалы, к которым мы можем надеяться подойти очень близко, но никогда не реализуем их полностью. Если идеал верховенства закона — устойчивый элемент общественного мнения, законодательство и правосудие будут к нему все ближе и ближе. Но если он представляется идеалом нереализуемым и даже нежелательным и люди перестанут стремиться к его реализации, он быстро исчезнет. Такое общество вскоре снова вернется в состояние произвола и тирании. Именно эта угроза на протяжении жизни последних двух-трех поколений нависала над всем западным миром.

Столь же важно помнить, что принцип верховенства закона ограничивает государство только в деятельности, требующей применения принуждения⁷. Такого рода деятельность никогда не будет единственной функцией государства. Даже для принуждения к исполнению закона государству нужен аппарат с задействованными в нем людскими и материальными ресурсами, которыми оно должно управлять. И существуют целые области государственной деятельности, такие как внешняя политика, где проблема принуждения по отношению к гражданам обычно не возникает. Позднее нам придется вернуться к этому разделению государственной деятельности на принуждающую и не связанную с принуждением. В данный момент для нас важно лишь то, что принцип верховенства закона относится только к первой.

Главным средством принуждения, имеющимся в распоряжении государства, является наказание. В условиях верховенства закона государство может вторгнуться в защищенную частную сферу человека, только чтобы его

---

rechtslehre entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1911. P. 50 ff.; ср.: «In tota jurisprudentia nihil est quod minus legaliter tractari possit quam ipsa principia» [«Во всей юриспруденции нет ничего, что отвечало бы понятию закона меньше, чем ее исходные основы»] (*Winckler B. Soltquellensis Principiorum juris libri quinque, in quibus genuina iuris, tam Naturalis quam Positivi, principia, firmissima Iurisprudentiae fundamenta ostenduntur, ejusque summus finis ob oculos ponitur, & Divina autoritas probatur.* Leipzig: Imprimebat Laurentius Cober, 1615).

⁶ См.: *Fleiner F.* Ausgewählte Schriften und Reden. Zürich: Polygraphische Verlag, 1941; в этой книге см. эссе «Tradition, Dogma, Entwicklung als aufbauende Kräfte der schweizerischen Demokratie» (с. 288–302); *Duguit L.* Traité de droit constitutionnel / 2nd ed. Paris: E. de Boccard, 1921–1925. Vol. 1: La règle de droit — Le problème de L'État. P. 408–409.

⁷ Видимо, неверное понимание этого момента вызывает у Лайонела Роббинса опасение, что, предлагая «идею государства, деятельность которого чрезмерно ограничена исполнением известных законов, в результате чего исключаются функции инициативы и усмотрения, которые нельзя убрать из картины, не исказив ее», мы чрезмерно упрощаем свою позицию и делаем ее предметом насмешек (*Robbins L.* Freedom and Order // *Economic and Public Policy* / Ed. by A. Smithies. Washington, DC: Brookings Institution, 1955. P. 153).

наказать за нарушение общепризнанного общего правила. Таким образом, принцип «*nullum crimen, nulla poena sine lege*»⁸ — самое важное следствие этого идеала. Но каким бы ясным и четким ни показалось это утверждение на первый взгляд, с ним возникает масса трудностей, если попросить дать точное определение слова «закон». Несомненно, принцип не будет соблюден, если закон просто говорит, что любое неповиновение приказам некоего должностного лица должно быть особым образом наказано. При этом даже в самых свободных странах закон часто предусматривает подобные акты принуждения. По-видимому, не существует такой страны, где человек в некоторых ситуациях, например если он не подчинится полицейскому, не будет подвержен наказанию за «поступок, наносящий вред обществу», или за «нарушение общественного порядка», или за «воспрепятствование действиям полиции». Поэтому мы не сумеем полностью понять даже этот ключевой раздел доктрины без предварительного исследования всего комплекса принципов, совместно делающих возможным верховенство закона.

2. Мы видели ранее, что идеал верховенства закона предполагает совершенно определенную концепцию того, что понимается под законом, и что не каждый акт, изданный законодательной властью, — закон в этом смысле⁹. В современной практике «законом» называют все, что было надлежащим образом принято законодательной властью. Но из этих законов в формальном смысле слова¹⁰ только некоторые — сегодня это, как правило,

⁸ См.: *Glaser S.* Nullum crimen sine lege // *Journal of Comparative Legislation and International Law*. 1942. 3rd ser. Vol. 24. P. 29–41; *Gerland H.B.* Nulla poena sine lege // *Die Grundrechte und Grundpflichten der Reichsverfassung; Kommentar zum zweiten Teil der Reichsverfassung*. Berlin: Hobbing, 1929. Vol. 1. P. 368–386; *Hall J.* Nulla poena sine lege // *Yale Law Journal*. 1937–1938. Vol. 47; *Morandière L.J. de la.* De la règle “nulla poena sine lege”. Doctoral dissertation. Paris: L. Larose et L. Tenin, 1910; *Schottländer A.* Die geschichtliche Entwicklung des Satzes: Nulla poena sine lege. Breslau: Schletter, 1911; *Giacchi O.* Precedenti canonistici del principio “Nullum crimen sine proevia lege poenali” // *Studi in onore di F. Scaduto*. Florence: Casa editrice poligrafia universitaria del dott. C. Cya, 1936. Vol. 1. P. 187. О роли принципа как основного условия верховенства закона см.: *Dicey.* Law of the Constitution. P. 187.

⁹ См., в частности: *Schmitt C.* Unabhängigkeit der Richter, Gleichheit vor dem Gesetz und Gewährleistung der Privateigentums nach der Weimarer Verfassung: Ein Rechtsgutachten zu den Gesetzentwürfen über die Vermögensauseinandersetzung mit den früher regierenden Fürstenhäusern. Berlin: Walter de Gruyter, 1926; *Idem.* Verfassungslehre. Munich; Leipzig: Duncker und Humboldt, 1928.

¹⁰ Об этом разграничении см.: *Laband P.* Staatsrechts des deutschen Reiches / 5th ed. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1911–1914. Vol. 2. P. 54–56; *Seligmann E.* Der Begriff des Gesetzes im materiellen und formellen Sinne. Berlin: Guttentag, 1886; *Haenel A.* Studien zum deutschen Staatsrechte. Vol. 2: Gesetz im formellen und materiellen Sinne. Leipzig: Verlag H. Haessel, 1873–1888; обсуждение дальнейшего развития и текущего состояния немецкой мысли об этом предмете см.: *Zeidler K.* Maßnahmegesetz und «klassisches» Gesetz: Eine Kritik. Karlsruhe: C.F. Müller, 1961; *Böckenförde E.W.* Gesetz und gesetzgebende Gewalt: Von den Anfängen der deutschen Staatsrechtslehre bis zur Höhe des staatsrechtlichen Positivismus. Tübingen: Mohr Siebeck, 1958; *Kopp H.W.* Inhalt und Form der Gesetze als ein Problem der Rechtstheorie; mit vergleichender Berücksichtigung der Schweiz, Deutschlands, Frankreichs, Grossbritanniens und der USA. Dissertation. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1958; и особенно: *Huber K.* Rechtsgesetz und Maßnahmegesetz: eine Studie zum rechtsstaatlichen Gesetzesbegriff. Dissertation. Berlin: Duncker und Humblot, 1963; *Duguít L.* Traité de droit constitutionnel. Vol. 1. P. 539–550; *Carré de Malberg R.* La Loi: Expression de la volonté générale: étude sur le concept de la loi dans la constitution de 1875. Paris: Sirey, 1931.

лишь очень малая доля — являются материально-правовыми (substantive), или «материальными» (material), законами, регулирующими отношения между частными лицами или между частным лицом и государством. Подавляющее большинство так называемых законов — это скорее инструкции, выпускаемые государством для своих служащих по поводу того, каким образом они должны руководить государственным аппаратом и какие средства будут при этом в их распоряжении. Сегодня повсеместно в задачу одного и того же законодательного собрания входит управление использованием этих средств и установление правил, которым должны подчиняться обычные граждане. Хотя это и устоявшаяся практика, но ничего обязательного в этом нет. Не могу не задаться вопросом: не лучше ли было бы предотвратить смешение двух типов решений¹¹, доверив задачу установления

В этой связи очень важен ряд дел в рамках американского конституционного права, из которых мы можем здесь упомянуть только два. Вероятно, самое известное — решение судьи Мэтью в деле 1884 года: «Не каждый акт, имеющий форму законодательства, является законом. Закон — это нечто большее, чем просто воля, применяемая как акт власти. Он должен быть не особым правилом для отдельного человека или отдельного случая, а, как сказал мистер Уэбстер в своем знаменитом определении, „общим законом; законом, который сначала выслушивает и лишь потом осуждает; который сначала проводит расследование, а приговор выносит только после судебного разбирательства“, так чтобы „каждый гражданин пользовался своей жизнью, свободой, собственностью и привилегиями под защитой общих правил, направляющих общество“, и, таким образом, должен исключать, как несовместимые с надлежащей правовой процедурой, законодательные акты, предусматривающие применение наказания без рассмотрения дела судом, законы о лишении прав состояния в отношении конкретного лица, законы о конфискации, законы, отменяющие судебные решения, и законы о передаче собственности одних людей другим, законодательные осуждения и указы и другие подобные особые, частные и произвольные случаи применения власти, имеющие форму законодательных актов. Произвольная власть, реализующая с помощью принуждения свои указы в ущерб правам и собственности своих граждан, не является законом, независимо от своей формы — декрета единоличного правителя или безличного множества людей. И ограничения, налагаемые нашим конституционным правом на действия правительств, как национального, так и штатов, существенны для сохранения публичных и частных прав, несмотря на представительный характер наших политических институтов. Принуждение к соблюдению этих ограничений посредством судебного процесса есть тот инструмент, с помощью которого самоуправляющиеся сообщества защищают права индивидов и меньшинств как против силы множеств, так и против принуждения со стороны представителей власти, преступающих границы своих полномочий, даже в том случае, если они действуют от имени государства и опираются на его силу» (*Hurtado v. California*, 110 U.S. 516, at 535 [1884]). Ср. с более поздним высказыванием в другом деле: «Законодательный акт создает правило для всех: это не приказ или указание некоему индивиду; он постоянен, а не преходящ. Закон универсален в применении; это не внезапный приказ кому-либо или относительно какого-либо лица» (*State v. Boloff*, 138 Or 568, at 611; 646 P.2d 326; 7 P.2d 775 [1932]).

¹¹ См.: «В действительности огромная масса законодательных актов вообще не является законами, если выражаться строго на языке юриспруденции. Закон — это общий приказ, применимый ко множеству случаев. „Специальные акты“, заполняющие свод законов и поглощающие силы парламентских комитетов, применимы только к одному случаю. Они не устанавливают правил, в соответствии с которыми будут строиться железные дороги, они устанавливают, что такая-то и такая-то железная дорога должна быть проведена от этого места до этого, и не имеют отношения ни к какой другой транзакции» (*Bagehot W. The English Constitution* [1867] // *Idem. Works. Vol. 5. P. 254–255*). Сегодня эта тенденция зашла настолько далеко, что видный английский судья был вынужден задаться вопросом: «Не дожили ли мы до времени, когда для закона, понимаемого в смысле „законодательный акт парламента“, нужно найти какое-то другое слово вместо слова „закон“? Возможно, „пара-закон“, или даже „суб-закон“» (*Radcliffe C.J. Law and the Democratic State: Being the Presidential Address of the Right Hon. Lord Radcliffe, President of the Holdsworth Club of the Faculty of Law in the University of Birmingham, 1954–1955. Birmingham: Holdsworth Club of the University of Birmingham, 1955. P. 4*). См. также: «Wir sollten es uns einmal überlegen, ob wir nicht hinfort unter diesem ehrwürdigen Namen „Gesetz“ nur solche Normen setzen und

общих правил и задачу издания инструкций для бюрократического аппарата двум отдельным собраниям представителей и подчинив их решения независимым системам судебного контроля, так чтобы у них не было возможности выйти за установленные границы? Хотя мы можем желать, чтобы оба вида решений контролировались демократическим путем, из этого никак не следует, что ими должно заниматься одно и то же представительное собрание¹².

В нынешней ситуации затемняется тот факт, что, хотя государство должно управлять средствами, которые были переданы в его распоряжение (включая услуги тех, кого оно наняло для выполнения его инструкций), это не означает, что оно должно аналогичным образом управлять тем, что делают частные граждане. Свободное общество отличается от несвободного тем, что в нем у каждого человека есть признанная частная сфера, четко отделенная от публичной сферы, и частному человеку нельзя приказывать, поскольку он должен подчиняться только правилам, равно применимым ко всем. Предметом гордости свободных людей всегда было то, что пока они держатся в рамках известного закона, им не нужно спрашивать чьего-то позволения или подчиняться чьим бы то ни было приказам. Сомнительно, чтобы кто-либо из нас мог сказать сегодня о себе то же самое.

Общие абстрактные правила, являющиеся законами в материально-правовом смысле, представляют собой по существу, как мы уже видели, долговременные меры, относящиеся к заранее неизвестным случаям и не содержащие упоминаний об отдельных людях, местах или объектах. Такие законы всегда действуют применительно к будущему и никогда не имеют обратной силы. То, что должно быть именно так, — почти общепринятый принцип, но он не всегда облечен в форму закона; это хороший пример тех метаправовых правил, которые необходимо соблюдать, чтобы верховенство закона сохраняло свою действенность.

Strafdrohungen nur hinter solche Normen stellen sollten, die dem Jedermann „das Gesetz“ zu werden vermögen. Sie, nur sie, seien „Gesetze“! Alle übrigen Regelungen — die technischen Details zu solchen echten Gesetzen oder selbstständige Vorschriften ephemeren Charakters — sollten äußerlich abgesondert unter einem anderen Namen, als etwa „Anordnungen“ ergehen und allenfalls Sanktionen nicht strafrechtlichen Charakters vorsehen, auch wenn die Legislative sie beschließt» [«Нужно, наконец, подумать, не пора ли нам впредь называть почтенным словом „закон“ лишь такие нормы, которые могут стать „безусловным законом“ для обычных людей и грозить наказанием только за их нарушение. Они и только они должны считаться „законами“! Все прочие акты — технические пояснения к настоящим законам или отдельные предписания эфемерного характера — следует выделить в особую группу под другим названием — скажем, „распоряжения“ — и не предусматривать за их нарушения уголовной ответственности, даже если они принимаются законодательными органами»] (*Jahrreiss H. Freiheit und Sozialstaat. Krefeld: Scherpe, 1957; переиздано: Idem. Mensch und Staat: Rechtsphilosophische, staatsrechtliche und völkerrechtliche Grundfragen in unserer Zeit. Cologne: C. Heymann, 1957. P. 15*).

¹² Интересно поразмышлять, как пошло бы развитие, если бы в то время, когда палата общин добилась исключительного права контролировать расходы, а значит, и администрацию, палате лордов удалось бы получить исключительное право устанавливать общие законы, включая принципы налогообложения частных лиц. Такое разделение компетенции двух законодательных палат никогда не проводилось на практике, хотя, быть может, об этом стоило бы подумать.

3. Второе неперменное свойство истинных законов — то, что они должны быть известными и определенными¹³. Трудно переоценить роль определенности закона для спокойного и эффективного функционирования свободного общества. Возможно, никакой другой отдельный фактор не внес большего вклада в процветание Запада, чем относительная определенность преобладавшего здесь корпуса законов¹⁴. И на справедливость этого утверждения не влияет то, что полная определенность закона есть идеал, к которому мы обязаны стремиться, но достичь которого не в состоянии. Стало модным преуменьшать уровень фактически достигнутой определенности, и есть понятные причины, по которым к этому склонны юристы, заботящиеся преимущественно о разбирательстве дел в судах. Они обычно работают с делами, результат которых неопределен. Но о степени определенности закона нужно судить по тем спорам, которые не ведут к судебным разбирательствам, потому что в таких случаях результат оказывается практически однозначно определен, как только прояснена правовая ситуация. Мера определенности закона — те дела, которые не доходят до судов, а не те, которые там рассматриваются. Современная тенденция преувеличивать эту неопределенность является частью кампании против принципа верховенства закона, о которой мы будем говорить ниже¹⁵.

Крайне важно, что решения судов можно предсказать, а не то, что все правила, определяющие эти решения, можно сформулировать в словах. Требование, чтобы действия судов соответствовали уже существующим правилам, не означает, что все эти правила должны быть сформулированы в явном виде и заранее записаны на бумаге. Последнее было бы погоней за недостижимым идеалом. Есть «правила», которые никогда не удастся сформулировать в явном виде. О многих из них можно узнать только потому, что они ведут к согласованным и предсказуемым решениям, и они известны тем, кто ими руководствуется, в лучшем случае как проявление «чувства справедливости»¹⁶. Психологически правовое рассуждение, разу-

¹³ См.: *Wade H.W.* The Concept of Legal Certainty // *Modern Law Review*. 1941. Vol. 4. P. 183–199; *Jahrreiss H.* Berechenbarkeit und Recht. Leipzig: T. Weicher, 1927; *Emge C.A.* Sicherheit und Gerechtigkeit: Ihre gemeinsame metajuristische Wurzel. Berlin: Akademie der Wissenschaften in Kommission bei W. De Gruyter, 1940; *Roubier P.* Théorie générale du droit: histoire des doctrines juridiques et philosophie des valeurs sociales. Paris: Recueil Sirey, 1946; особенно с. 267–279. См. также: *Siches L.R.* Human Life, Society, and Law: Fundamentals of the Philosophy of Law // *Latin American Legal Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1948. P. 7–341.

¹⁴ Ср.: *Phillips G.* Notes: The Rule of Law // *Journal of Comparative Legislation*. 1934. Vol. 16. P. 302–304; и цитируемую там литературу. См., однако: *Montesquieu*. Spirit of Laws. Bk. 6. Ch. 2 [*Монтескье*. О духе законов. Кн. 6. Гл. 2], и обширное рассуждение Макса Вебера: *Max Weber on Law in Economy and Society* / Ed. by M. Rheinstein. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1954; также см.: *Neumann F.L.* The Democratic and the Authoritarian State. P. 40.

¹⁵ Примечательно, что те же самые люди, которые подчеркивают неопределенность закона, чаще всего в качестве единственной цели науки о праве выдвигают предсказание судебных решений. Если бы закон был таким неопределенным, как порой утверждают эти авторы, то, как они сами показывают, вообще не существовало бы никакой науки о праве.

¹⁶ См.: «Жизненно важная, устойчивая часть закона заключается не в правилах, а в принципах — в исходных пунктах рассуждения. Принципы остаются сравнительно неизменными или развиваются в устойчивом направлении. Правила живут сравнительно недолго.

меется, не состоит из явно сформулированных силлогизмов, и главныесылки часто остаются неявными¹⁷. Многие общие принципы, от которых зависят выводы, присутствуют лишь имплицитно в корпусе сформулированных законов и должны быть открыты судами. Это, однако, не специфично для правового рассуждения. Вероятно, все обобщения, которые нам удастся сформулировать, зависят от обобщений еще более высокого порядка, которые нам не известны в явном виде, но тем не менее направляют работу нашего ума. Хотя мы всегда будем пытаться открыть эти более общие принципы, на которые опираются наши решения, очень может быть, что этот процесс по природе своей бесконечен и никогда не будет завершен.

4. Третье свойство истинного закона — равенство. Определить его столь же важно, как и определить другие свойства, но сделать это гораздо труднее. То, что всякий закон должен быть равно применим ко всем, означает нечто большее, чем то, что он должен быть общим в том смысле, какой мы определили выше. Закон может быть максимально общим, то есть ссылаться лишь на формальные характеристики затрагиваемых им людей¹⁸, но при этом предусматривать разные условия для разных классов людей. Какая-то классификация, даже в рамках группы полностью ответственных граждан, явно неизбежна. Но классификация на основе абстрактных признаков всегда может быть доведена до той точки, в которой выделенный класс будет состоять из заведомо известных людей или даже из одного человека¹⁹. Следует признать, что, несмотря на множество хитроумных попыток решить эту проблему, не удалось найти вполне удовлетворительный критерий, который всегда позволял бы дать ответ на вопрос, какие виды

Они не развиваются; их отменяют и заменяют другими правилами» (*Pound R. Why Law Day? // Harvard Law School Bulletin. 1958. Vol. 10. P. 4.*)

¹⁷ См.: *Levi E.H. An Introduction to Legal Reasoning. Chicago: University of Chicago Press, 1949; впервые: The University of Chicago Law Review. 1948. Vol. 15. P. 501-574.*

¹⁸ См.: *Brunet R. Le Principe d'égalité en droit français. Doctoral dissertation, Université de Paris Faculté de Droit. Paris: F. Alcan, 1910; Rümelin M. Die Gleichheit vor dem Gesetz: Rede gehalten bei der akademischen Preisverteilung am 6. November 1928. Tübingen: Mohr, 1928; Mainzer O. Gleichheit vor dem Gesetz, Gerechtigkeit und Recht: Entwickelt an der Frage: welche Gewalten bindet der Gleichheitssatz in Art. 109 I RV? Berlin: J. Springer, 1929; Kaufmann E. et al. Die Gleichheit vor dem Gesetz im Sinne des Art. 109 der Reichsverfassung; Der Einfluss des Steuerrechts auf die Begriffsbildung des öffentlichen Rechts. Berlin: Walter de Gruyter, 1927 (= Veröffentlichungen der Vereinigung deutscher Staatsrechtslehre. № 33); Leibholz G. Die Gleichheit vor dem Gesetz: eine Studie auf rechtsvergleichender und rechtsphilosophischer Grundlage. Berlin: O. Liebermann, 1925; Nef H. Gleichheit und Gerechtigkeit. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1941; Ipsen H.P. Gleichheit // Die Grundrechte: Handbuch der Theorie und Praxis der Grundrechte / Ed. by F.L. Neumann, H.C. Nipperdey, U. Scheuner. Berlin: Duncker und Humblot, 1954. Vol. 2. P. 111-198; Llorens E.L. La Igualdad ante la Ley. Murcia: Instituto de estudios políticos de la Universidad de Murcia, 1934.*

¹⁹ Хорошей иллюстрацией того, как запрет дискриминации можно обойти с помощью требований, сформулированных в абстрактных терминах, является немецкий таможенный тариф 1902 года (все еще действовавший в 1936 году), в котором для того, чтобы избежать выполнения обязательств по режиму наибольшего благоприятствования, была установлена особая тарифная ставка для «бурых или пятнистых коров, выращенных на высоте не менее 300 метров над уровнем моря и каждое лето не менее месяца проводивших на высоте не менее 800 метров» (цит. по: *Haberler G. The Theory of International Trade with its Application to Commercial Policy. London: W. Dodge and Co., 1936. P. 339.*)

классификации совместимы с принципом равенства перед законом. Говорить, как это часто говорилось раньше, что закон не должен вводить не относящиеся к делу разграничения или что он не должен учитывать различий между людьми по основаниям, не имеющим отношения к цели закона²⁰, фактически означает уваливать от ответа.

Но хотя равенство перед законом в силу сказанного может быть лишь одним из тех идеалов, которые указывают направление, но не определяют однозначно цель, а потому всегда остаются недостижимыми для нас, оно отнюдь не бессмысленно. Мы уже отметили одно важное требование, которое должно быть удовлетворено, а именно что правомерность различения должна быть признана как теми, кто принадлежит к выделенной группе, так и всеми остальными. На практике столь же важно, чтобы мы спрашивали себя, в состоянии ли мы предвидеть то, как закон отразится на отдельных людях. Идеал равенства перед законом нацелен на равное улучшение шансов заранее неизвестных людей, но несовместим с заведомо предсказуемым улучшением или ухудшением положения известных людей.

Иногда утверждается, что закон, соответствующий принципу верховенства закона, должен быть не только всеобщим и равным, но и справедливым. Но хотя не может быть сомнений, что, для того чтобы быть действенным, закон должен восприниматься большинством людей как справедливый, едва ли у нас есть какой-либо дополнительный критерий справедливости, кроме всеобщности и равенства — если только у нас нет возможности проверить его на соответствие более общим правилам, которые, возможно, не являются писаными, но получают общее признание, если будут сформулированы. Поскольку же речь идет о совместимости с верховенством свободы, у нас нет других критериев для закона, предназначенного регулировать отношения между разными людьми и не вторгающегося в частные дела индивида, кроме его всеобщности и равенства. Да, «такой закон может быть плохим и несправедливым; но его всеобщая и абстрактная формулировка сводит эту опасность к минимуму. Защитный характер закона, его *raison d'être*, проявляется в его всеобщности»²¹.

---

²⁰ Ср. со ст. 4 конституции Швейцарской конфедерации: «Die Verschiedenheiten, die der Gesetzgeber aufstellt, müssen sachlich begründet sein, d.h. auf vernünftigen und ausschlaggebenden Erwägungen in der Natur der Sache beruhen derart, dass der Gesetzgeber nur durch solche Unterscheidungen dem inneren Zweck der Ordnung der betreffenden Lebensverhältnisse» [«Установленные законодателем различия должны быть основаны на фактах; это означает, что они должны исходить из обоснованных и существенных аспектов рассматриваемого им вопроса таким образом, что только с помощью этих различий законодатель может обеспечить соответствие закона той цели, ради которой осуществляется регулирование данной ситуации»]. [В действительности ст. 4: «Все швейцарцы равны перед законом. В Швейцарии не существует ни отношений подданств, ни привилегий — местных, по рождению, личных и фамильных»] (The Federal Constitution of Switzerland / Trans. by C. Hughes. Oxford: Clarendon Press, 1954. P. 6–7, 173 [Конституции буржуазных государств Европы. М.: Иностранная литература, 1957. С. 977]). Цитата, которую приводит Хайек, содержится в работе: Die Gleichheit vor dem Gesetz / Ed. by E. Kaufmann et al. Berlin: Walter de Gruyter, 1927. P. 10, которая в свою очередь ссылается на книгу: Lampert U. Das schweizerische Bundesstaatsrecht. Zürich: Orell Füssli, 1918. — *Ред.*]

²¹ *Duguit L. Manuel de droit constitutionnel, théorie générale de l'état, le droit de l'état, les libertés publiques, organisation politique* / 3rd ed. Paris: Fontenoing and Cie., 1918. P. 96.

Если часто и не осознается, что общие и равные законы обеспечивают самую действенную защиту против посягательств на личную свободу, то это объясняется главным образом привычкой неявно исключать государство и его представителей из сферы действия закона и подразумевать, что государство обладает полномочиями даровать отдельным людям индивидуальные исключения. Идеал верховенства закона требует, чтобы государство либо принуждало других соблюдать закон — и тогда это должно быть его единственной монополией, — либо действовало в рамках того же закона, а потому подчинялось тем же ограничениям, что и частные лица²². Именно тот факт, что все правила равно применимы ко всем, включая тех, кто правит, делает невероятным принятие каких-либо деспотических правил.

5. Люди были бы не в состоянии эффективно разделять деятельность по установлению новых общих правил и применению их к отдельным случаям, если бы эти функции не были поручены разным специалистам или организациям. Следовательно, по крайней мере эта часть доктрины разделения властей²³ должна рассматриваться как неотъемлемая часть принципа верховенства закона. Не должны приниматься правила с прицелом на конкретные судебные дела, а при решении любых дел в суде должно приниматься в расчет только общее правило — хотя это правило, возможно, еще не имеет точной формулировки и его только предстоит открыть. Для этого нужны независимые судьи, которых не заботят никакие временные цели государства. Главное здесь то, что когда речь идет о применении принуждения в конкретном случае, эти две функции должны быть предварительно разделены между двумя органами, координирующими свою деятельность.

---

²² Мы ушли бы слишком далеко в сторону, если бы взялись разбирать здесь вопрос о том, насколько различие, которое в Европе проводится между «публичным» и «частным» правом, совместимо со свободой в рамках закона в англосаксонском смысле. Хотя такая классификация может быть полезной в некоторых отношениях, она служит тому, чтобы наделять законы, регулирующие отношения между человеком и государством, иным характером, нежели те, которые регулируют отношения между частными лицами, тогда как суть принципа верховенства закона состоит в том, что в обоих случаях характер регулирования должен быть одинаковым.

²³ См. рецензию Уильяма С. Холдсворта на девятое издание работы Дэйси «Введение в изучение английской конституции», которая содержит одну из последних по времени авторитетных формулировок традиционной концепции верховенства закона, опубликованных в Англии. Она заслуживает подробного цитирования, но здесь мы ограничимся только одним абзацем: «Принцип верховенства закона сегодня столь же ценен, как и всегда. Потому что он означает, что суды в состоянии присматривать за тем, чтобы официальные лица и организации не превышали полномочий, которыми их наделило государство, и воздерживались от злоупотреблений ими, а также чтобы права граждан определялись в соответствии с законами, писаными и неписаными. В той мере, в какой юрисдикция судов сворачивается, а официальные лица и организации наделяются чисто административными дискреционными полномочиями, принцип верховенства закона аннулируется. Он не аннулируется, если этим официальным лицам или организациям дано право судебного или квазисудебного усмотрения, хотя механизм, посредством которого применяется верховенство закона, не является судебным» (Law Quarterly Review. 1939. Vol. 55. P. 587–588). Ср. также: *Vanderbilt A.T. The Doctrine of the Separation of Powers and Its Present-Day Significance*. Lincoln: University of Nebraska Press, 1953.

Намного более труден вопрос о том, следует ли при строгом соблюдении принципа верховенства закона рассматривать исполнительную власть (или администрацию) как особую и отдельную ветвь власти в указанном смысле, которая на равных условиях скоординирована с двумя другими. Есть, конечно, области, в которых администрация должна иметь свободу действовать по своему усмотрению. Однако в условиях верховенства закона это не относится к праву подвергать граждан принуждению. Принцип разделения властей не следует истолковывать в том смысле, что в своих отношениях с частными гражданами администрация не всегда подчинена правилам, устанавливаемым законодателями и применяемым независимыми судами. Притязания на такую власть составляют прямую противоположность верховенству закона. Хотя в любой работоспособной системе администрация, бесспорно, должна иметь полномочия, не подлежащие контролю со стороны независимых судов, в числе этих полномочий не может быть «административной власти над личностью и собственностью». Принцип верховенства закона требует, чтобы исполнительная власть в своей деятельности была связана правилами, которые предписывают не только то, когда и где она может прибегнуть к принуждению, но и то, какие методы она может при этом применять. Единственный способ гарантировать все это заключается в том, чтобы поставить все действия такого рода под судебный контроль.

Однако вопрос о том, следует ли правила, ограничивающие администрацию, принимать обычным законодательным собранием или эта функция может быть делегирована другому органу, есть вопрос политической целесообразности²⁴. Он имеет непосредственное отношение скорее к вопросу о демократическом контроле над правительством, чем к принципу верховенства закона. Что касается принципа верховенства закона, то делегирование законодательных полномочий как таковое не вызывает возражений. Очевидно, что делегирование местным законодательным органам, таким как провинциальные законодательные собрания или городские советы, полномочий устанавливать правила не вызывает возражений ни с какой точки зрения. Даже делегирование этой власти некоему невыборному органу не будет противоречить принципу верховенства закона, если обязать этот орган обнародовать правила до их применения и если потом обязать его следовать им. Проблема с широким использованием делегирования власти в современную эпоху состоит не в том, что делегируются полномочия принимать общие правила, а в том, что административные органы, по сути дела, получают полномочия осуществлять принуждение безо всяких правил, поскольку невозможно недвусмысленно сформулировать общие правила использования таких полномочий. То, что часто называется «делегированием

---

²⁴ См.: *Carr C.T. Delegated Legislation: Three Lectures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1921; *Allen C.K. Law and Orders*; особенно с. 114–115; а также сборник работ нескольких авторов: *Die Übertragung rechtssetzender Gewalt im Rechtsstaat*. Frankfurt: Institut zur Förderung öffentlicher Angelegenheiten, 1952.

законодательной власти», обычно представляет собой не делегирование полномочий принимать правила — что было бы недемократично или политически неблагоприятно, — но делегирование власти придавать любому решению силу закона, так чтобы оно безоговорочно принималось судами как акт, принятый законодательным органом.

6. Это приводит нас к тому, что в современную эпоху стало ключевым вопросом, а именно к законным границам административного усмотрения. Именно здесь расположена «та маленькая щелка, через которую со временем может вытечь свобода каждого человека»³⁵.

Обсуждению этой проблемы мешала путаница вокруг значения слова *discretion* [«свободный выбор», «усмотрение», «произвол», «дискреционные полномочия»]. Мы используем это слово в первую очередь в отношении права судьи толковать закон. Но право толкования закона — это не то усмотрение, которое нас здесь интересует. Задача судьи состоит в том, чтобы найти смысл, соответствующий духу всей системы действующих норм закона, или при необходимости сформулировать в виде общего правила то, что еще не было сформулировано в явном виде судом или законодателем. То, что при решении этой задачи толкования закона судья не наделен дискреционными полномочиями в смысле права преследовать собственные конкретные цели, видно из того факта, что его толкование закона может быть подвергнуто и, как правило, подвергается проверке судом высшей инстанции. Вероятно, наилучшим критерием при ответе на вопрос о том, связан ли судья при выработке решения правилами или же обладает властью следовать собственному усмотрению, служит то, что решение подлежит проверке по существу вышестоящим органом, которому при этом нужно знать лишь действующие правила и обстоятельства самого дела. Конкретное толкование закона может быть предметом спора, и порой бывает невозможно прийти к полностью убедительному выводу; но это не отменяет того факта, что спор должен быть разрешен ссылкой на правила, а не просто волевым актом.

Усмотрение в другом и столь же иррелевантном для нашей задачи смысле обозначает проблему, возникающую в отношениях между принципалом и агентом на всех уровнях иерархии государственного управления. На каждом уровне, начиная от отношений между суверенным законодательным собранием и главами административных ведомств и далее вплоть до самых низких ступеней бюрократической организации, возникает проблема определения того, какая часть государственной власти в целом должна быть делегирована такому-то должностному лицу или организации. Поскольку назначение конкретных задач конкретным органам власти определяется законом, вопрос о том, что именно имеет право делать то или

---

³⁵ Ганс Губер подобным же образом называет понятие усмотрения «тройным конем в конституционном, административном праве» (*Huber H. Niedergang des Rechts und Krise des Rechtsstaates // Demokratie und Rechtsstaat: Festgabe zum 60. Geburtstag von Zaccaria Giacometti. P. 66*).

иное учреждение, какая часть правительственных полномочий ему доверена, часто обозначается как проблема усмотрения или распределения дискреционных полномочий. Очевидно, что не все действия правительства могут быть регламентированы жесткими правилами и что на каждом уровне иерархии государственного управления подчиненным учреждениям должны предоставляться значительные возможности для действий по усмотрению. Поскольку правительство управляет собственными ресурсами, есть убедительные аргументы в пользу того, чтобы предоставить ему такую же свободу действий по усмотрению, какая потребовалась бы в сходной ситуации менеджерам любого бизнеса. Как отмечает Дайси, «в деле управления тем, что уместно назвать его собственным бизнесом... правительству... требуется такая же свобода действий, какой по необходимости располагает каждое частное лицо в управлении своими личными делами»²⁶. Вполне может быть, что законодательные органы выказывают излишнее усердие в ограничении дискреции административных учреждений, что приводит к ненужному снижению их эффективности. Возможно, это до известной степени неизбежно; вероятно, даже необходимо, чтобы бюрократические организации были опутаны в своей деятельности более жесткой регламентацией, чем частный бизнес, потому что у них отсутствует критерий эффективности, подобный прибыли в коммерческих делах²⁷.

Проблема дискреционных полномочий в том аспекте, в каком она связана с принципом верховенства закона, — это проблема ограничения полномочий не отдельных органов государственного управления, а правительства в целом. Это проблема сферы действия администрации как таковой. Никто не оспаривает, что для эффективного использования средств, находящихся в его распоряжении, правительство нуждается в значительной свободе действий. Но, повторим, в условиях верховенства закона частный гражданин и его собственность не являются объектом администрирования для правительства, они не являются средствами, которые оно может использовать для достижения своих целей. Только когда администрация вторгается в частную сферу гражданина, проблема усмотрения делается значимой для нас; и принцип верховенства закона, по сути дела, означает, что административные органы не должны иметь никаких дискреционных полномочий в этом отношении.

Действуя в условиях верховенства закона, административным ведомствам приходится часто поступать по своему усмотрению, как и судье при толковании закона. Однако это — дискреционные полномочия, которые могут и должны контролироваться возможностью проверки независимым судом решения по существу. Это означает, что решение должно закономерно выводиться из норм закона и тех обстоятельств, которые

---

²⁶ *Dicey A.V.* The Development of Administrative Law in England // *Law Quarterly Review*. 1915. Vol. 31. P. 150.

²⁷ См.: *Mises L. von.* Bureaucracy. New Haven: Yale University Press, 1944 [*Мизес Л. фон.* Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006].

предусмотрены законом и могут быть известны заинтересованным сторонам. Решение не должно зависеть от какого-либо особого знания, которым располагает правительство, или от его сиюминутных задач и от конкретной ценности, которую оно придает тем или иным конкретным целям, в том числе от его возможных предпочтений в отношении влияния результата решения на разных людей²⁸.

Здесь читатель, желающий понять, как может быть сохранена свобода в современном мире, должен быть готов к тому, чтобы уделить внимание довольно тонкому аспекту права, огромная важность которого часто недооценивается. Хотя во всех цивилизованных странах существует определенная возможность обжаловать в суде действия администрации, чаще она относится только к тому, имел ли орган власти право сделать то, что он сделал. Однако, как мы уже видели, если закон гласит, что любые действия некоего органа правомерны, суды не могут ни в чем ему помешать. Принцип верховенства закона требует, чтобы суд имел право решать, содержит ли закон положение, предусматривающее то конкретное действие, которое совершил орган власти. Иными словами, во всех случаях, когда административное действие вторгается в частную сферу индивида, суды должны иметь право решить вопрос не только о том, было ли это действие *infra vires* [в пределах полномочий (*лат.*)] или *ultra vires* [с превышением полномочий (*лат.*)], но и о том, было ли административное решение по существу именно таким, какого требует закон. Только в этом случае есть возможность обуздать административный произвол.

Это требование явно неприменимо к административному органу, который пытается использовать выделенные в его распоряжение средства для достижения некоего результата²⁹. Но принцип верховенства закона по са-

---

²⁸ См.: *Freund E.* Administrative Powers over Persons and Property: A Comparative Survey. Chicago: University of Chicago Press, 1928. P. 71 ff.; *Fuchs R.F.* Concepts and Policies in Anglo-American Administrative Law Theory // *Yale Law Journal*. 1938. Vol. 47. P. 538–576; *Cooper R.M.* Administrative Justice and the Role of Discretion // *Yale Law Journal*. 1938. Vol. 47. P. 577–602; *Cohen M.R.* Rule versus Discretion // *Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods*. 1914. Vol. 11; переиздано: *Idem.* Law and the Social Order: Essays in Legal Philosophy. New York: Harcourt, Brace and Co., 1933; *Marx F.M.* Comparative Administrative Law: A Note on review of Discretion // *University of Pennsylvania Law Review*. 1938–1939. Vol. 87. P. 954–978; *Treves G.E.* Administrative Discretion and Judicial Control // *Modern Law Review*. 1947. Vol. 10. P. 276–291; *Laun R. von.* Das freie Ermessen und seine Grenzen. Leipzig: Deuticke, 1910; *Oertmann P.* Die staatsbürgerliche Freiheit und das freie Ermessen der Behörden. Leipzig: B.G. Teubner, 1912; *Tezner F.* Das freie Ermessen der Verwaltungsbehörden: Kritisch-systematisch erörtert auf Grund der österreichischen verwaltungsgerichtlichen Rechtsprechung. Leipzig; Vienna: F. Deuticke, 1924; *Menger C.-F.* System des verwaltungsrechtlichen Rechtsschutzes: eine verwaltungsgerichtliche und prozeßvergleichende Studie. Tübingen: Mohr, 1954; *Alexéef P.* L'État — le droit — et le pouvoir discrétionnaire des autorités publiques // *Revue internationale de la théorie du droit*. 1928–1929. Vol. 3. P. 195–219. Также см.: *Germann O.A.* Zur Problematik der Ermessensentschiede // *Festgabe zum siebenzigsten Geburtstag von Erwin Ruck*. Basel: Helbing und Lichtenhahn, 1952. P. 173–196; *Ehmke H.* "Ermessen" und "unbestimmter Rechtsbegriff" im Verwaltungsrecht. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1960.

²⁹ Ср. наблюдение Эдгара Боденхаймера в его поучительном обсуждении отношений между законом и администрацией: «Закон имеет отношение преимущественно к правам, а администрация — к результатам. Закон благоприятствует свободе и безопасности, а администрацию интересуют эффективность и быстрота решений» (*Bodenheimer E.* Jurisprudence. New York: McGraw-Hill, 1940. P. 95).

мой своей сути включает в себя то, что частный гражданин и его собственность не должны в этом смысле быть средствами, находящимися в распоряжении правительства. Для того чтобы принуждение использовалось только в соответствии с общими правилами, обоснование каждого отдельного акта принуждения должно выводиться из такого правила. Для обеспечения этого должен существовать некий орган, никак не связанный с сиюминутными целями правительства и интересующийся только правилами, который имеет право судить не только о том, имел ли право другой орган власти сделать то, что он сделал, но и о том, соответствовало ли сделанное требованиям закона.

7. Различие, которое нас здесь интересует, иногда обсуждается в терминах противопоставления законодательства и политики (policy). Если последнему термину дать соответствующее определение, мы действительно сможем выразить нашу главную мысль, сказав, что принуждение допустимо только тогда, когда оно соответствует общим законам, но не в тех случаях, когда оно служит средством достижения конкретных целей текущей политики. Эта формулировка, однако, может ввести в заблуждение, потому что термин «политика» используется и в более широком значении, охватывающем и всю законодательную деятельность. В этом смысле законодательство оказывается главным инструментом долговременной политики, и тогда вся правоприменительная деятельность является осуществлением заранее определенной политики.

Еще один источник путаницы — тот факт, что в рамках самого права выражение «государственная политика» обычно используется для обозначения некоторых всепроникающих общих принципов, часто не закрепленных на бумаге в качестве писанных правил, но при этом определяющих обоснованность более частных правил³⁰. Когда говорят, что именно законодательная политика должна защищать добросовестность, сохранять общественный порядок или не признавать договоры, служащие безнравственным целям, речь идет о правилах, но эти правила сформулированы в терминах какой-то устойчивой цели правительства, а не правил поведения. Это означает, что в рамках предоставленных ему полномочий государство должно действовать таким образом, чтобы эта цель была достигнута. Термин «политика» используется в подобных случаях, по-видимому, в силу ощущения, что постановка целей, которые должны быть достигнуты, противоречит концепции закона как абстрактного правила. Хотя такое рассуждение может объяснять практику, оно, очевидно, не лишено опасностей.

Политика справедливо противопоставляется законодательству, когда под ней понимается стремление государства к достижению текущих,

---

³⁰ Об этом см.: *Lloyd D. Public Policy: A Comparative Study of English and French Law*. London: University of London press, 1953; а также: *Todsen H.H. Des Gesichtspunkt der Public Policy im englischen Recht unter besonderer Berücksichtigung der Lehre von den "contracts in restraint of trade"*. Hamburg: P. Evert Verlag, 1937.

конкретных, постоянно меняющихся целей. Именно осуществление так понимаемой политики — главное дело собственно администрации. Ее задача — направление и распределение ресурсов, предоставленных государству для удовлетворения постоянно меняющихся потребностей общества. Все услуги, которые государство предоставляет гражданам, — от национальной обороны до содержания дорог, от обеспечения санитарных норм до порядка на улицах³¹ — неизбежно относятся к этому виду. Для решения этих задач ему предоставлены определенные средства, возможность нанимать собственных оплачиваемых служащих, и ему постоянно приходится решать, какая именно задача сейчас первоочередная и какие средства следует использовать для ее решения. Профессиональные администраторы, занятые решением подобных задач, неизбежно склонны направлять все, что есть в их распоряжении, на достижение стоящих перед ними государственных целей. Принцип верховенства закона столь важен сегодня именно потому, что он служит защите частного гражданина от этой склонности постоянно растущего административного аппарата всасывать в себя сферу частной жизни. В конечном итоге это означает, что ведомства, которым доверено решение конкретных задач, не должны для этого наделяться какими-либо суверенными полномочиями (никаких *Hoheitsrechte*, как говорят немцы), а обязаны ограничиваться специально выделенными им для этого средствами.

8. При верховенстве свободы сфера индивидуальной свободы включает любые действия, не запрещенные в явном виде общим законом. Мы уже видели, что было сочтено необходимым оградить от посягательств власти ряд особенно значимых прав частных лиц, а также познакомились с опасением, что перечисление в явном виде некоторых прав может быть истолковано в том смысле, будто только они специально защищены конституцией. Эти страхи оказались более чем основательными. Однако в целом опыт подтверждает, что, несмотря на неизбежную неполноту любого билля о правах, такой билль оказывается важным инструментом защиты определенных прав, про которые известно, что они наиболее уязвимы. Сегодня нам следует особенно четко осознавать, что в результате технологических изменений, постоянно создающих новые потенциальные угрозы индивидуальной свободе, никакой перечень защищаемых прав не может считаться исчерпывающим³². В эпоху радио и телевидения проблема свободы доступа к информации уже не сводится к свободе печати. В эпоху, когда для контроля поведения личности могут быть использованы наркотики

---

³¹ То, что англичане называют словом *police* в одних случаях переводится на немецкий как *Politik*, а в других — *Polizei*. То, что некогда называлось *medical services police* [служба медико-санитарной помощи], не было полицией в современном смысле слова, а «полицейская наука» начала XVIII века представляла собой просто-напросто административное право.

³² *Giacometti Z.* Die Freiheitsrechtskataloge als Kodifikation der Freiheit. Zürich: Orell Füssli, 1955; см. также: *Hauriou M.* Précis de droit constitutionnel / 2nd ed. Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1929. P. 625; *Battaglia F.* Le Carte dei diritti / 2nd ed. Firenze: Sansoni, 1946.

и психологические технологии, проблему свободы контроля над собственным телом уже нельзя ограничивать защитой от физических ограничений. Свобода передвижения обрела новую значимость, когда выезд за границу стал невозможен для тех, кому власти их собственной страны отказывают в получении паспорта.

Проблема обретает особую остроту, если учесть, что мы, судя по всему, стоим еще лишь на пороге эпохи, в которой можно ожидать быстрого освоения технологий контроля сознания, так что в руках правительства окажется казавшаяся сначала невинной или даже благотворной возможность контроля над личностью индивида. Вероятно, самые большие угрозы свободе человека все еще ждут нас в будущем. Можно себе представить, что недалек тот день, когда власти, добавляя наркотические вещества в питьевую воду или используя другие подобные приемы, смогут в своих целях вызывать эйфорию или угнетать эмоциональное состояние, стимулировать или парализовать умы всего населения³³. Для того чтобы били о правах сохранили хоть какой-то смысл, следует с самого начала признать, что их целью была защита индивида от всех пагубных посягательств на его свободу, а потому следует исходить из того, что они содержат общую оговорку, защищающую от государственных посягательств все разновидности неприкосновенности личности (immunities), которыми люди фактически пользовались в прошлом.

В конечном итоге эти правовые гарантии определенных основных свобод есть всего лишь часть предоставляемых конституционализмом средств защиты индивидуальной свободы и они не могут дать большей защиты от посягательств на свободу со стороны законодательной власти, чем дает сама конституция. Как мы уже видели, они могут лишь защитить от опрометчивых и недальновидных действий законодательной власти, но не в состоянии предотвратить подавление прав сознательно действующим законодателем последней инстанции. Единственная защита от этого — ясное осознание опасности общественным мнением. Такие положения конституции полезны главным образом тем, что они впечатывают в общественное сознание представление о ценности этих прав индивида и делают их частью политического кредо, которое люди будут защищать, даже не вполне понимая его значение.

9. До сих пор мы представляли гарантии индивидуальной свободы так, как если бы они были абсолютными правами, которые невозможно нарушить ни при каких условиях. На самом деле они означают всего лишь то, что на них основано нормальное функционирование общества и что любой

---

³³ Не слишком пессимистическое описание ужасов, которые могут нас ждать, см.: *Huxley A.* *Brave New World*. London: Chatto and Windus, 1932; *Idem.* *Brave New World Revisited*. New York: Harper, 1958; картину, внушающую еще большие опасения, так как она задумана не как предупреждение, а как описание «научного» идеала, см.: *Skinner B.F.* *Walden Two*. New York: Macmillan, 1948.

отход от них нуждается в особом обосновании. Однако даже самые фундаментальные принципы свободного общества иногда приходится временно приносить в жертву, но лишь тогда, когда этого требует сохранение свободы в длительной перспективе, как в случае войны. С необходимостью чрезвычайных полномочий правительств в подобных ситуациях (и мер против злоупотребления ими) согласны очень многие.

Нам следует рассмотреть не те редкие случаи, когда приходится отказываться от некоторых гражданских свобод, приостанавливая действие принципа неприкосновенности личности или вводя осадное положение, а те условия, при которых в интересах общества время от времени могут быть нарушены некоторые права индивидов или групп. Вряд ли можно оспорить то, что в ситуации «явной и непосредственной опасности» приходится урезать даже такие основные права, как свобода слова, или что правительству порой может быть необходимо для принудительной покупки земли прибегнуть к праву на принудительное возмездное отчуждение частной собственности (*eminent domain*). Но для сохранения верховенства закона необходимо, чтобы такие действия осуществлялись только в крайних, определяемых законом ситуациях, так чтобы их обоснование не опиралось на произвольное решение какого-либо органа власти, а могло быть в порядке надзора проконтролировано независимым судом; и, кроме того, чтобы затронутые этими действиями люди не были разочарованы в своих законных ожиданиях, но получили полную компенсацию за ущерб, понесенный ими в результате таких действий.

Там, где преобладало верховенство закона, всегда признавался принцип «не должно быть конфискации без справедливой компенсации». Однако не всегда осознавалось, что он является неременным и важнейшим элементом принципа верховенства закона. Его требует справедливость; но еще важнее, что для нас он служит главной гарантией того, что эти необходимые вторжения в частную сферу будут разрешены только в случаях, когда общественный выигрыш будет явно больше, чем ущерб, нанесенный тем, что не оправдались нормальные индивидуальные ожидания. Главное предназначение требования о полной компенсации состоит в том, чтобы служить уздой для подобных вторжений в частную сферу и обеспечивать гарантию того, что возникшая необходимость достаточно серьезна, чтобы оправдать отступление от принципа, на котором держится нормальное функционирование общества. Поскольку трудно оценить выгоды от подобных действий государства, часто неосознаваемые, а также с учетом печально известной склонности опытных администраторов преувеличивать важность сиюминутных целей, представляется даже желательным, чтобы сомнение всегда толковалось в пользу частного владельца и компенсация, соответственно, устанавливалась на таком высоком уровне, какой только возможен без поощрения явных злоупотреблений. Это означает, в конце концов, всего лишь то, что если уж допускается исключение из общего правила, то выгода общества должна явно и существенно превосходить потери.

10. Итак, мы завершили перечень основных факторов, в совокупности составляющих принцип верховенства закона, но не рассмотрели такие важные процессуальные гарантии, как *habeas corpus*^{*}, суд присяжных и все прочее, что большинство жителей англосаксонских стран рассматривают как основание своей свободы³⁴. Английские и американские читатели, возможно, сочтут, что я поставил телегу вперед лошади, сконцентрировавшись на мелочах и оставив в стороне фундаментальные вещи. Это было сделано вполне сознательно.

Я никоим образом не хочу принизить значимость процессуальных гарантий. Вряд ли можно переоценить ее в деле сохранения свободы. Но хотя их важность в целом признают, мало кто понимает, что они не могут эффективно действовать, если не признать верховенство закона в том виде, как мы его определили, без этого процессуальные гарантии окажутся бесполезными. Действительно, по-видимому, именно глубокое уважение к этим процессуальным гарантиям позволило англоговорящему миру сохранить средневековую концепцию господства закона над людьми. Но это не доказывает того, что свободу удастся сохранить, если пошатнется фундаментальная вера в существование абстрактных правил закона, которые ограничивают всякую власть в ее действиях. Предназначение форм судопроизводства состоит в том, чтобы гарантировать, что решения будут приниматься в соответствии с законами, а не в соответствии с относительной желательностью тех или иных целей или ценностей. Все процессуальные нормы, все принципы, предназначенные для защиты индивида и обеспечения беспристрастности правосудия, предполагают, что любой спор между индивидами или между индивидами и государством может быть решен путем применения общего закона. Они задуманы для того, чтобы обеспечить господство закона, но они бессильны защитить правосудие там, где закон осознанно оставляет решение на усмотрение власти. Только когда решает закон — а это означает, что последнее слово принадлежит независимым судам, — процессуальные гарантии являются гарантиями свободы.

Я сосредоточился на предполагаемой традиционными институтами фундаментальной концепции закона потому, что вера в то, что приверженность внешним формам судебной процедуры сможет сохранить верховенство закона, представляется мне величайшей угрозой его сохранению. Я никоим образом не ставлю под вопрос, наоборот, хочу категорически подчеркнуть, что вера в верховенство закона и почтение к формам

---

* *Вукв.*: «ты должен иметь тело» (*лат.*); в английском (впоследствии и американском) праве судебный приказ о передаче арестованного в суд для выяснения правомерности содержания его под стражей. В более широком смысле — совокупность процессуальных гарантий прав задержанных и арестованных.

³⁴ См.: *Vanderbilt A.T. The Role of Procedure in the Protection of Freedom // Conference of Freedom and the Law. May 7, 1953; Fiftieth Anniversary Celebration / Ed. by A. Wesley. Chicago: University of Chicago Law School, 1953. P. 64–73*; см. также часто цитируемое высказывание судьи Франкфуртера: «История свободы — это по большей части история соблюдения процессуальных гарантий» (*McNabb v. United States*, 318 U.S. 332, at 347 [1943]).

судопроизводства неразрывно связаны и не могут быть действенны по отдельности. Но сегодня угроза нависла главным образом над верой, и один из главных источников этой угрозы — иллюзия, что скрупулезное соблюдение форм судопроизводства позволит ее сохранить. «Общество не удастся спасти путем переноса правил и форм судебной процедуры в те сферы, которым они по природе не свойственны»³⁵. Используя внешние атрибуты формы судопроизводства там, где отсутствуют существенные условия для принятия судебных решений, или предоставляя судье право решать вопросы, которые не могут быть решены путем применения общих правил, можно лишь разрушить уважение к судопроизводству и судьям, даже если они его заслуживают.

---

³⁵ Radcliffe C.J. Law and the Democratic State. Birmingham: Holdsworth Club of the University of Birmingham, 1955. P. 16, а также: «Разве мы не дожили до времени, когда для закона, понимаемого в смысле „законодательный акт парламента“, нужно найти какое-то другое слово вместо слова „закон“? Возможно, „пара-закон“, или даже „суб-закон“» (с. 4). О ситуации в Америке см. важную статью: McCloskey R.G. American Political Thought and the Study of Politics // American Political Science Review. 1957. Vol. 51, особенно наблюдение, что американские суды проявляют «всепроникающую заботу о процессуальных тонкостях в сочетании с широкой терпимостью к материальным препятствиям для свободы. <...> В Америке забота о процессуальных правах проявляется намного более глубоко и неуклонно, чем забота о свободе в существенном смысле. На самом деле, если судить по фактам, придется признать, что свобода в очевидном смысле, как свобода беспрепятственно думать, говорить и делать, занимает не слишком почетное место в американской иерархии политических ценностей» (с. 126). Но налицо и растущее осознание этой опасности, хорошо выраженное Алленом Кейт-Лукасом: «Расчет на то, что одни лишь процессуальные нормы смогут обеспечить правосудие, есть ошибка современного либерализма. Она сделала возможной законность тоталитарных режимов, вроде гитлеровского» (Keith-Lucas A. Decisions about People in Need: A Study of Administrative Responsiveness in Public Assistance. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1957. P. 156).

Экономическая политика и верховенство закона

...Обстоятельство, которое будет удерживать членов палаты от принятия утеснительных мер, ибо они не смогут издать ни одного закона, который не сказался бы непосредственно на них самих и их друзьях, как, впрочем, и на всех слоях общества. А это всегда считалось одной из крепчайших нитей, какими человеческое поведение может связать правителей со своим народом. Отсюда между ними протекает общность интересов и взаимное расположение, пример которым давали немногие правительства, но без которых всякое правительство перерождается в тираническое.

— Джеймс Мэдисон

1. Классический аргумент в пользу свободы в сфере экономических отношений опирается на молчаливо подразумеваемый постулат, что политике в этой области, как и во всех остальных, должен направлять принцип верховенства закона. Нам не понять, почему такие мыслители, как Адам Смит или Джон Стюарт Милль, были против государственного «вмешательства», если мы не будем помнить об этом фоне. Те, кто не был знаком с этой ключевой идеей, очень часто неверно понимали их позицию; путаница возникла в Англии и Америке, как только концепция верховенства закона перестала быть само собой разумеющейся для каждого читателя. Свобода экономической деятельности означала свободу в рамках закона, а не полное отсутствие любых действий публичной власти. Таким образом, «вмешательство» государства, которому эти авторы противостояли из принципа, означало лишь посягательство на ту частную сферу, на защиту которой были направлены общие нормы закона. Они не говорили о том, что государство вообще не должно заниматься экономическими вопросами. Но говорили, что есть некоторые виды государственных мер, которые

— *Madison J.* The Alleged Tendency of the Plan to Elevate the Few at the Expense of the Many Considered in Connection with Representation (№ 57) // Hamilton A., Madison J., Jay J. The Federalist. Oxford: B. Blackwell, 1948. P. 294 [*Мэдисон Дж.* Федералист № 57 // Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс; Литера. С. 382].

необходимо предотвращать из принципиальных соображений и которые не могут быть обоснованы никакой целесообразностью.

Для Адама Смита и его непосредственных последователей принуждение к исполнению обычных норм общего права определенно не выглядело государственным вмешательством; и они не стали бы обозначать этим термином изменение этих правил или принятие нового правила законодательным собранием, при условии что эти новые правила были бы предназначены для равного применения ко всем людям в неопределенно долгом будущем. Хотя они, вероятно, никогда не употребляли именно этих слов, но для них вмешательство означало использование государством власти принуждения не для того, чтобы просто обеспечить соблюдение общих законов, а чтобы достичь какой-то особой цели¹. Однако важным критерием была не преследуемая цель, а используемый метод. Наверное, не было такой цели, которую они не приняли бы как вполне законную, если бы было ясно, что люди этого хотят; но они исключали метод особых приказов и запретов как совершенно неприемлемый в свободном обществе. Только косвенным образом, лишив государство некоторых средств, без которых оно не могло бы достигать определенных целей, этот принцип мог лишить его и власти преследовать эти цели.

Позднейшие экономисты несут немалую долю ответственности за путаницу в этих вопросах². Действительно, есть серьезные основания для

---

¹ См.: «Der Eingriff ist ein von einer gesellschaftlichen Gewalt ausgehender *isolierter Befehl*, der die Eigentümer der Produktionsmittel und die Unternehmer zwingt, die Produktionsmittel anders zu verwenden, als sie es sonst tun würden» (курсив мой. — Ф.Х.) [«Вмешательство — это исходящий от общественной власти *обособленный приказ*, заставляющий собственников средств производства и предпринимателей использовать средства производства иначе, чем они хотели бы»] (*Mises L. von. Kritik der Interventionismus: Untersuchungen zur Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsideologie der Gegenwart*. Jena: G. Fisher, 1929. P. 6). См. также тщательное различие, проводимое в этой же работе между *produktionspolitische* и *preispolitische Eingriffe* [«вмешательством в производственную политику» и «в ценовую политику» соответственно]. Джон Стюарт Милль даже утверждает, что «доктрина свободной торговли... основана на принципе, хотя не менее прочном, совершенно различном от принципа индивидуальной свободы. Подчинение торговли или производства каким-либо ограничениям есть, конечно, стеснение и, как всякое стеснение, оно есть зло потому уже, что оно есть стеснение; но в этом случае оно относится к таким действиям индивидуума, в которые общество имеет полное право вмешаться, и если его вмешательство заслуживает осуждения, то единственно потому только, что не приводило на самом деле к тем последствиям, каких хотели достигнуть. Принцип индивидуальной свободы, будучи совершенно непричастен к доктрине свободной торговли, равно непричастен и к большей части тех вопросов, которые возникают относительно пределов этой доктрины: как, например, до какой степени может быть допущен контроль общества для предупреждения подделок, какого рода санитарные предосторожности и вообще какие меры могут быть справедливо сделаны обязательными для тех хозяев, у которых рабочие занимаются работами, опасными для здоровья» (*Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government* / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 85 [*Милль Дж.С. О свободе // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли*. М.: Наука, 1995. С. 373–374]).

² Поскольку одна из главных задач экономистов — анализ мер политики на предмет их целесообразности, не удивительно, что они должны были потерять из виду более общий критерий. Джон Стюарт Милль, признав, что «у них [англичан] нет принципа, которым бы они оценивали правильность или неправильность правительственного вмешательства» (*Mill J.S. On Liberty*. P. 8 [*Милль Дж.С. О свободе // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли*. М.: Наука, 1995. С. 295]), тем самым уже создал впечатление, что все это есть вопрос одной лишь целесообразности. И его современник, Нас-

того, чтобы с подозрением относиться к любой заинтересованности государства в экономических делах, и, в частности, для того, чтобы быть очень против активного участия правительства в экономической деятельности. Но эти аргументы отличаются от общего аргумента в пользу экономической свободы. Они опираются на тот факт, что подавляющее большинство государственных мер, применявшихся в этой области, на самом деле нецелесообразны либо потому, что не достигают цели, либо потому, что связанные с ними издержки существенно превосходят выгоды. Это означает, что в той мере, в какой они совместимы с верховенством закона, их нельзя отвергнуть просто потому, что это государственное вмешательство, но в каждом случае следует проанализировать с точки зрения целесообразности. Ставшее привычным в борьбе против всех пагубных или опрометчивых мер обращение к принципу невмешательства размыло фундаментальное различие между разными видами вмешательства — совместимыми и несовместимыми со свободной системой. И противники свободного предпринимательства были только рады внести свою лепту в эту путаницу, настаивая на том, что желательность или нежелательность той или иной меры есть всегда вопрос целесообразности и никогда не является вопросом принципа.

Иными словами, важен не объем государственной деятельности, а ее характер. Функционирующая рыночная экономика предполагает определенные виды действий, предпринимаемые государством; есть и другие виды его действий, которые способствуют ее функционированию; и она может выдержать гораздо больше при условии, что эти меры относятся к типу, совместимому с функционирующим рынком. Но есть и те, что прямо противоречат принципу, на который опирается свободная система, и для того, чтобы эта система работала, они должны быть полностью исключены. В результате сравнительно малоактивное государство, делающее неправильные вещи, может намного сильнее подорвать рыночную экономику, чем другое, гораздо больше вовлеченное в хозяйственную жизнь, но ограничивающееся действиями, помогающими спонтанным силам экономики.

Цель этой главы — показать, что принцип верховенства закона дает критерий, позволяющий провести границу между мерами совместимыми и несовместимыми со свободной системой. Те, которые совместимы, могут быть затем проанализированы с точки зрения целесообразности. Конечно, многие из этих мер все равно окажутся нежелательными или даже пагубными. Но несовместимые должны быть отвергнуты, даже если они обеспечивают эффективные или даже, возможно, единственно эффективные

сау Уильям Сениор, обычно считающийся бóльшим ортодоксом, примерно в то же время заявил следующее: «Единственным рациональным основанием государства, единственным основанием права управлять и соответствующей обязанности подчиняться, является целесообразность — общая польза общества» (цит. по: *Robbins L. The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy. London: Macmillan, 1952. P. 45*). Однако оба они безусловно принимали как данность, что вмешательство в защищенную сферу индивида допустимо только тогда, когда оно предусмотрено общими нормами закона и совершенно недопустимо на основе одних лишь соображений целесообразности.

средства достижения желанной цели. Мы убедимся, что соблюдение принципа верховенства закона есть необходимое, но не достаточное условие удовлетворительной работы свободной экономики. Но здесь важно то, что все действия государства по осуществлению принуждения должны недвусмысленно определяться неизменными правовыми рамками, что дает индивиду возможность строить планы с определенной степенью уверенности и, насколько это возможно, уменьшает неопределенность условий человеческого существования.

2. Для начала рассмотрим различие между принудительными мерами государства и деятельностью по оказанию чистых услуг, в которой принуждение если и участвует, то лишь в силу необходимости финансировать ее с помощью налогообложения³. До тех пор пока государство ограничивается предоставлением услуг, которые в противном случае вообще не были бы предоставлены (обычно из-за того, что невозможно ограничить круг получателей лишь теми, кто готов платить), возникает только один вопрос — оправдываются ли издержки выгодами. Разумеется, если государство присваивает себе исключительное право предоставлять некие услуги, они лишаются характера действий, не использующих принуждение. В целом свободное общество требует не только того, чтобы государство имело монополию на принуждение, но чтобы оно имело только эту монополию, а во всех остальных отношениях действовало бы на тех же условиях, что и все остальные.

Значительная часть деятельности, которую осуществляют государства в этой области и которая укладывается в обозначенные выше рамки, представляет собой меры, способствующие приобретению надежного знания об общезначимых фактах⁴. Важнейшая функция такого рода — обеспечение надежной и эффективной денежной системы. Едва ли менее важны установление единой системы мер и весов, обеспечение информацией о размежевании земли, ведение земельного кадастра, сбор статистики и тому подобное, а также поддержка, а то и организация определенных видов образования.

Вся эта деятельность государства — часть его усилий по обеспечению благоприятных условий для принятия индивидуальных решений; она предоставляет средства, которые индивиды могут использовать в собственных

---

³ То же самое разграничение проводит Милль между «директивным» и «недирективным» вмешательством государства (*Mill. Principles*. Bk. 5. Ch. 11. Sec. 1. P. 942 [Милль. Основы. С. 950–951]). Это очень важное разграничение, и то, что все больше и больше считалось, что вся государственная деятельность имеет «директивный» характер, было одной из главных причин нежелательного развития событий в наше время. Я не использую здесь термины Милля потому, что мне кажется нецелесообразным называть его «недирективную» деятельность правительства «вмешательством». Последний термин больше подходит для обозначения вторжений в защищенную частную сферу, которые могут осуществляться только «директивными» методами.

⁴ См. точный анализ у Милля: *Mill. Principles*. Bk. 5. Ch. 11. Sec. 3. P. 944–945 [Милль. Основы. С. 952–953].

целях. В эту категорию попадают и многие другие услуги более вещественного характера. Хотя государство не должно использовать свое право принуждения для закрепления за собой тех видов деятельности, которые не имеют никакого отношения к обеспечению исполнения общих норм закона, его участие в любых видах деятельности на равных с остальными гражданами не будет нарушением принципа. Хотя в большинстве сфер для такого участия нет разумных оснований, есть области, в которых желательность участия государства вряд ли можно поставить под сомнение.

К последним относятся все услуги, которые очевидно желательны, но не могут быть предоставлены конкурирующими предприятиями в силу трудности или невозможности получить плату с каждого отдельного бенефициара. Такова бóльшая часть услуг в области санитарии и здравоохранения, часто — строительство и содержание дорог, а также многие удобства, которые муниципалитеты предоставляют горожанам. Сюда же входят те виды деятельности, которые Адам Смит характеризует как «такие общественные работы, которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для обширного общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей»⁵. Есть еще много разных видов деятельности, в которых участие государства вполне оправдано желанием, например, обеспечить секретность военных приготовлений или поощрить развитие знания в определенных областях⁶. Но хотя в любой момент государство может оказаться подготовленным лучше всех для ведущей роли в этих областях, это не дает оснований считать, что это всегда будет так, и, следовательно, предоставлять ему исключительную ответственность. К тому же в большинстве случаев нет никакой необходимости в том, чтобы государство реально участвовало в управлении такого рода деятельностью; услуги, о которых здесь идет речь, в общем случае могут быть предоставлены, причем эффективнее, если государство примет на себя частично или целиком ответственность

---

⁵ *Smith. Wealth of Nations. Bk. 5. Chap 1. Pt. 2. Vol. 2. P. 214* [*Смит. Богатство народов. Кн. 5. Гл. 1. Отд. 3. С. 675–676*]; см. также его аргумент в пользу того, чтобы об общественных работах заботилось не центральное правительство, а местные власти: *Ibid. P. 222* [Там же. С. 683].

⁶ Есть, наконец, теоретически интересная, пусть и не имеющая большого практического значения ситуация, в которой определенные услуги хотя и могут быть предоставлены частным образом на конкурентной основе, но рыночная калькуляция включает либо не все связанные с ними издержки, либо не все создаваемые выгоды, а потому может показаться желательным установить особые сборы или предоставить особые субсидии всем, кто участвует в такого рода деятельности. Возможно, эти случаи могут быть отнесены к числу мер, посредством которых государство может помогать частному производству не с помощью специфического вмешательства, но действуя в соответствии с общими правилами. То, что эти случаи не имеют большой практической значимости не потому, что соответствующие ситуации встречаются нечасто, а потому, что редко удается установить величину «расхождения между предельным общественным чистым продуктом и предельным частным чистым продуктом», — теперь признано автором, который больше, чем кто-либо еще, сделал для привлечения к ним внимания, см.: «Однако следует признать, что у нас редко имеется достаточно знания, чтобы мы могли решить, в каких областях и в какой степени государство вследствие [разрыва между частными и общественными издержками] могло бы с пользой вмешиваться в индивидуальную свободу выбора» (*Pigou A.C. Some Aspects of the Welfare State // Diogenes. 1954. Vol. 7. P. 6*).

за финансирование, а ведение дела предоставит независимым и в определенной мере конкурентным организациям.

Недоверие бизнеса ко всем видам государственного предпринимательства достаточно оправданно. Чрезвычайно трудно обеспечить, чтобы такое предпринимательство осуществлялось на равных с частным, а ведь только при соблюдении этого условия принципиальные возражения против государственного предпринимательства отпадают. Поскольку государство использует свои полномочия осуществлять принуждение, и в частности собирать налоги, оно всегда имеет возможность превратить государственные предприятия в настоящих монополистов. Чтобы это предотвратить, следовало бы любые особые преимущества, в том числе субсидии, которые государство дает любым собственным предприятиям во всех областях, сделать доступными для конкурирующих с ними частных организаций. Нет необходимости специально подчеркивать, что государству было бы очень трудно удовлетворить этим условием, и это только усиливает общее предвзятое отношение к государственным предприятиям. Но это не означает, что в свободной системе должно быть исключено всякое государственное предпринимательство. Безусловно, оно должно удерживаться в достаточно узких рамках; будет по-настоящему опасно для свободы, если слишком большой сегмент экономической деятельности попадет под прямой контроль государства. Но в данном случае возражения вызывает не государственное предпринимательство как таковое, а государственная монополия.

3. Более того, свободная система в принципе не исключает все те формы общего регулирования экономической деятельности, которые могут быть установлены в виде общих правил, определяющих условия, которым должен удовлетворять каждый, кто участвует в определенной деятельности. Они включают, в частности, все правила и нормы относительно технологии и условий производства. Нас сейчас не интересует вопрос о том, насколько разумны эти формы регулирования, потому что они являются таковыми, вероятно, лишь в исключительных случаях. Они всегда ограничивают сферу экспериментирования и тем самым преграждают путь полезным изменениям. Обычно они ведут к росту издержек производства или, что эквивалентно, понижают общую производительность. Но если это влияние на издержки учитывается полностью и тем не менее считается, что эти издержки оправданы для достижения заданной цели, здесь больше не о чем говорить⁷. У экономиста останется подозрение, что все эти меры сомнительны, потому что создаваемые ими дополнительные издержки всегда недооцениваются, а одно неблагоприятное последствие — препятствование нововведениям — вообще не может быть в полной мере учтено. Но если, например, производство и продажа фосфорных спичек будут вообще запрещены по медицинским соображениям или разрешены только при соблюдении определенных

---

⁷ См.: *Mises L. von. Kritik der Interventionismus*. Jena: G. Fisher, 1929.

мер предосторожности или если будет вообще запрещена работа в ночную смену, уместность таких мер следует оценивать по соотношению общих выгод и издержек; в данном случае невозможно прийти к определенному решению на основании общих принципов. Это относится к большинству правил и норм, известных как «фабричное законодательство».

Сегодня часто утверждается, что эти или сходные задачи, которые признаны законными функциями государства, не могут адекватно выполняться, если административные органы не получают дискреционных полномочий, а принуждение и впредь будет ограничено принципом верховенства закона. Для подобных опасений совсем нет оснований. Хотя закон не всегда может назвать те меры, которые допустимо принимать властям в определенной ситуации, он может быть составлен так, чтобы любой беспристрастный суд оценил, были ли принятые меры необходимы для достижения предусмотренного законом общего эффекта. Хотя невозможно предвидеть все многообразие обстоятельств, в которых придется в будущем действовать властям, способ действий, который они выберут при возникновении определенной ситуации, можно сделать весьма предсказуемым. Необходимость уничтожить стадо скота, чтобы остановить эпидемию, снести ряд домов, чтобы помешать распространению огня, запретить пользоваться зараженными водоемами, обеспечить соблюдение защитных мер при передаче электроэнергии по линиям высокого напряжения и правил безопасности в строительстве, несомненно, требует, чтобы власти получили некоторую свободу действий в применении общих правил. Но это не должно быть дискреционными полномочиями, не ограниченными общими правилами, или дискрецией того рода, когда необходимо освобождение от судебного контроля.

Мы очень привыкли, что такого рода меры приводятся в качестве доказательства необходимости дискреционных полномочий — и нас уже удивляет, что каких-то тридцать лет назад видный исследователь административного права мог отметить, что «законы об охране здоровья и о технике безопасности, вообще говоря, никоим образом не являются чем-то особенным с точки зрения использования дискреционных полномочий; напротив, в большей части соответствующего законодательства такие полномочия очевидно отсутствуют. <...> Так, британское фабричное законодательство нашло возможным практически всецело опереться на общие правила (хотя в значительной степени представленные административным регулированием)... многие строительные нормы и правила составлены так, что предусматривают минимум административного усмотрения, практически все нормы ограничиваются требованиями, допускающими стандартизацию. <...> Во всех этих случаях соображения гибкости привели к тому, что было уделено большее внимание обеспечению прав частных лиц, но без принесения в жертву общественных интересов»⁸.

---

⁸ *Freund E. Administrative Powers over Persons and Property: A Comparative Survey. Chicago: University of Chicago Press, 1928. P. 98.*

Во всех таких случаях источником решений служат общие правила, а не особые предпочтения, которыми в данный момент руководствуется правительство, и не мнение кого бы то ни было о том, каким должно быть положение отдельных людей. Полномочия государства по осуществлению принуждения по-прежнему служат общим и вневременным стремлениям, а не конкретным целям. Государство не должно проводить различий между людьми. Предоставленное ему право действовать по своему усмотрению является ограниченной дискрецией, поскольку представитель государства должен применять общее правило в соответствии с его смыслом. То, что это правило не удастся сделать совершенно однозначным, есть следствие человеческого несовершенства. Проблема тем не менее заключается в применении правила — это видно из того, что независимый судья, который никоим образом не выражает какие бы то ни было желания или ценности правительства или сложившегося на данный момент большинства, способен принять решение не только о том, имел ли вообще орган власти право действовать в данном случае, но и должен ли он был по закону сделать то, что он сделал.

Рассматриваемый вопрос не имеет ничего общего с тем, едины ли для всей страны нормы, обосновывающие действия государства, и были ли они утверждены демократически избранным собранием. Есть очевидная необходимость в том, чтобы какие-то правила устанавливались местными указами, и многие из них, такие как строительные нормы и правила, неизбежно будут плодом решения большинства только по форме, но не по существу. И в этом случае ключевой вопрос касается не происхождения, а ограничения полномочий. Правила, установленные административным органом, но надлежащим образом заранее опубликованные и строго соблюдаемые, больше согласуются с принципом верховенства закона, чем расплывчатые дискреционные полномочия, предоставленные административным органам большинством законодательного собрания.

Хотя всегда выдвигались требования смягчить эти строгие ограничения ради удобства администрирования, для того чтобы достичь рассмотренных выше целей, это не обязательно. Только после отказа от принципа верховенства закона в пользу других целей забота о его сохранении перестала доминировать над соображениями административной эффективности.

4. Теперь мы должны обратиться к тем видам государственных мер, которые системой верховенства закона исключаются в принципе, потому что для их реализации недостаточно просто следовать общим правилам, а необходимо произвольно проводить различия между людьми. Важнейшие из них — решения о том, кому позволено предоставлять те или иные услуги или товары, по какой цене или в каких количествах, — иными словами, решения, регулирующие доступ к различным занятиям и профессиям, условия сделок купли-продажи и объемы производства или продаж.

Что касается доступа к различным занятиям, наш принцип не обязательно не исключает то, что в некоторых случаях может быть целесообразным

предоставлять его только тем, у кого есть определенная квалификация. Для того чтобы единственной целью принуждения было обеспечение выполнения общих правил, нужно, чтобы любой, обладающий необходимой квалификацией, имел право добиваться такого разрешения в суде и чтобы предоставление ему разрешения зависело только от того, соответствует он условиям, установленным в качестве общего правила, или нет, а не от каких-либо особых обстоятельств (таких, как «местные потребности»), устанавливаемых по усмотрению органа, выдающего лицензии. В большинстве случаев можно даже устранить необходимость в подобном контроле, просто не допуская, чтобы люди притворялись, что обладают квалификацией, которой на деле не имеют, то есть применяя общие нормы, предотвращающие обман и мошенничество. Для этой цели может быть достаточным защищать официальные наименования некоторых профессий или званий, указывающие на наличие соответствующей квалификации (никоим образом не очевидно, что даже для врачей это не было бы лучше, чем требование лицензии на практику). Пожалуй, нельзя отрицать, что желательно и не вызывает возражений требование допускать к некоторым занятиям, таким как продажа ядов или огнестрельного оружия, только людей, обладающих определенными интеллектуальными и моральными качествами. Если каждый, обладающий необходимой квалификацией, имеет право заниматься той или иной деятельностью и если при необходимости его притязания могут быть рассмотрены и удовлетворены независимым судом, то базовый принцип соблюдается⁹.

Есть несколько причин, почему любое прямое регулирование цен со стороны государства несовместимо с функционированием свободной системы независимо от того, как оно это делает — фиксирует цены или просто устанавливает правила определения допустимых цен. Прежде всего, невозможно зафиксировать цены в соответствии с долговременно действующими правилами, которые будут реально направлять производство. Адекватные цены зависят от постоянно меняющихся обстоятельств, а потому должны постоянно адаптироваться к ним. С другой стороны, если цены не фиксировать, а устанавливать в соответствии с неким правилом (например таким, согласно которому они должны находиться в определенном соотношении с издержками), они окажутся разными у разных продавцов, что будет препятствовать функционированию рынка. Еще более важное соображение состоит в том, что, когда цены отличны от цен свободного рынка, спрос и предложение не будут равны друг другу, и для того, чтобы регулирование цен было действенным, придется найти какой-то метод

---

⁹ О лицензировании см.: *Gellhorn W. Individual Freedom and Governmental Restraints*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1956; особенно гл. 3, с. 105–151. Я бы не стал освещать этот вопрос так бегло, если бы познакомился с этой работой до того, как глава была закончена. Я уверен, что мало кто из иностранных наблюдателей и, возможно, даже американцев осознает, сколь далеко зашла эта практика в США в последнее время — на самом деле, настолько далеко, что уже превратилась в одну из реальных угроз будущему экономическому развитию Америки.

определять, кому позволено покупать или продавать. Этот дискреционный метод по необходимости будет состоять в решениях *ad hoc*, дискриминирующих людей на произвольной по существу основе. Опыт свидетельствует, что регулирование цен бывает действенным только при условии контроля над объемами сбыта, когда власти устанавливают, сколько позволено продать или купить тем или иным людям или фирмам. А любой контроль над объемами неизбежно является дискреционным и определяется не правилами, а суждением властей по поводу относительной значимости тех или иных целей.

Таким образом, любые формы регулирования цен и объемов выпуска должны быть исключены в рыночной системе не потому, что страдающие при этом рыночные интересы как-то особенно значимы по сравнению с другими, а потому, что такого рода регулирование не может осуществляться в соответствии с правилами и по своей природе всегда зависит от усмотрения и произвола власти. Наделение государства такими полномочиями означает, что оно будет произвольно устанавливать, что должно быть произведено, кем и для кого.

5. Строго говоря, есть две причины, по которым любое регулирование цен несовместимо со свободной системой: во-первых, такое регулирование всегда произвольно, а во-вторых, его невозможно осуществлять таким образом, чтобы при этом рынок функционировал надлежащим образом. Свободная система в состоянии адаптироваться почти к любому набору исходных данных, почти к любым общим запретам или правилам, пока сам механизм приспособления продолжает функционировать. И главным источником информации о том, какое именно приспособление необходимо, служит изменение цен. Это означает, что для того, чтобы он функционировал должным образом, недостаточно, чтобы законы, в рамках которых он действует, представляли собой общие правила — их содержание должно быть таким, чтобы рынок мог работать достаточно хорошо. Довод в пользу свободной системы заключается не в том, что любая система будет работать удовлетворительно, если принуждение ограничено общими правилами, а в том, что в ее рамках этим правилам может быть придана такая форма, которая позволит ей работать. Для того чтобы на рынке осуществлялось эффективное взаимное приспособление различных видов деятельности, необходимо соблюдение определенного минимума требований, из которых самые важные, как мы видели: предотвращение насилия и обмана, защита собственности и обеспечение исполнения договоров принудительной санкцией (*contract enforcement*), а также признание равных прав каждого производить товары и услуги в любых количествах и продавать по любым ценам. Даже при удовлетворении этих основных требований эффективность системы все еще будет зависеть от конкретного содержания правил. Но если эти требования не будут выполняться, государству придется с помощью прямых приказов добиваться того, что обычно достигается индивидуальными решениями, направляемыми движением цен.

Связь между характером правового порядка и функционированием рыночной системы изучалась сравнительно мало, и большую часть работы проделали не сторонники системы конкуренции, а те, кто относился к ней довольно критически¹⁰. Первые обычно останавливались на том, что обозначали минимальные требования к условиям функционирования рынка, упомянутые нами выше. Но общее перечисление этих условий порождает почти столько же вопросов, сколько дает ответов. То, насколько хорошо будет работать рынок, зависит от характера конкретных правил. Решение полагаться на добровольные договоры как на главный инструмент организации отношений между индивидами не определяет того, каким должно быть конкретное содержание договорного права; а признание права частной собственности не определяет того, каким должно быть содержание этого права, чтобы рыночный механизм работал наиболее эффективно и приносил максимальную выгоду. Хотя принцип частной собственности создает сравнительно немного проблем в случае движимого имущества, мы сталкиваемся с чрезвычайно сложными проблемами, когда речь заходит о собственности на землю. Поскольку то или иное использование одного участка земли оказывает существенное влияние на соседние участки, очевидно, что нежелательно давать собственнику неограниченное право делать со своей землей что угодно.

Хотя и жаль, что экономисты в целом сделали мало для решения этих проблем, но на то есть веские причины. Общие рассуждения о характере социального порядка не могут дать ничего, кроме столь же общих формулировок принципов, которым должен следовать правовой порядок. Детальное применение этих общих принципов следует предоставить главным образом опыту и постепенной эволюции. Эта работа предполагает постоянное изучение конкретных ситуаций, что является делом скорее юристов, чем экономистов. Как бы то ни было, вероятно, именно потому, что пошаговое совершенствование нашей правовой системы для того, чтобы сделать ее более благоприятной для стабильного функционирования механизма конкуренции, — процесс чрезвычайно медленный, этот путь не слишком привлекает тех, кто ищет выхода для своего творческого воображения и кому не терпится предложить планы дальнейшего развития.

6. Нам нужно уделить внимание еще одному моменту. Со времен Герберта Спенсера¹¹ стало традицией обсуждать многие аспекты нашей проблемы

---

¹⁰ См., в частности: *Commons J.R.* The Legal Foundations of Capitalism. New York: Macmillan, 1924 [*Коммонс Дж.Р.* Правовые основания капитализма. М.: Высшая школа экономики, 2011]; *Hamilton W.H., Adair D.* The Power to Govern: The Constitution — Then and Now. New York: W.W. Norton, 1937; *Clark J.M.* Social Control of Business / 2nd ed. New York: Whittlesey House, McGraw-Hill, 1939; и см. об этой школе: *Harris A.L.* Economics and Social Reform. New York: Harper, 1958.

¹¹ См. в особенности: *Spencer H.* Justice: Part IV of the Principles of Ethics. London: D. Appleton and Co., 1891 [*Спенсер Г.* Справедливость // Он же. Политические сочинения: В 5 т. М.; Челябинск: Социум, 2015. Т. 5. С. 3–242]; а также: *Green T.H.* Lecture on “Liberal Legislation and Freedom of Contract” [1880] // Works of T.H. Green. London: Longmans, Green, and Co., 1888. Vol. 3: Miscellanies and Memoir. P. 365–386.

под рубрикой «свобода договора» (freedom of contract). Какое-то время эта точка зрения играла важную роль в американской юриспруденции¹². Действительно, в каком-то смысле свобода договора — важная часть личной свободы. Но употребление этого выражения привело и к недоразумениям. Прежде всего, вопрос состоит не в том, какие контракты человек может заключать, а в том, соблюдение каких контрактов будет обеспечивать государство. Ни одно современное государство не пыталось обеспечить выполнение всех договоров, да это и нежелательно. Контракты на совершение преступлений или аморальных деяний, договоры между шулерами, договоры об ограничении торговли, договоры о пожизненном рабстве и даже некоторые договоры о достижении конкретных результатов не обеспечиваются правовой санкцией.

Свобода договора, подобно свободе во всех других областях, на деле означает, что допустимость тех или действий зависит только от общих правил, а не от особого одобрения властей. Это означает, что юридическая сила и обязательность договора должна зависеть от этих общих, одинаковых для всех и известных правил, которые определяют и все прочие законные права, а не от одобрения его конкретного содержания государственным органом. Это не исключает возможности того, что закон будет признавать только те договоры, которые удовлетворяют определенным общим положениям, или того, что государство будет устанавливать правила толкования договоров, дополняющие условия соглашений, сформулированные в явном виде. Существование таких признанных стандартных форм договоров, которые в отсутствие особых оговорок считаются частью соглашения, нередко очень облегчает заключение частных сделок.

Намного труднее вопрос о том, должен ли закон поддерживать вытекающие из договора обязательства, которые могут противоречить намерениям обеих сторон, как, например, в случае ответственности за несчастный случай на производстве независимо от проявленной неосторожности. Но даже это, вероятно, вопрос скорее целесообразности, чем принципа. Обеспечение договоров правовой санкцией — это инструмент, предоставляемый нам законом, и закон должен определять, какие последствия создает заключение договора. Пока эти последствия могут быть предсказаны на основании общего правила, а индивид волен в собственных целях использовать доступные ему типы договоров, можно считать, что выполнено существенное условие верховенства закона.

7. Таким образом, диапазон и разнообразие действий государства, хотя бы в принципе совместимых со свободной системой, значительны. Старая формула *laissez faire*, или невмешательства, не дает нам адекватный критерий для различения между тем, что допустимо и что недопустимо в свободной системе. Постоянные рамки закона, позволяющие свободному обществу

---

¹² Cp.: *Pound R. Liberty of Contract // Yale Law Journal. 1908–1909. Vol. 18. P. 454–487.*

функционировать с максимальной эффективностью, открывают широкие возможности для экспериментирования и совершенствования. Возможно, нам никогда не достичь уверенности, что мы уже нашли наилучшие механизмы или институты, способные обеспечить наиболее эффективное функционирование рыночной экономики. В самом деле, когда уже установлены основные условия деятельности свободной системы, все дальнейшие институциональные улучшения непременно будут медленными и постепенными. Но обеспечиваемый такой системой непрерывный рост богатства и технологических знаний открывает для государства и делает реализуемыми на практике новые возможности предоставлять услуги гражданам.

Зачем же тогда эти настойчивые попытки избавиться от ограничений на деятельность государства, которые были воздвигнуты для защиты личной свободы? А если принцип верховенства закона оставляет такой простор для совершенствования, почему реформаторы с таким упорством пытаются подорвать и ослабить его? Ответ заключается в том, что в последние несколько поколений возникли новые политические цели, которые не могут быть достигнуты в условиях верховенства закона. Государство, которое может использовать принуждение, только чтобы обеспечивать подчинение общим правилам, не имеет возможности достигать частных целей, для которых недостает средств, в явном виде данных ему в распоряжение, и, в частности, не в состоянии детерминировать материальное положение отдельных групп или, иными словами, осуществлять распределительную или «социальную» справедливость. Для достижения таких целей ему необходима политика, которую лучше всего обозначить — по причине многозначности слова «планирование» — французским словом «дирижизм» (*dirigisme* — «администрирование, государственное регулирование экономики»), то есть политика, диктующая, какие именно средства следует использовать для достижения тех или иных конкретных целей.

Однако это именно то, чего не может делать государство, связанное принципом верховенства закона. Для того чтобы государство определяло условия жизни тех или иных людей, ему нужна и возможность определять направление усилий индивидов. Мы можем не повторять здесь объяснение того, что если государство будет одинаково обходиться с разными людьми, результаты у всех будут разными и что если оно позволит им по своему усмотрению использовать свои способности и имеющиеся в их распоряжении средства, последствия для каждого индивида окажутся непредсказуемыми. Таким образом, ограничения, которыми принцип верховенства закона связывает государство, исключают все те меры, без которых невозможно гарантировать, что люди будут получать вознаграждение в соответствии с чьим-то представлением об их заслугах или достижениях, а не в соответствии с ценностью оказываемых ими услуг в глазах остальных, или — что то же самое — исключают возможность заменить уравнивающую справедливость распределительной. Распределительная справедливость требует, чтобы все ресурсы раздавались центральной властью, чтобы люди получали указания по поводу того, что им делать и каким целям служить. Там, где

целью является распределительная справедливость, решения о том, что должны делать те или иные люди, не могут быть выведены из общих правил, а должны быть приняты в свете конкретных целей и особого знания планирующего органа. Как мы уже видели, когда вознаграждение людей определяется мнением общества, та же самая инстанция должна решать, что им делать.

Обычно отсутствует ясное осознание этого конфликта между идеалом свободы и желанием «скорректировать» распределение доходов так, чтобы оно стало более «справедливым». Но те, кто стремится к распределительной справедливости, на практике непременно столкнутся с тем, что им на каждом шагу будет мешать верховенство закона. Они должны — в силу самой природы своей цели — отдавать предпочтение дискриминационным и произвольным действиям. Но поскольку они, как правило, не осознают, что их цель в принципе несовместима с верховенством закона, они начинают в отдельных случаях пренебрегать им или обходить этот принцип, который они же зачастую хотели бы в целом сохранить. Однако конечным и неизбежным результатом их усилий всегда оказывается не модификация существующего порядка, а полный отказ от него и замена его совершенно иной системой — командной экономикой.

Хотя, конечно, неверно, что такая централизованно планируемая система может быть эффективнее системы, основанной на свободном рынке, тем не менее нужно признать: только централизованно управляемая система может попытаться гарантировать, что разные индивиды будут получать то, чего они — как кто-то считает — заслуживают по моральным основаниям. В границах, устанавливаемых принципом верховенства закона, очень многое может быть сделано для более эффективной и гладкой работы рынка, но здесь никогда не удастся достичь того, что люди считают распределительной справедливостью. Нам придется исследовать проблемы, возникшие в ряде самых важных областей современной политики в результате стремления к распределительной справедливости. Но прежде чем мы обратимся к этому, нам следует рассмотреть интеллектуальные движения, которые за последние два или три поколения так много сделали для дискредитации принципа верховенства закона и, демонстрируя пренебрежение к этому идеалу, серьезно подорвали сопротивление новому возрождению произвольного правления.

Упадок закона

Догма, согласно которой абсолютная власть, в соответствии с распространенной гипотезой происхождения ее от народа, может быть столь же легитимной, как и конституционная свобода... нависла над нами темной тучей.

— Лорд Актон

1. Ранее мы уделили достижениям Германии внимания больше обычного — отчасти потому, что в этой стране если не практика, то теория верховенства закона получила самое значительное развитие, а отчасти потому, что было необходимо понять начавшуюся там реакцию против этой концепции. Как было и с большей частью социалистической доктрины, теории права, разрушившие принцип верховенства закона, возникли в Германии и отсюда разошлись по всему миру.

В этой стране между победой либерализма и поворотом к социализму, или некоторой разновидности социального государства, прошло меньше времени, чем где-либо еще. Едва были сформированы институты, призванные обеспечивать верховенство закона, как общественное мнение изменилось настолько, что стало невозможным, чтобы они служили тем целям, ради которых были созданы. Политические обстоятельства в сочетании с изменениями в чисто интеллектуальной сфере ускорили развитие, которое в других странах происходило медленнее. Из-за того, что объединение страны было достигнуто благодаря искусству государственных деятелей, а не стало итогом постепенного развития, усилилась вера в то, что сознательный замысел должен перестраивать общество в соответствии с заранее выбранной моделью. Социальные и политические амбиции, поощряемые этой ситуацией, изрядно поддерживались философскими течениями, существовавшими тогда в Германии.

Требование, чтобы государство проводило в жизнь не просто «формальную», но «материальную» (то есть «распределительную»), или «социаль-

---

— Acton J. Sir Erskine May's Democracy in Europe // Acton. History of Freedom. P. 78. Название главы заимствовано из книги: Ripert G. Le Déclin de droit. Paris: Pichon and Durand-Auzias, 1949.

ную») справедливость, периодически выдвигалось со времен Французской революции. К концу XIX века эти идеи уже оказали глубокое влияние на теорию права. К 1890 году ведущий социалистический теоретик права мог следующим образом выразить то, что уже превращалось в доминирующую доктрину: «Посредством безусловно одинакового отношения ко всем гражданам, независимо от их личных качеств и их экономического положения и поощрения безграничной конкуренции, действительно был достигнут колоссальный рост производства; но вместе с тем эти условия привели к тому, что бедные и слабые были допущены только к ничтожному участию в пользовании умножившимися продуктами производства. Вследствие этого возникло новое экономическое и социальное законодательство, которое стремится к защите слабого против сильного и к обеспечению ему хотя бы только скромной доли жизненных благ. В настоящее время стало известным, что нет более сильного неравенства, чем одинаковое отношение к неравным условиям»¹. И еще был Анатоль Франс, издававшийся над «величественным лицом закона, который и богатым и бедным равно запрещает ночевать под мостами, просить милостыню на улицах и красть хлеб»². Эта знаменитая фраза повторялась бесчисленное число раз исполненными благих намерений, но неразумными людьми, не понимавшими, что они подрывают основы всякого беспристрастного правосудия.

2. Распространению этих политических взглядов очень способствовало растущее влияние разных теоретических концепций, возникших ранее в том же столетии, у которых, при всей их несхожести, общими были неприязнь к любому ограничению власти принципом верховенства закона

¹ *Menger A.* Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen [1890] / 3rd ed. Tübingen: H. Laupp, 1904. P. 30 [*Менгер А.* Гражданское право и неимущие классы населения. СПб.: Т-во «Просвещение», 1906. С. 29]. Все выводы из этой концепции проработаны в позднейшей книге того же автора: *Idem.* Neue Staatslehre. Jena: Gustav Fisher, 1903. Примерно в то же время великий немецкий криминолог Франц Э. фон Лист уже мог написать: «Das heranwachsende sozialistische Geschlecht, das die gemeinsamen Interessen schärfer betont als seine Vorgänger, für dessen Ohren das Wort „Freiheit“ einen archaisischen Klang gewonnen hat, rüttelt an diesen Grundlagen» [«Подрастающее социалистическое поколение, для которого общие интересы значат больше, чем для предшествующих, а слово „свобода“ звучит архаически, посягает на основы»] (*Liszt F.E. von.* Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge. Vol. 2: 1892 bis 1904. Berlin: J. Guttentag, 1905. P. 60). О проникновении этих идей в Англию свидетельствует книга «Естественные права» Дэвида Дж. Ритчи: «Требование равенства, в самом широком смысле, означает требование равных возможностей — *carrière ouverte aux talents* [карьеру, открытой талантам (*фр.*)]. Если закон допускает передачу собственности от родителей ребенку или даже просто накопление богатства индивидами, то результат такого равенства возможностей будет прямой противоположностью равенству социальных условий. И таким образом, как часто отмечалось, итогом почти полного триумфа принципов 1789 года — уничтожения законных препятствий свободе конкуренции — было увеличение пропасти между богатыми и бедными. Равенство политических прав в сочетании со значительным неравенством социальных условий обнажило „социальный вопрос“, который больше не затушевывается, как это было прежде, борьбой за равенство перед законом и за равенство в политических правах» (*Ritchie D.G.* Natural Rights [1894] / 3rd ed. London: Allen and Unwin, 1916. P. 258).

² *France A.* Le Lys rouge. Paris: Calmann-Lévy, 1894. P. 118 [*Франс А.* Красная Лилия // Он же. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1958. Т. 3. С. 78].

и желание предоставить организованным силам государства дополнительные возможности для целенаправленного формирования социальных отношений в соответствии с неким идеалом социальной справедливости. Четырьмя главными движениями, действовавшими в этом направлении, были, в порядке убывания значимости, правовой позитивизм, историцизм, школа «свободного права» (free law) и школа «юриспруденция интересов» (jurisprudence of interest). Сначала мы кратко рассмотрим три последних, а потом обратимся к первому и задержимся на нем чуть дольше.

Традиция, которая лишь впоследствии стала известна как «юриспруденция интересов», была разновидностью социологического подхода, отчасти сходного с современным американским «правовым реализмом». Это движение, по крайней мере в своих более радикальных формах, хотело уйти от того типа логических построений, который применяется в разрешении споров, использующем точные правила закона, и заменить его непосредственной оценкой конкретных «интересов», вовлеченных в каждое конкретное дело³. Школа «свободного права» была своеобразным параллельным движением, преимущественно в области уголовного права. Ее целью было освободить судью, насколько это возможно, от уз фиксированных правил и дать ему возможность принимать решение в каждом деле на основе главным образом своего «чувства справедливости». Часто отмечалось, насколько сильно это последнее движение подготовило почву для произвола тоталитарного государства⁴.

Историцизм, которому следует дать точное определение, чтобы отделить его от предшествовавших великих исторических школ⁵ (в правоведении и других областях), был школой, которая претендовала на постижение законов исторического развития и утверждала, что благодаря соответствующему интуитивному знанию может делать выводы о том, какие институты нужны в существующей ситуации. Этот подход привел к крайнему релятивизму, утверждавшему, что мы не только продукт нашего времени и в значительной мере связаны унаследованными взглядами и идеями, но и что мы в состоянии преодолеть эти ограничения, постичь в явном виде, каким именно образом наши взгляды определены обстоятельствами, и использовать это знание для переделки наших институтов в соответствии

---

³ Традиция восходит к последним работам Рудольфа фон Иеринга (1818–1882). О современном ее развитии см. эссе, вошедшие в сборник: *The Jurisprudence of Interests: Selected Writings of Max Rümelin*. Cambridge: Harvard University Press, 1948.

⁴ См., например: «Dieser Umschwung [zum totalitären Staat] ist vorbereitet worden durch gewisse Richtungen innerhalb der deutschen Rechtswissenschaft (z.B. die sogenannte Freirechtsschule), die geglaubt haben, dem Rechte zu dienen, indem sie die Gesetzestreue durchbrachen» [«Этот поворот <к тоталитарному государству> был подготовлен теми течениями в немецкой юриспруденции (например, школой „свободного права“), которые полагали, что служат праву, нарушая верность закону»] (*Fleiner F. Ausgewählte Schriften und Reden*. Zürich: Polygraphischer Verlag, 1941. P. 438).

⁵ О характере этого историцизма см.: *Menger. Untersuchungen* [*Менгер. Избранные работы*]; *Popper K.R. The Poverty of Historicism*. London: Routledge and Kegan Paul, 1957 [*Поппер К.Р. Нищета историцизма*. М.: Прогресс; VIA, 1993].

с потребностями нашего времени⁶. Этот подход, естественно, вел к отказу от всех правил, которые не могут быть рационально обоснованы или не были обдуманно созданы для достижения конкретных целей. В этом отношении историцизм поддерживает то, что, как мы сейчас увидим, является главным утверждением правового позитивизма⁷.

3. Доктрины правового позитивизма были разработаны в противовес традиции, которую — хотя она на протяжении двух тысячелетия и служила рамкой, определившей обсуждения большинства наших центральных проблем, — мы еще не рассматривали в явном виде. Это концепция естественного права, и, с точки зрения многих, сейчас она предлагает адекватный ответ на наш самый важный вопрос. До сих пор мы сознательно избегали при обсуждении наших проблем ссылок на эту концепцию, потому что многочисленные школы, считающие себя школами естественного права, на самом деле выдвигают разные теории, и если бы мы попытались навести здесь порядок, нам пришлось бы написать отдельную книгу⁸. Но по крайней мере мы должны здесь признать, что у всех этих разных школ естественного права есть нечто общее, а именно: все они рассматривают одну и ту же проблему. В основе великого конфликта между сторонниками естественного права и правовыми позитивистами лежит следующее: если первые признают существование этой проблемы, то вторые отрицают ее вообще или по крайней мере отрицают, что у нее есть законное место в теории права.

В чем все школы естественного права согласны между собой — так это в том, что существуют правила, которые не были обдуманно и целенаправленно созданы каким-либо законодателем. Они согласны в том, что источник юридической силы всего позитивного права — некоторые правила, которые в этом смысле не были созданы людьми, но их можно «обнаружить», и что эти правила устанавливают как критерии справедливости позитивного права, так и основания, по которым люди должны его соблюдать.

---

⁶ См. мою работу: *Hayek F.A. The Counter-Revolution of Science: Studies in the Abuse of Reason*. Glencoe, IL: Free Press, 1952. Pt. 1. Ch. 7 [*Хайек Ф.А. Контрреволюция науки*. М.: ОГИ, 2003. Ч. 1. Гл. 7].

⁷ О связи между историцизмом и правовым позитивизмом см.: *Heller H. Bemerkungen zur staats- und rechtstheoretischen Problematik der Gegenwart* // *Archiv für öffentliches Rechts*. 1929. Vol. 16. P. 336.

⁸ Лучший из известных мне кратких обзоров различных традиций «естественного права» см.: *Entrevues A.P. de. Natural Law: An Introduction to Legal Philosophy*. London: Hutchinson, 1951. Можно также кратко отметить, что современный правовой позитивизм исходит главным образом из идей Томаса Гоббса, Декарта и Фрэнсиса Бэкона, трех авторов, выдвигавших рационалистическую интерпретацию общества, в опровержение которой и была создана эволюционистская, эмпирицистская, или «виговская», теория, и что своим сегодняшним возвышением этот позитивизм в большой степени обязан влиянию идей Гегеля и Маркса. Относительно позиции Маркса см. обсуждение индивидуальных прав во «Введении» к его «Критике гегелевской философии права»: *Marx K. Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie* // *Marx K., Engels F. Historischen-kritische Gesamtausgabe, Werke, Schriften, Briefe* / Ed. by D.B. Rjazanov. Berlin: Marx-Engels Archiv, Marx-Engels Verlag, 1927–1932. Vol. 1. Pt. 1 [*Маркс К. К критике гегелевской философии права* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. / 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 1. С. 414–429].

Независимо от того, ищут ли они при этом ответ в божественном откровении или в прирожденных способностях человеческого разума, в принципах, которые сами не являются частью человеческого разума, но образуют вне-рациональные факторы, направляющие работу человеческого интеллекта, представляют ли они естественное право как постоянное и неизменное или как подверженное переменам, все они ищут ответа на вопрос, который позитивизм просто не признает. Для последнего закон по определению состоит исключительно из осознанных и обдуманых приказов, исходящих от человеческой воли.

По этой причине правовой позитивизм с самого начала не мог питать симпатии и усматривать какой-либо смысл в тех метаправовых принципах, которые лежат в основе идеала верховенства закона или *Rechtsstaat* в первоначальном значении этой концепции, в принципах, которые подразумевают ограничение власти законодателя. Ни в одной другой стране этот позитивизм не приобрел такого бесспорного влияния во второй половине прошлого столетия, как в Германии. Поэтому именно здесь идеал верховенства закона был впервые лишен реального смысла. Содержательная концепция *Rechtsstaat*, которая требует, чтобы правила закона обладали определенными свойствами, была заменена чисто формальной концепцией, которая требовала лишь того, чтобы все действия государства были санкционированы законодателями. Короче говоря, весь «закон» свелся к утверждению, что все делаемое тем или иным органом власти должно быть законным. Вся проблема была сведена к простой легальности⁹. К началу нового столетия стала общепризнанной доктрина о том, что «индивидуалистический» идеал *Rechtsstaat*, понимаемый в материально-правовом или содержательном смысле, есть достояние прошлого, «преодоленного творческой мощью национальных и социальных идей»¹⁰. Или, как накануне Первой мировой войны описал ситуацию авторитетный специалист по административному праву: «Мы вернулись к принципам полицейского государства [!] настолько, что теперь снова признаем идею *Kulturstaat*. Разница только в средствах. Опираясь на законы, современное государство позволяет себе буквально все — намного больше, чем полицейское государство. Таким образом, в ходе XIX столетия термин *Rechtsstaat* получил новое значение. Мы понимаем под ним государство, вся деятельность которого опирается на законы и имеет законную форму. О назначении государства и о пределах его компетенции термин *Rechtsstaat* в его сегодняшнем значении не говорит ничего»¹¹.

---

⁹ Ср.: Heller H. *Rechtsstaat oder Diktatur?* Tübingen: Mohr, 1930; *Hallowell J.H. The Decline of Liberalism as an Ideology, with Particular Reference to German Politico-legal Thought.* Berkeley: University of California Press, 1943; *Idem. The Moral Foundations of Democracy.* Chicago: University of Chicago Press, 1954. Ch. 4. P. 68–88; особенно с. 73.

¹⁰ Thoma R. *Rechtsstaatsidee und Verwaltungsrechtswissenschaft* // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts.* 1910. Vol. 4. P. 199.

¹¹ Bernatzik E. *Die Ausgestaltung des Nationalgefühls im 19. Jahrhundert. Rechtsstaat und Kulturstaat: Zwei Vorträge gehalten in der Vereinigung für staatswissenschaftliche Fortbildung in Cöln im April 1912.* Hannover: Helwing, 1912. P. 56; ср. статью того же автора: *Idem. Polizei*

Однако только после Первой мировой войны эти доктрины приобрели наиболее эффективную форму и начали оказывать большое влияние, распространившееся далеко за пределы Германии. Эта новая форма, известная в изложении профессора Г. Кельзена как «чистая теория права»¹², была признаком несомненного угасания всех традиций ограниченного правления. Его учение было жадно подхвачено всеми теми реформаторами, которые воспринимали традиционные ограничения как раздражающие помехи своим притязаниям и жаждали избавиться от всего, что сдерживало власть большинства. Сам Кельзен рано заметил, как «по существу более не восстанавливаемая свобода личности отступает на задний план, а авансцену занимает свобода социального коллектива»¹³ и что это изменение концепции свободы означает «эмансипацию демократии от либерализма»¹⁴, которую он, очевидно, приветствовал. Таким образом, *Rechtsstaat* стало предельно формальной концепцией и атрибутом всех государств¹⁵, даже деспотических¹⁶. Не существует возможных ограничений власти законодателя¹⁷, не существует «так называемых фундаментальных свобод»¹⁸, и любая попытка отрицать правовой характер порядка, основанного на деспотическом произволе, есть «не что иное, как наивность и самонадеянность

---

und Kulturpflege // Systematische Rechtswissenschaft. Berlin: Teubner, 1906 (= Kultur der Gegenwart. Ihre Entwicklung und ihre Ziele. Pt. 2. Sec. 8). P. 387–426.

¹² Победа правового позитивизма была обеспечена ранее главным образом благодаря неустанным усилиям Карла Бергбома (*Bergbohm C. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie: kritische Abhandlungen*. Leipzig: Duncker und Humblot, 1892), но только в той форме, которую ей придал Кельзен, она обрела устойчивую философскую базу и широкое признание. Здесь мы будем цитировать преимущественно работу: *Kelsen H. Allgemeine Staatslehre*. Berlin: Julius Springer, 1925, но большую часть главных идей читатель может найти в его книге: *Idem. General Theory of Law and State*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1945, которая содержит также перевод важной лекции: *Die philosophischen Grundlagen der Naturrechtslehre und des Rechtspositivismus*. Charlottenburg: Verlag Rolf Heise, 1928.

¹³ *Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1920. P. 10; выражение «im Grunde unrettbare Freiheit des Individuums» [«по существу более не восстанавливаемая свобода личности»] во втором издании 1929 года превратилось в «im Grunde unmögliche Freiheit des Individuums» [«по существу невозможная свобода личности»].

¹⁴ «Loslösung des Demokratismus von Liberalismus» (*Ibid.* P. 10).

¹⁵ *Kelsen H. Allgemeine Staatslehre*. P. 91. См. также: *Idem. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1923, где избранный им подход последовательно приводит его к утверждению, что «правонарушение, совершенное государством, при всех обстоятельствах неизбежно есть противоречие в определении» (с. 249).

¹⁶ «Совершенно бессмысленно утверждение, что при деспотизме не существует правопорядка (*Rechtsordnung*), [что здесь] правит капризная воля деспота. <...> Деспотически управляемое государство также представляет некий порядок человеческого поведения. Этот порядок является правопорядком. Отказывать ему в именовании „правопорядком“ есть не что иное, как наивность и самонадеянность мышления в духе естественного права. <...> То, что истолковывается как деспотическая воля, есть просто законная возможность автократа брать на себя каждое решение, безоговорочно определяя деятельность подчиненных органов, отменяя или изменяя однажды объявленные нормы либо вообще, либо для данного случая. Такое состояние есть правовое состояние, даже когда оно воспринимается как неблагоприятное. В нем есть и свои хорошие стороны. Требуемая диктатура, не столь редкое в современном *Rechtsstaat*, более чем ясно это демонстрирует» (*Kelsen H. Allgemeine Staatslehre*. P. 335). То, что этот отрывок и до сих пор выражает взгляды автора, недвусмысленно признано им в эссе: *Kelsen H. Foundations of Democracy // Ethics*. 1955. Vol. 66. № 1. Pt. 2. P. 100, п. 13; см. также более раннюю версию той же аргументации: *Idem. Democracy and Socialism // Conference on Jurisprudence and Politics*. Chicago: University of Chicago Law School, 1955. P. 63–87.

¹⁷ *Kelsen H. Allgemeine Staatslehre*. P. 14.

¹⁸ *Ibid.* P. 154 ff.; эта фраза на немецком — «die sogenannten Freiheitslehre».

мышления в духе естественного права»¹⁹. Было сделано все возможное, чтобы не только затемнить фундаментальное различие между настоящими законами в материальном смысле, то есть абстрактными общими правилами, и законами лишь в формальном смысле (включая все постановления законодателя), но и сделать неотличимыми от них распоряжения любого органа власти, к чему бы они ни относились, объединив всех их расплывчатым термином «норма» (*norm*)²⁰. Было практически полностью стерто даже различие между судебными решениями и административными актами. Одним словом, буквально каждый принцип традиционной концепции верховенства закона был представлен как метафизический предрассудок.

Эта логически наиболее последовательная концепция правового позитивизма иллюстрирует идеи, которые к 1920-м годам стали доминировать в немецком мышлении и быстро распространялись по всему миру. В конце этого десятилетия они уже полностью овладели Германией настолько, что «быть уличенным в приверженности теориям естественного права [стало] своего рода интеллектуальным позором»²¹. Возможности, созданные таким состоянием умов для неограниченной диктатуры, были отчетливо видны проницательному наблюдателю уже в то время, когда Гитлер еще только пытался прийти к власти. В 1930 году немецкий правовед в своем подробном исследовании, посвященном последствиям «попыток претворить в жизнь социалистическое государство, эту противоположность *Rechtsstaat*»²², мог указать, что это «теоретическое развитие уже устранило все препятствия к исчезновению *Rechtsstaat* и открыло двери для победы фашистских или большевистских устремлений в отношении государства»²³. Растущая озабоченность этими идеями, которые были позднее претворены в практику Гитлером, была выражена многими из участников конгресса немецких специалистов по конституционному праву²⁴. Но было уже поздно. Антилиберальные силы отлично усвоили из позитивистской доктрины, что государство не должно связывать себя законом. В гитлеровской Германии и в фашистской Италии, так же как и в России, утвердилось мнение, что в условиях верховенства закона государство было «несвободным»²⁵, «не-

¹⁹ Ibid. P. 335.

²⁰ Ibid. P. 231–235 ff.; см. также: *Idem.* General Theory of Law and State. P. 38.

²¹ Voegelin E. Kelsen's Pure Theory of Law // Political Science Quarterly. 1927. Vol. 42. P. 269.

²² Darmstädter E. Die Grenzen der Wirksamkeit des Rechtsstaates. Eine Untersuchung zur gegenwärtigen Krise des liberalen Staatsgedankens. Heidelberg: Carl Winters, 1930. Passim. (о социализме см. особенно с. 48–51). См.: Hallowell H. The Decline of Liberalism as an Ideology; *Idem.* The Moral Foundations of Democracy. О дальнейшем движении в этом направлении в условиях нацистского режима см.: Neumann F.L. Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism, 1933–1944 / 2nd ed. New York: Oxford University Press, 1944; Kolnai A. The War against the West. New York: Viking Press, 1938. P. 299–310.

²³ Darmstädter E. Die Grenzen der Wirksamkeit des Rechtsstaates. P. 95.

²⁴ См.: Triepel H. Comment on “Die Reform des Wahlrechts” // Entwicklung und Reform des Beamtenrechts: Die Reform des Wahlrechts / Ed. by H. Gerber. Berlin: Walter und Gruyter, 1932. P. 194–198; Leibholz G. Die Wahlrechtsreform und Ihre Grundlagen // Ibid. P. 159–190.

²⁵ Александр Леонидович Малицкий, цит. по: Mirkin-Getzewitsch B. Die rechtstheoretischen Grundlagen des Sowjetstaates. Leipzig: Franz Deuticke, 1929. P. 117. См., однако, и схожее рассуждение Перинга: «Исключительное господство закона есть синоним отказа части общества от свободы собственных рук. Связав себе руки, общество отдается жесткой необхо-

вольником закона»²⁶, и что для того, чтобы действовать «справедливо», его нужно освободить от оков абстрактных правил²⁷. «Свободным» стало считаться то государство, которое могло обращаться со своими гражданами, как ему заблагорассудится.

4. Нераздельность личной свободы и принципа верховенства закона лучше всего видна на примере страны, где последний отрицается абсолютно, даже в теории, и где современный деспотизм осуществился с наибольшей полнотой. История развития теории права в России в первые годы коммунизма, когда идеалы социализма еще воспринимались всерьез и проблема верховенства закона в такой системе широко обсуждалась, очень поучительна. Беспощадная логика аргументов, выдвинутых в ходе этого обсуждения, выявляет природу проблемы яснее, чем позиция западных социалистов, которые обычно пытались усидеть на двух стульях.

Русские теоретики права продолжали двигаться в направлении, которое, как они признавали, давно утвердилось в Западной Европе. Как сформулировал один из них, концепция права вообще находится в процессе исчезновения и «центр тяжести с издания общих норм все более и более переходит на издание конкретных актов и инструкций, регламентирующих, направляющих и координирующих управление»²⁸. Или, как утверждал другой автор в тот же период, «при фактической невозможности определить, где кончается закон и начинается административное распоряжение, это противопоставление — простая фикция буржуазной науки и практики»²⁹. Лучшим описанием этих достижений мы обязаны русскому ученому-некоммунисту, который заметил, что «советскую систему от всех

димости, остается беспомощным перед лицом всех тех обстоятельств и требований жизни, которые не были предусмотрены законом или для которых последний оказался неадекватным. Мы выводим из этого максиму, что государство не должно ограничивать законом собственное право на спонтанное осуществление себя в деятельности больше, чем это абсолютно необходимо — в этом отношении лучше слишком мало, чем чрезмерно много. Ошибочно представление, будто заинтересованность в правах и политических свободах или их защита требуют максимально возможного ограничения государства законом. Это мнение основано на странной идее [!], что сила есть зло, с которым нужно бороться во что бы то ни стало. Но в действительности это благо, которым, как и всяким благом, необходимо дать возможность злоупотребить, чтобы оно смогло проявиться в наибольшей степени» (*Phering R. von. Law as a Means to an Ends. Boston: Boston Book Co., 1913. P. 314–315*). См.: *Gierke O.F. von. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien: zugleich ein Beitrag zur Geschichte der Rechtssystematik, Breslau: W. Koebner, 1880. P. 304*, где автор следующим образом высказывается о теории *Rechtsstaat*, сформулированной Нантом и Гумбольдтом: «Dieser Rechtsstaat wäre, wenn seine Verwirklichung überhaupt denkbar gewesen wäre, mit der vollen Unfreiheit und Ohnmacht der Staatsgewalt erkaufte worden» [«Ценой создания *Rechtsstaat* может стать только полное бессилие и недееспособность государства даже там, где его можно себе вообще помыслить»].

²⁶ *Perticone G. Quelques aspects de la crise du droit public en Italie // Revue internationale de la théorie de droit / Internationale Zeitschrift für Theorie des Rechts. 1931–1932. Vol. 5. P. 2.*

²⁷ См.: *Schmitt C. Was bedeutet der Streit um den "Rechtsstaat" // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1935. Vol. 95. P. 190.*

²⁸ *Архипов К.А. Закон в советском государстве: Проблемы советского права. М.: Госиздат, 1926. С. 41.*

²⁹ *Стучка П.И. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его конституции СССР и РСФСР / 5-е изд. М.: Госиздат, 1926. С. 194. Примечание 1.*

остальных деспотических систем правления отличает то, что... она представляет собой попытку основать государство на принципах, являющихся полной противоположностью верховенству закона... [и она] разработала теорию, которая освобождает правителей от всех обязательств и ограничений»³⁰. Или, как это выразил теоретик-коммунист, «фундаментальный принцип нашего законодательства и нашего частного права, которого буржуазный теоретик никогда не признает, таков: запрещено все, что не было специально разрешено»³¹.

В конце концов объектом коммунистической атаки стала сама концепция права. В 1927 году председатель Верховного суда СССР в официальном справочнике по частному праву объяснял: «Социализм, в его последней стадии — коммунизме, представляется не как победа социалистического права, а как победа социализма над правом вообще. Ибо с уничтожением классов и их антагонизма интересов — отмирает право вообще»³².

Причины этой стадии развития лучше всего объяснил теоретик права Е.Б. Пашуканис, труды которого одно время привлекали большое внимание как в России, так и за ее пределами, но который впоследствии попал в опалу и исчез³³. Он писал: «Сохраняется и с течением времени несомненно будет усиливаться непосредственное, то есть административно-техническое руководство в порядке подчинения общему хозяйственному праву. <...> Ее [этой тенденции] постепенная победа будет означать постепенное отмирание формы вообще»³⁴. Короче говоря: «Поскольку в социалистиче-

³⁰ *Mirkin-Getzewitch*. Die rechtstheoretischen Grundlagen des Sowjetstaates. Leipzig: Franz Deuticke, 1929. P. 107.

³¹ Малицкий, цит. по: Ibid. P. 89. Следует признать, однако, что этот принцип содержится уже в «Никомаховой этике» (V.11) Аристотеля: «что он [закон] не приказывает, [то] воспрещает» [перевод Н.В. Брагинской].

³² Цит. по: *Gsovski V.* Soviet Civil Law: Private Rights and Their Background Under the Soviet Regime; Comparative Survey and Translation of the Civil Code, Code of Domestic Relations, Judiciary Act, Code of Civil Procedure, Laws on Nationality, Corporations, Patents, Copyright, Collective Farms, Labor, and Related Laws. Ann Arbor: University of Michigan Law School, 1948–1949. Vol. 1. P. 170; из статьи: *Стучка П.* Юридический социализм // Энциклопедия государства и права: В 3 т. М.: Издательство коммунистической академии, 1925–1927. Т. 3. С. 1593.

³³ По поводу судьбы Пашуканиса Роско Паунд замечает: «Профессора с нами больше нет. Когда нынешнее правительство России утвердило план, потребовалось изменение доктрины, а он оказался недостаточно проворен и не сумел соответствовать доктринальным запросам нового порядка. Если бы там существовали не только административные предписания, но и закон, возможно, ему удалось бы потерять лишь работу, а не жизнь» (*Pound R.* Administrative Law: Its Growth, Procedure, and Significance. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1942. P. 127). [Евгений Брониславович Пашуканис расстрелян 4 сентября 1937 года; реабилитирован 31 марта 1956 года. — *Ped.*]

³⁴ *Paschukanis E.B.* Allgemeine Rechtslehre und Marxismus: Versuch einer Kritik der juristischen Grundbegriffe. Vienna: Verlag für Literatur und Politik, 1929. P. 117 [цитата дана по изданию, с которого был сделан перевод: *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм / 3-е изд. М.: Издательство коммунистической академии, 1927. С. 80–81. — *Ped.*]. Английский перевод этой и последующих работ Пашуканиса см.: *Soviet Legal Philosophy / Introduction by N. Hazard.* Cambridge: Harvard University Press, 1951. Обсуждение см.: *Kelsen H.* The Communist Theory of Law. New York: Praeger, 1955; *Schlesinger R.* Soviet Legal Theory / 2nd ed. London: Routledge and Kegan Paul, 1951; *Fuller L.L.* Pashukanis and Vyshinsky: A Study in the Development of Marxian Legal Theory // Michigan Law Review. 1948–1949. Vol. 47. P. 1157–1166. *Dobrin S.* Soviet Jurisprudence and Socialism // Law Quarterly Review. 1936. Vol. 52. P. 402–424.

ском обществе имелось место только для регулирования в интересах общества, но не для автономных частных правовых отношений, все право было преобразовано в администрирование, а все фиксированные правила — в усмотрение начальства и соображения полезности»³⁵.

5. В Англии отход от принципа верховенства закона начался давно, но долгое время этот процесс ограничивался только сферой практики и не привлекал внимания теоретиков. Хотя уже к 1915 году Дайси мог заметить, что «в Англии древнее уважение к верховенству закона в последние тридцать лет переживает заметный упадок»³⁶, все более частые посягательства на этот принцип привлекали мало внимания. Даже когда в 1929 году появилась книга под названием «Новый деспотизм»³⁷, в которой лорд — главный судья Хьюарт указал на то, как мало соответствует возникшая в стране ситуация принципу верховенства закона, она приобрела *succès de scandale* [скандальный успех (*фр.*)], но не поколебала самодовольной уверенности в том, что свободы англичан надежно защищены этой традицией. Книга была воспринята как реакционный памфлет, и вызванную ей злобу³⁸ трудно понять четверть века спустя, когда не только либеральные органы вроде журнала *The Economist*³⁹, но и социалистические авторы⁴⁰ начали говорить об этой опасности теми же словами. Книга стала причиной создания официального Комитета по полномочиям министров, но его отчет⁴¹, в мягкой форме подтвердив доктрины Дайси, в целом склонялся к тому, что опасность преувеличена. Его главным результатом было то, что он заставил оппонентов верховенства закона артикулировать свою позицию и вызвал к жизни обширную литературу, очертившую контуры доктрины, которая отвергала принцип верховенства закона и которая с тех пор стала разделяться многими и помимо социалистов.

---

³⁵ Это резюме идей Пашуканиса взято из работы: *Friedmann W.G. Law and Social Change in Contemporary Britain*. London: Steven and Sons, 1951. P. 154.

³⁶ *Dicey*. *Law of the Constitution*. P. xxxviii.

³⁷ *Hewart G., Hewart B. The New Despotism*. London: Ernest Benn Ltd., 1929.

³⁸ Характерным для такого отношения — даже в США это весьма обоснованное предостережение было встречено в штыки — является следующий комментарий профессора (ныне члена Верховного суда) Феликса Франкфуртера, опубликованный в 1938 году: «Еще в 1929 году лорд Хьюарт попытался приправить страхом отжившие домыслы Дайси, чтобы вдохнуть в них новую жизнь. К сожалению, бойкая публицистика этой книги была подкреплена авторитетом лорда — главного судьи. Его экстравагантные обвинения нуждались в авторитетном имени и получили его» (предисловие к публикации: *Current Developments in Administrative Law* // *Yale Law Journal*. 1938. Vol. 47. P. 517).

³⁹ «Короче говоря, „новый деспотизм“ — не преувеличение, а реальность. Это деспотизм, практикуемый самыми добросовестными, самыми неподкупными и прилежными тиранами, каких когда-либо видел мир» (*What is the Public Interest?* // *Economist*. 1954. June 19. P. 952).

⁴⁰ *Crossman R.H.S. Socialism and the New Despotism*. London: Fabian Society, 1956.

⁴¹ Report Presented by the Lord High Chancellor to Parliament by Command of His Majesty, April 1932 / Committee on Ministers' Powers. Cmd. 4060. London: H.M. Stationery Office, 1932; широко известен как «Отчет Донамора» (*Donoughmore Report*). См. также: *Memoranda Submitted by Government Departments in Reply to Questionnaire of November 1929 and Minutes of Evidence / Committee on Ministers' Powers*. London: H.M. Stationery Office, 1932.

Это движение возглавила группа социалистических юристов⁴² и политологов из окружения покойного профессора Гарольда Дж. Ласки. Атака была начата доктором (ныне сэром Айвором) Дженнингсом в рецензиях на упомянутый отчет и на сборник документов, на которые он опирался⁴³. Полностью разделяя вошедшую в моду позитивистскую доктрину, он утверждал, что концепция верховенства закона в том смысле, в каком она используется в отчете, означает, что «равенство перед законом, обычным законом страны, проводимым в жизнь обычными судами... понимаемое буквально... — просто бессмыслица»⁴⁴. Это верховенство закона, настаивал он, «либо общее для всех стран, либо его не существует»⁴⁵. Хотя ему пришлось признать, что «постоянство и определенность закона... на протяжении столетий были частью английской традиции, при этом он с нетерпением ожидал, что эта традиция «пусть нехотя, но разрушается»⁴⁶. Потому что Дженнингс не мог иначе как с презрением и насмешкой относиться к убеждению, разделяемому «большинством членов Комитета и большинством свидетелей... что существует несомненное различие между функцией судьи и функцией администратора»⁴⁷.

Позднее он изложил эти взгляды в популярном учебнике, в котором категорически отвергал, что «принцип верховенства закона и дискреционные полномочия противоречат друг другу»⁴⁸ и что «обычный закон» и «административные полномочия» хоть в чем-то противоположны⁴⁹. Принцип, понимаемый в смысле Дайси, а именно требование, чтобы органы государственной власти не имели широких дискреционных полномочий, был объявлен «правилом действий для вигов, которое все остальные могут игнорировать»⁵⁰. Хотя Дженнингс признал, что «специалистам по конституционному праву в 1870-е или даже 1880-е годы могло казаться, что британская конституция в основном опирается на индивидуалистический принцип верховенства закона и что британское государство является *Rechtsstaat*, как его понимает индивидуалистическая политическая и правовая теория»⁵¹, для него это означает всего лишь, что «конституция осуждает „дискреционные“ полномочия, если только они осуществляются не судьями. Когда Дайси говорит, что „англичанами правит закон и только

⁴² О принадлежности Гарольда Ласки, сэра Айвора Дженнингса, Уильяма Александра Робсона и Германа Файнера к одной группе см.: *Jennings W.I. Administrative Law and Administrative Jurisdiction // Journal of Comparative Legislation and International Law. 3rd ser. 1938. Vol. 20. P. 103.*

⁴³ *Jennings W.I. The Report on Ministers' Powers // Public Administration. 1932. Vol. 10. P. 33–351; Idem. Book Review // Public Administration. 1933. Vol. 11. P. 109–114.*

⁴⁴ *Jennings W.I. The Report on Ministers' Powers. // Public Administration. 1932. Vol. 10. P. 342.*

⁴⁵ *Ibid. P. 343.*

⁴⁶ *Ibid. P. 345.*

⁴⁷ *Ibid. [В действительности цит. из: Jennings W.I. Review of "Official Ministers' Powers" // Public Administration. 1933. Vol. 11. P. 111. — Ped.]*

⁴⁸ *Jennings W.I. The Law of the Constitution / 4th ed. London: University of London Press, 1952. P. 54.*

⁴⁹ *Ibid. P. 291.*

⁵⁰ *Ibid. P. 292.*

⁵¹ *Ibid. P. 294.*

закон“, он имеет в виду, что „англичанами правят судьи и никто кроме судей“. Это могло бы показаться преувеличением, но это был здоровый индивидуализм⁵². Похоже, что автору даже не пришло в голову, что таков логический вывод из идеала свободы в рамках закона — только знатоки закона и никакие другие эксперты, и уж подавно не администраторы, озбоченные частными целями, должны быть уполномочены на осуществление мер принуждения.

Следует добавить, что со временем сэр Айвор существенно изменил свои взгляды. Он начинает и заканчивает недавно опубликованную популярную книгу⁵³ восхвалением принципа верховенства закона и даже дает несколько идеализированную картину того, в какой мере он до сих пор господствует в Великобритании. Но он изменился уже после того, как его нападки привели к далеко идущим последствиям. Например, в популярном «Словаре политики»⁵⁴, который вышел в той же серии всего за год до вышеупомянутой книги, мы находим утверждение: «Поэтому довольно странно, что распространилось представление, будто принцип верховенства закона есть нечто такое, что у одних народов есть, а у других нет, как будто это автомобили или телефоны. Что это означает — нет верховенства закона? Значит ли это, что нет никакого закона?» Боюсь, этот вопрос отражает позицию большинства молодых людей, выросших под влиянием правового позитивизма.

Не менее важной и влиятельной была трактовка принципа верховенства закона в широко используемом трактате по административному праву, принадлежащем перу У.А. Робсона, входившего в ту же группу. В его работе сочетаются похвальное стремление навести порядок в хаотической системе контроля над административной деятельностью с новым толкованием роли административных трибуналов, которое, будучи реализованным на практике, сделало бы их совершенно непригодными в качестве средств защиты индивидуальной свободы. Он явно стремится ускорить «разрыв с тем принципом верховенства закона, который покойный А.В. Дайси рассматривал как существенную черту английской конституционной системы»⁵⁵. Аргумент начинается с атаки на «эту древнюю и разболтанную колесницу», на «легендарное разделение властей»⁵⁶. Для него все различие между законом и политикой — «совершенно ложное»⁵⁷, а концепция, согласно которой судья заботится не о целях государства, а лишь об отправлении правосудия, просто смехотворна. Он даже выдвигает в качестве главного преимущества административных трибуналов то, что они «могут проводить политику, не будучи стесненными нормами закона и судебными прецедентами. <...> Из всех особенностей административного права нет

---

⁵² Ibid.

⁵³ *Jennings W.I.* The Queen's Government. London: Penguin Books, 1954. P. 9–13.

⁵⁴ *Weldon T.D.* The Vocabulary of Politics. London: Penguin Books, 1953. P. 68.

⁵⁵ *Robson W.A.* Justice and Administrative Law / 3rd ed. London: Stevens, 1951. P. xi.

⁵⁶ Ibid. P. 16.

⁵⁷ Ibid. P. 433.

более полезного — если его правильно использовать к общественному благу, — чем право трибунала при решении дел открыто ставить своей целью проведение политики улучшения общества в той или иной конкретной области и адаптировать свою позицию по конкретному спору таким образом, чтобы она отвечала потребностям этой политики»⁵⁸.

Вряд ли можно найти другой пример обсуждения этих проблем, который бы с такой наглядностью демонстрировал, насколько реакционны многие «прогрессивные» идеи нашего времени! Поэтому неудивительно, что взгляды, подобные тем, что развивает профессор Робсон, быстро нашли отклик у консерваторов, и недавний памфлет консервативной партии, посвященный принципу верховенства закона, вслед за ним восхваляет трибуналы за то, что, «будучи гибкими и не связанными принципом верховенства закона или прецедентом, они могут быть хорошим подспорьем для министра в проведении его политики»⁵⁹. То, что консерваторы приняли социалистическую доктрину, — пожалуй, самая тревожная особенность происходящих изменений. Они зашли уже так далеко, что о консервативном симпозиуме, посвященном «свободе в современном государстве»⁶⁰, стало возможным сказать: «Мы уже настолько далеко ушли от концепции, согласно которой суды защищают англичанина от риска притеснения со стороны государства или его представителей, что ни один из участников не предполагает, что мы еще можем вернуться к этому идеалу XIX века»⁶¹.

Куда могут завести эти взгляды, показывают более опрометчивые утверждения менее известных участников группы социалистических юристов. Один начинает эссе «Плановое государство и верховенство закона» с «переопределения» верховенства закона⁶². В результате его топорной работы получилось такое определение: «Все, что принимает парламент в качестве верховного законодателя»⁶³. Это позволяет автору «уверенно утверждать, что несовместимость планирования с принципом верховенства закона [на что первыми указали социалисты!] — это миф, сохраняемый только благодаря предрассудкам или невежеству»⁶⁴. Другой член той же группы даже

---

⁵⁸ Ibid. P. 572–573.

⁵⁹ Rule of Law: A Study / Inns of Courts Conservative and Unionist Society. London: Conservative Political Centre, 1955. P. 30.

⁶⁰ Liberty in the Modern State: Eight Oxford Lectures / Conservative Political Centre. London: Conservative Political Centre, 1957.

⁶¹ Times Literary Supplement. 1957. March 1. P. 123. В этом отношении некоторые социалисты проявляют большую озабоченность, чем можно заметить в официальной позиции консерваторов. Ричард Г.С. Кроссман в цитируемом в примечании 40 памфлете («Socialism and the New Despotism») предсказывает следующий этап «реформы судебной системы с целью вернуть ей функцию защиты прав индивида от посягательств» (с. 19).

⁶² *Friedmann W.G. Law and Social Change in Contemporary Britain*. London: Stevens and Sons, 1951. P. 277–310. Одно из эссе, вошедших в этот сборник, выходило отдельно: *Idem. The Planned State and the Rule of Law*. Melbourne: Melbourne University Press, 1948.

⁶³ *Friedmann W.G. Law and Social Change in Contemporary Britain*. London: Stevens and Sons, 1951. P. 284.

⁶⁴ Ibid. P. 310. Занятно, что утверждение о несовместимости принципа верховенства закона и социализма, на котором издавна настаивали социалистические авторы, стало вызывать у них столько негодования, когда оно обернулось против социализма. Задолго до того, как я подчеркнул эту мысль в своей книге «Дорога к рабству», Карл Мангейм по-

находит возможным следующим образом ответить на вопрос о том, продолжал бы доминировать в нацистской Германии принцип верховенства закона, если бы Гитлер пришел к власти конституционным путем: «Ответ — да; большинство было бы право: принцип верховенства закона действовал бы, если бы большинство своими голосами отдало ему власть. Возможно, большинство поступило бы неразумно и безнравственно, но восторжествовал бы принцип верховенства закона. Потому что в демократии право — это то, что делает таковым большинство»⁶⁵. Здесь перед нами самая пагубная путаница нашего времени, выраженная в предельно бескомпромиссных выражениях.

В общем, не удивительно, что под влиянием подобных идей в Великобритании в последние двадцать-тридцать лет происходил быстрый рост весьма слабо ограниченной власти административных органов над частной жизнью и собственностью граждан⁶⁶. Новое социальное и экономическое законодательство наделяет эти органы постоянно расширяющимися дискреционными полномочиями и предоставляет лишь случайные и весьма недостаточные меры защиты прав, причем крайне недостаточные, в виде пестрой мешанины трибуналов и апелляционных комиссий. В крайних случаях закон доходит даже до того, что предоставляет административным органам право определять «общие принципы», в соответствии с которыми может применяться то, что является по сути дела экспроприацией⁶⁷, после чего исполнительная власть отказывается связывать себя какими-либо жесткими правилами⁶⁸. Только в последнее время и особенно после того как

дытожил результаты длинной дискуссии в следующем утверждении: «Современные исследования в области социологии права вновь и вновь подтверждают, что основоположение формального права, согласно которому каждый случай в судебной практике — по возможности без исключения — должен быть рассмотрен в соответствии с общими рациональными предписаниями посредством его подведения под эти предписания, действует только для стадии либеральной конкуренции при капитализме» (*Mannheim K. Man and Society in an Age of Reconstruction: Studies in Modern Social Structure. London: K. Paul, Trench, Trubner and Co., 1940. P. 180 [Мангейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Он же. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 354]*). См. также: *Neumann F.L. The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory. Glencoe, IL: The Free Press, 1957. P. 50; Horkheimer M. Bemerkungen zur philosophischen Anthropologie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1935. Vol. 4; особенно с. 14: «Экономическая основа значимости обещаний день ото дня делается все менее существенной, потому что экономическая жизнь во все возрастающей степени характеризуется не договором, но приказом и подчинением».*

⁶⁵ *Finer H. The Road to Reaction. Boston: Little, Brown and Co., 1945. P. 60.*

⁶⁶ Ср.: «Мне сообщили, что триста чиновников имеют право совершенно независимо от парламента принимать новые предписания, грозящие наказанием в виде тюремного заключения за преступления, прежде не известные закону» (*Churchill W.S. The Conservative Case for a New Parliament // Listener. 1948. February 19. P. 302*).

⁶⁷ Закон о городском и сельском планировании (The Town and Country Planning Act [1947]), sec. 70, subsec. 3) предусматривает, что «предписания, принятые в соответствии с этим законом с согласия Казначейства, могут устанавливать общие принципы, которым должен следовать Центральный земельный совет (Central Land Board) при принятии решений о том... должен ли взиматься сбор за застройку, а если да, то какой» (с. 84). Именно в соответствии с этим положением министр городского и сельского планирования получил возможность неожиданно издать предписание, в соответствии с которым сбор за застройку (development charge) должен быть «не меньше», чем увеличение ценности земли, связанное с получением разрешения на данную конкретную застройку.

⁶⁸ Practice Notes (First Series): Being Notes on Development Charges under the Town and Country Planning Act, 1947 / Central Land Board. London: H.M. Stationary Office, 1949. Preface [P. ii-iii. — *Ред.*]. Здесь дается разъяснение, что эта серия изданий «предназначена для описания принципов и действующих норм, в отношении которых любой претендент может быть

вопиющий случай бюрократической бесцеремонности благодаря настойчивости и чувству гражданской ответственности состоятельного человека⁶⁹ оказался достоянием публики, недовольство этими изменениями, которое уже давно испытывали немногие информированные наблюдатели, стало достоянием широких кругов и породило первые признаки реакции, к которым мы еще вернемся.

6. Удивительно обнаружить, что во многих отношениях развитие в этом направлении зашло не сильно дальше и в США. На самом деле, и современные тенденции в теории права, и концепции «администратора-эксперта» без юридической подготовки имели здесь даже большее влияние, чем в Великобритании; можно даже сказать, что британские социалистические юристы, о которых мы только что говорили, чаще находили источник вдохновения в Америке, чем у британских философов права. Обстоятельства, которые к этому привели, мало поняты даже в самих США и заслуживают того, чтобы о них рассказать.

Соединенные Штаты Америки, действительно, уникальны тем, что под влиянием европейского реформистского движения здесь рано выкристаллизовалось то, что получило известность как «движение за новое государственное управление» (public administration movement). Оно сыграло здесь примерно ту же роль, что фабианское движение в Великобритании⁷⁰ или движение «катедер-социалистов» в Германии. Используя лозунг эффективности государства, оно искусно заручалось поддержкой деловых кругов для достижения по сути дела социалистических целей. Члены этого движения, обычно при сочувственной поддержке «прогрессистов», яростно атаковали традиционные гарантии личной свободы, такие как принцип верховенства закона, конституционные ограничения, судебный контроль и концепцию «фундаментального закона». Характерным для этих «специалистов по администрированию» было то, что они относились равно враждебно и к экономической теории, и к теории права (и были одинаково невежественны в них)⁷¹. В своих усилиях создать «науку» управления они руководствова-

---

уверенным, что именно на их основании будет рассматриваться его дело в случае, если он не сможет представить достаточные основания для применения других норм, либо если [Центральный земельный] совет не сообщит ему, что обычные правила в его случае неприменимы». Далее объясняется, что «конкретное правило всегда должно подлежать изменению, если оно не соответствует данному случаю» и что совет «не сомневается в том, что время от времени мы должны менять нашу политику». Дальнейшее обсуждение этой меры см. ниже в главе 22, § 6.

⁶⁹ См. официальный доклад министерства сельского хозяйства и рыболовства: Public Inquiry Ordered by the Minister of Agriculture into the Disposal of Land at Crichel Down. Cmd. 9176. London: H.M. Stationary Office, 1954; а также менее известное, но почти столь же поучительное дело *Odum v. Stratton* (1946), которое разбирал судья Аткинсон в отделении королевской скамьи Высокого суда правосудия; стенографический отчет о нем см.: *Oldem v. Stratton*: Verbatim Report of the Proceedings in the High Court of Justice, King Bench Division, before Mr. Justice Atkinson. Devizes, Wiltshire: Wiltshire Gazette, 1946.

⁷⁰ См.: *Waldo D. The Administrative State: A Study of the Political Theory of American Public Administration*. New York: Ronald Press Co., 1948. P. 70. № 13; см. также: *Ibid.* P. 5, 15, 40.

⁷¹ См.: «Если при новом порядке кого-то будут считать меньше, чем за единицу, это будет юрист!» (*Ibid.* P. 79).

лись довольно наивным представлением о «научном» методе и проявляли предельное презрение к традиции и принципам, характерное для крайнего рационализма. Именно они больше всего сделали для популяризации идеи, что «свобода ради самой свободы есть очевидно бессмысленное понятие: свобода предполагает возможность что-то делать и чем-то пользоваться. Если больше людей покупают автомобили и ездят на отдых, значит, свободы стало больше»⁷².

Именно благодаря их усилиям созревшие на европейском континенте идеи административных полномочий прижились в США раньше, чем в Англии. Так, уже в 1921 году один из виднейших американских знатоков юриспруденции мог говорить о «тенденции отхода от судов и закона и возврата к правосудию, не знающему закона, к правосудию, осуществляемому исполнительной и даже законодательной властью, и к опоре на дискреционные властные полномочия»⁷³. Спустя несколько лет стандартная работа по административному праву могла уже представлять в качестве общепринятой доктрины то, что «у каждого государственного должностного лица есть выделенная для него законом определенная область „юрисдикции“. В ее границах он может нестесненно действовать по своему усмотрению, и суды будут признавать его действия окончательными и не будут оспаривать их правомерность. Но суды вмешиваются, если он переступит эти границы. В такой форме закон о судебном контроле действий должностных лиц становится просто ветвью закона *ultra vires* [о превышении полномочий. — *Лат.*]. Перед судом ставится лишь вопрос о юрисдикции, и у суда нет права контролировать то, как должностное лицо использует свое право усмотрения в рамках этой юрисдикции»⁷⁴.

Реакция против традиции строгого судебного контроля действий не только исполнительной, но и законодательной власти фактически началась еще до Первой мировой войны. В качестве вопроса практической политики она впервые обрела значимость в ходе президентской кампании сенатора Лафоллета в 1924 году, когда он сделал важной частью своей предвыборной платформы обуздание власти судов⁷⁵. Главным образом благодаря этой традиции, заложенной сенатором, в США, более чем где-либо еще, прогрессисты стали главными сторонниками расширения дискреционных полномочий административных органов. К концу 1930-х годов эта особенность американских прогрессистов стала настолько заметной, что

---

⁷² Ibid. P. 73.

⁷³ *Pound R. The Spirit of the Common Law*. Boston: Marshall Jones Co., 1921. P. 72. См. также: «Медленно, но уверенно мы дрейфуем в сторону тоталитарного государства, и, странно сказать, многие, если не большинство идеалистов относятся к этому восторженно или равнодушно» (*McIlwain C.H. Constitutionalism and the Changing World: Collected Papers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 261).

⁷⁴ *Dickinson J. Administrative Justice and the Supremacy of Law in the United States*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927. P. 21.

⁷⁵ См.: *Follette R.M. la. The Political Philosophy of Robert M. La Follette as Revealed in His Speeches and Writings* / Ed. by E. Torell. Madison, WI: Robert M. La Follette Co., 1920; особенно с. 179–181.

даже европейские социалисты, «впервые столкнувшись со спорами американских либералов и консерваторов по вопросам административного права и административного усмотрения», были склонны к тому, чтобы «предупредить их о неустрашимых опасностях наращивания дискреционных полномочий и сказать им, что мы [то есть европейские социалисты] можем ругаться за правоту позиции американских консерваторов»⁷⁶. Но они быстро успокоились, обнаружив, как сильно эта позиция прогрессистов облегчает постепенное и незаметное движение американской системы к социализму.

Пределной остроты этот конфликт достиг, разумеется, в эпоху Рузвельта, но почву для него подготовили интеллектуальные тенденции предыдущего десятилетия. В 1920-х и начале 1930-х годов появился поток литературы, направленной против принципа верховенства закона и оказавшей существенное влияние на последующее развитие событий. Здесь мы можем упомянуть только два характерных примера. Одним из самых активных врагов американской традиции «правления закона, а не людей» был Чарльз Дж. Хайнс, который не только объявил традиционный идеал иллюзией⁷⁷, но и всерьез призывал к тому, чтобы «американский народ строил систему правления на основе теории доверия людям, управляющим публичными делами»⁷⁸. Чтобы осознать, что это полностью противоречит всей концепции, легшей в основу американской конституции, достаточно припомнить высказывание Томаса Джефферсона, что «свободное правление основано на ревности, а не на доверии, и именно ревность, а не доверие требует конституционных ограничений, чтобы связать тех, кому мы вынуждены верить власть... соответственно, наша конституция установила границы, до которых, но не далее которых, может доходить наше доверие. Следовательно, в вопросах власти не будем больше слушать о доверии к человеку, но обуздаем его цепями конституции, чтобы не доводить до беды»⁷⁹.

Пожалуй, еще более типична для интеллектуальных тенденций того времени работа покойного судьи Джерома Франка под названием «Закон и современное сознание», имевшая при первой публикации в 1930 году успех, который современному читателю трудно понять. В ней автор яростно нападает на идеал определенности (*certainty*) закона, который он высмеивает как продукт «детской потребности в авторитетном отце»⁸⁰. Эта работа, основанная на теории психоанализа, предложила именно такое оправдание

---

⁷⁶ *Pekelis A.H.* Administrative Discretion and the Law of Rule // *Law and Social Action: Selected Essays of Alexander H. Pelekis*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1950. P. 88. См. также:

Kelsen H. Foundations of Democracy // *Ethics*. 1955. Vol. 66. № 1. Pt. 2. P. 77 ff.

⁷⁷ *Haines C.G.* A Government of Laws or a Government of Men: Judicial or Legislative Supremacy. Berkeley: University of California Press, 1929. P. 37.

⁷⁸ *Ibid.* P. 18.

⁷⁹ *Jefferson T.* Draft of Kentucky Resolution of 1789 // Warfield E.D. The Kentucky Resolutions of 1799 / 2nd ed. New York: Putman, 1894. P. 157–158.

⁸⁰ *Frank J.* Law and the Modern Mind. New York: Brentano's, 1930. P. 21. Через четверть с лишним века после публикации этой работы Турман Арнольд мог сказать о ней, что «она больше, чем что-либо другое, расчистила путь для новых концепций и идеалов касательно отношения гражданина к его государству» (*Arnold T.W.* Judge Jerome Frank // *University of Chicago Law Review*. 1957. Vol. 24. P. 635).

презрения к традиционным идеалам, которого жаждало поколение, не желавшее соглашаться ни с какими ограничениями коллективных действий. Именно молодые люди, выросшие на подобного рода идеях, стали готовыми инструментами патерналистской политики Нового курса.

К концу 1930-х годов эти тенденции стали вызывать все большее беспокойство, и в результате был назначен соответствующий комитет по расследованию — Комитет по административным процедурам при федеральном прокуроре США, — задача которого была сходна с задачей, стоявшей перед аналогичным британским комитетом десятью годами ранее. Но и этот комитет в докладе большинства⁸¹ представил происходящее как нечто неизбежное и безвредное, даже превзойдя в этом британский. Общий тон доклада лучше всего описать словами декана [Гарвардской школы права] Роско Паунда: «Пусть даже ненамеренно, большинство движется в сторону административного абсолютизма, представляющего собой фазу абсолютизма, который набирает силу во всем мире. Идея исчезновения права; идея общества, в котором не будет закона или будет только один закон, состоящий в том, что нет никаких законов, кроме административных распоряжений; доктрины, согласно которым не существует никаких прав, законы суть только угрозы применения силы государством, а правила и принципы — не что иное, как предрассудки и благочестивые пожелания; идеи, что разделение властей есть устаревший способ мышления, свойственный XVIII веку, что доктрина верховенства закона, характерная для общего права, устарела; интерпретация публичного права как „подчиняющего права“ (subordinating law), которое подчиняет интересы индивида интересам государственных должностных лиц и предоставляет последним правомочия отождествлять одну из сторон конфликта с общественным интересом и тем самым придавать ей большую ценность и игнорировать остальные; и, наконец, теория, в соответствии с которой закон — это все, что официально установлено, а потому все, что делается официальным образом, законно и не подлежит критике юристов — вот в таком контексте следует рассматривать предложения большинства»⁸².

7. К счастью, во многих странах есть несомненные признаки реакции против этих изменений, происходивших на протяжении последних двух поколений. Пожалуй, они более заметны в странах, прошедших через опыт тоталитарных режимов и знающих, чем грозит ослабление ограничений,

---

⁸¹ *Acheson D.* Administrative Procedure in Government Agencies: Final Report of the Committee on Administrative Procedure. Washington, DC: Government Printing Office, 1941.

⁸² *Pound R.* Administrative Procedure Legislation for the “Minority Report” // *American Bar Association Journal*. 1941. Vol. 27. P. 678. О нынешней ситуации см.: *Schwartz B.* Administrative Justice and Its Place in the Legal Order // *New York University Law Review*. 1955. Vol. 30. P. 1390–1417; *Gellhorn W.* Individual Freedom and Governmental Restraints. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1956, особенно следующее замечание: «Некоторые из прежних поборников административного процесса (включая и самого автора) теперь чувствуют, что то, что прежде было по большей части воображаемыми опасностями, стало реальностью — и пугающей реальностью» (с. 18–19).

налагаемых на власть государства. Даже среди социалистов, которые еще недавно высмеивали традиционные методы защиты индивидуальной свободы, можно наблюдать гораздо более уважительное отношение к ним. Немногие столь откровенно выразили это изменение взглядов, как знаменитый патриарх социалистических философов права, покойный Густав Радбрух, который в одной из своих последних работ сказал: «Демократия — несомненное благо, представляющее большую ценность. Правовое же государство жизненно необходимо, как хлеб и вода, как воздух. И самое лучшее, что есть в демократии, — так это то, что лишь она одна способна обеспечить существование правового государства»⁸³. То, что демократия на деле необязательно или не всегда к этому пригодна, становится слишком хорошо ясно из того, как сам Радбрух описывает ход событий в Германии. Вероятно, было бы более правильно сказать, что демократия не просуществует долго, если не сумеет сохранить верховенство закона.

Успех принципа судебного контроля после войны и оживление интереса к теориям естественного права в Германии также являются симптомами этой тенденции⁸⁴. В других странах Европейского континента аналогичные движения также развиваются полным ходом. Во Франции Жорж Рипер внес существенный вклад своим исследованием «Упадок права», в котором он делает справедливый вывод: «Прежде всех прочих, вина ложится на юристов. Это они на протяжении полувека подрывали концепцию индивидуальных прав, даже не сознавая, что тем самым они уступают эти права всемогуществу партийного государства. Некоторые из них хотели быть прогрессивными, другие же верили, что они заново открывают

---

⁸³ Radbruch G. Rechtsphilosophie / 4th ed. Stuttgart: K.F. Koehler, 1950. P. 357 [Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. С. 238]. См. также в этой работе поучительный комментарий о роли, которую сыграл правовой позитивизм в разрушении веры в *Rechtsstaat*, особенно: «Dieses Auffassung vom Gesetz und seiner Geltung (wir nennen sie die positivistische Lehre) hat die Juristen wie das Volk wehrlos gemacht gegen noch so willkürliche, noch so grausame, noch so verbrecherische Gesetze. Sie setzt letzten Endes das Recht der Macht gleich, nur wo die Macht ist, ist das Recht» [«Такое понимание закона и его действия (мы называем это теорией позитивного права) сделало всех, включая юристов, беззащитными перед законами, оправдывающими произвол, законами ужасными и преступными. В конечном счете они отождествляли право и силу — лишь там, где сила, только там и право»] (Ibid. P. 355 [Там же. С. 225]); «Der Positivismus hat in der Tat mit seiner Überzeugung „Gesetz ist Gesetz“ den deutschen Juristenstand wehrlos gemacht gegen Gesetze willkürlichen und verbrecherischen Inhalts. Dabei ist der Positivismus gar nicht in der Lage, aus eigener Kraft die Geltung von Gesetzen zu begründen. Er glaubt die Geltung eines Gesetzes schon damit erwiesen zu haben, daß es die Macht besessen hat, sich durchzusetzen» [«Позитивизм с его верой в принцип „закон есть закон“ сделал немецких юристов беззащитными перед законами преступного содержания и диктуемым произволом. При этом позитивизм не в состоянии самостоятельно обосновать действительность закона. Позитивизм исходит из того, что действительность закона доказывается его способностью силой добиваться его исполнения»] (Ibid. P. 352 [Там же. С. 233]). Поэтому не таким уж преувеличением является утверждение: «Тоталитарное государство есть просто-напросто правовой позитивизм в политической практике» (Brunner E. Justice and the Social Order. New York: Harper, 1945. P. 7).

⁸⁴ См.: Dietze G. America and Europe — Decline and Emergence of Judicial Review // Virginia Law Review. 1958. Vol. 44. P. 1233–1272. По поводу возрождения естественного права см.: Coing H. Grundzüge der Rechts Philosophie. Berlin: Walter und Gruyter, 1950; Mitteis H. Über das Naturrecht. Berlin: Akademie-Verlag, 1948; Ritter K. Zwischen Naturrecht und Rechtspositivismus: Eine Erkenntnistheoretische Auseinandersetzung mit den neueren Versuchen zur Wiederherstellung einer Rechtsmetaphysik. Witten-Ruhr: Luther-Verlag, 1956.

традиционную доктрину, которую разрушил либеральный индивидуализм XIX столетия. Ученые часто высказывают определенное простодушие, мешающее им видеть те политические выводы, которые другие сделают из их бескорыстных доктрин»⁸⁵.

В Великобритании не было недостатка в предостерегающих голосах⁸⁶, и первым итогом растущего понимания стала вновь проявившаяся в последнее время в законодательстве тенденция к восстановлению роли судов как последней инстанции в разрешении административных конфликтов. Ободряющие знаки содержатся и в недавнем отчете комитета по расследованию процедуры апелляции в административных судах⁸⁷. В нем комитет не только делает важные предложения об устранении многочисленных аномалий и недостатков в существующей системе, но также превосходнейшим образом подтверждает основное различие между «тем, что относится к сфере суда, и противоположностью этого, то есть тем, что принадлежит к административной сфере, а также понятием о том, что соответствует принципу верховенства закона, и его противоположностью, то есть тем, что является произволом». Затем следует утверждение: «Верховенство закона означает представление о том, что решения должны приниматься на основе известных принципов или законов. В общем случае такие решения должны быть предсказуемыми и гражданин должен знать, в какой ситуации он находится»⁸⁸. Но в Великобритании еще остается «значительная область административной деятельности, в которой не действуют специальные трибуналы и расследования»⁸⁹ (эта проблема не входила в сферу компетенции комитета), положение остается столь же неудовлетворительным, как и прежде, а гражданин, по сути дела, все еще отдан на милость произвольных решений администрации. Для того чтобы остановить процесс эрозии верховенства закона, здесь, по-видимому, необходимы независимые суды, к которым может быть обращена апелляция во всех таких случаях, как это предлагается некоторыми группами⁹⁰.

---

⁸⁵ *Ripert G.* Le Déclin de droit. Paris: Pichon and Durand-Auzias, 1949. P. 192. Ср. также: *Roubier P.* Théorie générale du droit: histoire des doctrines juridiques et philosophie des valeurs sociales. Paris: Recueil Sirey, 1946; *Rougier L.A.P.* La France à la recherche d'une constitution. Paris: Recueil Sirey, 1952.

⁸⁶ См.: *Allen C.K.* Law and Orders: An Inquiry into the Nature and Scope of Delegated Legislation and Executive Powers in England. London: Stevens, 1945; *Keeton G.W.* The Passing of Parliament. London: E. Benn, 1952; *Hamson C.J.* Executive Discretion and Judicial Control: An Aspect of the Conseil d'État. London: Stevens, 1954; *Radcliffe C.J.* Law and the Democratic State: Being the Presidential Address of the Right Hon. Lord Radcliffe, President of the Holdsworth Club of the Faculty of Law in the University of Birmingham, 1954–1955. Birmingham: Holdsworth Club of the University of Birmingham, 1955; *Marshall G.* The Recent Development of English Administrative Law // *Il Politico*. December 1959. Vol. 24. P. 637–645.

⁸⁷ Report of the Committee on Administrative Tribunals and Enquiries, Presented by the Lord High Chancellor to Parliament by Command of Her Majesty [the Franks Report. — *Ped.*]. Cmd. 218. London: H. M. Stationery Office, 1957. P. 8. Par. 37.

⁸⁸ *Ibid.* P. 6. Par. 27, 29.

⁸⁹ *Ibid.* P. 28. Par. 120.

⁹⁰ См. упоминаемый выше в примечании 59 памфлет «Rule of Law: A Study», а также: *Robson W.A.* Justice and Administrative Law / 3rd ed. London: Stevens, 1951. О сходных рекомендациях «Комиссии Гувера» в США см. материалы симпозиума: Hoover Commission and

Наконец, мы должны упомянуть в качестве шага, сделанного на международной арене, принятый в июне 1955 года на конгрессе Международного комитета юристов «Афинский акт», в котором была энергично подтверждена важность верховенства закона⁹¹.

Однако едва ли можно утверждать, что широко распространенное желание возродить старую традицию сопровождается четким пониманием того, что именно это подразумевает⁹², и что люди будут готовы поддержать принципы этой традиции, даже когда последние самым прямым и очевидным образом превратятся в помеху на пути к достижению некоей желаемой цели. Эти принципы, еще недавно казавшиеся банальностями, которые даже не заслуживают, чтобы их формулировали в явном виде и которые даже сегодня покажутся более очевидными непрофессионалу, чем современному юристу, забыты настолько, что представляется необходимым детальное описание их истории и природы. Только сделав это, мы можем попытаться в следующей части более подробно исследовать те способы, которыми в рамках свободного общества можно или нельзя осуществить различные притязания современной экономической и социальной политики.

Task Force Reports on Legal Services and Procedures // New York University Law Review. 1955. Vol. 30. № 7. P. 1267–1417.

⁹¹ Международный комитет юристов в Гааге (ныне в Женеве) в июне 1955 года провел заседание в Афинах и принял резолюцию, в которой было торжественно заявлено следующее: «1. Государство подчинено закону. 2. Правительства должны уважать права индивида в соответствии с принципом верховенства закона и предоставлять эффективные средства, которые обеспечивали бы их соблюдение. 3. Судьи должны руководствоваться принципом верховенства закона, защищать его, обеспечивать его выполнение, не поддаваясь страху и подкупу, и противостоять любым посягательствам государства или политических партий на свою независимость в качестве судей. 4. Адвокаты всего мира должны поддерживать свою профессиональную независимость, отстаивать права индивида в рамках принципа верховенства закона и добиваться, чтобы каждый обвиняемый получал право на справедливое судебное разбирательство» (см.: Report of the International Congress of Jurists, Held June 13–20, 1955, at Athens. The Hague: International Commission of Jurists. 1956. P. 9).

К сожалению, после этого Международная комиссия юристов решила ввести «новую», «динамическую» концепцию верховенства закона (в Делийской декларации от 10 января 1959 года), которая включает в себя установление «социальных, экономических, образовательных и культурных условий, при которых могут быть реализованы устремления и достоинство индивида». Как бы ни были желательны эти цели сами по себе, такое расширение понятия ведет к снятию ограничений на действия государства, накладываемых принципом верховенства закона, в случае если эти ограничения будут препятствовать достижению определенных социальных целей. См.: The Declaration of Delhi // Newsletter of the International Commission of Jurists. March–April 1959. № 6. P. 1.

⁹² Один ученый-правовед вовсе не преувеличивает, когда утверждает, что восстановление в своих правах принципа верховенства закона, как мы его здесь определили, «обязательно потребует полной отмены законодательных мер, которые все демократические законодательные собрания, по-видимому, находили жизненно важными для себя в последние полвека» (Stone J. The Province and Function of Law: Law as Logic, Justice, and Social Control; A Study in Jurisprudence. Cambridge: Harvard University Press, 1950. P. 261). То, что демократические законодатели действовали именно так, не доказывает, что это было мудро или даже что было так уж важно обращаться к этим мерам для достижения того, чего они хотели достичь, и еще меньше это означает, что они не должны аннулировать свои решения, если осознают, что последние порождают непредвиденные и нежелательные последствия.

Свобода в социальном государстве

Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть, обеспечивающая всех удовольствиями и следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова. Ее можно было бы сравнить с родительским влиянием, если бы ее задачей, подобно родительской, была подготовка человека к взрослой жизни. Между тем власть эта, напротив, стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии; она желала бы, чтобы граждане получали удовольствия и чтобы не думали ни о чем другом. Она охотно работает для общего блага, но при этом желает быть единственным уполномоченным и арбитром; она заботится о безопасности граждан, предусматривает и обеспечивает их потребности, облегчает им получение удовольствий, берет на себя руководство их основными делами, управляет их промышленностью, регулирует права наследования и занимается дележом их наследства. Отчего бы ей совсем не лишить их беспокойной необходимости мыслить и жить на этом свете?

— Алексис де Токвиль

— *Tocqueville*. Democracy in America. Vol. 2. P. 318 [*Токвиль*. Демократия в Америке. С. 497]. Три следующих абзаца, да и на самом деле вся глава 6 книги 4, из которой взята эта цитата, могли бы стать прологом к последующему обсуждению.

Упадок социализма и возвышение социального государства*

Опыт должен был бы научить нас тому, что больше всего нужно проявлять бдительность в деле защиты свободы тогда, когда у государства благие цели. Люди, рожденные свободными, в силу своей природы бдительно относятся к посягательствам на их свободу со стороны злых правителей. Величайшая опасность для свободы таится в незаметном вторжении людей, исполненных энтузиазма и благих намерений, но невежд.

— Луис Брандейс

1. Попытки социальных реформ на протяжении столетия вдохновлялись главным образом идеалами социализма — и некоторое время даже в таких странах, как США, где никогда не было сколь-нибудь влиятельной социалистической партии. За эти сто лет социализм увлек за собой многих интеллектуальных лидеров и стал восприниматься широкими кругами как конечная цель, к которой с неизбежностью движется общество. Эта тенденция достигла своего пика после Второй мировой войны, когда Великобритания с головой ушла в свой социалистический эксперимент. По-видимому, это была высшая точка социалистической волны. Будущие историки, возможно, станут рассматривать период от революции 1848 года примерно до 1948 года как столетие европейского социализма.

В этот период социализм имел довольно точный смысл и подразумевал определенную программу. Общей целью всех социалистических движений была национализация «средств производства, распределения и обмена», так чтобы вся экономическая деятельность могла направляться

---

* Термин *welfare state* в настоящем издании переводится как «социальное государство», хотя в русскоязычной литературе он часто передается словосочетаниями «государство всеобщего благосостояния» или просто «государство благосостояния».

— Цитата из особого мнения судьи Брандейса, высказанного в процессе: *Olmstead v. United States* 277. U.S. 438, at 479 (1927). См. также: «Деспотизм принимает наихудшие формы, когда приходит под маской благожелательности» (*Bentham J. Deontology; or, The Science of Morality: In Which the Harmony and Co-incidence of Duty and Self-interest, Virtue and Felicity, Prudence and Benevolence, are Explained and Exemplified.* London: Rees, Orme, Browne, Greenm and Longman, 1834. Vol. 2. P. 289).

в соответствии со всеобъемлющим планом к некоему идеалу социальной справедливости. Те или иные школы социализма различались преимущественно в политических методах, которые должны были обеспечить реорганизацию общества. Марксизм и фабианский социализм отличались тем, что первый был революционным, а второй — постепенным, эволюционным; но их представления о новом обществе, которое они надеялись создать, были по существу одинаковыми. Социализм означал общую собственность на средства производства и их «применение для пользы, а не для прибыли».

Грандиозное изменение, произошедшее за последние десять лет, заключается в том, что социализм в этом строгом смысле — как особый метод достижения социальной справедливости — потерпел крах. Он не просто утратил свою интеллектуальную привлекательность; от него отвернулись массы, и это было настолько очевидно, что социалистические партии повсеместно занялись поиском новой программы, которая могла бы обеспечить им активную поддержку сторонников¹. Они не отказались от своей конечной цели, своего идеала социальной справедливости. Но методы, с помощью которых они надеялись достичь его, для обозначения которых было придумано название «социализм», были дискредитированы. Можно не сомневаться, это название будет перенесено на любую новую программу, которую примут социалистические партии. Но сегодня в западном мире социализм в старом, строгом значении мертв.

Хотя такое смелое заявление может кого-то удивить, обзор потока литературы, повествующей о разочарованности социалистов во всех странах, и дискуссии, ведущиеся в социалистических партиях, дают этому множество подтверждений². Для тех, кто наблюдает за развитием событий

---

¹ Самое оживленное обсуждение этих проблем происходит в Великобритании. См., в частности: *New Fabian Essays* / Ed. by R.H.S. Crossman. London: Turnstile Press, 1952; *Socialist Union. Socialism: A New Statement of Principles*. London: Lincoln-Prager, 1952. Сам Кроссман пишет, что сегодня большинство европейских социалистических лидеров считают социализм «утопическим мифом, часто весьма далеко отстоящим от реальностей текущей политики» (*Crossman R.H.S. Communication: On Political Neuroses* // *Encounter*. May 1954. Vol. 3. P. 66). См. также: *Cole G.D.H. Is This Socialism?* London: New Statesman and Nation, 1954; *Gaitskell H.T.N. Recent Developments in British Socialism*. London: Cooperative Union, Southern Section Education Council, 1956; *Twentieth Century Socialism: The Economy Tomorrow* / Ed. by Socialist Union. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1956; *Crosland C.A.R. The Future of Socialism*. London: Jonathan Cape, 1956; *Crossman R.H.S. Socialism and the New Despotism*. London: Fabian Society, 1956; *Jay D. Socialism and the New Society*. London: Longmans, 1962; *Jenkins R. The Labour Case*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1959; *Kelf-Cohen R. Nationalization in Britain: The End of a Dogma*. London: Macmillan, 1958; а также дискуссии на страницах журналов *Socialist Commentary* и *New Statesman*. Полезный обзор этих споров см.: *Wilson T. Changing Tendencies in Socialist Thought* // *Lloyds Bank Review*. July 1956. P. 1–21. Поучительны замечания иностранных наблюдателей о британском эксперименте: *Jouvenel B. de. Problèmes de l'Angleterre socialiste: ou, L'échec d'une expérience*. Paris: La table ronde, 1947; *Griffin C.E. Britain: A Case Study for Americans*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1950; *Wright D.M. Post-War West German and United Kingdom Recovery*. Washington, DC: American Enterprise Association, 1957; *Messner J. Das englische Experiment des Sozialismus: auf Grund ökonomischer Tatsachen und sozialistischer Selbstzeugnisse dargestellt*. Innsbruck: Tyrolia, 1954.

² О происходящем на европейском континенте см., в частности: *Buttinger J. In the Twilight of Socialism: A History of the Revolutionary Socialists of Austria*. New York: F.A. Praeger, 1953; *Bednarik K. The Young Worker of Today: a New Type*. London: Faber and Faber, 1955; *Klenner F. Das Unbehagen in der Demokratie: ein Beitrag zu Gegenwartsproblemen der Arbeiterbewegung*.

только в одной стране, упадок социализма все еще может казаться не более чем временным отступлением, реакцией на политическое поражение. Но международный характер этого явления и схожесть происходящего в разных странах не оставляют сомнений, что имеет место нечто большее. Если пятнадцать лет назад доктринерский социализм казался главной угрозой свободе, сегодня сражаться с ним было бы донкихотской атакой на ветряную мельницу. Большую часть аргументов, направленных в свое время против социализма, сегодня можно услышать изнутри социалистического лагеря в качестве довода в пользу изменения программы.

2. Это изменение произошло по разным причинам. Что касается самой некогда влиятельной социалистической школы, то решающее значение имел «величайший социальный эксперимент» нашего времени: марксизм на Западе был убит примером России. В течение долгого времени относительно немногие интеллектуалы воспринимали происходившее в России как необходимый итог систематического осуществления на практике традиционной социалистической программы. Однако сегодня даже в социалистических кругах убедительным аргументом стал вопрос: «Если вы хотите стопроцентный социализм, чем вам не подходит Советский Союз?»³ И все же опыт этой страны, по большому счету, дискредитировал только марксистский вариант социализма. Широко распространенное разочарование в основных методах социализма вызвано более непосредственным опытом.

Главных факторов разочарования было, по-видимому, три: люди все лучше понимали, что социалистическая организация производства будет не более, а менее производительной, чем частное предпринимательство; еще яснее осознавали, что вместо большей социальной справедливости они получают новый произвол и новую, еще более жесткую социальную иерархию, чем была когда-либо прежде; и видели, что вместо обещанной большей свободы это будет означать возникновение нового деспотизма.

Первыми разочаровались те профессиональные союзы, которые обнаружили, что их сила существенно уменьшается, когда им приходится иметь дело не с частным работодателем, а с государством. Но и отдельные люди быстро выяснили, что, когда постоянно сталкиваешься с государственной властью, положение оказывается никак не лучше того, что было в конкурентном обществе. Это произошло в то же самое время, когда общий рост уровня жизни рабочего класса (особенно работников физического труда) разрушил концепцию особого класса пролетариев,

---

Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1956. О сходном изменении настроений в среде американских социалистов рассказывает Норман Томас: *Thomas N. Democratic Socialism: A New Appraisal*. New York: League for Industrial Democracy, 1953.

³ См. описание дискуссии в рамках фабианской летней школы в Окефорде в 1955 году: *Crossman R.H.S. Socialism and New Despotism*. London: Fabian Society, 1956. P. 4.

а с ней и классовое сознание рабочих, что создало в большей части Европы ситуацию, подобную той, которая в прошлом неизменно предотвращала рост организованного социалистического движения в США⁴. В странах, испытавших на себе тоталитарный режим, происходила сильная индивидуалистическая реакция среди молодежи, которая испытывала недоверие к любой коллективной деятельности и относилась подозрительно ко всякой власти⁵.

Пожалуй, важнейшей причиной разочарования у социалистических интеллектуалов было то, что они все лучше понимали: социализм будет означать уничтожение индивидуальной свободы. Хотя они с возмущением отвергали утверждение о взаимной несовместимости индивидуальной свободы и социализма, когда оно исходило от их противников⁶, оно произвело на них глубокое впечатление, когда один из них выразил его в форме яркого литературного произведения⁷. Впоследствии ситуацию очень откровенно описал один из ведущих интеллектуалов британской лейбористской партии Ричард Кроссман, который в памфлете, озаглавленном «Социализм и новый деспотизм», свидетельствует, что «серьезно мыслящие люди все больше и больше переоценивают то, что когда-то им казалось очевидными преимуществами централизованного планирования и расширения государственной собственности»⁸; и как он далее поясняет, «открытие, что „социализм“ лейбористского правительства означает создание гигантских бюрократических корпораций»⁹ и «гигантской централизованной государственной бюрократии, образующей потенциально смертельную угрозу демократии»¹⁰, создало ситуацию, в которой «главной задачей социалистов сегодня стало убедить народ в том, что этот новый феодализм угрожает его свободам»¹¹.

---

⁴ *Crosland C.A.R.* The Future of Socialism. London: Jonathan Cape, 1956; *Bednarik K.* The Young Worker of Today. London: Faber and Faber, 1955.

⁵ См. в особенности: *Klennner F.* Unbehagen in der Demokratie. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1956. P. 66 ff.

⁶ Как это ясно из высказывания Карла Манхейма, которое я поместил в качества эпиграфа к главе «План и закон» в своей книге «Дорога к рабству» и повторил здесь выше в главе 16, примечание 64.

⁷ «1984» Оруэлла (*Orwell G.* Nineteen Eighty-four: A Novel. London: Secker and Warburg, 1949); см. также его рецензию на мою «Дорогу к рабству»: *Orwell G.* Grounds for Dismay // *Observer*. 1944. April 9. P. 3.

⁸ *Crossman R.H.S.* Socialism and New Despotism. London: Fabian Society, 1956. P. 1.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.* P. 6.

¹¹ *Ibid.* P. 13. Понимание всего этого, очевидно, впоследствии повлияло на официальное заявление британской партии лейбористов по этим вопросам (см.: *Personal Freedom: Labor's Policy for the Individual and Society*. London: Labor Party, 1956). Но хотя этот документ затрагивает большую часть ключевых вопросов и демонстрирует, насколько сильно проявились рассмотренные нами проблемы в условиях социалистического режима даже в стране с либеральными традициями, он поразительно противоречив. В нем не только повторяется тезис, что «вряд ли свобода имеет смысл в условиях большого неравенства» (с. 7), но даже открыто утверждается основное положение бюрократического деспотизма, согласно которому «министр должен иметь право принимать разные решения в совершенно одинаковых ситуациях» (с. 26).

3. Но хотя на Западе осталось немного защитников характерных методов коллективистского социализма, его конечные цели почти не утратили привлекательности. Хотя у социалистов больше нет четких планов достижения своих целей, они все еще хотят манипулировать экономикой таким образом, чтобы распределение доходов отвечало их представлениям о социальной справедливости. Однако важнейшим результатом эпохи социализма стало то, что разрушились традиционные ограничения полномочий государства. Пока социализм стремился к полной реорганизации общества на новых принципах, он рассматривал принципы существующей системы как простые помехи, которые подлежат устранению. Но теперь, когда у него не осталось никаких собственных принципов, он может предъявлять только свои амбиции, не имея ясного представления о средствах. В результате перед лицом новых задач, которые ставят перед нами амбиции современного человека, мы оказываемся более беспринципными в исходном значении этого слова, чем когда-либо прежде.

Важно, что в результате всего этого, хотя уже мало кто считает социализм целью, к которой следует осознанно стремиться, нет никакой уверенности, что мы его не построим, пусть и ненамеренно. Реформаторы, готовые использовать любые методы, которые кажутся им более действенными для достижения конкретных целей, и не обращающие внимания на то, что необходимо для сохранения эффективного рыночного механизма, вероятно, будут устанавливать все больший централизованный контроль над экономическими решениями (хотя частная собственность может номинально сохраниться) и продолжать этот процесс до тех пор, пока у нас не получится та самая система централизованного планирования, которую сегодня мало кто сознательно желает. Кроме того, многие из старых социалистов увидели, что нас уже настолько далеко унесло в сторону перераспределительного государства, что теперь представляется более легким делом двигаться дальше в этом направлении, чем добиваться весьма дискредитированного обобществления средств производства. Похоже, они осознали, что, усиливая государственный контроль над номинально частной промышленностью, им удастся легче прийти к тому самому перераспределению доходов, которое и было реальной целью внешне более эффективной политики экспроприации.

Критику тех социалистических лидеров, которые так открыто отбросили очевидно тоталитарные формы «горячего» социализма и обратились к «холодному» (который по своим последствиям может не очень отличаться от первого), иногда считают несправедливостью и проявлением слепых консервативных предрассудков. Однако мы по-прежнему будем в опасности, пока не сумеем провести грань между теми новыми притязаниями, которые могут быть реализованы в свободном обществе, и теми, реализация которых потребует методов тоталитарного коллективизма.

4. В отличие от социализма, понятие социального государства¹² не имеет точного значения. Иногда это выражение используется для обозначения любого государства, которое тем или иным способом «заботится» о проблемах, выходящих за пределы поддержания законности и порядка. Но хотя некоторые теоретики требовали, чтобы деятельность государства была ограничена поддержанием законности и порядка, такую позицию нельзя обосновать принципом свободы. Строго ограничены должны быть только принудительные меры государства. Мы уже видели (в главе 15), что бесспорно существует широкое поле для деятельности правительства, не связанной с принуждением, для финансирования которой, разумеется, необходимо налогообложение.

Действительно, в Новое время ни одно государство не ограничивало себя «индивидуалистским минимумом», который в некоторых случаях был описан в явном виде¹³, и «ортодоксальные» классические экономисты не выступали за такое ограничение государственной деятельности¹⁴. Все современные государства заботятся о нуждающихся, обездоленных и нетрудоспособных, активно занимаются здравоохранением и образованием. Нет никаких оснований для того, чтобы объем этой деятельности по предоставлению услуг не увеличивался с общим ростом богатства. Существуют общие потребности, которые могут быть удовлетворены только коллективными усилиями и, соответственно, могут предоставляться без ограничения личной свободы. Вряд ли можно отрицать, что, по мере того как мы богатеем, тот минимум средств к существованию, который общество всегда предоставляло неспособным самостоятельно позаботиться о себе и который может быть предоставлен вне рынка, будет постепенно расти и что государство может — с пользой и без какого-либо вреда — оказывать эту

---

¹² Термин *welfare state* сравнительно недавно появился в английском языке и был, вероятно, неизвестен еще двадцать пять лет назад. Поскольку немецкий термин *Wohlfahrtsstaat* используется в Германии уже давно и то, что им обозначается, было впервые создано в Германии, английский термин, вероятно, представляет собой кальку с немецкого. Заслуживает упоминания и то, что немецкий термин с самого начала употреблялся для обозначения одного из вариантов концепции полицейского государства (*Polizeistaat*) — по-видимому, впервые историками XIX века для описания наиболее привлекательных аспектов государственного управления XVIII века. Современная концепция социального государства начала разрабатываться немецкими профессорами *Sozialpolitiker*, или «катедер-социалистами», с 1870 года и впервые была реализована на практике Бисмарком.

В Англии аналогичные изменения, концептуально разработанные фабианцами и теоретиками вроде Артура С. Пигу и Леонарда Т. Хобхауза, а на практике воплощенные Ллойдом Джорджем и Бевериджем, по крайней мере вначале, находились под сильным влиянием германского образца. Принятию термина *welfare state* способствовал тот факт, что разработанные Пигу и его школой теоретические основы были известны под названием *welfare economics* (экономическая теория благосостояния).

К тому времени, когда Франклин Д. Рузвельт двинулся по стопам Бисмарка и Ллойда Джорджа, почва для этого в США была уже подготовлена, а использование Верховным судом начиная с 1937 года содержащегося в конституции выражения *general welfare* (общее благодействие) естественным образом привело к повсеместному усвоению термина *welfare state*.

¹³ См., например: *Sidgwick H. The Elements of Politics*. London: Macmillan, 1891. Ch. 4:

“Individualism and Individualistic Minimum”. P. 44–61.

¹⁴ См. об этом, в частности: *Robbins L. The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*. London: Macmillan, 1952.

помощь и даже играть ведущую роль в такого рода деятельности. Трудно обосновать, почему государство не должно также играть некую роль или даже брать на себя инициативу в таких областях, как социальное страхование и образование, или временно субсидировать некоторые экспериментальные начинания. Проблему здесь составляют не столько цели, сколько методы государственной деятельности.

Эти скромные и невинные цели государственной деятельности часто упоминаются для того, чтобы доказать, насколько необоснованна какая бы то ни было оппозиция социальному государству как таковому. Но как только защитники свободы отказываются от жесткого неприятия любой подобной государственной деятельности — позиции, в пользу которой могут быть приведены аргументы, но которая не имеет никакого отношения к свободе, — они обычно обнаруживают, что программа социального государства содержит намного больше того, что представлялось как в равной мере правомерное и бесспорное. Если, например, они признают, что не имеют ничего против закона о контроле над содержанием загрязнений в пищевых продуктах, из этого делается вывод, что они не будут возражать против любой государственной деятельности, направленной на достижение желательных целей. Поэтому те, кто пытается ограничить функции государства исходя из целей, а не методов, регулярно попадают в положение, когда приходится протестовать против действий государства, имеющих, по-видимому, одни лишь благоприятные последствия, или приходится признаваться в отсутствии общего правила, которым можно было бы обосновать их возражения против мер, которые хоть и эффективны для достижения отдельных результатов, но в своей совокупности разрушительны для свободного общества. Хотя позиция, заключающаяся в том, что государство не должно заниматься тем, что не имеет отношения к поддержанию законности и порядка, может казаться логичной, пока мы думаем о государстве исключительно как об аппарате принуждения, следует признать, что в качестве агентства по оказанию услуг оно может, не причиняя вреда, помогать в достижении желательных целей, которых, возможно, никаким другим способом достичь нельзя. Причина, по которой многие из новых социальных функций государства угрожают сохранению свободы, заключается в том, что, хотя и представленные как оказание услуг, на самом деле они осуществляют полномочия государства по принуждению и опираются на его претензию на исключительные права в определенных областях.

5. Сложившаяся ситуация во многом изменила задачу защитника свободы и сделала ее намного более трудной. Пока опасность исходила от социализма откровенно коллективистского типа, можно было утверждать, что принципы социализма попросту ложны: что социализм не обеспечит того, чего хотят социалисты, и обязательно приведет и к другим последствиям, которые будут им не по вкусу. Мы не можем аналогичным образом возражать против социального государства, потому что этот термин не обозначает никакой определенной системы. Так называют конгломерат настолько

разных и даже противоречащих друг другу элементов, что если некоторые из них могут сделать свободное общество привлекательнее, то другие с ним несовместимы или как минимум могут создать потенциальную угрозу его существованию.

Далее мы увидим, что некоторые из целей социального государства могут быть достигнуты без ущерба для индивидуальной свободы, хотя и не обязательно теми методами, которые кажутся самыми очевидными и потому наиболее популярны; что другие его цели также могут быть в определенной мере достигнуты, но намного большей ценой, чем представляют себе люди или чем они готовы заплатить, либо могут быть реализованы только медленно и постепенно, по мере роста богатства; и что, наконец, есть третьи — и они особенно дороги сердцам социалистов, — которые не могут быть достигнуты в обществе, желающем сохранить личную свободу.

Существуют всевозможные объекты социальной инфраструктуры, предоставлять которые общими усилиями может быть в интересах всех членов общества, например парки и музеи, театры и спортивные сооружения, — хотя есть убедительные доводы в пользу того, что они должны предоставляться местной властью, а не центральной. Далее, есть важный вопрос о безопасности, о защите от общих для всех рисков, где государство часто способно либо уменьшить эти риски, либо помочь людям принять соответствующие меры самостоятельно. Однако нужно провести различие между двумя концепциями защищенности: ограниченной защищенностью, которую можно обеспечить всем и которая поэтому не является привилегией, и абсолютной защищенностью, которую в свободном обществе всем предоставить невозможно. Первая из них — защищенность от острой материальной нужды, гарантия минимума средств к существованию; а вторая — гарантия определенного уровня жизни, который устанавливается в сравнении с уровнем жизни других людей или групп. Следовательно, здесь речь идет о различии между гарантированностью равного минимума дохода для каждого и гарантированностью конкретного уровня дохода, которого человек, по его мнению, заслуживает¹⁵. Последнее тесно связано с третьим главным притязанием, которое вдохновляет на создание социального государства: с желанием использовать полномочия государства, чтобы гарантировать более равномерное или более справедливое распределение благ. Поскольку это означает, что полномочия государства по осуществлению принуждения должны применяться так, чтобы гарантировать конкретным людям конкретные блага, оказывается необходимой определенная дискриминация и неравное обращение с разными людьми, что несовместимо со свободным обществом. Именно социальное государство такого типа стремится к «социальной справедливости» и занимается

---

¹⁵ Предыдущие фразы сознательно заимствованы, лишь с незначительными изменениями, из моей книги «Дорога к рабству», глава 9, где о том же предмете говорится более обстоятельно.

«прежде всего перераспределением доходов»¹⁶. Оно неизбежно ведет назад к социализму и использует его насильственные и по существу произвольные методы.

6. Хотя некоторые из целей социального государства достижимы только методами, враждебными свободе, все его цели можно преследовать такими методами. Сегодня главная опасность заключается в том, что стоит лишь признать какую-то цель государства оправданной, как тут же делается вывод, что для ее достижения могут быть правомерно использованы даже методы, несовместимые с принципами свободы. Прискорбно, но факт, что в большинстве сфер самый эффективный, надежный и быстрый путь достижения цели заключается в том, чтобы направить на способ решения, очевидный в данный момент, все доступные ресурсы. Амбициозные и нетерпеливые реформаторы, исполненные возмущения неким конкретным злом, не удовлетворяются ничем, кроме полного устранения этого зла самыми быстрыми и прямыми методами. Если нужно немедленно облегчить положение всех людей, страдающих от безработицы, болезней или малообеспеченной старости, здесь не обойтись меньшим, чем всеобъемлющая и принудительная схема. Но если, желая немедленно решить все эти проблемы, мы наделим государство эксклюзивными и монопольными полномочиями, то можем быстро обнаружить, что действовали недальновидно. Если быстрейший путь к очевидному в данный момент решению становится единственным допустимым, а все альтернативные экспериментальные подходы запрещены, и если то, что сегодня кажется лучшим методом удовлетворения нужды, превращается в единственный исходный пункт всего будущего развития, может статься, что нам удастся быстрее достичь поставленной цели, но при этом мы сделаем невозможным возникновение более действенных альтернативных решений. Часто именно те, кто больше всего стремится в полной мере использовать существующие знания и возможности, больше всего мешают будущему росту знаний — теми методами, которые используют. Контролируемое одноканальное развитие, к которому часто подталкивают реформаторов нетерпение и соображения административного удобства и которое, особенно в области социального страхования, стало характерным для современного социального государства, вполне может стать главной помехой для будущего развития.

Если государство хочет не просто способствовать тому, чтобы индивиды достигали определенных стандартов, но гарантировать, что их достигнут все, чтобы обеспечить это, ему придется лишить человека любых возможностей выбора в соответствующей сфере. В результате социальное государство превращается в государство-семью, в котором патерналистская власть контролирует большую часть доходов общины и распределяет средства

---

¹⁶ *Hansen A.H.* The Task of Promoting Economic Growth and Stability: Address to the National Planning Association, February 26, 1956 (mimeographed). [См.: *Idem.* Economic Issues of the 1960s. New York: McGraw-Hill, 1960. Passim; особенно гл. 5 и 6, с. 43–68. — *Ред.*]

между в людьми в тех формах и в тех количествах, в каких они, по его мнению, нуждаются или каких заслуживают.

Во многих областях можно выдвинуть убедительные аргументы, основанные на соображениях эффективности и экономии, в пользу того, чтобы государство взяло на себя всю ответственность за предоставление тех или иных услуг; но когда государство так и делает, в результате обычно не только все эти преимущества быстро оказываются иллюзорными, но и сам характер услуг делается совершенно иным, чем если бы их оказывали конкурирующие организации. Если вместо того, чтобы управлять ограниченными ресурсами, переданными в его распоряжение для оказания определенных услуг, государство использует свои полномочия по применению принуждения для того, чтобы гарантировать, что люди получают то, в чем, по мнению неких экспертов, они нуждаются; если люди вследствие этого не имеют возможности выбора в некоторых важнейших вопросах их жизни, таких как здоровье, занятость, жилье и средства к существованию в старости, но вынуждены принимать решения, сделанные на основе оценки их потребностей органами власти, назначенными для выполнения этой функции; если некоторые услуги оказываются исключительной монополией государства и целые профессии — будь то врачи, учителя или страховщики — могут существовать только в рамках единой бюрократической иерархии, то уже не конкурентное экспериментирование, а исключительно решения властей определяют, что именно получают люди¹⁷.

Те же причины, по которым нетерпеливый реформатор хочет организовать все эти услуги в форме государственной монополии, побуждают его поверить, что ответственные административные органы должны быть наделены дискреционной властью над индивидом. Если бы цель заключалась только в том, чтобы улучшить возможности каждого, предоставив в соответствии с правилами некие конкретные услуги, этого можно было бы достичь, по существу, в режиме обычного бизнеса. Но тогда мы не могли бы быть уверены, что для каждого индивида результаты будут именно такими, как мы хотим. Если же воздействие на каждого должно оказываться неким особым образом, то не поможет ничто, кроме индивидуализированного, патерналистского воздействия со стороны наделенных дискреционными

---

¹⁷ См.: «Если бы дороги, банки, страхование, большие акционерные предприятия, университеты, благотворительные учреждения, если бы все это было делом правительственным и вдобавок к этому если бы муниципальные корпорации и местные учреждения, со всеми теперешними их атрибутами, были простыми органами центральной администрации, которые заведовались бы чиновниками по назначению и на жаловании от правительства, то при таких условиях свобода исчезла бы и вообще свободные учреждения, как у нас, в Англии, так и во всякой стране, могли бы существовать только номинально, — и зло от такого порядка вещей было бы тем более, чем с большим искусством и с большим знанием дела была бы устроена административная машина и чем способнее были бы те руки и те головы, с помощью которых она работала бы» (*Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 99–100 [Милль Дж.С. О свободе // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 347]*).

полномочиями органов, имеющих право осуществлять дискриминацию между людьми.

Было бы чистой иллюзией полагать, что, когда определенные нужды граждан станут исключительно заботой единого бюрократического механизма, демократический контроль над этой машиной сможет эффективно оградить свободу гражданина. Что касается сохранения личной свободы, то разделение труда между законодателями, которые просто говорят, что должно быть сделано то или это¹⁸, и административным аппаратом, получающим исключительные полномочия на выполнение этих инструкций, — самый опасный из всех возможных подходов. Вся практика подтверждает то, что «стало ясным как из американского, так и из английского опыта, [а именно] что под влиянием ревностного стремления административных органов достичь поставленной перед ними ближайшей цели они перестают четко понимать собственные функции и действуют исходя из того, что конституционные ограничения и гарантированные индивидуальные права должны отступить перед их рьяными усилиями добиться того, что им представляется главной целью правительства»¹⁹.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что сегодня величайшая опасность исходит от людей, более всего нужных современному государству и имеющих в нем самое большое влияние, а именно от эффективных администраторов-экспертов, всецело поглощенных тем, что они считают общественным благом. Теоретики могут и дальше говорить о демократическом контроле над административной деятельностью, но каждый, кто непосредственно знаком с этим вопросом, согласится, что, как недавно написал один английский автор, «если контроль со стороны министра... стал мифом, то парламентский контроль всегда был и остается волшебной сказкой»²⁰. Такого рода управление благосостоянием народа неизбежно должно привести к созданию самовольно действующего и неконтролируемого аппарата, перед которым индивид совершенно беспомощен и который чем дальше, тем больше окружен мистикой суверенной власти — в немецкой традиции *Hoheitsverwaltung* [суверенного правления (*нем.*)] или *Herrschaftsstaat*

---

¹⁸ См.: «Итак, мы находим, что законодательство... все больше и больше принимает характер политических деклараций, по поводу которых существует надежда, что однажды они будут реализованы» (*Marshall T.H. Citizenship and Social Class. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. P. 59*).

¹⁹ *Pound R. The Rise of the Service State and Its Consequences // The Welfare State and the National Welfare: A Symposium on Some of the Threatening Tendencies of our Times / Ed. by S. Glueck. Cambridge, MA: Addison-Wesley Press, 1952. P. 226.*

²⁰ *Wiles P. Property and Equality // The Unserved State: Essays in Liberty and Welfare / Ed. by G. Watson. London: Allen and Unwin, 1957. P. 107.* См. также утверждение, содержащееся в брошюре консервативной партии: *Rule of Law: A Study. London: Conservative Political Centre, 1955. P. 20*, получившее поддержку «комитета Фрэнкса» (*Franks Committee*): «Какова бы ни была теоретическая обоснованность этого аргумента, те из нас, кто является членом парламента, могут без колебаний заявить, что это имеет мало отношения к реальности. У парламента нет ни времени, ни знаний, чтобы надзирать за министром и призывать его к ответу за его административные решения» (*Report of the Committee on Administrative Tribunals and Enquiries, Presented by the Lord High Chancellor to Parliament by Command of Her Majesty, chaired by Sir Oliver Franks. Cmd. 218. London: Her Majesty's Stationary Office, 1957. P. 60. Par. 273*).

[верховенства государства (*нем.*)], — которая была настолько незнакома англосаксам, что для передачи ее смысла пришлось придумать странный термин «гегемония»²¹.

7. Цель последующих глав не изложение полной программы экономической политики свободного общества. Нас будут интересовать главным образом те сравнительно новые устремления, место которых в свободном обществе до сих пор неясно, относительно которых наши позиции пока еще мечутся между крайностями и где особенно остро проявляется потребность в принципах, которые помогут нам отделить хорошее от плохого. Мы выберем преимущественно те проблемы, которые представляются особенно важными, если мы хотим уберечь некоторые из наиболее умеренных и правомерных целей от дискредитации — а ведь чрезмерно амбициозные усилия социального государства могут дискредитировать всю его деятельность.

Некоторые составляющие государственной деятельности крайне важны для сохранения свободного общества, но здесь у нас нет возможности для их адекватного анализа. Прежде всего, нам придется оставить в стороне весь комплекс проблем, возникающих в международных отношениях, — не только потому, что любая серьезная попытка рассмотреть эти вопросы непомерно увеличит эту книгу, но и потому, что для того, чтобы адекватно о них говорить, нам потребуются иные философские основания, чем те, что мы смогли здесь представить. Вероятно, удовлетворительного решения этих проблем не найти, пока мы вынуждены принимать в качестве безусловной реальности международного порядка исторически сложившиеся образования, известные как суверенные страны. А вопрос о том, каким группам нам следовало бы доверить различные полномочия публичной власти, если бы у нас был выбор, слишком труден, чтобы на него можно было ответить коротко. Моральные основания для верховенства закона на международной арене пока еще, по-видимому, совершенно отсутствуют, и мы могли бы утратить все преимущества, которые оно привносит в отношения внутри стран, если бы мы сегодня доверили какие-либо из новых государственных полномочий наднациональным организациям. Скажу лишь, что пока мы не научились действительно ограничивать власть всего государства и распределять соответствующие полномочия между уровнями власти, нам доступны только паллиативные решения проблем международных отношений. Следует также сказать, что недавние тенденции в национальной политике делают международные проблемы намного более трудными, чем они были в XIX веке²². Я хотел бы добавить здесь еще собственное мнение, что пока свобода индивида не будет защищена существенно более надежно,

---

²¹ См.: *Mises L. von. Human Action*. New Haven: Yale University Press, 1949. P. 195–199

[*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005. С. 185 и далее].

²² Ср.: *Robbins L. Economic Planning and International Order*. London: Macmillan, 1937.

чем ныне, создание мирового государства, вероятно, будет представлять более серьезную опасность для будущего цивилизации, чем даже война²³.

Проблема централизации или децентрализации функций публичной власти вряд ли менее важна, чем проблема международных отношений. Несмотря на ее традиционную связь с большинством вопросов, которые мы будем обсуждать, мы не сможем систематически ее рассмотреть. Сторонники усиления власти государства всегда поддерживали ее максимальную концентрацию, тогда как те, кто в первую очередь заботился об индивидуальной свободе, в целом поддерживали децентрализацию. Есть серьезные основания считать, что там, где частная инициатива не может обеспечить предоставление определенных услуг, а потому необходимо некое коллективное действие, наилучшим решением будет деятельность местной власти, потому что у нее есть многие из преимуществ частного предприятия и с ней связано меньше опасностей, чем с осуществлением принуждения центральным правительством. Конкуренция между местными властями или между крупными образованиями в рамках территории, на которой действует свобода передвижения, в значительной мере предоставляет ту возможность для экспериментирования с альтернативными методами, из которой проистекает большая часть преимуществ свободного роста. Хотя большинство индивидов, возможно, никогда и не помышляют изменить место жительства, обычно всегда находится достаточно людей, особенно среди молодых и более предприимчивых, чтобы местные власти столкнулись с необходимостью предоставлять столь же хорошие услуги и со столь же разумными издержками, как их конкуренты²⁴. Тенденции к централизации обычно находят поддержку у авторитарных планировщиков, которых прежде всего интересуют единообразие, эффективность государственного управления и административное удобство, и в этом их решительно поддерживают более бедные слои, образующие большинство, которых привлекает возможность заполучить часть ресурсов более богатых регионов.

8. Есть еще ряд важных проблем экономической политики, которые мы можем затронуть только мимоходом. Никто не будет отрицать, что экономическая стабильность и предотвращение серьезных депрессий отчасти зависят от действий государства. Мы рассмотрим эту проблему с точки зрения политики занятости и денежной политики. Систематический обзор завел бы нас в технически сложные и дискуссионные вопросы экономической теории, где, в силу моей специализации в этой области, мне пришлось бы занять позицию, в основном не связанную с принципами, обсуждаемыми в этой книге.

---

²³ Cp.: *Berns W.F.* The Case against World Government // *Readings in World Politics* / 3rd ed. Chicago: American Foundation for Political Education, 1955. Vol. 3. P. 62–75.

²⁴ См.: *Stigler G.* The Tenable Range of Functions of Local Government (unpublished lecture, 1957) [mimeographed] [См.: *Stigler G.* The Tenable Range of Functions of Local Government // *Federal Expenditure Policy for Economic Growth and Stability*. Washington, DC; Joint Economic Committee, 1957. P. 213–219. — *Ред.*].

Аналогично, субсидирование тех или иных видов деятельности из средств, получаемых за счет налогов, которое нам придется рассмотреть в связи с политикой в области жилищного строительства, сельского хозяйства и образования, поднимает проблемы более общего характера. Мы не можем просто отмахнуться от них, сказав, что не должно быть вообще никаких государственных субсидий, поскольку в ряде областей, бесспорно относящихся к компетенции государства, таких как оборона, они, вероятно, лучший и наименее опасный метод стимулирования необходимого развития, и часто это более предпочтительно, чем полная передача той или иной сферы деятельности государству. Вероятно, в связи с субсидиями может быть установлен только один общий принцип, состоящий в том, что их обоснованием должны быть не интересы непосредственных получателей (будь то потребители или производители субсидируемых благ), а только общие выгоды, которые достанутся всем гражданам, — то есть общее благосостояние в истинном смысле слова. Субсидии служат правомерным инструментом политики не в качестве средства перераспределения дохода, а только в качестве средства использования рынка для предоставления услуг, которые не могут быть ограничены кругом тех, кто платит за них в индивидуальном порядке.

Пожалуй, самым заметным пробелом в обзоре, который следует ниже, является отсутствие систематического обсуждения производственной монополии. Тщательно все обдумав, мы исключили этот предмет, потому что он не обладает той важностью, которую ему обычно приписывают²⁵. Для либералов антимонопольная политика обычно была главным объектом их реформаторского пыла. Боюсь, я и сам в прошлом использовал тактический аргумент, что нам не удастся обуздать силу принуждения со стороны профсоюзов, если мы одновременно не будем атаковать производственные монополии. Но со временем я пришел к убеждению, что было бы лицемерием представлять существующие монополии в области труда и в области производства так, будто они одинаковы. Это не означает, что я разделяю позицию ряда авторов²⁶, для которых производственная монополия в некоторых отношениях есть явление благотворное и желательное. Мне, как и пятнадцать лет назад²⁷, все еще кажется, что было бы неплохо, если бы монополист исполнял для экономической политики роль мальчика для битья, и я признаю, что в США законодательству удалось создать общественное мнение, неблагоприятное для монополий. В той мере, в какой обеспечение общих правил (таких, как запрет на дискриминацию) способно обуздать монопольную власть, оно вполне благотворно. Но добиться

---

²⁵ См. всеобъемлющее обсуждение этих проблем в монографии моего друга Фрица Махлупа: *Machlup F. The Political Economy of Monopoly*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1952.

²⁶ См. в особенности: *Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper and Brothers, 1942. Ch. 7. P. 81–86 [*Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо, 2008. Гл. 7. С. 574–588].

²⁷ *Hayek F.A. The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press, 1944. Ch. 4. P. 43–55 [*Хайек Ф.А. Дорога к рабству*. М.: Новое издательство, 2005. Гл. 4. С. 65–75].

эффекта в этой области можно только постепенным совершенствованием наших законов о корпорациях, патентах и налогообложении, а об этих вещах вряд ли можно сказать коротко что-либо содержательное. Тем не менее я все более сомневаюсь в благотворном характере каких бы то ни было дискреционных действий государства против отдельных монополий, и меня серьезно тревожит произвольный характер политики, нацеленной на ограничение размера отдельных предприятий. И когда в результате такой политики создается ситуация, в которой крупные фирмы боятся в ходе конкурентной борьбы понижать цены, чтобы не быть обвиненными в нарушении антитрестовского законодательства, — как иногда происходит в США, — все это становится просто абсурдом.

В нынешней политике отсутствует осознание того, что вред приносят не монополии и не величина предприятий, а только препятствия для входа в отрасль производства или деятельности, а также некоторые другие монополистические практики. Монополия определенно нежелательна, но только в том же самом смысле, в каком нежелательна любая нехватка чего-либо; и ни в том, ни в другом случае это не означает, что мы в силах избежать этого состояния²⁸. Один из малоприятных фактов жизни заключается в том, что определенные виды производственных ресурсов (а также определенные преимущества и традиции конкретных организаций) не поддаются копированию, а также и в том, что некоторые блага редки. Нет никакого смысла пренебрегать этим фактом и пытаться создавать такие условия, которые имели бы место, «если бы» конкуренция была эффективна. Закон может эффективно запретить только некие действия, но не положение дел. Мы можем надеяться только на то, что всякий раз, когда конкуренция снова становится возможной, никому не будут мешать воспользоваться этой возможностью. Когда монополия опирается на искусственно созданные

---

²⁸ См.: «Публика имеет самые преувеличенные представления о тех масштабах, в которых монополия является вредной, и о возможности избавиться от этого зла, а все разговоры об их „упразднении“ есть просто-напросто невежество или безответственность. Не существует четкого разграничения между оправданной и необходимой прибылью и монополистической прибылью, на основании которого можно было бы предпринять какие-либо действия. Каждый врач или художник, имеющий хорошую репутацию, обладает монополией, и закон целенаправленно предоставляет монопольные права, чтобы поощрять изобретения и другие виды творческой деятельности. И наконец, большинство монополий действуют точно так же, как „патенты“ и тому подобное: они временные и в основном уравниваются убытками. Более того, безоговорочно худшими монополистическими ограничениями являются те, которые организуются наемными работниками и фермерами при потворстве или прямой помощи государства и при общем одобрении публики» (*Knight F.H. Conflict of Values: Freedom and Justice // Goals of Economic Life / Ed. by A. Dudley Ward. New York: Harper and Brothers, 1953. P. 224–225*). См. также более раннее высказывание того же автора: «Необходимо заявить, что распространенное в общественном мнении представление о роли „монополий“ в реальной экономической жизни чудовищно преувеличено и что значительная часть настоящих монополий, особенно самых вредных, существует благодаря деятельности государства. В целом (и особенно в период „Нового курса“ в США) оно если не прямо порождало монополии, то действовало главным образом так, чтобы помогать им, а вовсе не создавало и не поддерживало своими санкциями условия для рыночной конкуренции. На деле конкуренция означает просто свободу индивида „заключать сделки“ со всеми и каждым другим индивидом в отдельности и выбирать наилучшие для себя условия из всех предложенных» (*Idem. The Meaning of Freedom // Ethics. 1941–1942. Vol. 52. P. 103*).

препятствия для входа на рынок, есть все основания от них избавиться. Есть также веские основания для запрета ценовой дискриминации в той степени, в какой это осуществимо с помощью общих правил. Но достижения государства в этой области настолько ничтожны, что просто поразительно, как можно до сих пор рассчитывать, что наделение правительства дискреционными полномочиями даст что-нибудь помимо увеличения этих препятствий. Опыт всех стран доказал, что дискреционные методы регулирования монополий вскоре начинают использоваться для того, чтобы разделять монополии на «хорошие» и «плохие», и что власти всегда больше озабочены защитой якобы хороших, чем недопущением плохих. Я сомневаюсь в существовании «хороших» монополий, заслуживающих защиты. Но всегда будут неизбежно существовать монополии, изначально временный и эфемерный характер которых нередко делается постоянным благодаря заботе правительства.

Но хотя мало чего можно ждать от тех или иных специальных действий правительства против производственных монополий, совершенно иная ситуация имеет место там, где государства сознательно поощряли рост монополий и даже отказались от выполнения главной функции государства, предотвращения принуждения, поскольку освободили их от соблюдения общих норм закона, как они это долгое время делали в области трудовых отношений. Печально, что в демократии после периода, когда были популярны меры в пользу отдельной группы, аргументация против привилегий оказывается аргументацией против групп, которые в недавнем прошлом пользовались особой благосклонностью общества, потому что, как тогда считалось, они нуждаются в особой помощи и заслуживают ее. Однако не может быть сомнений, что основные положения принципа верховенства закона нигде в последнее время не нарушались столь всеобъемлюще и с такими серьезными последствиями, как в случае профессиональных союзов. Поэтому политика в отношении к ним будет первой важной проблемой, которую мы рассмотрим.

Профсоюзы и занятость

Государство, долгое время враждебное к другим монополиям, неожиданно стало покровителем и защитником трудовых монополий, с которыми демократия не может смириться, которые она не в состоянии контролировать, не разрушая их, и, вероятно, не сможет разрушить, не разрушив саму себя.

— Генри К. Саймонс

1. Государственная политика в отношении профсоюзов чуть более чем за столетие перешла от одной крайности к другой. Если раньше почти всё, что делали профсоюзы, если они не были вообще запрещены, было незаконным, то теперь они превратились в крайне привилегированные организации, к которым неприменимы общие нормы закона. Ситуация с профсоюзами — единственный важный случай, в котором государство очевидным образом воздерживается от выполнения своей главной функции — предотвращения принуждения и насилия.

Такому изменению очень способствовал тот факт, что профсоюзы изначально имели возможность апеллировать к общим принципам свободы¹, а впоследствии сумели сохранить поддержку либералов даже после того, как вся дискриминация против них прекратилась и они приобрели исключительные привилегии. Очень мало других примеров, когда прогрессисты обнаруживали подобное нежелание обсуждать разумность отдельных мер,

---

— *Simons H.C. Hansen on Fiscal Policy* // *Journal of Political Economy*. 1942. Vol. 50. P. 171; переиздано: *Idem. Economic Policy for a Free Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 193.

¹ Включая самых «ортодоксальных» политэкономов, которые неизменно поддерживали свободу объединений. См., в частности, обсуждение: *McCulloch J.R. Treatise on the Circumstances Which Determine the Rate of Wages and the Constitution of the Labouring Classes*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1851. P. 79–89, где подчеркивается добровольность объединений. Искерпывающее изложение позиции классических либералов по соответствующим правовым проблемам см.: *Bamberger L. Die Arbeiterfrage unter dem Gesichtspunkte des Vereinsrechtes*. Stuttgart: J.R. Cotta, 1873.

а интересовались в основном лишь, «за профсоюзы или против них» направлена эта мера или, как обычно говорится, «за рабочих или против»². Но даже самого беглого взгляда на историю профсоюзов достаточно, чтобы понять, что разумная позиция должна лежать где-то между крайностями, которыми отмечена их эволюция.

Тем не менее большинство людей имеют настолько слабое представление о происходящем, что до сих пор поддерживают притязания профсоюзов, полагая, что тем самым борются за «свободу объединений», тогда как это выражение давно уже утратило всякий смысл и на деле речь уже идет о праве отдельного человека вступать или не вступать в профсоюз. Эта путаница порождена отчасти той быстротой, с какой изменился характер проблемы; во многих странах добровольные объединения рабочих были узаконены только тогда, когда они начали использовать принуждение, чтобы загонять в свои ряды тех, кто туда не стремился, и не допускать до работы всех, не вступивших в профсоюз. Большинство людей, вероятно, до сих пор верят, что выражение «трудовые конфликты» обычно обозначает несогласие по поводу вознаграждения и условий труда, тогда как часто единственной их причиной бывает стремление профсоюза загнать в свои ряды даже тех рабочих, которые этого не хотят.

Самый впечатляющий пример того, как профсоюзы получили свои привилегии, — Великобритания, где закон 1906 года о трудовых спорах предоставил «профессиональным союзам освобождение от гражданской ответственности даже за самые чудовищные правонарушения, совершенные союзом или его служащим, и, по сути дела, наделил каждый профсоюз привилегией и защитой, которых не имеет ни одно другое лицо или группа лиц, обладающая или не обладающая правами юридического лица»³.

---

² Характерно в этом отношении то, как описывает «либеральный» подход к профсоюзам Чарльз Миллз: «Многими либералами руководит некий внутренний голос, который напечтывает: „Я не буду критиковать профсоюзы и их лидеров. Здесь я провел черту“. Они, должно быть, ощущают, что это отличает их от подавляющего большинства республиканцев и правых демократов, это делает их левыми и социально чистыми» (*Mills C.W. The New Men of Power: America's Labor Leaders*. New York: Harcourt, Brace, 1948. P. 21).

³ *Dacey A.V. Introduction // Idem. Law and Opinion* / 2nd ed. P. xlv–xlvii. Далее Дэйси говорит, что закон «сделал профсоюз привилегированной организацией, освобожденной от соблюдения обычных законов страны. Подобной привилегированной организации английский парламент никогда прежде не создавал целенаправленным актом, [и этим] он ввел рабочих в роковое заблуждение, что рабочие должны стремиться к достижению не равенства, а привилегий». См. также сказанное об этом законе через тридцать лет: «Сегодня нам не так-то просто представить, какое ошеломляющее впечатление произвела эта мера на людей, которые все еще верили в государство и правовую систему, построенную вокруг института частной собственности. Ведь такие меры, как ослабление ответственности за сговор в применении к мирному пикетированию — что практически означало легализацию действий профсоюзов, несущих в себе угрозу применения силы, — и освобождение профсоюзной кассы от ответственности за приносимый ущерб — что практически означало законодательное признание того факта, что профсоюзы всегда правы, — фактически передавали профсоюзам часть полномочий государства и ставили их в привилегированное положение, чему не могло помешать формальное распространение освобождения от ответственности за ущерб также и на работодателей» (*Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper and Brothers, 1942, P. 321, n. 4 [*Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо, 2008. С. 725. Примечание 4]). Еще позднее о том же законе высказался главный судья Северной Ирландии: «Одним словом, он поставил профсоюзы в то же при-

Столь же дружелюбное законодательство улучшило положение профсоюзов в США, где сначала закон Клейтона от 1914 года освободил их от антимонопольных положений закона Шермана, затем закон Норриса-Лаггардии от 1932 года «дал профсоюзам практически полное освобождение от ответственности за причиненный ущерб»⁴ и, наконец, Верховный суд принял ключевое решение и поддержал «притязание профсоюзов на право отказать работодателю в участии в экономической жизни»⁵. К 1920-м годам более или менее такая же ситуация — «не столько в результате явных законодательных решений, сколько в силу молчаливой терпимости к такой практике со стороны властей и суда»⁶ — сложилась в большинстве европейских стран. Легализация профсоюзов везде была истолкована как легализация их главной цели и как признание их права делать все необходимое для достижения этой цели, а именно монополии. Они все больше и больше воспринимались не как группа, преследующая законные эгоистичные цели, которую, как и всякую другую, надо сдерживать конкуренцией со стороны других групп интересов, имеющих равные права, но как группа, чью цель — всеобъемлющее и полное объединение всех трудящихся в профсоюзные организации — надо поддерживать как общественное благо⁷.

Хотя в недавнем прошлом вопиющие злоупотребления профсоюзов часто шокировали общественное мнение, а не критичное отношение и симпатии к профсоюзам сейчас на спаде, публика явно еще не осознала, что их нынешнее правовое положение в корне неправильно и что полномочия, присвоенные профсоюзами, серьезно угрожают самим основам нашего свободного общества. Мы не будем здесь говорить о криминальных злоупотреблениях властью профсоюзов, которые привлекают столь большое внимание в США, хотя нельзя сказать, что все это не имеет совсем уж никакого отношения к привилегиям, которыми профсоюзы пользуются по закону. Нас здесь интересует исключительно та власть, которая принадлежит профсоюзам либо на законном основании, либо в силу молчаливого

вилегированное положение, которым раньше пользовалась корона — пока десять лет назад это не изменилось — в отношении неправомерных действий, совершенных от ее имени» (*MacDermott J.C.* Protection from Power under English Law. London: Stevens, 1957. P. 174).

⁴ *Pound R.* Legal Immunities of Labor Unions. Washington, DC: American Enterprise Association, 1957. P. 23; переиздано: *Chamberlin E.H. et al.* Labor Unions and Public Policy. Washington, DC: American Enterprise institute for Public Policy Research, 1958.

⁵ Особое мнение судьи Джексона в процессе: *Hunt v. Crumboch*, 325 U.S. 821, at 831 (1944).

⁶ *Mises L. von.* Die Gemeinwirtschaft. Untersuchungen über den Sozialismus / 2nd ed. Jena: Verlag von Gustav Fisher, 1932. P. 447 [*Мизес Л. фон.* Социализм. Экономический и социологический анализ. Челябинск: Социум, 2016. С. 424].

⁷ Немногие либеральные сторонники профсоюзов рискнут прямо высказать очевидную истину, которую сформулировала смелая женщина, участвующая в британском рабочем движении, а именно что «дело профсоюза, на самом деле, и должно быть антиобщественным; у его членов будет законная причина для недовольства, если его руководители и комитеты перестанут ставить на первое место их групповые интересы» (*Wootton B.* Freedom under Planning. London: Allen and Unwin, 1945. P. 97). О вопиющих злоупотреблениях профсоюзов в США, о которых я больше не буду говорить здесь, см.: *Petro S.* Power Unlimited: The Corruption of Union Leadership; A Report on the McClellan Committee Hearings. New York: Ronald Press, 1959.

попустительства со стороны органов власти, занимающихся правоприменением. Наша аргументация не направлена против профсоюзов как таковых; не ограничивается она и теми их действиями, которые ныне повсеместно признаны злоупотреблениями. Но мы сосредоточим внимание на ряде их полномочий, которые сегодня признаны легитимными, едва ли не их «священными правами». Нашу аргументацию скорее усиливает, чем ослабляет тот факт, что профсоюзы часто не очень-то рвались их использовать. Мы не можем себе позволить и дальше терпеть нынешнее положение вещей именно потому, что в существующей правовой ситуации профсоюзы могли бы принести бесконечно больше вреда, чем они приносят, и только благодаря умеренности и здравому смыслу многих профсоюзных лидеров наша ситуация не такая плохая, как могла бы быть⁸.

---

⁸ В этой главе больше, чем почти в любой другой, я смогу опереться на совокупность мнений, постепенно формирующихся у вдумчивых исследователей этой темы, которых становится все больше, — на мнения тех, кто в силу происхождения и интересов не меньше сочувствует подлинным нуждам рабочих, чем те, кто в прошлом был воинствующим противником профсоюзных привилегий. См. в частности: *Hutt W.H.* The Theory of Collective Bargaining: A History, Analysis and Criticism of the Principal Theories Which Have Sought to Explain the Effects of Trade Unions and Employers Associations Upon the Distribution of the Product of Industry. London: P.S. King, 1930; *Idem.* Economists and the Public: A Study of Competition and Opinion. London: Jonathan Cape, 1936; *Simons H.C.* Some Reflections on Syndicalism // *Journal of Political Economy*. 1944. Vol. 52. P. 1–25; эта статья вошла в сборник: *Idem.* Economic Policy for a Free Society. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 121–159; *Dunlop J.T.* Wage Determination under Trade Unions. New York: Macmillan, 1944; Economic Institute on Wage Determination and the Economics of Liberalism / Chamber of Commerce. Washington, DC: Chamber of Commerce of the United States, 1947, особенно статьи Джейкоба Винера (*Viner J.* The Role of Costs in a System of Economic Liberalism. P. 15–33) и Фрица Махлупа (*Machlup F.* Monopolistic Wage Determination as a Part of the General Problem of Monopoly. P. 49–82); *Wolman L.* Industry-wide Bargaining. Irvington-on-Hudson, NY: Foundation for Economic Education, 1948; *Lindblom C.E.* Unions and Capitalism. New Haven: Yale University Press, 1949 (см. рецензии на эту книгу: *Director A.* Book Review of “Unions and Capitalism” // *University of Chicago Law Review*. 1950. Vol. 18. P. 164–167; *Dunlop J.T.* Review of “Unions and Capitalism” // *American Economic Review*. 1950. Vol. 40. P. 463–468; *Rees A.* Labor Unions and the Price System // *Journal of Political Economy*. 1950. Vol. 58. P. 254–263); The Impact of the Union: Eight Economic Theorists Evaluate the Labor Union Movement / Ed. by D.M. Wright. New York: Harcourt, Brace, 1951, особенно статьи Милтона Фридмана (*Friedman M.* Some Comments on the Significance of Labor Unions for Economic Policy. P. 204–234) и Готтфрида Хаберлера (*Haberler G.* Wage Policy, Employment, and Economic Stability. P. 34–62); *Machlup F.* The Political Economy of Monopoly: Business, Labor, and Government Policies. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1952; *Richberg D.R.* Labor Union Monopoly: A Clear and Present Danger. Chicago: H. Regnery Co., 1957; *Petro S.* The Labor Policy of the Free Society. New York: Ronald Press, 1957; *Roberts B.C.* Trade Unions in a Free Society. London, Institute of Economic Affairs, 1959; *Davenport J.* Labor Unions in the Free Society // *Fortune*. April 1959. P. 132–134, 204, 206, 211–212; *Idem.* Labor and the Law // *Fortune*. May 1959. P. 142–143, 237–238, 240, 242, 246. См. также: *Chamberlin E.H.* The Economic Analysis of Labor Power. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1958; *Bradley P.D.* Involuntary Participation in Unionism. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1956; *Reilley G.D.* State Rights and the Law of Labor Relations. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1955. Все три вместе с работой Роско Паунда, которую я цитирую выше в примечании 4, переизданы в книге: *Chamberlin E.H. et al.* Labor Unions and Public Policy. Washington, DC: American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1958. Об общей теории заработной платы и пределах власти профсоюзов см. также: *Hicks J.R.* The Theory of Wages. London: Macmillan, 1932; *Strigl R. von.* Angewandte Lohntheorie: Untersuchungen über die wirtschaftlichen Grundlagen der Sozialpolitik. Leipzig: F. Deuticke, 1926; The Theory of Wage Determination, о которой говорилось выше.

2. Необходимо подчеркнуть, что принуждение, которое профсоюзам было разрешено применять вопреки всем принципам свободы в рамках закона, направлено прежде всего на других рабочих. Всякая подлинная возможность применять принуждение к работодателям — следствие первичной власти принуждать других рабочих; принуждение в отношении работодателей во многом утратит свой нежелательный характер, если отнять у профсоюзов это право силой загонять людей в свои ряды. Никто не оспаривает права рабочих на создание добровольных объединений и даже их права на согласованный отказ от работы. Впрочем, следует сказать, что хотя последнее — право на забастовку — и является нормальным правом, но вряд ли оно может рассматриваться как неотчуждаемое. Есть достаточные основания для того, чтобы в некоторых случаях частью договора о найме был отказ рабочего от этого права, иными словами, чтобы в некоторых случаях трудовой договор включал долгосрочное обязательство со стороны рабочих, делающее незаконной любую согласованную попытку нарушить этот договор.

Нужно признать, что профсоюз, эффективно контролирующий всех потенциальных рабочих какой-то фирмы или отрасли, может оказывать на нанимателя почти неограниченное давление, а уже если был вложен большой капитал в специализированное оборудование, такой профсоюз может фактически экспроприировать владельца и распоряжаться почти всем доходом на капитал предприятия⁹. Однако решающее значение здесь имеет то, что подобные действия не могут отвечать интересам всех рабочих — не считая маловероятного случая, когда общая выгода от них поровну делится между всеми, как работающими, так и безработными — и что профсоюз, следовательно, может достичь своей цели лишь принуждая некоторых рабочих вопреки их собственным интересам принять участие в такой совместной акции.

Причина состоит в том, что рабочие могут поднять величину реальной заработной платы выше уровня, который установился бы на свободном рынке, только путем ограничения предложения труда, то есть удаления с рынка части рабочих. Поэтому интерес тех, кто получит работу на условиях более высокой заработной платы, всегда противоположен интересу тех, кому в результате либо достанется менее оплачиваемая работа, либо не достанется никакой работы вообще.

Тот факт, что обычно профсоюзы сначала принуждают работодателя согласиться с определенным уровнем вознаграждения, а потом следят, чтобы тот никого не принимал на работу с более низкой зарплатой, мало что меняет. Фиксация заработной платы — столь же эффективное средство

---

⁹ См., в частности, работы Генри К. Саймонса и Уильяма Г. Хатта, ссылки на которые даны в предыдущем примечании. Даже если старый аргумент о необходимости «уравнять переговорные позиции» за счет создания профсоюзов возможно было раньше хоть немного обосновать, то сегодня — определенно нет: из-за роста масштабов и специализации инвестиций, с одной стороны, и повышения мобильности труда (благодаря автомобилям), с другой.

не допустить до работы тех, кто сможет найти работу только по более низкой ставке оплаты, как и любое другое. Здесь существенно то, что работодатель согласится на определенный уровень оплаты труда, только когда он знает, что у профсоюза есть возможность не допустить до работы всех остальных¹⁰. Общее правило такое: фиксация заработной платы (профсоюзами или властями) сделает ее выше, чем она была бы сама по себе, только если ее установят выше той, при которой все желающие будут трудоустроены.

Даже если профсоюзы исходят в своих действиях из противоположных представлений, нет никаких сомнений, что в долгосрочной перспективе они не в состоянии поднять реальную заработную плату для всех желающих работать выше того уровня, который установился бы на свободном рынке, — хотя они в состоянии добиваться увеличения уровня номинальной заработной платы, о последствиях чего мы поговорим позже. Успешная фиксация реальной заработной платы выше этого уровня может быть долговременной только при условии, что выгода от этого достанется лишь определенной группе — за счет всех остальных. Поэтому в выигрыше всегда оказывается только частный интерес, даже если он обеспечивается общей поддержкой. Это означает, что строго добровольные профсоюзы, поскольку их политика заработной платы не отвечает интересам всех рабочих, не могут долго рассчитывать на общую поддержку. Поэтому профсоюзы, не имеющие возможности принуждать тех, кто в них не состоит, не будут достаточно сильны, чтобы задираť заработную плату выше уровня, при котором работу смогут найти все желающие, то есть того уровня, который установился бы в общем случае на действительно свободном рынке труда.

Но хотя реальная заработная плата всех занятых может быть повышена усилиями профсоюзов лишь ценой безработицы, профсоюзам в отдельных отраслях или профессиях удастся увеличивать заработок своих членов, принуждая других заниматься хуже оплачиваемой деятельностью. Трудно сказать, насколько сильно из-за этого искажается структура заработной платы. Однако если вспомнить, что некоторые профсоюзы находят целесообразным использовать принуждение, чтобы предотвратить любой приток людей в свою профессию, а другие взимают высокую плату за вход (или даже резервируют рабочие места для детей своих членов), вряд ли можно сомневаться, что это искажение значительно. Важно отметить, что подобная политика может быть успешной только в относительно процветающих и высокооплачиваемых профессиях и что ее результатом является эксплуатация относительно бедных более благополучными. И хотя действия каждого отдельного профсоюза могут способствовать уменьшению различий в оплате труда его членов, нет сомнений, что, если говорить

---

¹⁰ Это следует особо подчеркнуть как контраргумент против утверждений Линдблома: *Lindblom C.E. Unions and Capitalism. New Haven: Yale University Press, 1949.*

об относительной величине заработной платы в крупных отраслях и профессиях, сегодня именно на профсоюзах лежит главная ответственность за неравенство, не выполняющее никакой полезной функции и возникающее исключительно в результате привилегии¹¹. Это означает, что результатом их деятельности непременно оказывается понижение производительности труда в целом и, соответственно, общего уровня реальной заработной платы; потому что, если с помощью профсоюзных акций удастся снизить число занятых на высокооплачиваемых рабочих местах и увеличить число тех, кто вынужден занимать менее доходные места, общая средняя величина неизбежно понижается. Действительно, более чем вероятно, что в странах, где профсоюзы очень сильны, общий уровень реальной заработной платы ниже, чем был бы в противном случае¹². Это справедливо для большинства стран Европы, где профсоюзная политика подкрепляется ограничительными практиками, связанными с созданием искусственной занятости.

Если многие все еще принимают за очевидное и непреложное, что фактический рост общего уровня заработной платы происходит благодаря профсоюзам, то лишь вопреки однозначным выводам теоретического анализа — и вопреки эмпирическим данным, свидетельствующим об обратном. Реальная заработная плата часто росла гораздо быстрее, когда профсоюзы были слабы, а не сильны; более того, даже рост в отдельных профессиях и отраслях, где не было профсоюзов, часто был намного более быстрым, чем в столь же процветающих, но юнионизированных отраслях¹³. Общее впечатление, будто все происходит наоборот, отчасти объясняется тем, что о росте заработной платы обычно объявляется по завершении переговоров профсоюза с работодателем, и возникает впечатление, что только так все и может происходить¹⁴, а еще больше тем, что, как мы увидим далее, деятельность профсоюзов ведет к тому, что рост денежной заработной платы постоянно обгоняет рост реальной заработной платы. Такой рост денежной заработной платы может происходить, не сопровождаясь ростом безработицы, только потому, что он регулярно нейтрализуется инфляцией — причем только так и может быть, если ставится цель поддерживать полную занятость.

---

¹¹ Эдвард Чемберлин справедливо подчеркивает: «Несомненно, одним из результатов политики профсоюзов... является дальнейшее уменьшение реальных доходов групп с действительно низкими доходами, включая не только низкооплачиваемых наемных работников, но и такие элементы общества, как „самозанятые“ и владельцы малых предприятий» (*Chamberlin E.N. The Economic Analysis of Labor Union Power. Washington, DC, 1958. P. 4–5.*)

¹² См. два исследования Фрида Махлупа, ссылки на которые приведены в примечании 8: *Machlup F. Monopolistic Wage Determination as a Part of the General Problem of Monopoly; Idem. The Political Economy of Monopoly.*

¹³ Наглядным примером этого в последнее время является работа домашней прислуги — сфера, примечательная отсутствием профсоюзной организации; здесь среднегодовая заработная плата, как указывает Милтон Фридман, в США в 1947 году была в 2,72 раза выше, чем в 1939 году, тогда как в полностью юнионизированной сталелитейной промышленности за тот же период зарплата выросла только в 1,98 раза (*Friedman M. Some Comments on the Significance of Labor Unions for Economic Policy // The Impact of the Union: Eight Economic Theorists Evaluate the Labor Union Movement. P. 224.*)

¹⁴ См.: *Bradley P.D. Involuntary Participation in Unionism. Washington, DC, 1956.*

3. Хотя своей политикой в области заработной платы профсоюзы на деле достигают намного меньшего, чем это принято думать, их активность в этой области экономически очень вредна, а политически чрезвычайно опасна. Они используют свою силу так, что делают рыночную систему неэффективной и в то же время контролируют направление экономической деятельности — такой контроль был бы опасен в руках государства, но совершенно недопустим, когда его осуществляет частная группа. Профсоюзы достигают этого, влияя на относительную величину заработной платы различных групп рабочих и постоянно повышая давление на уровень денежной заработной платы, что неизбежно имеет инфляционные последствия.

Влияние на относительную величину заработной платы состоит в повышении ее единообразия и жесткости внутри каждой контролируемой профсоюзом группы и в возрастании функционально неоправданных различий в заработной плате между разными группами. Это сопровождается ограничением мобильности труда, что является либо результатом, либо причиной этих особенностей формирования заработной платы. Можно лишний раз не повторять, что при этом отдельные группы могут выигрывать, но только производительность, а значит и доход рабочих в целом, будет понижаться. И можно лишний раз не подчеркивать, что из-за увеличения стабильности заработной платы отдельных групп рабочих, которое могут обеспечить профсоюзы, вероятно уменьшается стабильность занятости. Здесь важно, что случайные различия в силе профсоюзов в разных отраслях и профессиях ведут не только к экономически неоправданным большим различиям в оплате труда, но и к экономически невыгодным диспропорциям в развитии различных отраслей. Развитие социально значимых отраслей, таких как строительство, оказывается сильно затруднено только потому, что здесь у профсоюзов есть особые возможности для принудительных монополистических практик¹⁵. Поскольку профсоюзы наиболее сильны там, где инвестируется больше всего капитала, они становятся фактором, сдерживающим инвестиции, и в настоящее время их воздействие в этом отношении уступает только налогообложению. Наконец, часто именно монополистический профсоюз, находящийся в тайном сговоре с предпринятием, превращается в один из главных факторов монополистического контроля над отраслью.

Главная опасность юнионизма в том, что, реально монополизировав предложение различных видов труда, профсоюзы не дают конкуренции выступать эффективным регулятором аллокации всех ресурсов. Если же конкуренция перестает действовать как эффективный регулятор, ее место должны занять какие-то другие средства. Однако единственная альтернатива рынку — руководство, осуществляемое властями. Очевидно, что такое руководство нельзя оставить в руках отдельных профсоюзов с их

---

¹⁵ Ср.: *Sobotka S.P.* Union Influence on Wages: The Construction Industry // *Journal of Political Economy*. 1953. Vol. 61. P. 127–143.

узкогрупповыми интересами, но его не может адекватно осуществлять и объединенная организация всех трудящихся, поскольку тогда она станет не только самой большой силой в государстве, но и силой, полностью контролирующей государство. Тем не менее современный юнионизм имеет склонность создавать ту самую систему общего социалистического планирования, которую хотят лишь немногие профсоюзы и которой им, в их же собственных интересах, было бы лучше избежать.

4. Профсоюзы не могут достичь своих главных целей, пока они не получают полного контроля над предложением того вида труда, который они объединяют; а поскольку не все рабочие заинтересованы в подчинении такому контролю, некоторых из них принуждают действовать против своих интересов. До известной степени этого можно достичь с помощью чисто психологического и морального давления, внушая ложную идею, что профсоюзы выгодны всем рабочим. Там, где им удастся создать общее ощущение, что каждый рабочий должен, в интересах своего класса, поддерживать действия профсоюза, принуждение признают законным средством заставлять строптивых рабочих выполнять свой долг. В этом случае профсоюзы опираются на самый эффективный инструмент — миф о том, что только благодаря их усилиям уровень жизни рабочего класса увеличивался до сих пор с такой быстротой и что только благодаря их постоянным усилиям заработная плата и впредь будет расти с максимально возможной скоростью, — миф, в усердном культивировании которого профсоюзам обычно активно помогали их противники. Выйти из этого положения можно только с помощью более верной интерпретации фактов, а удастся ли этого достичь, зависит от того, насколько хорошо экономисты справятся со своей работой и преуспеют ли в просвещении общественного мнения.

Но хотя такое моральное давление, осуществляемое профсоюзами, может быть очень мощным, вряд ли, опираясь только на него, они были бы в силах причинять значительный ущерб. Профсоюзные лидеры несомненно согласны с исследователями этого аспекта юнионизма в том, что для достижения своих целей профсоюзы нуждаются в гораздо более надежных методах принуждения. Реальную власть профсоюзам дают те технологии принуждения, которые они развили, чтобы сделать членство в профсоюзах по сути дела обязательным, — так называемые «организационные действия» (organizational activities) (или, как говорят в США, «защищенность профсоюза» (union security) — забавный эвфемизм). Поскольку влияние действительно добровольных профсоюзов было бы ограничено тем, что отвечает общим интересам всех рабочих, им пришлось бы направить основные усилия на подчинение инакомыслящих своей воле.

Они никогда не достигли бы в этом успеха без поддержки сбитого с толку общественного мнения и без активной помощи государства. К сожалению, они в значительной мере сумели убедить публику, что полная юнионизация рабочих не только правомерна, но и отвечает интересам государственной политики. Однако сказать, что рабочие имеют право создавать

союзы, — не то же самое, что сказать, что профсоюзы имеют право существовать независимо от воли отдельных рабочих. Если бы рабочие не чувствовали необходимости создавать профсоюзы, это не только не было бы общественным бедствием, но было бы на самом деле крайне желательным состоянием дел. Однако тот факт, что естественная цель профсоюзов — привлечение под свою эгиду всех рабочих, был истолкован так, будто они должны получить право делать все, что считают необходимым для достижения этой цели. Аналогичным образом тот факт, что профсоюзы имеют законное право стремиться к повышению ставок заработной платы, был истолкован так, будто им должно быть позволено делать все, что они сочтут необходимым для успеха в этом деле. В частности, поскольку забастовки были признаны законным оружием профсоюзов, распространилось убеждение, что им должно быть позволено делать все, что необходимо для успеха забастовки. В общем, легализация профсоюзов стала означать, что надо признавать законными любые методы, которые они считают необходимыми для достижения своих целей.

Таким образом, сила профсоюзов опирается главным образом на использование методов, несовместимых с защитой частной сферы индивидов, — методов, которые были бы признаны недопустимыми, если бы речь шла о какой-нибудь другой цели. Прежде всего, профсоюзы полагаются — в гораздо большей степени, чем принято думать, — на использование пикетных заслонов как инструмента запугивания. То, что даже так называемое «мирное» пикетирование, когда оно носит массовый характер, является жестким принуждением и попустительством ему — привилегия, которую допускают только ради предположительно легитимной цели, доказывается тем, что оно может использоваться и используется людьми не из числа рабочих для того, чтобы принудить других к созданию профсоюза, который они смогут контролировать, а также может использоваться в чисто политических целях или чтобы дать выход злобе, направленной против непопулярного человека. Аура легитимности вокруг пикетирования, возникшая благодаря тому, что его цели часто одобряются, не может изменить того факта, что это — форма организованного давления на индивидов, осуществлять которое в свободном обществе не было бы разрешено никакой частной организации.

Следующий, после терпимости к пикетированию, важный фактор, позволяющий профсоюзам принуждать отдельных рабочих, — санкционирование судами и законодательством так называемых закрытых, или профсоюзных, цехов — предприятий, на которых могут работать только члены профсоюза. Это эквивалентно договорам об ограничении свободы торговли, и только исключение закрытых цехов из сферы действий обычных норм закона делает их законной целью «организационных действий» профсоюзов. Законодательство часто доходило не только до требования, чтобы договор, заключенный представителями большинства работников завода или отрасли, был действителен для любого рабочего, желающего получить выгоду от него, но чтобы он применялся ко всем работникам,

даже если бы они хотели и могли по отдельности договориться о другой комбинации выгод¹⁶. Как недопустимый метод принуждения следует рассматривать также все забастовки солидарности и бойкоты, которые используются не как инструмент давления в ходе переговоров о повышении заработной платы, а исключительно как средство принуждения других рабочих подчиняться политике профсоюза.

Более того, бóльшую часть этих приемов принуждения профсоюзы могут использовать только потому, что закон освободил группы рабочих от обычной юридической ответственности за совместные действия, разрешая им действовать либо без создания юридического лица, либо формально выводя их организации из-под действия общих правил, применимых к юридическим лицам. Нет необходимости по отдельности рассматривать все другие аспекты деятельности современных профсоюзов, такие как заключение коллективных договоров для всей отрасли или страны (и это только один пример). Все это может быть реализовано только благодаря вышеупомянутым практикам и почти наверняка исчезнет, как только будут отменены главные из полномочий профсоюзов по осуществлению принуждения¹⁷.

5. Вряд ли можно отрицать, что сегодня главная цель профсоюзов состоит в увеличении заработной платы с помощью принуждения. Тем не менее даже если бы это было их единственной целью, закон о запрете профсоюзов не мог бы быть оправдан. В свободном обществе приходится терпеть много нежелательного, если этому нельзя воспрепятствовать без обращения к дискриминационному законодательству. Но даже сегодня контроль над заработной платой не единственная функция профсоюзов; и они несомненно способны оказывать услуги не только не вызывающие возражений, но и бесспорно полезные. Если бы единственной их целью было повышение заработной платы при помощи принуждения, то, лишившись возможности

---

¹⁶ Трудно переоценить то, насколько профсоюзы мешают экспериментированию с новыми условиями договоров, которые могли бы оказаться выгодными как работникам, так и работодателям. Например, не исключено, что в некоторых отраслях все участники были бы заинтересованы в договоре о «гарантированном годовом заработке», если бы профсоюзы разрешили жертвовать величиной заработной платы в обмен на бóльшую степень защищенности.

¹⁷ Чтобы проиллюстрировать суть многих современных переговоров о заработной плате в США, Эдвард Г. Чемберлин в эссе, упомянутом выше в примечании 8, использует превосходную аналогию: «Чтобы получить представление о происходящем, нужно вообразить, что методы рынка труда используются в другой области. Тогда если А договаривается с Б о продаже ему своего дома и если А получил привилегии современного профсоюза, он сможет: 1) сговориться со всеми другими владельцами домов не предлагать Б альтернативных вариантов, используя при необходимости насилие или угрозу насилия, чтобы не допустить этого; 2) лишить самого Б доступа к каким-либо альтернативным предложениям; 3) взять дом Б в окружение и лишить его всех поставок пищи (кроме как по почте); 4) блокировать доступ в дом Б так, что если он, например, врач, то лишится практики и не сможет зарабатывать себе на жизнь; и 5) организовать бойкот бизнеса, которым занимается Б. Все эти привилегии, несомненно, усилят позицию А, если он сможет ими воспользоваться на практике. Но никто не станет рассматривать их как часть „переговоров“ — если только А не является профсоюзом» (*Chamberlin E.H. The Economic Analysis of Labor Union Power. Washington, DC, 1958. P. 40–41.*)

использовать принуждение, они, вероятно, исчезли бы. Но профсоюзы могут выполнять другие полезные функции, и, хотя даже рассматривать возможность их полного запрета противоречило бы всем нашим принципам, желательно продемонстрировать в явном виде, почему не существует экономических оснований для подобной меры и каким образом в качестве действительно добровольных организаций, не прибегающих к принуждению, они могли бы оказывать важные услуги. На самом деле, более чем вероятно, что профсоюзы полностью раскроют свою потенциальную полезность только после того, как использование ими принуждения будет эффективно предотвращаться и это заставит их отказаться от нынешних антиобщественных целей¹⁸.

Если профсоюзы лишатся права на принуждение, они, возможно, смогут играть полезную и важную роль даже при установлении ставок заработной платы. Прежде всего, часто есть выбор между, с одной стороны, ростом заработной платы и, с другой стороны, альтернативными выгодами, которые работодатель мог бы предоставить с теми же издержками для себя, но только при условии что все или большинство рабочих захотят принять их вместо увеличения заработной платы. Важно еще, что для человека относительное положение на шкале заработной платы часто имеет почти такое же значение, как и ее абсолютная величина. В любой иерархической организации важно, чтобы различия в оплате труда в зависимости от рабочего места и правила продвижения по службе воспринимались большинством как справедливые¹⁹. Самым эффективным способом достижения согласия, вероятно, является утверждение общей схемы в ходе коллективных переговоров, на которых представлены все заинтересованные стороны. Даже с точки зрения работодателя было бы трудно придумать другой способ учета всех возможных соображений, которые должны быть приняты во внимание в большой организации при выработке удовлетворительной структуры заработной платы. Представляется, что крупной организации необходимо иметь согласованный набор стандартных условий, применимый ко всем, кто захочет ими воспользоваться, но при этом в отдельных случаях не исключающий индивидуальных договоренностей.

То же самое еще более верно для всех общих проблем, относящихся к прочим условиям занятости, помимо величины вознаграждения, — проблем, которые реально тревожат всех наемных работников и которые,

---

¹⁸ См.: «Профсоюзы могут служить полезным целям и делают это, но пока что они лишь скользят по поверхности той потенциальной пользы, которую могут принести наемным работникам. Когда профсоюзы действительно займутся оказанием услуг наемным работникам вместо того, чтобы зарабатывать себе столь скверную репутацию принуждением и плохим обращением с ними, им будет намного легче, чем сегодня, привлекать и удерживать новых членов. А пока то, что они настаивают на закрытых цехах, эквивалентно признанию, что профсоюзы выполняют свои функции не слишком хорошо» (*Petro S. The Labor Policy of a Free Society. New York: Ronald Press, 1957. P. 51.*)

¹⁹ См.: *Barnard C.I. Functions and Pathology of Status Systems in Formal Organizations // Industry and Society / Ed. by W.F. Whyte. New York: McGraw-Hill, 1946. P. 46-83; перепечатано: Idem. Organization and Management: Selected Papers. Cambridge: Harvard University Press, 1949. P. 207-244.*

к общей выгоде работников и работодателей, должны регулироваться таким образом, чтобы учитывать как можно больше пожеланий. Крупная организация в значительной мере должна управляться правилами, и такие правила действуют эффективнее всего в тех случаях, когда они составлены с участием работников²⁰. Поскольку договор между работодателями и наемными работниками регулирует не только отношения между ними, но также и отношения между различными группами работников, нередко бывает целесообразным придать ему характер многостороннего соглашения и ввести, до известной степени, элементы самоуправления в отношения между работниками, как, например, в случае процедуры рассмотрения жалоб.

Существует, наконец, самая старая и самая благотворная сфера деятельности профсоюзов, где они в качестве «обществ взаимопомощи» помогают своим членам защищаться от специфических рисков своей профессии. Эту функцию следует во всех отношениях рассматривать как чрезвычайно желательную форму самопомощи, хотя ее мало-помалу присваивает себе социальное государство. Мы оставим, однако, открытым вопрос о том, оправдывает ли хоть один из приведенных аргументов существование профсоюзов, деятельность которых выходит за пределы одного завода или корпорации.

Совершенно другой вопрос, который мы можем затронуть только проходя, — претензия профсоюзов на участие в ведении бизнеса. Называясь «производственной демократией», а недавно еще и «представительством работников в правлении компании» (*co-determination*) эта идея стала очень популярной, особенно в Германии и, в меньшей степени, в Великобритании. Она представляет собой курьезный рецидив идей синдикалистской ветви социализма XIX века, наименее продуманной и самой нереалистичной формы этого учения. Хотя этим идеям присуща некоторая внешняя притягательность, они обнаруживают внутреннюю противоречивость. Завод или отрасль не могут управляться в интересах определенной и постоянной группы рабочих, если при этом они должны еще служить интересам потребителей. Более того, действительное участие в управлении предприятием есть полноценная занятость, и любой, кто будет в нее вовлечен, скоро перестанет быть наемным работником по своему мировоззрению и интересам. Поэтому такой план должен быть отвергнут не только с точки зрения работодателей; существуют вполне понятные причины, по которым профсоюзные лидеры в США всегда решительно отказывались от какой-либо ответственности за ведение бизнеса. Для более полного изучения проблемы

---

²⁰ См.: *Slichter S.H. Trade Unions in a Free Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1947. P. 12, где автор доказывает, что такие правила «привносят в промышленность нечто подобное гражданским правам и значительно расширяют спектр видов деятельности, в которых управление осуществляется правилами и законами, а не прихотями и капризами». См. также: *Gouldner A.W. Patterns of Industrial Bureaucracy*. Glencoe, IL: Free Press, 1954, особенно обсуждение «управления с помощью правил» (*rule by rule*) в гл. 9 «About the Functions of Bureaucratic Rules», с. 157–180.

читателю следует, конечно, обратиться к работам, посвященным тщательному исследованию всех ее нюансов²¹.

6. Хотя нам, возможно, не удастся защитить индивида от всякого принуждения со стороны профсоюзов до тех пор, пока общее мнение считает их легитимными, но большинство исследователей этого вопроса согласны в том, что сравнительно немногих и, как может показаться на первый взгляд, незначительных изменений в законодательстве и судебной практике будет достаточно, чтобы внести далеко идущие и, возможно, решающие изменения в существующую ситуацию²². Простой отмены особых привилегий, предоставленных профсоюзам законом или просто присвоенных ими с попустительства судов, будет достаточно, чтобы лишить их наиболее серьезных инструментов принуждения, которые они сегодня используют, и направить их законные эгоистичные интересы в такое русло, чтобы они стали социально полезными.

Основное требование заключается в том, чтобы была обеспечена подлинная свобода объединений и чтобы принуждение рассматривалось как одинаково незаконное независимо от того, применяется ли оно за или против той или иной организации, со стороны работодателей или наемных работников. Необходимо строго следовать принципу, что цели не оправдывают средства, а цели профсоюзов не оправдывают их исключения из сферы действия общих правовых норм. Сегодня это означает, прежде всего, что всякое массовое пикетирование должно быть запрещено, потому что оно не только главная и постоянная причина насилия, но даже в самых мирных своих формах — инструмент принуждения. Далее, нельзя допускать, чтобы профсоюзы закрывали доступ к рабочим местам тем, кто не является их членом. Это означает, что договоры о закрытых и профсоюзных цехах (включая такие варианты, как оговорки о «предпочтительном найме» и «поддержании членства») должны рассматриваться как разновидность договора об ограничении свободы торговли и быть лишены правовой защиты. Они ничем не отличаются от «желтого контракта» (yellow-dog contract), запрещающего отдельному рабочему вступать в профсоюз и обычно запрещенного законом.

Лишение всех подобных договоров юридической силы устранил главную цель всех бойкотов и забастовок солидарности, поскольку эти и сходные с ними формы давления сделаются по большей части неэффективными. Придется также аннулировать все положения законодательства, которые делают коллективные договоры, заключенные представителями

---

²¹ См., в частности: *Böhm F.* Das wirtschaftliche Mitbestimmungsrecht der Arbeiter im Betrieb // *Ordo*. 1951. Vol. 4. P. 21–250; *Briefs G.* Zwischen Kapitalismus und Syndikalismus: die Gewerkschaften am Scheideweg. Bern: A. Francke, 1952.

²² См. эссе, упоминавшиеся выше: *Viner J.* The Role of Costs in a System of Economic Liberalism; *Haberler G.* Wage Policy, Employment, and Economic Stability; *Friedman M.* Some Comments on the Significance of Labor Unions for Economic Policy; и книгу: *Sylvester P.* The Labor Policy of a Free Society.

большинства работников завода или отрасли, обязательными для тех, кто не делегировал им добровольно соответствующие полномочия²³. Наконец, ответственность за организованные и согласованные действия, противоречащие договорным обязательствам или общему закону, должна однозначно возлагаться именно на тех, в чьих руках находится принятие соответствующего решения, независимо от того, как именно было организовано это действие.

Возражение, что любое законодательное решение, объявляющее юридически недействительными определенные виды договоров, противоречит принципам свободы договоров, необоснованно. Мы уже видели (в главе 15), что этот принцип не может означать того, что все договоры юридически обязательны и их исполнение обеспечивается законом. Он означает всего лишь то, что все договоры должны оцениваться в соответствии с одинаковыми общими правилами и что никакая власть не должна иметь права по своему усмотрению разрешать или не разрешать конкретные договоры. К числу договоров, которым закон должен отказывать в юридической силе, относятся договоры об ограничении свободы торговли. Договоры о закрытых и профсоюзных цехах принадлежат именно к этой категории. Если бы законодатели, суды и попустительство административных органов не наделили профсоюзы привилегиями, в странах общего права и не возникло бы необходимости в особом законодательстве на эту тему. Можно только сожалеть о том, что такая необходимость существует и сторонник свободы должен взирать на любое законодательство такого рода с опаской. Но поскольку особые привилегии стали частью законов страны, устранить их может только особое законодательство. Хотя было бы лучше, если бы не было нужды в особых «законах о праве на труд» (*right-to-work laws*), то есть запрещающих отказывать в приеме на работу тем, кто не состоит в профсоюзе, трудно отрицать, что в ситуации, созданной в США законодательством и решениями Верховного суда, специальное законодательство — возможно, единственный реальный путь к восстановлению принципов свободы²⁴.

Специфические меры, которые в той или иной стране могут потребоваться для восстановления принципов свободы объединений в сфере трудовых отношений, будут зависеть от ситуации, созданной ее конкретным развитием. Ситуация в США представляет особый интерес, потому что

---

²³ Такие договоры, обязательные для третьих сторон, столь же нежелательны в этой области, как и в случае обязательств по поддержанию цен, навязываемых законами о «справедливой торговле» (*fair-trade laws*) тем, кто не брал на себя подобных обязательств.

²⁴ Чтобы согласовываться с принципами, которые мы сформулировали, такое законодательство должно ограничиться объявлением определенных контрактов юридически недействительными, и этого будет достаточно, чтобы сделать их заключение бессмысленным. Оно не должно, как может показаться из названия «законы о праве на труд» (*right-to-work laws*), давать людям право претендовать на конкретное рабочее место или даже (как делают некоторые законы, действующие в ряде американских штатов) давать право на возмещение в случае отказа в предоставлении конкретной работы, когда этот отказ не является незаконным по другим основаниям. Возражения против таких положений в точности те же самые, как и против законов, запрещающих дискриминацию при приеме на работу (*fair employment practices laws*).

здесь законодательство и решения Верховного суда зашли, вероятно, дальше, чем где-либо еще, в легализации принуждения со стороны профсоюзов²⁵ и весьма далеко в наделении административных органов дискреционной и по существу безответственной властью. Но за дополнительными подробностями мы вынуждены отослать читателя к важному исследованию профессора Петро «Политика в области труда в свободном обществе»²⁶, в котором детально описаны необходимые реформы.

Хотя все изменения, необходимые для обуздания вредоносной власти профсоюзов, сводятся всего лишь к тому, чтобы подчинить их тем же общим правовым принципам, которые применимы ко всем и каждому, нет никаких сомнений, что существующие профсоюзы будут противиться им изо всех сил. Они знают, что достижение того, чего они хотят сегодня, зависит от той самой способности применять принуждение, которую придется ограничить ради сохранения свободного общества. Но ситуация не безнадежна. Полным ходом идут изменения, которые рано или поздно убедят профсоюзы в том, что нынешнее состояние не может существовать и дальше. Они обнаружат, что из открытых перед ними альтернативных направлений развития подчинение общим принципам, не допускающим никакого принуждения, намного предпочтительнее, чем продолжение нынешней политики, потому что она непременно приведет их к одному из двух весьма нежелательных последствий.

7. Если в долгосрочной перспективе профсоюзы не в состоянии существенно изменить уровень реальной заработной платы всех работников в целом и на деле скорее понижают этот уровень, чем повышают его, то с уровнем денежной заработной платы дело обстоит по-другому. В отношении последней конечный эффект от действий профсоюзов зависит от принципов, которыми руководствуется денежная политика. Что касается распространенных сегодня доктрин и соответствующих им политических мер, которых можно ожидать от денежных властей, мало оснований сомневаться, что современная политика профсоюзов должна вести к постоянной и растущей инфляции. Главная причина этого заключается в том, что господствующие доктрины «полной занятости» в явном виде освобождают профсоюзы от ответственности за всю безработицу, а обязанность поддерживать полную занятость возлагают на денежные и фискальные власти. У последних есть только один способ помешать профсоюзам создавать безработицу, а именно с помощью инфляции нейтрализовывать избыточный рост реальной заработной платы, порождаемый профсоюзами.

Чтобы понять ситуацию, в которой мы оказались, необходимо кратко познакомиться с интеллектуальными источниками политики полной

---

²⁵ См.: *Lenhoff A.* The Problem of Compulsory Unionism in Europe // *American Journal of Comparative Law*. 1956. Vol. 5. P. 18-43.

²⁶ См.: *Petro S.* The Labor Policy of the Free Society. New York: Ronald Press, 1957. Особенно с. 235 и след., 282.

занятости «кейнсианского» образца. Развитие теорий лорда Кейнса началось с верного наблюдения, что регулярная причина масштабной безработицы — слишком высокая реальная заработная плата. Следующий шаг состоял в утверждении, что прямое понижение денежной заработной платы потребует настолько болезненных и длительных усилий, что об этом и думать не стоит. Из этого Кейнс сделал вывод, что реальную заработную плату следует понижать посредством уменьшения ценности денег. Вот, собственно, и вся аргументация, лежащая в основе столь популярной ныне политики «полной занятости»²⁷. Если работники настаивают на уровне денежной заработной платы, слишком высоком для сохранения полной занятости, то нужно увеличить предложение денег, чтобы поднять цены до уровня, при котором реальная ценность преобладающей денежной заработной платы уже не превышает производительность работников, ищущих рабочие места. На практике это неизбежно означает, что каждый отдельный профсоюз в своих попытках обогнать обесценение денег никогда не перестанет требовать дальнейшего роста заработной платы, так что совокупные усилия профсоюзов создадут ускоряющуюся инфляцию.

Это произойдет даже в том случае, если отдельные профсоюзы будут заботиться всего лишь о предотвращении снижения денежной заработной платы какой-либо конкретной группы работников. Там, где профсоюзы делают невозможным такое понижение, так что заработная плата станет, как говорят экономисты, «негибкой в сторону понижения» (*rigid downwards*), все изменения относительной величины заработной платы разных групп, необходимые в силу постоянно изменяющихся условий, можно будет осуществлять только путем повышения денежной заработной платы для всех групп, кроме тех, чья относительная реальная заработная плата должна быть понижена. Более того, общий рост денежной заработной платы и соответствующее повышение стоимости жизни в общем случае ведут к попыткам еще больше поднять денежную заработную плату даже со стороны групп, об относительном снижении зарплат которых идет речь, и требуется несколько последовательных раундов повышения, прежде чем удастся достичь требуемого изменения структуры относительных величин заработной платы. Поскольку необходимость в изменении структуры относительной заработной платы возникает постоянно, одного этого процесса достаточно для создания спирали «цены — заработная плата», которая сопровождает нас со времен окончания Второй мировой войны, то есть с тех пор, как повсеместно была принята политика полной занятости²⁸.

---

²⁷ См. статьи: *Haberler G.* Creeping Inflation Resulting from Wage Increases in Excess of Productivity // Committee for Economic Development. Problems of United States Economic Development. New York: Committee for Economic Development, 1958. Vol. 1. P. 137–146; *Hayek F.A.* Inflation Resulting from Downward Inflexibility of Wages // Ibid. P. 147–152.

²⁸ См.: *Brown A.J.* The Great Inflation, 1939–1951. London: Oxford University Press, 1955.

Иногда процесс описывается так, как будто рост заработной платы напрямую порождает инфляцию. Это неверно. Если бы предложение денег и кредита не увеличивалось, рост заработной платы быстро привел бы к безработице. Но в условиях доктрины, возлагающей на денежные власти обязанность предоставлять столько денег, чтобы при любом заданном уровне заработной платы сохранялось состояние полной занятости, становится политически неизбежным то, что каждый виток повышения заработной платы ведет к очередному витку инфляции²⁹. Иными словами, она неизбежна до тех пор, пока рост цен не станет достаточно заметным и продолжительным, чтобы вызвать серьезную обеспокоенность публики. Тогда будут приняты соответствующие меры, то есть денежные власти нажмут на тормоза. Но поскольку к этому времени экономика окажется уже достаточно адаптировавшейся к ожиданиям дальнейшей инфляции и сохранение большей части занятости будет зависеть от дальнейшего прироста денежной массы, попытка притормозить быстро породит значительную безработицу. Это породит новое и непреодолимое давление в пользу продолжения инфляции. Если постоянно наращивать инфляцию, то можно достаточно долго избегать безработицы, к которой в противном случае привел бы рост заработной платы. В глазах публики это будет выглядеть так, будто растущая инфляция является прямым следствием проводимой профсоюзами политики заработной платы, а не попыток компенсировать ее последствия.

Эта гонка инфляции и заработной платы может продолжаться довольно долго, но не бесконечно, потому что люди начнут осознавать, что нужно ее как-то остановить. Денежная политика, которая породит обширную длительную безработицу и тем самым переломит основанную на принуждении силу профсоюзов, должна быть исключена, поскольку она политически и социально губительна. Но если мы не сумеем вовремя обуздать власть профсоюзов в ее источнике, они вскоре столкнутся с требованием мер, которые покажутся гораздо менее приятными отдельным рабочим, а может, и лидерам профсоюзов, чем подчинение профсоюзов верховенству закона: правительству будут предъявлены требования либо зафиксировать уровень заработной платы, либо просто распустить профсоюзы.

8. В области труда, как и во всех других областях, устранение рынка как направляющего механизма делает необходимой замену его системой административного управления. Чтобы хотя бы приблизительно выполнять

---

²⁹ См.: *Hicks J.R. Economic Foundations of Wage Policy // Economic Journal. 1955. Vol. 65. Особо с. 391*: «Мир, в котором мы живем сейчас, отличается тем, что денежная система стала относительно эластичной, так что она может приспосабливаться к изменениям заработной платы, а не наоборот. Вместо того чтобы существующая заработная плата приспосабливалась к равновесному уровню, денежная политика подгоняет уровень равновесия денежной заработной платы таким образом, чтобы он соответствовал существующему уровню. Вряд ли будет преувеличением сказать, что теперь у нас не золотой стандарт, а трудовой стандарт». Но см. также более позднюю статью того же автора: *Idem. The Instability of Wages // Three Banks Review. September 1956. Vol. 31. P. 3–19.*

упорядочивающие функции рынка, эта система управления должна будет координировать всю хозяйственную жизнь, и в конечном итоге мы придем к единой центральной власти. И хотя вначале такая власть, возможно, будет заниматься только аллокацией и оплатой трудовых ресурсов, ее политика обязательно приведет к преобразованию всего общества в централизованно планируемую и управляемую систему с соответствующими экономическими и политическими последствиями.

В тех странах, в которых какое-то время имели место инфляционные тенденции, мы можем наблюдать все более частые требования «всеобъемлющей политики заработной платы» (over-all wage policy). В странах, где эта тенденция была особенно сильно выражена, в частности в Великобритании, среди интеллектуальных лидеров левых утвердилась доктрина, что ставки заработной платы должны определяться «единой политикой», что в конечном счете означает, что устанавливать их должно правительство³⁰. Если рынок безвозвратно лишится своих функций, только власть сможет эффективно распределять трудовые ресурсы между отраслями, профессиями и регионами. Шаг за шагом, через создание официальных третейских судов и механизмов арбитража, наделенных правом принуждения, и учреждение советов по заработной плате, мы движемся к ситуации, когда ставки заработной платы будут устанавливаться по существу произвольными решениями власти.

Все это есть не что иное, как неизбежный результат нынешней политики профсоюзов, которые стремятся к тому, чтобы заработная плата определялась некой идеей «справедливости», а не рыночными силами. Но ни одна дееспособная система не может допустить, чтобы какой-либо группе людей было позволено угрозой насилия выбивать для себя то, чего, по ее мнению, она заслуживает. И в ситуации, когда не просто немногие привилегированные группы, а большинство ключевых секторов рынка труда эффективно организованы для акций принуждения, допустить независимые действия со стороны каждой группы будет не просто означать прямую противоположность справедливости, но и приведет к экономическому хаосу. Когда мы больше не можем зависеть от безличных сил рынка, формирующих заработную плату, для сохранения жизнеспособной экономической системы придется доверить государству устанавливать зарплаты своей властью. Результаты таких решений о величине

---

³⁰ См.: *Beveridge W.* Full employment in a Free Society. London: Allen and Unwin, 1944; *Joseph M., Kaldor N.* Economic Reconstruction after the War. London: Published for the Association for Education in Citizenship by the English University Press, 1942; *Wootton B.* The Social Foundations of Wage Policy. London: Allen and Unwin, 1955; и о текущем состоянии дискуссии см.: *Jack D.T.* Is a Wage Policy Desirable and Practicable? // *Economic Journal*. 1957. Vol. 67. P. 585–590. Похоже, что некоторые сторонники этих изменений воображают, будто такая политика заработной платы будет проводиться «трудом», что предположительно означает «совместными действиями всех профсоюзов». Это не представляется ни вероятным, ни осуществимым. Многие группы рабочих обоснованно выступают против того, чтобы их заработную плату устанавливали другие рабочие большинством голосов, а правительство, которое допустит установление такой системы, фактически передаст весь контроль над экономической политикой профсоюзам.

заработной платы неизбежно окажутся произвольными, потому что тут нет никаких объективных критериев справедливости³¹. Так же как в случае всех прочих цен и услуг, ставки заработной платы, при которых каждый имеет возможность искать себе занятость, не соответствуют никакой измеримой заслуге или критерию справедливости, а неизбежно зависят от условий, которые никто не в состоянии контролировать.

Когда государство возьмется определять всю структуру ставок заработной платы, а потому будет вынуждено контролировать занятость и производство, профсоюзы потеряют намного большую долю своего нынешнего влияния, чем если они просто подчинятся нормам общего для всех закона. При такой системе у профсоюзов будет только выбор между превращением в добровольный инструмент государственной политики и в часть аппарата управления, с одной стороны, и полным роспуском — с другой. Более вероятно, что будет выбрана первая альтернатива, поскольку она позволяет профсоюзной бюрократии сохранить свое положение и отчасти личное влияние. Но для рабочих это будет означать полное подчинение контролю корпоративного государства. Ситуация в большинстве стран не оставляет иного выбора, кроме как ждать такого исхода или вернуться назад по своим следам. Нынешняя позиция профсоюзов не может быть сохранена, потому что они могут функционировать только в рыночной экономике, для разрушения которой они прилагают все свои силы.

9. Проблема профсоюзов представляет собой одновременно и хороший тест для наших принципов, и поучительную иллюстрацию последствий их нарушения. Не справившись с обязанностью предотвращать негосударственное принуждение, государства теперь повсюду вынуждены выполнять несвойственные им функции, чтобы нейтрализовать последствия, а потому берутся за задачи, в решении которых им не обойтись без произвола, подобного профсоюзному. Пока полномочия, которые профсоюзам было позволено присвоить, считаются неоспоримыми, нет другого пути

---

³¹ Ср., например: «Однако постоянное использование терминов вроде „честный“ довольно субъективно: здесь не может быть применен ни один из общепризнанных этических образцов. От несчастного третейского судьи, которому поручено действовать „честно и беспристрастно“, требуется проявить эти качества в ситуациях, в которых они не имеют смысла, потому что не может быть никакой честности или беспристрастности кроме как в соответствии с общепринятыми принципами. Невозможно быть беспристрастным в вакууме. Арбитром можно быть в крикете, потому что в нем есть правила, или в боксе, пока там запрещены определенные удары, вроде удара ниже пояса. А когда, как в установлении заработной платы, нет никаких правил и законов, единственно возможным пониманием беспристрастности будет консерватизм» (*Wootton B. Freedom under Planning. P. 101*). См. также: *Fönannder O. de Ruyter. Studies in Australian Law and Relations in Australia. Melbourne: Melbourne University Press, 1952*. См. также: «Промышленные трибуналы, в отличие от обычных судов, призваны решать вопросы, для которых нет не только определенного закона, но нет даже общепринятых критериев честности или справедливости» (*Walker K.F. Industrial Relations in Australia. Cambridge: Harvard University Press, 1956. P. 362*). Ср. также: *Williams G. The Myth of "Fair" Wages // Economic Journal. 1956. Vol. 66. P. 621-634*.

нейтрализовать приносимый ими вред, кроме как предоставлять государству еще большие полномочия применять произвольное принуждение. Мы уже переживаем заметное ослабление верховенства закона в области трудовых отношений³². При этом все, что действительно необходимо для исправления ситуации, — это вернуться к принципам верховенства закона и к их последовательному применению законодательной и исполнительной властью.

Но этот путь до сих пор перекрыт самым глупым из всех модных аргументов, а именно что «мы не можем обратить время вспять». Интересно, неужели те, кто привычно повторяет это клише, не понимают, что оно выражает фаталистическую веру в то, что мы не в состоянии учиться на собственных ошибках и что это самое жалкое признание неспособности использовать свой интеллект? Сомневаюсь, что человек, думающий о будущем, способен поверить, что есть другое приемлемое решение, с которым осознанно согласилось бы большинство, если бы оно до конца поняло, куда ведет нас то, что происходит сейчас. Есть признаки того, что дальновидные лидеры профсоюзов также начинают понимать, что если мы не хотим смириться с постепенной утратой свободы, то должны дать обратный ход и восстановить принцип верховенства закона, и что для того, чтобы спасти то ценное, что есть в их движении, они должны отказаться от иллюзий, которыми так долго руководствовались³³.

Только если политика станет подчиняться уже отвергнутому принципам, мы сможем отвести угрозу, нависшую над нашей свободой. Необходимо изменение экономической политики, потому что в нынешней ситуации тактические решения, как будто бы диктуемые краткосрочными нуждами правительства в последовательно возникающих экстренных ситуациях, шаг за шагом влекут нас в дебри произвольного регулирования. Кумулятивные последствия этих паллиативных решений, на которые нас обрекает преследование взаимно противоречащих целей, будут стратегически губительными. Как и в других вопросах экономической политики,

---

³² См.: *Petro S. The Labor Policy of the Free Society*. New York: Ronald Press, 1957. P. 262 ff. Особенно с. 264: «В этой главе я покажу, что верховенства закона нет в области трудовых отношений, что здесь только в исключительных случаях человек имеет право прибегнуть к суду, как бы незаконно с ним ни обошлись»; и с. 272: «Конгресс дал NLRB [Национальному управлению трудовых отношений] и его Генеральному совету право по своему усмотрению отказывать в рассмотрении жалоб пострадавшим от несправедливости. Конгресс закрыл федеральные суды для лиц, пострадавших от действий, запрещенных федеральными законами. Конгресс, однако, не запретил пострадавшим от беззакония лицам искать удовлетворения в судах штатов. Этот удар по идеалу, в соответствии с которым каждый имеет право прибегнуть к суду, был нанесен Верховным судом».

³³ В 1955 году сообщалось, что председатель Британского конгресса тред-юнионов Чарльз Геддес сказал следующее: «Я не верю, что профсоюзное движение Великобритании сможет долго существовать на основе принуждения. Обязаны ли люди присоединяться к нам или умирать с голоду, если им не нравится наша политика? Нет. Я убежден, что карточка члена профсоюза — это честь, которой нужно добиваться, а не жетон, означающий, что вы должны подчиняться, даже если вы не согласны. Мы хотим иметь право исключать людей из нашего союза, когда это необходимо, но мы не можем этого делать на основе принципа „будь членом профсоюза или умри с голоду“». [См.: *Times* (London). 1955. May 21. P. 5. — *Ред.*]

проблему профсоюзов возможно удовлетворительно решить не на основе решений *ad hoc*, но только последовательно применяя принцип, одинаково соблюдаемый во всех областях. Есть только один принцип, способный сохранить свободное общество, — строгое предотвращение любого принуждения, кроме тех случаев, когда оно необходимо для обеспечения соблюдения общих абстрактных правил, равно применимых ко всем.

Социальное обеспечение

---

*Доктрину страховочной сетки, подхватывающей
упавших, обесмыслила доктрина справедливой доли...
для тех из нас, кто вполне способен стоять на ногах.*

— *The Economist*

1. В западном мире обеспечение определенных средств к существованию тем, кто страдает от крайней нужды или голода, вызванных неконтролируемыми ими обстоятельствами, издавна считалось долгом общины¹. Но когда рост больших городов и возросшая мобильность людей привели к разрыву традиционных соседских уз, поддержки местной общины стало не хватать; эти услуги пришлось организовывать на уровне страны (чтобы ответственность местных властей не порождала помех для перемещения людей), и этим теперь стали заниматься специально созданные агентства. То, что нам сегодня известно как государственная социальная помощь или государственная благотворительность, в разных формах существующая в разных странах, представляет собой просто-напросто старое законодательство о бедных, приспособленное к современным условиям. Необходимость такого рода мер в индустриальном обществе не подлежит сомнению — хотя бы в интересах тех, кому требуется защита от актов отчаяния, совершаемых людьми, которые впали в нужду.

— Security through Squalor // *Economist* (London). 1958. March 15. P. 918.

¹ Ср. с классическим объяснением, предложенным Нассау Сениором: «Гарантия средств к существованию для всех — то есть провозглашение того, что ни один человек, каковы бы ни были его пороки и даже преступления, не умрет от голода и холода, — это обещание, выполнение которого в том состоянии цивилизации, в котором она находится в Англии и Франции, может быть не только безопасным, но и приносящим выигрыш, поскольку предоставление средств к существованию может быть обставлено такими условиями, на которые никто не согласился бы добровольно» (цит. по: *Robbins L. The Theory of Economic Policy in English Classical Political Economy*. London: Macmillan, 1952. P. 140; Роббинс цитирует книгу: *Nassau W.S. Journals Kept in France and England From 1848 to 1852*. London: H.M. King and Co., 1871. P. 57–58). Что касается Германии, то, насколько мне известно, нет ни одного германского государства, в котором не существовало бы позитивных и конкретных законов, согласно которым никто не должен голодать. Во всех известных мне германских юрисдикциях обязанность содержать тех, кто не может сам себя прокормить, возложена на муниципалитеты.

Вероятно, неизбежным было и то, что эту помощь вскоре стали получать не только люди, неспособные о себе позаботиться («заслуживающие помощи бедняки» (*deserving poor*), как принято было их называть), и что размер помощи, распределяемой сегодня в сравнительно богатых обществах, стал больше, чем абсолютно необходимо для поддержания жизни и здоровья. Следует также ожидать, что из-за доступности помощи некоторые начнут пренебрегать предосторожностями и не будут готовиться к чрезвычайным ситуациям, о которых могли бы позаботиться самостоятельно. Следовательно, представляется логичным, чтобы к тем, кто обратится за помощью в ситуации, к которой они сами могли подготовиться, предъявлялось требование, чтобы они самостоятельно заботились о своем будущем. Когда признанным долгом общества становится помощь тем, кто впал в крайнюю нужду из-за старости, безработицы, болезни и т.п. независимо от того, мог ли и должен ли был индивид самостоятельно подготовиться к испытаниям, и особенно когда средств, предоставляемых в качестве помощи, столько, что это побуждает индивидов сокращать собственные усилия, кажется очевидным, что нужно заставить их страховаться (или еще как-то защититься) от типичных превратностей жизни. Обосновывается это не тем, что людей следует принуждать делать вещи, отвечающие их собственным интересам, а тем, что, пренебрегая предусмотрительностью, они превращаются в обузу для общества. Сходным образом мы требуем от водителей страховать ответственность перед третьими лицами, заботясь при этом не об их интересах, а об интересах тех, кто может понести ущерб от их действий.

Наконец, если уж государство требует от каждого принимать меры, к которым прежде обращались лишь немногие, кажется достаточно разумным, чтобы оно же способствовало созданию соответствующих институтов. Поскольку именно действия государства приводят к ускоренному развитию, которое в противном случае шло бы медленнее, расходы на экспериментирование и развитие нового типа институтов могут рассматриваться как часть государственной ответственности в не меньшей степени, чем расходы на исследования и распространение знаний в других областях, затрагивающих общественные интересы. Помощь, выделяемая на эти цели из казны, должна быть по своей природе временной: эта субсидия предназначена для ускорения развития, при том что решение о необходимости такого ускорения было принято публично, а субсидии выделяются только на переходный период и прекращаются, как только имеющиеся институты созреют и разовьются достаточно, чтобы отвечать новым требованиям.

До этого пункта оправдание всего аппарата «социального обеспечения», вероятно, может быть приемлемым даже для самых последовательных защитников свободы. Хотя многие могут счесть неразумным заходить так далеко, нельзя сказать, что это противоречит сформулированным нами принципам. Очерченная выше программа не обходится без принуждения, но это принуждение имеет целью предотвратить большее принуждение

индивида в интересах других; и аргумент в пользу этого в такой же мере основан на желании индивидов защитить себя от последствий крайней нищеты их сограждан, как и на желании заставить людей более эффективно заботиться о собственных нуждах.

2. Главные проблемы возникают только тогда, когда сторонники «социального обеспечения» делают еще один шаг. Даже на начальном этапе «социального страхования» в Германии в 1880-х годах индивиды были обязаны не только принимать меры предосторожности против тех рисков, которые должно будет покрывать государство, если человек сам об этом не позаботится, но и вдобавок получать эту защиту через единую организацию, которой управляло государство³. Хотя образцом, на который ориентировалась организация нового типа, послужили институты, созданные рабочими по их собственной инициативе, особенно в Англии, и хотя там, где аналогичные институты возникли в Германии (особенно в области страхования на случай болезни), им было разрешено продолжать свою деятельность, было принято решение, что в новых областях — таких, как страхование по старости, по безработице, от несчастного случая на производстве, по нетрудоспособности и потере кормильца — все будет осуществляться через единую организацию, которая станет единственным поставщиком этих услуг и в которую должны будут войти все получающие защиту.

Таким образом, «социальное страхование» с самого начала предполагало не просто обязательное страхование, но и обязательное членство в единой организации, контролируемой государством. Главным оправданием этого решения, которое одно время широко оспаривалось, а сейчас обычно воспринимается как окончательное, была предположительно большая эффективность и административная целесообразность (то есть экономичность) такой единой организации. Часто утверждалось, что это был единственный способ одним росчерком пера обеспечить достаточную помощь каждому нуждающемуся.

В этом аргументе есть часть истины, но вопрос все равно остается открытым. Утверждение, что в любой данный момент времени единая организация, созданная лучшими экспертами, которых смогли подобрать власти, будет самой эффективной из всего, что может быть создано, вероятно, справедливо. Но вряд ли она останется таковой надолго, если будет единственной стартовой точкой для всего дальнейшего развития и если о необходимых изменениях будут судить те, кто назначен ею руководить. Думать, что лучший или самый дешевый способ делать что-либо в долгосрочной перспективе обеспечивается составленным заблаговременно планом, а не постоянной переоценкой имеющихся ресурсов, — ошибка. Здесь,

---

³ О роли Германии, в особенности Пруссии, как образца для разработки законодательства в сфере социального обеспечения и государственного образования см.: *Barker E. The Development of Public Services in Western Europe, 1600–1930. London: Oxford University Press, 1944. P. 69, 75, 78, 83–85.*

как и везде, действует принцип, в соответствии с которым защищенная монополия со временем делается неэффективной.

И правда, если мы хотим в тот или иной конкретный момент времени гарантировать, что максимально быстро достигнем всего, что, как заведомо известно, достижимо, то лучшим способом будет продуманная организация всех выделенных для этой цели ресурсов. Что касается области социального обеспечения, то здесь положиться на постепенную эволюцию соответствующих институтов, несомненно, означало бы, что какие-то нужды людей в течение некоторого времени будут обойдены вниманием, тогда как централизованная организация могла бы немедленно все их удовлетворить. Таким образом, для нетерпеливого реформатора, которого устраивает только немедленное устранение всех устранимых несчастий, создание единого аппарата, наделенного всеми полномочиями делать то, что можно сделать безотлагательно, является единственно приемлемым решением. Однако есть вероятность, что цена, которую приходится платить за это, даже с учетом достижений в отдельной области, окажется в итоге очень высокой. Если мы отдадим предпочтение единой всеобъемлющей организации, полагая, что размер ее единовременных страховых выплат самый большой, мы можем тем самым помешать возникновению других организаций, которые могли бы со временем внести еще больший вклад в социальное вспомоществование³.

Но хотя первоначально главным доводом в пользу единой обязательной для всех организации была ее эффективность, тем не менее в умах ее сторонников с самого начала, несомненно, присутствовали и другие соображения. На деле существуют две разные, хотя и взаимосвязанные цели, которых государственная организация, наделенная правом осуществлять принуждение, может достичь, тогда как для любой частной организации они недостижимы. Частная организация может предложить только определенные услуги в соответствии с договором, иными словами, она может удовлетворить только ту потребность, которая возникает независимо от намеренных действий бенефициара и которая может быть удостоверена на основе объективных критериев; кроме того, она может обеспечить таким образом удовлетворение только тех нужд, которые поддаются предвидению. Как бы мы ни расширяли систему страхования, бенефициар никогда не получит компенсацию большего размера, чем предусмотрено

---

³ Ср. мудрое высказывание Альфреда Маршалла о проекте всеобщего пенсионного обеспечения в выступлении перед королевской комиссией по престарелым беднякам: «Мои возражения сводятся к тому, что его воспитательный эффект, хотя и несомненный, будет неприятным, что он будет дорог и что в нем не заложена возможность исчезнуть. Я опасюсь, что если мы это дело начнем, то оно окажется вечным. Я рассматриваю всю эту проблему бедности как всего лишь проходящее зло в восходящем развитии человека; и я бы не одобрил учреждения любого института, не содержащего в себе причин, которые заставят его со временем свернуться по мере того, как исчезнут и причины бедности» (*Marshall A. Minutes of Evidence Taken Before the Royal Commission on the Aged Poor, June 5, 1893* // *Official Papers of Alfred Marshall* / Ed. by J.M. Keynes. London: Macmillan, for Royal Economic Society, 1926. P. 244).

договором, — иными словами, он не получит того, в чем он может, согласно той или иной оценке, нуждаться в сложившихся обстоятельствах. Наоборот, монопольная государственная служба может действовать в соответствии с принципом распределения по потребностям, независимо от предусмотренных договором обязательств. Только такая организация, обладающая дискреционными полномочиями, будет в состоянии дать человеку то, что он «должен» иметь, или заставить его обойтись тем, чем он «должен» обходиться, ради достижения единого «социального стандарта». Она также будет в состоянии — и это второй главный момент — перераспределять доходы между людьми или группами так, как ей будет представляться желательным. Хотя любое страхование заключается в объединении рисков, частное конкурентное страхование не в состоянии производить целенаправленное перераспределение доходов от одной заранее выделенной группы в пользу другой⁴.

Подобное перераспределение доходов сегодня стало главной целью явления, которое все еще именуется социальным «страхованием» — хотя это название не соответствовало реальности уже на заре существования системы. Когда в 1935 году США ввели у себя аналогичную схему, термин «страхование» был сохранен — как «гениальный рекламный ход»⁵ — просто-напросто для того, чтобы сделать ее более привлекательной. С самого начала у нее было мало общего со страхованием, а постепенно она утратила и все сходство с ним, какое, возможно, когда-то и существовало. То же самое сегодня можно сказать и о большинстве тех стран, которые начинали с чего-то более похожего на страхование.

---

⁴ См.: «Речь больше не идет о том, чтобы предложить каждому индивиду выбирать, сколько защиты он себе купит в соответствии с рассчитанными актуарием страховыми премиями. В отличие от частного страховщика государство не сдерживается угрозой конкуренции и может уверенно предложить дифференцированные страховые выплаты при одинаковых страховых премиях или ввести дискриминацию против определенных застрахованных групп. <...> В частном страховании цель состоит в том, чтобы получить прибыль, продавая людям то, что они хотят получить. Существенным критерием, определяющим каждое решение по поводу пунктов и условий контракта, является их влияние на продолжение существования компании. Очевидно, что для того, чтобы продолжать действовать в конкурентном мире, компания должна предложить услуги, которые люди сочтут достаточно ценными, чтобы заплатить за них, и управлять своими делами так, чтобы всегда иметь возможность расплатиться по обязательствам перед клиентами. <...> У социального страхования задача другая» (*Burns E.M. Private and Social Insurance and the Problem of Social Security // Canadian Welfare. 1953. February 1. P. 5–10; 1953. March 15. P. 9–13; переиздано: Analysis of the Social Security System: Hearings before a Subcommittee of the Committee on Ways and Means, House of Representatives (83rd Cong., 1st sess.). № 38458. Washington, DC: Government Printing Office, 1954. P. 1475*). См. также: *Idem. Social Insurance in Evolution // American Economic Review. 1944. Vol. 34. P. 199–211; Idem. Social Security and Public Policy. New York: McGraw-Hill, 1956; а также: Hagenbuch W. Social Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. P. 198.*

⁵ «Принятие сторонниками социального обеспечения термина „страхование“ было гениальным рекламным ходом. Благодаря этому социальное обеспечение капитализировало в свою пользу доброе имя частного страхования и, благодаря созданию резервного фонда, окружило себя аурой финансовой надежности. Однако на самом деле надежность страхования по возрасту и потере кормильца опирается не на резервный фонд системы социального страхования, а на то, что федеральная власть собирает налоги и берет в долг» (*Meriam L., Schlotterbeck K. The Cost and Financing of Social Security. Washington, DC: Brookings Institution, 1950. P. 8*).

Хотя перераспределение доходов изначально никогда не провозглашалось целью системы социального обеспечения, сегодня оно повсюду стало действительной и общепризнанной целью⁶. Ни одна монополярная система обязательного страхования не устояла перед соблазном трансформации в нечто совершенно иное, в инструмент принудительного перераспределения доходов. Об этике такой системы, в которой не большинство дающих определяют, что следует дать немногим неудачникам, а большинство берущих определяют, что они возьмут у богатого меньшинства, мы поговорим в следующей главе. Сейчас нас интересует только процесс превращения системы, изначально созданной для помощи бедным, в инструмент уравнительного перераспределения. Социальное государство стало для многих заменой старомодного социализма именно как инструмент социализации дохода, создания своего рода государства-семьи, которое денежными или натуральными выплатами оказывает помощь тем, кто больше всех ее заслуживает. Рассматриваемое как альтернатива дискредитированного теперь метода прямого управления производством, социальное государство, которое пытается осуществить «справедливое распределение», раздавая доход в таких долях и формах, которые кажутся ему приемлемыми, являет нам всего лишь новый метод достижения старых целей социализма. Причина, по которой оно было встречено с гораздо большей готовностью, чем старый социализм, состоит в том, что сначала оно представлялось как всего лишь эффективный метод заботы об особо нуждающихся. Но признание этого внешне обоснованного плана организации благотворительности было впоследствии истолковано как приверженность чему-то совсем другому. Трансформация была осуществлена в основном

---

⁶ См. утверждение Артура Джозефа Альтмейера, уполномоченного по социальному обеспечению, одно время занимавшего пост председателя Совета по социальному обеспечению: «Я не предлагаю в данный момент использовать социальное страхование главным образом как метод перераспределения доходов. К этому вопросу нужно подходить прямо и открыто, через прогрессивное налогообложение. <...> Но я очень поддерживаю идею, чтобы прогрессивное налогообложение покрывало большую часть расходов на пособия по социальному страхованию» (Analysis of the Social Security System: Hearings before a Subcommittee of the Committee on Ways and Means, House of Representatives (83rd Cong., 1st sess.), № 38458. Washington, DC: Government Printing Office, 1954. P. 1407). Аналогично: «Французская программа социального обеспечения, по сути дела, не имела другой цели, кроме как внести чуть больше справедливости в распределение национального дохода» (Laroque M.P. From Social Insurance to Social Security: Evolution in France // International Labour Review. June 1948. Vol. 57. P. 588); «Ein weiterer Wesenszug der Sicherungssysteme ist unter *kulturellen* Gesichtspunkten beachtlich. Diese Systeme verwenden Teile des Volkseinkommens *zwangsweise* zur Deckung eines bestimmten Bedarfs, der für *objektive* gegeben gehalten wird» [«Другая характерная особенность систем страхования отчетливо видна с точки зрения *культуры*. Эти системы в *принудительном порядке* используют часть национального дохода для покрытия определенных нужд, которые принимаются за объективную данность»] (Weisser G. Soziale Sicherheit // Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. 1956. Vol. 9. P. 401). См. также: «Der marktwirtschaftliche Einkommensprozeß bietet der Sozialpolitik ein tragfähiges Fundament für eine staatliche Einkommensumleitung, die in Form von Fürsorgeleistungen, Renten- und Lastenausgleichszahlungen, Wohnungsbauzuschüssen, Subventionen u.s.w. die Einkommensverteilung korrigiert» [«Процесс формирования дохода в рыночных условиях предоставляет социальной политике прочный фундамент для государственного перераспределения доходов, которое осуществляется в форме отчислений на пособия, пенсии, компенсации, жилищные субсидии, дотации и т.д.»] (Müller-Armack A. Soziale Marktwirtschaft // Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. 1956. Vol. 9. P. 391).

посредством решений, касавшихся, как казалось большинству, мелких технических вопросов, в которых существенные различия зачастую сознательно затушевывались с помощью неумолимой и искусной пропаганды. Важно ясно видеть границу между таким состоянием дел, когда общество принимает на себя обязательство предотвращать нищету и обеспечивать минимальный уровень благосостояния, и таким, когда оно присваивает власть определять «по справедливости» положение каждого и выдавать каждому по его заслугам. Свобода оказывается в серьезной опасности, когда государство наделяется исключительными полномочиями предоставлять определенные услуги, потому что тогда ради достижения своей цели оно должно использовать эти полномочия для дискреционного принуждения по отношению к индивидам⁷.

3. Крайняя сложность систем социального обеспечения и, как следствие, их непонятность создают серьезную проблему для демократии. Вряд ли будет преувеличением сказать, что развитие огромного механизма социального обеспечения было не только главным, но и менее всего понятным фактором трансформации нашей экономики. Об этом говорит не только устойчивая вера⁸ в то, что получатель пособий имеет на них моральное право, поскольку он за них заплатил, но и тот курьезный факт, что значительная часть законов о социальном обеспечении иногда поступает в законодательные собрания в таком виде, что их можно либо целиком принять, либо целиком отвергнуть, но нет возможности внести в них какие-либо

---

⁷ Из-за ограниченности места здесь нет возможности детально показать, как амбициозные цели государственных программ социального страхования делают неизбежным наделение властных органов широкими дискреционными полномочиями и правом применять принуждение. Некоторые из этих проблем четко выявлены в интересной работе: *Watson A.D. The Principles Which Should Govern the Structure and Provisions of a Scheme of Unemployment Insurance. Ottawa: Unemployment Insurance Commission, 1948*, где была принята интересная попытка построить программу частного страхования, которая достигала бы тех же целей. Эвелин М. Бёрнс в документе, цитируемом выше в примечании 2, пишет об этом проекте: «Таким образом, А.Д. Уотсон, автор самой, по-видимому, обоснованной и последовательной попытки связать частное и социальное страхование, утверждает: „Нарушение твердо установленных принципов страхования заводит в такие дебри, что однажды из них можно и не выбраться“. Но в попытке проработать положения закона о страховании по безработице даже этот автор вынужден вернуться к принципам, которые используют такие термины, как „разумность“, „административная целесообразность“ или „практическая справедливость“. Однако такие слова можно интерпретировать только соотнося с некими подразумеваемыми целями, некими конкретными социальными обстоятельствами и преобладающими социальными ценностями. Таким образом, решение о том, что именно „благоразумно“, предполагает учет целей и интересов» (*Burns E.M. Private and Social Security Insurance and the Problems of Social Security*; переиздано: *Analysis of the Social Security System: Hearings before a Subcommittee of the Committee on Ways and Means, House of Representatives (83rd Cong., 1st sess.). № 38458. Washington, DC: Government Printing Office, 1954. P. 1474*). Эта трудность возникает только в предположении, что система частного страхования должна обеспечивать все то, что может предоставить система государственного страхования. Частные конкурирующие системы могут быть предпочтительными, даже если они решают гораздо более ограниченные задачи.

⁸ Обильные иллюстрации того, в какой степени эти ошибочные представления направляли политику в США, см.: *Stokes D. Social Security — Fact and Fancy. Chicago: H. Regnery, 1956*; особенно предисловие (с. vii–x). Аналогичные примеры могут быть найдены и в Великобритании.

изменения⁹. Из этой сложности проистекает парадокс: гипотетическая неспособность большинства людей вести собственные дела стала предлогом для создания системы, взявшей на себя распоряжение значительной частью их доходов, но именно это большинство должно коллективно определять, кто будет расходовать его доходы¹⁰.

Однако хитросплетения системы социального обеспечения — загадка не только для непрофессионалов. Сегодня обычный экономист, социолог или юрист почти столь же плохо понимает детали этой сложной и постоянно меняющейся системы. В результате и в этой области, как и во всех других, доминирующей фигурой стал эксперт.

Эксперты нового типа — мы находим их в таких областях, как трудовые отношения, сельское хозяйство, жилищное строительство и образование, — являются специалистами по конкретной институциональной структуре. Созданные нами в этих областях организации стали настолько сложными, что человеку, который хочет в них разбираться, приходится посвящать им все свое рабочее время. Институциональный эксперт — это не обязательно человек, который знает все необходимое об институте, чтобы иметь возможность судить о его ценности, но часто это тот единственный и незаменимый специалист, кто сумел досконально разобраться в работе соответствующей организации. Причины, в силу которых он выражает интерес к данному институту и одобряет его деятельность, чаще всего не имеют отношения к его профессиональной квалификации. Но этот эксперт нового типа почти неизменно имеет одну отличительную черту: он без колебаний одобряет тот институт, в деятельности которого он разбирается. Дело не только в том, что только тому хватит интереса и терпения вникать

---

⁹ См.: Meriam L., Schlotterbeck K. The Cost and Financing of Social Security. Washington, DC: Brookings Institution, 1950. P. 9–10, где сообщается о новейшем на тот момент в США законопроекте по социальному страхованию, который «поступил в Конгресс 5 октября 1949 года с условием, что не допускаются поправки, предложенные конгрессменами или членами меньшинства бюджетного комитета. Позиция, не лишенная серьезных достоинств, заключалась в том, что законопроект «H.R. 6000» [Законопроект о расширении и усовершенствовании федеральной системы страхования по старости и на дожитие, о внесении изменений в положения Закона о социальном обеспечении, касающиеся государственного вспомоществования неимущим, пособий на детей и социальной помощи детям. — *Ред.*] слишком сложен и насыщен техническими деталями, чтобы можно было принять частные поправки людей, как следует не разобравшихся во всех его тонкостях». См. также: «Dabei kommt es zu einer Geheimsprache, die es, um ein Beispiel zu nennen, neun Zehnteln der Bundestagsabgeordneten unmöglich macht, sozialpolitischen Debatten mit Verständnis zu folgen» [«Таким образом возникает тайный язык, который, например, делает невозможным понимание дебатов о социальной политике для девяти из десяти членов парламента»] (Aehinger H. Sozialpolitik als Gesellschaftspolitik: Von der Arbeiterfrage zum Wohlfahrtsstaat. Hamburg: Rowohlt, 1958. P. 135).

¹⁰ См.: «Ее [систему социального страхования] можно попытаться оправдать, заявляя, что наемным рабочим не хватает проникательности и морального духа, чтобы добровольно обеспечить свое будущее. Но тогда непросто заставить замолчать тех, кто спрашивает, не является ли парадоксальным доверять благосостояние страны решениям избирателей, которых сам закон считает неспособными управлять собственными делами; не является ли абсурдным отдавать верховную власть по руководству правительством людям, явно нуждающимся в опеке, который бы не допускал безрассудной растраты ими своего собственного дохода. Разумно ли давать опекаемым право избирать своих опекунов?» (Mises L. von. Human Action, New Haven: Yale University Press, 1949. P. 613 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 577]).

во все детали, кто одобряет цели института, более важно то, что любому другому этим просто нет смысла заниматься: взгляды того, кто не готов принять принципы существующих институтов, вряд ли будут приняты всерьез и не будут иметь никакого веса в обсуждениях, в ходе которых выработывается текущая политика¹¹.

Весьма важно, что в результате этой тенденции возникает все больше и больше областей политики, где признанными «экспертами» почти что по определению оказываются люди, которые одобряют принципы, лежащие в основе политики. Более того, это один из тех факторов, которые делают многие современные процессы самоускоряющимися. Политик, который, рекомендуя какие-либо меры, означающие развитие текущей политики, утверждает, что «их одобряют все эксперты», часто действует вполне честно, потому что экспертами стали только те, кто одобряет проводимую политику, а несогласные с ней независимые юристы и экономисты экспертами не считаются. Как только механизм создан, его развитие и то, что ему нужно, будут определять люди, решившие ему служить¹².

---

¹¹ Поучительную иллюстрацию этому дал несколько лет назад симпозиум «Влияние профсоюзов» (Impact of the Union. Institute in the Structure of Labor Market held at the American University, May 12–13, 1950. New York: Harcourt, Brace, 1951), в котором приняли участие самые видные экономисты нашего времени [Дэвид М. Райт, Джон М. Кларк, Готфрид фон Хаберлер, Кеннет Э. Боулдинг, Эдвард Г. Чемберлин, Милтон Фридман, Пол Э. Сэмюэльсон. — *Ред.*]. Хотя на нем состоялось чрезвычайно острое и глубокое обсуждение одной из самых насущных экономических проблем, «эксперты по трудовым отношениям» отнеслись к нему покровительственно и снисходительно.

¹² Стоит кратко рассмотреть еще один эффект, создаваемый властью экспертов. Любая тенденция, которая формируется последовательно принимаемыми решениями ряда разных экспертов, работающих в одной и той же организации, обязательно будет продолжаться, потому что встречается с меньшим числом реальных ограничений, чем она столкнулась бы в мире конкуренции. Когда медицинские эксперты говорят, что нечто является необходимым и «должно» быть сделано, это становится исходными данными, на которых эксперт по администрированию основывает свое решение; а то, что он в итоге примет как административно необходимое, станет исходными данными для юриста, составляющего законопроект, и т.д. Ни один из этих экспертов не чувствует себя вправе взглянуть на целое и, с учетом совокупного результата, пренебречь какой бы то ни было «необходимостью», о которой говорят другие эксперты. В прошлом, когда жизнь была проще и действовало правило «эксперт должен быть под рукой, но не наверху», принятие таких решений было задачей политического руководителя подразделения правительства. Сложность современных политических мер делает его почти бессильным в противостоянии с отрядом экспертов. В силу этого итоговые меры оказываются все больше результатом не координации и взаимного приспособления решений, а продуктом суммирования, в котором одно решение делает неизбежным другое, хотя этого вовсе не предвидели те, кто принимал первое, — то есть результатом процесса, в ходе которого никто не в состоянии сказать «стоп!». Итоговые меры не опираются на такое разделение труда, когда на каждом этапе человек волен принять или не принять в качестве основы своего решения то, что предлагает ему некое другое агентство. Возникающий в результате безальтернативный продукт оказывается плодом внутренних закономерностей этого процесса и не имеет никакого отношения к пониманию целого каким-либо одним умом.

Действительно, вряд ли можно сомневаться, что для задач такого масштаба, как, например, организация медицинского обслуживания целой страны, единая всеобъемлющая организация не является самым эффективным решением даже в том случае, если речь идет только об использовании всего наличного знания, но еще меньше такой подход благоприятен для быстрого развития и распространения новых знаний. Как и во многих других областях, сама сложность задачи требует такого метода координации, который не основан на сознательном руководстве и контроле над отдельными частями со стороны руководящей власти, а направляется безличным механизмом.

4. Довольно парадоксально, что государство сегодня претендует на превосходство исключительно однонаправленного развития под управлением публичной власти применительно к отрасли, которая, пожалуй, нагляднее любой другой демонстрирует, что новые институты возникают не в результате замысла, а в ходе постепенной эволюции. Современная концепция страхования от всевозможных рисков возникла не потому, что кто-то увидел потребность в этом и придумал рациональное решение. Мы настолько хорошо знакомы с тем, как действует страхование, что часто воображаем, будто любой умный человек, стоит ему немного поразмыслить, быстро откроет его основные принципы. На самом деле то, как возникло страхование, — наиболее яркая иллюстрация самонадеянности тех, кто хочет направить будущее развитие по единственному пути, навязываемому властями. Совершенно справедливо утверждается, что «никто никогда не создавал морское страхование так, как позже было создано социальное страхование» и что все современные методы есть результат постепенного роста, в котором последовательные шаги, обязанные «бесчисленным вкладом анонимных или исторических личностей, создали в конце концов произведение настолько совершенное, что в сравнении с целым все умные концепции, создаваемые отдельным творческим разумом, должны казаться крайне примитивными»¹³.

Неужели мы в самом деле настолько уверены в успешном завершении своего пути к вершинам мудрости, что для того, чтобы быстрее достичь уже видимых целей, можем позволить себе обойтись без помощи, которую нам в прошлом оказывало незапланированное развитие, и без постепенного приспособления старых механизмов к новым задачам? Достаточно важно, что в двух основных областях, которые государство грозит монополизировать, — забота о престарелых и оказание медицинской помощи — мы наблюдаем чрезвычайно быстрое спонтанное развитие новых методов, над которыми государство еще не установило полного контроля, самых разнообразных экспериментов, которые почти наверняка дадут новые ответы на текущие нужды — ответы, которых не может предвидеть никакое перспективное планирование¹⁴. Насколько вероятно, в таком случае, что в дол-

---

¹³ Schreiegg J. Die Versicherung als geistige Schöpfung des Wirtschaftslebens: Eine entwicklungspsychologische Untersuchung. Leipzig; Berlin: Teubner, 1934. P. 59, 58.

¹⁴ О развитии частных пенсионных программ в Великобритании см., например: The Report of the Committee on the Economic and Financial Problems of the Provision for Old Age. Cmd. 9333. London: H.M. Stationery Office, 1954; и сводку полученных этим комитетом результатов: Seldon A. Pensions in a Free Society. London: Institute of Economic Affairs, 1957. P. 4–5, где утверждается, что «в 1936 году в промышленности и торговле [частным страхованием по старости] было охвачено около 1 800 000 человек. К 1951 году это число составило около 6 300 000 человек, из них 3 900 000 в частном секторе и 2 400 000 в государственном. К 1953–1954 годам охват вырос до 7 100 000. Сегодня (июнь 1957 года) он составляет 8 500 000. В это число входят около 5 500 000 человек, занятых в частной промышленности». Американские достижения в этой области еще более поразительны, но самый важный факт состоит в быстром развитии новых видов страхования здоровья или медицинского страхования (см.: Nash C.C. The Contribution of Life Insurance to Social Security in the United States // International Labour Review. July 1955. Vol. 72. P. 21–39; также опубликованная как: Nash C.C. The Contribution of Life Insurance to Social Security in the United States. Geneva:

госрочной перспективе мы окажемся в лучшем положении в условиях государственной монополии? Превратить лучшее доступное в любой данный момент времени знание в обязательный стандарт для всех будущих проектов — это самый надежный способ не допустить появления нового знания.

5. Мы видели, как практика поддержки крайне нуждающихся за счет казенных средств в сочетании с практикой принуждения людей к страхованию от подобных ситуаций, чтобы не стать обузой для других, в конце концов почти повсеместно породила третью, иную систему, при которой людям, оказавшимся в определенных обстоятельствах, таких как болезнь или старость, обеспечена помощь независимо от того, нуждаются ли они в этом и позаботились ли они о себе сами¹⁵. При такой системе каждому обеспечивается тот уровень благосостояния, который считается для них необходимым независимо от того, способны ли они сами позаботиться о себе, каковы были их личные взносы и какие взносы они по-прежнему способны делать.

К этой третьей системе изначально переходили, как правило, добавляя к тому, что выплачивалось людям за счет принудительного страхования, выплаты из общественных фондов, а затем предоставляя им якобы по праву то, что лишь в малой части покрывалось их собственными взносами. Превращение этого принудительного перераспределения доходов в законное право получателя не может, разумеется, изменить того факта, что такие выплаты можно оправдать только особой нуждой и потому они не перестают быть формой благотворительности. Но этот их характер обычно маскируется тем, что это право предоставляется всем или почти всем, при этом из карманов более благополучных людей извлекается намного больше того, что они получают. Предполагается, что большинство не стремится завладеть тем, что они, как и сами знают, не заработали, а получили только из-за личной нужды, а также испытывает неприязнь к «проверке нуждаемости» — и это стало предлогом, чтобы так все запутать, что люди перестали понимать, за что они заплатили, а за что — нет¹⁶. Все это было сделано для того, чтобы, утаивая информацию, убедить общественное мнение принять новый метод распределения дохода, который менеджеры

International Labour Office, 1955; также см.: *Campbell W.G., Campbell R.R. Voluntary Health Insurance in the United States*. Washington, DC: American Enterprise Association, 1960; *Fundamentals of Voluntary Health Care* / Ed. by Huszar G.B. de. Caldwell, ID: Caxton Printers, 1962, где переизданы некоторые части работы Кэмпбеллов.

¹⁵ К сожалению, в английском отсутствуют точные выражения для передачи немецких терминов, выражающих такие стадии развития, как *Fürsorge*, *Versicherung* и *Versorgung* [букв. попечительство, уверение и обеспеченное существование; в современном языке: социальное обеспечение, страховка и попечение (нем.)]; см.: *Achinger H. Soziale Sicherheit: Eine historisch-soziologische Untersuchung neuer Hilfsmethoden*. Stuttgart: Frederick Vorwerk, 1953. P. 35; ср. со статьями того же автора в сборнике: *Neuordnung der sozialen Leistungen: Denkschrift auf Anregung des Herrn Bundeskanzlers*. Cologne: Graven Verlag, 1955; а также: *Hansmeyer K.-H. Der Weg zum Wohlfahrtsstaat: Wandlungen der Staatstätigkeit im Spiegel der Finanzpolitik unseres Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: F. Knapp, 1957.

¹⁶ Многочисленные примеры этого см.: *Stokes D. Social Security — Fact and Fancy*. Chicago: H. Regnery, 1956.

новой структуры с самого начала рассматривали как лишь временную полумеру, из которой со временем должен развиваться аппарат, в явном виде осуществляющий перераспределение¹⁷. Это развитие событий можно было предотвратить, только если бы с самого начала была проведена четкая грань между выплатами, которые получатель полностью покрыл своими прежними взносами, а потому имеет на них юридическое и моральное право, и теми, которые предоставляются в порядке помощи, а потому требуют подтверждения нуждаемости.

В связи с этим следует отметить еще одну особенность единого государственного механизма социального обеспечения: его способность использовать собираемые принудительным образом средства для пропаганды мер по расширению этой принудительной системы. Очевидна глубокая абсурдность того, что большинство облагает себя налогами, чтобы содержать пропагандистскую организацию, стремящуюся убедить это самое большинство продвинуться по этому пути еще дальше, чем оно уже согласилось. Хотя, по крайней мере в США, стало общепринятым использование государственными организациями пиар-методов, вполне правомерных в частном бизнесе, все же весьма сомнительно, что в условиях демократии разные ведомства могут правомерно расходовать общественные средства на пропаганду расширения собственной деятельности. И ни в одной другой области это не стало настолько общим явлением в национальном и международном масштабе, как в области социального обеспечения. Это в конечном счете означает, что группе специалистов, заинтересованных в определенном проекте, было позволено тратить государственные средства на манипулирование общественным мнением в свою пользу. В результате как избиратели, так и законодатели получают информацию исключительно от тех, чью деятельность они должны направлять. Трудно переоценить то, в какой степени этот фактор помог ускорить весь этот процесс — он происходил намного быстрее, чем люди бы позволили в противном случае. Такую субсидируемую пропаганду, проводимую существующей на налоговые средства организацией, никоим образом нельзя сравнивать с конкурентной рекламой. Она дает организации власть над умами, сопоставимую только с аналогичной властью тоталитарного государства, владеющего монополией на средства распространения информации¹⁸.

Хотя существующие системы социального обеспечения формально были созданы на основании демократически принятых решений, можно усомниться, что большинство бенефициаров действительно одобрили бы их,

---

¹⁷ См. цитаты в примечании 4, а о том, в какой мере эта цель была достигнута в разных странах, см.: *Income Redistribution and Social Policy* / Ed. by A.T. Peacock. London: Jonathan Cape, 1954.

¹⁸ Помимо значительной части публикаций Международной организации труда, ярким примером такой пропаганды на международной арене является роскошно оформленный том: *Freedom and Welfare: Social Patterns in the Northern Countries of Europe* / Ed. by G.R. Nelson. Copenhagen: Krohns Bogtrykkeri, 1953, изданный по инициативе министерств социального обеспечения Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции, и было бы любопытно узнать, как финансировалось это издание.

если бы хорошо знали все их последствия. Время, которое они взвалили на себя, позволив государству расходовать часть их доходов на выбираемые им цели, тяжелее всего чувствуется в сравнительно бедных странах, которые особенно остро нуждаются в росте производительности. Действительно ли кто-то верит, что среднему полуквалифицированному итальянскому рабочему лучше от того, что 44% расходов его работодателя на оплату труда перечисляются государству, или, в конкретных цифрах, что из 49 центов, которые наниматель платит за час его труда, ему достаются только 27 центов, тогда как остальные 22 цента за него расходует государство?¹⁹ Или кто-то верит, что если бы рабочие осознали ситуацию и у них была возможность выбора: оставить все, как есть сейчас, или получать доход за вычетом налогов, который в отсутствие взноса на социальное страхование был бы почти вдвое больше, — то они выбрали бы первое? Или что во Франции, где для всех рабочих соответствующая величина составляет в среднем треть от совокупных расходов на оплату труда²⁰, она не превосходит той доли, которую рабочие отдали бы добровольно за услуги, предоставляемые им в обмен государством? Или что в Германии, где примерно 20% всего национального дохода отдается в распоряжение администрации социального обеспечения²¹, это не является принудительным изъятием части ресурсов, значительно превосходящей ту, на которую люди согласились бы по доброй воле? Можно ли всерьез отрицать, что большинство этих людей жили бы лучше, если бы деньги доставались им и они были бы вольны покупать свою страховку у частных компаний?²²

6. У нас есть возможность рассмотреть здесь более детально только главные отрасли социального обеспечения: предоставление содержания в старости, при полной утрате трудоспособности по другим причинам и при потере кормильца; предоставление медицинских услуг и лечение в стационаре; а также защита от потери дохода по причине безработицы. Многочисленные другие услуги, которые в разных странах предоставляются либо как часть вышеперечисленных, либо независимо от них, такие как

¹⁹ Bank for International Settlement. BIS24th: Annual Report for 1953–1954. Basel: Bank of International Settlements, 1954. P. 46.

²⁰ См.: *Laroque M.P.* From Social Insurance to Social Security: Evolution in France // International Labour Review. June 1948. Vol. 57. P. 587; *Rottier G., Albert J.F.* The Social Services and Income Redistribution in France // Income Redistribution and Social Policy. P. 98.

²¹ *Weisser G.* Soziale Sicherheit // Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. 1956. Vol. 9. P. 407. Соответствующую величину доли национального дохода (в %), которая в 1950 году в пяти главных англоговорящих странах расходовалась на социальное обеспечение, можно найти в работе: *Burns E.M.* Social Security and Public Policy. New York: McGraw-Hill, 1956. P. 5. Для Австралии она составляет 7,3; Канады — 7,99; Великобритании — 11,87; Новой Зеландии — 13,18; США — 5,53. Аналогичный показатель для европейских стран: Германия — 20,0; Франция — 16,5; Австрия — 15,8; Италия — 11,3; Великобритания — 11,0 и Швейцария — 10,0 (*Free Trade and Social Security // Planning.* 1956. Vol. 405. P. 142–155).

²² В Бельгии, насколько я понимаю, рабочие и самозанятые в конце концов остановили эту тенденцию после того, как за двенадцать лет взносы выросли с 25 до 41% от величины заработной платы (см.: *Röpke W.* Jenseits von Angebot und Nachfrage. Erlenbach-Zürich; Stuttgart: Rentsch, 1958. P. 295).

пособия по беременности и родам или на воспитание детей, затрагивают отдельный класс проблем, которые считаются частью так называемой «демографической политики», но этот аспект современной политики мы рассматривать не будем.

Область, в которой большинство стран взяли на себя самые серьезные обязательства и которая, вероятно, создает самые острые проблемы, — это обеспечение по старости и содержание иждивенцев (исключая, пожалуй, Великобританию, где создание бесплатной Национальной службы здравоохранения породило проблемы сопоставимого масштаба). Особые трудности связаны с обеспечением пожилых людей, потому что в большинстве стран западного мира именно по вине государства пожилые люди лишились средств к существованию, которыми обеспечили бы себя сами. Государства не смогли выполнять взятые на себя обязательства и справляться со своей обязанностью поддерживать стабильность национальной валюты и повсеместно создали ситуацию, когда у поколения, заканчивающего трудовую жизнь в третьей четверти нашего столетия, была отнята большая часть того, что они пытались отложить на старость, и намного больше людей, чем было бы в противном случае, не по своей вине столкнулись с нищетой, несмотря на усилия, которые они предприняли ранее, чтобы избежать такой участи. Не будет лишним снова и снова повторить: инфляция никогда не бывает неотвратимой природной катастрофой; она всегда возникает в результате слабости или невежества тех, кто отвечает за денежную политику, — хотя ответственность может быть распределена так широко, что никто в отдельности не окажется виноватым. Хотя власти и могут полагать, что с помощью инфляции они пытались предотвратить еще большее зло, все же она всегда является результатом их политического выбора.

Но даже если подойти к проблеме обеспечения по старости, полностью осознавая особую ответственность государств за сложившуюся ситуацию, как это и следует делать, нельзя не задаться вопросом: может ли ущерб, причиненный одному поколению (которое в конечном итоге тоже несет свою долю ответственности), оправдать навязывание целой стране постоянной системы, в которой нормальным источником дохода с определенного возраста служит пенсия, выплачиваемая из текущих налоговых поступлений, величина которой определяется политическими соображениями? Тем не менее весь западный мир движется к этой системе, которая неизбежно породит такие проблемы для будущей политики, масштаб которых большинство пока даже не в силах вообразить. Пытаясь избавиться от одного зла, мы можем возложить на будущие поколения ношу тяжелее, чем они захотят нести, связать им руки так, что после многих попыток освободиться они, возможно, освободят себя сами, нарушив обязательства еще больше, чем это сделали мы.

Проблема приобретает тем более серьезный масштаб, если государство берется обеспечить не только минимальное, но и «достойное» содержание для всех пожилых людей независимо от нужды каждого индивида и его личного вклада. Когда государство устанавливает монополию

на предоставление такой защиты, оно почти неизменно предпринимает два важнейших шага: во-первых, поддержка предоставляется не только тем, кто благодаря взносам приобрел право на нее, но и тем, у кого на это еще не было достаточно времени; и во-вторых, когда приходит пора платить пенсию, средства выплачиваются не из дохода на дополнительный капитал, накопленный для этой цели, и, следовательно, не из дополнительного дохода, созданного усилиями получателя, но представляют собой перераспределение части плодов труда тех, кто является производителем в настоящее время. Это одинаково верно для случая, когда правительство номинально создает резервный фонд и «инвестирует» его в правительственные ценные бумаги (то есть ссужает деньги самому себе и, фактически, тут же их тратит), так и в том случае, когда оно явным образом покрывает текущие расходы текущими налоговыми поступлениями²³. (В принципе представимый, но ни разу не осуществленный на практике вариант, когда правительство инвестирует резервный фонд в производительный капитал, быстро привел бы ко все большему возрастанию государственного контроля над промышленным капиталом.) Именно эти два типичных последствия государственного пенсионного страхования по старости — главная причина, по которой обычно настаивают именно на такой организации системы.

Легко понять, каким образом этот полный отказ от страхового подхода к социальному обеспечению, означающий признание права каждого, достигшего определенного возраста (а также всех иждивенцев и нетрудоспособных) на «достойный» доход, величина которого в настоящее время определяется большинством (и его существенную часть составляют получатели пенсий и пособий), неизбежно превращает всю систему в инструмент политики, в игрушку демагогов, борющихся за голоса избирателей. Тщетно надеяться, что тот или иной объективный критерий справедливости может послужить ограничением для наращивания требований о «достаточном» содержании за счет ныне работающих, на котором будут настаивать люди, достигшие привилегированного возраста, даже если они еще способны работать, — тем более что работающие могут утешаться мыслью, что когда-то в будущем, когда их станет еще больше и они смогут оказывать еще большее давление на выборах, им будет еще проще заставить работающих содержать себя.

Непрестанная пропаганда полностью затемнила тот факт, что такая модель достойных пенсий для каждого неизбежно означает, что многие, достигшие наконец вождественного пенсионного возраста и имеющие возможность жить на свои сбережения, будут при этом получателями пособий за счет тех, кто еще не достиг этого возраста, многие из которых ушли бы на пенсию, если бы им был гарантирован такой же доход²⁴, и что в богатом обществе, не разоренном инфляцией, считается нормальным, что

---

²³ См.: *Peacock A.T.* The Economics of National Insurance. Edinburg: W. Hodge, 1952.

²⁴ См.: *Stokes D.* Social Security — Fact and Fancy. Chicago: H. Regnery, 1956. P. 89 ff.

значительная часть удалившихся от дел живет более обеспеченно, чем те, кто еще работает. Насколько основательно публика введена в заблуждение в этом вопросе, иллюстрирует часто цитируемое утверждение (принятое в качестве довода Верховным судом США), что в США в 1935 году «приблизительно 3 из 4 лиц в возрасте 65 лет и старше частично или целиком зависели от материальной поддержки других» — утверждение, основанное на статистике, которая в явном виде исходит из допущения, что вся ответственность пожилых пар принадлежит только мужьям, а потому все жены оказываются «зависимыми»²⁵.

Неизбежный итог этой ситуации, которая стала привычной и для других стран помимо США, — то, что в год выборов каждый раз начинаются гадания о том, насколько в этот раз поднимут выплаты по социальному обеспечению²⁶. То, что нет предела будущим требованиям, ясно показало недавнее заявление британских лейбористов, в котором говорится, что по-настоящему достойная пенсия «означает право продолжать жить в том же районе, предаваться тем же хобби и иметь возможность поддерживать отношения с тем же кругом друзей, что и раньше»²⁷. Возможно, мы скоро дождемся и того, что нас станут убеждать, что поскольку у пенсионеров больше времени, чтобы тратить деньги, им нужно платить больше, чем еще работающим; а с учетом той возрастной структуры населения, которая нас ждет в недалеком будущем, ничто не помешает большинству, состоящему из людей старше сорока лет, заставить более молодых гнуть на них спину. Возможно, только тогда физически более сильные восстанут и лишат пожилых людей как их политических прав, так и претензий на получение содержания по закону.

Упомянутый выше документ британских лейбористов примечателен и тем, что в нем, помимо желания помочь престарелым, ясно сквозит желание сделать их неспособными заботиться о себе, чтобы они зависели исключительно от поддержки государства. Он пронизан враждебностью ко всем частным программам пенсионного обеспечения, и, что особенно примечательно, в основе всех расчетов лежит предположение, что в 1960–1980-е годы уровень цен вырастет вдвое²⁸. Когда планы предусматривают такую инфляцию, и правда очень вероятно, что большинство тех, кто будет выходить на пенсию в конце столетия, окажутся в зависимости от благотворительности молодых. В конечном итоге дело решит не мораль, а тот факт, что полиция и армия состоят из молодых: не исключено, что уделом старшего поколения, доход которого зависит исключительно от принуждения

---

²⁵ См.: Allen H.D. The Proper Federal Function in Security for the Aged // American Economic Security. 1953. Vol. 10. P. 50.

²⁶ См., например, статью под заголовком: «Социальное обеспечение. Выборы близко, а потому растут шансы, что пособия снова будут повышены. Конгресс может увеличить ежегодный чек на 5 или 10%» (Wall Street Journal. 1958. January 2. P. 1, 13). Эти ожидания сбылись.

²⁷ National Superannuation: Labour's Policy for Security in Old Age / Labour Party (Great Britain). London: Published by the Labour Party, 1957. P. 30.

²⁸ Ibid. P. 104, 106.

в отношении более молодых людей, будут концентрационные лагеря для всех не способных позаботиться о себе стариков.

7. Социальное обеспечение по болезни порождает не только большинство рассмотренных выше проблем, но и ряд специфических. Они вытекают из того факта, что «нужду» или «потребность» нельзя рассматривать так, как будто она одинакова у всех людей, отвечающих некоему объективному критерию, скажем, возрастному; каждый случай такой нужды порождает вопрос о сопоставлении ее безотлагательности и важности с издержками на ее удовлетворение. Соответствующие решения должны приниматься либо самим человеком, либо кем-то за него.

Несомненно, развитие страхования здоровья весьма желательно. Пожалуй даже имеются доводы в пользу того, чтобы сделать его обязательным, поскольку многие из тех, кто в состоянии сам о себе позаботиться таким образом, в противном случае могут стать бременем для общества. Но есть веские аргументы против единой системы государственного страхования; и имеются чрезвычайно сильные доводы против бесплатного всеобщего медицинского обслуживания. Из того, что мы уже знаем о таких схемах, можно сделать вывод, что их нецелесообразность скоро станет очевидной в странах, где они были созданы, хотя в силу политических обстоятельств маловероятно, что от них когда-нибудь удастся отказаться. На самом деле, один из сильнейших аргументов против них заключается в том, что введение таких систем — это своего рода политически необратимая мера, которая и далее будет сохраняться в силе, даже если выяснится, что решение было ошибочным.

Доводы в пользу бесплатного здравоохранения обычно опираются на два фундаментальных недоразумения. Во-первых, это вера в то, что потребности в медицинской помощи имеют объективно выявляемый характер, а потому в каждом случае их следует удовлетворять без оглядки на экономические соображения, и, во-вторых, что это экономически возможно, потому что улучшение медицинского обслуживания обычно приводит к восстановлению экономической эффективности или способности зарабатывать доход и тем самым окупается²⁹. Оба утверждения ошибоч-

---

²⁹ Это представление наиболее характерным образом выражено в «Отчете Бевериджа» (*Beveridge W. Social Insurance and Allied Service. Cmd. 6404. London: H.M. Stationery Office, 1942. Secs. 426–439*), в котором сформулировано предложение, что система национального здравоохранения должна «гарантировать, чтобы каждому гражданину было доступно любое лечение, в котором он нуждается, и в любой форме, которая ему необходима, будь то домашняя или стационарная, услуги врача общего профиля, специалиста или консультанта» (отд. 427, с. 158) и что она должна «обеспечивать полное профилактическое и лечебное обслуживание всех видов для каждого гражданина без исключения, без ограничения в виде оплаты и без экономических препятствий, которые приводили бы к задержке в обращении к нему» (отд. 437, с. 162). Можно отметить, что в докладе Бевериджа годовой бюджет системы оценивался в 170 млн фунтов стерлингов, а сейчас он заметно превышает 450 млн фунтов. См.: *Abel-Smith A., Titmuss R.M. The Cost of the National Health Service in England and Wales. Cambridge: Cambridge University Press, 1956. P. 58–61*; и *Report of the Committee of Enquiry into the Cost of the National Health Service. Cmd. 9663. London: H.M. Stationery Office, 1956. P. 120, 135*; см. также: *Crosland C.A.R. The Future of Socialism. London: Jonathan Cape,*

но трактуют природу проблемы, с которой связано большинство решений о сохранении жизни и здоровья. Не существует объективного критерия, позволяющего оценить, сколько лечения и других усилий требуется в каждом конкретном случае; к тому же с развитием медицины становится все более ясно, что нет пределов тем суммам, которые можно с пользой истратить, чтобы сделать все объективно возможное³⁰. Более того, неверно даже утверждать, что в нашей индивидуальной шкале ценностей все, что может быть сделано для сохранения жизни и здоровья, имеет абсолютный приоритет перед другими нуждами. Как и во всех прочих решениях, в которых нужно учитывать не только заведомо известное, но также шансы и вероятности, мы постоянно идем на риск и принимаем решения с учетом экономических соображений о целесообразности той или иной предосторожности, то есть сопоставляя риск с другими потребностями. Даже богатейший человек обычно не делает всего, что предлагает медицина для сохранения его здоровья, возможно потому, что за его время и энергию конкурируют другие заботы. Всегда кто-то должен решать, нужны ли дополнительные усилия и дополнительный расход ресурсов. Реальный вопрос состоит в том, кто будет принимать решение — сам ли человек должен иметь право голоса и иметь возможность получить больше заботы о своем здоровье за счет дополнительных жертв, или кто-то другой должен принимать это решение за него. Хотя никому не нравится, что надо выбирать между нематериальными ценностями, такими как жизнь и здоровье, и материальными выгодами, и каждому хотелось бы избежать подобного выбора, но тут мы ничего не можем изменить и нам приходится делать этот выбор.

Лежащая в основе доклада Бевериджа и всей британской системы здравоохранения идея, что существует объективно устанавливаемый стандарт медицинского обслуживания, который может и должен быть обеспечен каждому, не имеет отношения к реальности³¹. В сфере, претерпевающей столь быстрые изменения, как современная медицина, самое большее, что

1956. P. 120, 135; а также: *Jewkes J., Jewkes S. The Genesis of the British National Health Service.* Oxford: B. Blackwell, 1961.

³⁰ Ср.: *Roberts F. The Cost of Health.* London: Macmillan, 1952; *Bosch W. Patient, Arzt, Kasse: eine wirtschaftliche Betrachtung über Krankheit und Gesundheit.* Heidelberg: Quelle und Neyer, 1954; см. также: *Mises L. von. Socialism / New ed.* New Heaven: Yale University Press, 1951. Pt. 5. Ch. 34. Sec. 3. P. 476 ff. [*Мизес Л. фон. Социализм.* М.: Catallaxy, 1993. С. 331 и далее], и цитируемые там более ранние немецкие работы. [*Liek E. Der Arzt und seine Sendung; Gedanken eines Ketzers / 4th ed.* Munich: J.F. Lehmanns Verlag, 1927. P. 54; *Idem. Die Schäden der sozialen Versicherungen und Wege zur Besserung / 2nd ed.* Munich: J.F. Lehmanns, 1928. P. 17 et seq. — *Ред.*]

³¹ См.: *Roberts F. The Cost of Health.* London: Macmillan, 1952. P. 129. См. также: «Главный экономический вопрос [в отношении Британской национальной системы здравоохранения] таков: что будет, если есть услуга, спрос на которую при нулевой цене почти бесконечно велик, если не предпринимается никаких шагов, чтобы увеличить предложение, если критичная издержка является быстро возрастающей, если каждому гражданину законом гарантировано наилучшее возможное медицинское обслуживание и если не существует очевидного метода рационирования? Я не могу припомнить, чтобы какой-либо британский экономист заранее озабочился этими вопросами, а когда все уже случилось, эти вопросы поднимают преимущественно сами врачи, а не экономисты» (*Jewkes J. The Economist and Economic Change // Economics and Public Policy.* Washington, DC: Brookings Institutions, 1955. P. 96).

может быть гарантировано в равной мере всем, — это плохой средний уровень обслуживания³². Но в каждой развивающейся области то, что объективно можно предоставить всем, зависит от того, что уже предоставляется немногим, и поэтому, если услуги выше среднего уровня сделать слишком дорогими для большинства, то следствием этого неизбежно станет то, что средний уровень качества вскоре станет более низким, чем был бы в противном случае.

Проблемы, создаваемые бесплатной системой здравоохранения, становятся еще более трудными из-за того, что развитие медицины направлено не столько на восстановление работоспособности, сколько на облегчение страданий и увеличение продолжительности жизни, что, разумеется, оправданно не по экономическим, а исключительно по гуманитарным основаниям. При этом если задача борьбы с серьезными болезнями, которые могут выпасть на долю взрослого человека и сделать его нетрудоспособным, является довольно ограниченной, то задача замедления хронических процессов, которые в конечном счете несут всем нам дряхлость и угасание, открывает бесконечное поле деятельности. Эта вторая задача представляет собой проблему, которая ни при каких мыслимых условиях не может быть решена с помощью неограниченного наращивания материальных средств медицины, а потому всегда будет ставить человека перед мучительным выбором между конкурирующими целями. В системе государственного здравоохранения этот выбор индивиду навязывает власть. Может показаться жестоким, но, вероятно, в интересах всех, чтобы в условиях свободной системы те, кто обладает полноценной способностью к работе и зарабатыванию, в случае временной и не угрожающей жизни потери трудоспособности быстро получали медицинскую помощь даже за счет некоторого снижения ухода за престарелыми и смертельно больными. В условиях государственного здравоохранения мы обычно сталкиваемся с тем, что люди, которых можно быстро вернуть к активной жизни, вынуждены долго ждать своей очереди, потому что больницы заполнены теми, кто никогда уже не сможет вносить вклад в удовлетворение нужд других³³.

---

³² Ср.: «Наше исследование показало, что медицина, поставив себе на службу науку, приобрела свойство развиваться с постоянно растущей скоростью; что ее питают и она в свою очередь подпитывает профессиональные амбиции и коммерческие интересы; что этот процесс дополнительно усиливается ее успехами не столько в исцелении, сколько в увеличении продолжительности жизни в условиях медицинской поддержки; и что дополнительные факторы, способствующие экспансионизму медицины, — это повышение уровня жизни, а также чувства и эмоции, неотделимые от созерцания болезни» (*Roberts F. The Cost of Health. London: Macmillan, 1952. P. 116*).

³³ «Восьмидесятилетний человек с переломом шейки бедра должен быть немедленно госпитализирован, и когда он попадает на больничную койку, то занимает ее надолго. С другой стороны, человеку с незначительным физическим недомоганием, ограничивающим его трудоспособность, которому для полного излечения достаточно короткого пребывания в больнице, приходится иногда долго ждать, когда освободится место». Робертс добавляет: «Этот экономический взгляд на искусство врачевания может показаться бессердечным. Такое обвинение в самом деле было бы оправданным, если бы нашей целью было благоденствие государства, понимаемого как сверхчеловеческое существо; и само собой разумеется, что врача не интересует экономическая ценность пациента. Однако нашей целью является благополучие членов этого государства; и поскольку наших ресурсов недостаточно, чтобы мы

Национализация здравоохранения создает так много серьезных проблем, что здесь мы не можем упомянуть даже все важнейшие. Но есть одна, по-видимому, наиважнейшая, об опасности которой люди пока не догадываются. Это неизбежное превращение врачей, которые были членами свободной профессии и несли ответственность прежде всего перед пациентами, в платных слуг государства, в чиновников, которые по необходимости выполняют инструкции властей и должны быть освобождены от клятвы хранить врачебную тайну, если это надо власти. Самым опасным аспектом новых изменений вполне может оказаться то, что во времена, когда рост медицинских знаний дает их обладателям все большую власть над умами людей, они окажутся под контролем единой организации и будут руководствоваться теми же государственными соображениями, которые обычно определяют политику. Система, которая позволяет незаменимому помощнику человека и одновременно государственному служащему получать доступ к самым интимным аспектам жизни людей и при этом создает условия, в которых он обязан раскрыть это знание перед вышестоящим начальником и использовать его для целей, продиктованных властями, открывает пугающие перспективы. Превращение государственного здравоохранения в России в инструмент поддержания производственной дисциплины³⁴, дает представление о том, как может быть использована такая система.

8. Та отрасль системы социального обеспечения, которая считалась самой важной в предвоенный период, — предоставление пособий по безработице — в последние годы стала играть относительно незначительную роль. Хотя нет никаких сомнений, что предотвращение широкомасштабной безработицы важнее, чем материальное обеспечение безработных, нельзя быть уверенным, что мы окончательно решили первую проблему и что вторая не может опять стать чрезвычайно важной. Нельзя быть уверенным и в том, что характер материального обеспечения безработных не окажется одним из главных факторов, определяющих масштаб безработицы.

Мы опять будем считать само собой разумеющимся существование государственной системы вспомоществования, которая обеспечивает необходимый минимум типовых потребностей во всех случаях, когда человек нуждается и это подтверждено, так что ни одному члену общества не грозит полное отсутствие пищи или крыши над головой. Возникающий в связи с этим отдельный вопрос заключается в том, кто и как окажет безработным дополнительную помощь в зависимости от их нормального заработка, если вообще окажет, и, в частности, может ли потребность в этом служить

могли лечить все болезни с той эффективностью, которую при самых удачных условиях делает возможным прогресс науки, мы вынуждены стремиться к справедливому равновесию между краткосрочной прямой пользой для индивида и долгосрочными выгодами, которые впоследствии возвращаются к нему же» (Ibid. P. 136).

³⁴ См.: *Field M.G. Doctor and Patient in Soviet Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1957.

оправданием принудительного перераспределения доходов в соответствии с неким принципом справедливости.

Главный аргумент в пользу того, что материальная помощь должна превышать минимум, гарантированный каждому, опирается на то, что причиной резких и непредсказуемых изменений в спросе на труд служат обстоятельства, которые рабочий не может ни предвидеть, ни контролировать. Этот аргумент имеет под собой некоторые основания, если речь идет о массовой безработице в период тяжелой депрессии. Но у незанятости много других причин. Периодически повторяющаяся и предсказуемая незанятость характерна для многих сезонных занятий, и в этом случае в общих интересах либо ограничивать предложение рабочей силы так, чтобы рабочему хватало сезонных заработков на целый год, либо поддерживать периодическое перемещение работников между этой и другими профессиями. В некоторых отраслях безработица является прямым следствием завышенного уровня заработной платы, и причиной может быть либо чрезмерное повышение зарплаты из-за действий профсоюзов, либо отраслевой спад. В обоих случаях, чтобы избавиться от безработицы, нужна гибкость заработной платы и мобильность самих рабочих; однако эффективность обоих факторов ослабляется системой, гарантирующей безработным доход в размере определенного процента от привычного им уровня заработной платы.

Несомненно, существуют доводы в пользу настоящего страхования от безработицы — страхования, в котором различные риски, характерные для разных отраслей и занятий, отражены в величине страховых премий. В той мере, в какой отрасль в силу специфической нестабильности большую часть времени нуждается в резерве безработных, желательно, чтобы она стимулировала многих людей находиться в постоянной готовности, предлагая заработную плату достаточно высокую, чтобы компенсировать этот конкретный риск. По разным причинам такая система страхования кажется нереализуемой в определенных занятиях (таких, как сельскохозяйственный труд и помощь в ведении домашнего хозяйства), и в значительной степени именно по этой причине были введены в действие государственные схемы «страхования»³⁵, которые, фактически, субсидируют доходы подобных групп из фондов, наполняемых взносами других работников или налоговыми поступлениями. Однако когда риск потери работы, специфичный для отдельной отрасли или профессии, покрывается не из получаемых в ней заработков, а извне, это означает, что в этой отрасли субсидируется предложение труда сверх экономически желательного.

Однако главный смысл всеобъемлющих систем компенсации за безработицу, созданных во всех западных странах, заключается в том, что они действуют на рынках труда, где доминируют профсоюзы, опирающиеся на принуждение, и были разработаны под их сильным влиянием в целях

---

³⁵ Ср.: *Burns E.M.* Social Insurance in Evolution. Social Insurance in Evolution // *American Economic Review*. 1944. Vol. 34. P. 204–205.

содействия профсоюзам в их политике заработной платы. Система, в которой считается, что рабочий не в состоянии найти занятость и, следовательно, имеет право на пособие, потому что бастуют рабочие фирмы или отрасли, где он хочет работать, превращается в главную опору профсоюзов в их борьбе за рост заработной платы. Такая система, которая освобождает профсоюзы от ответственности за безработицу, создаваемую их политикой, и возлагает на государство бремя не просто поддерживать существование, но вполне достойно содержать тех, кто из-за них остался без работы, может в конце концов только обострить проблему безработицы³⁶.

В свободном обществе для разумного решения этих проблем было бы целесообразно, чтобы государство лишь гарантировало одинаковый минимум для всех, кто не способен содержать себя, и постаралось свести циклическую безработицу к минимуму путем ответственной денежной политики, а дополнительные выплаты, необходимые для поддержания привычного уровня жизни, должны быть оставлены на попечение добровольных и конкурирующих между собой программ. Именно в этой области профсоюзы, лишенные права на принуждение, могут принести наибольшую пользу; и в самом деле, они были уже близки к тому, чтобы начать удовлетворять эту потребность, когда государство освободило их от этой задачи³⁷. Но принудительные схемы так называемого страхования по безработице всегда будут использоваться для «корректировки» относительного вознаграждения различных групп, для субсидирования нестабильных отраслей и профессий за счет стабильных и для поддержания требований о повышении заработной платы до уровня, несовместимого с высокой занятостью. Поэтому в долгосрочной перспективе эти схемы, скорее всего, могут только усугубить болезнь, от которой предположительно должны были избавиться.

9. Трудности, с которыми везде сталкиваются системы социального страхования и которые становятся причиной периодически возобновляющихся дискуссий о «кризисе социального обеспечения», — следствие того, что аппарат, созданный для облегчения жизни бедных, превратился в инструмент перераспределения доходов — перераспределения, якобы опирающегося на некий несуществующий принцип социальной справедливости, но в действительности определяемого решениями *ad hoc*. Разумеется, даже обеспечение одинакового минимума для всех, кто не может обеспечить себя сам, требует некоего перераспределения доходов. Но есть

---

³⁶ Будучи одним из самых добросовестных британских исследователей этих вопросов, Джон Ричард Хикс заметил некоторое время назад: «Одна из причин того, что у нас такая высокая безработица... является прямым следствием нашей прогрессивной социальной политики; статистические показатели безработицы находятся в тесной связи с распределением пособий по безработице, и права на получение этих пособий предоставляются весьма щедро» (Hicks J.R. *The Pursuit of Economic Freedom // What We Defend: Essays in Freedom by Members of the University of Manchester* / Ed. by E.F. Jacob. London: Oxford University Press, 1942. P. 105).

³⁷ См.: Clark C. *Welfare and Taxation*. Oxford: Catholic Social Guild, 1954. P. 25.

существенная разница между обеспечением минимума для всех, кто не может содержать себя в условиях нормально функционирующего рынка, и перераспределением, нацеленным на «справедливое» вознаграждение занятых во всех более или менее важных профессиях, — то есть между перераспределением, при котором подавляющее большинство зарабатывающих на жизнь делится с теми, кто не может справиться с этой задачей, и перераспределением, при котором большинство отнимает у меньшинства, потому что последнее богаче. В первом случае сохраняется безличный метод адаптации, позволяющий людям самим выбирать занятие, во втором мы все ближе и ближе подходим к системе, когда власти будут диктовать людям, кому и что делать.

Видимо, такова уж судьба всех единых, политически управляемых схем предоставления социальных услуг — быстро превращаться в инструмент, с помощью которого устанавливается относительная величина доходов подавляющего большинства и тем самым контролируется экономическая деятельность в целом³⁸. План Бевериджа, который не был задуман автором как инструмент перераспределения доходов, но был очень быстро превращен в таковой политиками, — лишь самый известный пример из многих. Но хотя в свободном обществе можно обеспечивать минимальный уровень благосостояния для всех, такое общество несовместимо с распределением дохода в соответствии с неким заранее составленным представлением о справедливости. Обеспечение равного минимума для всех нуждающихся предполагает, что этот минимум предоставляется только тогда, когда нужда доказана, и без такого доказательства никто не получает того, что не оплачено его личным взносом. Совершенно иррациональное неприятие «проверки нуждаемости» в услугах, которые должны предоставляться только нуждающимся, вновь и вновь ведет к абсурдному требованию помогать всем независимо от нужды, чтобы те, кто действительно нуждается в помощи, не почувствовали себя неполноценными. Оно породило ситуацию, когда по сути дела предпринимается попытка помочь нуждающимся и в то же время дать им почувствовать, что получаемое ими есть плод их собственных стараний или заслуг³⁹.

---

³⁸ См.: «Будущее устройство системы оказания социальных услуг определится, когда будут приняты четкие решения о том, для чего эти услуги будут оказываться. В частности, предполагается ли, что они должны вносить вклад в политику социального равенства? Или они лишь являются частью национальной программы минимального обеспечения, провозглашенной в ранних работах супругов Вебб, — то есть частью мер, гарантирующих, что никто не голодает, не настолько беден, что не может обратиться к врачу, и не лишен доступа к элементарному образованию? Именно ответы на эти вопросы должны определить все будущее нашей системы социального обслуживания» (*Wootton B. The Labour Party and the Social Services // Political Quarterly. 1953. Vol. 24. P. 65–66*).

³⁹ Пожалуй, полезно напомнить здесь классическую доктрину по этим вопросам, сформулированную Эдмундом Бёрком: «Всякий раз, когда случается, что человек ничего не может требовать в соответствии с правилами коммерции и принципами справедливости, он покидает это ведомство и переходит под юрисдикцию милосердия» (*Burke E. Thoughts and Details on Scarcity // Burke. Works. Vol. 7. P. 390–391*). Лучший критический анализ нынешних тенденций в этой области из тех, что мне известны, содержится в эссе: *Hagenbuch W. The Rationale of the Social Services // Lloyds Bank*

Хотя не исключено, что такое развитие событий стало возможным отчасти в силу традиционного отвращения либералов к любым дискреционным полномочиям власти, следует отметить, что возражения против дискреционного принуждения никак не могут быть оправданием того, чтобы предоставить человеку, способному за себя отвечать, безусловное право на получение помощи и на самостоятельную оценку собственной нужды. В свободном обществе невозможен принцип справедливости, разделяющий правом на «ничем не сдерживаемую» или «недискреционную» поддержку независимо от доказанности нужды. Если такие притязания и были узаконены под личиной «социального страхования» и путем признанного обмана публики — обмана, являющегося источником гордости для его авторов⁴⁰, — они определенно не имеют ничего общего с принципом равенства перед законом.

Сегодня либералы порой выражают надежду, что «весь аппарат социального государства следует рассматривать как временное явление»⁴¹, как своего рода переходный этап эволюции, который в силу роста богатства вскоре станет ненужным. Однако представляется весьма сомнительным

Review. July 1953. Vol. 29. P. 9–12 (частично вошедшем в эпилог книги: *Idem*. Social Economics. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. P. 298–305), где автор утверждает: «Сами не осознавая, мы можем начать дрейфовать к системе, в которой каждый попадает в постоянную зависимость от государства в удовлетворении определенных базовых нужд и неизбежно будет становиться все более и более зависимым. Социальные услуги уже не только не являются самоликвидирующимися; они стали саморазмножающимися. <...> В этом и заключается подлинное различие между режимом, при котором некоторые несчастные получают изредка и временно пособия, помогающие им преодолеть превратности судьбы, и тем, при котором изрядная порция доходов каждого постоянно перераспределяется через государство. Отсутствие каких-либо прямых связей между тем, что человек вкладывает, и тем, что он получает, политическая ситуация, которая при этом неизбежно возникает, потому что предметом дискуссий делается любое неравенство распределения, и откровенный патернализм всего этого сулят быстрое исчезновение того малого потока национального дохода, который не идет через общий котел социального обслуживания, и движение к полному государственному контролю над всеми доходами. <...> Поэтому мы можем резюмировать давний политический конфликт следующим образом. С одной стороны, мы можем стремиться к системе социального обеспечения, которая устраняет бедность, делая каждого бедным (или богатым, в зависимости от того, как вы на это смотрите), предоставляя только такие пособия, которые являются едиными для всех, и обобществляя национальный доход. С другой стороны, мы можем стремиться к системе социального обеспечения, которая устраняет бедность тем, что помогает оказавшимся за чертой бедности подняться над этой чертой, предоставляет избирательные пособия тем, кто оказался в нужде, используя либо проверку на бедность, либо метод категорий застрахованных лиц, и старается приблизить день, когда социальное обеспечение станет ненужным, потому что уровень жизни даже групп с самыми низкими доходами поднимется выше черты бедности». См. также: *Idem*. The Welfare State and Its Finances // *Lloyds Bank Report*. July 1958. Vol. 49. P. 1–17; *Wilgerodt H.* Die Krisis der sozialen Sicherheit und das Lohnproblem // *Ordo. Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft*. 1955. Vol. 7. P. 145–187; *Achinger H.* Soziale Sicherheit. P. 45–60; *Röpke W.* Jenseits von Angebot und Nachfrage. Ch. 4. P. 210–305; а также: *Neumeister H.* Autoritäre Sozialpolitik // *Ordo*. 1960/1961. Vol. 12. P. 187–252.

⁴⁰ См.: *Burns E.M.* Private and Social Insurance and the Problems of Social Security // *Analysis of the Social Security System*. № 38458. Washington, DC: Government Printing Office, 1954; особенно с. 1478.

⁴¹ *Wiles P.* Property and Equality // *The Unservile State* / Ed. by G. Watson. London: Allen and Unwin, 1957. P. 100. См. в том же сборнике: *Dodds E.* Liberty and Welfare. Особенно с. 20: «Стало очевидным, что государственная монополия в предоставлении вспомоществования ведет к определенным антилиберальным последствиям, и мы убеждены, что пришло время обеспечивать не просто вспомоществование, но дифференцированное и конкурентное вспомоществование».

существование такого отдельного этапа эволюции, в ходе которого чистый эффект этих монополистических учреждений может оказаться благотворным, и еще более сомнительно, что после того, как они созданы, когда-нибудь станет политически возможным избавиться от них. В бедных странах бремя все более разбухающего механизма, скорее всего, существенно замедлит увеличение богатства (не говоря уж о том, что он способствует обострению проблемы перенаселения) и тем самым отложит на неопределенный срок тот момент, когда этот механизм можно будет счесть ненужным. В богатых же странах он препятствует развитию альтернативных институтов, которые могли бы взять на себя ряд его функций.

Вероятно, не существует непреодолимого препятствия для постепенного преобразования системы пособий по болезни и безработице в систему настоящего страхования, в которой люди платят за пособия, предоставляемые конкурирующими организациями. Намного труднее представить, как избавиться от системы обеспечения по старости, при которой каждое поколение, оплачивая потребности предшествующего, тем самым приобретает такое же притязание на поддержку со стороны идущего за ним. Создается почти полное впечатление, что после того как такая система учреждена, она либо будет неизбежно сохраняться до бесконечности, либо ей будет позволено полностью рухнуть. Введение подобной системы опутывает эволюцию смиренной рубашкой и взваливает на общество бремя постепенно растущих обязательств, которое оно, по всей вероятности, вновь и вновь будет пытаться облегчить с помощью инфляции. Однако ни этот выпускной клапан, ни сознательный дефолт по уже принятым обязательствам⁴² не могут служить основой для достойного общества. Прежде чем мы сможем надеяться на осмысленное решение этих проблем, демократия должна усвоить, что она обязана платить за собственные глупости и что она не может неограниченно выписывать счета будущему для решения сегодняшних проблем.

Как однажды было хорошо сказано, если раньше мы страдали от социальных язв, то теперь — от средств борьбы с ними⁴³. Разница в том, что если в прежние времена социальные язвы постепенно исчезали с ростом богатства, то созданные нами средства борьбы с ними начинают угрожать дальнейшему повышению благосостояния, от которого зависят все будущие улучшения. Вместо «пяти великанов», с которыми должно было сражаться социальное государство, представавшее на страницах доклада Бевериджа, мы теперь выращиваем новых великанов, которые могут оказаться еще большими врагами достойного образа жизни. Возможно, нам удалось слегка ускорить победу над нуждой, болезнями, невежеством,

---

⁴² В качестве возражения против реформ, предложенных в работе Стоукса: *Stokes D. Social Security — Fact and Fancy. Chicago: H. Regnery, 1956*, которые были бы равносильны отказу от принятых обязательств, следует сказать, что как бы ни было велико искушение «начать с чистого листа» и как бы ни был тяжел груз принятых обязательств, с моей точки зрения, это было бы фатальным началом любой попытки перехода к более приемлемому механизму.

⁴³ Это выражение использовал Джозеф Вуд Кратч (Joseph Wood Krutch) в личной беседе.

грязью и праздностью, но в будущем мы можем лишиться плодов даже этой победы, когда источниками главных опасностей станут инфляция, парализующее налогообложение, принуждение со стороны профсоюзов, растущее господство государства в сфере образования и бюрократия социального обеспечения, наделенная широчайшими дискреционными полномочиями, — опасностей, от которых индивиду не спастись собственными усилиями и которые будут не смягчаться, а только усиливаться инерцией раздутого государственного аппарата.

Налогообложение и перераспределение

---

*Такая уж природа вещей: изначальные
размеры незначительны, но если не проявить
крайнюю осторожность, ставки будут быстро
умножаться и в конце концов достигнут таких
величин, каких никто не предвидел.*

— Франческо Гвиччардини (ок. 1538)

1. Я был бы очень рад, если бы мне удалось обойтись без этой главы. Рассуждения в ней направлены против столь широко распространенных представлений, что она неизбежно заденет многих. Даже те, кто до сих пор разделял мои представления и считал мою позицию в целом разумной, могут счесть мои взгляды на налогообложение доктринерскими, экстремистскими и идеалистическими. Многие, возможно, хотели бы восстановить свободу, за которую я выступаю, при условии, что несправедливость,

---

— Guicciardini F. La decima scalata // Idem. Opere inedite / Ed. by P. Guicciardini, L. Guicciardini. Firenze: Barbàra, Bianchi e comp., 1867. Vol. 10. P. 377 (перевод на английский: Guicciardini F. Two Discourses on Progressive Taxation of Land Incomes // International Economic Papers. № 9. London: Macmillan, 1959. P. 7–19). Повод для этого наблюдения и примечательная дискуссия XVI века о прогрессивном налогообложении заслуживают краткого изложения.

В XV веке Флорентийская республика, которая на протяжении двух столетий пользовалась преимуществами режима личной свободы в рамках закона, о чем не слыхивали со времен древних Афин и Рима, оказалась во власти семьи Медичи, которая, апеллируя к массам, смогла установить деспотическую власть. Одним из инструментов, который Медичи использовали для этой цели, было прогрессивное налогообложение, о чем Гвиччардини пишет в другой работе: «Хорошо известно, как сильно знать и богачей угнетали налоги при Козимо и в последующее время, и причина этого, хотя Медичи никогда ее не признавали, состояла в том, что это обеспечивало определенные средства для уничтожения человека внешне законным образом, потому что они всегда оставляли за собой право раздавить любого, кого захочется» (Idem. Del reggimento di Firenze // Idem. Opere inedite. Vol. 2. P. 40). Когда уже в следующем столетии опять появились защитники прогрессивного налогообложения, Гвиччардини написал два блестящих рассуждения, одно в поддержку прогрессивного налогообложения, а второе, явно представляющее его собственное мнение, в опровержение (их датировка 1538 годом есть не более чем догадка Карла Теодора фон Энеберга, см.: Eneberg K.T. von. Finanzwissenschaft // Handwörterbuch der Staatswissenschaften / 3rd ed. Jena: Verlag von Gustav Fisher, 1909–1911. Vol. 4. P. 292–315, особенно с. 296). Они остались в рукописи и были опубликованы лишь в XIX веке. Его главное возражение заключается в следующем: «Равенство, к которому мы должны стремиться, заключается в том, что ни один гражданин не может притеснять другого, и что все граждане подчинены законам

которую, как им представляется, это вызовет, будет исправлена надлежащими мерами налогообложения. Перераспределение с помощью прогрессивного налогообложения почти всеми считается справедливым. Но было бы лицемерием уклониться от обсуждения этого вопроса. Кроме того, поступить таким образом значило бы пройти мимо того, что представляется мне не только главным источником безответственности в условиях демократии, но и ключевым вопросом, от которого зависит весь характер будущего общества. Хотя для того, чтобы освободиться от догматических взглядов на этот вопрос, могут потребоваться немалые усилия, тем не менее, как только его суть будет изложена ясно, должно стать очевидным, что именно здесь, как нигде еще, политика зашла дальше всего в своем произволе.

После долгого периода, в течение которого принципы прогрессивного налогообложения практически не подвергались сомнению, недавно появился намного более критичный подход к этой проблеме¹. Тем не менее все еще существует потребность в более тщательном обзоре предмета в целом.

и властям, и что голос каждого, кто допущен в Совет, значит столько же, как и голос любого другого. Именно в этом состоит смысл равенства в свободе, а не в том, что все равны во всех отношениях» (*Guicciardini F. La decima scalata // Idem. Opere inedite. Firenze, 1867. Vol. 10. P. 368*).

Далее он рассуждает: «Когда одна часть общины испытывает притеснения и жестокое обращение со стороны остальных — это не свобода, и мы добивались свободы не для этого, а для того, чтобы каждый мог безопасно сохранять собственное состояние» (*Ibid. P. 372*). Сторонники прогрессивного налогообложения для него — «*suscitatori del popolo, dissipatori della libertà e di buoni governi delle repubbliche*» [«возмутители народа, расточители свободы и благого правления в республике»] (*Ibid.*). На главную опасность он указывает в отрывке, который стал эпиграфом к этой главе и может быть здесь воспроизведен на языке подлинника: «*Ma a la natura delle cose, i principii cominciano piccoli, ma se l'uomo non avvertisce, moltiplicano presto e scorrono in luogo che poi nessuno è a tempo a provvedervi*». См. об этом: *Ricca-Salerno G. Storia delle dottrine finanziarie in Italia: col raffronto delle dottrine forestiere e delle istituzioni e condizioni di fatto / 2nd ed. Palermo: A. Reber, 1896. P. 73–76; Grabein M. Beiträge zur Geschichte der Lehre von der Steuerprogression // Finanz-archiv. 1895. Vol. 12. P. 481–496. См. также: Schmolders G. Progression and Regression. Cologne: Westdeutscher Verlag, 1958; Erion G. A Consideration of Some of the Attacks upon the Theory of Progressive Taxation // The Southwestern Social Science Quarterly. March 1958. Vol. 38. P. 34–355; Schmidt K. Die Steuerprogression. Basel: Kyklos-Verlag, 1960; Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 1962 [Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2016].*

¹ Десять лет назад оставалась лишь горстка экономистов, принципиально возражавших против прогрессивного налогообложения, из которых должны быть особо отмечены фон Мизес (см., например: *Mises L. von. Human Action. New Haven: Yale University Press, 1949. P. 803 ff. [Muses Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 757 и далее]*) и Лутц (*Lutz H.L. Guideposts to a Free Economy: A Series of Essays on Enterprise and Government Finance. New York: McGraw-Hill, 1945. Ch. 9: "Progressive Taxation". P. 73–82*). Из более молодого поколения первым, кто указал на его опасность, был, по-видимому, Райт: *Wright D.M. Democracy and Progress. New York: Macmillan, 1948. P. 94–103*. Возобновлению общей дискуссии способствовало прежде всего детальное исследование: *Blum W.J., Kalven H., jr. The Uneasy Case for Progressive Taxation. Chicago: University of Chicago Press, 1952* (впервые: *University of Chicago Law Review. 1952. Vol. 19. P. 417–520*). Сам я дважды высказывался на эту тему: *Hayek F.A. Die Ungerechtigkeit der Steuerprogression // Schweizer Monatshefte. 1952. Vol. 32. P. 508–517* [перевод на английский: *Idem. The Case for Progressive Income Taxes // Freeman. 1953. December 28. 1953. Vol. 4. P. 229–232. — Ped.*]; *Idem. Progressive Income Tax Reconsidered // On Freedom and Free Enterprise: Essays in Honor of Ludwig von Mises / Ed. by M. Sennholz. Princeton, NJ: D. Van Nostrand Co., 1956. P. 265–284*. Существенная часть последней публикации включена в эту главу. Недавно опубликована не критичная, но очень поучительная история прогрессивного налогообложения в Великобритании: *Shehab F. Progressive Taxation: A Study in the Development of the Progressive Principle in the British Income Tax. Oxford: Clarendon Press, 1953*.

К сожалению, в этой главе мы можем представить только краткое изложение наших возражений.

Следует сразу оговорить, что единственная прогрессия, которая нас будет здесь интересовать и которая, мы уверены, не может быть в конечном итоге совместима со свободными институтами, — это прогрессия налогообложения в целом, то есть более чем пропорциональное обложение более высоких доходов с учетом всей совокупности налогов. Есть веские основания для того, чтобы отдельные налоги, и особенно подоходный, взимались по прогрессивной ставке, дабы компенсировать свойство многих косвенных налогов ложиться более тяжелым бременем на небольшие доходы. Это единственный веский аргумент в пользу прогрессивности. Но он применим только к отдельным налогам как к части той или иной налоговой системы и не может быть распространен на налоговую систему в целом. Мы будем обсуждать главным образом воздействие прогрессивного подоходного налога, поскольку в последнее время именно он был главным инструментом, с помощью которого налогообложение в целом превращалось в прогрессивное с крутой шкалой. Нас не будет интересовать вопрос о правильной подгонке друг к другу разных видов налогов в рамках одной и той же налоговой системы.

Мы также не будем отдельно рассматривать проблемы, возникающие из-за того, что подоходный налог сегодня — хоть и главный инструмент перераспределения дохода, но не единственный. Несомненно, можно достичь значительного перераспределения в условиях пропорционального налогообложения. Для этого достаточно использовать существенную часть налоговых поступлений на предоставление услуг, которые будут приносить выгоду только определенному классу плательщиков или субсидировать их напрямую. Однако не очень понятно, насколько готовы люди с низкими доходами платить налог в обмен на бесплатные услуги. Вдобавок трудно понять, каким образом этот метод мог бы существенно изменить дифференциацию доходов внутри групп с более высокими доходами. Он может вызвать значительное перераспределение доходов от богатых как класса к бедным как классу. Но он не даст того выравнивания пирамиды доходов, какое является главным следствием прогрессивного налогообложения. Для сравнительно состоятельных это будет, вероятно, означать, что хотя налогообложение для них будет пропорционально их доходам, разница в получаемых ими услугах будет пренебрежимо мала. Однако именно в этом классе изменения в относительных доходах, вызванные прогрессивным налогообложением, наиболее значительны. Технический прогресс, размещение ресурсов, стимулы, социальная мобильность, конкуренция и инвестиции — прогрессивное налогообложение сказывается на всем этом в основном через воздействие на этот класс. Что бы ни случилось в будущем, в настоящее время, во всяком случае, прогрессивное налогообложение — главное средство перераспределения доходов, и без него возможности такой политики будут очень ограниченными.

2. Прогрессивное налогообложение, как и многие другие аналогичные меры, приобрело свое нынешнее значение в результате того, что его вводили хитростью под ложными предлогами. Когда во время Французской революции, а потом в разгар социалистической агитации перед революциями 1848 года оно откровенно превозносилось как инструмент перераспределения доходов, эта идея была решительно отвергнута. «Следовало бы лишить жизни автора, а не проводить в жизнь этот проект», — возмущенно отреагировал либерал Тюрго на несколько более ранние предложения подобного рода². Когда в 1830-х годах прогрессивное налогообложение получило более широкую поддержку, Дж.Р. Мак-Куллох выразил свое главное возражение против нее в часто цитируемом высказывании: «В тот момент, когда вы отвергнете кардинальный принцип взимания со всех индивидов одной и той же пропорциональной доли их дохода или их имущества, вы окажетесь в море без руля и компаса, и тогда не будет такой несправедливости или глупости, которой вы не сможете совершить»³. В 1848 году Карл Маркс и Фридрих Энгельс открыто предложили «высокий прогрессивный налог» как одну из мер, посредством которых после первого этапа революции «пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства». И эти меры они описывали как средства «деспотического вмешательства в право собственности и буржуазные производственные отношения», «мероприятия, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»⁴. Но общее отношение было хорошо

² О пометке Тюрго на полях проекта — «Il faut exécuter l'auteur, et non le projet» — см.: *Genz F. Über die Hülfquellen der französischen Regierung // Historisches Journal. 1799. Vol. 3. P. 138.* Сам Генц о прогрессивном налогообложении говорит следующее: «Nun ist schon eine Abgabe, bei welcher irgend eine andere, als die reine (geometrische) Progression der Einkünfte oder des Vermögens zum Grunde liegt, jede, die sich auf das Prinzip einer steigenden Progression gründet, nicht viel besser als ein Strassenraub» [«Налогообложение сейчас таково, что любое другое, в основе которого лежит чистая (геометрическая) прогрессия, любое, основанное на принципе возрастающей прогрессии, не намного лучше, чем грабёж на большой дороге»]. (Генц, разумеется, применяет здесь термин «прогрессия» к абсолютной величине налога, а не к его доле.) См.: *Gerloff W. Steuerwirtschaftslehre // Handbuch der Finanzwissenschaft. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1956. Vol. 2. P. 288–289*, автор полагает, что моя статья [вторая из упомянутых в примечании 1 к этой главе] не содержит «ни единого нового аргумента».

³ [*McCulloch J.R.*] On the Complaints and Proposals Regarding Taxation // *Edinburgh Review. 1833. Vol. 57. P. 164.* Эта ранняя статья большей частью вошла в более известный дополненный вариант работы того же автора: *Idem. Treatise on the Principles and Practical Influence of Taxation and the Funding System. London: Printed for Longman, Brown, Green, and Longmans, 1845. P. 143.* См. также высказывания Роберта фон Моля по поводу дискуссий в Национальном собрании Франции в 1848 году: *Mohl R. von. Frankfurt National Assembly Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen konstituierenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main / Ed. by F. Wigard. Leipzig: Druck von Breitkopf und Hartel, 1848–1849. Vol. 7. P. 5107–5109.*

⁴ См.: *Marx K. Selected Works / Ed. by V.V. Adoratsky. London: Lawrence and Wishart, 1942. Vol. 1. P. 227–228* [*Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Они же. Собрание сочинений: В 50 т. / 2-е изд. М.: Гос. изд. полит. лит., 1955. Т. 4. С. 446]. Людвиг фон Мизес отмечает, что в первом издании «Манифеста Коммунистической партии» слов «неизбежны как средство для переворота» не было — они были вставлены Фридрихом Энгельсом в английский перевод 1888 года (*Mises L. von. Planning for Freedom and Other Essays and Addresses. South Holland, IL: Libertarian Press, 1952. P. 96*).

подытожено в высказывании А. Тьера: «Пропорциональность — это принцип, а прогрессия — это просто отвратительный произвол»⁵, — и Джона Стюарта Милля, отозвавшегося о прогрессивном налоге как об «умеренной форме грабежа»⁶.

Но после того как первый удар был отражен, агитация за прогрессивный налог возродилась в новой форме. Социальные реформаторы, в целом отмежевываясь от стремления изменить распределение доходов, стали доказывать, что совокупное налоговое бремя, предположительно определяемое из других соображений, должно быть распределено в соответствии со «способностью платить», чтобы обеспечить «равенство жертв», и что лучше всего этого можно достичь, взимая подоходный налог по прогрессивной шкале. Из выдвинутых в поддержку этого многочисленных аргументов, до сих пор сохранившихся в учебниках по государственным финансам⁷, в конце концов дело решил один, казавшийся самым научным. Мы на нем немного задержимся, потому что некоторые до сих пор верят, что он дает научное обоснование прогрессивного налогообложения. Основная идея сводится к убыванию предельной полезности последовательных актов потребления. Несмотря на абстрактный характер, а может и благодаря ему, эта идея оказала на многих огромное влияние, сделав научно respectable⁸ то, что прежде считалось основанным на произвольных постулатах⁹.

---

⁵ «La proportionnalité est un principe, mais la progression n'est qu'un odieux arbitraire» (*Thiers M.A. Da la Propriété. Paris: Paulin, Lheureux et cie, 1848. P. 319*).

⁶ *Mill J.S. Principles of Political Economy, with some Applications to Social Philosophy / 1st ed. London: J.W. Parker. Vol. 2. P. 353.* [Эта формулировка присутствует в первых двух изданиях книги. В третьем фраза изменена и звучит так: «Облагать же большие доходы более высоким процентом, нежели мелкие, — значит, облагать налогом трудолюбие и бережливость, наказывать человека за то, что он работал усерднее и сберег больше, чем его сосед» (*Милль. Основы. С. 824*). — *Ред.*]

⁷ Из недавних обзоров аргументации в пользу прогрессивного налогообложения см.: *Fagan E.D. Recent and Contemporary Theories of Progressive Taxation // Journal of Political Economy. 1938. Vol. 46. P. 457-498; Allix E. Die Theorie der Progressiv Steuer // Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart. Vienna: Springer, 1928. Vol. 4. P. 246-262.*

⁸ Я помню, что мой собственный учитель Фридрих фон Визер, один из основателей современного анализа предельной полезности и автор термина «предельная полезность» (*Grenznutzen*), считал одним из своих главных достижений то, что он разработал научную основу для справедливого налогообложения. В англоязычном мире автором, имевшим в этом отношении наибольшее влияние, был Фрэнсис И. Эджуорт; см.: *Edgeworth F.Y. Papers Relating to Political Economy. London: Published on behalf of the Royal Economic Society by Macmillan, 1925. Vol. 2, особенно с. 234-270.*

⁹ Уже в 1921 году сэр Джосая Стамп (позднее лорд Стамп) мог сказать, что «прогрессивное налогообложение обрело действительно надежную принципиальную основу не раньше, чем были тщательно разработаны психологические аспекты теории предельной полезности» (*Stamp J. The Fundamental Principles of Taxation in the Light of Modern Development. London: Macmillan, 1921. P. 40*). Даже относительно недавно Тибор Барна все еще мог утверждать, что «при данном совокупном национальном доходе удовлетворенность достигает максимума при равном распределении дохода. Этот аргумент основывается, с одной стороны, на законе убывающей предельной полезности дохода и, с другой стороны, насылке (основанной на постулатах политической демократии, а не экономической теории), что люди с равным доходом обладают равной способностью получать удовольствие. Кроме того, общепринятая сегодня экономическая доктрина утверждает, что бережливость (а быть бережливым гораздо легче при высоких доходах) не является достоинством до тех пор, пока существует безработица, так что главное традиционное обоснование неравен-

Однако современные достижения в области анализа полезности полностью разрушили основания этого аргумента. Он стал неправомерным отчасти потому, что в целом произошел отказ от представления о возможности сравнения полезностей разных людей¹⁰, а отчасти потому, что более чем сомнительна применимость концепции убывающей предельной полезности как таковой к доходу в целом, иными словами, непонятно, есть ли вообще смысл в том, чтобы учитывать в качестве дохода все выгоды, которые человек получает от использования своих ресурсов. Из общепринятого ныне представления, что полезность — это чисто относительное понятие (иными словами, мы можем сказать лишь то, что нечто имеет большую, равную или меньшую полезность по сравнению с чем-то другим, и бессмысленно говорить о степени полезности какой-либо вещи самой по себе), следует, что мы можем говорить о полезности (и об убывающей полезности) дохода, только если выразим полезность дохода с помощью другого желаемого блага, такого как досуг (или возможность избежать усилий). Но если проследить логическую цепочку следствий из утверждения, что полезность дохода, выраженного в усилиях, уменьшается с его ростом, мы придем к курьезному заключению. По существу это будет означать, что по мере роста дохода человека стимул, выраженный в виде дополнительного дохода, необходимый, чтобы побудить к одному и тому же дополнительному усилию, будет увеличиваться. Это может дать аргументы в пользу регрессивного налогообложения, но уж никак не в пользу прогрессивного. Однако вряд ли стоит дальше развивать эту мысль. Сегодня не приходится сомневаться, что использование анализа полезности в теории налогообложения было прискорбной ошибкой (ответственность за которую разделяют и некоторые из числа самых выдающихся экономистов своего времени), так что чем скорее мы избавимся от путаницы, которую она породила, тем лучше.

3. В конце XIX века сторонники прогрессивного налогообложения, как правило, подчеркивали, что их цель — только равенство бремени, а не перераспределение доходов; кроме того, они полагали, что эта цель может оправдать только «умеренную» степень прогрессии, а «чрезмерное» ее использование (как во Флоренции XV века, где ставки доходили до 50%) следует, разумеется, признать недопустимым. Хотя все попытки предложить объективный критерий для приемлемой величины прогрессии успеха

ства отпадает» (*Barna T. Redistribution of Incomes through Public Finance in 1937. Oxford: Clarendon Press, 1945. P. 5*).

¹⁰ Этот вывод, вероятно, можно считать твердо установленным, несмотря на периодически выдвигаемое возражение, что обычно каждый из нас имеет определенные представления о том, насколько определенная потребность одного человека больше или меньше, чем такая же потребность другого. То, что у нас есть мнение об этом, никоим образом не предполагает наличия какой-либо объективной основы, опираясь на которую мы можем решить, кто же прав, когда люди расходятся по поводу относительной важности потребностей разных людей; и нет никаких доказательств того, что они могут об этом договориться.

не дали и хотя возражение, что если сам принцип будет принят, можно будет с одинаковым успехом обосновать любое повышение степени прогрессивности налога, осталось без ответа, дискуссия полностью переместилась в контекст обсуждения идеальных ставок, влияние которых на распределение дохода будет пренебрежимо мало. Утверждение, что ставки не удержатся в этих границах, считалось злонамеренным искажением аргументации, демонстрирующим предосудительное отсутствие веры в мудрость демократического правления.

Именно в Германии, тогдашнем лидере «социальных реформ», сторонники прогрессивного налогообложения сломили сопротивление оппонентов, и это положило начало его современному развитию. В 1891 году Пруссия ввела прогрессивный подоходный налог с диапазоном ставок от 0,67 до 4%. Тщетно Рудольф фон Гнейст, почтенный лидер движения за *Rechtsstaat*, недавно достигшего своей цели, протестовал в ландтаге, говоря, что это означает отказ от фундаментального принципа равенства перед законом, «от самого священного принципа равенства», единственного барьера, защищающего от посягательств на собственность¹¹. Сама незначительность налогового бремени, создаваемого в соответствии с новым подходом, сделала все попытки противостоять ему на принципиальной основе неэффективными.

Хотя за Пруссией вскоре последовал ряд других континентальных стран, потребовалось почти двадцать лет, чтобы движение добралось до великих англосаксонских держав. Лишь в 1910 и 1913 годах Великобритания и США приняли прогрессивную шкалу, доходившую до внушительных тогда 8,25 и 7% соответственно. Однако за тридцать лет максимальные ставки поднялись до 97,5 и 91%.

Таким образом, на протяжении жизни одного поколения произошло то, чего, как в течение полувека доказывали сторонники прогрессивного налогообложения, произойти не могло. Это изменение абсолютной величины ставок, разумеется, полностью преобразило характер проблемы, сделав ее иной не только количественно, но и качественно. Все попытки обосновать такие ставки способностью платить были впоследствии отброшены, и на свет было извлечено изначальное, но долго замалчивавшееся оправдание прогрессивного налогообложения как инструмента более справедливого распределения доходов¹². Вновь стало общепринятым мнение, что

---

¹¹ «Die allerheiligsten politischen Grundsätze der Gleichheit werden sich aber untren, wenn wir an die Frage der Progressivsteuer herangehen. Da verleugnet selbst die absolute Demokratie in Hunderttausenden von Stimmen ihre Grundsätze, wenn es sich darum handelt, den Reichen schärfer zu treffen» [«Священные политические принципы равенства утратят значение, как только мы коснемся вопроса о прогрессивном налоге. Абсолютная демократия сотнями тысяч голосов откажется от своих основных принципов, если речь пойдет о том, чтобы требовать с богатых больше»] (Stenographische Berichte über die Verhandlungen der durch die Allerhöchste Verordnung vom 16. Dezember 1890 einberufenen beiden Häuser des Landtages: Haus der Abgeordneten. Berlin. Vol. 2. P. 907).

¹² См., в частности: *Simons H.C. Personal Income Taxation: The Definition of Income as a Problem of Fiscal Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 17 ff. См. также: «Поддержка либералами таких мер, как прогрессивное налогообложение, опирается не на ути-

единственное основание для защиты прогрессивной шкалы налогообложения в целом — желательность изменения распределения доходов и что это оправдание не может опираться ни на какие научные аргументы, но должно быть просто-напросто признано как политический постулат, то есть как попытка навязать обществу модель распределения, устанавливаемую решением большинства.

4. Обычно такое развитие событий объясняется тем, что без применения крутой прогрессивной шкалы имевший место в последние сорок лет значительный рост государственных расходов был бы невозможен или как минимум налоговое давление на бедных стало бы невыносимым, а также тем, что когда была признана необходимость облегчить положение бедняков, некая степень прогрессивности налогов оказалась неизбежной. Однако при ближайшем рассмотрении это объяснение оказывается чистым мифом. Мало того что налоговые поступления от применения самых высоких ставок, по которым облагаются самые большие доходы, настолько незначительны в сравнении с общей величиной налоговых сборов, что никак не могут облегчить налоговое бремя всех остальных групп; вдобавок к этому, на протяжении долгого времени после введения прогрессивной шкалы от нее выигрывали не беднейшие слои, а наиболее обеспеченные группы рабочего класса и низшие слои среднего класса, составляющие самую большую группу избирателей. В то же время, вероятно, справедливо утверждение, что главной причиной такого быстрого роста налогов была иллюзия, что с помощью крутой прогрессивной налоговой шкалы удастся во многом переложить налоговое бремя на плечи богатых и что под влиянием этой иллюзии массы согласились нести гораздо более тяжелое бремя, чем в противном случае. Единственным заметным результатом этой политики стало резкое ограничение доходов, которые могли заработать самые преуспевшие, и, соответственно, удовлетворение менее благополучных зажиточников.

Насколько незначителен вклад прогрессивных налоговых ставок в общую величину налоговых поступлений (особенно конфискационных ставок, по которым облагаются самые большие доходы), можно проиллюстрировать данными по США и Великобритании. Было констатировано, что в США (в 1956 году) «вся прогрессивная налоговая надстройка приносит лишь около 17% всех налоговых поступлений от индивидуального подоходного налога» — около 8,5% от всех федеральных налоговых доходов — и что из этого «половина поступает от налогооблагаемых доходов величиной от 16 до 18 тысяч долларов, которые облагаются по ставке 50%,

---

литаристское соображение, что дополнительный фунт стерлингов более „ценен“ или „представляет большую полезность“ для бедного человека, чем для богатого. Она опирается на абсолютное неприятие большого неравенства» (*Peacock A.T. Welfare in the Liberal State // The Unserving State: Essays in Liberty and Welfare / Ed. by G. Watson. London: Allen and Unwin, 1957. P. 117*).

а другую половину приносит налог на более высокие доходы и по более высоким ставкам»¹³. В отношении Великобритании, где прогрессивная шкала еще круче, отмечалось, что «весь добавочный налог (на заработанные и незаработанные доходы) приносит лишь около 2,5% налоговых поступлений и что если мы изыдем каждый фунт доходов, превышающих 2000 фунтов стерлингов [5600 долларов] в год, то налоговые поступления вырастут лишь на 1,5%... В действительности самые большие поступления от подоходного налога и добавочного налога дают доходы от 750 до 3000 фунтов в год [2100–8400 долларов] — то есть начиная с бригадира и кончая директором или начиная с только приступившего к службе государственного служащего и кончая теми, кто возглавляет наши гражданские и другие ведомства»¹⁴.

Если говорить в целом об эффективности прогрессивного налогообложения в этих двух странах, вклад от прогрессии, по-видимому, составляет от 2,5 до 8,5% общей суммы государственных доходов, или от 0,5 до 2% валового национального дохода. На основании этих цифр никак нельзя утверждать, что без прогрессивного налогообложения не удалось бы наполнить казну. Представляется по меньшей мере вероятным (хотя никто не может этого утверждать с абсолютной уверенностью), что выигрыш от прогрессивного налогообложения в виде государственных доходов меньше, чем вызываемое им сокращение реальных доходов.

Если вера в то, что высокие налоги, взимаемые с богатых, являются незаменимым источником государственных доходов, иллюзорна, то утверждение, что прогрессивная шкала облегчила положение беднейших слоев, опровергается тем, что происходило в демократических странах большую часть времени после установления прогрессивного налогообложения. Независимые исследования в США, Великобритании, Франции и Пруссии согласно подтверждают, что, как правило, самой легкой была налоговая нагрузка на группы с умеренными доходами, дававшие больше всего голосов на выборах, тогда как непропорционально большим было налоговое бремя, приходившееся не только на самые богатые группы, но и на самые бедные слои населения. Лучше всего иллюстрируют эту ситуацию, по-видимому, имевшую место практически везде в годы перед последней войной, результаты детального исследования положения в Великобритании, где в 1936–1937 годах совокупное бремя налогообложения полностью заработной платы семей с двумя детьми составляло 18% для семей с годовым доходом 100 фунтов в год, постепенно уменьшалось до 11% по мере роста дохода до 350 фунтов в год и затем опять начинало увеличиваться

---

¹³ Facing the Issue of Income Tax Discrimination: In Support of the Five Year Plan for Income Tax Reduction / National Association of Manufacturers, Taxation Committee / Rev. and enlarged ed. New York: National Association of Manufacturers, 1956. P. 14.

¹⁴ Hutton D.G. The Dynamics of Progress // The Unservile State. P. 161–186. Кажется, теперь это признают даже в лейбористских кругах (см., например: Croxall C.A.R. The Future of Socialism. London: Jonthan Cape, 1956. P. 190).

и достигало 19% лишь для дохода от 1000 фунтов в год¹⁵. Эти цифры (и аналогичные данные по другим странам) ясно показывают, что стоит только отказаться от принципа пропорционального налогообложения, и в выигрыше, скорее всего, окажутся не самые нуждающиеся, а те, кто приносит больше всего голосов на выборах, а также что весь доход от прогрессивного налогообложения можно было бы получить, если бы группы с умеренными доходами облагались налогами по такой же большой ставке, как и самые бедные группы.

Да, конечно, события, произошедшие после окончания последней войны в Великобритании, да и, вероятно, везде, привели к такому росту прогрессивности подоходного налога, что налоговое бремя стало прогрессивным для всех и, кроме того, благодаря перераспределяющим расходам на субсидии и услуги доходы беднейших классов выросли на 22% (если только эти измерения имеют хоть какой-то смысл: во всех случаях речь идет только о расходах казны, а не о ценности получаемых услуг)¹⁶. Но это достижение почти не было связано с нынешней крутизной налоговой шкалы, а финансировалось главным образом налогами со средних и высших слоев среднего класса.

5. Настоящая причина, по которой оказались ложью все заверения о том, что прогрессия налоговых шкал останется умеренной, и дело зашло

¹⁵ Ср.: *Rostas L., Shirras G.F.* The Burden of British Taxation. Cambridge: Cambridge University Press, 1943. P. 56. Основные итоги этого исследования представлены в таблице.

Доход (фунты стерлингов)	Доля дохода, изымаемая налого- обложением (%)	Доход (фунты стерлингов)	Доля дохода, изымаемая налого- обложением (%)
100	18	1 000	19
150	16	2 000	24
200	15	2 500	25
250	14	5 000	33
300	12	10 000	41
350	11	20 000	50
500	14	50 000	58

См. также: Report of the Committee on the National Debt and Taxation. Cmd. 2800. London: H.M. Stationery Office, 1927; данные по США: *Colm G., Tarasov H.* Who Pays the Taxes? (Allocation of Federal, State, and Local Taxes to Consumer Income Brackets) // Temporary National Economic Committee Monograph № 3. Washington: Government Printing Office, 1940; *Adler J.H.* The Fiscal System: The Distribution of Income and Public Welfare // Fiscal Policies and the American Economy / Ed. by K.E. Poole. New York: Prentice-Hall, 1951. P. 359–409; по Франции см.: *Brochier H.* Finances publiques et redistribution des revenus. Paris: Presse de la Fondation nationale des sciences politique, 1950; и аналогичные результаты по Пруссии: *Neumann F.J.* Die persönlichen Steuern vom Einkommen: Verbunden mit Ertrags- oder mit Vermögenssteuern mit besonderer Beziehung auf württembergische Verhältnisse. Tübingen: Laupp'sche Buchhandlung, 1896.

¹⁶ *Cartter A.M.* The Redistribution of Income in Postwar Britain: A Study of the Effects of the Central Government Fiscal Program in 1948–1949. New Haven: Yale University Press, 1955. P. 54–79; особенно с. 57; см. также: *Peacock A.T., Browning P.R.* The Social Services in Great Britain and the Redistribution of Income // Income Redistribution and Social Policy / Ed. by A.T. Peacock. London: Jonathan Cape, 1954. P. 139–177; *Musgrave R.A., Carroll J.J., Cooke L.D., Frane L.* Distribution of Tax Payments by Income Groups: A Case Study for 1948 // National Tax Journal. 1951. Vol. 4. P. 1–53.

гораздо дальше самых пессимистичных предсказаний противников¹⁷, кроется в том, что все аргументы в пользу прогрессивного налогообложения могут быть использованы для оправдания любой степени крутизны шкалы. Его сторонники могут осознавать, что, если миновать определенную точку, отрицательное влияние на эффективность экономической системы может оказаться таким значительным, что дальше наращивать прогрессивность станет невыгодным. Но аргумент, основанный на якобы справедливости прогрессивного налогообложения, как часто признавали его сторонники, не принимает никаких промежуточных ограничений на пути к целевому состоянию, в котором все доходы, превышающие определенный уровень, подлежат конфискации, а доходы ниже этого уровня налогами не облагаются. В отличие от пропорционального прогрессивное налогообложение не опирается на принцип, определяющий, каким должно быть относительное налоговое бремя для разных людей. Оно есть всего лишь отрицание пропорциональности в пользу дискриминации богатых, не дающее никакого критерия, который мог бы ограничить эту дискриминацию. Поскольку «не существует идеальной прогрессивной ставки, которую можно было бы выразить формулой»¹⁸, лишь новизна принципа помешала с первого же дня ввести карательные ставки налога. Но нет никаких причин, чтобы предложение изъять «чуть больше, чем раньше» не могло быть всегда представлено как справедливое и обоснованное.

Утверждение, что, приняв такую политику, демократия обречена зайти намного дальше, чем имелось в виду вначале, не является ни клеветой на нее, ни постыдным неверием в ее мудрость. Оно не означает, что «свободные и представительные институты потерпели провал»¹⁹ или что оправдано «полное недоверие демократическому правлению»²⁰, но лишь свидетельствует: демократии еще только предстоит осознать, что для того, чтобы быть справедливой, она должна в своих действиях руководствоваться общими принципами. То, что верно для действий отдельного человека, верно и для коллективных действий, разве что большинство, видимо, еще менее способно в явном виде учитывать долговременные последствия своих решений, а потому ему еще важнее следовать принципам. Когда, как в случае с прогрессивным налогообложением, так называемый принцип есть не более чем открытое приглашение к дискриминации и, что еще хуже, предложение

---

¹⁷ Вот самый известный из пессимистичных прогнозов: «Сильно дифференцированное налогообложение наиболее полно реализует крайнюю опасность, порождаемую демократией, создавая такую ситуацию, когда один класс возлагает на другой бремя, которое не собирается с ним делить, и подталкивает государство к гигантским расточительным программам, полагая, что все издержки лягут на других» (*Lecky W.E.H. Democracy and Liberty* / New ed. New York: Longmans, Green, and Co., 1899. Vol. 1. P. 347).

¹⁸ Royal Commission of Taxation of Profits and Income. Second Report. Cmd. 9105. London: H.M. Stationary Office, 1954. P. 43. Sec. 142.

¹⁹ Судья Уайт в деле *Knowlton v. Moore*, 178 U.S. 41 at 109 (1899), цит. по: *Blum W.J., Kalven H., jr. The Uneasy Case for Progressive Taxation* // *University of Chicago Law Review*. 1952. Vol. 19. P. 425.

²⁰ *Seligman E.R.A. Progressive Taxation in Theory and Practice* / 2nd ed. Princeton, NJ: American Economic Association Quarterly, 1908. P. 298.

большинству дискриминировать меньшинство, фальшивый принцип справедливости не может не стать предлогом для чистого произвола.

Здесь требуется правило, которое, не закрывая большинству возможность облагать себя налогами в пользу меньшинства, не позволяло бы большинству облагать меньшинство любым налогом, который ему покажется справедливым. Представление, согласно которому большинство только потому, что оно большинство, должно иметь право применять к меньшинству правило, которое оно не применяет к себе, нарушает принцип намного более фундаментальный, чем демократия, — принцип, на который опирается обоснование самой демократии. Мы уже видели ранее (в главах 10 и 14), что для того, чтобы неизбежно применяемые в законах классификации людей не порождали ни привилегий, ни дискриминации, они должны опираться на различия, которые признают существенными как те, кто входит в выделяемую группу, так и все остальные.

Огромное достоинство пропорционального налогообложения — то, что создаваемое им правило может устроить и тех, кто будет платить больше в абсолютном выражении, и тех, кто будет платить меньше, а также то, что, когда оно принято, не возникает проблем, связанных с существованием отдельного правила, применяемого только к меньшинству. Даже если при прогрессивном налогообложении не называются имена тех, кто должен платить по более высокой ставке, оно дискриминационно, потому что вводит различие, направленное на перекладывание налогового бремени с тех, кто устанавливает ставки, на другие группы. Ни в каком смысле прогрессивная шкала налогообложения не может считаться общим правилом, равно применимым ко всем, — ни в каком смысле нельзя сказать, что 20-процентный налог на доход одного человека и 75-процентный налог, который должен платить другой, с большим доходом, «равны». Прогрессия не дает вообще никакого критерия, позволяющего определить, что должно считаться справедливым, а что нет. Она не устанавливает никакой предельной точки, и «здравый смысл» народа, который ее сторонники выдвигают как единственный предохранительный барьер²¹, есть не что иное, как текущее состояние общественного мнения, сформированного прошлой политикой.

Однако столь быстрый рост крутизны прогрессии, какой фактически наблюдался, объясняется еще и особой причиной, действовавшей последние сорок лет, а именно инфляцией. Сегодня уже всем ясно, что с ростом совокупных денежных доходов все постепенно перемещаются вверх по шкале налоговых ставок, даже если при этом реальные доходы остаются на прежнем уровне. В результате большинство вновь и вновь обнаруживает, что стало жертвой дискриминационных налоговых ставок, за которые само проголосовало в уверенности, что они его никогда не коснутся.

Этот эффект прогрессивного налогообложения часто характеризуется как достоинство, потому что он делает инфляцию (и дефляцию) в известной

---

²¹ См.: Royal Commission of Taxation of Profits and Income. Second Report. P. 45. Sec. 150.

степени самокорректирующейся. Если источником инфляции служит бюджетный дефицит, налоговые доходы государства будут возрастать относительно быстрее, чем доходы населения, и таким образом смогут покрыть разрыв; а если бюджетный профицит порождает дефляцию, создаваемое этим сокращение доходов населения вскоре выльется в еще более значительное падение налоговых доходов государства и устранил профицит. Однако очень сомнительно, чтобы при преобладающей склонности к инфляции это действительно являлось преимуществом. Даже без этого эффекта потребности бюджета были в прошлом главным источником повторяющейся инфляции; хоть сколько-то сдерживающим фактором было лишь знание, что инфляцию, когда она уже началась, трудно остановить. Налоговая система, дающая в условиях инфляции более чем пропорциональный прирост налоговых поступлений из-за скрытого повышения налоговых ставок, не требующего одобрения законодателей, — может стать непреодолимым искушением.

6. Иногда утверждается, что пропорциональное налогообложение — такой же произвольный принцип, как и прогрессивное налогообложение, и, не считая явно большей простоты вычислений, особых достоинств не имеет. Но есть и другие веские аргументы в его пользу помимо того, о чем говорилось выше, — а именно оно дает единый принцип, с которым, вероятно, могут согласиться люди, платящие разные суммы налога. Еще убедительнее старый аргумент: поскольку почти все виды экономической деятельности получают выгоду от оказываемых государством базовых услуг, эти последние образуют более или менее постоянный компонент всего, что мы потребляем и чем пользуемся, а потому человек, распоряжающийся большей частью ресурсов общества, получает и пропорционально большую часть того выигрыша, который дает государство.

Более важным является наблюдение, что пропорциональное налогообложение сохраняет неизменным соотношение между доходами от разных видов труда. Это не вполне соответствует старой максиме «хорош только тот налог, который не меняет относительное положение людей»³². Оно относится не к влиянию налога на соотношение между доходами разных индивидов, а к его влиянию на отношение между размером чистого вознаграждения за разные предоставляемые услуги, и именно это — экономически значимый фактор. И оно, в отличие от старой максимы, не вызывает дополнительных вопросов, просто постулируя, что соотношение между разными доходами должно быть неизменным.

Могут существовать разные мнения по поводу того, остается ли неизменным соотношение между двумя величинами дохода после того, как они

---

³² *McCulloch J.R.M.* On the Complaints and Proposals Regarding Taxation // *Edinburgh Review*. 1833. Vol. 57. P. 162; переиздано: *Idem*. Treatise on the Principles and Practical Influence of Taxation and the Funding System. London, 1845. P. 141. Позднее эта формулировка использовалась довольно часто и встречается, например, в работе: *Walker F.A.* Political Economy / 2nd ed. New York: H. Holt and Co., 1887. P. 491.

были уменьшены на одну и ту же величину или в одной и той же пропорции. Но не вызывает сомнения, что если чистая величина вознаграждения за две услуги была одной и той же до вычета налогов, то это соотношение сохранится и после их взимания. Именно в этом аспекте воздействие прогрессивного налогообложения существенно отличается от воздействия пропорционального. То, как будут использованы те или иные конкретные ресурсы, зависит от чистого вознаграждения за услуги, а чтобы ресурсы использовались эффективно, важно, чтобы налогообложение сохраняло относительное вознаграждение за услуги таким, каким его установил рынок. Прогрессивное налогообложение существенно изменяет это соотношение, потому что чистое вознаграждение за некую услугу оказывается зависящим от других доходов индивида за определенный период (обычно за год). Если до уплаты налога хирург получает за операцию столько же, сколько архитектор за проектирование дома, а продавец получает за продажу десяти автомобилей столько же, сколько фотограф за сорок фотопортретов, то после уплаты пропорционального налога эти соотношения сохраняются. Но в случае прогрессивного подоходного налога они могут существенно измениться. Мало того что услуги, которые до налогов оплачивались одинаково, принесут неодинаковый чистый доход, но еще и человек, получающий за услугу сравнительно больше, может в конечном итоге получить меньше, чем тот, кто получает за свои услуги меньшую плату.

Это означает, что прогрессивное налогообложение неизбежно погрешает против вероятно единственного универсально признанного принципа экономической справедливости, который требует «равной платы за равный труд». Если то, что будет позволено оставить себе из гонорара за абсолютно одинаковый процесс двум адвокатам, будет зависеть от их доходов в течение года, они часто будут получать очень разную плату за совершенно одинаковые усилия. Человек, который работал очень напряженно или чьи услуги по каким-то причинам просто пользовались большим спросом, может получить намного меньшее вознаграждение за дополнительные усилия, чем тот, кто бездельничал или просто был менее удачлив. Получается, что чем больше потребители ценят чьи-то услуги, тем меньше смысла будет этому человеку стараться и дальше.

Это воздействие на стимулы (в обычном смысле этого слова) — хотя оно и очень важное и часто на нем делают акцент — никоим образом не является самым вредным эффектом, порождаемым прогрессивным налогообложением. Но и здесь основное возражение связано не столько с тем, что в результате люди будут работать не столь усердно, как при других обстоятельствах, сколько с тем, что изменение чистого вознаграждения за разные услуги часто отвлекает их энергию на те виды деятельности, в которых они приносят меньше пользы, чем могли бы. Таким образом, тот факт, что в условиях прогрессивного налогообложения чистое вознаграждение за те или иные услуги зависит от темпов поступления дохода в единицу времени, оказывается источником не только несправедливости, но и неэффективного использования ресурсов.

Нет необходимости задерживаться здесь на хорошо известных и неразрешимых трудностях, создаваемых прогрессивным налогообложением во всех случаях, когда усилия (или расходы) и вознаграждение сильно разведены во времени, иными словами, когда что-то делается в расчете на отдаленный и негарантированный результат — короче говоря, во всех случаях, когда человеческие усилия принимают форму долгосрочных и рискованных инвестиций. Ни одна работающая схема усреднения доходов не будет справедливой по отношению к писателю или изобретателю, художнику или актеру, который в течение немногих лет пожинает плоды усилий, возможно, не одного десятилетия²³. Нет необходимости и разбирать воздействие крутой налоговой прогрессии на готовность осуществлять рискованные инвестиции капитала. Совершенно очевидно, что такое налогообложение дискриминационно по отношению к тем рискованным предприятиям, за которые есть смысл браться лишь потому, что в случае успеха они приносят доходность достаточно большую, чтобы компенсировать серьезный риск потерять все. Более чем вероятно, что если и есть правда в сомнительном утверждении об «исчерпании инвестиционных возможностей», то виновата здесь преимущественно фискальная политика, которая по существу делает невозможными многие рискованные предприятия, которые мог бы с прибылью осуществить частный капитал²⁴.

Мы не будем долго рассуждать о вредном влиянии прогрессивного налогообложения на стимулы и инвестиции не потому, что это несущественно, а потому что все это в общем достаточно хорошо известно. Поэтому мы посвятим наш ограниченный объем другим эффектам, которые не столь хорошо осознаются, но по меньшей мере столь же важны. Один из них, вероятно заслуживающий дополнительного внимания, состоит в том, что прогрессивное налогообложение нередко приводит к ограничению или сокращению уровня разделения труда. Этот эффект особенно заметен там, где профессиональный труд не имеет формы бизнеса и значительная часть связанных с ним расходов, ведущих к росту производительности, не учитывается в издержках. Тенденция «делать все самому» порождает особенно абсурдные результаты в тех случаях, когда, например, человек, желающий посвятить себя более производительной деятельности, должен зарабатывать за один час в двадцать или даже в сорок раз больше, чем

---

²³ См. подробное обсуждение: Royal Commission on the Taxation of Profits and Income: Final Report. Cmd. 9474. London: H.M. Stationery Office, 1958. P. 60. Secs. 186–207. Особенно см. § 186: «Дифференцированному налогу свойственно то, что он взимает неодинаковую долю с равномерного и неравномерного дохода».

²⁴ Стоит отметить, что те же самые авторы, которые громче всех говорили о якобы «исчерпании инвестиционных возможностей», теперь настаивают на том, что «должна быть усилена реальная степень прогрессивности подоходного налога», подчеркивая, что «самый важный вызов, стоящий сегодня перед американской политикой, — это вопрос о прогрессивности нашего подоходного налога», и всерьез утверждая, что «мы находимся в ситуации, когда дополнительный налоговый доллар несомненно может принести намного больше общественной пользы, чем дополнительный доллар зарплаты» (*Hansen A.H. The Task of Promoting Economic Growth and Stability: Address to the National Planning Association, February 26, 1956 [mimeographed]*).

если бы он все делал сам, чтобы иметь возможность заплатить другому, почасовая стоимость услуг которого сравнительно низка²⁵.

Мы имеем возможность лишь кратко упомянуть о чрезвычайно серьезном влиянии прогрессивного налогообложения на сбережения. Если двадцать пять лет назад аргумент, что уровень сбережений слишком высок и его надо сократить, мог показаться правдоподобным, то сегодня мало кто из ответственных людей усомнится, что для того, чтобы решить хотя бы часть задач, которые мы поставили перед собой, нам нужен максимально возможный уровень сбережений. Ответ социалистов на эту обеспокоенность падением уровня сбережений больше не сводится к тому, что они на самом деле и не нужны, а состоит теперь в том, что они должны быть предоставлены обществом, то есть за счет средств, полученных от налогообложения. Но такой подход оправдан только в том случае, если нашей целью в конечном итоге является социализм старого типа, а именно государственная собственность на средства производства.

7. Одна из главных причин того, почему прогрессивное налогообложение получило столь широкое признание, заключается в том, что для подавляющего большинства людей единственной законной и социально желательной формой вознаграждения стал соответствующий доход. Они мыслят себе доход не как нечто связанное с ценностью предоставляемых услуг, но лишь как то, что наделяет подобающим статусом в обществе. Это является из аргумента, часто приводимого в поддержку прогрессивного налогообложения: «Никто не стоит 10 000 фунтов в год, а при нашей нынешней бедности, когда подавляющее большинство народа зарабатывает меньше 6 фунтов в неделю, лишь немногие незаурядные люди заслуживают больше, чем 2000 фунтов в год»²⁶. То, что это утверждение лишено всякого основания и апеллирует лишь к эмоциям и предрассудкам, сразу станет очевидным, как только мы поймем, что оно подразумевает, будто не существует такого действия, которое какой-либо индивид может совершить за год или, если уж на то пошло, за час, и ценность которого для

---

²⁵ Это, похоже, произвело впечатление даже на автора, настолько твердо убежденного в справедливости прогрессивного налогообложения, что он даже мечтал применить его в международном масштабе: «Так, хороший писатель, для которого налог составляет 19 шиллингов 6 пенсов с каждого фунта стерлингов [то есть 97,5%], должен заработать 200 фунтов, чтобы иметь возможность заплатить 5 фунтов за работу по дому. Он вполне может решить, что для него лучше будет сделать эту работу самому, чем писать. Ему нужно быть в сорок раз более производительным в работе за письменным столом, чем в работе по дому, чтобы ему стало выгодно расширить разделение труда и обменять свой литературный труд на работу домашней прислуги» (*Meade J.E. Planning and the Price Mechanism: The Liberal-Socialist Solution*. London: Allen and Unwin, 1948. P. 40).

²⁶ *Lewis W.A. The Principles of Economic Planning: A Study Prepared for the Fabian Society*. London: D. Dobson, 1949. P. 30; по-видимому, впервые этот аргумент появился в книге: *Hobhouse L.T. Liberalism*. London: Williams and Norgate, 1911, где говорится, что доводом в пользу сверхналога является «уважительное сомнение в том, что какой бы то ни было индивид представляет ценность для общества хоть сколько-нибудь близкую к тем суммам, которые получают иные люди», и высказывается предположение, что «по мере приближения к уровню дохода в 5000 фунтов в год, мы достигаем предела производственной ценности индивида» (с. 199–201).

общества может составлять более 10 000 фунтов стерлингов (28 000 долларов). Разумеется, плод человеческого действия может и порой действительно многократно превышает эту величину. Но не существует необходимой зависимости между временем, которого требует действие, и выгодой, которую оно приносит обществу.

Весь этот подход, в соответствии с которым считается, что большие доходы не нужны и социально нежелательны, отражает состояние умов людей, привыкших продавать свое время за фиксированное жалование или заработную плату и для которых в силу этого некое определенное вознаграждение за единицу времени является нормой²⁷. Но хотя этот способ вознаграждения стал преобладающим в очень многих областях, он уместен только в тех случаях, когда люди продают свое время на условии, что будут подчиняться требованиям или действовать от имени и во исполнение воли других. Он не имеет смысла для людей, задача которых — распоряжение ресурсами на свой страх и риск, чья главная цель заключается в том, чтобы за счет собственных доходов увеличивать объем ресурсов, которые они контролируют. Для них возможность распоряжаться ресурсами — условие реализации своего призвания, точно так же как освоение определенных умений или знаний — такое же условие для людей свободных профессий. Прибыли и убытки — это, прежде всего, механизм перераспределения капитала среди этих людей, а не источник их средств к существованию. Представление, что чистые текущие поступления в норме предназначены для текущего потребления, естественно для тех, кто живет на жалование, но чужда людям, цель которых — наращивание бизнеса. В их случае даже сама концепция дохода — по большей части абстракция, навязываемая им подоходным налогом. Это не более чем оценка суммы, которую, в свете собственных планов и ожиданий, они могут позволить себе истратить, не сократив до уровня, более низкого, чем нынешний, свою будущую способность тратить деньги. Сомневаюсь, что общество, состоящее преимущественно из «самозанятых» индивидов, могло бы, подобно нам, принять как само собой разумеющуюся концепцию дохода или сумело бы додуматься до того, чтобы облагать налогом доходы от определенных услуг в соответствии с темпом их поступления во времени.

Вряд ли общество, которое не признает иного вознаграждения, кроме того, что большинству представляется надлежащим доходом, и в определенных видах деятельности не считает законным, когда кто-то приобретает за сравнительно короткое время состояние, смогло бы в конечном счете сохранить систему частного предпринимательства. Конечно, нет ничего особенно трудного в том, чтобы доверить управление крупными прочно утвердившимися предприятиями, собственность на которые

---

²⁷ Ср.: «Следует помнить, что наши законы о подоходном налогообложении были по большей части составлены и приняты людьми, получающими твердое жалование, и для блага людей, получающих твердое жалование» (*Wright D.M. Democracy and Progress. New York: Macmillan, 1948. P. 96*).

рассредоточена среди большого числа мелких акционеров, менеджерам, представляющим собой нечто среднее между предпринимателями и наемными служащими, но вот для создания нового предприятия нужны и, видимо, всегда будут нужны индивиды, распоряжающиеся значительными ресурсами. Новые начинания, как правило, нуждаются в том, чтобы за ними стояли немногие люди, обладающие непосредственным знанием имеющихся возможностей, и уж определенно не следует желать того, чтобы все будущее развитие зависело от устоявшихся финансовых и промышленных корпораций.

С этой проблемой тесно связано воздействие прогрессивного налогового обложения на тот аспект формирования капитала, который мы еще не рассматривали, а именно на точку его формирования. Одно из преимуществ конкурентной системы заключается в том, что новые рискованные предприятия могут за короткое время принести очень большую прибыль, и благодаря этому капитал, нужный для развития, будет сформирован людьми, имеющими наилучшие возможности для его применения. Большие доходы удачливого изобретателя и новатора в прошлом означали, что, продемонстрировав способность прибыльно использовать капитал в новых рискованных предприятиях, он вскоре сможет подкрепить свои суждения еще более серьезными средствами. Значительная часть капитала, формируемого индивидом, поскольку она уравнивается потерями капитала у других, должна в реальности рассматриваться как часть непрерывного процесса перераспределения капитала между предпринимателями. Обложение таких прибылей налогами по более или менее конфискационным ставкам означает удушающий налог на тот круговорот капитала, который служит одной из движущих сил прогрессивного общества.

Однако самым серьезным последствием того, что формирование капитала дестимулируется индивидами в случаях, когда имеется временная возможность получить большие прибыли, является ограничение конкуренции. Система в целом оказывается благоприятной для корпоративных, а не для индивидуальных сбережений и, в частности, склонна усиливать позиции уже сложившихся корпораций в ущерб новичкам. Она тем самым способствует возникновению квазимонополистических ситуаций. Поскольку налоги сегодня съедают большую часть «избыточных» прибылей нового участника рынка, он, если использовать удачную формулировку, оказывается не в состоянии «накопить капитал; он не может расширить свое дело; его бизнес никогда не станет крупным, он никогда не станет крупным предпринимателем и ровней крупным корпорациям. Старым фирмам не нужно бояться его конкуренции; они защищены сборщиком налогов. Они безнаказанно могут работать по шаблону, они могут пренебрегать желаниями публики и становиться консервативными. Безусловно, подоходный налог и им мешает накапливать новый капитал. Но, что для них более важно, он не позволяет опасным новичкам накопить вообще какой-либо капитал. Фактически с помощью налоговой системы старые

фирмы оказались в привилегированном положении. В этом смысле прогрессивное налогообложение сдерживает экономическое развитие и ведет к окостенению»²⁸.

Еще более парадоксальный и социально вредный эффект прогрессивного налогообложения — то, что, предназначенное для уменьшения неравенства, оно на деле увековечивает существующее неравенство и устраняет важнейшую форму компенсации неравенства, неизбежного в обществе свободного предпринимательства. Особенностью такой системы, искупающей ее недостатки, до сих пор было то, что богатые не были замкнутой группой и удачливый человек мог в сравнительно короткое время получить в свое распоряжение крупные ресурсы²⁹. Сегодня, однако, шансы пробиться в этот класс в некоторых странах, таких как Великобритания, вероятно уже меньше, чем когда-либо с начала Нового времени. Серьезным последствием этого является то, что управление все большей долей мирового капитала переходит под контроль людей, которые, несмотря на очень большие доходы и все сопутствующие этому радости, никогда на свой страх и риск не контролировали значительной собственности. Есть ли в этом хоть какие-то плюсы, покажет будущее.

Несомненно и то, что чем меньше возможностей заработать новое состояние, тем больше существующие состояния должны восприниматься как ничем не оправданная привилегия. В таком случае целью политики должно стать изъятие этого богатства из частных рук либо постепенно, с использованием конфискационных налогов на наследство, либо напрямую с помощью конфискации. Система, основанная на частной собственности и частном контроле над средствами производства, предполагает, что собственность и контроль могут быть приобретены любым преуспевающим человеком. Если это становится невозможным, то даже люди, которые в противном случае были бы самыми выдающимися капиталистами нового поколения, обречены стать врагами устоявшегося класса богачей.

---

²⁸ *Mises L. von. Human Action. New Haven: Yale University Press, 1949. P. 804–805 [Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 758].* См. также: «Многие сторонники высоких налогов являются искренними противниками монополий, но если бы налоги были ниже, и в особенности если бы нераспределенная прибыль была освобождена от налогообложения, возникло бы много новых предприятий, которые активно конкурировали бы со старыми, сложившимися монополиями. По сути дела, именно существующие сегодня высокие ставки налогов — одна из главных причин того, что монополии теперь так сильны» (*Clark C. Welfare and Taxation. Oxford: Catholic Social Guild, 1954. P. 51–52*). Аналогично: «Тот факт, что теперь так трудно скопить даже сравнительно небольшое состояние, обязательно окажет самое глубокое влияние на организацию бизнеса; и для меня никоим образом не очевидно, что это влияние отвечает интересам общества. Не станет ли неизбежным следствием то, что новаторам будет все труднее развивать свой бизнес, кроме как в сфере влияния сложившейся корпорации, и что накопления все в большей степени будут осуществляться внутри этих крупных концернов, которые — преимущественно в результате проявленной в прошлом личной предприимчивости — сумели укрепиться до наступления ледникового периода?» (*Robbins L. Notes on Public Finance // Lloyds Bank Review. October 1955. Vol. 38. P. 10*).

²⁹ См.: *Wright D.M. Democracy and Progress. New York: Macmillan, 1948. P. 96–103*; см. также: *Butters J.K., Lintner J. Effects of Federal Taxes on Growing Enterprises. Boston: Division of Research, Harvard Graduate School of Business Administration, 1945.*

8. В тех странах, где налогообложение доходов осуществляется по очень высоким ставкам, большее равенство достигается, по сути дела, установлением предела чистого дохода, который кто-либо может заработать. (В Великобритании во время последней войны самый большой чистый доход после уплаты налогов составлял примерно 5000 фунтов, или 14 000 долларов, — хотя ситуация частично смягчалась тем, что прирост рыночной ценности капитала не рассматривался как доход.) Мы уже видели, что, учитывая незначительную долю поступлений от самых высоких ставок налога в общем размере налоговых доходов государства, это может быть оправдано только тем соображением, что никто не должен располагать большим доходом. Но что именно является большим доходом, зависит от представлений общества и в конечном итоге от среднего уровня его богатства. Поэтому чем беднее страна, тем ниже будет в ней допустимый максимальный доход, и тем труднее будет любому из ее обитателей достичь уровня дохода, который в более богатых странах считается всего лишь скромным. Куда это может привести, показывает недавнее предложение, отвергнутое при незначительном перевесе голосов индийской Национальной комиссией по планированию, установить для всех доходов в стране потолок в 6300 долларов в год (а для доходов в виде жалованья — 4300 долларов)³⁰. Достаточно представить себе, что этот принцип применен к разным регионам одной страны или в международном масштабе, чтобы оценить его последствия. Они, безусловно, могут послужить хорошим комментарием и по поводу моральных оснований веры в то, что большинство какой-либо одной группы должно иметь право устанавливать возможный предельный доход, и по поводу мудрости тех, кто верит, что таким образом они могут поддержать рост благосостояния масс. Есть ли у кого-нибудь сомнения в том, что бедные страны, мешая частным лицам богатеть, тем самым замедляют общий рост богатства? И разве то, что применимо к бедным странам, не относится равным образом и к богатым?

В конечном итоге проблема прогрессивного налогообложения — разумеется, проблема этическая, а для демократии реальный вопрос состоит в том, сохранится ли поддержка этого принципа, если люди в полной мере осознают, как он действует. Вполне возможно, что практика опирается на идеи, которых большинство людей не приняло бы, будь они сформулированы в абстрактном виде. То, что большинству должно принадлежать право облагать меньшинство дискриминационными налогами; что в результате равные услуги должны вознаграждаться по-разному; и что для целого класса, только потому, что у него доходы не такие, как у остальных, нужно сделать практически неэффективными обычные стимулы — все это принципы, которые нельзя обосновать соображениями справедливости. Если, в добавление к этому, учесть бессмысленную растрату энергии и усилий, к чему

---

³⁰ Сообщение об этом см.: *Ceiling on Income Proposed in India* // *New York Times*. 1956. January 8. P. 24.

столь многими путями ведет прогрессивное налогообложение³¹, разумные люди наверняка убедятся в его нежелательности. Однако опыт в этой области показывает, сколь быстро привычка притупляет чувство справедливости и даже возводит в принцип то, что не имеет иной опоры, кроме зависти.

Для того чтобы прийти к разумной системе налогообложения, люди должны принять как принцип, что большинство, устанавливающее общую величину налогов, должно нести это бремя по максимальной ставке. Не может быть обоснованных возражений против того, чтобы то же самое большинство предоставило экономически слабому меньшинству некоторое послабление в виде пропорционально более низкого налогообложения. Задача возведения барьеров против злоупотреблений прогрессивностью налогообложения усложняется тем, что, как мы видели, некоторая дифференциация индивидуального подоходного налога может быть обоснована необходимостью компенсировать эффекты косвенных налогов. Существует ли принцип, который в перспективе может быть принят и который смог бы эффективно противодействовать присущей прогрессивному налогообложению тенденции выходить из-под контроля? Лично я не верю, что этой цели можно достичь, установив верхний предел налоговых ставок. Такая процентная граница будет столь же произвольной, как и сам принцип прогрессии, и ее легко будет изменить, когда покажется, что этого требует необходимость увеличить государственные доходы.

Что на самом деле нужно, так это принцип, который поставит максимальную ставку прямых налогов в какую-то связь с общим бременем налогообложения. Представляется, что целесообразнее всего было бы установить правило, которое фиксировало бы максимальную допустимую (предельную) ставку прямого налогообложения так, чтобы она была равна проценту совокупного национального дохода, изымаемого государством в виде налогов. Это означает, что если государство забирает 25% национального дохода, то и максимальная ставка прямого налогообложения любой части личных доходов индивидов должна быть не выше 25%. Если чрезвычайные обстоятельства делают необходимым повышение этой доли, то и максимально допустимая ставка должна быть увеличена до той же величины, и, когда будет уменьшено общее налоговое бремя, ее следует соответственно понизить. При таком подходе налогообложение останется в известной мере прогрессивным, поскольку те, кто платит подоходный налог по высшей ставке, будут уплачивать и ряд косвенных налогов,

---

³¹ Чрезмерные представительские расходы являются косвенным результатом прогрессивных налогов, потому что без них фирмам зачастую было бы выгодно платить своим руководителям так, чтобы побудить их оплачивать свои представительские расходы из собственного кармана. Порождаемые прогрессивными налогами юридические издержки также намного больше, чем принято думать, см.: «Просто поразительно, сколь большая часть повседневной работы юриста в области подоходного налога проистекает из того простого факта, что налог прогрессивен. Пожалуй, большинство проблем, с которыми он сталкивается, было создано или усилено исключительно по этой причине» (*Blum W.J., Kalven H., jr. The Uneasy Case for Progressive Taxation // University of Chicago Law Review. 1952. Vol. 19. P. 431*).

что делает их налоговое бремя выше среднего национального уровня. Приверженность этому принципу будет иметь то благотворное последствие, что утверждению каждого бюджета должна будет предшествовать оценка доли национального дохода, которую правительство предполагает изъять в виде налогов. Этот процент будет служить стандартной ставкой прямого налогообложения доходов, которая для людей с более низкими доходами будет уменьшена пропорционально приходящейся на них доле косвенных налогов. Чистым результатом будет незначительная прогрессия, но при этом предельная ставка налога на самые большие доходы не будет превосходить средний уровень налогообложения больше, чем на величину косвенного налогообложения.

Денежная система

Не может быть более хитрого, более верного средства для того, чтобы опрокинуть основу общества, чем расстройство денежного обращения. Этот процесс направляет все скрытые силы экономического закона к разрушению и делает это так, что ни один человек из миллиона не в силах отыскать корень зла.

— Дж.М. Кейнс

1. Опыт последних пятидесяти лет научил большинство людей тому, насколько важна стабильность денежной системы. В сравнении с предыдущим столетием этот период отличался колоссальной денежной нестабильностью. Государства принимали намного более активное участие в контроле над деньгами, и это было как причиной, так и следствием нестабильности. Поэтому вполне естественно, что некоторые люди ощущают, что было бы лучше, если бы государства не обладали контролем над денежной политикой. Почему бы, задается иногда вопрос, не доверить спонтанным силам рынка предоставлять все, что нужно для существования удовлетворительного средства обмена, как мы это делаем во множестве других случаев?

Важно с самого начала сказать, что сегодня это не только политически неосуществимо, но, вероятно, было бы нежелательным, даже если было бы возможным. Не исключено, что, если бы государства никогда не вмешивались в эту сферу, то могла бы развиваться некая денежная

— *Keynes J.M.* The Economic Consequences of the Peace. London: Macmillan, 1919. P. 220–221 [*Кейнс Дж.М.* Экономические последствия Версальского мирного договора // Он же. Общая теория занятости, процента и денег: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 587]. Это наблюдение было подсказано Кейнсу аналогичным замечанием, приписываемым Ленину: «Лучшим способом разрушения капиталистической системы является порча денег». См. также более позднее утверждение Кейнса в «Трактате о денежной реформе»: «Индивидуалистический капитализм сегодняшнего дня именно потому, что он предоставляет накопление индивидуальному рантье, а производство — индивидуальному предпринимателю, основан на предположении устойчивой денежной единицы и не может преуспевать — быть может, даже и существовать — без таковой» (*Idem.* A Tract of Monetary Reform. London: Macmillan, 1923. P. 40 [*Он же.* Трактат о денежной реформе // Он же. Общая теория занятости, процента и денег: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 797]).

система, не требующая государственного контроля; в частности, если бы люди не пришли к широкому использованию кредитных инструментов в качестве денег или близких заместителей денег, мы могли бы положиться на некоторый механизм саморегулирования¹. Однако этот выбор для нас уже закрыт. Нам не известны альтернативы, серьезно отличающиеся от тех кредитных институтов, на которые преимущественно опирается организация современного бизнеса; а историческое развитие создало условия, в которых существование этих институтов делает необходимым некий сознательный контроль над взаимодействием денег и кредитных систем. Более того, как следствие других обстоятельств, которые мы определенно не сможем изменить, просто модифицировав наши денежные институты, в настоящее время этот контроль неизбежно должен осуществляться преимущественно государствами².

Три фундаментальных причины такого положения дел различаются по тому, насколько общий характер они носят и насколько вески. Первая касается всех денег во все времена и объясняет, почему относительные изменения денежной массы провоцируют намного больше беспорядка, чем изменения любых других обстоятельств, влияющих на цены и производство. Вторая — всех денежных систем, в которых величина денежной массы тесно связана с кредитом, то есть таких, на которых держится вся современная экономическая жизнь. Третья — текущего объема государственных расходов и, следовательно, обстоятельства, которое, как можно надеяться, удастся со временем изменить, но которое сегодня мы должны учитывать во всех решениях в области денежной политики.

Первый из этих фактов делает деньги чем-то вроде слабого звена в механизме рынка, который в остальном является саморегулируемым, такого звена, которое способно существенно вмешиваться в работу механизма настройки и периодически дезориентировать производство, если только эти нежелательные эффекты не будут предвидеться и встречать целенаправленное противодействие. Причина этого состоит в том, что деньги, в отличие от обычных товаров, предназначены не для того, чтобы их потреблять, а для того, чтобы передавать их из рук в руки. Вследствие этого

---

¹ См.: *Mises L. von. Human Action*. New Haven: Yale University Press, 1949. P. 429–445 [*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность*. Челябинск: Социум, 2005. С. 428–446].

² Хотя я убежден, что современное банковское кредитование в том виде, как оно развилось, требует публичных институтов, таких как центральный банк, я сомневаюсь, что нужно или желательно, чтобы они (или государство) имели монополию на выпуск всех видов денег. Государство, конечно, имеет право защищать название денежной единицы, которую оно (или кто-то еще) эмитирует и, если оно эмитирует «доллары», запрещать всем остальным эмитировать денежные знаки того же наименования. А поскольку в его функции входит обеспечение выполнения договоров, оно должно иметь возможность определять, что является «законным средством платежа» (*legal tender*) для погашения любых договорных обязательств. Но, как представляется, у государства не существует никаких оснований запрещать использование других средств обмена, будь то какие-то товары или деньги, эмитированные другим агентством, отечественным или иностранным. Одним из самых эффективных средств защиты свободы индивида мог бы стать конституционный запрет на всякое ограничение операций с любыми видами денег или драгоценных металлов, вводимый в мирное время.

изменение денежной массы (или спроса на деньги) не ведет непосредственно к новому равновесию. Денежные изменения в некотором смысле обладают «автоматическим реверсом». Если, например, прирост денежной массы сначала расходуется на некий товар или услугу, этот расход не просто создает новый спрос, по природе своей временный и преходящий, но также запускает шлейф дальнейших эффектов, которые поменяют последствия от изначального увеличения спроса на противоположные. Те, кто получил деньги первыми, в свою очередь истратят их на другие вещи. Подобно кругам на воде, разбегающимся от брошенного в пруд камешка, рост спроса распространится по всей экономической системе, изменяя в каждой точке относительные цены в направлении, которое будет сохраняться до тех пор, пока будет продолжаться прирост денежной массы, но поменяется на обратное, как только этот прирост прекратится. Ровно то же самое происходит, если уничтожить какую-либо часть денежной массы или даже если люди начнут держать на руках больше или меньше наличных денег, чем обычно, в пропорции к своим расходам и доходам; каждое изменение такого рода вызывает последовательность изменений спроса, которые не соответствуют никаким изменениям реальных факторов, определяющих рыночную ситуацию, а потому порождают изменения цен и производства, нарушающие равновесие между спросом и предложением³.

По этой причине изменения денежной массы вносят особенно много беспорядка, но помимо этого и сама величина денежного предложения также чрезвычайно подвержена вредоносным изменениям. Здесь важно, чтобы скорость, с которой деньги расходуются, не слишком колебалась. Это означает, что если в любое время люди изменили мнение о том, сколько денег они хотят держать на руках в пропорции к своим расходам (или, как говорят экономисты, если они решают повысить или понизить свою ликвидность), количество денег должно быть изменено соответствующим образом. Независимо от того, как мы определяем «наличность», склонность людей держать часть своих ресурсов в этой форме подвержена значительным колебаниям, как кратковременным, так и долгосрочным, и на нее оказывают глубокое влияние всевозможные спонтанные усовершенствования (такие, например, как появление кредитных карт и дорожных чеков). Никакое автоматическое регулирование денежной массы не в состоянии осуществить желательную подстройку до того, как эти изменения в спросе на деньги или в количестве заместителей денег окажут сильное и вредоносное влияние на цены и занятость.

Но еще хуже, что во всех современных денежных системах величина денежной массы не только не приспосабливается сама к таким изменениям спроса, но и имеет тенденцию изменяться в противоположном

---

³ Самыми важными из этих временных и самообратимых сдвигов спроса, создаваемых изменениями денежной массы, являются изменения относительного спроса на потребительские и инвестиционные блага; мы не можем рассматривать здесь эту проблему, потому что тогда нам пришлось бы углубиться во все дискуссионные проблемы теории делового цикла.

направлении. Всякий раз, когда вместо денег начинают использоваться права требования на деньги — и трудно себе представить, как можно этому помешать, — количество таких заместителей денег имеет свойство «обратной эластичности» (*perversely elastic*)⁴. Это — следствие простого факта, что те же соображения, которые побуждают людей держать на руках больше наличности, подталкивают тех, кто посредством предоставления займов создает права требования на деньги, создавать их в меньшем количестве, и наоборот. Известный факт, что когда каждый хочет повысить ликвидность, банки по тем же причинам тоже хотят ее повысить и потому сокращают предложение кредита, — всего лишь частный случай общей тенденции, присущей большинству форм кредита.

Эти спонтанные колебания денежной массы можно предотвратить только если кто-то будет в состоянии целенаправленно изменять количество некоторого общепризнанного средства обмена в противоположном направлении. Обычно считается, что именно эту функцию необходимо доверить единому общенациональному институту, в прошлом — центральным банкам. Даже такие страны, как США, которые долго противились учреждению подобного института, в конце концов обнаружили, что во избежание периодических паник система, широко использующая банковский кредит, должна опираться на такое центральное агентство, которое всегда способно предоставить наличные деньги и, благодаря своему контролю над количеством наличных денег, в состоянии влиять на общее предложение кредита.

Есть сильные и, вероятно, по-прежнему убедительные доводы в пользу того, что эти институты должны быть, насколько это возможно, независимы от правительства и его финансовой политики. Здесь, однако, мы подходим к третьему пункту, о котором говорили выше, — к историческому развитию, которое хотя и не является строго необратимым, но в ближайшей перспективе мы будем вынуждены с ним считаться. Денежная политика, независимая от финансовой политики, возможна лишь до тех пор, пока государственные расходы образуют сравнительно небольшую часть всех платежей и пока государственный долг (особенно краткосрочный) составляет лишь малую часть всех кредитных инструментов⁵. Сегодня это условие

---

⁴ Более детальное обсуждение этих проблем см. в моей книге: *Hayek F.A. Monetary Nationalism and International Stability*. London: Longmans, Green, and Co., 1937.

⁵ См.: *Sayers R.S. Central Banking after Bagehot*. Oxford: Clarendon Press, 1957. P. 85–107. Ввиду общераспространенного мнения, будто во времена наибольшего расцвета либеральной политики «фискальная политика» не воспринималась в качестве средства контроля над экономикой, интерес представляют две цитаты из книги Джона Морли, виконта Морли (*Morley J. Life of William Ewart Gladstone*. London: Macmillan, 1903. Vol. 1–3). Рассказывая о первом бюджете правительства Гладстона (бюджет 1853 года), он отмечает: «Изначальная смелость [этого проекта] состояла в использовании необычного метода оценки национального дохода на период примерно семи лет и в предположении, что расходы на протяжении всего этого периода будут оставаться в достаточной мере стабильными» (т. 1, кн. 4, с. 461); в другом месте он приводит замечание Гладстона: «Если вы хотите помочь трудящимся классам и принести максимум блага, то недостаточно оперировать только теми статьями, которые идут на их потребление, необходимо в большей степени оперировать статьями, которые дают максимальную занятость» (т. 2, кн. 5, с. 57).

больше не выполняется. Поэтому действенная денежная политика может проводиться только в координации с финансовой политикой правительства. Однако в данном случае координация с неизбежностью означает, что номинально независимые руководители, отвечающие за денежную политику, должны согласовывать ее с политикой правительства. Таким образом, последняя — нравится нам это или нет — неизбежно оказывается определяющим фактором.

Некоторые одобряют то, что благодаря этому правительство, по-видимому, может осуществлять более действенный контроль над денежной ситуацией. Далее нам придется рассмотреть вопрос о том, действительно ли мы получили лучшие возможности для проведения желательной денежной политики. Сейчас же важно, что, пока государственные расходы составляют значительную часть национального дохода, как это имеет место повсюду, нам следует признать, что правительство неизбежно будет доминировать в денежной политике и что единственный способ изменить ситуацию — сильно сократить государственные расходы.

2. Когда правительство контролирует денежную политику, главной опасностью в этой области становится инфляция. Правительства всегда и везде были главной причиной обесценения денег. Хотя история знает продолжительные периоды падения ценности металлических денег, причинами эпизодов крупномасштабной инфляции в прошлом было то, что правительство либо портило монету, либо эмитировало в чрезмерных количествах бумажные деньги. Возможно, нынешнее поколение более бдительно оберегает себя от самых грубых методов, с помощью которых осуществлялось разрушение денежной системы, когда правительства оплачивали свои расходы за счет выпуска бумажных денег. Сегодня то же самое можно сделать с помощью намного более хитрых процедур, которые публика может и не заметить.

Мы убедились, что каждая из основных черт социального государства, рассмотренных нами, имеет тенденцию поощрять инфляцию. Мы убедились, что в этом направлении работает сочетание профсоюзного давления, стремящегося повысить заработную плату, и нынешней политики полной занятости и что тяжелое финансовое бремя, принимаемое государством на себя через систему пенсионного обеспечения, может привести правительство к повторяющимся попыткам облегчить его, уменьшив ценность денег. Следует также отметить, хотя здесь и не обязательно есть связь, что правительства, по-видимому, неизменно прибегали к инфляции, чтобы облегчить бремя своих фиксированных обязательств, всякий раз, когда расходуемая ими доля национального дохода оказывалась выше уровня примерно в 25%⁶. И мы также убедились, что, поскольку в условиях

---

⁶ См.: *Clark C.* Public Finance and Changes in the Value of Money // *Economic Journal*. 1945. Vol. 55. P. 371–389; см. также обсуждение позиции Колина Кларка в статье: *Pechman J.A.*,

прогрессивного налогообложения инфляция способствует более быстрому повышению налоговых сборов в пропорции к доходам, искушение прибегнуть к инфляции становится очень сильным.

Однако если верно, что институты социального государства в целом благоприятствуют инфляции, то еще более верно, что именно инфляция усилила спрос на соответствующую социальную политику. Это справедливо в отношении не только ряда уже рассмотренных нами мер, но и многих других, которые нам еще предстоит проанализировать или просто упомянуть, таких как ограничение арендной платы за жилье, продовольственные субсидии и всевозможные формы регулирования цен и расходов. Слишком хорошо известно и не требует дополнительных иллюстраций то, насколько последствия инфляции в недавнее время выступали в качестве главных аргументов в пользу расширения правительственного контроля. Но пока еще недостаточно осознано, в какой мере на протяжении последних сорока лет развитие во всем мире определялось беспрецедентной инфляционной тенденцией. Пожалуй, лучше всего об этом свидетельствует ее влияние на то, какие усилия прилагает поколение, трудовая жизнь которого пришлось как раз на этот период, чтобы обеспечить свое существование в старости.

Чтобы понять, как инфляция обошлась со сбережениями поколения, которое как раз сейчас готовится к выходу на пенсию, полезно познакомиться с результатами небольшого статистического исследования⁷. Исследование ставило своей целью определить, какой была бы в разных странах текущая покупательная способность сбережений, собранных за сорок пять лет, с 1913 по 1958 год, человеком, который ежегодно откладывал сумму денег, имеющую одну и ту же ценность в реальном выражении, и инвестировал ее под фиксированную годовую ставку процента, равную 4%. Это примерно соответствует доходности, которую в западных странах мог

Mayer T. Mr. Colin Clark on the Limits of Taxation // Review of Economics and Statistics. 1952. Vol. 34. P. 232-242.

⁷ Числа в тексте являются результатом расчетов, выполненных для меня Сальватором В. Феррерой, которому я очень благодарен за помощь. Представлены данные только по тем странам, по которым были легко доступны сведения об индексе стоимости жизни за все сорок лет. В основном тексте я намеренно даю только округленные показатели, потому что не верю, что результаты такого рода расчетов дают нам что-то большее, чем приблизительные оценки порядка величин. Для интересующихся я привожу здесь результаты (с точностью до одного знака после запятой) по всем странам, для которых были выполнены расчеты.

	%		%		%
Швейцария	70,0	Новая Зеландия	49,9	Германия	37,1
Канада	59,7	Норвегия	49,4	Бельгия	28,8
Соединенные Штаты	58,3	Египет	48,2	Перу	20,6
Южно-Африканский Союз	52,3	Дания	48,1	Италия	11,4
Великобритания	50,2	Нидерланды	44,0	Франция	11,4
Швеция	50,1	Ирландия	42,1	Греция	8,4

Сравнительно неплохие результаты, которые демонстрирует по этим показателям Германия, объясняются, вероятно, тем, что в них не учитывается валютная реформа 1948 года.

получать человек с небольшими сбережениями от того рода инвестиций, которые были ему доступны, будь то сберегательный счет, правительственные облигации или страхование жизни. За 100% мы принимаем величину, которая накопилась бы к концу периода, если бы ценность (покупательная способность) денег оставалась неизменной. Какую часть этой покупательной способности в реальном выражении сумел бы сохранить человек к 1958 году?

По-видимому, только в одной стране мира, а именно в Швейцарии, эта величина составила бы 70%. В США и Канаде положение вкладчика было бы сравнительно неплохим — ему удалось бы сохранить примерно 58%. Для большинства стран Британского Содружества Наций и других членов «стерлинговой зоны» этот показатель составил бы около 50%, а в Германии, несмотря на потерю всех накоплений, сделанных до 1924 года, тем не менее осталось бы целых 37%. Во всех этих странах инвесторам все-таки относительно повезло в сравнении с жителями Франции или Италии, которым осталось бы от 11 до 12% того, что они сумели бы накопить к 1958 году в условиях стабильности денег⁸.

Сегодня принято принижать роль этой длительной общемировой инфляции оговоркой, что жизнь всегда была такой и что вся история есть преимущественно история инфляции. В целом это, может быть, и так, но определенно неверно для отрезка времени, в который сложилась современная экономическая система, когда богатство и доходы выросли в беспрецедентных масштабах. За двухсотлетний период, который закончился в 1914 году и на протяжении которого Великобритания придерживалась золотого стандарта, уровень цен, в той мере, в какой его можно осмысленным образом измерить за такое время, колебался вокруг постоянного значения, в конце был ровно таким, как в начале, и редко отклонялся больше чем на треть вверх или вниз от средней величины (исключая период наполеоновских войн, когда золотой стандарт был отменен)⁹. Аналогично в США в период 1749–1939 годов, по-видимому, не наблюдалось существенной тенденции к росту цен¹⁰. В сравнении с этим темпы роста цен в этих и других странах за последнюю четверть века демонстрируют, что произошли серьезные изменения.

---

⁸ Что касается Франции, здесь, конечно, не учтены последствия существенного дополнительного обесценивания и произошедшей вследствие этого девальвации французского франка в 1958 году.

⁹ Мы не располагаем непрерывным рядом значений индекса цен за весь двухсотлетний период, но приблизительное движение цен можно измерить, сведя воедино данные, представленные в работах: *Gilboy E.W.* The Cost of Living and Real Wages in Eighteenth Century England // *Review of Economics and Statistics*. 1936. Vol. 18. P. 134–143; *Tucker R.S.* Real Wages of Artisans in London, 1729–1935 // *Journal of the American Statistical Association*. 1936. Vol. 31. P. 73–84. Из более поздних работ см.: *Deane P., Cole W.A.* British Economic Growth, 1688–1959: Trends and Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.

¹⁰ Это утверждение основано на данных об индексе оптовых цен в США (см.: United States Department of Labor, Bureau of Labor Statistics. Bureau of Labor Statistics Chart Series [1948]. Washington, DC: Government Printing Office, 1948. Chart. E-11).

3. Хотя немногие возмущаются сознательно оправдывать постоянный рост цен, главным источником нынешней склонности к инфляции служит общая вера в то, что противоположность инфляции — дефляция — вещь настолько более страшная, что из предосторожности лучше перегнуть палку в сторону инфляции. Но поскольку мы не умеем поддерживать идеальную стабильность цен и можем обеспечивать ее только малыми корректирующими движениями вверх или вниз, стремление любой ценой избежать дефляции неизбежно ведет к кумулятивной инфляции. К тому же из того факта, что инфляция и дефляция — часто локальные или отраслевые явления, необходимые сами по себе как часть механизма перераспределения экономических ресурсов, следует, что попытки предотвратить любую дефляцию, затрагивающую важные сферы экономики, должны порождать всеобщую инфляцию.

Однако довольно сомнительно, что дефляция с точки зрения долгосрочного воздействия и вправду намного пагубнее инфляции. Более того, в каком-то смысле инфляция бесконечно опаснее и остерегаться ее надо намного больше. Из двух ошибок намного вероятнее совершить именно ее. Причина этого состоит в том, что умеренная инфляция скорее приятна, пока она остается таковой, тогда как дефляция сразу воспринимается очень остро и болезненно¹¹. Нет необходимости принимать меры предосторожности против образа действий, тяжелые последствия которого ощущаются сразу и сильно; остерегаться нужно того образа действий, который с самого начала приятен или облегчает временные трудности, но огромный вред которого ощущается позже. И правда, между инфляцией и наркоманией — используя столь часто употребляемое сравнение — сходство не только внешнее.

Специфические эффекты инфляции и дефляции порождаются неожиданными изменениями цен, и обе они дважды обманывают ожидания. Первый раз — когда цены оказываются выше или ниже, чем ожидалось, а второй раз — когда эти изменения цен становятся ожидаемыми (что рано или поздно происходит) и перестают оказывать тот эффект, который давало их неожиданное возникновение. Разница между инфляцией и дефляцией заключается в том, что в условиях первой вначале случается приятная неожиданность, а реакция приходит позже, тогда как вторая сразу начинает угнетающе действовать на бизнес. Но в обоих случаях эти эффекты самообратимы. Какое-то время силы, вызывающие ту и другую, питают сами себя, и поэтому период, когда цены меняются быстрее, чем ожидалось, может быть довольно продолжительным. Но если движение цен в одном и том же направлении не продолжается все время с ускорением, ожидания неизбежно его догоняют. А как только это происходит, характер эффектов меняется.

Инфляция сначала просто создает условия, при которых больше людей получают прибыль, и прибыли в целом оказываются большими, чем

---

¹¹ Cp.: *Röpke W. Welfare, Freedom, and Inflation*. London: Pall Mall Press, 1957.

обычно. Почти все начинания удаются, и почти нет банкротств. Тот факт, что прибыли раз за разом превосходят ожидания и что необычно много рискованных начинаний оказываются успешными, порождает общую атмосферу, благоприятствующую принятию на себя риска. Даже те, кому давно пришлось бы покинуть бизнес, если бы не доходы, ставшие приятным сюрпризом и полученные благодаря неожиданному общему росту цен, остаются в деле и создают у своих работников ожидания, что скоро и те получат свою долю в общем процветании. Однако такая ситуация длится лишь до тех пор, пока люди не начнут ожидать продолжения роста цен теми же темпами. Как только они начинают рассчитывать на то, что через столько-то месяцев цены вырастут на столько-то процентов, они уже предлагают больше за факторы производства и тем самым поднимают и их цены (от которых зависят издержки) до уровня, соответствующего ожидаемому росту цен. Если же после этого рост цен не превосходит ожидаемого, прибыли возвращаются к норме, и доля тех, кто получает прибыль, также падает; а поскольку в период необычно высоких прибылей в бизнесе задержались многие, кто был бы вынужден сменить поле деятельности, доля предпринимателей, терпящих убытки, оказывается больше обычного.

Таким образом, стимулирующий эффект инфляции действует, только пока она остается непредсказуемой; как только ее начинают предвидеть, тот же уровень процветания может быть обеспечен, лишь если она будет идти более высокими темпами. Если же в такой ситуации цены растут медленнее, чем ожидалось, эффект будет тот же, что и в случае неподвижной дефляции. Даже если они вырастут ровно настолько, насколько ожидалось, это больше не будет давать исключительного стимулирующего эффекта, зато выявится огромный шлейф необходимых корректировок, которые откладывались на потом все то время, пока действовал временный стимул. Чтобы инфляция сохраняла свой первоначальный стимулирующий эффект, ее темп должен постоянно быть выше ожидаемого.

Здесь у нас нет возможности рассмотреть все сложности, из-за которых идеальная адаптация ко всем ожидаемым изменениям цен, и в частности одинаковая степень адаптации долгосрочных и краткосрочных ожиданий, недостижима; мы не можем и подробно обсудить все различия в воздействии на текущее производство и инвестиции, которые очень важны для полного анализа производственных флуктуаций. Для наших целей достаточно понимать, что стимулирующий эффект инфляции неизбежно перестает действовать, если ее темпы не становятся все быстрее и быстрее, и что, если он продолжается, определенные неблагоприятные последствия того, что полная адаптация невозможна, становятся все серьезнее и серьезнее. Важнейшее из последствий — то, что методы учета, на которые опираются все решения в бизнесе, имеют смысл, лишь пока ценность денег остается стабильной в разумных пределах. Когда цены растут ускоренными темпами, методы учета издержек и капитала, составляющие основу бизнес-планирования, быстро теряют всякий смысл. И тогда никакие традиционные или общепринятые методы не позволяют получить надежную

оценку реальных издержек, прибылей или доходов. А при существующих принципах налогообложения в виде налогов забирается все большая и большая часть той прибыли, которую на деле следовало бы реинвестировать просто для того, чтобы сохранить имеющийся капитал.

Поэтому инфляция никогда не может быть чем-то большим, чем временный толчок, но даже этот благотворный эффект длится лишь до тех пор, пока некоторые люди продолжают заблуждаться и чьи-то ожидания оборачиваются ненужным разочарованием. Ее стимулирующее воздействие вызвано ошибками, которые она порождает. Инфляция особенно опасна тем, что вредные последствия даже небольших ее доз могут быть отсрочены лишь с помощью еще больших доз. Если она продолжается какое-то время, даже недопущение дальнейшего ее ускорения создает ситуацию, в которой очень трудно избежать спонтанной дефляции. Когда определенные виды деятельности, распространившиеся широко, могут поддерживаться только продолжением инфляции, их одновременное прекращение вполне может породить тот ужасный, вызывающий оправданные страхи процесс, в котором уменьшение одних доходов ведет к сокращению других и т.д. На основании того, что мы сегодня знаем, представляется вероятным, что мы в состоянии предотвращать серьезные депрессии, не допуская закономерно предшествующей им инфляции, но мы мало что можем сделать для их лечения, когда процесс уже начался. К сожалению, о депрессиях нужно беспокоиться тогда, когда большинство людей о них даже и не задумывается.

То, каким образом действует инфляция, объясняет, почему ей так трудно сопротивляться, когда в центре политики — главным образом конкретные ситуации, а не общие условия, и решение ближайших, а не долгосрочных проблем. Обычно самый легкий выход из всех временных трудностей как для правительства, так и для бизнеса — путь наименьшего сопротивления, а иногда это и самый простой способ помочь экономике обойти помехи, созданные на ее пути политикой правительства¹³. Таков неизбежный результат политики, рассматривающей все остальные решения как данные, к которым следует приспособить объем денежной массы, чтобы сделать как можно менее заметным ущерб, причиненный другими мерами. Однако такая политика в конце концов делает правительства заложниками их прежних решений, часто принуждающих их к принятию мер, которые, как им известно, принесут заведомый вред. Не случайно автор, взгляды которого, возможно, ошибочно истолкованные, больше остальных поощряли

---

¹³ См. мое эссе: *Hayek F.A. Full Employment, Planning, and Inflation* // Review of the Institute of Public Affairs. Melbourne, Australia. 1950. Vol. 4. P. 172–184; переиздано: *Idem. Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 270–279; и немецкий вариант: *Idem. Vollbeschäftigung, Planwirtschaft und Inflation* // Vollbeschäftigung, Inflation und Planwirtschaft / Ed. by A. Hunold. Erlenbach-Zürich, 1951. S. 184–197; *Lutz F.A. Inflationsgefahr und Konjunkturpolitik* // Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik. 1957. Vol. 93. S. 195–205; а также: *Idem. Cost- and Demand-Induced Inflation* // Banca Nazionale di Lavoro Quarterly Review. 1958. Vol. 11. P. 3–18.

склонность к инфляции, ответственен за в корне антилиберальный афоризм: «В долгосрочной перспективе мы все мертвы»¹³. В наши дни инфляционный уклон есть по преимуществу результат преобладания короткого горизонта решений, который в свою очередь объясняется тем, что очень трудно распознавать отдаленные последствия сегодняшних мер и практичные люди, в частности политики, неизбежно сосредотачиваются на сиюминутных проблемах и на достижении ближайших целей.

Поскольку политически и психологически инфляцию предотвратить намного труднее, чем дефляцию, и в то же время технически предотвратить ее намного легче, экономист должен неустанно подчеркивать опасности инфляции. Как только дефляция дает о себе знать, немедленно следуют попытки совладать с нею — часто даже когда она является лишь локальным и необходимым процессом, которому не надо мешать. Неуместные страхи перед дефляцией гораздо более опасны, чем возможное неприятие своевременных контрмер. Никто обычно не путает инфляцию с локальным или отраслевым процветанием, но тем не менее часто люди требуют совершенно неуместных денежных контрмер при локальной или отраслевой депрессии.

Из этих рассуждений вроде бы следует, что, вероятно, в конечном итоге некое автоматическое правило, которое нацелено на получение желаемого долгосрочного эффекта и связывает властям руки в их действиях, касающихся краткосрочных мер, может обеспечить лучшую денежную политику, чем принципы, которые предоставляют властям больше полномочий и возможностей действовать по своему усмотрению и тем самым делают их подверженными как политическому давлению, так и собственной склонности переоценивать экстренность текущих обстоятельств. Однако в этой связи возникают вопросы, которые нам необходимо рассмотреть более систематично.

4. Покойный Генри Саймонс в хорошо известном эссе¹⁴ изложил убедительные доводы в пользу «подчинения денежной политики правилам, а не властям». Аргументы, приводимые им в пользу жестких правил, настолько убедительны, что остается по существу один вопрос — как практически заставить денежные власти подчиниться этим правилам. Возможно, по-прежнему остается верным, что, будь при определении целей денежной политики полное согласие, лучшим решением были бы независимые денежные власти, надежно защищенные от политического давления и имеющие полную свободу выбирать средства достижения поставленных перед ними

---

¹³ *Keynes J.M.* A Tract on Monetary Reform. London: Macmillan, 1923. P. 80. [В русском издании книги эта фраза переведена так: «С птичьего полета мы все покажемся мертвецами» (*Кейнс Дж.М.* Трактакт о денежной реформе // Он же. Общая теория занятости, процентов и денег: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 819). — *Ред.*]

¹⁴ *Simons H.C.* Rules versus Authorities in Monetary Policy // *Journal of Political Economy*. 1936. Vol. 44. P. 1–30; статья вошла в его книгу: *Idem*. Economic Policy for a Free Society. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 160–183.

целей. У старых аргументов в пользу независимости центральных банков до сих пор много достоинств. Но тот факт, что сегодня ответственность за денежную политику неизбежно лежит отчасти на ведомствах, главная забота которых — государственные финансы, вероятно, усиливает доводы против предоставления чрезмерных дискреционных полномочий и в пользу того, чтобы решения в денежной политике были как можно более предсказуемыми.

Пожалуй, следует прямо заявить, что аргументация против дискреционных полномочий в денежной политике не совпадает с той, которая выдвигается против дискреционных полномочий в применении государством мер принуждения. Даже если контроль над деньгами находится в руках монополии, ее действия не обязательно подразумевают, что будет использоваться принуждение к частным лицам¹⁵. Аргумент против дискреционных полномочий в денежной политике основан на представлении, что она сама и ее последствия должны быть как можно более предсказуемыми. Таким образом, сила этого аргумента зависит от того, можем ли мы изобрести автоматический механизм, который будет осуществлять необходимые изменения денежной массы более предсказуемым образом и создавать при этом меньше беспорядка, чем любые вероятные дискреционные меры. Ответ неясен. Нам неизвестен автоматический механизм, который бы обеспечил адаптацию всей денежной массы в точности так, как нам хотелось бы, и самое большее, что мы можем сказать в пользу того или иного механизма (или действий, определяемых жесткими правилами), — это выразить сомнение, что на практике какое-либо целенаправленное регулирование принесло бы лучшие результаты. Причина для этого сомнения заключается отчасти в том, что условия, в которых денежным властям приходится принимать решения, обычно не благоприятствуют долгосрочному подходу, а отчасти в том, что мы не слишком хорошо знаем, что именно они должны предпринять в тех или иных конкретных ситуациях, и когда они не следуют фиксированным правилам, эта неопределенность по поводу того, что они предпримут, неизбежно оказывается больше.

Эта проблема была и остается острой с тех пор, как политика 1920–1930-х годов разрушила золотой стандарт¹⁶. Вполне естественно, что

---

¹⁵ Это относится по крайней мере к традиционным инструментам денежной политики, хотя и не к таким новейшим мерам, как изменение требований к величине банковских резервов.

¹⁶ Роковые ошибки начались с того, что после Первой мировой войны британцы попытались восстановить довоенную ценность фунта вместо того, чтобы выбрать новый паритет в соответствии с уменьшившейся покупательной способностью. Это не требовалось принципами золотого стандарта, а еще и шло вразрез с лучшими достижениями классической мысли. Столетием ранее Давид Рикардо однозначно высказался в схожей ситуации: «[Я] никогда бы не посоветовал правительству восстановить прежний паритет валюты, обеспечившей на 30%; я бы рекомендовал — как предлагаете и вы, хотя и несколько по-иному, — чтобы валюта была зафиксирована на более низком уровне ценности посредством ее меньшего [металлического] обеспечения и чтобы в дальнейшем не было никаких девальваций» (письмо Джону Уитли от 18 сентября 1821 года, см.: *Ricardo D. Letter to John Wheatley, September 18, 1821* // *The Works and Correspondence of David Ricardo* / Ed. by P. Sraffa. Cambridge: Cambridge University Press, 1951. Vol. 9. P. 73).

некоторые считают возврат к этой испытанной системе единственным правильным решением. Еще больше тех, кто сегодня, вероятно, согласился бы, что недостатки золотого стандарта были сильно преувеличены, и сомнительно, что отказ от него был полезен. Но это не означает, что предложение о его восстановлении сегодня осуществимо.

Прежде всего следует помнить, что ни одна страна не может восстановить его, действуя независимо. Его функционирование опиралось на то, что это был международный стандарт, и если бы, например, США сегодня вернулись к золоту, это главным образом означало бы, что политика США стала бы определять ценность золота, и не обязательно, что золото стало бы определять ценность доллара.

Во-вторых, что не менее важно, функционирование международного золотого стандарта основывалось на определенных убеждениях и установках, которых сегодня, по-видимому, не существует. Он функционировал, опираясь по большей части на общее мнение, что отход от него был бы страшной бедой и национальным позором. Маловероятно, что сегодня золотой стандарт окажется влиятельным даже при самых благоприятных обстоятельствах, поскольку известно, что ни одна страна не готова идти на болезненные меры ради того, чтобы его сохранить. Возможно, я заблуждаюсь, полагая, что эта мистика золота исчезла навсегда, но пока не увижу свидетельств обратного, не поверю, что попытки восстановить золотой стандарт могут принести что-то, кроме временного успеха¹⁷.

Аргументация в пользу золотого стандарта тесно связана с общей аргументацией в пользу международного, а не национального стандарта. Из-за ограничений, которые мы здесь приняли, мы не можем дальше обсуждать эту проблему. Просто добавим, что если желателен стандарт, который был бы максимально автоматическим и в то же время мог бы стать международным, то товарный резервный стандарт (*commodity reserve standard*), уже довольно детально разработанный, по-прежнему представляется мне наилучшим планом достижения всех преимуществ, связываемых с золотым стандартом, но без всех его недостатков¹⁸. Впрочем, хотя проекты подобного стандарта заслуживают большего внимания, чем они до сих пор получали, вряд ли они создадут реальную альтернативу в ближайшем будущем. Даже если бы у нас был шанс немедленно реализовать такой проект, очень

---

¹⁷ Есть, разумеется, сильные аргументы в пользу полной свободы торговли золотом. Представляется желательным продвинуться как можно дальше в этом направлении: пожалуй, ничто другое не будет столь важным вкладом в международную валютную стабильность, чем если разные страны заключат договор, обязывающий их не чинить препятствий сделкам с использованием валют других участников договора. (Возможно, есть смысл пойти еще дальше и позволить банкам стран — участниц договора свободно действовать на территориях всех стран-участниц.) Но хотя это было бы значительным продвижением на пути к восстановлению стабильного международного стандарта, контроль над рыночной ценностью этого стандарта все еще оставался бы в руках властей крупнейших стран-участниц.

¹⁸ См. мое эссе: *Hayek F.A. A Commodity Reserve Currency* // *Economic Journal*. 1943. Vol. 53; вошло в книгу: *Idem. Individualism and Economic Order*. P. 209–219 [*Хайек Ф.А. Резервная валюта с товарным обеспечением* // Он же. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 180–189].

маловероятно, что система будет управляться должным образом, то есть исходя из цели стабилизации лишь агрегированной цены большой группы отобранных биржевых товаров, а не цен отдельных входящих в нее товаров.

5. У меня определенно нет желания ослабить аргументацию в пользу какого бы то ни было механизма, который принудит власти вести себя правильно. Чем выше вероятность, что на денежную политику влияют соображения государственных финансов, тем сильнее доводы в пользу такого механизма, но, преувеличивая его потенциальные возможности, мы их скорее ослабляем, чем усиливаем. По-видимому, невозможно отрицать, что хотя мы можем ограничить дискрецию в этой области, совсем мы от нее не избавимся; следовательно, то, что может быть сделано в рамках неизбежно существующей дискреционной сферы, не только имеет очень важное значение, но и, вероятно, на практике решающим образом повлияет на то, будет ли когда-нибудь допущено введение в действие подобного механизма.

Все центральные банки сталкиваются с фундаментальной дилеммой, которая неизбежно делает их политику во многом дискреционной. Центральный банк может осуществлять только косвенный, а потому и ограниченный контроль над всеми имеющими хождение средствами обмена. Его власть основывается главным образом на угрозе отказать в предоставлении наличности, когда она понадобится. В то же время его долгом считается никогда не отказывать в предоставлении этой наличности на возмездной основе в случае необходимости. Именно эта проблема, а не влияние его политики на цены или покупательную способность денег, больше всего занимает руководство центрального банка в его повседневной деятельности. Именно эта задача понуждает центральный банк постоянно предотвращать то или иное развитие событий в сфере кредита или противодействовать ему, и решить эту задачу не помогут никакие простые правила¹⁹.

Это почти в той же мере справедливо и в отношении мер воздействия на цены и занятость. Они должны быть направлены скорее на предотвращение изменений до того, как они произошли, чем на исправление того, что уже случилось. Если бы центральный банк всегда дожидался, пока правило или механизм не заставят его действовать, в результате получились бы флуктуации намного большие, чем могли бы быть. И если в пределах своего права усмотрения он примет меры в направлении, противоположном тому, которое потом навяжет ему механизм или правило, вероятно, возникнет ситуация, в которой действовать этому механизму будет позволено недолго. В конечном итоге получается, что даже когда дискреционное право властей сильно ограничено, результат, вероятнее всего, будет зависеть от действий властей в границах этих полномочий.

---

¹⁹ См. мое эссе: *Hayek F.A. Monetary Nationalism and International Stability*. London: Longmans, Green, and Co., 1937.

На практике это означает, что в нынешних условиях у нас нет другого подходящего способа ограничить денежную политику, кроме как устанавливать ее цели, а не предписывать специфические действия. Сегодня конкретный вопрос заключается в том, поддерживать ли с ее помощью стабильность уровня занятости или уровня цен. При разумной интерпретации и с учетом неизбежности небольших колебаний вокруг заданного уровня, конфликта между этими двумя целями может и не возникнуть при условии, что на первом месте будет стоять требование денежной стабильности и что остальная экономическая политика будет адаптироваться к нему. Однако конфликт неизбежен, если главной целью становится «полная занятость», понимаемая, как это порой бывает, как максимальная занятость, которая может быть достигнута в краткосрочной перспективе средствами денежной политики. На этом пути нас ждет растущая инфляция.

Разумная цель высокого и стабильного уровня занятости, вероятно, может быть достигнута одновременно со стабильностью некоторого общего уровня цен. С практической точки зрения, пожалуй, не так уж важно, как именно мы определим этот уровень цен, за исключением требований, что он не должен определяться исключительно ценами на конечные продукты (потому что в таком случае в периоды быстрого технологического прогресса соответствующая денежная политика все же может порождать тенденцию к росту инфляции) и должен по возможности основываться не на местных, а на международных ценах. Такая политика, если ей будут следовать одновременно две-три крупнейшие страны, окажется совместимой со стабильностью обменных курсов. Здесь важно то, что нужны определенные и известные границы, в которых денежные власти будут обязаны удерживать колебания цен (или даже не допускать приближения к точке, в которой окажутся необходимыми радикальные изменения политики).

6. Хотя есть люди, явно разделяющие мнение о необходимости постоянной инфляции, высокая вероятность такой инфляции существует, разумеется, не потому, что этого хочет большинство. Немногие одобрили бы такую перспективу, если бы узнали, что даже кажущийся умеренным рост цен на 3% в год означает, что уровень цен будет удваиваться каждые двадцать три с половиной года и вырастет почти вчетверо за обычную трудовую жизнь человека. Опасность продолжения инфляции связана не столько с силой ее сознательных сторонников, сколько со слабостью противников. Чтобы предотвратить ее, необходимо, чтобы люди отчетливо понимали, что мы можем для этого сделать, и представляли себе последствия, которые наступят, если мы этого не сделаем. Большинство компетентных исследователей согласны в том, что трудности предотвращения инфляции — чисто политические, а не экономические. При этом, похоже, почти никто не верит, что денежные власти обладают достаточной силой для ее предотвращения и воспользуются ею. Величайший оптимизм по поводу краткосрочных

чудес, которые может сотворить денежная политика, сопровождается полнейшим фатализмом по поводу долгосрочных перспектив.

Есть два момента, значение которых невозможно переоценить: во-первых, представляется несомненным, что мы не перестанем дрейфовать ко все большему государственному контролю, пока не остановим инфляцию; и, во-вторых, любой непрерывный рост цен опасен, потому что, когда мы начинаем полагаться на его стимулирующий эффект, мы делаемся заложниками курса, который не оставляет нам иного выбора, кроме как между еще большей инфляцией, с одной стороны, и расплатой за ошибку в виде рецессии или депрессии — с другой. Опасна даже очень умеренная степень инфляции, потому что она связывает руки тем, кто отвечает за политику, создавая ситуацию, в которой самым легким выходом из любой очередной проблемы оказывается еще немного инфляции.

У нас здесь нет места, чтобы затронуть вопрос о том, каким образом всевозможные способы, которыми люди пытаются защитить себя от инфляции, такие как договоры со скользящими шкалами оплаты, не только делают процесс самоускоряющимся, но и увеличивают темп инфляции, необходимый для получения стимулирующего эффекта. Поэтому просто отметим, что из-за инфляции люди со скромными средствами все меньше и меньше могут самостоятельно накопить себе на старость; что она демотивирует сбережения, но стимулирует наращивание долгов; и что, разрушая средний класс, она создает ту опасную пропасть между богатыми и теми, у кого нет никакой собственности, — пропасть, которая столь характерна для обществ, испытавших на себе длительную инфляцию, и из-за которой в этих обществах существует огромное напряжение. Вероятно, еще более угрожающим является широкий психологический эффект — когда среди населения в целом распространяется то пренебрежение заботой об отдаленном будущем и та поглощенность ближайшими выгодами, которые уже доминируют в государственной политике.

Не случайно инфляционную политику в целом защищают те, кто стремится к усилению государственного контроля, хотя, к сожалению, не они одни. Для социалиста доводами в ее пользу могут быть растущая зависимость человека от государства, порождаемая инфляцией, и требования более активного вмешательства государства, к которым все это ведет. Но те, кто хочет сохранить свободу, должны осознать, что инфляция, вероятно, самый значительный фактор в том порочном круге, в котором активность государства ведет к необходимости дальнейшего усиления государственного контроля. По этой причине все, кто хочет остановить дрейф к усилению такого контроля, должны сосредоточиться на денежной политике. Пожалуй, нет ничего более обескураживающего, чем то, что все еще существует так много умных и просвещенных людей, которые в большинстве других ситуаций готовы защищать свободу, но под влиянием сиюминутных выгод экспансионистской денежно-кредитной политики поддерживают то, что в долгосрочной перспективе разрушает основы свободного общества.

Жилье и городское планирование

Если бы государство одновременно уничтожило жилищные субсидии и уменьшило налогообложение рабочего класса на величину, в точности равную этим субсидиям, в финансовом отношении рабочие ничего бы не потеряли; но они, без всякого сомнения, предпочли бы потратить эти деньги на что-то другое и жили бы в перенаселенных и недостаточно оборудованных жилищах: одни — потому что не знакомы с преимуществами хороших жилищ, а другие — потому что больше ценят иные возможности потратить деньги. Таков довод, причем единственный, в пользу жилищных субсидий, и здесь он сформулирован самым откровенным образом, потому что этот вопрос слишком часто обсуждается в левой литературе без малейшего желания посмотреть в лицо реальности.

— Уильям Артур Льюис

1. Цивилизация, как известно, неотделима от городской жизни. Почти все, что отличает цивилизованное общество от примитивного, тесно связано с большими скоплениями людей, которые мы называем «городами», и когда мы говорим о *civility*, *urbanity* и *politeness**, мы таким образом неявно отсылаем к городскому образу жизни. И даже большая часть различий между жизнью современного сельского населения и жизнью первобытных людей объясняется влиянием городов. В развитых цивилизациях именно возможность наслаждаться плодами города в деревне делает праздную загородную жизнь идеалом культурной жизни.

Однако преимущества городской жизни, в особенности создаваемый промышленностью огромный рост производительности — благодаря которому

— Lewis W.A. The Principles of Economic Planning: A Study Prepared for the Fabian Society. London: D. Dobson, 1949. P. 32.

* «Учтивость», «любезность», «вежливость» — эти английские слова происходят, соответственно, от латинских слов *civitas*, *urbis* и греческого *polis*, означающих «город».

резко сократившееся сельское население получает орудия труда, позволяющие ему прокормить всех остальных, — куплены дорогой ценой. Городская жизнь не только производительнее сельской, она еще намного дороже. Чистыми преимуществами, превышающими дополнительные издержки на такого рода жизнь, смогут пользоваться только те, чья производительность намного выросла из-за того, что они живут в городе. Расходы и удовольствия, сопутствующие городской жизни, таковы, что минимальный доход, делающий возможным пристойный образ жизни, здесь намного выше, чем в сельской местности. Жизнь на грани бедности, которая еще терпима в деревне, в городах не только трудно переносима, но и порождает внешние признаки нищеты, которые шокируют других людей. Таким образом, город, который является источником почти всего, что придает ценность цивилизации, создает средства для развития искусства, науки и материального комфорта, одновременно и несет ответственность за самые мрачные язвы этой цивилизации.

Более того, издержки, которые создаются высокой концентрацией множества людей в одном месте, не только очень высокие, но и в значительной мере коммунальные, то есть они не обязательно и не автоматически обременяют тех, кто их создает, но могут быть переложены на всех. Теснота городской жизни во многих аспектах сводит на нет посылки, лежащие в основе всякого простого разделения прав собственности. В таких условиях утверждение, что действия владельца в отношении своей собственности затрагивают только его самого и никого больше, верно лишь в некоторой степени. Большое значение имеет то, что экономисты называют «эффектами соседства» (*neighborhood effects*), то есть влияние на других того, что человек делает со своей собственностью. В городах полезность почти любой собственности зависит частично от действий ближайших соседей, а частично — от коммунальных услуг, без которых эффективное использование земли отдельными собственниками было бы почти невозможным.

Поэтому общие формулы частной собственности или свободы договоров не дают немедленного ответа на сложные проблемы, порождаемые существованием городов. Вероятно, что даже при отсутствии власти, обладающей правом принуждения, упомянутые выше преимущества крупных объединений людей привели бы к развитию новых правовых институтов — к разделению права контроля между владельцами права определять характер застройки больших районов — права, имеющего более высокий уровень приоритета, — и владельцами прав более низкого уровня, связанных с использованием меньших единиц, причем владельцы из второй группы были бы вольны принимать собственные решения по частным вопросам в рамках полномочий, отведенных им владельцами из первой группы. Функции, которым учатся сложившиеся муниципальные корпорации, во многих отношениях соответствуют функциям такого собственника более высокого уровня.

Следует признать, что до недавнего времени экономисты уделяли прискорбно мало внимания проблемам координации всевозможных аспектов

городского развития¹. Хотя некоторые из них принадлежали к числу самых яростных обличителей недостатков городского жилищного хозяйства (лет пятьдесят назад сатирический немецкий еженедельник мог заявить, что экономист — это человек, который ходит туда-сюда, производя замеры жилищ рабочих и приговаривая: «Какие же они тесные!»), в том, что касается важных вопросов организации городской жизни, они издавна следовали примеру Адама Смита, который объяснял в своих лекциях, что проблема чистоты и безопасности, «а именно надлежащие методы удаления грязи с улиц и отправление правосудия в той мере, в какой речь идет о правовых основах предотвращения преступлений или методах обеспечения порядка в городах, хоть и имеют практическое значение, но слишком ничтожны, чтобы рассматривать их в подобного рода рассуждениях»².

Учитывая, что его профессия пренебрегает исследованием чрезвычайно важного предмета, экономист, возможно, не должен жаловаться на то, что этот предмет находится в весьма неудовлетворительном состоянии. И действительно, в этой области доминировали люди, стремившиеся устранять частные пороки, а главный вопрос — каким образом следует достигать взаимного согласования различных усилий — оставался в стороне. Особое значение имеет проблема увязки эффективного использования знаний и умений отдельных собственников с необходимостью ограничивать их деятельность такими рамками, чтобы они не получали выгоду за счет других. Мы не должны проходить мимо того факта, что в целом рынок направлял развитие городов хоть и несовершенно, но с большим успехом, чем это обычно себе представляют, и что большинство предложений, стремящихся превзойти прошлые достижения, не улучшая его работу, а переходя к централизованному управлению, демонстрируют слабое понимание того, чего должна будет достичь такая система, чтобы хотя бы сравняться по эффективности с рынком.

В самом деле, когда смотришь на бессистемность, с которой правительства, явно не имевшие ясного представления о силах, определяющих развитие городов, подходили к решению этих трудных проблем, остается только дивиться тому, что они не натворили еще худших бед. Многие политические меры, задуманные для борьбы с теми или иными недостатками, только усилили эти недостатки. И некоторые из недавних нововведений

---

¹ Ценная попытка исправить это положение: *Turvey R. Economics of Real Property: An Analysis of Property Values and Patterns of Use*. London: Allen and Unwin, 1957. Из ранних работ см. обсуждение проблем местного налогообложения: *Cannan E. History of Local Rates in England, in Relation to the Proper Distribution of the Burden of Taxation* / 2nd ed. London: P.S. King and Son, 1912; а также меморандум: *Idem. Memorandum* // Royal Commission on Local Taxation: Memoranda Chiefly Relating to the Classification and Incidence of Imperial and Local Taxes. Cmd. 9528. London: H.M. Stationery Office, 1899. P. 160–175. Эти работы до сих пор входят в число самых полезных источников по ключевым вопросам. См. также: *Jacobs J. The Death and Life of the Great American Cities*. New York: Random House, 1961 [*Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов*. М.: Новое издательство, 2011].

² *Smith A. Lectures on Justice, Police, Revenue, and Arms: Delivered in the University of Glasgow [1763–1764]* / Ed. by E. Cannan. Oxford: Clarendon Press, 1896. P. 154.

в этой сфере открыли властям больше возможностей непосредственно контролировать частную жизнь индивида, чем в любой другой области политики.

2. Прежде всего, обсудим одну из мер, которая, хотя всегда вводилась как временная, вызванная преходящими чрезвычайными обстоятельствами, и никогда не обосновывалась в качестве постоянной, но на практике очень часто становилась постоянным явлением и на территории значительной части Западной Европы и, вероятно, больше способствовала ограничению свободы и процветания, чем любая другая мера, не считая инфляции. Речь идет о регулировании арендной платы за жилье или установлении для нее потолка. Изначально эту меру приняли во время Первой мировой войны для ограничения роста платы за жилье, но во многих странах она сохранялась в течение сорока с лишним лет, ознаменованных значительной инфляцией, в результате чего арендная плата снизилась до величины, составляющей лишь незначительную часть от той, которая сложилась бы на свободном рынке. Тем самым собственность на жилые дома была фактически экспроприирована. Вероятно, эта мера больше, чем любая другая подобного рода, усугубила в итоге то зло, против которого была направлена, и породила ситуацию, в которой административные органы обрели значительную произвольную власть над перемещениями людей. Она также очень поспособствовала тому, что ослабили уважение к собственности и чувство индивидуальной ответственности. Тем, кто давно не испытывал на себе ее последствий, эти оценки могут показаться чрезмерно сильными. Но кто наблюдал постепенное ухудшение жилищных условий и воздействие этого в целом на образ жизни людей в Париже, Вене или даже в Лондоне, тот оценит губительное влияние одной этой меры на весь характер экономики — и даже на характер людей.

Прежде всего, установление арендной платы ниже рыночного уровня неизбежно сохраняет дефицит жилья навсегда. Спрос продолжает превышать предложение, и, при эффективном контроле за соблюдением предельной величины арендной платы (то есть когда предотвращается возникновение «премиальных надбавок»), появляется потребность в том, чтобы распределением жилья занималась власть. Мобильность резко ограничивается, и со временем распределение людей по районам и типам жилья перестает отвечать их потребностям или желаниям. Прекращается нормальная ротация, когда семья, достигшая пика своих доходов, занимает большее по размерам жилище, чем очень молодые или уже вышедшие на пенсию семьи. Поскольку людей нельзя насильно переселять, они просто сохраняют то, что имеют, и съемная недвижимость превращается в своего рода неотчуждаемую собственность семьи, которую она передает из поколения в поколение, независимо от потребностей. Унаследовавшие арендуемое жилище часто живут лучше, чем жили бы в противном случае, но все большая часть населения или совсем не может найти отдельное жилье, или может получить его только в качестве

милости от чиновников, или путем вложения большого капитала, что эти люди едва ли могут себе позволить, или какими-то незаконными и окольными способами³.

В то же самое время владельцы утратили всякий интерес инвестировать в поддержание зданий в хорошем состоянии суммы, превосходящие то, что закон позволяет им собирать с жильцов на эти конкретные цели. В таких городах, как Париж, где инфляция уменьшила реальную ценность арендной платы до одной двадцатой или даже меньшей доли от прежней величины, дома приходят в неописуемый упадок с такой скоростью, что в ближайшие десятилетия их восстановление не будет иметь никакого практического смысла.

Но самое важное — это не материальный ущерб. Из-за ограничения арендной платы большие группы населения в западных странах в своей повседневной жизни попали в зависимость от произвольных решений властей и в своих главных жизненных решениях привыкли обращаться за разрешениями и указаниями. Они стали воспринимать как данность то, что капитал, за счет которого оплачивается крыша над их головой, должен предоставляться кем-то безвозмездно и что личное материальное благополучие должно зависеть от благосклонности правящей политической партии, которая нередко использует свой контроль над жилищным хозяйством для помощи своим сторонникам.

Особенно сильно подорвал уважение к собственности, закону и судам тот факт, что власти постоянно вынуждены принимать решения по поводу относительной важности тех или иных потребностей, распределять жизненно важные услуги и распоряжаться тем, что номинально все еще остается частной собственностью, на основании своей оценки безотлагательности различных потребностей индивидов. Например, окажется ли «владелец, имеющий нетрудоспособную жену и трех малолетних детей, желающий вселиться в свой дом, в более тяжелом положении, если ему будет отказано в его просьбе, чем квартиросъемщик, имеющий только одного ребенка, но кроме того еще прикованную к постели тещу, если просьба владельца будет удовлетворена»⁴ — это проблема, которая не может быть решена апелляцией к каким-либо признанным принципам

---

³ Ср.: *Friedman M., Stigler G.J. Roofs or Ceilings? The Current Housing Problem.* New York: Foundation for Economic Education, 1946; *Jouvenel B. de. No Vacancies.* New York: Foundation for Economic Education, 1948; *Harrod R.F. Are These Hardships Necessary?* London: Rupert Hart-Davis, 1947; *Paish F.W. The Economics of Rent Restriction* // *Lloyds Bank Review*. April 1950. Vol. 14. P. 1-17; эта работа вошла в сборник: *Idem. Post-War Financial Problem, and Other Essays.* London: Macmillan, 1950. P. 74-93; *Röpke W. Wohnungszwangswirtschaft — ein europäisches Problem.* Düsseldorf: Deutsche Wohnungswirtschaft, 1951; *Amonn A. Normalisierung der Wohnungswirtschaft in grundsätzlicher Sicht* // *Schweizer Monatshefte*. June 1953. Vol. 33. P. 129-138; и мои собственные эссе: *Hayek F.A. Das Mieterschutzproblem: nationalökonomische Betrachtungen.* Vienna: Steyrermühl Verlag, 1929; *Idem. Wirkungen der Mietzinsbeschränkungen* // *Schriften des Vereins für Sozialpolitik*. 1930. Vol. 182. S. 253-270.

⁴ Этот пример приводит Пейш в своем эссе, упомянутом в предыдущем примечании (*Paish F.W. The Economics of Rent Restriction*. P. 4) и переизданном в книге: *Idem. The Post-War Financial Problem, and Other Essays.* London: Macmillan, 1950. P. 77-78.

справедливости, но лишь произвольным вмешательством власти. Сколь большую власть дает администрации такого рода контроль над важнейшими решениями в частной жизни человека, ясно показывает недавнее решение Административного апелляционного суда Германии, который счел необходимым объявить незаконным отказ биржи труда, принадлежащей местной администрации, искать работу для человека, проживающего в другом районе, пока он сначала не получит от жилищного управления разрешение на переезд и обещание предоставить жилье, — не потому, что ни одна из организаций не имела права отказать ему в просьбе, но потому что их отказ повлек за собой «недопустимое связывание различных административных интересов»⁵. Действительно, координация деятельности разных ведомств, чего так хотят сторонники планирования, часто превращает простой произвол в отдельных решениях в деспотичную власть над всей жизнью индивида.

3. Если ограничение арендной платы, даже действующее с незапамятных времен, все же рассматривается как экстренная мера, от которой невозможно отказаться по политическим причинам⁶, то политика снижения стоимости жилья для беднейших слоев населения с помощью государственного жилищного строительства или субсидирования строительства стала восприниматься как неотъемлемая часть социального государства. Однако при этом мало кто понимает, что если такие программы не будут очень ограниченными по масштабам и методам, то эта политика может привести примерно к тем же результатам, что и ограничение арендной платы.

Во-первых, нужно отметить, что та или иная группа людей, которой государство пытается помочь, предоставляя жилье, выиграет только в том случае, если государство возьмет на себя предоставление членам этой группы всего нового жилья, которое они получают. Предоставляя им только часть жилья, власти, по сути дела, ничего не добавляют, а только замещают то, что обеспечивалось частным строительным бизнесом. Во-вторых, государство должно ограничить круг тех, кто получает от него дешевое жилье, только тем классом, которому оно хочет помочь; и для того, чтобы удовлетворить спрос, возникающий из-за более низкой арендной платы, ему придется построить намного больше жилья, чем заняли бы эти люди в противном случае. В-третьих, ограничить получение государственного жилья только беднейшими семьями удастся на практике лишь в том случае, если правительство не будет пытаться предоставлять им квартиры не только более дешевые, но и намного более качественные, чем были у них прежде; иначе люди, получившие такую помощь, окажутся в лучших жилищных

---

⁵ Forsthoff E. Lehrbuch der Verwaltungsrechts. Vol. 1: Allgemeiner Teil. Munich: C. H. Beck, 1950. P. 222.

⁶ Лишь недавно в Великобритании и Германии были предприняты систематические усилия для ликвидации всей системы регулирования арендной платы. Даже в США оно до сих пор еще существует в Нью-Йорке.

условиях, чем те, кто находится лишь чуть-чуть выше их на экономической лестнице, но тогда давление последних с требованием включить и их в программу обеспечения жильем станет непреодолимым, и в этот процесс будут вовлекаться все новые и новые люди.

Вследствие всего этого, как вновь и вновь подчеркивают жилищные реформаторы, любое далеко идущее изменение жилищных условий посредством государственной политики может быть достигнуто, только если практически весь жилой сектор города рассматривается как публичная услуга и финансируется из государственных средств. Но это означает не только, что в целом людей заставят тратить на оплату жилья больше, чем они готовы были бы расходовать добровольно, но и что их личная свобода окажется в серьезной опасности. Если власти не сумеют предоставлять более дешевое и качественное жилье в количестве, способном удовлетворить спрос при установленной арендной плате, то возникнет потребность в постоянно действующей системе распределения жилья — то есть понадобится орган власти, который будет определять, сколько люди должны тратить на оплату жилья и какого рода жилище должно быть предоставлено каждой семье или индивиду. Легко себе представить, какую власть над частной жизнью получит этот орган, если в основном от его решения будет зависеть, получит ли человек квартиру или дом.

Следует также понимать, что стремление сделать публичной услугой обеспечение жильем во многих случаях уже стало препятствием на пути к общему улучшению жилищных условий, поскольку оно действует в направлении, противоположном тем силам, которые обеспечивают постепенное снижение стоимости строительства. Все монополисты известны своей расточительностью, а государственная бюрократическая машина еще более расточительна; приостановка механизма конкуренции и склонность любого централизованно направляемого развития к окостенению неизбежно препятствуют достижению желательных и технически возможных целей, а именно существенному и неуклонному снижению издержек, связанных с удовлетворением всех жилищных потребностей.

Предоставление (и субсидирование) жилья государством может, в лучшем случае, служить инструментом помощи бедным — с тем неизбежным результатом, что получатели дешевого жилья попадут в такую зависимость от власти, что если бы они составляли значительную часть населения, то это имело бы очень серьезные политические последствия. Подобно любой помощи обездоленному меньшинству, такая мера не обязательно несовместима с общей системой свободы. Но она поднимает серьезные проблемы, которые нужно встречать лицом к лицу, чтобы они не привели к опасным последствиям.

4. Возможность больше зарабатывать и другие преимущества городской жизни в значительной мере уравниваются большими издержками, которые в общем случае растут вместе с величиной города. Те, чья производительность намного увеличивается благодаря работе в городе, получают

чистый выигрыш несмотря на то, что им приходится дорого платить за маленькое жилье и ежедневные переезды на дальние расстояния. Другие оказываются в выигрыше, только если им не нужно тратить деньги на транспорт и дорогие квартиры или если они готовы жить в тесноте, чтобы иметь возможность тратить деньги на что-то другое. На любой стадии развития города в его центре, на земле, которая уже слишком дорого стоит, чтобы строить на ней новое жилье, всегда будут существовать старые жилые дома, уже не привлекательные для состоятельных людей, но предлагающие людям менее производительным возможность пользоваться благами городской жизни ценой тесноты. Пока находятся желающие в них жить, эти старые перенаселенные дома часто остаются самым прибыльным способом использования земли. Парадоксально, но в результате беднейшие горожане нередко живут в районах, где самая дорогая земля, а домовладельцы получают очень большие доходы из наиболее обветшавшей части города. В такой ситуации собственность этого типа продолжает находиться в составе жилого фонда только потому, что эти старые дома, на ремонт или поддержание которых почти ничего не тратится, очень плотно заселены. Если бы их не было или их нельзя было использовать таким образом, у большинства их обитателей не было бы возможности увеличить свой заработок больше, чем требуется на покрытие дополнительных издержек жизни в городе.

Существование подобных трущоб, которые в той или иной форме обычно возникают по мере роста городов, создает два вида проблем, которые часто путают, хотя их следовало бы различать. Безусловно верно, что существование таких запущенных кварталов, в которых царит антисанитария и часто отмечается высокий уровень преступности, может оказывать негативное воздействие на остальную часть города и обременять городскую администрацию и других горожан издержками, которые обитатели трущоб не принимают во внимание. Если верно, что этим людям выгодно жить в центре города только потому, что они не оплачивают всех издержек, создаваемых этим решением, есть смысл изменить ситуацию, заставив нести все издержки владельцев домов в неблагополучных районах, — и тогда, вероятно, трущобы исчезнут, а на их месте возникнут строения для коммерческого или промышленного использования. Это, очевидно, не поможет жителям трущоб. Речь здесь идет не об их интересах; проблемы создаются «эффектами соседства» и связаны с вопросами градостроительства, которые мы обсудим ниже.

Совершенно иначе выглядят аргументы в пользу расчистки трущоб, учитывающие интересы или потребности их обитателей. И здесь возникает настоящая дилемма. Чаще всего люди соглашаются жить в перенаселенных старых домах только потому, что могут извлечь некую выгоду из предоставляемых городом возможностей дополнительного заработка. Если мы хотим избавиться от трущоб, нужно выбрать один из двух вариантов: либо закрыть этим людям путь к выгодному использованию части их возможностей, ликвидировав дешевое, но убогое жилье, которое создает условия

для потенциального заработка, и, установив некий минимальный стандарт городского жилья, вытеснить их из города⁷; либо предоставить лучшие жилищные условия по цене, не покрывающей всех издержек, и, следовательно, субсидировать и их пребывание в городе, и приток в город других таких людей. Это эквивалентно стимулированию роста городов сверх экономически оправданных масштабов и сознательному созданию класса, зависящего от общества в удовлетворении потребностей, которые этому классу приписываются. Вряд ли можно ожидать, чтобы эти услуги предоставлялись долгое время и власти при этом не присвоили себе права решать, кому позволено переехать в тот или иной город, а кому нет.

Как и во многих других областях, эта политика, нацеленная на обеспечение потребностей определенного числа людей, не учитывает того, что в итоге придется обеспечивать те же самые блага дополнительному количеству людей. Это правда, что в большинстве городов часть обитателей трущоб — давние горожане, знакомые только с городской жизнью, которые еще меньше приспособлены к тому, чтобы зарабатывать на жизнь в деревенских условиях. Но еще более острую проблему создает приток большого числа жителей бедных и преимущественно сельских районов, для которых дешевое жилье в ветшающих домах старого города дает возможность занять место на ступеньке лестницы, ведущей, как они надеются, к процветанию. Они находят выгодным для себя переезд в город несмотря на то, что приходится жить в чрезмерной тесноте и антисанитарных условиях. Если предоставлять им жилье, столь же дешевое, но более качественное, город будет приманивать все новых и новых людей. Решение проблемы заключается в том, чтобы либо дать возможность действовать экономическим сдерживающим факторам, либо контролировать приток населения напрямую; тот, кто верит в свободу, предпочтет первое как меньшее из двух зол.

Жилищная проблема не является независимой проблемой, которую можно решить саму по себе: она — часть общей проблемы бедности и решится только с общим ростом доходов. Но это решение будет тормозиться, если мы станем субсидировать переезд людей оттуда, где их производительность все еще больше, чем стоимость жизни, в те места, где она окажется меньше; или если мы будем препятствовать переезду тех, кто верит, что тем самым улучшит свои перспективы, пусть ему и придется жить в условиях, которые нам кажутся плачевными.

Здесь нет места для обсуждения всех других мер муниципальной политики, нацеленных на смягчение нужды той или иной группы населения, но на деле субсидирующих экономически неоправданное разрастание гигантских городов. Регулирование платы за коммунальные услуги, нацеленное на разгрузку городского центра и стимулирование роста окраинных

---

⁷ Эта возможность не так уж редко использовалась в различных частях мира для вытеснения непопулярных расовых меньшинств.

районов, искусственно занижает стоимость услуг и в итоге делает ситуацию только хуже. То, что было сказано о нынешней жилищной политике в Англии, верно и для большинства других стран: «Мы пришли к политике финансирования за счет налогов, собранных со всего народа, расходов на поддержание слишком разросшихся и чрезмерно сконцентрированных городских структур, а в случае все еще растущих больших городов — и продолжения экономически неоправданного роста»⁸.

5. Другой комплекс проблем возникает в связи с тем, что в условиях большой плотности городской жизни ценовой механизм весьма несовершенно отражает выгоду и ущерб, приносимые действиями владельца собственности другим людям. В отличие от ситуации, преобладающей в случае движимого имущества, когда выгоды или неблагоприятные последствия его использования обычно зависят только от того, кто им распоряжается, использование участка земли часто отражается на полезности соседних участков. В условиях городской жизни это относится и к действиям частных собственников, но еще больше к использованию муниципальных участков земли, отведенных, например, под улицы и объекты общего пользования, играющие столь важную роль в городской жизни. Чтобы рынок мог осуществлять эффективную координацию отдельных проектов, и частные собственники, и муниципальные власти, контролирующие муниципальную собственность, должны иметь возможность учитывать хотя бы важнейшие последствия своих действий для собственности других. Только когда ценность как частной, так и городской недвижимости отражает все эффекты от ее использования, ценовой механизм будет работать должным образом. Без специальных институциональных мер это условие будет соблюдаться лишь в ограниченной степени. Ценность любой собственности зависит от того, как соседи используют свою, а еще больше — от предоставляемых властями услуг и установленных ими правил и требований; и если те или иные принимаемые решения не будут учитывать эти аспекты, то маловероятно, что совокупные выгоды будут превосходить совокупные издержки⁹.

Но хотя ценовой механизм — несовершенный ориентир при использовании городской земли, все-таки он незаменим, если мы хотим, чтобы городское развитие оставалось сферой частной инициативы и все знание и все способности предвидеть будущее, распределенные среди множества людей, использовались в полной мере. Есть веские доводы в пользу принятия всех мыслимых практических мер, которые сделали бы работу этого механизма более эффективной, заставив владельцев недвижимости

---

⁸ *Osborn F.* How Subsidies Distort Housing Development // *Lloyds Bank Review*. April 1955. Vol. 36. P. 36.

⁹ Об этих проблемах см.: *Turvey R.* Economics of Real Property. London: Allen and Unwin, 1957; *Dunham A.* City Planning: An Analysis of the Content of the Master Plan // *Journal of Law and Economics*. 1958. Vol. 1. P. 170–186.

учитывать все возможные последствия своих решений. Следовательно, система правил, в рамках которой решения частных владельцев недвижимости будут с большой вероятностью согласованы общественными интересами, должна быть в этом случае более детализированной и более приспособленной к особым местным обстоятельствам, чем это необходимо в случае других видов собственности. Такое «городское планирование», которое осуществляется главным образом через воздействие на рынок и через создание общих условий, обязательных для учета во всех проектах застройки районов или кварталов, но которое в этих условиях предоставляет право принимать конкретные решения отдельным собственникам, — часть усилий, нацеленных на повышение эффективности рыночного механизма.

Есть, однако, совершенно другой тип контроля, также известный под названием «городского планирования». От вышеописанного он отличается стремлением избавиться от ценового механизма и заменить его централизованным управлением. К этому типу принадлежит значительная часть городского планирования, которое осуществляется в реальности — в частности, архитекторами и инженерами, никогда не понимавшими роли ценового механизма в координации деятельности индивидов¹⁰. Даже если оно не направлено на привязывание будущей застройки к заранее принятому плану, предписывающему способ использования каждого клочка земли, оно порождает именно такую тенденцию, так как делает рыночный механизм все более неработоспособным.

Речь, следовательно, идет не о том, нужно или не нужно городское планирование, а о том, будут ли соответствующие меры дополнять и поддерживать рынок или, напротив, приведут к прекращению его функционирования и замене его централизованным управлением. Возникающие здесь практические проблемы чрезвычайно сложны, и не следует рассчитывать, что найдется идеальное решение. Благотворность тех или иных мер проявится в том, какой вклад они внесут в желательное развитие, детали которого, однако, во многом непредсказуемы.

Главные практические трудности возникают вследствие того, что большинство мер городского планирования повышает или понижает рыночную ценность тех или иных объектов недвижимости. Говорить о пользе этих мер можно в том случае, если суммарная выгода намного превосходит суммарные потери. Чтобы было достигнуто эффективное балансирование выгод и потерь, необходимо, чтобы и выгоды, и потери от той или иной меры относились на счет планирующего органа, который должен иметь возможность брать на себя ответственность по взиманию определенных сумм с отдельных собственников за повышение рыночной ценности их собственности (даже если вызвавшие его меры были приняты против воли некоторых

---

¹⁰ Было бы очень любопытно исследовать то, в какой мере движение за городское планирование, возглавляемое такими людьми, как Фредерик Ло Олмстед, Патрик Геддес и Льюис Мамфорд, превратилось в своего рода антиэкономику.

собственников) и выплате компенсаций тем, чья собственность пострадала. Этого можно достичь, не наделяя соответствующий орган произвольными и неконтролируемыми полномочиями, а дав ему одно лишь право экспроприации по справедливой рыночной цене. Как правило, этого достаточно, чтобы власти имели возможность как изымать любой прирост рыночной ценности, вызванный их действиями, так и выкупать собственность тех, кто против той или иной меры, поскольку из-за нее снижается ценность собственности. На практике властям обычно выкупать ничего не приходится, но, опираясь на право принудительного выкупа, они всегда могут договориться с владельцем о сумме изъятия или компенсации. До тех пор пока единственная возможность принуждения ограничивается экспроприацией по рыночной ценности, все законные интересы будут защищены. Инструмент этот, разумеется, будет не вполне совершенным, поскольку в такой ситуации «рыночная ценность» — величина достаточно неопределенная и разброс мнений о том, какова справедливая рыночная ценность, будет весьма велик. Но важно, что подобные споры могут разрешаться в независимых судах, так что нет необходимости оставлять их на усмотрение планирующего органа.

Опасности во многом возникают из-за желания некоторых планировщиков избавиться от необходимости учитывать все издержки, создаваемые их проектами. Они часто ссылаются на то, что, если их заставят выплачивать компенсацию по рыночной ценности, издержки некоторых улучшений станут непомерно высокими. Если это действительно так, это значит, что предложенный план не должен реализовываться. Ни в коем случае нельзя доверять аргументам, приводимым сторонниками городского планирования для оправдания экспроприации недвижимости по цене ниже рыночной, — аргументам, неизбежно опирающимся на ложное утверждение, что это позволит им уменьшить социальные издержки проекта. На деле такой проект сводится к тому, что определенные издержки не будут учтены: чтобы представить проект выгодным, планировщики просто перекладывают их часть на плечи частных лиц, а затем эти издержки игнорируют.

Большинство того, что обоснованно в аргументации в пользу городского планирования, в конечном счете сводится к доводу, что для достижения некоторых целей единицы планирования должны быть крупнее, чем типичные индивидуальные объекты частной собственности. Некоторые цели планирования могут быть достигнуты, если расщепить конкретное содержание прав собственности таким образом, чтобы определенные решения были прерогативой владельца прав более высокого уровня, то есть принадлежали корпорации, представляющей весь район или регион и обладающей полномочиями оценивать выгоды и взимать сборы с отдельных собственников более низкого уровня. Застройка территории, при которой девелопер сохраняет постоянный контроль над использованием отдельных участков, представляет собой по меньшей мере одну альтернативу осуществлению подобного контроля политической властью. Преимуществом

является и то, что более крупная единица планирования будет оставаться одной из многих и осуществление владельцем его полномочий будет ограничиваться необходимостью конкурировать с другими аналогичными единицами.

Разумеется, даже конкуренция между муниципалитетами или другими административно-территориальными образованиями будет до некоторой степени иметь такой же сдерживающий эффект. Однако сторонники городского планирования часто требуют ввести такое планирование в региональном или даже национальном масштабе. Действительно, в планировании всегда будут существовать факторы, которые могут быть адекватно рассмотрены только на более высоком уровне. Но еще более верно, что с расширением области унифицированного планирования конкретное знание местных обстоятельств будет неизбежно использоваться менее эффективно. Планирование на национальном уровне означает, что вместо укрупнения конкурирующих единиц мы получим полное устранение конкуренции. Это определенно нежелательный результат. Вероятно, не существует идеального ответа на реальные трудности, создаваемые масштабом проблем. Но добиться удовлетворительных результатов можно лишь одним способом — обеспечить частному владельцу стимулы и необходимые исходные данные, одновременно предоставив ему свободу действий в отношении того, как использовать конкретный участок земли, поскольку нет иного способа, кроме рынка, который позволял бы наиболее полно утилизировать распределенное знание о перспективах и возможностях развития.

Все еще существуют некоторые организованные группы, заявляющие, что все трудности удастся решить, если принять проект «единого земельного налога», то есть если передать всю земельную собственность обществу и просто сдавать ее в аренду частным застройщикам по рыночным ценам. Этот проект социализации земли, благодаря своей логике, вероятно самый притягательный и убедительный из всех социалистических проектов. Если бы лежащие в его основе посылки были верны, то есть если бы можно было четко разделять, с одной стороны, ценность «постоянной и неразрушимой производительности почвы» и, с другой, ценность, создаваемую двумя разными видами улучшения — усилиями местного сообщества либо частного владельца, — то аргументы за то, чтобы его принять, были бы очень вескими. Однако почти все упомянутые нами трудности вытекают из того факта, что такое разделение не может быть проведено хоть с какой-то определенностью. Чтобы обеспечить необходимые возможности для частной застройки на каком-либо участке земли, последний должен быть сдан в аренду по фиксированным ставкам на такой длительный срок (в том числе с правом переуступки), что это мало чем будет отличаться от частной собственности, и вновь возникнут все проблемы, связанные с индивидуальной собственностью. Хотя нам, может, часто и хочется, чтобы все было так же просто, как предполагается в проекте единого земельного налога, мы не найдем в нем решения ни одной из заботящих нас проблем.

6. Административный деспотизм, которому сторонники городского планирования готовы подчинить всю экономику, хорошо иллюстрируется радикальными положениями британского закона 1947 года о планировании городской и сельской застройки (*Town and Country Planning Act*)¹¹. Хотя через несколько лет его пришлось отменить, нашлись те, кто поддержал его в качестве образца для подражания в США¹². Этот закон предусматривал не что иное, как полную экспроприацию всего выигрыша, получаемого владельцем городской недвижимости от любого серьезного изменения способа использования его земли, — а этот выигрыш определялся как любой прирост рыночной ценности земли по сравнению с той, которую она имела бы, если бы было вообще запрещено изменять ее использование, и которая вообще могла быть нулевой¹³. Компенсацией за эту конфискацию всех прав на застройку земли должна была быть доля в общей сумме, специально выделенной на эти цели.

В основе этой схемы лежала концепция, в соответствии с которой люди должны свободно покупать и продавать землю только по цене, формирующейся при предположении, что тот или иной конкретный участок земли всегда будет использоваться по тому же целевому назначению, что и теперь: любой выигрыш от изменения направления его использования должен доставаться планирующей организации в качестве платы за разрешение произвести это изменение, в то время как все потери, вызванные уменьшением его рыночной ценности при продолжении текущего использования, должен нести только его владелец. В случае когда участок земли переставал приносить какой-либо доход от его текущего использования,

---

¹¹ В оправдание британских экономистов следует, пожалуй, сказать, что весь этот набор неоптимальностей вряд ли когда-либо стал бы законом, если бы решающий этап законодательной подготовки не выпал на то время, когда экономисты были поглощены почти исключительно решением военных задач, так что у сторонников городского планирования было время и беспрепятственные возможности воплотить в закон свою концепцию лучшего мира, который должен возникнуть после войны. Можно с уверенностью сказать, что в то время, когда был принят этот закон, вряд ли кто-нибудь в парламенте понимал все его последствия, и уж совсем никто не мог предвидеть, что ответственный за его исполнение министр использует данные ему полномочия, чтобы принять постановление о полной конфискации прироста рыночной ценности городской земли в результате застройки (*development gain*). См. об этом законе: *Plant A. Land Planning and the Economic Functions of Ownership* // *The Journal of the Chartered Auctioneers' and Estate Agents' Institute*. 1949. Vol. 29. P. 284–305; и в дополнение к упомянутой книге Ральфа Тёрви его же статью: *Turvey R. Development Charges and the Compensation-Betterment Problem* // *Economic Journal*. 1953. Vol. 63. P. 299–317; а также мою статью: *Hayek F.A. A Levy on Increasing Efficiency* // *Financial Times* (London). 1949. April 26. Pt. 1: *The Economics of Development Charges*. P. 4; April 27. Pt. 2: *Detrimental Effects of Development Charges*. P. 4; April 28. Pt. 3: *Too Little Evidence of Planning*. P. 4.

¹² *Haar C.M. Land Planning Law in a Free Society: A Study of British Town and Country Planning Act*. Cambridge: Harvard University Press, 1951; см. мою рецензию на эту книгу: *Hayek F.A. Review of C.M. Haar's Land Planning Law in a Free Society* // *University of Chicago Law Review*. 1952. Vol. 19. P. 620–626, переизданную позже под другим заглавием: *Hayek F.A. The Economics of Development Charges* // *Idem. Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1967. P. 331–338.

¹³ Строго говоря, этот закон и был реализован ответственным за исполнение министром, который был уполномочен устанавливать величину сбора за застройку (*development charge*) в виде определенного процента от прироста рыночной ценности земли в результате застройки, и он назначил ставку 100%.

так называемый «сбор за застройку» (development charge) должен был в точности совпасть с полной рыночной ценностью земли при любом новом ее использовании.

Поскольку на орган власти, созданный для проведения в жизнь этих положений закона, был возложен полный контроль за всеми изменениями в использовании земель, за исключением сферы сельского хозяйства, он, по сути дела, получил монопольное право принимать решения о промышленном и коммерческом использовании любого участка земли в Великобритании и полное право использовать свои полномочия, чтобы осуществлять фактический контроль над всеми подобными проектами. Такая власть по самой своей природе не может быть ограничена правилами, и Центральное управление по землепользованию (Central Land Board), которому было поручено это дело, с самого начала недвусмысленно заявило, что не намерено связывать себя какими-либо правилами, которые надо сначала добровольно на себя взять, а потом обязательно и неукоснительно им следовать. В «Практическом руководстве» (Practice Notes), выпущенном управлением в самом начале своей деятельности, об этом было заявлено с редкой откровенностью. Ведомство недвусмысленно оставляет за собой право отходить от объявленных им действующих правил в тех случаях, когда «по особым причинам обычные нормы не применимы», «время от времени изменять свою политику» и рассматривать «общие действующие правила в качестве подлежащих изменению, если они не соответствуют обстоятельствам конкретного дела»¹⁴.

Неудивительно, что из-за таких особенностей закона он оказался неосуществимым, и через семь лет был отменен, прежде чем была выплачена хотя бы одна компенсация за «национализацию ценности, созданной застройкой». Остается ситуация, когда застройка какого-либо участка земли требует разрешения соответствующего планового органа, однако предполагается, что это разрешение можно получить только в том случае, если новая застройка не противоречит объявленному общему плану. Таким образом, отдельного собственника снова стало интересовать, как наилучшим образом использовать свой участок земли. Этот эксперимент можно было бы рассматривать как курьезный эпизод и как иллюстрацию глупостей, к которым приводит непродуманное законодательство, если бы он не представлял собой на деле логичный вывод из широко распространенных концепций. Все попытки упразднить рыночный механизм в земельных отношениях и заменить его централизованным управлением неизбежно ведут именно к такой системе контроля, которая передает в руки органа публичной власти всю полноту полномочий в отношении любого возможного использования земельных участков. Мертворожденный британский эксперимент не привлек к себе более широкого внимания потому, что пока

---

¹⁴ Central Land Board. Practice Notes (First Series): Being Notes on Development Charges Under the Town and Country Planning Act, 1947. London: H.M. Stationary Office, 1949. P. ii-iii.

закон был в силе, механизм, необходимый для его применения, еще не был готов к работе. И сам Закон, и этот механизм оказались настолько сложны, что никому, за исключением нескольких невезучих людей, попавших под его колеса, не удалось даже понять, что все это значит.

7. Проблемы, связанные со строительными нормами и правилами (building regulations), во многом сходны с проблемами общего городского планирования. Хотя они не поднимают принципиальных вопросов, им следует уделить некоторое внимание. Есть две причины, которые убеждают нас, что некоторое регулирование городского строительства желательно. Первая сводится к уже знакомому нам учету ущерба, который может быть нанесен другим и источником которого может быть возведение зданий без соблюдения санитарных норм и норм пожарной безопасности; в современных условиях в число людей, влияние на которых должно учитываться, входят соседи и все пользователи здания, которые не занимают в нем постоянно помещение, но являются покупателями или клиентами постоянных пользователей и которые должны иметь некую гарантию (или по меньшей мере возможность удостовериться), что здание, в которое они входят, не представляет собой опасности. Вторая заключается в том, что соблюдение определенных норм — возможно, единственный эффективный способ предотвращения обмана и недобросовестности со стороны строителей: стандарты, зафиксированные в строительных нормах и правилах, служат средством толкования строительных контрактов и гарантией, что при строительстве будут использованы материалы и методы, которые признаны надлежащими, если только договором в явном виде не предусмотрено что-то другое.

Хотя желательность такого рода регулирования неоспорима, есть ряд областей, в которых государственное регулирование открывает возможности для злоупотреблений или фактически используется для установления вредных или совершенно иррациональных ограничений на строительство и потому часто содействует усилению квазимонопольного положения местных производителей. Когда такое регулирование выходит за пределы установления минимальных стандартов и тем более когда оно приводит к тому, что метод, который является стандартным в данное время и в данном месте, становится единственно разрешенным, оно может стать серьезным препятствием для желательного экономического развития. Препятствуя экспериментированию с новыми методами и поддерживая местные производственные и трудовые монополии, оно часто становится одной из причин высокой стоимости строительства, нехватки жилья и перенаселенности. Это тем более справедливо в тех случаях, когда регулирование не просто требует, чтобы здания отвечали определенным условиям или выдерживали определенные испытания, но и предписывает применение конкретных технологий. Следует особо подчеркнуть, что «своды эксплуатационных требований» первого типа создают меньше ограничений для спонтанного развития, чем «своды спецификаций», а потому они предпочтительнее.

На первый взгляд может показаться, что «своды спецификаций» больше соответствуют нашим принципам, поскольку оставляют меньше места для дискреционных действий власти; однако дискреция, предоставляемая «сводами эксплуатационных требований», не относится к тому типу, который вызывает возражения. Отвечает ли данная технология эксплуатационным требованиям, могут решать независимые эксперты, а любые разногласия могут быть урегулированы в суде.

Еще один довольно важный и непростой вопрос: на каком уровне следует утверждать строительные нормы и правила — на уровне местной или центральной власти? Пожалуй, верно, что местное регулирование более подвержено влиянию местных монополий, а потому открывает больше возможностей для злоупотреблений и также может быть более ограничительным и в других аспектах. Возможно, существует убедительная аргументация в пользу тщательно продуманного национального стандарта или модельного нормативного акта, который местные власти могут адаптировать к своим условиям, внося те уточнения, которые считают необходимыми. Однако в целом кажется вероятным, что если бы все строительные нормы и правила утверждались на местном уровне, конкуренция между местными властями обеспечила бы более быстрое устранение тормозящих и необоснованных ограничений, чем когда нормы утверждаются на законодательном уровне для всей страны или для большого региона.

8. Проблемы, возникающие в связи с городским планированием, могут в будущем стать крайне важными в связи с размещением производств в национальном масштабе. Этот вопрос все больше привлекает внимание планировщиков, и именно в связи с ним чаще всего звучит мнение о том, что результаты свободной конкуренции иррациональны и губительны.

Насколько обоснованны утверждения о том, что размещение существующих производств якобы иррационально и что возможно улучшить его методами централизованного планирования? Разумеется, верно, что, если правильно предвидеть будущее развитие, многие решения о размещении заводов были бы иными и что в этом смысле многие прошлые решения задним числом кажутся неразумными. Но это не означает, что при имевшихся тогда знаниях могли быть приняты другие решения или что результаты были бы более удовлетворительными, если бы развитие шло под контролем государства. Хотя мы здесь опять сталкиваемся с проблемой, в отношении которой ценовой механизм не совершенен и не учитывает многого из того, что нам хотелось бы, более чем сомнительно, что центральное планирующее ведомство могло бы направлять этот процесс столь же успешно, как и рынок. Поразительно, сколь многого на самом деле достигает в этом отношении рынок, просто заставляя людей учитывать те факты, о которых они напрямую ничего не знают, но которые тем не менее отражены в ценах. В своем самом известном критическом разборе этих проблем Август Лёш приходит к выводу, что «вероятно, важнейший результат этой книги — демонстрация той неожиданно большой степени,

в которой силы свободного рынка действуют благоприятным образом». И далее он говорит, что рынок «уважает все человеческие желания, благо-разумные и неблагоприятные» и что «механизм свободного рынка гораздо больше работает на общее благо, чем обычно считается, хотя и с некоторыми исключениями»¹⁵.

---

¹⁵ *Lösch A.* The Economics of Location. New Haven: Yale University Press, 1954. P. 343–344.

Сельское хозяйство и природные ресурсы

Я против чрезмерного усердия любого рода администрации, и особенно против самого судьбоносного из всех видов вмешательства власти — вмешательства в то, как люди обеспечивают себе пропитание.

— Эдмунд Бёрк

1. Увеличение промышленного и городского населения, всегда сопровождающее рост богатства и цивилизации, в западном мире привело не только к относительному, но и к абсолютному сокращению численности сельскохозяйственного населения. Технологический прогресс настолько увеличил производительность в области производства продовольствия, что сегодня меньше людей, чем когда-либо в прошлом, способно прокормить более многочисленное население. Но хотя рост населения ведет к пропорциональному повышению спроса на продукты питания, с замедлением роста населения и увеличением душевого дохода все меньшая часть дополнительного дохода тратится на увеличение потребления еды. Расходы на питание еще могут увеличиваться, если речь идет о каких-то вкусовых предпочтениях, но, достигнув определенного уровня, душевое потребление зерновых перестает расти и даже начинает снижаться. Этот подъем производительности в сочетании с неэластичным спросом означает, что для того, чтобы занятые в сельском хозяйстве смогли сохранить средний доход (не говоря уж о том, чтобы успевать за общим ростом доходов), их численность должна сокращаться.

Если происходит такое перераспределение трудовых ресурсов между сельским хозяйством и другими видами занятий, то нет причин, чтобы оставшиеся в сельском хозяйстве люди не смогли со временем получать такую же выгоду от экономического прогресса, как и все остальные. Но пока сельскохозяйственное население остается слишком многочисленным

— Цитата, вынесенная в эпиграф этой главы, является последней фразой работы: *Burke E. Thoughts and Details upon Scarcity* [1795] // *Burke. Works. Vol. 7. P. 419.*

в относительном выражении, эти изменения непременно будут ставить его в невыгодное положение. Спонтанный отток людей из сельского хозяйства будет стимулироваться только в том случае, если доходы в сельском хозяйстве будут сокращаться по сравнению с доходами от городских видов занятости. Чем дольше фермеры или крестьяне будут противиться переходу к другим занятиям, тем большей будет разница в доходах в переходный период. В частности, когда изменения растягиваются на несколько поколений, эта разница остается небольшой лишь в том случае, если миграция из деревни достаточно быстрая.

Однако политические меры повсеместно сдерживали этот адаптационный процесс, из-за чего проблемы постепенно накапливались. Часть населения, которая в силу сознательно проводившейся политики оставалась в сельском хозяйстве, выросла настолько, что выравнивание производительности сельскохозяйственного и промышленного населения во многих случаях требовало столь значительного изменения параметров, что представлялось совершенно невозможным за сколько-нибудь ограниченное время¹.

Такая политика проводилась по разным причинам. В европейских странах, где индустриализация шла бурными темпами, она изначально стала следствием некоего туманного представления о «надлежащем балансе» между промышленностью и сельским хозяйством, где «баланс» означал не более чем поддержание традиционных пропорций. В тех странах, где вследствие индустриализации возникала тенденция к зависимости от импорта продовольствия, эти аргументы подкреплялись стратегическими соображениями о самодостаточности в военное время. Кроме того, нередко считалось, что необходимость перемещения населения носит разовый характер, так что проблему можно облегчить, растянув процесс на долгое время. Но главным соображением, которое почти повсеместно подтолкнуло правительства вмешаться, было стремление обеспечить «достойный уровень доходов» занятым на тот момент в сельском хозяйстве.

Эта политика получала поддержку общества в целом часто из-за впечатления, что все сельскохозяйственное население — а не только его наименее производительные группы — не в состоянии получать приемлемые доходы. Такое представление основывалось на том факте, что цены на сельскохозяйственную продукцию прежде, чем произойдет необходимая адаптация,

---

¹ См.: *Ojala E.M.* Agriculture and Economic Progress. London: Oxford University Press, 1952; *Boulding K.E.* Economic Analysis and Agricultural Policy // Canadian Journal of Economics and Political Science. 1947. Vol. 13. P. 436–446; работа вошла в сборник: Contemporary Readings in Agricultural Economics / Ed. by H.G. Halerow. New York: Prentice-Hall, 1955. P. 195–220; *Schultz T.W.* Agriculture in an Unstable Economy. New York: McGraw-Hill, 1945; *Fourastié J.* Le grand espoir du XXe siècle: progrès technique, progrès économique, progrès sociale. Paris: Presses universitaires de France, 1949; *Niehaus H.* Leitbilder der Wirtschafts- und Agrarpolitik in der sozialen Marktwirtschaft. Stuttgart: H. Seewald, 1957; *Niehaus H., Priebe H.* Agrarpolitik in der sozialen Marktwirtschaft: Wortlaut der Vorträge und Diskussion auf der Fünften Arbeitstagung der Aktionsgemeinschaft Soziale Marktwirtschaft am 13. März 1956 in Bad Godesberg. Ludwigsburg: M. Hoch, 1956. См. также: *Peterson W.H.* The Great Farm Problem. Chicago: Henry Regnery, 1959.

обычно опускались намного ниже того уровня, который должен был бы сложиться в конечном счете. Но ведь это давление цен подталкивало не только к необходимому уменьшению сельскохозяйственного населения, но и к усвоению новшеств в технологии сельскохозяйственного производства, что должно было привести к сокращению издержек и сделать возможным выживание наиболее производительных хозяйств.

Вывод из оборота наименее продуктивных земель и ликвидация наименее производительных хозяйств — что снизит средние издержки и, уменьшив предложение, остановит и, возможно, даже частично повернет вспять падение сельскохозяйственных цен — лишь часть необходимой перестройки. Чтобы сельское хозяйство снова стало процветать, не менее важны изменения в его внутренней структуре, к которым приведет изменение относительных цен на сельскохозяйственную продукцию. Политика, пытавшаяся помочь сельскому хозяйству в преодолении трудностей, обычно тем самым предотвращала ту самую адаптацию, которая сделала бы его прибыльным.

Здесь мы можем привести только один характерный пример. Как уже было сказано, лишь только рост доходов превышает определенный уровень, люди перестают увеличивать расходы на еду за исключением высококачественных продуктов. В западном мире это означает в первую очередь то, что место зерновых и других крахмалосодержащих продуктов занимают богатые белками мясные и молочные продукты. Этот процесс шел бы быстрее, если бы сельское хозяйство было заинтересовано производить больше продукции, пользующейся повышенным спросом, при снижении относительных издержек. Достичь этого можно было бы, если бы ценам на зерновые было позволено снизиться настолько, чтобы стало выгодно кормить скот зерном и тем самым опосредованно производить продовольствие, которое хотят потребители. Подобным образом удалось бы избежать такого сокращения общего потребления зерна, которое имело бы место в противном случае, и одновременно понизить стоимость мяса и всего прочего. Но обычно это невозможно из-за политики поддержания цен на зерно на таком уровне, что непосредственное потребление его людьми не может поглотить все предложение и при этом не удается с прибылью использовать это зерно на какие-то другие цели.

Этого примера достаточно, чтобы проиллюстрировать, каким образом проводимая политика мешает сельскому хозяйству перестроиться в соответствии с изменившимися условиями. Но после необходимой адаптации меньшее число производителей (и все равно их будет больше, чем достигли бы успеха в противном случае) было бы в состоянии увеличить свою производительность настолько, чтобы получить свою долю выигрыша от общего роста благосостояния. Конечно, надо признать: отчасти проблемы сельского хозяйства объясняются тем, что из-за характера как производственных процессов, так и самих производителей, обычно они особенно медленно приспосабливаются к изменениям. Но решение явно не может состоять в том, чтобы сделать их еще более невосприимчивыми

к адаптации. Тем не менее именно таково большинство важнейших мер контроля, предпринимаемых правительствами, и, в частности, все меры контроля над ценами.

2. Вряд ли есть необходимость повторять, что в конечном итоге регулирование цен не служит никаким желательным целям и даже в течение ограниченного периода времени может иметь эффект только в сочетании с прямым регулированием производства. Чтобы принести выгоду производителям, регулирование цен должно так или иначе дополняться решениями властей о том, кто должен производить, что и в каком количестве. Если есть намерение — помочь людям, возделывающим землю сейчас, остаться в деревне и получать доходы, которыми они будут довольны, и если потребители не готовы тратить на еду столько, сколько нужно для поддержания такого достатка, то власти вынуждены обращаться к принудительному перераспределению доходов. Как далеко это может зайти, показывает пример Великобритании, где ожидается, что общая сумма финансовой помощи сельскому хозяйству скоро будет составлять «примерно две трети совокупного чистого дохода сельского хозяйства»².

В связи с этим следует особо отметить два аспекта. Во-первых, в большинстве стран процесс изъятия сельского хозяйства из рыночного механизма и все большего подчинения его государственному управлению начался до того, как то же самое произошло в промышленности, и при этом процесс шел при поддержке, а иногда и по инициативе консерваторов, которые тем самым продемонстрировали, что они не гнушаются социалистическими мерами, если последние направлены на достижение одобряемых ими целей. Во-вторых, эта тенденция была, возможно, еще сильнее в странах с относительно небольшим сельскохозяйственным населением, где оно благодаря особому политическому положению получило привилегии, которых еще никогда не получала такая группа и которые ни в какой системе не могут быть предоставлены всем. Вот некоторые перемены, дающие множество оснований усомниться в способности демократических правительств действовать рационально или следовать сколько-нибудь разумным замыслам, раз они отбрасывают все принципы и пытаются гарантировать статус одной группы. В сельском хозяйстве мы дошли уже до того, что наиболее проникательные специалисты даже не задаются вопросом, какая политика целесообразнее, а думают только о том, какой из политически приемлемых курсов нанесет меньше вреда.

Однако в книге, подобной этой, мы можем не обращать внимания на политические нужды, которые существующее состояние умов навязывает текущим решениям. Нам достаточно показать, что в большинстве западных стран сельскохозяйственная политика находилась под влиянием идей не только обреченных на провал, но и, в случае их широкого применения,

---

² *Enfield R. How Much Agriculture? // Lloyds Bank Review. April 1954. Vol. 32. P. 30.*

ведущих к тоталитарному контролю над всей хозяйственной деятельностью. Мы не можем использовать принципы социализма для выгоды только одной группы; если мы пойдем на это, то будем не в состоянии противиться требованиям других групп, желающих, чтобы их доходы также определялись властью в соответствии с предполагаемыми принципами справедливости.

По-видимому, лучше всего проиллюстрирует последствия такой политики ситуация, возникшая в США после попыток применить концепцию «паритета», которые длились двадцать лет³. Попытка гарантировать сельскохозяйственным производителям цены, находящиеся в фиксированном отношении к ценам на промышленные товары, неизбежно ведет к блокировке сил, которые могли бы содействовать тому, чтобы сельскохозяйственным производством занимались только люди, которые делают это с наименьшими издержками, и чтобы они производили только товары, которые можно продать с прибылью. Нельзя отрицать, что когда этим силам предоставляется свобода действия, рост доходов в сельском хозяйстве в переходный период отстает от роста доходов остального населения. Но никакие наши действия, разве что полная остановка технологического развития и накопления богатства, не отменяют необходимость этой адаптации; и любые попытки смягчить последствия этого процесса, принудительно перераспределяя доходы между городом и селом, и тем самым замедлить его приведут к накоплению нерешенных проблем адаптации, а это только увеличит трудности их решения.

Результаты такой политики в США — постоянный рост избыточных запасов продовольствия, которые стали новой угрозой для стабильности сельского хозяйства не только Америки, но и всего мира, абсолютно произвольное и при этом неэффективное и нерациональное распределение посевных площадей и т.п. — все это слишком хорошо известно и не нуждается в описании. Немногие возмущаются отрицать, что главной проблемой стал поиск того, как политика могла бы выпутаться из ситуации, которую сама же и создала, и что американское сельское хозяйство было бы более здоровым, если бы государство никогда не вмешивалось в вопросы установления цен, объемов и методов производства.

3. Хотя иррациональность и абсурдность современной сельскохозяйственной политики особенно наглядно видны в США, нам следует обратиться к опыту других стран, чтобы в полной мере представить себе, насколько

---

³ Пожалуй, стоит отметить, поскольку это мало известно, что и в этой области идея регулирования была вдохновлена опытом Германии. См. что пишет об этом Артур М. Шлезингер-младший: «В конце 20-х годов Бердсли Рамл из фонда Лауры Спельман Рокфеллер, под впечатлением от программы сельскохозяйственного регулирования, которую он наблюдал в действии в Германии, попросил Джона Блэка, который теперь работает в Гарварде, изучить возможность ее применения для решения проблем американских фермеров. В 1929 году Блэк детально разработал программу, которую окрестил планом добровольного ограничения посевных площадей...» (*Schlesinger A.M., jr. The Age of Roosevelt: The Crisis of the Old Order, 1919–1933. Boston: Houghton Mifflin, 1957. P. 110.*)

такая политика, если ее проводить систематически, сковывает руки фермерам (при этом их «стойкая независимость» часто упоминается как аргумент, чтобы содержать их за счет общества), загоняет их в самые жесткие рамки и превращает в самых подконтрольных из всех производителей.

Наверное, дальше всего эта ситуация зашла в Великобритании, где была установлена невиданная по эту сторону железного занавеса степень надзора и контроля за большинством видов сельскохозяйственной деятельности. Возможно, не избежать того, что, если сельское хозяйство ведется преимущественно на средства государства, надо устанавливать определенные стандарты, и даже что в качестве наказания за то, что власти считают плохим ведением сельского хозяйства, надо прогонять провинившегося с его собственности. Но странная иллюзия ожидать, что сельское хозяйство станет лучше адаптироваться к изменяющимся условиям, если методы сельскохозяйственного производства поставить под контроль фермерского комитета и если тот метод, который вышестоящий орган или большинство сочтет наилучшим, объявят стандартом и будут повсеместно принудительно внедрять. Такие ограничения могут быть лучшим способом сохранения известного нам типа сельскохозяйственного производства, который многие (большинство из них, надо полагать, живет в городах) хотели бы сохранить как память о прошлом; но они могут привести только к тому, что сельскохозяйственное население будет все сильнее зависеть от других.

Необыкновенная озабоченность англичан судьбой сельского хозяйства обязана, вероятно, скорее эстетическим, чем экономическим соображениям. Еще вернее это в отношении горных крестьян, о сохранении которых пекутся в таких странах, как Австрия и Швейцария. Во всех этих случаях бремя дополнительных налогов принимается из страха, что с исчезновением традиционных методов ведения сельского хозяйства изменится знакомый образ сельской местности и что если специально не защищать фермеров или крестьян, они совсем исчезнут. Из-за этих представлений люди и боятся любого сокращения сельского населения, и при каждом сообщении о брошенной ферме их воображение рисует картину опустевших долин и деревень.

Однако именно политика «консервации» — заклятый враг жизнеспособного сельского хозяйства. Вряд ли верно, что все изменения в равной степени угрожают всем фермерам или крестьянам. У фермеров, работающих в сходных условиях, разница между преуспеванием и бедностью такая же большая, как и в любой другой деятельности⁴. Для того чтобы в сельском хозяйстве, как и во всех других сферах, происходила постоянная адаптация к меняющимся условиям, жизненно важно, чтобы все следовали примеру самых преуспевающих, которые нашли адекватный ответ на изменения. Это всегда означает, что определенные методы ведения хозяйства исчезнут.

---

⁴ Ср.: *Weber H.* Die Landwirtschaft in der volkswirtschaftlichen Entwicklung: eine Betrachtung über Beschäftigung und Einkommen. Hamburg: P. Parey, 1955.

В частности, в сельском хозяйстве это означает, что для достижения успеха фермер или крестьянин должен все больше становиться бизнесменом — необходимый процесс, который многим не нравится и который многие хотели бы предотвратить. Но альтернативой для сельскохозяйственного населения было бы превращение его в придаток национального парка, в причудливый народец, сохраненный для оживления пейзажа, которому сознательно не дали измениться психологически и технологически и самому себя содержать.

Такие попытки сохранить отдельные группы сельскохозяйственного населения, защитив их от необходимости менять укоренившиеся традиции и привычки, неизбежно делают их подопечными государства, пенсионерами, существующими за счет остального населения, а выживут они или нет, будет всегда зависеть от политических решений. Было бы явно меньшим злом, если бы некоторые удаленные фермы исчезли, а некоторые пашни превратились в пастбища и даже в леса. Мы действительно проявили бы больше уважения к достоинству человека, если бы позволили определенным стилям жизни исчезнуть навсегда, а не сохраняли их в качестве образчиков ушедшей эпохи.

4. Утверждение, что в сельском хозяйстве нет оснований для политики регулирования цен и производства или какого-либо вида всеобъемлющего планирования и что большинство мер подобного рода экономически неблагоразумны и представляют собой угрозу для индивидуальной свободы, не означает, что не существует важных проблем сельскохозяйственной политики или что у государства нет важных функций в этой области. Однако здесь, как и везде, эти задачи включают в себя, с одной стороны, постепенное совершенствование правовых институтов ради того, чтобы рынок функционировал эффективнее, а человек полнее учитывал последствия своих действий, а с другой — оказание услуг, когда государство, выступая как доверенное лицо народа, предоставляет определенные возможности, преимущественно в форме информации, которых, по крайней мере на определенном этапе развития, никто другой предоставить не может — хотя и здесь государство не должно присваивать себе исключительные права, а обязано заботиться об условиях для роста добровольных структур, которые со временем смогут взять на себя эти функции.

К первой категории принадлежат все проблемы, которые в сельском хозяйстве, не меньше чем в городской жизни, возникают из-за эффектов соседства, а также из-за более отдаленных последствий, которые тот или иной способ использования конкретного участка земли может иметь для остальной части местного сообщества⁵. Некоторые из этих проблем нам

---

⁵ О том, в какой мере «сохранение почв» часто служило всего лишь предлогом для экономического регулирования, см.: *Hardin C.M.* The Politics of Agriculture: Soil Conservation and the Struggle for Power in Rural America. Glencoe, IL: Free Press, 1952; *Benham F.* Economic Aid to Underdeveloped Countries. London: Oxford University Press, 1959.

надо будет рассмотреть чуть позже в связи с общей темой охраны природных ресурсов. Существуют, однако, и специфически сельскохозяйственные проблемы, которые требуют совершенствования нашей правовой системы и, в частности, законов о собственности и землевладении. Многие из наиболее серьезных недостатков в функционировании механизма цен могут быть исправлены только в результате развития некоторых видов сельскохозяйственных предприятий, находящихся под единым управлением, и, возможно, в некоторых случаях только в результате сотрудничества соответствующих групп предприятий для достижения определенных целей. Насколько далеко зайдет эволюция форм организации, будет зависеть главным образом от характера земельного права, в том числе от возможностей, которые оно предоставляет — с соблюдением всех необходимых предосторожностей — для принудительной экспроприации. Нет сомнений, что объединение разрозненных наделов, унаследованных Европой от Средних веков, как и огораживание общинных земель в Англии, было необходимой законодательной мерой, которая сделала возможными усовершенствования путем индивидуальных усилий. И хотя опыт «земельных реформ» не дает оснований для оптимизма, легко представить, что в определенных обстоятельствах изменения в земельном праве могут способствовать раздроблению латифундий, которые стали экономически нецелесообразными, но сохраняются в силу некоторых особенностей действующих законов. Но при всех возможностях совершенствования правовых рамок нужно помнить, что чем больше допускается свободы экспериментирования, тем больше шансов, что изменения произойдут в правильном направлении.

Есть еще множество типов деятельности государства по предоставлению услуг, особенно в форме распространения информации. В динамичном обществе одна из реальных трудностей для сельского хозяйства — то, что у сельского населения в силу его естественных особенностей меньше возможностей, чем у всех остальных, следить за появлением нового знания и изменением старого. Там, где это означает, что большинство людей даже не подозревают о существовании новых полезных знаний, за которые есть смысл платить, — как часто бывает с крестьянами, приверженными традиционным методам обработки земли, — для общества в целом может оказаться выгодной инвестицией взять на себя часть затрат на распространение знаний. Мы все заинтересованы в том, чтобы наши сограждане были в состоянии принимать разумные решения, а если некоторые из них еще не осознали возможностей, открываемых техническим прогрессом, чаще всего будет достаточно сравнительно небольших расходов, чтобы побудить людей использовать новые достижения и уже потом самостоятельно двигаться дальше. Но и в этом случае государство не должно становиться единственным поставщиком знаний с правом решать, что человеку следует знать, а что нет. Возможно также, что чрезмерная активность государства принесет вред, помешав развитию эффективных форм добровольной деятельности в этой сфере. В любом случае не может быть принципиальных возражений против того, чтобы подобные услуги предоставляло

государство, и вопрос о том, какая из этих услуг насущнее и в каком объеме, — касается практической целесообразности и не затрагивает никаких базовых аспектов.

5. Хотя у нас здесь нет возможности всерьез погрузиться в проблему «слаборазвитых стран»⁶, мы не можем оставить без комментария тот парадоксальный факт, что, в то время как старые страны идут на самые нелепые ухищрения, чтобы не допустить уменьшения своего сельскохозяйственного населения, новые страны с неменьшим рвением хлопочут об искусственном росте своего промышленного населения⁷. В основе этой политики лежит, по-видимому, довольно наивное заблуждение *post hoc ergo propter hoc* [«после этого — значит, вследствие этого» (*лат.*)]: поскольку исторически рост богатства сопровождался быстрой индустриализацией, был сделан вывод, что индустриализация обеспечит ускоренный рост богатства. Здесь промежуточный результат очевидным образом спутан с причиной. Действительно, по мере роста душевой производительности в результате увеличения инвестирования капитала в орудия труда, а еще больше в результате инвестиций в знания и умения, все больше дополнительного продукта становится востребованным в форме изделий промышленности. Верно и то, что существенный рост производства продовольствия в этих странах требует большего количества орудий труда. Но ни одно из этих соображений не меняет следующего факта: чтобы крупномасштабная индустриализация стала самым быстрым путем повышения среднего дохода, необходим излишек сельскохозяйственной продукции, который позволит прокормить население, занятое в промышленности⁸. Если доступно неограниченное количество капитала и при условии, что сама доступность капитала может быстро изменить уровень знаний и установки сельского населения, этим странам имело бы смысл взяться за планомерную перестройку своих экономик по образцу самых развитых капиталистических стран. Но совершенно

---

⁶ О проблемах слаборазвитых стран и помощи их экономическому развитию см., в частности: *Bauer P.T.* Analysis and Policy in Underdeveloped Countries. Cambridge: Cambridge University Press, 1957; *Frankel S.H.* The Economic Impact on Under-developed Societies: Essays on International Investment and Social Change. Oxford: B. Blackwell, 1953; *Benham F.* Reflexiones sobre los países insuficientemente desarrollados // *El Trimestre económico*. 1952. Vol. 19. P. 45–57; *Friedman M.* Foreign Economic Aid, Means and Objectives // *Yale Review*. 1958. Vol. 47. P. 500–516.

⁷ Обратной стороной этого является факт, впервые подмеченный, кажется, Фрэнком У. Паишем, что сегодня богатые страны систематически переплачивают своим фермерам, а бедные — в целом недоплачивают.

⁸ Важный и хорошо установленный факт, что прежде, чем индустриализация обеспечит быстрый рост богатства, необходимо появление избытка сельскохозяйственной продукции, был превосходно продемонстрирован Кеннетом Э. Боулдингом: «Так называемая промышленная революция была создана отнюдь не рядом второстепенных технических изменений в текстильной промышленности; она была прямым детищем произошедшей в первой половине XVIII века аграрной революции, основу которой составляли кормовая репа, клевер, четырехпольный севооборот и улучшение пород скота. Не механическая прялка, а кормовая репа была матерью индустриального общества» (*Boulding K.E.* Economic Analysis and Agricultural Policy // *Canadian Journal of Economics and Political Science*. 1947. Vol. 13. P. 440). См.: *Hays S.P.* Conservation and the Gospel of Efficiency: The Progressive Conservation Movement, 1890–1920. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.

очевидно, что этот вариант лежит за пределами их возможностей. Для того чтобы таким странам, как Индия и Китай, обеспечить быстрый рост уровня жизни, необходимо лишь малую часть доступного капитала направлять на производство сложного промышленного оборудования и, вероятно, ничего не вкладывать в высокоавтоматизированные «капиталоемкие» производства, характерные для стран с высокой рыночной ценностью труда; этим странам следует «размазывать» капитал как можно более широко и «тонко» по всем тем направлениям его применения, которые непосредственно приведут к увеличению производства продовольствия.

Принципиально непредсказуемое развитие, которое может стать результатом использования в экономиках, крайне бедных капиталом, передовых технологических знаний, вероятно, будет идти быстрее в условиях свободы, чем в случае планомерного воспроизведения образцов, заимствованных в обществах, для которых характерно совершенно иное соотношение между трудом и капиталом, чем будет в новых экономиках в обозримом времени. Сколь бы ни были сильны в таких странах доводы в пользу того, что государство должно взять на себя инициативу — давать примеры для подражания и щедро расходовать средства на распространение знаний и образование, — мне представляется, что аргументация против всеобъемлющего планирования и государственного управления хозяйственной деятельностью в данном случае еще более убедительна, чем когда речь идет о более развитых странах. Я говорю сейчас и об экономике, и о культуре. Только свободный рост позволит таким странам развить собственную жизнеспособную цивилизацию, которая сможет внести заметный вклад в удовлетворение потребностей человечества.

6. Большинство здравомыслящих людей на Западе понимают, что сегодня задача сельскохозяйственной политики заключается в том, чтобы убрать государства из системы регулирования, в которой они погрязли, и восстановить работу рынка. Но в смежной области разработки природных ресурсов все еще преобладает мнение, что особая ситуация, существующая в ней, требует далеко идущего государственного регулирования. Эта точка зрения пользуется особенно сильным влиянием в США, где «природоохранное движение» (conservation movement) в значительной степени стало источником агитации за экономическое планирование и внесло немалый вклад в идеологию местных радикальных экономических реформаторов⁹. Мало что применялось столь широко и результативно для убеждения общества в «расточительности конкуренции» и желательности централизованного управления важными видами хозяйственной деятельности, как аргумент о якобы нерациональном использовании природных ресурсов частным предпринимательством.

---

⁹ Примечательно, что, как отмечает Энтони Скотт, «вся школа экономической теории землепользования (land economics) (и ее кузина — институциональная экономическая теория)» во многом восходит к этой озабоченности американцев (Scott A. Natural Resources: The Economics of Conservation. Toronto: University of Toronto Press, 1955. P. 37).

Существует несколько причин, почему в новой стране, быстро заселенной иммигрантами, которые привезли с собой развитые технологии, проблема сохранения ресурсов встала более остро, чем когда-либо в Европе. Если в Европе развитие было постепенным и некоторое равновесие установилось уже давно (отчасти, несомненно, благодаря тому что усиленная эксплуатация нанесла наибольший ущерб на ранних этапах, как в случае обезлесения и последующей эрозии южных склонов Альп), в Америке быстрое освоение необъятных целинных земель породило проблемы другого масштаба. Целый континент был распахан всего за одно столетие, и нас не должно удивлять, что это сопровождалось нарушениями природного баланса, о которых сейчас остается только жалеть¹⁰. Однако большинство недовольных тем, что случилось, сильны задним умом, и у нас мало оснований верить, что при тогдашнем уровне знаний даже самая разумная государственная политика смогла бы предотвратить те последствия, которые сейчас вызывают наибольшее сожаление.

Нельзя отрицать, что имело место настоящее расточительство; при этом надо подчеркнуть, что обезлесение, важнейший его пример, произошло вследствие того, что леса не были переданы в частную собственность, а остались в статусе государственных земель и раздавались в частное пользование на условиях, которые никак не стимулировали их сохранение. Действительно, для некоторых видов природных ресурсов обычные институты частной собственности, в общем случае вполне достаточные, не гарантируют эффективности использования, а потому могут потребоваться особые нормы права. В связи с разными видами природных ресурсов тут возникают разные проблемы, которые нам надо рассмотреть.

Для некоторых природных ресурсов, таких как залежи полезных ископаемых, их эксплуатация означает постепенное истощение, тогда как другие возобновляемы и могут эксплуатироваться сколь угодно долго¹¹. Борцы за охрану природы обычно сгущают на то, что первые — «ресурсы типа запаса» (stock resources) — расходуются слишком быстро, тогда как вторые — «ресурсы типа потока» (flow resources) — используются недостаточно и не дают той высокой стабильной отдачи, которую могли бы давать. Их точка зрения в некоторой степени основана на мнении, что частный пользователь не видит достаточно далеко и не знает столько, сколько государство, чтобы предсказывать развитие, и в некоторой степени, как мы увидим, на простой ошибке, которая сводит на нет большую часть типичных доводов борцов за охрану природы.

---

¹⁰ См.: *Sears P.B.* Science and Natural Resources // *American Scientist*. 1956. Vol. 44. P. 331–346; *Idem.* The Processes of Environmental Change by Man // *Man's Role in Changing the Face of the Earth* / Ed. by W.L. Thomas, jr. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 471–484.

¹¹ См. главным образом: *Scott A.* Natural Resources. Toronto: University of Toronto Press, 1955; *Gordon S.* Economics and the Conservation Question // *Journal of Law and Economics*. 1958. Vol. 1. P. 110–121; *Ciriacy-Wantrup S. von.* Resource Conservation: Economics and Policies. Berkeley: University of California Press, 1952.

В связи с природными ресурсами возникает и проблема эффектов соседства, что в определенных случаях может вести к использованию расточительных методов эксплуатации, если только величина отдельных единиц собственности не будет такой, что по крайней мере все важнейшие последствия любых действий собственника отразятся на рыночной ценности его собственности. Эта проблема возникает, например, в связи с разного рода «общедоступными ресурсами» (*fugitive resources*), такими как дичь, рыба, вода, нефть или природный газ (в недалеком будущем, возможно, и дождь), которые можно присвоить только расходуя, истощая их, и которые ни один отдельный пользователь не заинтересован сохранять, потому что все, что не возьмет он, возьмут другие. Тут возникают ситуации, в которых частная собственность либо невозможна (как в случае глубоководных рыбных ресурсов и большинства других форм ресурсов дикой природы), так что в итоге мы вынуждены искать альтернативные формы регулирования, либо ведет к рациональному природопользованию, только если границы единицы объединенного контроля совпадают с границами нахождения добываемого ресурса, как в случае нефтяных месторождений. Бесспорно, там, где по технологическим причинам отдельный собственник не может получить исключительный контроль над какими-либо ресурсами, мы должны обращаться к альтернативным формам регулирования.

Разумеется, до известной степени потребление невозобновляемых ресурсов основано на актах веры. В общем мы уверены, что к тому времени, когда ресурс будет исчерпан, мы откроем что-то новое, и это новое либо удовлетворит ту же потребность, либо как-то возместит нам то, чего больше нет, и в целом нам будет не хуже, чем прежде. Мы потребляем ресурсы, руководствуясь всего лишь вероятностью того, что наше знание о доступных ресурсах будет безгранично расти — и оно растет отчасти именно потому, что мы с такой быстротой потребляем доступные ресурсы. Более того, для того чтобы в полной мере использовать доступные ресурсы, мы должны действовать исходя из предположения, что они будут увеличиваться и впредь, даже если какие-то отдельные наши ожидания не оправдаются. Промышленное развитие очень замедлилось бы, если бы шестьдесят или восемьдесят лет назад были услышаны предостережения о том, что скоро исчерпаются запасы угля, а двигатель внутреннего сгорания не революционизировал бы транспорт, если бы его использование было ограничено известными тогда запасами нефти (в первые десятилетия эпохи автомобилей и самолетов известных в то время запасов нефти хватило бы при сегодняшнем темпе потребления лет на десять). Очень важно, чтобы во всех этих вопросах ко мнению экспертов о физических фактах внимательно прислушивались, но результаты оказались бы крайне плачевными, если бы эксперты могли навязывать свои представления политике.

7. Главные аргументы, убедившие людей в том, что централизованная политика охраны природных ресурсов необходима, заключаются в том, что общество больше заинтересовано и лучше умеет предвидеть будущее, чем

индивиды, и что задача сохранения отдельных видов ресурсов поднимает иные проблемы, нежели забота о будущем как таковая.

Следствия из утверждения, что общество больше заинтересовано в заботе о будущем, чем индивиды, выходят далеко за пределы проблем охраны природных ресурсов. Ведь этот тезис не сводится к тому, что некоторые будущие потребности, такие как безопасность или оборона, могут быть обеспечены только обществом в целом. Речь идет и о том, что общество должно выделять большую долю своих ресурсов на обеспечение будущего, чем было бы возможно выделять на основе решений индивидов, принимаемых по отдельности. Или, как это часто формулируется, будущие потребности общество должно оценивать выше (или дисконтироваться по более низкой ставке процента), чем это делают индивиды. Если это утверждение справедливо, то оно оправдывает централизованное планирование большей части хозяйственной деятельности. Однако за ним не стоит ничего, кроме произвольных суждений его сторонников.

В свободном обществе оснований освобождать индивидов от ответственности за будущее не больше, чем заявлять, что предыдущие поколения должны были лучше о нас заботиться. Подобная позиция не становится убедительнее от часто повторяемого ложного аргумента, что, поскольку государство может брать кредиты по более низкой ставке, у него больше возможностей позаботиться о будущих потребностях. Это заблуждение, потому что преимущество государства в этом отношении сводится исключительно к тому факту, что риск неудачи сделанных им инвестиций ложится не на него, а на налогоплательщика; на самом деле, в том, что касается оценки оправданности конкретных инвестиций, риски здесь ничуть не меньше. Но государства, если их инвестиции не дадут ожидаемой доходности, имеют возможность поправить свои дела с помощью налогообложения, и в качестве стоимости используемого ими капитала обычно учитываются только фактически выплачиваемые ими проценты, поэтому этот аргумент говорит скорее против государственного инвестирования, чем в его пользу.

Утверждение, что государство обладает высшим знанием, поднимает еще более сложную проблему. Нельзя отрицать, что государство осведомлено о фактах, касающихся будущего развития, лучше, чем частные собственники природных ресурсов. Многие из недавних достижений науки свидетельствуют об этом. Однако всегда будет существовать еще больший объем знаний об особых обстоятельствах, которые необходимо учитывать при принятии решений, касающихся конкретных ресурсов, и которыми будут обладать только частные собственники, а их никогда не удастся сосредоточить под эгидой единого органа власти. Таким образом, если верно, что государство может знать некоторые факты, которые мало кому еще известны, не менее верно и то, что оно неизбежно не знает еще больше важных фактов, известных другим. Мы можем свести воедино все знание, необходимое для решения конкретных проблем, только распространяя вниз по цепочке доступные государству общие знания, а не собирая вместе частные знания, доступные отдельным индивидам. Пожалуй, нам не найти примеров, когда

власть лучше всех знала бы все факты, которые должны повлиять на некое конкретное решение; и хотя государство может во всей полноте сообщить собственникам конкретных ресурсов более общие соображения, которые им следует принимать во внимание, ему не по силам усвоить всевозможные факты, известные только индивидам.

С особой наглядностью это проявляется там, где проблема касается темпов потребления запасов полезных ископаемых. Разумное решение предполагает рациональную оценку будущего движения цен на этот вид сырья, что в свою очередь, зависит от прогноза будущего технологического и экономического развития — прогноза, который скромный владелец небольшого месторождения обычно сделать не в состоянии. Но это не означает, что рынок не заставит каждого собственника действовать так, как если бы он точно учитывал все эти соображения, или что такие решения не следует предоставить владельцам, которые одни только знают многие обстоятельства, определяющие текущую полезность конкретных месторождений. Хотя им обычно мало что известно о перспективах будущего развития, на их решения повлияют знания других, которые избрали своим делом оценку этих перспектив и готовы предложить за ресурсы цены, определяемые этими оценками. Если собственник сможет получить больший доход, продавая ресурсы тем, кто хочет сохранить их, а не эксплуатировать их самостоятельно, то он так и сделает. Обычно существует потенциальная продажная цена ресурса, отражающая мнение относительно всех факторов, способных повлиять на его будущую ценность, и в решении, основанном на сравнении дохода от продажи всего месторождения и дохода от его разработки, вероятно, найдет свое отражение больше релевантного знания, чем в любом решении центральной власти.

Что касается редких природных ресурсов, то было не раз продемонстрировано, что их разработка растягивается во времени в результате монополизации и что это, пожалуй, единственный случай, когда в условиях свободной экономики такие монополии могут сформироваться и быть устойчивыми¹³. Я не во всем могу согласиться с теми, кто использует это как аргумент в пользу подобных монополий, потому что не убежден, что практикуемая монополией менее интенсивная эксплуатация ресурсов более желательна с точки зрения общества. Но для тех, кто выступает за рациональное использование ресурсов, так как считает, что рынок систематически недооценивает будущие потребности, монополии, которые с большой вероятностью спонтанно складываются в таких случаях, становятся искомым ответом.

8. Однако аргументация в пользу охраны природных ресурсов опирается по большей части на ничем не оправданные предрассудки. Ее сторонники

---

¹³ См.: *Mises L. von. Socialism*. New Heaven: Yale University Press, 1951. P. 392 [*Мизес Л. фон. Социализм*. М.: Catallaxy, 1993. С. 252–253]; *Scott A. Natural Resources*. Toronto: University of Toronto Press, 1955. P. 82–85.

считают само собой разумеющимся, что поток услуг, обеспечиваемый конкретным ресурсом в каждый момент времени, весьма желателен и что соответствующий темп производства нужно постоянно поддерживать. Хотя они понимают, что в отношении ресурсов типа запаса это невозможно, но если поток выгод от эксплуатации ресурсов типа потока падает ниже того уровня, на котором его можно поддерживать, они воспринимают это как бедствие. Эту позицию часто занимают в вопросах плодородия почв в целом, а также запасов дичи, рыбы и пр.

Чтобы ярче показать суть проблемы, мы рассмотрим наиболее наглядный пример этого предрассудка, и увидим, как большинство людей некорректно принимают ложную аргументацию сторонников движения за охрану природных ресурсов. Речь идет о мнении, что естественное плодородие почв следует поддерживать при всех обстоятельствах, а истощения почв следует во всех случаях избегать. Легко показать, что в общем случае эта идея необоснованна и что желаемый уровень плодородия почвы не имеет никакого отношения к изначальному состоянию участка земли. Более того, в определенных случаях «истощение почвы» может отвечать долгосрочным интересам общества не меньше, чем полная выработка какого-либо месторождения минерального сырья.

Плодородие земли создается постепенным накоплением запаса органических веществ, а после того как земля начала обрабатываться, поддерживать его можно, только возвращая в землю сверх того, что из нее взято. В некоторых обстоятельствах желательно наращивать плодородие участка земли с помощью искусственного удобрения до уровня, при котором ежегодные вложения будут возмещены ростом урожайности, в других же обстоятельствах желательно истощить плодородие до уровня, при котором обработка земли все еще выгодна. В некоторых случаях это может даже означать, что стремление к непрерывной обработке участка земли экономически нецелесообразно и что после истощения накопленного естественного плодородия землю следует оставить, потому что в данных географических или климатических условиях ее постоянная обработка невыгодна.

В таких случаях раз и навсегда полностью истощить бесплатный дар природы не более расточительно или предосудительно, чем сделать то же с месторождением полезного ископаемого. Необратимое изменение свойств почвы может иметь, разумеется, и другие известные или вероятные последствия, и они должны учитываться: например, в результате временной обработки она может утратить ранее присущие ей свойства или потенциальные возможности, которые могли бы быть использованы в других целях. Но это отдельная проблема, которая нас здесь не интересует. Нас интересует исключительно анализ представления о том, что при любых возможных обстоятельствах поток услуг, получаемых от любого природного ресурса, следует поддерживать на максимально достижимом уровне. Это может оказаться справедливым в некоторых случаях из-за совпадения, но никогда не будет обоснованным в силу

соображений, касающихся свойств конкретного участка земли или какого-то другого ресурса.

Свойством подобных ресурсов, как и большей части капитала общества, является истощимость, и если мы хотим сохранить или повысить доход, мы должны быть в состоянии заместить всякий полностью использованный ресурс другим, который внесет неменьший вклад в будущий доход. Однако это не означает, что его надо сохранить в его вещественном виде или заменить точно таким же, или даже что мы должны беречь нетронутым общий запас природных ресурсов. Как с общественной, так и с индивидуальной точки зрения каждый отдельный природный ресурс представляет собой лишь одну позицию в общем запасе природных ресурсов, и наша проблема не в том, чтобы сохранить этот запас в определенном состоянии, а в том, чтобы всегда поддерживать его в таком виде, чтобы он давал наиболее желательный вклад в совокупный доход. Существование конкретного ресурса означает лишь то, что пока он есть, его временный вклад в наш доход должен помочь нам в создании новых ресурсов, которые будут аналогичным образом помогать нам в будущем. Обычно это не означает, что мы должны заместить любой ресурс непременно другим того же вида. Одно из соображений, которое мы должны принимать во внимание, заключается в том, что если некий вид ресурсов становится более редким, то и получаемые из него продукты тоже станут в будущем более редкими. Предвидимый рост цен на них, обусловленный растущей нехваткой природного ресурса, станет одним из факторов, определяющих объем инвестиций, которые будут направлены на сохранение этого вида ресурса¹³.

Вероятно, лучшим способом кратко выразить основную мысль будет сказать, что вся охрана природных ресурсов представляет собой инвестиции и должна оцениваться по тем же критериям, что и все другие инвестиции¹⁴. В охране природных ресурсов самой по себе нет ничего такого, что делало бы ее более желательным объектом инвестирования, чем создаваемое человеком оборудование или развитие человеческих способностей; и если общество предвидит истощение своих ресурсов и направляет инвестиции таким образом, чтобы его совокупный доход вырастал настолько, насколько позволяют доступные для инвестирования средства, то нет других экономических оснований для сохранения того или иного вида ресурсов. Если увеличить инвестиции в охрану какого-либо природного ресурса настолько, что доход окажется ниже того, который мог бы принести тот же капитал, примененный как-то по-другому, то и будущий доход окажется ниже, чем мог бы быть. Как было удачно сказано, «сторонник охраны природных ресурсов, требующий от нас „больше оставлять на будущее“, на деле призывает нас меньше оставить своим потомкам»¹⁵.

---

¹³ См. мою монографию: *Hayek F.A. The Pure Theory of Capital*. London: Macmillan, 1941. Ch. 7. P. 85–94. Особенно с. 88, примеч.

¹⁴ См.: *Scott A. Natural Resources*. Toronto: University of Toronto Press, 1955. P. 8.

¹⁵ *Ibid.* P. 97.

9. Хотя большая часть аргументов за государственный контроль частной деятельности в интересах охраны природных ресурсов несостоятельна и хотя в них нет ничего содержательного, кроме доводов в пользу предоставления большего количества информации и знания, ситуация становится совсем иной, если цель — обеспечить людей объектами и возможностями для рекреации, сохранить красоты природы, исторические памятники, места, представляющие собой научный интерес, и т.д. Те виды услуг, которые оказываются широкой публике и для которых характерно, что они дают отдельному бенефициару возможность получать выгоды, за которые с него невозможно взимать соответствующую цену в индивидуальном порядке, а также размеры участков земли, которые обычно в таких случаях требуются, делают эти услуги подходящим полем для приложения коллективных усилий.

Доводы в пользу охраны природных парков, заповедников и т.п. совершенно такие же, как и в случае аналогичных благ, предоставляемых муниципалитетами, хотя и в меньшем масштабе. Можно многое сказать о желательности того, чтобы эти услуги по возможности предоставлялись добровольными организациями, такими как Национальный фонд в Великобритании, а не посредством применения государством своих полномочий по осуществлению принуждения. Но нет возражений и против того, чтобы этим занималось государство, когда оно оказывается владельцем соответствующего участка земли, или когда оно покупает ее за счет налоговых средств, или даже когда выкупает ее в принудительном порядке, если только общество одобряет это, точно зная обо всех издержках и отдавая себе отчет, что это лишь одна из альтернативных, конкурирующих между собой целей, а не уникальная цель, заставляющая забыть обо всех остальных нуждах. Если налогоплательщик знает, сколько ему придется заплатить, и ему принадлежит последнее слово в решении, то об этих проблемах в целом сказать больше нечего.

Образование и научные исследования

Общее казенное воспитание ведет к тому, чтобы сделать всех людей похожими друг на друга, сформировать всех на один образец, и именно на тот, который нравится господствующей власти, и все равно, будет ли это власть монарха, духовенства, аристократии, или большинства существующего поколения, во всяком случае, чем она могущественнее, тем с большим деспотизмом властвует она над умами и естественным образом тяготеет к тому, чтобы подчинить этому деспотизму и самое тело.

— Джон Стюарт Милль

1. Знание — это, пожалуй, главное благо из числа тех, которые можно приобрести за ту или иную цену, но те, кто им не обладает, часто не могут осознать, насколько оно полезно. Еще важнее, что доступ к источникам знаний, необходимых для функционирования современного общества, предполагает определенные умения — прежде всего умение читать, — которыми люди должны овладеть до того, как смогут сами судить о том, что им полезно. Хотя наша аргументация в пользу свободы в значительной мере основывается на утверждении, что конкуренция — один из самых мощных инструментов распространения знания и что она обычно демонстрирует ценность

— *Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 95 [Милль Дж.С. О свободе // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 384–385].* Ср. также с тем, что сказал о той же проблеме через девяносто пять лет Бертран Рассел в своей лекции: «Государственное образование в странах, где приняты принципы [Фихте], в той мере, в какой оно было успешным, порождает стадо невежественных фанатиков, готовых по приказу ввязаться в войну или устроить гонения, если от них это потребуется. Зло это настолько велико, что мир был бы лучше (по крайней мере, по моему мнению), если бы государственное образование так никогда и не было создано» (*Russell B. John Stuart Mill // Proceedings of the British Academy. 1955. Vol. 41. P. 57*). См. также директиву, изданную одним из наполеоновских министров: «Образование должно наделять всех индивидов, живущих в одном и том же обществе, одинаковыми знаниями и принципами, чтобы они все вместе составляли единый организм, одушевляемый одним и тем же пониманием вещей и работающий на общее благо, опираясь на единство взглядов и стремлений» (цит. по: *Geyl P. The Revolt of the Netherlands, 1555–1609. London: Williams and Norgate Ltd., 1932. P. 140*).

знания тем, кто им не обладает, нет сомнений, что широкое использование знания требует осознанных усилий. Незнание — одна из главных причин, почему усилия людей часто направляются не на то, чтобы принести наибольшую пользу ближнему; и по самым разным причинам общество заинтересовано в том, чтобы знание было доведено и до тех людей, которые сами не имеют стимула искать его или идти ради его приобретения на какие-либо жертвы. Эти причины особенно убедительны в отношении детей, но ряд аргументов в неменьшей мере применим и ко взрослым.

Что касается детей, то важно, что они, разумеется, еще не являются ответственными индивидами, к которым полностью применим аргумент о необходимости свободы. Хотя обычно забота родителей или опекунов о телесном и умственном благополучии детей осуществляется в интересах самих детей, это не означает, что родители должны иметь неограниченную свободу обращаться с детьми, как им заблагорассудится. Другие члены общества тоже искренне заинтересованы в благополучии детей. Общество вправе требовать от родителей или опекунов, чтобы те обеспечивали своим воспитанникам некоторый минимум образования¹.

В современном обществе довод в пользу обязательного образования в рамках некоего минимального стандарта имеет двусторонний характер. Существует общий аргумент, согласно которому все мы будем подвергаться меньшим рискам и получим больше пользы от ближних, если они будут разделять с нами определенные базовые знания и убеждения. А в стране с демократическими институтами существует и другое важное соображение: там, где часть народа неграмотна, демократия вряд ли возможна, разве что в рамках местного самоуправления на самом низком уровне².

---

¹ См.: «Относительно же отношений к детям мы встречаем столь превратные понятия о свободе, что эти понятия составляют действительное препятствие для исполнения государством его обязанностей. Можно подумать, что и в самом деле дети буквально составляют часть своего отца, а не только метафорически, — до такой степени враждебно люди смотрят на малейшее вмешательство закона в неограниченную и исключительную власть родителей над детьми; они относятся к такого рода вмешательству, можно сказать, даже враждебнее, чем к какому бы то ни было вмешательству в то, что касается только их самих: они вообще ценят власть гораздо выше, чем свободу. Возьмем для примера хоть воспитание. Не составляет ли это такую аксиому, которая почти очевидна сама по себе, что государство обязано требовать и даже принуждать, чтобы все человеческие существа, родящиеся его гражданами, получали хотя бы некоторое воспитание? <...> Если бы правительство признало своей обязанностью требовать, чтобы все дети получали хорошее воспитание, то этим самым оно избавило бы себя от всяких забот о доставлении воспитания. Но могло бы тогда предоставлять родителям полную свободу воспитывать своих детей, где и как хотят, и должно было бы только помогать недостаточным людям нести издержки на воспитание, или же, смотря по обстоятельствам, брать эти издержки на себя. Те совершенно основательные возражения, которые обыкновенно делаются против государственного вмешательства в дело воспитания, относятся не к обязанности воспитания, а к тому, когда государство берет воспитание непосредственно на самого себя. Но казенное воспитание и обязательное воспитание — это две вещи, совершенно различные» (*Mill J.S. On Liberty // Idem. On Liberty and Considerations on Representative Government / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 94–95 [Милль Дж.С. О свободе // О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М.: Наука, 1995. С. 383–384]*).

² Исторически большинство государств сделали образование обязательным, потому что этого требовала всеобщая воинская повинность, а не всеобщее избирательное право. Важно также, что, говоря словами Макса Поленца, «es unter den Bürgern des alten Athen keine Analpha-

Важно понять, что всеобщее образование — не единственный и, пожалуй, даже не главный способ передачи знания. Люди нуждаются в общих ценностных стандартах и, хотя если чрезмерно упираться на эту потребность, то можно получить весьма нелиберальные последствия, без таких стандартов мирное совместное существование явно было бы невозможным. Если в сложившихся обществах с преимущественно коренным населением эта проблема сейчас уже почти не возникает, то, как показывает пример США в период массовой иммиграции, бывает и по-другому. Представляется совершенно определенным, что США не стали бы столь эффективным «плавильным котлом» и, вероятно, столкнулись бы с крайне серьезными проблемами, если бы не проводившаяся через государственную систему школьного образования сознательная политика «американизации».

Однако тот факт, что образование должно направляться определенными ценностями, — источник настоящих опасностей для любой системы государственного образования. Следует признать, что в этом отношении большинство либералов XIX века руководствовались чрезмерной и наивной самоуверенностью, переоценивая то, чего можно достичь простым распространением знаний. В своем рационалистическом либерализме они часто представляли общее образование так, будто распространение знаний решит все основные проблемы, и достаточно только передать массам немного дополнительных знаний, которыми уже обладают образованные люди, и эта «победа над невежеством» станет началом новой эпохи. У нас нет особых оснований думать, что если бы когда-нибудь все ценные знания стали достоянием всех, общество в результате сделалось бы лучше. Знание и незнание — очень относительные понятия, и нет никаких доказательств, что различие между знаниями более образованных и менее образованных, которое имеет место в то или иное время, может оказывать решающее влияние на его характер.

2. Если принять основной аргумент в пользу обязательного образования, остаются следующие главные проблемы. Как должно предоставляться такое образование? Какое образование должно быть обязательным для всех? Как отбирать тех, кто получит дополнительное образование, и кто будет его оплачивать? Вероятно, необходимое следствие перехода к системе обязательного образования — оплата обучения из государственных фондов тем семьям, для которых соответствующие расходы будут тяжелым бременем. Однако остается еще вопрос о том, сколько образования должно предоставляться за государственный счет и каким образом оно должно предоставляться. Это правда, что исторически обязательному

---

beten gegeben haben soll, obwohl dessen „freie Demokratie jede Einmischung in das Privatleben [vermied]. Es gab keinen Schulzwang und keine staatlichen Schulen“] [«Можно предположить, что среди граждан древних Афин не было неграмотных, хотя их „свободная демократия избегала и всякого вмешательства в частную жизнь. Там не было ни принудительного образования, ни государственных школ“»] (*Pohlenz M. Griechische Freiheit. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1955. P. 42*).

образованию обычно предшествовало то, что государство расширяло возможности, открывая государственные школы. Самые ранние эксперименты с переходом к обязательному образованию, проводившиеся в Пруссии в начале XVIII века, были, действительно, ограничены теми районами, где раньше правительство открыло школы. Несомненно, это очень облегчило переход к всеобщему образованию. Было бы трудно заставить получать образование людей, незнакомых с соответствующими институтами и преимуществами. Однако это не означает, что обязательное образование или даже финансируемое государством всеобщее образование сегодня требует, чтобы государство владело и управляло образовательными учреждениями.

Любопытно, что одна из первых эффективных систем, в которых обязательное образование сочеталось с тем, что большинство образовательных учреждений обеспечивалось государством, была создана одним из великих защитников свободы личности, Вильгельмом фон Гумбольдтом, всего через пятнадцать лет после того, как он написал, что государственная система образования вредна, так как препятствует разнообразию в достижениях, и не нужна, так как в свободной стране не будет недостатка в образовательных учреждениях. «Поэтому мне кажется, что общественное воспитание, — писал он, — лежит вполне вне границ, в которых государство должно удерживать свою деятельность»³. Только затруднительное положение Пруссии в период наполеоновских войн и потребности обороны страны заставили его отказаться от прежней позиции. Желание увидеть «всестороннее развитие каждого отдельного человека», вдохновлявшее его прежде, отошло на задний план, когда стремление к сильному регулярному государству заставило его посвятить большую часть остатка своей жизни созданию системы государственного образования, которая стала эталоном для всего мира. Вряд ли можно отрицать, что общий уровень образования, достигнутый Пруссией, был одной из главных причин быстрого экономического подъема в ней самой, а потом и во всей Германии. Однако возникает и вопрос: не был ли успех куплен слишком дорогой ценой? Роль, которую сыграла Пруссия в последующих поколениях, может породить сомнения, такое уж бесспорное благо миру, да и самой Пруссии, дал прославленный прусский учитель.

Из-за самого масштаба влияния на умы людей, которым высокоцентрализованная и управляемая государством система образования наделяет власти, не стоит принимать ее слишком охотно. До некоторой степени аргументы за обязательное образование также требуют, чтобы государство

---

³ *Humboldt W. von. Über die Ideen zu einem Versuch die Grenzen der Wirksamkeit des Staates.* Nuremberg: Verlag Hans Carl, 1946 (написано в 1792-м, но впервые опубликовано целиком в Бреслау в 1851 году под заглавием: «Ideen zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen»). Ch. 6 (заключительное предложение резюме, помещенного в начале главы). (В английском переводе: *Humboldt W. von. The Sphere and Duties of Government.* London: John Chapman, 1854. P. 71 [*Гумбольдт В. фон. Опыт установления пределов государственной деятельности.* Челябинск: Социум; М.: Три квадрата, 2003. С. 62. Следующая цитата на с. 58]).

отчасти определяло программу этого образования. Как мы уже отметили, бывают обстоятельства, в которых доводы в пользу того, чтобы власть обеспечила общую культурную основу для всех граждан, оказываются очень вескими. Но мы должны помнить, что именно государственная система образования создает такие проблемы, как сегрегация негров в США, — трудноразрешимые проблемы этнических или религиозных меньшинств, которые не могут не возникнуть, когда государство берет в свои руки контроль над главными инструментами трансляции культуры. В многонациональных государствах вопрос о том, кто должен контролировать школьное образование, порой становится главным источником напряжения между национальностями. Для того, кто наблюдал, как это происходило в таких странах, как бывшая Австро-Венгерская империя, аргумент, что лучше пусть некоторые дети останутся без формального образования, чем их убьют в борьбе за контроль над образованием, представляется очень убедительным⁴.

Однако даже в этнически однородных государствах существуют веские аргументы против того, чтобы доверить государству такую степень контроля над содержанием образования, которую оно получает, когда непосредственно управляет большинством школ, доступных широким массам. Даже если бы образование было наукой, снабжающей нас лучшими методами достижения определенных целей, вряд ли мы захотели бы, чтобы новейшие методы были обязательны для всех и абсолютно исключали все другие — и еще меньше захотели бы единообразия целей. При этом очень немногие из проблем образования имеют научный характер в том смысле, что могут быть решены на основании каких-либо объективных критериев. Они, как правило, представляют собой или вопросы ценностей в чистом виде, или по меньшей мере такие вопросы, в которых единственным основанием доверять суждению одних людей, а не других, служит то, что первые проявили больше здравого смысла в других отношениях. Действительно, даже сама возможность, что в системе государственного образования все начальное обучение попадет под влияние одной группы, искренне верящей, что обладает научными ответами на эти вопросы (как это во многом и произошло в США в последние тридцать лет), должна предостеречь нас от опасности, возникающей при подчинении всей системы образования централизованному управлению.

3. На самом деле, чем более сильной мы считаем власть, которую может иметь образование над умами людей, тем сильнее мы должны быть убеждены в том, как опасно отдавать эту власть в одни руки. Но даже если не оценивать способность образования приносить добро так высоко, как это делали некоторые либералы-рационалисты XIX века, простое признание

---

⁴ Ср.: *Mises L. von. Nation, Staat und Wirtschaft: Beiträge zur Politik und Geschichte der Zeit.* Vienna; Leipzig: Manzschner Verlag, 1919 [*Мизес Л. фон. Нация, государство и экономика* // Он же. Политическая экономия войны и мира. Челябинск: Социум, 2007].

реальности его власти должно привести нас к выводам, почти полностью противоположным тем, к которым пришли они. И если в настоящее время одной из причин необходимости максимального разнообразия образовательных возможностей является то, что мы очень мало знаем о том, чего можно достичь с помощью разных методов образования, аргумент в пользу их многообразия станет еще более веским, когда мы узнаем больше о методах достижения определенных результатов, — а это может случиться уже скоро.

В области образования, вероятно, больше, чем в любой другой, величайшей угрозой свободе станет развитие психологических методов, которые совсем скоро могут дать нам невиданную прежде способность целенаправленно формировать сознание людей. Хотя знание о том, что можно сделать из людей, умея контролировать основные условия их развития, — страшное искушение, однако не факт, что с его помощью нам удастся усовершенствовать людей лучше, чем в условиях свободного развития. Нет никакой уверенности, что мы окажемся в выигрыше, если научимся создавать такие типы людей, которые, по общему мнению, нам нужны. Вполне вероятно, что вскоре главной проблемой в этой области будет предотвращение использования власти, которой мы уже обладаем и которая может быть сильнейшим искушением для всех, кто считает контролируемые результаты неизменно лучше неконтролируемых. И действительно, мы вскоре можем обнаружить, что решение должно заключаться в том, чтобы государство перестало быть главным поставщиком образования и сделалось главным защитником индивида от всех применений этой вновь обретенной власти.

Сегодня не только доводы против государственного управления школами более убедительны, чем когда-либо, — но исчезло и большинство аргументов, приводившихся в прошлом в его пользу. Что бы ни было верным тогда, но сегодня, когда традиции и учреждения всеобщего образования прочно укоренились, а современный транспорт позволяет решать большинство проблем, связанных с расстоянием, несомненно отпала необходимость в том, чтобы государство не только финансировало, но и производило услуги образования.

Как показал профессор Милтон Фридман⁵, если дать родителям ваучеры, покрывающие расходы на образование каждого ребенка, которыми они смогут расплатиться с любой школой на их выбор, то сегодня можно оплачивать общее образование из казенных средств и обойтись при этом без казенных школ. Однако было бы желательно, чтобы государство напрямую содержало школы в небольших изолированных общинах, где детей очень

---

⁵ *Friedman M. The Role of Government in Education // Economics and the Public Interest / Ed. by R.A. de Solo. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1955. P. 123–144 [Фридман М. Роль государства в сфере образования // Он же. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 110–132]; а также: *idem. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 1962 [Он же. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006].**

мало (и поэтому средние расходы на обучение очень велики) для содержания частных школ. Но в отношении подавляющего большинства населения, несомненно, есть возможность полностью предоставить организацию и управление образованием частной инициативе, а на государство возложить предоставление базового финансирования и обеспечение гарантированного минимального образовательного стандарта в школах, имеющих право принимать ваучеры. Еще одно огромное преимущество этого плана состоит в том, что родители не будут стоять перед альтернативой: либо принимать государственное образование независимо от его качества, либо самим оплачивать все издержки, связанные с другим и несколько более дорогим частным образованием; у них появится возможность в случае выбора нестандартной школы оплачивать только разницу в затратах на обучение.

4. Труднее решить вопрос о том, какой объем образования должен предоставляться за государственный счет и кто должен получать образование за государственный счет сверх гарантированного для всех минимума. Вряд ли можно сомневаться, что те, чей вклад в удовлетворение общих нужд увеличивается по мере получения ими дополнительного образования на большую величину, чем соответствующие издержки, всегда будет составлять лишь малую долю населения. И, вероятно, бесспорно, что мы не располагаем методами, позволяющими заранее определить, кто из молодых людей способен извлечь наибольший эффект из дополнительного образования. Кроме того, что бы мы ни делали, неизбежно получится так, что многие из тех, кто получит высшее образование, впоследствии будут пользоваться материальными преимуществами по сравнению с другими лишь потому, что кто-то счел оправданным инвестировать в их образование, а не потому, что они больше старались или своими природными способностями превосходят остальных.

Мы не останавливаемся здесь на вопросе об объеме образования, которое должно предоставляться всем, и о продолжительности обучения в школе. Отчасти ответ будет зависеть от особых обстоятельств, таких как богатство общества, характер его экономики и, возможно, даже климатические условия, от которых зависит возраст полового созревания. В более богатых обществах вопрос состоит уже не в том, какое обучение повысит экономическую эффективность, а в том, чем занять детей до того, как им будет позволено самостоятельно зарабатывать на жизнь, причем занять их таким образом, чтобы это помогло им впоследствии лучше использовать свой досуг.

По-настоящему важен вопрос о том, как выбирать тех, чье образование должно быть продолжено сверх общего минимума. Расходы на образование, продолжающееся после окончания школы, в плане материальных и, в еще большей мере, людских ресурсов настолько велики даже для богатых стран, что желание дать высшее образование большему числу людей всегда будет в известном конфликте с желанием увеличить продолжительность обязательного всеобщего образования. Представляется также

вероятным, что общество, желающее получить максимальную экономическую отдачу от ограниченных затрат на образование, должно давать хорошее образование сравнительно малочисленной элите⁶, а сегодня это означает увеличение доли населения, получающего самое лучшее образование, а не увеличение продолжительности обязательного обучения для многих. Однако с государственной системой образования это кажется неосуществимым при демократии, да и нежелательно, чтобы власти определяли, кто должен получать такое образование.

Как и во всех других областях, аргументы в пользу субсидий на получение высшего образования (и проведение исследований) должны опираться не на выгоды получателя, а на преимущества, которые из этого извлекает общество в целом. Поэтому мало оснований для субсидирования любого профессионального обучения, в результате которого более высокие профессиональные навыки открывают перспективы для более высоких заработков, что служит вполне адекватным измерителем целесообразности инвестирования в такого рода образование. Достигнутый благодаря образованию рост заработка можно по большей части рассматривать как доход на инвестированный в обучение капитал. Наилучшее решение, по-видимому, будет состоять в том, что в случаях, когда инвестиции обещают наибольшую доходность, люди смогут получать заемный капитал на образование, а потом возвращать его из своих возросших заработков — хотя при таком подходе неизбежны существенные практические трудности⁷.

Однако несколько иная ситуация складывается, когда расходы на высшее образование не сулят соответствующего роста цены, по которой услуги хорошо подготовленного человека могут быть проданы другим индивидам (как это имеет место в случае врачей, юристов, инженеров и т.д.), — когда целью является распространение и получение новых знаний на благо общества в целом. Выгоды, которые приносят обществу ученые, работающие в естественных и гуманитарных науках, не могут быть измерены ценой, по которой эти люди способны продать свои услуги, поскольку большая часть их вклада становится бесплатным достоянием всех. Поэтому есть веские основания, чтобы помогать хотя бы некоторым из тех, кто демонстрирует склонность и способность к такого рода исследовательской работе.

Но совсем другое дело утверждать, что право на получение высшего образования имеют все, кто наделен соответствующими интеллектуальными способностями. Ником образом не очевидно, что общество в целом заинтересовано в обучении каждого, кто обладает особыми интеллектуальными способностями, или что все они окажутся в материальном выигрыше, получив такое образование, или даже что такое образование должны

---

⁶ Ср.: *Stigler G.J.* The Economic Theory of Education (неопубликованная статья). [Написана в 1957 году. — *Ред.*]

⁷ См. заслуживающие тщательного анализа интересные предложения Милтона Фридмана, выдвинутые им статье: *Friedman M.* The Role of Government Education // *Economics and the Public Interest*. New Brunswick, NJ, 1955, хотя их реализуемость на практике может вызвать сомнение.

получать только те, кто наделен бесспорными способностями, и что оно должно стать обычным или, возможно, исключительным путем к более высокому положению. Как было недавно отмечено, если бы все интеллектуально одаренные люди целенаправленно и успешно возводились в ряды состоятельных и стало бы не только предположением, но и несомненным фактом, что относительно более бедные отличаются невысоким интеллектом, то это привело бы к гораздо более резкому классовому делению, чем сейчас, и крайнему пренебрежению по отношению к менее удачливым. Нельзя забывать и еще об одной проблеме, уже ставшей достаточно серьезной в некоторых европейских странах, — избытка интеллектуалов, которых общество не в состоянии занять с пользой для себя. Мало что представляет бóльшую опасность для политической стабильности, чем класс пролетариев умственного труда, не способных найти применения своим знаниям.

Таким образом, в сфере высшего образования перед нами стоит следующая общая проблема: нужно каким-то образом отбирать молодых людей для получения образования, которое позволит им зарабатывать больше остальных, и производить этот отбор в том возрасте, когда невозможно сколь-нибудь определенно сказать, кто из них получит от этого наибольшую пользу; а чтобы инвестирование в образование было оправданным, нужно их отбирать так, чтобы они в целом были способны получать от своей деятельности более высокие доходы. Наконец, нужно принять и тот факт, что поскольку, как правило, за образование этих людей должен будет платить кто-то другой, они приобретают «незаработанные» преимущества.

5. В последнее время трудности, связанные с этой проблемой, очень возросли, и ее разумное решение стало почти невозможным из-за все более широкого применения государственного образования в качестве инструмента эгалитаризма. Хотя можно привести аргументы в пользу того, чтобы возможность получения высшего образования обеспечивалась тем людям, кому оно с наибольшей вероятностью может принести пользу, государственный контроль в сфере образования был использован в значительной мере для обеспечения равных перспектив всем, а это нечто совсем иное. Хотя эгалитаристы обычно отвергают обвинение, что их цель — механическое равенство, которое лишило бы некоторых людей тех преимуществ, которые не могут быть обеспечены всем, в области образования тенденция, несомненно, именно такая. Этот эгалитаристский подход редко бывает выражен так явно, как во влиятельном трактате Р.Г. Тоуни «Равенство», где автор доказывает, что было бы несправедливо «менее щедро тратить на обучение тугодумов, чем сообразительных»⁸. Но эти два противоположных желания — выравнивание возможностей и приспособление возможностей

---

⁸ *Tawney R.H. Equality: 1929. London: Allen and Unwin, 1931 (= Halley Stewart Lectures). P. 52.*

к способностям (что, как известно, не имеет отношения к достоинствам или заслугам в каком бы то ни было моральном смысле) — повсюду путают между собой.

Следует признать, что, когда речь идет об образовании за государственный счет, аргумент в пользу равного отношения ко всем очень убедителен. Однако, если его взять вместе с аргументом против допустимости каких-либо преимуществ для более одаренных, то, по сути дела, получится, что каждому ребенку должно даваться то же самое, что и каждому другому, и что никто не должен получать того, что не может быть предоставлено всем. Если действовать последовательно, это будет означать, что на образование любого ребенка следует тратить не больше, чем может быть истрачено на образование каждого другого. Если бы именно таким было необходимое следствие государственного характера образования, то это послужило бы убедительным аргументом против того, чтобы государство занималось каким-либо образованием, кроме начального, которое действительно может быть предоставлено всем, и в пользу того, чтобы все последующее обучение оно передало в частные руки.

В любом случае тот факт, что определенные преимущества неизбежно предоставляются лишь некоторым, не означает, что какой-либо орган власти должен иметь исключительное право решать, кому они достанутся. Маловероятно, что такие полномочия в руках власти в долгосрочной перспективе могут привести к улучшению образования или что они создадут в обществе условия, которые будут восприниматься как более адекватные или справедливые, чем в противном случае. Что касается адекватности, то должно быть ясно, что ни у каких властей не должно быть монопольного права выносить суждения о том, какова ценность того или иного конкретного типа образования и сколько должно быть вложено в расширение образования или в разные его типы. Не существует — и не может существовать в свободном обществе — единого стандарта для оценки относительной важности разных целей или относительной желательности разных методов. Пожалуй, ни в какой другой области постоянное наличие альтернативных путей не имеет такого значения, как в образовании, задача которого — подготовка молодых людей к жизни в постоянно меняющемся мире.

Что же касается справедливости, нужно четко понимать, что те, кто с точки зрения общих интересов больше всего «заслуживает» углубленного образования, не обязательно являются теми, кто имеет в результате своих усилий и жертв больше субъективных заслуг. Природные способности и врожденная склонность — такие же «несправедливые преимущества», как и случайные факторы окружения, и если сделать высшее образование достоянием только тех, от кого уверенно можно ожидать, что они извлекут из него наибольшую выгоду, мы наверняка не уменьшим, а увеличим расхождение между экономическим положением и субъективными заслугами.

Желание избавиться от всякого влияния случайностей, которое лежит в основе требований «социальной справедливости», в области образования,

как и в любой другой, можно удовлетворить, только исключив все возможности, которые не поддаются сознательному контролю. Но ведь рост цивилизации происходит главным образом благодаря тому, что индивиды умеют наилучшим образом использовать разного рода случайности, с которыми им приходится сталкиваться, и тому, что один получает непредсказуемые по своей природе преимущества перед другими благодаря тому виду знания, которым обладает.

Сколько бы похвальны ни были мотивы тех, кто страстно желает, чтобы — в интересах справедливости — все могли иметь на старте равные шансы, их идеал попросту невозможно реализовать. Более того, любые иллюзии по поводу того, что он уже достигнут или что к нему удалось приблизиться, могут привести только к ухудшению положения тех, кто меньше преуспел. Несмотря на то что все говорит в пользу устранения специальных препятствий, которые существующие институты могут возводить на пути некоторых людей, невозможно и нежелательно, чтобы на старте все имели равные шансы, поскольку этого можно достичь, только лишив людей тех возможностей, которые не могут быть предоставлены всем. Мы желаем, чтобы возможности каждого были максимально велики, но при этом мы наверняка уменьшим возможности большинства, если не позволим им быть хоть сколько-нибудь большими, чем у самых невезучих. Утверждение, что все живущие в одно время в одной стране должны начинать с одинаковых позиций, не более совместимо с развитием цивилизации, чем утверждение, что этот вид равенства должен быть гарантирован людям, живущим в разное время или в разных местах.

Общество может быть заинтересовано в том, чтобы те, кто обладает исключительными способностями к естественным или гуманитарным наукам, получали возможность развивать их независимо от обеспеченности семьи. Но из этого не следует, что у кого-либо есть право на получение таких возможностей. Это вовсе не означает, что пользоваться такими возможностями должны лишь те, чьи исключительные способности могут быть установлены, или что никто не должен иметь таких возможностей, пока они не будут гарантированы всем, кто прошел одинаковые объективные испытания.

Не все качества, позволяющие тому или иному человеку внести особый вклад, могут быть выявлены в ходе экзаменов или испытаний, и более важно, чтобы по меньшей мере некоторые из обладающих подобными качествами имели соответствующие возможности, чем чтобы эти возможности были обеспечены всем, кто отвечает установленным требованиям. Страстное стремление к знаниям или необычное сочетание интересов могут быть важнее, чем более заметные дарования или поддающиеся проверке способности; причем базовые общие знания и интересы, а также уважительное отношение к знаниям, привитое семейным окружением, часто больше способствуют достижениям, чем природные дарования. То, что существует некоторое число людей, которые пользуются преимуществами благоприятной семейной атмосферы, — общественное достояние, которое может быть

легко уничтожено эгалитаристской политикой, но его невозможно использовать так, чтобы это не принимало видимость незаслуженного неравенства. А поскольку стремление к знаниям, как правило, передается в семье, есть серьезные доводы в пользу того, чтобы родители, заботящиеся об образовании детей, могли обеспечить его ценой материальных жертв, даже если по другим критериям эти дети могут показаться менее заслуживающими поддержки, чем другие⁹.

6. Настоячивое требование, чтобы образование получали только те, чьи способности доказаны, создает ситуацию, в которой все население оказывается ранжированным в соответствии с неким объективным тестом и доминирует одно-единственное мнение о том, какого рода люди имеют право получать преимущества, связанные с высшим образованием. Это означает официальное выстраивание людей в иерархию, наверху которой находится признанный гений, а внизу — признанный идиот; и, что еще хуже, предполагается, что эта иерархия отражает «заслуги» или «достоинства» и определяет доступ к возможностям, представляющим очевидную ценность. Там, где исключительная опора на государственную систему образования призвана служить «социальной справедливости», повсеместно навязывается единое представление о том, что такое высшее образование и какие способности открывают дорогу к нему, и будет полагаться, что если кто-то получил высшее образование, то, значит, он его «заслужил».

В образовании, как и в других областях, тот факт, что общество заинтересовано помогать некоторым людям, не означает, что только те, кто согласно неким общим представлениям заслуживает помощи из государственных фондов, должны получить доступ к высшему образованию или что никому не должно быть позволено помогать конкретным индивидам на других основаниях. Вероятно, можно много всего сказать в пользу того, что отдельным членам каждой из различных групп населения нужно давать шанс, даже если лучшие представители одних групп, как кажется, менее заслуживают этого, чем члены других групп, его не получающие. По этой причине различные местные, религиозные, профессиональные или этнические группы должны иметь возможность помогать своим молодым членам, и в результате число представителей каждой группы, получивших высшее образование, будет в некоторой степени пропорционально тому, насколько в ней пользуется уважением образование как таковое.

---

⁹ В нынешних условиях никак не решается проблема, время от времени возникающая, когда молодой человек страстно стремится к знаниям, но лишен сколь-нибудь заметных талантов в изучаемых стандартных предметах. С таким желанием следовало бы считаться намного больше, чем это делают сейчас, а возможность окончить колледж на деле не решает этой проблемы на более высоком уровне. Мне всегда казалось, что существуют серьезные аргументы в пользу институтов, которые выполняли бы функции, в прошлом выполнявшиеся монастырями: в них те, кто к этому стремится, ценой отказа от удобств и удовольствий мирской жизни получали бы возможность посвятить весь период становления личности приобретению знаний.

По меньшей мере сомнительно, что общество, в котором образовательные возможности предоставляются в соответствии с предполагаемыми способностями, окажется более терпимым к людям не преуспевшим, чем то, в котором большую роль играют случайности рождения. В Великобритании, где послевоенная реформа сильно продвинула образование в сторону системы, основанной на предполагаемых способностях, результаты уже вызывают тревогу. Из результатов недавнего исследования социальной мобильности следует, что сегодня именно «грамматические школы (grammar schools)*» создают новую *elite* — элиту, в которую стало явно труднее проникнуть, потому что она отбирается по принципу „диагностированного интеллекта“. Процесс отбора ведет к увеличению престижа профессий, и без того имеющих высокий статус, и разделяет население на группы, которые многим покажутся, да и уже многими считаются, столь же несхожими, как овцы и козы. Если человек не учился в грамматической школе, это будет более серьезным дисквалифицирующим признаком, чем в прошлом, когда было известно, что в системе образования существует социальное неравенство. И возмущение может стать не менее, а более острым именно потому, что человек не может не признавать, что в процессе отбора, который оставил его за стенами грамматической школы, была определенная обоснованность. В этом отношении очевидная справедливость может оказаться горше несправедливости»¹⁰. Или, как заметил другой британский автор, «неожиданным результатом социального государства явилось то, что оно сделало социальную структуру не менее, а более жесткой»¹¹.

Давайте всеми силами стремиться к расширению возможностей для всех. Но при этом необходимо полностью сознавать, что от расширения возможностей для всех преимущество, скорее всего, получают те, кто в состоянии лучше им воспользоваться, и это на первых порах может вести к росту неравенства. Когда требование «равенства возможностей» ведет к попыткам устранить «несправедливые преимущества», это, скорее всего, принесет только вред. Все различия между людьми, будь то разница в природных способностях или в доступных возможностях, ведут к несправедливым преимуществам. Но поскольку главный вклад любого индивида состоит в том, чтобы наилучшим образом использовать встречающиеся на его пути случайности, успех в значительной мере должен быть делом везения.

---

* Средние общеобразовательные школы в Великобритании, готовящие своих выпускников к поступлению в университет.

¹⁰ Дэвид В. Гласс в изданном им сборнике: *Glass D.V. Introduction // Social Mobility in Britain / Ed. by D.V. Glass. London: Routledge and Kegan Paul, 1954. P. 25–26; см. также рецензию на этот сборник, написанную Адамом Керлом (Curle A. The Scale of Prestige: Review of D.V. Glass, “Social Mobility in Britain” // New Statesman and Nation. 1954. August 14. Vol. 48. P. 190. Col. 2, где высказано предположение, что «образовательная дилемма заключается в том, что желание создать более „открытое“ общество может просто-напросто привести к созданию такого общества, которое, будучи гибким в отношении отдельных индивидов, оказывается так же жестко стратифицированным на основе IQ, как прежнее на основе происхождения». См. также: *Young M. The Rise of Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality. London: Thames and Hudson, 1958.**

¹¹ Сэр Чарльз П. Сноу, цит. по: *Time*. 1957. May 27. P. 106.

7. На самом высшем уровне распространение знаний посредством обучения становится неотделимым от получения новых знаний с помощью научных исследований. Введение в проблемы, находящиеся на переднем крае познания, могут делать только люди, занимающиеся преимущественно исследованиями. В XIX веке университеты, особенно на европейском континенте, развились в институты, где занимались обучением в лучшем случае как побочным продуктом исследований и где студенты овладевали знаниями, работая в области естественных, общественных или гуманитарных наук помощниками творчески активных ученых. С тех пор из-за увеличения объема знаний, которыми необходимо овладеть, чтобы добраться до границ познания, а также из-за умножения числа тех, кто получает университетское образование, не имея намерения когда-либо добраться до этих границ, характер университетов существенно изменился. Сегодня большая часть того, что именуется «университетской работой», по сути дела — просто продолжение школьного обучения. Только аспирантуры или магистратуры — а на деле, только лучшие из них — и сейчас посвящают себя такой работе, которая в прошлом столетии была отличительной особенностью континентальных университетов.

Однако нет оснований думать, что мы больше не нуждаемся в исследовательской работе. До сих пор именно от этого типа деятельности зависит общий уровень интеллектуальной жизни в стране. И если в экспериментальных науках исследовательские институты, в которых получают подготовку молодые ученые, в известной мере удовлетворяют эту потребность, есть опасность, что в некоторых областях гуманитарного знания демократическое расширение образования может навредить той подлинной работе, которая способствует сохранению живого знания.

Пожалуй, сегодня больше оснований тревожиться не о недостаточном количестве специалистов с университетской подготовкой¹², ежегодно выпускаемых западными университетами, а о недостаточном количестве людей с подготовкой действительно высокого качества. И хотя, во всяком случае в США, но все больше и в других странах, ответственность за это лежит главным образом на некачественном школьном образовании и на утилитарном уклоне институтов, озабоченных преимущественно профессиональной подготовкой, не следует забывать о демократических предпочтениях, отдающих приоритет улучшению материальных возможностей для многих перед прогрессом знания, который всегда является делом сравнительно немногих и действительно требует наибольшей поддержки государства.

Причина, по которой до сих пор кажется возможным, что организации вроде старых университетов, посвятившие себя исследованиям и обучению на переднем крае знания, останутся главными источниками нового знания, заключается в том, что только такие организации способны предложить

---

¹² *Blank D.M., Stigler G.J.* The Demand and Supply of Scientific Personnel. New York: National Bureau of Economic research, 1957.

ту свободу выбора задач и те контакты между представителями разных дисциплин, которые обеспечивают наилучшие условия для зарождения и развития новых идей. Каковы бы ни были возможности ускорить прогресс познания в определенном направлении с помощью продуманной организации работ для достижения известной цели, решающие и непредсказуемые шаги в общем прогрессе происходят обычно не когда преследуются конкретные цели, а когда используются те возможности, которые возникли на пути того или иного исследователя благодаря случайной комбинации знаний, талантов, обстоятельств и контактов. Хотя специализированные исследовательские институты могут быть наиболее эффективными в решении всех «прикладных» задач, такие институционализированные исследования всегда носят до некоторой степени направленный характер, обусловленный специализированным оборудованием, составом подобранной команды специалистов и конкретной целью, ради которой институт был создан. Но в «фундаментальных» исследованиях на границе области познания часто нет фиксированных предметов или полей, и решающие успехи нередко достигаются благодаря пренебрежению общепризнанными границами разных дисциплин.

8. Таким образом, проблема наиболее эффективной поддержки прогресса знания тесно связана с вопросом об «академической свободе». Концепции, обозначаемые этим термином, были разработаны в странах европейского континента, где университеты были преимущественно государственными организациями. Поэтому такого рода идеи были направлены почти исключительно против политического вмешательства в работу этих учреждений¹³. Но в действительности вопрос намного шире. Доводы против того, чтобы все исследования планировались и направлялись сенатом, составленным из самых достойных представителей естественных и гуманитарных дисциплин, являются столь же вескими, как и против того, чтобы этим занимались какие-либо внешние органы. Хотя совершенно понятно, что отдельного ученого не может не возмущать, когда в его выбор или в его поиски решения проблем вмешиваются по мотивам, не имеющим, с его точки зрения, никакого отношения к делу, возможно, было бы меньше вреда, если бы существовало множество таких институтов, каждый из которых подвергался бы своей разновидности внешнего давления, чем если бы все они оказались под контролем единого органа, руководствующегося одним-единственным представлением о том, что в данный момент времени больше всего отвечает интересам науки.

Академическая свобода не может, разумеется, означать, что каждому ученому следует делать то, что кажется особенно привлекательным лично

---

¹³ Примечательно, что в Англии, где университеты представляли собой материально независимые корпорации и каждый из них состоял из большого числа самоуправляемых колледжей, вопрос об академической свободе никогда не стоял так остро, как в тех странах, где университеты являлись государственными учреждениями.

ему. И она не означает самоуправления науки как целого. Она означает, что должно быть как можно больше самостоятельных исследовательских центров, чтобы в каждом хотя бы те, кто доказал свою способность получать новое знание и свою преданность делу, могли самостоятельно определять проблемы, на решение которых они направят свою энергию, и чтобы они имели возможность развивать полученные выводы независимо от того, насколько последние приятны их работодателю или обществу в целом¹⁴.

На практике это означает, что те, кто уже зарекомендовал себя в глазах коллег и потому получил ведущее положение, позволяющее им выбирать направление работы для себя и своих подчиненных, должны получать гарантии занятости. Эта привилегия предоставляется по тем же причинам, по каким желательна несменяемость судей, и она предоставляется не в интересах отдельного человека, а потому что, как справедливо считается, такой человек сможет лучше служить общественным интересам, будучи защищенным от давления внешнего мнения. Эта привилегия, разумеется, не абсолютна; она просто означает, что, после того как ее предоставили, ее могут отозвать только по особым основаниям, специально оговариваемым при назначении на должность.

Нет причин, чтобы по мере приобретения нового опыта не менять эти условия при новых назначениях, хотя эти новые условия не могут распространяться на людей, у которых уже есть то, что в США называется *tenure**. Например, недавний опыт подсказывает, что при назначении на постоянную должность условия контракта должны предусматривать, что занимающий эту должность лишается привилегии, если он сознательно поддерживает движение, враждебное принципам, на которых основана эта привилегия, или присоединяется к нему. Терпимость не должна распространяться на пропаганду нетерпимости. Поэтому я думаю, что коммунист не должен получать *tenure*, но если уж он получил эту привилегию без таких оговорок, то этот контракт должен соблюдаться, как и всякий другой.

Однако все это применимо только к особой привилегии в виде постоянной профессорской должности. Помимо соображений, имеющих отношение только к этому случаю, мало оснований и для оправдания правом на свободу своего желания делать что угодно или учить всему, что ему нравится, и для любого жесткого правила, согласно которому любой носитель конкретного мнения должен быть отовсюду исключен. Хотя учреждение, стремящееся к высоким стандартам, вскоре обнаружит, что может привлекать первоклассные таланты, только если предоставит широкое право выбора

---

* Постоянная работа в университете на преподавательской должности, с которой сотрудник не может быть уволен.

¹⁴ Ср.: «Академическая свобода заключается в праве выбирать задачи собственных исследований, проводить исследования, не подвергаясь при этом какому-либо внешнему контролю, и преподавать свой предмет в соответствии со своими представлениями» (*Polanyi M. The Logic of Liberty: Reflections and Rejoinders. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. P. 33*).

целей и мнений даже самым молодым сотрудникам, никто не имеет права на должность не зависимо от его интересов и взглядов.

9. Необходимость защищать учебные заведения от грубого вмешательства политических или экономических интересов сегодня настолько хорошо осознана, что для авторитетных учреждений опасность очень невелика. Но бдительность необходима, особенно в общественных науках, где давление часто оказывают во имя высоких идеалов и одобряемых многими целей. Давление на непопулярные взгляды более вредно, чем оппозиция популярным. Нас, безусловно, должно предостеречь и то, что даже Томас Джефферсон утверждал, что в том, что касается сферы государственного управления, принципы, преподаваемые в университете штата Виргиния, и соответствующие учебные тексты должны предписываться властью, потому что следующий профессор может быть «одним из представителей школы прежнего федерализма»!¹⁵

Но сегодня опасность заключается не столько в открытом вмешательстве извне, сколько в усилении контроля со стороны тех, кто распоряжается деньгами, поскольку растущие финансовые потребности исследователей дают большие возможности для такого контроля. Это реальная угроза интересам научного прогресса, потому что идеал единого централизованного управления всеми научными усилиями разделяют и некоторые ученые. Хотя первая большая атака, организованная в 1930-х годах под сильным марксистским влиянием и во имя планирования науки, была успешно отбита¹⁶, а последовавшие споры помогли лучше осознать важность свободы в этой области, представляется вероятным, что попытки «организовать» научные усилия и направить их на достижение конкретных целей будут в тех или иных формах повторяться.

Заметные успехи России в определенных областях, послужившие причиной нового интереса к целенаправленной организации научных усилий, не должны удивлять нас и служить причиной для отказа от нашего мнения о важности свободы. Нельзя отрицать, что любая цель или любое ограниченное число целей, о достижимости которых уже известно, будут достигнуты быстрее, если им будет отдан приоритет и центральное руководство выделит для этого все необходимые ресурсы. Поэтому тоталитарная организация и бывает более эффективной в коротких войнах и поэтому тоталитарное правительство очень опасно для других, когда у него

---

¹⁵ Томас Джефферсон в письме к Джозефу К. Кабеллу, 3 февраля 1825 года: *The Writings of Thomas Jefferson: Being his Autobiography, Correspondence, Reports, Messages, Addresses, and Other Writings, Official and Private* / Ed. by H.A. Washington. New York: J.C. Riker, 1853–1854. Vol. 7. P. 397. Следует сказать, что враждебность Джефферсона к академической свободе вполне соответствовала его общей позиции по подобным вопросам: так, например, он, как и большинство демократов-доктринеров, был также против независимости судей. См. также: *The report to the President and Directors of the Literary Fund, October 5, 1824* // *Early History of the University of Virginia, as Contained in the Letters of Thomas Jefferson and Joseph C. Cabell* / Ed. by N.F. Cabell. Richmond, VA: J.W. Randolph, 1856. P. 482. См. также: *Letters and Other Writings of James Madison, Fourth president of the United States, Published by Order of Congress*. Philadelphia: J.B. Lippincott and Co., 1865. Vol. 3. P. 481–483.

¹⁶ Ср.: *Baker J.R. Science and the Planned State*. London: Allen and Unwin, 1945.

есть возможность выбрать самый благоприятный момент для войны. Но это не означает, что прогресс знаний в целом будет идти быстрее, если подчинить все усилия тому, что сегодня представляется наиболее важной целью, или что в конце концов более сильной окажется страна, которая более сознательно и целенаправленно организует свои усилия¹⁷.

Другой фактор, который способствовал укреплению веры в превосходство централизованно управляемых исследований, — несколько преувеличенное представление о том, насколько прогресс современной промышленности обязан организованной коллективной работе больших промышленных лабораторий. На деле же, как недавно было показано в деталях¹⁸, даже в главных технических достижениях последнего времени намного большую роль, чем принято думать, сыграли личные усилия, и часто речь идет о людях, удовлетворявших свой любительский интерес или случайно наткнувшихся на проблему. И то, что представляется верным для прикладных областей, тем более верно для фундаментальных исследований, где намного труднее предвидеть направление, в котором будет достигнут решающий успех. В этой области существующий упор на коллективную работу и кооперацию несет настоящую опасность, и вполне возможно, что больший индивидуализм европейца (отчасти объясняемый тем, что он меньше привык к щедрому финансированию, а потому меньше от него зависит) дает ему некоторое преимущество перед его американским коллегой в самых оригинальных областях фундаментальных исследований.

Пожалуй, нет более важного приложения нашего главного тезиса, чем идея, что прогресс знаний идет быстрее, когда научные устремления не зависят от какого-либо унифицированного представления об их социальной полезности, и каждый испытанный человек может посвятить себя решению задач, в которых, по его мнению, у него есть наилучшие шансы преуспеть. Когда — и это все чаще бывает во всех экспериментальных областях — невозможно дать каждому квалифицированному исследователю возможность самому решать, как использовать свое время, поскольку в работу вовлечены большие материальные ресурсы, перспективы успеха будут наибольшими, если вместо того, чтобы фонды контролировал один орган, распределяющий средства по единому плану, существовало бы множество независимых источников, чтобы даже у неортодоксального мыслителя был шанс найти тех, кто его услышит и поддержит.

Хотя мы еще многого не знаем о том, как лучше управлять независимыми фондами, созданными для поддержки исследований, и хотя не может быть уверенности в том, что влияние очень больших фондов (с их

---

¹⁷ Здесь не место для обсуждения российской системы образования. Но можно отметить, что ее главные отличия от американской имеют мало отношения к различиям в общественном строе, поскольку русские фактически просто следуют традиции, сложившейся в континентальной Европе. В ключевых аспектах изучение немецкой, французской или скандинавской школ может быть не менее полезным, чем изучение русской.

¹⁸ См.: *Jewkes J., Sawers D., Stillerman R. The Sources of Invention. London: Macmillan, 1958; особенно с. 197–222.*

неизбежной зависимостью от мнения большинства и вытекающей из этого склонностью усиливать колебания научной моды) всегда было настолько благотворным, насколько могло бы быть, мало оснований сомневаться в том, что многообразие частных пожертвований, предназначенных для развития узких областей, — одна из самых обнадеживающих особенностей американской ситуации. Но хотя нынешний налоговый кодекс мог привести к временному увеличению пожертвований в такие фонды, следует помнить, что те же самые законы затрудняют накопление новых состояний, так что в будущем эти источники могут иссякнуть. Как и повсюду, сохранение свободы в интеллектуальной и духовной деятельности будет в конечном счете зависеть от рассредоточения контроля над материальными ресурсами и от наличия людей, имеющих возможность выделять значительные средства на цели, которые им кажутся важными.

10. Свобода особенно важна там, где наше незнание наиболее велико — на границах познанного, иными словами, там, где никто не в силах предсказать, что принесет нам следующий шаг. Хотя даже здесь свобода находится под угрозой уничтожения, это все еще область, где можно рассчитывать на то, что когда люди осознают опасность, они сплотятся, чтобы свободу защитить. Если в этой книге мы говорили большей частью о свободе в других сферах, то лишь потому, что сегодня мы часто забываем, что интеллектуальная свобода опирается на чрезвычайно широкий фундамент свобод и не может без него существовать. Но конечная цель свободы — расширение тех способностей, в которых человек превосходит своих предшественников и в которые каждое поколение должно стремиться сделать свой вклад, вклад в рост знаний и в постепенное совершенствование моральных и эстетических представлений, где никто не должен иметь права навязывать другим свое представление о том, что правильно или хорошо, и где только новый опыт может решить, что должно восторжествовать.

Ценность свободы проявляется в своем пределе там, где человек выходит за пределы своего нынешнего «я», где возникает новое и где оценку может дать только будущее. Таким образом, проблемы исследований и образования вернули нас к главной теме этой книги — от тех областей, где последствия свободы и ее ограничения более отдаленны и менее заметны, к тем, где они самым непосредственным образом влияют на конечные ценности. И для завершения книги вряд ли мы сможем найти слова лучше, чем те, которые сказал Вильгельм фон Гумбольдт и которые сто лет назад Джон Стюарт Милль выбрал эпиграфом для своего эссе «О свободе»: «Великий руководящий принцип, к которому напрямую сводится каждый аргумент, развернутый на этих страницах, — это абсолютная и принципиальная важность человеческого развития в его глубочайшем многообразии»¹⁹.

---

¹⁹ *Humboldt W. von. The Sphere and Duties of Government. London: John Chapman, 1854. P. 65.*
Джон Стюарт Милль использовал цитату из этого перевода.

Почему я не консерватор

Во все времена искренние друзья свободы были редки, и всегда она торжествовала усилиями меньшинства, одерживавшего верх благодаря союзу с помощниками, чьи цели зачастую отличались от его собственных; да и союз этот, всегда опасный, по временам становился гибельным, ибо противникам давал почву для противостояния...

— Лорд Актон

1. Во времена, когда большинство политических движений, слывающих прогрессивными, призывают к дальнейшему наступлению на свободу индивида¹, люди, которым дорога свобода, скорее всего, будут тратить свою энергию на противостояние. При этом, как правило, они оказываются на стороне тех, кто привычно противится изменениям. Сегодня в вопросах текущей политики у них чаще всего нет иного выхода, кроме как поддерживать консервативные партии. Но хотя защищаемую мной позицию часто именуют «консервативной», она очень отличается от той, к которой обычно относится это наименование. В этой запутанной ситуации, когда защитники свободы и истинные консерваторы объединяются, чтобы противостоять развитию событий, в равной степени угрожающему их столь разным идеалам, заключается опасность. Поэтому очень важно четко отличать позицию, сформулированную в этой книге, от той, которая издавна называлась — вероятно, с большим основанием — консерватизмом.

Консерватизм в собственном смысле слова — это вполне правомерная, возможно, необходимая и, несомненно, широко распространенная позиция, которая заключается в противодействии резким изменениям. Со времен Французской революции на протяжении полутора столетий он играл важную роль в европейской политике. До появления социализма ему

— *Acton. History of Freedom*. P. 1 [*Актон. Очерки становления свободы*. С. 33–34].

¹ Такое положение сохраняется более ста лет, и уже в 1855 году Джон Стюарт Милль мог утверждать, что «в эти дни почти все проекты социальных реформаторов представляют собой настоящий либертицид» (*Hayek F.A. John Stuart Mill and Harriet Taylor: Their Correspondence and Subsequent Marriage*. London: Routledge and Kegan Paul, 1951. P. 216).

противостоял либерализм. В истории США нет ничего, что соответствовало бы этому конфликту, потому что движение, в Европе называвшееся «либерализмом», здесь было общей традицией, на которой строилась американская политическая система; поэтому защитник американских традиций был либералом в европейском смысле². Эту путаницу только усугубили недавние попытки пересадить на американскую почву европейский тип консерватизма, который в силу чуждости местной традиции приобрел довольно причудливый характер. А за некоторое время до этого американские радикалы и социалисты начали называть себя «либералами». Тем не менее я пока что продолжу называть либеральной свою позицию, которая, как я полагаю, отличается как от истинного консерватизма, так и от социализма. Однако позвольте мне сразу сказать, что я делаю это с большими опасениями и позже мне придется подыскать более подходящее имя для партии свободы. И причина этого не только в том, что сегодня в США термин «либерал» является источником постоянных недоразумений, но и в том, что господствовавший в Европе рационалистический либерализм издавна был одним из тех течений, которые прокладывали дорогу социализму.

Теперь позвольте мне сформулировать решающее, на мой взгляд, выражение против любого консерватизма, заслуживающего такого названия. Оно заключается в том, что по самой своей природе консерватизм не может предложить альтернативы направлению, в котором мы движемся. Своим противостоянием действующим тенденциям он может добиться замедления движения в нежелательном направлении, но не может помешать этому движению, поскольку не предлагает другого направления. Поэтому неизбежная судьба консерватизма — быть влекомым по пути, не им избранному. Перетягивание каната между консерваторами и прогрессистами может повлиять только на скорость, но не может изменить направление современного развития. Хотя и есть необходимость в том, чтобы «у локомотива прогресса были тормоза»³, лично я не могу удовлетвориться ролью одного из тех, кто лишь помогает на них нажимать. Прежде всего, либерал должен спросить не о том, с какой скоростью или насколько далеко мы должны продвигаться, а о том, в каком направлении двигаться. По сути дела, он гораздо сильнее отличается от нынешних ориентированных на коллективизм радикалов, чем консерватор. Если последний обычно придерживается умеренной разновидности предрассудков своего времени, то современному либералу приходится более содержательно противостоять некоторым фундаментальным идеям, разделяемым большинством консерваторов с социалистами.

---

² Бернард Крик верно говорит, что «нормальный американец, называющий себя „консерватором“, фактически является либералом» (*Crick B. The Strange Quest for an American Conservatism // Review of Politics. 1955. Vol. 17. P. 365*). По-видимому, нежелание консерваторов называть себя либералами возникло только вследствие злоупотреблений этим именем в период «Нового курса».

³ Выражение принадлежит Робину Дж. Коллингвуду: *Collingwood R.G. The New Leviathan; or, Man, Society, Civilization and Barbarism. Oxford: Clarendon Press, 1942. P. 209.*

2. Картина, которую обычно используют для характеристики относительного положения, занимаемого каждой из трех партий, скорее затемняет, чем проясняет их истинные взаимоотношения. Их, как правило, изображают располагающимися на одной линии, с социалистами слева, консерваторами справа и либералами где-то между ними. Вряд ли можно было придумать схему, сильнее вводящую в заблуждение. Если уж нужна диаграмма, уместнее было бы расположить их в виде треугольника, с консерваторами, занимающими один угол, социалистами, тянущими в другой, и либералами, тянущими в третий. Но поскольку социалисты длительное время имели возможность тянуть сильнее, консерваторы были больше склонны следовать в социалистическом, чем в либеральном направлении, и время от времени усваивали социалистические идеи, приобретавшие респектабельность благодаря радикальной пропаганде. Консерваторы регулярно шли на компромисс с социализмом и заимствовали его инвективы. Будучи сторонниками «среднего пути»⁴, не имеющими собственной цели, консерваторы руководствовались верой в то, что истина лежит где-то между крайностями, и в результате смещали свою позицию всякий раз, когда на любом из флангов появлялось более крайнее движение.

Таким образом, позиция, которую в то или иное время можно по справедливости считать консервативной, зависит от направления существующих тенденций. Поскольку в последние десятилетия развитие в общем и целом шло в социалистическом направлении, может показаться, что основной задачей и консерваторов, и либералов было замедлить это движение. Но главное, что отличает либерализм, — это желание двигаться в некотором другом направлении, а не стоять на месте. Либерализм никогда не был ориентирован на прошлое, хотя сегодня может сложиться обратное впечатление, потому что было время, когда он имел более широкую поддержку и его цели были ближе к реализации. Никогда не было такого, чтобы либеральные идеалы были полностью реализованы и чтобы либерализм не стремился к дальнейшему совершенствованию институтов. Либерализм не отвергает эволюцию и перемены, и когда спонтанные изменения подавляются правительством, он требует существенных перемен в политике. Что касается большей части нынешних действий государства, у либерала очень мало оснований желать сохранения существующего порядка вещей.

---

⁴ Характерно, что именно такое название выбрал для своей программной книги нынешний [1960] премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан: *Macmillan H. The Middle Way: A Study of the Problem of Economic and Social Progress in a Free and democratic Society*. London: Macmillan, 1938. К сожалению, именно такова по большей части социальная доктрина, принятая Римско-католической церковью и некоторыми добросовестными социал-демократами, которые получили возможность процитировать в своей недавней публикации слова одного из ведущих католических социальных философов страны Освальда фон Хелл-Бройнинга: «Soweit auf sozialem und ökonomischem Gebiet Differenzen in der Christlichen Soziallehre bestehen, sind sie auf jeden Fall geringer als die Differenzen zwischen Neoliberalismus und christlicher Soziallehre» [«Те различия, которые существуют в рамках христианской социальной доктрины, в любом случае меньше, чем различия между христианской социальной доктриной и неолиберализмом»] (Godesberger Programm: Zur Situation nach Mater Magistra / Sozialdemokratische Partei Deutschlands. Bonn: Sozialdemokratische Partei, 1962. P. 25).

С точки зрения либерала, сегодня в большинстве регионов мира необходима тщательная расчистка всех препятствий на пути свободного роста.

Различие между консерватизмом и либерализмом не должно смазываться тем обстоятельством, что в США и до сих пор можно защищать личную свободу, выступая за сохранение традиционных институтов. Для либерала их ценность не в том, что они традиционны или что они американские, а в том, что они соответствуют идеалам, которые ему дороги.

3. Прежде чем рассматривать главные различия между либеральной и консервативной позицией, я должен сказать, что либерал может многое почерпнуть в работах некоторых консервативных мыслителей. Их любовное и уважительное исследование ценности институтов, возникающих в результате роста, дало нам ряд глубоких прозрений (по крайней мере, за пределами экономической теории), которые действительно помогли лучше осознать, что такое свободное общество. При всей политической реакционности таких фигур, как Кольридж, Бональд, Де Местр, Юстус Мёзер и Доносо Кортес, они хорошо понимали, что значит спонтанное развитие языка, права, морали и общепринятых условностей, предвосхитив современные научные подходы, и поэтому от знакомства с их идеями либералы могут получить пользу. Но свободный рост восхищает консерваторов, как правило, только тогда, когда он уже принадлежит прошлому. Обычно им недостает мужества, чтобы приветствовать в настоящем те же самые непреднамеренные перемены, из которых впоследствии возникнут новые инструменты реализации человеческих начинаний.

Это приводит меня к первому пункту, в котором либералы и консерваторы расходятся радикально. Как часто признавали консервативные авторы, одной из фундаментальных черт консерватизма является страх перед изменениями, недоверие к новому как таковому⁵, тогда как позиция либерала основана на отваге и уверенности, на готовности не мешать изменениям, даже если мы не знаем, к чему они приведут. Если бы консерваторы просто не любили слишком быстрых изменений институтов и государственной политики, то не было бы оснований возражать против этого — действительно, есть серьезные доводы в пользу того, чтобы действовать осторожно и не торопясь. Но консерваторы склонны использовать государственную власть для того, чтобы предотвращать изменения или замедлять их настолько, чтобы это понравилось даже самому робкому уму. При взгляде на будущее у них нет той веры в спонтанные адаптационные силы, которая побуждает либерала без опасений принимать изменения, хотя он и не знает, как именно произойдет необходимая адаптация. Либерал и в самом деле склонен предполагать, особенно в области экономики, что рыночные силы саморегулирования некоторым образом обеспечат приспособление к новым

---

⁵ См.: «Природный консерватизм... есть несклонность к переменам; и отчасти он проистекает из недоверия к неизвестному» (*Cecil H.R. Conservatism*. London: Williams and Norgate, 1912. P. 9).

условиям, даже если никто не может предсказать, как они это сделают в том или ином конкретном случае. Пожалуй, ничто другое в столь сильной мере не вселяет в людей недоверие к рынку, как их неспособность представить, каким образом в отсутствие сознательного контроля может возникнуть необходимое равновесие между спросом и предложением, между экспортом и импортом и т.п. Консерватор чувствует себя в покое и безопасности, только будучи уверенным, что некая высшая мудрость надзирает за изменениями и руководит ими, только зная, что некий государственный орган отвечает за «упорядоченность» хода перемен.

Эта боязнь довериться неконтролируемым социальным силам тесно связана с двумя другими характеристиками консерватизма: его любовью к власти и непониманием экономических сил. Поскольку он не доверяет как абстрактным теориям, так и общим принципам⁶, он не понимает спонтанных сил, на которые полагается политика свободы, и не обладает основаниями для выработки принципов политики. Консерваторы воспринимают порядок как результат постоянного внимания власти, которой, в силу этого, следует предоставить возможность делать то, что требуется конкретными обстоятельствами, и не связывать ее неизменными правилами. Приверженность принципам предполагает понимание общих сил, благодаря которым достигается координация усилий общества, но для этого нужна определенная теория общества и особенно экономического механизма, а она у консерватизма очевидным образом отсутствует. Консерватизм оказался настолько неспособным создать общую концепцию того, как поддерживается общественная жизнь, что его современные приверженцы неизменно обращаются почти исключительно к авторам, считавшим себя либералами. Маколей, Токвиль, лорд Актон и Лекки определенно считали себя либералами, причем вполне оправданно; и даже Эдмунд Бёрк до конца оставался старым вигом и содрогнулся бы от мысли, что его примут за тори.

Вернемся, однако, к главному пункту, к характерному для консерватора благодушию по отношению к власти и его главной заботе, которая состоит в том, чтобы эта власть не была ослаблена (а не в том, чтобы удерживать ее полномочия в определенных рамках). Это плохо совмещается с сохранением свободы. В целом, пожалуй, можно сказать, что консерватор не возражает против принуждения и произвола власти в той мере, в какой они используются для достижения правильных целей. Он верит, что если власть находится в руках достойных людей, ее не следует слишком ограничивать

---

⁶ Ср. поучительную самохарактеристику консерватора: «Правые, взятые в совокупности, испытывают ужас перед идеями, потому что разве практический человек, говоря словами Дизраэли, это не тот, „кто практикует ошибки своих предшественников“? всю свою долгую историю они огульно противились улучшениям и под предлогом благоговения перед предшественниками часто сводили убеждения к старым личным предрассудкам. Их позиция становится более безопасной, но и более сложной, если мы добавим, что это правое крыло непрестанно догоняет левое, что оно живет за счет регулярной прививки либеральных идей, а потому страдает от того, что вечно находится в состоянии компромисса и никогда не принимает завершенную форму» (*Feiling K.G. Sketches in Nineteenth Century Biography. London: Longmans, Green, and Co., 1930. P. 174.*)

жесткими правилами. Поскольку он по сути своей оппортунист и не имеет принципов, надеяться он может только на то, что править будут мудрые и хорошие — и не только при помощи личного примера, как всем бы нам хотелось, но и посредством вверенной им и применяемой ими власти⁷. Подобно социалисту, он меньше озабочен тем, как следует ограничить полномочия государства, нежели вопросом, кто будет ими распоряжаться; и, подобно социалисту, он считает себя вправе навязывать свои собственные ценности всем людям.

Когда я говорю, что у консерватора нет принципов, я не имею в виду, что у него нет моральных убеждений. На самом-то деле типичный консерватор — это человек очень твердых моральных убеждений. Я имею в виду, что у него нет политических принципов, которые позволили бы ему работать с другими людьми, приверженными другим моральным ценностям, во имя политического порядка, при котором каждый из них сможет придерживаться своих убеждений. Только признание таких принципов, создающих условия для сосуществования различных систем ценностей, позволяет с минимальным применением силы построить мирное общество. Принятие таких принципов означает, что мы согласны терпеть многое из того, что нам не нравится. У консерваторов есть много ценностей, которые лично для меня более привлекательны, чем ценности социалистов, но для либерала тот факт, что он лично придает большое значение определенным целям, не является достаточным оправданием, чтобы заставлять других служить им. Я почти не сомневаюсь, что некоторые из моих консервативных друзей будут шокированы высказываниями, сделанными мной в части III этой книги, которые они сочтут «уступками» современным взглядам. Но хотя мне могут быть очень не по душе некоторые из этих мер и я голосовал бы против них, мне неизвестны общие принципы, к которым я мог бы обратиться, чтобы убедить сторонника этих мер, что они недопустимы в том обществе, которого мы оба хотим. Чтобы жить и успешно работать с другими, нужно нечто большее, чем верность собственным конкретным целям. Необходима интеллектуальная приверженность такому виду общественного устройства, при котором даже в вопросах, имеющих фундаментальное значение для одного, другим позволено преследовать совсем иные цели.

Именно по этой причине для либерала ни моральные, ни религиозные идеалы не оправдывают принуждение, тогда как консерваторы

---

⁷ Надеюсь, что мне простят повторение здесь слов, которые ранее я уже говорил в другой работе, чтобы выразить важную мысль: «Вряд ли будет преувеличением утверждать, что основное достоинство индивидуализма, отстаивавшегося Смитом и его современниками, заключается в том, что это порядок, при котором дурные люди способны причинять наименьшее зло. Это социальная система, функционирование которой не требует, чтобы мы нашли добродетельных людей для управления ею или чтобы все люди стали лучше, чем они есть теперь, но которая использует людей во всем их разнообразии и сложности: иногда хорошими, иногда дурными, порой умными, но чаще глупыми» (*Hayek F.A. Individualism and Economic Order. Chicago: University of Chicago Press, 1948. P. 11–12 [Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 25]*).

и социалисты не признают подобных ограничений. Порой мне кажется, что самой заметной чертой либерализма, отличающей его от консерватизма и социализма, является убеждение, что моральные представления, касающиеся поведения, которое напрямую не вторгается в защищенную частную сферу других людей, не могут оправдывать насилие. Это может объяснить и то, почему раскаявшемуся социалисту, по-видимому, бывает намного проще найти новое духовное пристанище у консерваторов, чем у либералов.

В конечном итоге консервативная позиция опирается на убеждение, что в любом обществе есть личности бесспорно высшего порядка, их унаследованные нормы, ценности и положение заслуживают защиты, а сами они должны иметь больше влияния на общество, чем другие. Либерал, конечно, не отрицает, что есть люди, превосходящие других, — он не эгалитарист — но он не согласен с тем, что у кого-либо есть право решать, кто именно принадлежит к их числу. В то время как консерватор склонен поддерживать конкретную сложившуюся иерархию и хочет, чтобы власть защищала статус тех, кого он ценит, либерал полагает, что никакое уважение к утвердившимся ценностям не может оправдать обращение к привилегиям, монополиям или каким-либо другим средствам принуждения ради защиты подобных людей от сил, порождаемых экономическими изменениями. Хотя он отлично знает о роли культурных и интеллектуальных элит в развитии цивилизации, он также убежден, что эти элиты постоянно утверждают себя своей способностью поддерживать свое положение, действуя в рамках тех же правил, что и все остальные.

С этим тесно связано типичное отношение консерватора к демократии. Я ранее сформулировал свою позицию, которая заключается в том, что правление большинства не цель, а только средство или даже, возможно, всего лишь наименее вредная из тех форм правления, из которых мы можем выбирать. Но я убежден, что консерваторы обманывают себя, когда возлагают вину за все бедствия нашего времени на демократию. Главное бедствие — это неограниченное правление, и никому нельзя доверять неограниченную власть⁸. Полномочия, которыми обладает современная демократия, были бы еще менее приемлемыми в руках некоей малочисленной элиты.

Можно согласиться с тем, что идея, будто нет необходимости в дальнейшем ограничении власти государства, возникает, только когда власть оказывается в руках большинства. В этом отношении демократия и неограниченное правление взаимосвязаны. Но в таком случае предметом возражения является не демократия, а неограниченное правление, и я не вижу,

---

⁸ Ср.: «Опасность заключается не в том, что некий класс не годится для того, чтобы править. Никакой класс не годится для того, чтобы править. Закон свободы стремится разрушить господство расы над расой, веры над верой, класса над классом» (*Acton J. Letters of Lord Acton to Mary, Daughter of the Right Hon. W.E. Gladstone* / Ed. by H. Paul; 2nd ed. London: Macmillan, 1913. P. 73).

почему бы народам не научиться ограничивать полномочия большинства, равно как и всех других форм правления. В любом случае преимущества демократии как метода мирного изменения и политического воспитания представляются мне настолько огромными в сравнении с любыми другими системами, что у меня нет никакой симпатии к антидемократичной разновидности консерватизма. Главная проблема, на мой взгляд, заключается не в том, кто правит, а в том, что именно государство уполномочено делать.

То, что консервативная оппозиция чрезмерным полномочиям государства не дело принципа, а связана с конкретными целями государства, наглядно проявляется в сфере экономики. Консерваторы обычно противодействуют коллективистским и дирижистским мерам в области промышленности, и в этом либералы часто их поддерживают. Но в то же время консерваторы — обычно протекционисты и часто поддерживают социалистическую политику в области сельского хозяйства. Более того, в то время как в промышленности и торговле существующие ограничения были установлены под влиянием социалистических идей, в сельском хозяйстве столь же существенные ограничения были введены еще раньше консерваторами. И в своих попытках дискредитировать свободное предпринимательство многие консервативные лидеры соперничают с социалистами⁹.

4. Я уже отмечал различия между консерватизмом и либерализмом в чисто интеллектуальной области, но должен вернуться к этому, потому что характерные для консерваторов подходы в этой сфере являются не только серьезной слабостью самого консерватизма, но и грозят неприятностями его союзникам. Консерваторы инстинктивно чувствуют, что за изменениями стоят, прежде всего, новые идеи. Но консерватизм, с его точки зрения совершенно оправданно, боится новых идей, потому что у него нет собственных четких принципов, которые давали бы возможность противостоять им; и в силу своего недоверия к теории и отсутствия воображения во всем, кроме того, что уже проверено опытом, он лишает себя оружия, необходимого в борьбе идей. В отличие от либерализма с его глубокой убежденностью в силе воздействия идей в долгосрочной перспективе, консерватизм ограничен запасом идей, доставшихся ему от прошлого. А поскольку он на самом деле не верит в силу убеждения, его последним прибежищем обычно оказывается притязание на высшую мудрость, основанную на некоем приписываемом себе высшем качестве.

Это различие особенно заметно в разном отношении двух традиций к прогрессу знания. Хотя либерал определенно не считает прогрессом

---

⁹ Джон Р. Хикс был прав, когда в связи с этим сказал о «карикатуре, нарисованной совместно молодым Дизраэли, Марксом и Геббельсом» (*Hicks J.R. The Pursuit of Economic Freedom // What We Defend: Essays in Freedom by Members of the University of Manchester / Ed. by E.F. Jacob. London: Oxford University Press, 1942. P. 96*). О роли консерваторов в этой связи см. введение к моей работе: *Hayek F.A. Introduction: History and Politics // Idem. Capitalism and the Historians. Chicago: University of Chicago Press, 1954. P. 19 ff. [Хайек Ф.А. Капитализм и истории. Челябинск: Социум, 2012. С. 17 и далее]*.

любые изменения, прогресс знания является для него одной из главных целей человеческих усилий, и он ожидает от него постепенного преодоления тех проблем и трудностей, на решение которых мы в принципе можем надеяться. Выбирая новое отнюдь не ради его новизны, либерал понимает, что в природе человеческих достижений заложено создание чего-то нового, и он готов приспособиться к новому знанию независимо от того, нравятся ему непосредственные последствия этого знания или нет.

Лично для меня самая неприглядная черта консерватизма — это его склонность отвергать доказанное новое знание только потому, что ему не нравятся некоторые вытекающие из него следствия, — или, если говорить без обиняков, его обскурантизм. Я не стану отрицать, что ученые не меньше других подвержены веяниям моды и что у нас достаточно оснований быть осторожными с выводами, которые они делают из своих новейших теорий. Но основания нашего сопротивления должны быть все-таки рациональными, и не следует смешивать их с сожалениями, что новые теории разрушают милые нашему сердцу убеждения. Например, я терпеть не могу, когда теория эволюции, или, как иногда говорится, «механистическое» объяснение феноменов жизни, отвергается только лишь из-за определенных моральных выводов, которые, на первый взгляд, из нее следуют, и еще больше я не терплю тех, кто полагает, что задавать некоторые вопросы непочтительно или неблагочестиво. Отказываясь глядеть в лицо фактам, консерватор только ослабляет свою позицию. Выводы, которые рационалисты делают из новых научных прозрений, зачастую совсем не обоснованы. Но только активно участвуя в разработке следствий, вытекающих из новых открытий, мы можем узнать, укладываются ли они в нашу картину мира, и если да, то как. Если бы оказалось, что наши моральные убеждения действительно зависят от неких предпосылок, некорректность которых была доказана, вряд ли было бы нравственно защищать их, отказываясь признавать факты.

С недоверием консерватора к новому и непривычному связана его враждебность к интернационализму и склонность к рьяному национализму. В этом еще один источник его слабости в борьбе идей. Не в его силах отменить тот факт, что идеи, изменяющие нашу цивилизацию, не признают границ. Но отказ от знакомства с новыми идеями просто лишает человека возможности эффективно противостоять им в случае необходимости. Развитие идей — процесс международный, и только те, кто принимает деятельное участие в их обсуждении, могут пользоваться существенным влиянием. Утверждение, что та или иная идея неамериканская, небританская или ненемецкая, не аргумент для отказа от нее, а ошибочный или порочный идеал не становится лучше оттого, что его придумал наш соотечественник.

О тесной связи между консерватизмом и национализмом можно было бы сказать намного больше, но я не буду на этом задерживаться, потому что может создаться впечатление, будто из-за своего личного положения я не могу сочувствовать никаким формам национализма. Я только добавлю, что именно склонность к национализму часто оказывается мостом

от консерватизма к коллективизму: когда мыслишь в терминах «нашей» промышленности или ресурсов, оказываешься совсем рядом с требованием поставить эти национальные активы на службу национальным интересам. Но в этом отношении европейский либерализм, продолжающий традиции французской революции, немногим лучше консерватизма. Вряд ли нужно говорить, что такого рода национализм весьма далек от патриотизма и что неприятие национализма прекрасно совместимо с глубокой привязанностью к национальным традициям. Но тот факт, что я предпочитаю традиции своего общества и чувствую к ним глубокое уважение, не должен быть причиной враждебности ко всему странному и непохожему.

Только на первый взгляд кажется парадоксальным, что антиинтернационализм консерватора столь часто ассоциируется с империализмом. Но чем больше человек не любит все незнакомое и верит в превосходство своего образа жизни, тем более он склонен стремиться «цивилизовать» других, считая это своей миссией¹⁰, причем делать это не путем добровольного и свободного общения, как стараются действовать либералы, а неся им счастье эффективного правления. Примечательно, что и здесь мы часто обнаруживаем, что консерваторы объединяются с социалистами против либералов — не только в Англии, где супруги Вебб и их последователи-фабианцы были откровенными империалистами, или в Германии, где государственный социализм действовал рука об руку с колониальным экспансионизмом при полной поддержке все той же группы «кафедральных социалистов», но и в США, где даже во времена президентства первого Рузвельта можно было утверждать: «Джингоисты и социальные реформаторы объединились и сформировали политическую партию, которая угрожает прийти к власти и использовать ее для реализации своей программы цезаристского патернализма — опасность, которой, похоже, сегодня удастся избежать лишь благодаря тому, что другие партии приняли ту же самую программу в несколько более умеренной степени и форме»¹¹.

5. Однако в одном отношении можно с полным основанием сказать, что либерал занимает промежуточную позицию между социалистом и консерватором: он одинаково далек как от грубого рационализма социалиста, который хочет перестроить все социальные институты в соответствии с моделью, предписываемой его индивидуальным разумом, так и от мистицизма, к которому столь часто приходится прибегать консерватору. Либеральная позиция, как я ее описал, разделяет с консерватизмом недоверие к разуму постольку, поскольку либерал отлично осознает, что все ответы нам неизвестны, а к тому же он не уверен, что имеющиеся у него ответы

---

¹⁰ См.: «Я не могу согласиться, чтобы какая-нибудь община имела право насильно заставлять другую общину цивилизоваться» (*Mill J.S. On Liberty* / Ed. by R.B. McCallum. Oxford: B. Blackwell, 1946. P. 83 [*Милль Дж.С. О свободе* // *О свободе: Антология западноевропейской классической либеральной мысли*. М.: Наука, 1995. С. 371]).

¹¹ *Burgess J.W. The Reconciliation of Government with Liberty*. New York: Charles Scribner's Sons, 1915. P. 380.

верны, и не уверен даже в том, что мы в состоянии найти все ответы. И он не гнушается обращаться к помощи любых внерациональных обычаев или институтов, которые доказали свою действенность. Либерал отличается от консерватора готовностью признавать свое неведение и скудость наших знаний, не прикрываясь авторитетом сверхъестественных источников знания в тех случаях, когда разум его подводит. Следует признать, что в некоторых отношениях либерал — убежденный скептик¹², но при этом ему хватает скромности, чтобы не мешать другим искать счастья на свой манер и последовательно придерживаться этой терпимости, которая является сущностной чертой либерализма.

Нет никаких оснований считать, что это неизбежно означает отсутствие у либерала религиозных убеждений. В отличие от рационализма Французской революции, истинный либерализм ничего не имеет против религии, и я могу только сожалеть о той воинствующей и по существу нелиберальной вражде к религии, которой так пропитан континентальный либерализм XIX века. То, что такая вражда не является сущностной характеристикой либерализма, ясно показывают его английские предшественники, старые виги, у которых были очень сильные религиозные убеждения. В этом отношении либерал отличается от консерватора тем, что при самой глубокой религиозности он никогда не сочтет себя вправе навязывать свои религиозные взгляды другим и что для него духовное и мирское — это разные сферы, которые не следует смешивать.

6. Сказанного мною должно быть достаточно, чтобы объяснить, почему я не считаю себя консерватором. Многие, однако, почувствуют, что изложенная позиция вряд ли похожа на ту, которую они привыкли называть «либеральной». Поэтому я вынужден задаться вопросом, насколько это название подходит сегодня для партии свободы. Я уже говорил о том, что хотя я всю жизнь называл себя либералом, в последнее время у меня при этом возникают все большие опасения — не только потому, что в США этот термин постоянно провоцирует недоразумения, но также и потому, что я все глубже осознаю огромную пропасть, отделяющую мою позицию от континентального рационалистического либерализма и даже от английского либерализма утилитаристов.

Если бы либерализм по-прежнему означал то же самое, что он значил для английского историка, в 1827 году сказавшего, что революция 1688 года была «триумфом принципов, которые на сегодняшнем языке

---

¹² Ср.: «Дух свободы — это дух, не слишком уверенный в собственной правоте» (*Hand L. The Spirit of Liberty // The Spirit of Liberty: Papers and Addresses of Learned Hand / Ed. by I. Dilliard. New York: Alfred A. Knopf, 1952. P. 190*). См. также часто цитируемое высказывание Оливера Кромвеля в его послании Генеральной ассамблее Шотландской церкви от 3 августа 1650 года: «Я заклинаю вас именем Христа: допускайте возможность того, что вы ошибаетесь» (*Cromwell O. Letter to the General Assembly of the Church of Scotland. London: Printed for Hanna Allen, 1650. P. 4*). Примечательно, что это, вероятно, самое запомнившееся высказывание единственного «диктатора» в британской истории!

называют либеральными или конституционными»¹³, или если бы все еще можно было, вместе с лордом Актоном, говорить о Бёрке, Маколее и Гладстоне как о трех величайших либералах, или если бы я все еще мог, вместе с Гарольдом Ласки, рассматривать Токвиля и лорда Актона как «типичнейших либералов XIX столетия»¹⁴, я был бы только горд и сам носить это имя. Но точно так же, как мне бы хотелось называть их позицию истинным либерализмом, я вынужден признать, что эти люди решительно отвергали идеи, которые отстаивались большинством континентальных либералов, и что последними руководило преимущественно желание навязать миру сконструированную ими модель рационализма, а не стремление создать условия для свободного роста. То же самое по большей части верно и в отношении тех, кто считал себя либералами в Англии, по крайней мере со времен Ллойда Джорджа.

Поэтому приходится признать, что позиция, которую я назвал «либерализмом», не имеет ничего общего ни с одним политическим движением, носящим сегодня это имя. Сомнительно и то, что вызываемые им исторические ассоциации могли бы помочь успеху какого-либо движения. Следует ли в этих обстоятельствах приложить усилия для спасения имени от злоупотребления — вопрос, на который могут существовать разные точки зрения. Лично я все более склоняюсь к тому, что его использование создает слишком много путаницы, так что в качестве ярлыка оно стало скорее балластом, чем источником силы.

В США, где стало почти невозможно использовать слово «либерал» в привычном мне смысле, вместо него используется термин «либертарианец». Возможно, это и выход из положения, но лично я нахожу его исключительно непривлекательным. На мой вкус он слишком искусственный, похожий на суррогат. Я хотел бы найти слово, пригодное для описания партии жизни, партии, которая поддерживает свободный рост и спонтанную эволюцию. Но я безуспешно ломал голову в попытках найти подходящее слово.

---

¹³ Hallam H. Constitutional History of England, Henry VII to George II [1827]. London: J.M. Dent and Sons, 1930. Vol. 3. P. 90. Часто утверждается, что термин «либерал» происходит от названия существовавшей в Испании в начале XIX века партии *liberales*. Я более склонен думать, что он позаимствован у Адама Смита, использовавшего его в таких, например, фразах и высказываниях, как «либеральная система свободного вывоза и свободного ввоза» (*Smith. Wealth of Nations*. Vol. 2. P. 41 [*Cum*. Богатство народов. С. 515]) и «предоставить каждому человеку преследовать свои интересы по своему собственному разумению, при соблюдении (upon the liberal plan) равенства, свободы и справедливости» (*Ibid*. P. 216 [С. 625]).

¹⁴ Acton J. Letters to Mary Gladstone. London: Macmillan, 1913. P. 44. См. также его оценку Токвиля: «Токвиль был чистокровнейшим либералом — либералом и никем больше, глубоко не доверявшим демократии и всей ее родне — равенству, централизации и утилитаризму» (*Idem. Lectures on the French Revolution*. London: Macmillan, 1910. P. 357). То же самое см.: Noticeable Books: Tocqueville's *Souvenirs* // *Nineteenth Century*. 1893. Vol. 33. P. 885. Гарольд Дж. Ласки говорит о Токвиле: «Полагаю, бесспорной можно считать точку зрения, согласно которой он [Токвиль] и лорд Актон были типичнейшими либералами XIX столетия» (*Laski H.J. Alexis de Tocqueville and Democracy* // *The Social and Political Ideas of Some Representative Thinkers of the Victorian Age: A Series of Lectures delivered at King's College, University of London, During the Session 1931-1932* / Ed. by F.J.C. Hearnshaw. London: G.G. Harrap and Co., 1933. P. 100).

7. Однако следует помнить, что когда идеалы, которые я попытался сформулировать заново, впервые начали распространяться в западном мире, у представлявшей их партии было общепризнанное имя. Именно идеалы английских вигов вдохновили то, что потом получило известность как европейское либеральное движение¹⁵, это их идеи увезли с собой американские колонисты, и потом руководствовались ими в борьбе за независимость и при создании конституции¹⁶. Прежде чем характер этой традиции изменился под влиянием Французской революции с ее тоталитарной демократией и склонностью к социализму, партия свободы была широко известна как партия вигов.

Имя умерло в стране, в которой оно появилось, отчасти потому, что со временем принципы, которые оно обозначало, перестали быть отличительной чертой конкретной партии, а отчасти потому, что люди, носившие это имя, не сохранили верность этим принципам. И в Великобритании, и в США в XIX веке партии вигов в конечном итоге дискредитировали это имя среди радикалов. Но поскольку либерализм занял место вигизма только после того, как движение за свободу пропиталось грубым и воинствующим рационализмом Французской революции, и поскольку нашей задачей должно быть освобождение этой традиции от навязанных ей сверхрационалистических, националистических и социалистических влияний, по-прежнему можно утверждать, что вигизм — исторически корректное название для идей, в которые я верю. Чем больше я узнаю об эволюции идей, тем больше я осознаю, что я просто нераскаявшийся «старый виг» — с ударением на слове «старый».

Признать себя старым вигом не означает, конечно, желать вернуться в конец XVII века. Одной из целей этой книги было показать, что доктрины, впервые сформулированные в то время, впоследствии продолжили

---

¹⁵ Уже в начале XVIII века английский наблюдатель мог отмечать, что он «вряд ли встречал среди осевших в Англии иностранцев, где бы они ни выросли — в Голландии, Германии, Франции, Италии или Турции, — таких, которые в очень короткий срок после общения с нами не становились бы вигами» (цит. по: *Guttridge G.H. English Whiggism and the American Revolution. Berkeley: University of California Press, 1942. P. 3*).

¹⁶ К сожалению, в США использование термина «виг» в XIX веке стерло из памяти тот факт, что в XVIII оно обозначало принципы, которые направляли революцию, принесли независимость и сформировали конституцию. Именно в обществах вигов молодые Джеймс Мэдисон и Джон Адамс выработали свои политические идеалы. Ср.: *Burns E.M. James Madison: Philosopher of the Constitution. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1938. P. 4*. Это принципы вигов, по словам Джефферсона, руководили всеми юристами, которые составляли столь сплоченное большинство среди тех, кто подписал Декларацию независимости, и среди членов Конституционного конвента (см.: *Writings of Thomas Jefferson. Washington. DC: Issued under the auspices of the Thomas Jefferson Memorial Association of the United States, 1903–1904. Vol. 16. P. 156*). Исповедание принципов вигов дошло до того, что даже солдаты Вашингтона были одеты в традиционные цвета вигов, которые были у них общими с вигами партии Фокса в британском парламенте и которые до наших дней сохранились на обложках *Edinburgh Review*. Если для социалистического поколения вигизм стал излюбленной мишенью нападок, то тем больше у противников социализма оснований восстановить это имя. Сегодня это единственное слово, которое точно описывает убеждения либералов в духе Гладстона, людей из поколения Мейтленда, Актона и Брайса, Поллона, Сиджвика и Лесли — последнего поколения, для которого главной целью была свобода, а не равенство или демократия.

расти и развиваться, и лет семьдесят или восемьдесят назад этот процесс еще не прекратился даже несмотря на то, что они уже не определяли главную цель какой-либо партии. С тех пор мы узнали много такого, что должно помочь нам заново определить их в более удовлетворительной и действенной форме. Но хотя их необходимо переформулировать в свете нынешних знаний, основные принципы остаются теми же, что были у старых вигов. Это правда, что позднейшая история партии, носившей это имя, заставила ряд историков усомниться в том, что у вигов были определенные принципы, но я могу только согласиться с лордом Актоном: хотя некоторые «патриархи доктрины имели самую постыдную репутацию, идея высшего права, стоящего над муниципальными кодексами, с которой начался вигизм, — это высшее достижение англичан и их наследство, оставленное стране»¹⁷ и, добавим мы, всему миру. Это доктрина, составляющая основу общей традиции англо-саксонских стран. Из этой доктрины континентальный либерализм позаимствовал все, что есть в ней ценного. На этой доктрине основывается американская система правления. В своем чистом виде она представлена в США не радикализмом Джефферсона, не консерватизмом Гамильтона или даже Джона Адамса, а идеями «отца конституции» Джеймса Мэдисона¹⁸.

Я не знаю, хороша ли эта попытка воскресить старое имя с точки зрения практической политики. То, что у большинства людей в англосаксонских странах, да и во всем мире, оно, вероятно, не вызывает никаких определенных ассоциаций, возможно, является его преимуществом, а не недостатком. Для тех, кто знаком с историей идей, это, вероятно, единственное имя, вполне выражающее смысл традиции. То, что для подлинных консерваторов, а еще больше для многих социалистов, ставших консерваторами, «вигизм» обозначает предмет их неприятия, говорит о том, что у них правильное чутье. Это слово обозначало единственный в своем роде набор идеалов, последовательно враждебных любой произвольной власти.

8. Может возникнуть вопрос, действительно ли имя так много значит. В такой стране, как США, где в целом еще сохранились институты свободы и где в силу этого защита существующего часто оказывается защитой свободы, возможно, не так уж и важно, если защитники свободы называют себя консерваторами, хотя даже здесь ассоциация с консерватизмом в силу заложенных в ней тенденций может быть поводом для беспокойства. Даже когда люди одобряют одни и те же институты, следует задаться вопросом,

---

¹⁷ *Acton J.* The Rise of the Whig // *Lectures on Modern History* / Ed. by J.N. Figgis, R.V. Laurence. London: Macmillan, 1906. P. 217–218 (я немного изменил фразу Актона, чтобы подчеркнуть смысл высказывания).

¹⁸ Ср.: «В современной терминологии, Мэдисон был бы отнесен к умеренным либералам, а Джефферсон — к радикалам» (Introduction: Madison as a Political Thinker // *The Complete Madison: His Basic Writings*. New York: Harper, 1953. P. 10). Это действительно так, и это важно, хотя следует помнить, что позднее Эдвин Сэмюэл Корвин назвал Мэдисона «пленником победоносного влияния Джефферсона» (*Corwin E.S.* James Madison: Layman, Publicist, and Exegete // *New York University Law Review*. 1952. Vol. 27. P. 285).

одобряют ли они их потому, что те существуют, или потому, что те желательны сами по себе. Общее сопротивление коллективизму не должно затемнять тот факт, что вера во всеобъемлющую свободу основана на открытости будущему, а не на ностальгической тоске по прошлому или на его романтическом превозношении.

Однако четкое разграничение абсолютно необходимо там, где, как во многих частях Европы, консерваторы уже усвоили значительную часть коллективистского мировоззрения — мировоззрения, которое направляет политику уже так давно, что многие из его институтов стали считаться само собой разумеющимися и превратились в источник гордости «консервативных» партий, их создавших¹⁹. Здесь сторонник свободы не может не оказаться в конфликте с консерватором, поскольку он занимает по сути своей радикальную позицию, направленную против распространенных предрассудков, прочно занимаемых позиций и всевозможных привилегий. Глупость и злоупотребления не становятся лучше от того, что они утвердились как принципы политики.

Хотя совет *quiescit non movetur* [букв. «не тронь того, что покоится»] (ит.) порой может быть мудрым правилом для государственного деятеля, он не удовлетворяет политического философа. Последнему может нравиться, когда политика проводится осторожно, с опорой на подготовленное общественное мнение, но он не может согласиться с мерами или институтами только потому, что они освящены сложившимся общественным мнением. В мире, который опять, как и в начале XIX века, больше всего нуждается в устранении помех и препятствий, воздвигнутых людской глупостью на пути спонтанного роста, он должен надеяться на то, что сумеет убедить и заручиться поддержкой тех, кто по своим склонностям является «прогрессистом», — они, хотя и могут пока что двигаться в неверном направлении, по крайней мере стремятся критически проанализировать существующее и изменить то, что необходимо.

Я надеюсь, что не ввел в заблуждение читателя упоминаниями о «партии», хотя на самом деле речь шла о группах людей, защищающих определенные моральные и интеллектуальные принципы. В этой книге не рассматривалась партийная политика какой-либо страны. Вопрос о том, как принципы, которые я пытался реконструировать на основе сохранившихся фрагментов традиции, могут быть превращены в имеющую массовую поддержку программу, политический философ должен оставить «тому коварному и хитрому созданию, в просторечии называемому государственным

---

¹⁹ Ср. официальное политическое заявление британской партии консерваторов, где с достаточным основанием утверждается, что «эта новая концепция [социальных услуг] была разработана коалиционным правительством, в котором консервативные министры составляли большинство, и было утверждено консервативным большинством палаты общин... Мы устанавливаем принцип, на котором должна основываться система пенсионного обеспечения, пособий по болезни, безработице, по несчастным случаям на производстве и национальная система здравоохранения» (The Right Road for Britain: The Conservative Party's Statement of Policy. London: Conservative and Unionist Central Office, 1949. P. 41–42).

деятелем или политиком, решения которого определяются изменчивыми и преходящими моментами»²⁰. В задачу политического философа может входить только влияние на общественное мнение, а не организация людей для действий. Он может действовать эффективно только тогда, когда не заботится о том, что политически осуществимо сегодня, но постоянно защищает «общие принципы, всегда неизменные»²¹. В этом смысле я сомневаюсь, что возможна такая вещь, как консервативная политическая философия. Консерватизм часто бывает полезен, как правило, практической деятельности, но он не дает нам каких-либо руководящих принципов, которые способны влиять на долговременное развитие.

---

²⁰ *Smith*. *Wealth of Nations*. Vol. 1. P. 432 [*Смит*. *Богатство народов*. С. 454].

²¹ *Ibid.* [Там же.]

Аналитическое содержание

9	Предисловие
11	Благодарности
13	Сокращения библиографических ссылок
15	Введение

Часть I. Ценность свободы

Глава 1. Свобода и свободы

27	1. Свобода как отсутствие принуждения
31	2. Ее отличие от политической свободы
33	3. Ее отличие от «внутренней свободы»
34	4. Ее отличие от свободы, понимаемой как сила
37	5. Все эти понятия несопоставимы
39	6. Свобода и рабство
40	7. Свобода, принуждение и закон

Глава 2. Творческие силы свободной цивилизации

43	1. Цивилизация и рост знания
46	2. Различные способы использования опыта
48	3. Передача опыта и обмен им
50	4. Довод в пользу свободы, основанный на признании человеческого неведения
52	5. Свобода как предоставление возможностей заранее неизвестному меньшинству
55	6. Свобода мысли и свобода действия
57	7. Свобода и изменение ценностей
58	8. Конкуренция и организация
60	9. Рационализм и ограниченность разума

Глава 3. Прогресс с позиций здравого смысла

61	1. Утрата веры в прогресс
63	2. Прогресс и процесс улучшений
66	3. Прогресс и неравенство
68	4. Экспериментирование с новшествами в образе жизни
69	5. Международные аспекты неравенства и прогресса
71	6. Перераспределение и темпы прогресса
72	7. Материальный прогресс и другие ценности
74	8. Цивилизация зависит от продолжения прогресса

Глава 4. Свобода, разум и традиция

77	1. Две традиции свободы
80	2. Эволюционная концепция

84	3. Возникновение социального порядка
86	4. Несовместимые послышки двух подходов
88	5. Обычай и традиция
90	6. Моральные правила
92	7. Предрассудки в отношении предрассудков
94	8. Моральное и «общественное»
96	9. Свобода как моральный принцип
98	10. Роль разума

Глава 5. Ответственность и свобода

100	1. Нераздельность свободы и ответственности
101	2. Оба понятия дискредитированы из-за сомнений в существовании «свободы воли»
103	3. Цель и смысл возложения ответственности на человека
106	4. Ответственная личность
108	5. Преследование индивидуальных целей
110	6. Ответственность за собственное благополучие
111	7. Воспитание для жизни в условиях свободы
112	8. Сфера ответственности

Глава 6. Равенство, ценность и заслуги

115	1. Равное отношение и уравнивание
116	2. Важность индивидуальных различий
118	3. Природа и воспитание
120	4. Семья и наследование
121	5. Равенство возможностей
123	6. Конфликт между заслугами и ценностью
126	7. Принципы вознаграждения и свобода выбора
128	8. Последствия распределения в соответствии с заслугами
131	9. Свобода и распределительная справедливость
132	10. Требования, основанные на принадлежности к конкретному сообществу

Глава 7. Правление большинства

134	1. Либерализм и демократия
136	2. Демократия — средство, а не цель
138	3. Народный суверенитет
140	4. Оправдание демократии
142	5. Процесс формирования мнений
144	6. Необходимость принципов и опасность дрейфа
145	7. Первичность идей
148	8. Задачи политического философа
149	9. Условия сохранения демократии

Глава 8. Наемный труд и независимость

- 152 1. Увеличение доли населения, занятого трудом по найму
- 154 2. Условия свободы наемных работников
- 155 3. Моральные критерии, применяемые к наемным работникам
- 157 4. Влияние этих критериев на законодательство
- 158 5. Свобода возможна только при отсутствии единой иерархии наемных служащих
- 159 6. Важность существования людей, независимых в своих средствах
- 161 7. Этнос класса богатых
- 164 8. Лидерство в сфере нематериальных ценностей

Часть II. Свобода и закон

Глава 9. Принуждение и государство

- 169 1. Понятие принуждения
- 171 2. Принуждение и власть
- 172 3. Принуждение и монополия
- 174 4. Степени принуждения
- 176 5. Принуждение и индивидуальная сфера, защищенная от вмешательства
- 177 6. Собственность и защита от принуждения
- 179 7. Обеспечение соблюдения общих правил минимизирует принуждение
- 180 8. Неизбежное принуждение
- 181 9. Оправдание принуждения
- 184 10. Принуждение и моральное давление

Глава 10. Закон, приказы и порядок

- 186 1. Демаркация индивидуальных сфер абстрактными правилами
- 188 2. Различие между приказами и законами
- 190 3. Специфические (конкретные) и общие (абстрактные) правила
- 193 4. Произвол, привилегия и дискриминация
- 194 5. Закон и свобода
- 196 6. Разделение знания при деятельности в рамках общих правил
- 200 7. Порядок без приказов

Глава 11. Истоки принципа верховенства закона

- 204 1. Современная свобода начинается в Англии XVII века
- 209 2. Истоки идеала свободы в древних Афинах...
- 213 3. ... и в Римской республике

- 216 4. Борьба англичан с привилегиями
- 220 5. Кодификация доктрины вигов
- 222 6. Развитие событий в XVIII веке
- 224 7. Новые формулировки Юма, Блэкстона и Пейли
- 227 8. Конец развития британской традиции

Глава 12. Американский вклад: конституционализм

- 229 1. Отцы-основатели и британская традиция
- 231 2. Конституция как механизм ограничения властных полномочий
- 233 3. Конституция свободы
- 237 4. Конституции штатов и билли о правах
- 240 5. Открытие федерализма: разделение власти есть ограничение власти
- 244 6. Эволюция судебного контроля
- 248 7. Своеобразная история надлежащей правовой процедуры
- 250 8. Великий кризис 1937 года
- 252 9. Влияние американской модели

Глава 13. Либерализм и администрация: *Rechtsstaat*

- 254 1. Отторжение абсолютизма
- 256 2. Бесплодные усилия Французской революции
- 258 3. Послеревolutionционный либерализм во Франции
- 260 4. Истоки германской традиции *Rechtsstaat*
- 262 5. Создание предпосылок в Пруссии
- 263 6. *Rechtsstaat* как идеал либерального движения
- 266 7. Проблема административных судов
- 269 8. Непонимание континентальной традиции в Англии

Глава 14. Механизмы защиты индивидуальной свободы

- 272 1. Верховенство закона как метаправовая доктрина
- 276 2. Признаки истинного закона
- 279 3. Определенность закона
- 280 4. Всеобщность и равенство
- 282 5. Разделение властей
- 284 6. Пределы административного усмотрения
- 287 7. Законодательство и политика
- 288 8. Фундаментальные права и гражданские свободы
- 289 9. Условия допустимости вмешательства в частную сферу
- 291 10. Процессуальные гарантии

Глава 15. Экономическая политика и верховенство закона

- 293 1. Индивидуальная свобода исключает некоторые методы правления
- 296 2. Сфера правомерных государственных действий
- 298 3. Сфера административных действий
- 300 4. Меры, недопустимые в принципе
- 302 5. Содержание частного права
- 303 6. «Свобода договора»
- 304 7. Верховенство закона и распределительная справедливость

Глава 16. Упадок закона

- 307 1. Германские истоки реакции против верховенства закона
- 308 2. Школы, выступающие против традиционных ограничений
- 310 3. Правовой позитивизм
- 314 4. Судьба закона при коммунистическом правлении
- 316 5. Социалистические юристы в Англии
- 321 6. Интеллектуальные тенденции в США
- 324 7. Признаки возрождения закона

Часть III. Свобода в социальном государстве

Глава 17. Упадок социализма и возвышение социального государства

- 331 1. Завершение столетия социализма
- 333 2. Причины упадка социализма
- 334 3. Долговременные последствия социалистической эпохи
- 335 4. Смысл понятия социального государства
- 337 5. Изменившиеся задачи поборников свободы
- 339 6. Естественная тенденция административного государства к экспансии
- 341 7. Ограничение дальнейшей дискуссии внутренней политикой
- 343 8. Монополии и другие менее значимые проблемы

Глава 18. Профсоюзы и занятость

- 347 1. Свобода объединений
- 351 2. Профсоюзное принуждение и заработная плата
- 354 3. Пределы власти профсоюзов над заработной платой
- 355 4. Методы принуждения, применяемые профсоюзами
- 357 5. Правомерные и полезные функции профсоюзов
- 360 6. Меры, ограничивающие принуждение
- 362 7. Роль денежной политики

- 364 8. Долгосрочные последствия политики профсоюзов
- 366 9. Стоящий перед нами выбор

Глава 19. Социальное обеспечение

- 369 1. Государственная благотворительность и принудительное страхование
- 371 2. Тенденции последнего времени
- 375 3. Демократия и эксперты
- 378 4. Спонтанный рост в противоположность замыслу
- 379 5. Тенденция к расширению аппарата социального обеспечения
- 381 6. Обеспечение в старости
- 385 7. Страхование здоровья в противоположность бесплатному здравоохранению
- 388 8. Пособия по безработице
- 390 9. Кризис системы социального обеспечения

Глава 20. Налогообложение и перераспределение

- 395 1. Центральное значение вопроса о перераспределении
- 398 2. Возникновение прогрессивного налогообложения
- 400 3. Изменения в способах его оправдания
- 402 4. Прогрессивное налогообложение не вызвано финансовой необходимостью
- 404 5. Прогрессивное налогообложение и демократия
- 407 6. Пропорциональное налогообложение в противоположность прогрессивному
- 410 7. Является ли «надлежащий доход» единственно допустимым способом материального вознаграждения?
- 414 8. Этическая проблема и принципы политических действий

Глава 21. Денежная система

- 417 1. Деньги и государство
- 421 2. Инфляция и социальное государство
- 424 3. Инфляция и дефляция
- 427 4. Правила в противоположность дискреционным полномочиям в денежной политике. Золотой стандарт
- 430 5. Дискреционные полномочия и цели центрального банка
- 431 6. Иллюзии, связанные с инфляцией

Глава 22. Жилье и городское планирование

- 433 1. Проблемы городской жизни
- 436 2. Ограничения на величину арендной платы
- 438 3. Предоставление жилья государством
- 439 4. Экономика трущоб

442	5. Городское планирование и права собственности	472	3. Государственное управление и государственное финансирование
446	6. Контроль над землепользованием	474	4. Образование и равенство
448	7. Строительные нормы и правила	476	5. Проблемы высшего образования
449	8. Контроль над размещением производства	479	6. Новая иерархия?
Глава 23. Сельское хозяйство и природные ресурсы		481	7. Университеты и исследовательская деятельность
451	1. Сельское хозяйство и промышленный прогресс	482	8. Академическая свобода
454	2. Ценовой контроль и «паритет»	484	9. Финансирование и организация исследований
455	3. Подопечные государства	486	10. «Человеческое развитие в его глубочайшем многообразии»
457	4. Государство и распространение знаний	Послесловие. Почему я не консерватор	
459	5. Сельское хозяйство в слаборазвитых странах	487	1. Консерватизм не предлагает альтернативного направления движения
460	6. Сохранение природных ресурсов	489	2. Треугольник политических >партий
462	7. Коллективные и индивидуальные способности к предвидению	490	3. Радикальное различие между консерватизмом и либерализмом
464	8. Конкретные ресурсы и общий прогресс	494	4. Слабость консерватизма
467	9. Культурные объекты и сохранение дикой природы	496	5. Рационализм, антирационализм и иррационализм
Глава 24. Образование и научные исследования		497	6. Проблема названия для партии свободы
468	1. Передача знаний и права детей	499	7. Новое обращение к старым вигам
470	2. Образование и государство	500	8. Принципы и практические возможности

Предметный указатель

- абсолютизм:
административный 324–325; в континентальной Европе 254–256, 259–260, 262–263; и закон 206
- абстракция:
и правила, действующие в обществе 188–189; ее проявления 188
- Австрия 10, 262
- Австро-Венгрия 472
- Авторитаризм 134, 343, 490–492
- адаптация:
и возникновение институтов 84; и правила 197–198; и прогресс 63; и рост знаний 55
- Администрация:
английская 263–266, 278; *vs* бизнес 285; в континентальной Европе 254–255, 260; движение за новое государственное управление 321–322; и делегирование власти 283–284, 316; и деспотизм 334, 446; ее законодательное ограничение 265, 268; ее рвение 340–341; ее чрезмерное усердие 451; и жилье 438–439; *vs* закон 286, 315–316; и законодательство 282–284; обладающая чрезмерное властью 319–325; и произвол 324, 326; и профсоюзы 361–362; и публичные и частные сферы 279, 288; и работа по найму как занятие большинства 156–157; и разделение властей 282–287, 298–299, 322–323, 334; *vs* рынок 364–365; и социальное государство 340–341; социального страхования 371–373; и судебная власть 266–267, 269–271, 286–287, 326–327; и суды 318–319, 320, 326. *См. также* исполнительная ветвь власти
- Акт о престолонаследии от 1701 года (Англия) 222–223
- альтруизм и ответственность 108–110
- Америка *см.* США
- Американская революция:
и английские идеалы 230; и виги 499; и высший закон 234; и Конституция Великобритании 231–232; и либерализм 499; и Французская революция 258
- Анархия 38
- Англия *см.* Великобритания
- антирационализм:
и британская традиция 61; и вера 98; и Давид Юм 81, 98; *vs* иррационализм или мистицизм 98; и христианская традиция 87–88; и эволюционная традиция 91
- аристократия и класс интеллектуалов 162–163
- Афины, древние:
и изомомия 211, 212; индивидуальная свобода 209; противостояние тирании 211; и рационализм 82–83. *См. также* Греция, Древняя
- банковское дело:
и денежная политика 420, 427–428; международное 429; и разделение властей 430–431
- Бевериджа отчет 385–386, 391, 393
- бедность:
городская 440–442; как относительное понятие 67; и перераспределение богатства 65
- безопасность и свобода 36, 57
- Бельгия 381, 422
- Бентама последователи 78, 228
- бизнес:
vs бюрократия 286; *vs* государственное предпринимательство 297–298
- благотворительность *см.* государственная благотворительность
- бог и закон 206–207, 212–213
- богатство:
и досуг 164–165; и заслуги 123–124, 129–130; и налогообложение 413; и необходимость богатого класса 165; и праздные богачи 162, 164; и прогресс 69, 70–71; протесты против него 63; и радикализм 163–164; и расточительство 164; и свобода 37; и филантропия 161–162. *См. также* перераспределение богатства
- большинство:
и авторитетный источник суждения 135, 138–139; и верховенство закона 274; временное 236, 237; и действия, основанные на принципах 146–147; и дискриминация 139; его действия 53–55; его неограниченная власть 229; его право против индивида 35; его самоограничение 149; и занятость 153–156; личная свобода как благо для него 53–54; и мнение 134, 142, 149; и мудрость 144; навязывание его воли 144; и налогообложение 406, 415; ограничения в его правлении 139, 140; и правила морали 96–97; и развитие общественного мнения 148; и роскошь 66–67; свобода как недоступная ему 53; и установление заработной платы 365. *См. также* демократия
- Британское Содружество Наций 423
- буржуазное общество 202
- бюрократия *см.* администрация
- валюта:
ее девальвация 423; резервная валюта с товарным обеспечением 429–430
- Великая депрессия 250
- Великая хартия вольностей:
и американские колонии 229, 230; ее интерпретация Эдвардом Куком 217; ее влияние 206, 208–209, 225–226; ошибочная интерпретация 208; как неизменная 219; конституция свободы 208
- Великобритания:
административное право 270; административный произвол 325–326; академическая свобода 482; Акт о престолонаследии 1701 года 223; верховенство закона 222–227, 268, 315–321; и виги 497, 499, 500; влияние античности на нее 215–216; Гражданская война и Реставрация 218–220; «дебаты об армии» 218; дебаты о хлебных законах 223; дело Уилкса 223; и денежная политика 428; жилищная политика 442; Закон о городском и сельском планировании 320, 446–447; Закон о трудовых спорах 1906 года, 348; Звездная

палата 218, 225, 226; и изомомия 210–212; и имперализм 496; и инфляция 422; Комитет по административным процедурам 324; и конституция 224, 230–231, 244, 263; концепция закона 207–208; король и парламент 216, 218–219, 223, 224–225, 230; Лейбористская партия 334; либерализм 498; монополия 216–217; Национальная служба здравоохранения; 382, 385–386 общее право 216–217; Петиция 1610 года 217; политика заработной платы 364–465; прерогативные суды 218; прогрессивное налогообложение 401–404, 413; правление Кромвеля 497; регулирование арендной платы 438; реформа образования 480; сельскохозяйственная политика 454–459; свобода в ней 209–210; и свобода 77–82, 83, 86, 204–206, 228; сильная администрация 207; Славная революция 218, 220–221, 230; и социализм 308, 331; социальное страхование 371, 378, 381, 382, 384, 501; уравнивание экономического положения 71; фабианское движение 321; фабричное законодательство 299; философия права 321; и эволюция политических институтов 85, 87–88; и экономика *laissez faire* 87

верховенство закона:

и административные суды 270; «Афинский акт» 327; в разных странах 268–269; вклад Пруссии 263; и Германия 259, 268–269, 307; и государственное регулирование 300; Декларация прав человека и гражданина 256, 263; и делегирование 283; и демократия 325; и дискреционные полномочия 284–285; его восстановление в правах 327; его враги 323; его идеал 221, 222, 225; его консолидация 221–223; его отрицание в России 313–316; его полезность 199–200; его упадок во Франции 258; *vs* законодательство 273–279; и значение слова *rule* (правило) 214; и изомомия 210; исключения 290; и конституционная монархия 365; конфискация с компенсацией 290–291; и либеральное движение 253; и мораль 261; нападки на его принцип 274–275; и нацизм 320; и недееспособность государства 314; и общая воля 255; общее 262; и общее право 262; и общие принципы 260; отход от него в Англии 316–321; попытки реформаторов ослабить его 304; и права 254; и правовой позитивизм 311–312, 314, 317–318, 325; и прецедентное право 262; и принуждение 273–276, 286–287, 298–299; и произвол 216–217, 255, 326; и профсоюзы 358–359, 363, 367; и процессуальные гарантии 291–292; и равенство перед законом 281–282; и разделение властей 282; и свобода 222, 258–259, 313–314; договора 305–306; и советская теория 313; и социализм 317–319; и социальная справедливость 305–306; и справедливость 261; судебный контроль 286–287; и теория *vs* практика 268; и экономические отношения 293, 295–296; и *nulla poena sine lege* (нет наказания без закона) 130, 262, 276; и *Rechtsstaat* 267–268, 313. См. также закон

Верховный суд США:

и воздержание суда от вмешательства 246; его традиционная роль 250–251; и исполнительная власть 249–250; конституционное право 248–249; о законе, имеющем обратную силу 247; превышение полномочий 249;

и профсоюзы 349, 362, 367; и социальное государство 335–336; и социальное обеспечение 383–384; судебный контроль 245, 246, 248; и Франклин Д. Рузвельт 250–252

виги:

и американские колонии 230; и Великобритания 497, 499; в США 499–501; дискреционные полномочия 317; и естественное право 499; и изомомия 211; их поражение в политике 78; и либерализм 141, 226, 227; и правовой позитивизм 309; и религия 497; и судебная власть 500–501; Хайек как виг 499; и Фома Аквинский 206; и эволюция политических институтов 86; Эдмунд Бёрк как виг 98, 491–492; и *Rechtsstaat* 263–264

Виргинская декларация прав 239

власть:

абсолютная 307; ее легитимность 221; ее ограничения 230–231; как зло 171; как не ограничивающая себя 274; и общественное мнение 142; перечень полномочий 243; произвол 276; принуждать 171; и свобода 35–36, 38, 220–221

внешняя политика и политическая философия 16–17

возможности:

и заслуги 126–128; и инновации 49–50; и равенство 118–119, 308; и свобода 53

воинская повинность:

в целом 180; обязательная 180, 469–470

война:

и свобода 290; и тоталитаризм 484–485

воля:

большинства 144; ее свобода 34–35, 101–105, 109, 193; ее сила 33–34; и закон 109; народная 231; общая 255–256; и свобода 103

выравнивание, экономическое 71–72

Германия:

административные суды 265–267, 269; администрация 259–260; и английский образец 263–264; и антирационализм 98; верховенство закона 259–262, 307, 311–313, 325; естественное право 313, 325; и жилищная политика 438; и империализм 496; инфляция 422; катедер-социалисты 321, 336; и конституционная монархия 265; и конституционное право 259, 263; и либеральные и национальные движения 33; и литература о биллях о правах 237; и мистика суверенной власти 341; мораль в немецкой литературе 109; нацизм 320; и образование 472; Основной закон 234–235; правовой позитивизм 311–314, 325; прогрессивное налогообложение 401; регулирование арендной платы 438; сельскохозяйственная политика 455; социальное государство 335–336; социальное страхование 370–371, 381; и торговая политика 280. См. также *Rechtsstaat*

Голландская республика 204–205

гомосексуализм 183

государственная благотворительность:

и безработица 388–390; гарантия средств к существованию 369–370; и государственная монополия 392; как саморазмножающиеся социальные услуги 391–392; и проверка нуждаемости 391; и справедливая доля 369;

и страхование 370. *См. также* социальное обеспечение

государственное вмешательство:
и безработица 388–390; в частную сферу 296; включающее *vs* не включающее меры принуждения 182–183; директивное *vs* недирективное 296; для стабилизации экономики 342–343; допустимое 305; и доход 131–132; естественная склонность к нему 97–98; и заработная плата 363–366; и инфляционная политика 432; и монопольная власть 340–341; и мораль 184; и объем денежной массы 417; и предотвращение принуждения 180–181; и профсоюзы 366–367; и равенство 118–119, 123; и разное обращение с людьми 115–116; и рационализм 87–88; и регулирование цен и контроль над объемами сбыта 301–303; и сдерживание прогресса 60; и сельское хозяйство 458–460; и устранение недовольства 123; и французская теория свободы 78; характер *vs* объем 294–295; и целесообразность 294–295; и частная собственность 182–183; и экономическая деятельность 293–296. *См. также* отдельные сферы вмешательства, государство, ограниченное правление

государственное предпринимательство *vs* бизнес 297–298

государство:
высшее знание, которым оно обладает 463; его деятельность 296–297; его цель 220–221; и законодатель как садовник 99; и монополия на принуждение 41; и нерыночные блага 160. *См. также* государственное вмешательство, ограниченное правление

государственная политика:
и большинство, работающее по найму 156–158; и городское планирование 443–450; и закон 223–224, 318–319; и законодательство 286–289, 340–341; и идеи 147–149; и правила 286–288; и профсоюзы 347–350, 366–368; и равные законы 210–211; самоускоряющаяся 377; и социальная справедливость 305; и целесообразность 294–295; экономисты и экономика 294–295. *См. также* отдельные сферы политики

Гражданская война (в Англии) 217

гражданские права 359

гражданские свободы 28–29

Греция, Древняя:
враждебность по отношению к ней 208; законодательство 207; и изомомия 210–212; индивидуальная свобода 179, 208–210; моральное достоинство 109; образование 469–470; и ограниченная конституция 232; прямая демократия 235; рационализм 82. *См. также* Афины, древние; Спарта, древняя

Греция, современная 422

Дания 262, 422

Дарси *vs* Аллейн 216

дебаты о хлебных законах 223

Декларация независимости (США) 499

Декларация парламента, собравшегося в Вестминстере 219

Декларация прав человека и гражданина 182–183, 237–239, 256, 262–263

Дело Уилкса 223

Дело о монополиях (Англия) 217

«Демократия в Америке» (Токвиль) 142

демократия:
vs авторитаризм 134; в Древней Греции 235; и верховенство закона 274, 325; и выборный деспотизм 241; и голосование 212–213; и демагогия 140; и демократический дух 115; догматическая 134–136, 138, 139, 151; *vs* изомомия 210–212; *vs* либерализм 135–136, 149–150, 312; ее определение 136–137, 210; ее пределы 137–138; ее преимущества 492–494; и закон 151; и консерваторы 494–494; и мирные изменения 140–141; и неограниченное правление 493; и ограничение полномочий государства 134, 140; и однородность 137–138; и понимание общественных дел 141; и прогрессивное налогообложение 404–406; и произвол 256–258; и пропорциональное представительство 137; прямая 235; и расширение правительств 140; и свобода 140–141, 151; и социальное обеспечение 374–377; Токвиль о ней 142; эксперты и администраторы 151. *См. также* избирательное право

денежная политика:
и государственный долг и расходы 420; и дискреционные полномочия 426–428; ее необходимость 417–418; и золотой стандарт 428–429; и инфляция 382, 421, 426; и монополия 428; и ограничения дискреционных полномочий 430–431; правила *vs* дискреционные действия власти в ней 426–428; и принуждение 428

деньги:
выпуск денег 418; денежное обращение, его расстройство 417–418; и рынок 418–419; их стабильность 429; порча денег 417–418; устойчивость денежной единицы 417; эластичность предложения денег 419–420

деспотизм:
административный 334, 445–446; и благожелательность 331; выборный 241; как тип правления 263–264; новый 316–317; и образование 468–469; и патернализм 254–255; и производ 312; просвещенный 260; и советская система 314; и социализм 333–334; и *Rechtsstaat* 312–313

детерминизм, научный 34, 101–104. *См. также* наука

дискреционные полномочия:
административные 282–287, 298–299, 319–321, 322–323, 334, 340–341; и банки 429–430; и верховенство закона 317; и денежная политика 426–430; их законные ограничения 283–287; их значение 283–285; как троянский конь 284; социальное обеспечение 372–375, 391–392; и строительные нормы и правила 449; судебные 213, 282, 283–285; дискриминация: и государственное регулирование 300–301; и монополия 344; и правление большинства 140; *vs* привилегия 193; и прогрессивное налогообложение 404–406, 409; и равенство перед законом 280–282; и социальное государство 338; и торговая политика 280

добродетель 90, 109

договоры:
их нарушение 234–235; обеспечение их выполнения 303–304; *vs* приказы 319–320; и профсоюзы 262, 358–362; и статус 193; и частная сфера 178–179

доход *см.* распределение доходов
Дрэд Скотт *vs* Сэнфорд 246
Дэвенант *vs* Хёрдис 216

Европа:

академическая свобода 481–482; законотворчество 207; кодекс Юстиниана 216; кодексы законов 262; конституционное право 259; и новая свобода 35; образование 484–485; период социализма 331; и происхождение закона 205–206; профсоюзы 353; и работающее по найму большинство 158–159; революция 1848 года 331, 398; сельскохозяйственная политика 457–458; сильная администрация 208, 322; и уровень жизни 333–334

Европейский союз 454

Египет 422

естественное право:

в Германии 325; и вигизм 500; и деспотизм 312; его традиции 310; и законодательство 234; и правовой позитивизм 310–313; и собственность 139; утрата им привлекательности 198–199

жилье:

государственное жилищное строительство 438–440; его бюрократическое распределение 438–440; его дефицит 437; перенаселение 440; и производительность 439–440; и регулирование арендной платы 435–438; субсидии на него 433, 438; и урбанизация 435–436; ценовой механизм 440–442

зависть:

как гнусная страсть 123; и налогообложение 403, 415; и необходимость класса богатых 165; и неравенство возможностей 123, 130; неравенство результата 123–124; и принуждение 183

Закон Норриса – Лагардии 1932 года (США) 349

Закон о суде 1801 года (США) 245

Закон о трудовых спорах 1906 года (Великобритания) 348

Закон Шермана (США) 349

закон:

административное право 259, 271; *vs* администрация 286, 315–316; англосаксонское *vs* континентальное право 282; и благо народа 200; бога 234; в материальном смысле 195–196; всеобщий 261; высшие 214; государства *vs* природы 179; и государственная организация 139; и политика 223, 318–319; и границы между индивидами 186–187; и демократический механизм управления 151; и дискреционные полномочия 213, 215–216, 218–219, 224–225; доктрина его верховенства 225–227; и древний мир 82–83, 209–213; и европейские кодексы 262; его беспристрастность 193, 194; его верховенство 206, 212; его власть 260; его определение 225; его правление 223–224; его происхождение 167, 186, 198; его упадок 325–326; и законотворчество 207; и идеи 147; и изомония 210; имеющие обратную силу 239, 247–248, 279; инструментальные 192; их иерархия 233–235; их создание 206–207; как нарушение свободы 86; и кодекс Юстиниана 214; и коммунизм 314–315; конституционное право 259; мораль и право 186–187, 261;

и общая воля 255–256; и общее благо 256–257; ограничение им прав 234–235; от обычая к праву 191–192; и отрицательные явления 224–225, 251; отсутствие у него обратной силы 218; и плохие люди 88; и повеление суверена 207; и порядок 202; и права 254–255; и правление большинства 135; и правовой позитивизм 207; и правовой реализм 309; и предсказуемость 191–193, 196–199; представление о нем в классической традиции 195–196; *vs* правила 190–192, 256; и прецедент 144–145; признаки 272–276; *vs* приказ 189, 192, 228; и принуждение со стороны государства 41; и принципы 279–280; и произвол 193, 220; публичное *vs* частное право 281–282; и равенство 118–119, 134, 209–212, 218–219, 254–256, 279–280; и равная защита 248–249; и разрешение и запрет 315–316; разума 234; и религия 193–194; и свобода 31–32, 88–89, 204–205, 214–216, 254–256; современная теория права 195–196; создание 84, 205–270; и справедливость 281–282; и статуты 292; и судебная власть 213–215; и традиция 261–262; и угнетение 195–196; уголовное право 255; формальный *vs* абстрактный 191; царь 212, 219; и Цицерон 214–216; чистая теория права 311–312; и этика 261; свободное (право) 309; и *nulla poena sine lege* (нет наказания без закона) 223. *См. также* естественное право, *Rechtsstaat*, верховенство закона

Закон Клейтона от 1914 года (США) 349

законодательство и законодательная власть:

и администрация 282–284; в американских колониях 239; и высший закон 234; и государственное регулирование 298–300; и государственная политика 286–289, 340–341; и делегирование власти 283–284; законы, имеющие обратную силу 274; изобретение (законотворчества) 207; конституционные ограничения 231–232, 234, 241, 244, 247–249, 250–253, 258–260; на службе защиты свободы 216; и общие принципы 235; и ограничение дискреционных полномочий 285; и произвол 221–222; равное применение законов ко всем людям 292–294; и разделение властей 226; и разрешение и запрет 315–316; и социальное страхование 376; и специальные *vs* общие законы 347; и стандарт разумности 249–251; фабричное законодательство 298–299; и формирование конституции 235, 245; *vs* верховенство закона 273–279. *См. также* разделение властей

Законы Двенадцати таблиц 213

замысел:

и законодательство 207–208; и Конституция США 240; и координация человеческой деятельности 200–201; и порядок в жизни общества 201; и правила, управляющие обществом 186–187; и происхождение институтов 80–85; и свобода 77–78; и создание цивилизации 44–45; *vs* социальный процесс 144; и Французская революция 82–83; *vs* эволюция 377–378

занятость:

и безработица 381–382, 388–390; в государственном секторе 156–158, 340, 388; и вознаграждение 156–157; и голосование 153; и государственное регулирование 300–301;

- и защищенность 155–156; и инициативность и изобретательность 155–156; и интеллектуалы 162–163; как право 112; монополия на 174; и независимость 152–154; и одаренность 110–112; и отсутствие собственности 153; и политика полной занятости 363–364, 431; привлекательная *vs* непривлекательная 127; и принуждение 173–175; профсоюзы 352–353, 361–363; работа на государство 155–156; и свобода 153–156; и упадок самозанятости 152, 156, 162–163; и ценность 429–431; и цены 128
- западная цивилизация:
  - и быстрый прогресс 72–73; ее лидерство 73–76; зависть остального мира 73–75; заимствование остальным миром ее ценностей 16–17; и неравенство 68
- заработная плата:
  - и безработица 389; и государственное вмешательство 363–366; ее равновесная величина 363; и инфляция 361–365; и профсоюзы 352–354, 357–359, 361–363, 365, 389
- заслуги:
  - и богатство 123–124, 129–130; и возможности 127–129; и вознаграждение 123–131; и денежное вознаграждение 127, 130; и заработанные и незаработанные доходы 131–132; их значение 125; их оценка 125–126; и мораль 109; и образование 479–480; и распределительная справедливость 124; и ценность 124–125, 127–130
- здравоохранение:
  - в Великобритании 382; и государственное предоставление услуг 296–297, 379, 385–388; и доклад Бевериджа 385–386; как социальное обеспечение 381–382; и медицинские решения 385–386; и продление жизни 387; производительность его получателей 387–388; и стандарт обслуживания 385–387; и страхование 378, 385; и самоускоряющаяся политика 377
- знание:
  - и адаптация 54–55; *vs* вера 92–94; возможностей 74–76; его компоненты 47; его накопление и передача 48–50; его ограниченность 47–48; его рассеянный характер 52; и закон 192–193, 195–198; и занятость и одаренность 110–111; и неосознаваемые процессы 55–57; и исследования 480–481; как индивидуальное, а не коллективное 45–46; как непланируемое 55, 63–64; либеральное и консервативное отношение к нему 495; и мораль 495; и мудрость 52; и наука 46–48; и незнание 43–44, 52; и неравенство 65–68; и образование 468–470; и общественное благо 95–96; и организация 59–60; правил, направляющих общество 188; претензия государства на обладание высшим знанием 463; работы Хайека о нем 47; и рост цивилизации 47–48; и свобода 33; и способности и возможности 49–50; и стремление к 479; и существующее *vs* новое 59–60; и уровень жизни 65–68; и утопические конструкции 44–45; и экономическое доминирование Запада 70–71
- золотой стандарт 428–429
- идей, их влияние 146–147
- иезуиты 32–33
- избирательное право:
  - всеобщее 469–470; женщин 137–138; и пределы демократии 137–138; и рабы 40–41; и свобода 32; и тирания 32; у неимеющих собственности 153
- изономия:
  - vs* демократия 210–211; и Древняя Греция 210–212; первое использование этого слова 210, 214; песни, ее воспевающие 211
- иммиграция 470
- империализм 496
- индивидуализм 492
- индивидуальные права:
  - и государственное принуждение 41; *vs* права большинства 35
- Индия 414–415
- инновации:
  - их появление и распространение 50; и случайности 51–52, 484–485; и способности и возможности 49–50
- институты:
  - и жизнь, свобода и собственность 85–87; их выживание 84; их происхождение 82–84; и конфликт интересов 85–87; разумные причины их существования 82; и рост знаний 48–49, 56; и традиция и обычай 89; и хорошие и плохие люди 88; *vs* целостности 55
- интеллектуалы:
  - и занятость 162–163; их аскетизм 178; отсутствие этого класса в США 163–164
- интересы, их юриспруденция 309
- инфляция:
  - в истории 423; и денежная политика 421, 426–427; *vs* дефляция 423–424, 426–427; ее предотвращение 430–432; ее стимулирующий эффект 425; и заработная плата 361–365; и пенсионные накопления 381–383, 421–422; и полная занятость 430–431; постоянная 430–432; и прогрессивное налогообложение 406; и расходы на жилье 438; и социальное обеспечение 384
- Ирландия 422
- Исландия 262
- исполнительная ветвь власти:
  - и Верховный суд США 249–250; и судебный контроль 282; и Франклин Д. Рузвельт 250. *См. также* администрация, разделение властей
- истина, ее сохранение 16
- историки 224–225
- историзм 309–310
- история:
  - и экономика 335–336
- Италия:
  - и изономия 210–211; инфляция 422; налогообложение в XVI веке 395–396, 401; и происхождение свободы 204–205; социальное страхование 380–384; фашизм 313
- Канада 422
- капитал:
  - формирование 413; экономическое превосходство Запада 70
- капитализм:
  - и наследование 153; и предсказуемость 202
- Картезианская школа 80, 82
- Кейнсианство 363
- кодекс Юстиниана 214, 216

консерваторы и консерватизм:

и авторитаризм 490–492; и верховенство закона 319; и Верховный суд США 250–251; и виги 501–502; и демократия 492–494; европейских крестьян 73–74; его мистицизм 497; его определение 487–488; и империализм 496; и инерция 488; как политически нежизнеспособная идеология 502; и коллективизм 496, 501; и либерализм 488–491; и мораль 491–493; национализм консерваторов 495–496; и отсутствие принципов 491–493; и принуждение и мораль 184; и прогресс знания 495; и свобода 501–502; и сельскохозяйственная политика 454–455; и социализм 39, 319, 488–489, 491–493, 496, 499–501; и средний путь 488–489; и страх перемен 490–491, 493–496, 502; *vs* позиция Хайека 487–502

командная экономика 306

«Комментарии к законам Англии» (Блэкстон) 226 коммунизм:

его происхождение 313–316; и закон 314–315; и постоянная преподавательская работа в университете 484; и наследование 122

конкуренция, и организация 58–59

Конституция США:

Билль о правах 243–245; и британская конституция 230–232; и верховенство закона 323–324; и виги 499; восхищение ей 244; Девятая поправка 244, 247–248; как эксперимент 251–252; и конституции колоний 237–240; надлежащая правовая процедура 248–249; и народная воля 251; и ограниченное правление 241; пункт о регулировании торговли 249; Пятая поправка 248–249; разделение властей 244; и Статьи Конфедерации 239–241; и судебный контроль 239–245, 247–248, 252–253; сухой закон 184; традиция и историческая случайность 240; и федерализм 241–242;

Четырнадцатая поправка 248–249

конституция:

и Билль о правах 237–239; и долговременные и ближайшие цели 235; ее защита 218–219; ее необходимость 86–87, 230–232; ее создание 84–86; и иерархия законов и правил 233–237; необходимость обеспечивать ее исполнение с помощью принуждения 239–240; ограниченная 232; и ограниченное правление 232, 237–238; правление по конституции 224; и представительное правление 232–233; и разум 240; и рационализм 236; судебный контроль 245–247; США 247; фиксированная 230–232; и фундаментальные принципы 85, 237–239; и *Rechtsstaat* 263–265. См. также отдельные страны, Конституция США

контроль сознания 288

культура:

ее осознание 92; ее передача 86; и разница в социальных условиях 53; и роскошь *vs* необходимость 68; и стагнация 81

либералы и либерализм:

и Американская революция 499; английский *vs* французский 77–78; британский *vs* континентальный 498–499; и верховенство закона 253, 315–316; и вигизм 226–227, 499–500; *vs* демократия 135–136, 149–150, 312; и дискреционные полномочия 392; и долговечность социального государства 392–393; его насущная

задача 16; его определение 253, 487–488, 498–499; его скептицизм 497; его уверенность 490–491; и заслуги и вознаграждение 129–130; идеала *vs* прагматичный 81; и идеи 146–147; как преобразование естественного государства в правовое 264; как система принципов 97–98; консервативный *vs* радикальный 81; и консерватизм 488–491, 497; и монополия 344; и мораль 492–493; необходимость полного изложения его философии 17; и ограничение административной власти 265; и ограничение прав 274; и принуждение 134, 184; и прогресс знания 495; и прогрессивное налогообложение 401–402; и профсоюзы 348, 350; и процессуальные нормы 292; и разрешение и запрет 197; и рационализм 88–89, 228; и религия 497; и социализм 78, 307, 488, 496; *vs* тоталитаризм 134; и традиция 92; и уравнивающая справедливость 123–124; утилитаризм 498; фискальная политика 420; и Французская революция 496; и Цицерон 214; и элиты 493; и *Rechtsstaat* 263–264, 267–268

лингвистика 85, 211–212

литература:

немецкая 110; русская 101

личная инициатива:

в развивающемся мире 17; и суждение 196

личная ответственность см. ответственность, личная

марксисты и марксизм 153, 332, 333, 484–485

международные отношения:

и ограниченное правление 341–343

Международный комитет юристов 327

меньшинство:

его мнение 142–144; инакомыслящее 96–97; новаторы как 50; и мирные изменения 140–141; и налогообложение 406; правовая защита 276; и расистка трущоб 441

мир:

и быстрый прогресс 73–76; и демократические изменения 140–141; и ограничения власти большинства 149–150

мнение:

и власти 236–237; и власть государства 142; Высший суд США 250–251; и действия на основе принципов 146–147; его развитие 142–144, 148–149, 159–160; его свобода 21; его формирование 136–137; и защита прав 288–290; подчинение ему 134; и политика 502; и профсоюзы 355–356; и социальная реформа 161–162; и социальное обеспечение 380; и студенты 149; и филантропия 161–162; и формулировки идеала 15; и эксперты 18

молодежь 32, 334

монархия 260

монополия:

борьба либералов с ней 344; в Билле о правах 238–239; и вспомоществование 393; и государственное вмешательство 340–341, 345, 346; и государственное предпринимательство 297–298; и Дело о монополиях (Англия) 217; и денежная политика 428; и дискриминация 344; ее упразднение 345; и жилье 438–439; и здравоохранение 378; на выпуск денег 418; на предоставление нерыночных благ 159–160; на рынке труда *vs* в сфере производства 344, 347; и налогообложение 413; и обра-

- зование 478; и патенты 345; и препятствия для входа на рынок 435–446; и принуждение 173–175, 178, 296–298; и природные ресурсы 464; и профсоюзы 354–355; и социальное страхование 371–375, 378, 382–383
- мораль:
- и альтруизм 108–110; в частной сфере 183; и верховенство закона 261; и добровольное подчинение 90; и доход 131–132; и закон 186–187; и законодательство 96–97; и знание 495; и консерваторы 491–493; и моральные за-слуги 109; и правила поведения 93–94; при работе по найму 173–174; и принуждение 184; и разум 92; и рационализм 93–96; и социальное обеспечение 374–375; и ценности 95–96, 128
- мудрость:
- и большинство 144
- мыслительные операции 43
- Мэйфлауэрское соглашение 232
- надлежащая правовая процедура 248–251
- налогообложение:
- в Европе 401–402; и влияние на исход выбо-ров 404–406; возражение против прогрессив-ного налогообложения 396; и возрастающая геометрическая прогрессия 398; и государ-ственные расходы 403; и инфляция 421; как равновидность грабежа 398–399; и конфиска-ционные ставки 403, 405–406, 412; максималь-ные ставки 415; и Медичи 395–396; и монопо-лии 413; научная основа 398–402; и научные исследования 485–486; и неравенство 413; и неравномерный доход 409; и общее бла-го 344; и перераспределение 395–396; под-держка либералами 401–402; и предельная полезность 398–402б 409; и принуждение 180–181, 297–298; и проект единого земельного налога 445–446; и производительность 409–410; происхождение прогрессивного нало-гообложения 398–401; пропорциональное *vs* прогрессивное 398, 404–407; и разделение труда 410; и расходы 278; и рост доходов 405–406; и сбережения 409–410; и соответству-ющий доход 410–415; составители законов о нем, получающие твердое жалование 411; и социальное обеспечение 380–384, 401–402; и справедливость 406–409; степень прогрес-сии 401–404, 415; и стимулы 409; и формиро-вание капитала 413; и чрезмерные представ-ительские расходы 415; и этика 414–416; и юристы 415
- Наполеона кодексы 262
- наполеоновские войны 471
- наполеоновский режим 258
- насилие:
- и принуждение 171–175, 180–181; и профсою-зы 347, 352–353
- наследование:
- и возникновение современного капитализ-ма 153; и зло 198–199; и реформаторы 159; сво-бод 220–221; и филантропия 161–162
- наука:
- и академическая свобода 481–485; ее фи-нансирование 485–486; и знание 46–48; и ин-теллектуальная свобода 55; и исследова-ние 480–481, 485–486; и ложные гипотезы 92; и незнание 47–48; и неопределенность 64–66; и непредсказуемость 55; и поведение лю-дей 93; и полезность 65; *vs* политическая фи-лософия 149; и свобода 101–104, 187
- научный детерминизм *см.* детерминизм, науч-ный
- нацизм *см.* национал-социализм
- национал-социализм 319–320
- национализация 331
- национализм:
- и деспотизм 34; и коллективизм 496; кон-серваторов 495–496; и либеральные движе-ния 33; и распределение на основании наци-ональности 131–133
- Национальное управление трудовых отноше-ний (NLRB) США 367
- Национальное управление экономического вос-становления (США) 250
- национальные государства:
- и закон 139; их недееспособность 313–314; их правонарушения 312; права большин-ства 137–138; и стабильность и перемены 84
- невидимая рука:
- и разум 86–87; и человеческие законы 86–87
- независимость:
- и гражданское общество 159; *vs* заня-тость 152–153; как привилегия 152; и класс интеллектуалов 162–163; и свобода 220–221
- незнание:
- его институционализация 49–50; его сфе-ра 47–48; *vs* знание 43–44; и культура 45; *vs* неопределенность 49–50; и политическая теория 52; и свобода 50, 52, 485–486; и тер-пимость 52; и человек как раб своих стра-стей 33–34
- неопределенность и определенность:
- в ежедневной работе 169; и доктрины сво-бодной торговли 52; закона 279; и истинные законы 279–280; и научные открытия 64–66; *vs* незнание 49–50; и несвобода 169; и от-крытое общество 57; и преимущества сво-боды 53; и принуждение 180; и прогресс 61; и рационализм 59; успеха 126–127; и экономи-ческие решения 296
- непредсказуемость *см.* неопределенность и определенность
- неравенство:
- и богатые и бедные страны 70–72; возмож-ностей 123, 130; и демократический дух 115; дохода 131–132; его обоснование 399–400; его увеличение и уменьшение 101; и зависть 403; и наследование 119–122; и отбор на основе заслуг 479–480; и природа и воспитание 116–122; и прогресс 65–70; и прогрессивное нало-гообложение 413; результатов 123–124; и сво-бода 115, 334; и семейная среда и воспита-ние 119–122; и экономический рост 71–72. *См. также* равенство
- нерациональное действие:
- и рост знаний 56–57
- несвобода:
- и блага от свободы других 54; и значение свободы 29–30; и избирательное право 32; и молодость 31–32; и неопределенность 169; и оценка значимости свободы 21–22; и раб-ство 29; и равенство 115; и симпатии к нару-шителям закона 101; и человек как раб сво-их страстей 33. *См. также* свобода
- Новая Зеландия 422

Новый курс 324
Норвегия 422

образование:

и академическая свобода 481–486; и американизация 470; высшее 474–476; и государственное предоставление услуг 336; и деспотизм 468–469; его цель 470; и единство 468; избыточное 475–476; и исследования 480–481, 483; и наука 472–473; образовательные ваучеры 474; общественное *vs* частное 470–474; обязательное 468–472; и отбор на основе заслуг 479–480; и понимание общественных дел 141; и постоянная работа в университете на преподавательской должности, с которой сотрудник не может быть уволен 482–484; и равенство 122, 476–479; сегрегация 472

общее право:

и британская традиция свободы 80; и государственная необходимость 223–224; и «Дело о монополиях» (Англия) 216–217; его гибкость 262–263; его создание 83–84; и знание 95–96; и происхождение закона 207; и римское право 214; и свобода 216–217; и судебная власть 223; и экономические отношения 293

общественное благо:

и закон 256–257; и налогообложение 344; и общественные удобства 337–338; и произвол 254–255

общественный договор:

и ограничение власти большинства 139; и происхождение институтов 81–82; и Французская революция 82–83

обычай *см.* традиция и обычай

ограничения:

их отсутствие 35, 38–39; правила, определяющие поведение государства 42; *vs* принуждение 36

ограниченное правление:

в англо-саксонском мире 254–255; и верховенство закона 274–275; Дэнис Уэбстер о нем 246; его происхождение 207–208; и индивидуалистский минимум 336; и конституционализм 263–265; и Конституция США 231–232, 237–238, 241; и либерализм 134–136, 138–139; и международные отношения 341–343; попытки избавиться от него 305–306; и принуждение к исполнению законов 262; и социалисты и социализм 324–325, 335; *vs* тоталитаризм 324; угасание его традиций 311–312; *vs* фашизм 313; и федерализм 241–242. *См. также* государственное вмешательство

ограниченные возможности, люди с ними 106–108

ожидания, разочарование в них 52

определенность *см.* неопределенность и определенность

организация:

и Германия 80; и знание 59–60; и конкуренция 58–60; и корпорации 159; и свобода 58–60; и старшинство и субординация 200–201; и теории свободы 79

ответственность, личная:

и альтруизм 108–110; ее возложение 104–108, 112–113; ее необходимость 100; ее упадок 100; и занятость и одаренность 110–112; *vs* коллективная ответственность 113–114; и на-

учный детерминизм 34–35, 103; и образование 469; и последствия 105, 112; и природные ресурсы 462–463; и свобода 106–108; и свобода воли 104; страх перед ней 101; и успех 112

память и письмо 63

Парламент (английский):

и американские колонии 229–231; и воля народа 231; его власть 223–224; и король 216, 218–219, 223, 224–225, 230

патенты и монополии 345

патернализм и дискреционные полномочия администрации 340–341

Первая мировая война 311–312

перераспределение богатства:

и бедные страны 74; и верховенство закона 306; и долгосрочный *vs* краткосрочный взгляды 71–72; командная экономика 306; и крайняя бедность 65; и материальная *vs* формальная справедливость 307–308; на основе принадлежности к группе 131–133; налогообложение 395–396; *vs* прогресс 69–70; и распределительная справедливость 123–124; *vs* экономический рост 72, 74–76. *См. также* распределение доходов

перераспределение доходов *см.* распределение доходов

Перу 422

Петиция 1610 года королю Якову I (Англия) 217

письмо и память 63

планирование *см.* государственная политика

плановая экономика, прогресс в ней 68

позитивизм, правовой:

и верховенство закона 311–312, 314, 317–318, 325; его истоки 310, 312; и естественное право 310–313; и историзм 309–310; и социальная справедливость 309; и суверенитет 236–237; и тоталитаризм 325; и фашизм 313–314

полезность:

и закон 199–200; и наука 65; предельная 398–402, 409; и приспособленность 91; и регулирование собственности 198–199

политика как искусство возможного 148–149

полицейское государство и социальное государство 335–336

полиция, в Англии и Германии 288

порядок:

в социальной жизни 200–202; его определение 186–187; и повиновение 199–200; полицентрический 201; и совместная деятельность 492–493; и страх перемен 490

последовательность и разум 97

права человека 229–230

права:

билли о правах 237–239; в Пруссии XIX века 259–260; и верховенство закона 254–255; гражданские 214–215; и закон 234–235, 254–255, 274; и занятость 112; их перечисление 244–245; и Конституция США 243–245; на образование 479; на труд 361; немецкий подход 207; и система гарантизма 258–259; собственность 198; и федерализм 241–242; и частная сфера 176–179, 181–183

правила:

абстрактные 188–189; и государственная политика 286–288; демаркация индивидуальных сфер 187–189; деструктивные 95–97; добровольное подчинение им 90–91; *vs* законы

- и правила 190–192; *vs* изомомия 211; их иерархия 234–236; их функции 196–198; как необходимые для общества 186–187; как необходимые для свободы 90–92; как правление или господство 214; личные 95; моральные 94; *vs* приказы 189–191; и принуждение обычаем 191–192; и регулирование экономической деятельности 298–300
- правление:
- благожелательное 331; его наука 83–84; его централизация и децентрализация 342–343; законов, а не людей 213–214, 228, 238, 239, 246, 252–253, 323–324; и интерес *vs* мнение 134; неограниченное 492–494; произвола и закона 223–225; с согласия управляемых 228. *См. также* ограниченное правление
- право голоса *см.* избирательное право
- право голоса *см.* избирательное право
- право голосовать *см.* избирательное право
- право на получение или сохранение чего-либо: и занятость 112; и заработанное *vs* унаследованное 119
- правовой позитивизм *см.* позитивизм, правовой прагматизм и социализм 98
- праздность, ее критика 164–165
- предсказуемость:
- в социальной жизни 201; Великая хартия вольностей 219; и государственное регулирование 298–300; как главная функция закона 202–203; и капитализм 202–203
- прибыль, законная *vs* избыточная 131–132
- привилегия:
- vs* дискриминация 193–194; и контроль за производством 216–217
- приказы:
- законов и людей 214; *vs* законы и правила 189, 192, 228
- принуждение:
- административное 267–268; и базовые принципы 252–253; и верховенство закона 192–294, 273–276, 286–287, 298–299; и воля большинства 136, 144; и выбор 169–170; и городское планирование 443–445; государственная монополия на него 41, 178–179; и демократия 140–141; и денежная политика 428; *vs* добровольное подчинение 90; и доступ к ресурсам 171–174; и единообразное применение правил 180; его минимизация 28; его негативные последствия 180–181; его определение 41–42, 169–170, 173–175, 181; его пределы 149–150; его предотвращение 175–176, 180–181, 237–238, 242–243; его степени 174–175, 184; и зависть 183; и занятость 156–160, 173–175; и консерваторы 491; и либерализм *vs* демократия 135–136; и монополия 173–175, 178, 296–298; и мораль 183–184; наказание как 276; и налогообложение 297–298; непредсказуемое 180; обман и мошенничество 180–181; и образовательная политика 122, 468–472; *vs* обычные жизненные трудности 34–35; *vs* ограничения 36; и ограниченное правление 262; и освобождение от рабства 40; и ответственность 107–108; и политическая власть 171; полномочия применять 96–97; и профсоюзы 347–348, 350–352, 356–362, 366–368; и равенство 117–119; и разделение властей 241–243; разрушительное 96–97; и рынки; *vs* свобода 28, 30, 34; и свобода как власть 36–37; свобода как его отсутствие 33–35, 40, 80, 169, 175–176; сопротивление ему 175; и социальная справедливость 305–306; и социальное государство 337–339; и социальное обеспечение 370–371, 374–375, 379–380; то, которым угрожают, *vs* реальное 179–180; и угроза применения силы 172, 174–175, 180–181; и цели и средства 178–179; и частная сфера 176–179, 181–183, 184–185; и экономические отношения 175–176, 294–296; и эксперты и администраторы 149–151
- природа человека:
- ее разнообразие 115–116; и мораль 94; и рационализм *vs* эволюционизм 87–88; и себялюбие 86–87; и хорошие и плохие люди 88
- природные ресурсы:
- и государственный контроль 460–461, 462–463, 466; и инвестиции в сохранение 466; их истощение 461, 462–464, 465–466; и монополия 464; невозобновляемые 462–463; общедоступные 461; и рынок 462–464; типа запаса *vs* типа потока 461, 464–466
- природоохранное движение 460–461
- прогресс:
- и богатство 69–71; быстрый 72–74; его значение 63; его теории 63; как то, что производит себя само 63; и неопределенность 61–65; и неравенство 65–70; и отсутствие контроля 59–60; пользование его плодами 65; скептицизм по его поводу 61–62; и сопротивление переменам 73; и формирование мнений 142–144; и цели 63–64; цивилизация 62; и экономическое выравнивание 70–71
- прогрессизм:
- и движение за новое государственное управление 321; и дискреционные полномочия администрации 322–323; и изменения 502; и империализм 496; как реакционная идеология 318–319; и профсоюзы 347; и свобода 487–488; и социализм 322–323
- производство, контроль за ним 216–217, 333–334
- произвол:
- административный 324–326; и антимонопольная политика 344; и аресты 40, 180; и верховенство закона 254–255, 326; и верховенство закона в Европе 254–256; *vs* виги 500–501; в отсутствие верховенства закона 274; и городское планирование 449–450; и демократия 138–139, 256–258; и деспотизм 312; его значения 218; его правление 223–225; его предотвращение 220–221; и закон 149–150, 193, 203, 216–217, 220, 276; и законодательная власть 222–223; и заработная плата 366; и жилищная политика 437–439; и консерваторы 491–492; и Конституция США 237–238, 241; и король и парламент 219–221; и магистраты 224–225; и налогообложение 395–396; и неравенство 69; и общественное благо 254–255; и Парламент (английский) 229–230; правление по нему 223–224; и принуждение 27–28, 42, 176; и прогрессивное налогообложение 398, 406; и профсоюзы 366–367; и рабство 41; *vs* свобода 30, 204–205, 232; и социализм 338; и судебная власть 226; и тирания 174, 211; и тоталитаризм 309; и Французская революция 255–256; и *Rechtsstaat* 267–268, 313
- пролетариат 153

промышленность:

и городское планирование 449–450; и природные ресурсы 462–463; и сельское хозяйство 452, 458–459

профсоюзы:

и безработица 389–390; и ведение бизнеса 359–360; и государственная политика 347–350, 366–368; и гражданские права 359; и добровольные объединения 347; и забастовки и бойкоты 351, 357–359, 361, 389; законы о праве на труд 361; и заработная плата 352–353, 357–359, 361–366, 389; их власть 349–352, 353, 361, 363–366; их привилегии 348–351, 357, 359–361; их роспуск 363–364; их эволюция 347–349; и монополия 347, 353–354; и насилие 352–353; и общественное мнение 356–357; и переговоры 358–360; и принуждение 347–348, 350–352, 356–362, 366–368; и промышленные трибуналы 366; и социализм 333–334, 355; и типы договоров 262, 361–362; услуги, ими предоставляемые 357–358

Пруссия:

администрация 259–260, 268; и верховенство закона 259–260, 262–263; ее гражданский кодекс 262; как полицейское государство 266; образование 470–473; прогрессивное налогообложение 401; разделение властей 262–263; социальное страхование 371

Психология 93

пуритане 241

рабство:

в Древней Греции 209; и владение собственностью 40; добровольное 32; его определение 209; освобождение от него 40–41; и ощущение свободы 29; и правление без общего согласия народа 228; и эмансипация 248–249

равенство:

и английский *vs* французский либерализм 77–78; в Древнем Риме 216–217; возможностей 118–119, 308, 476; и зависть 115–116; и закон 209–212, 218–219, 254–256, 279–280; изменения в его идеале 122–123; и исономия 209–210; как несправедливость 308; как роскошь 72; материальное *vs* фактическое 115–117; на основе принадлежности к группе 131–133; и несвобода 115–116; и образовательная политика 122, 476–479; и превосходство 492–493; и принуждение 117–119; и прогрессивное налогообложение 399, 401, 406; и равная защита 248–249; и равная плата за равный труд 406–409; и свобода 36–37, 115–116, 395–396; и социальные услуги 391–392; и уравнивающая справедливость 123–124. *См. также* неравенство

радикализм и богатство 163–164

развивающийся мир 16–17

разделение властей:

в Билле о правах 238–239; в Конституции Великобритании 224; в конституциях американских колоний 239; в Пруссии 262; и верховенство закона 282; во Франции 262; и гражданское общество 220–221; Декларация прав человека и гражданина 256; его защита 218–219; его популяризация 224; как защита от абсолютной власти 221–222; и Конституция США 241; и отказ Англии от верховенства закона 318; повторное подтверждение 222–

223; политические философы о нем 225–226; появление идеи 219; и предотвращение принуждения 241–242; и различия партий 244; и социальное государство 340–341; и специальные *vs* общие законы 247; судебный контроль 245; Уильям Пейли о нем 226; и Французская революция 258

разум:

и конституция 240; недоверие к нему либералов и консерваторов 497; ограниченность его возможностей 235–236; пределы его применимости 97–99. *См. также* рационализм

распределение доходов:

и налогообложение 396–401, 404–405, 407; и сельское хозяйство 452–455; и социалистические цели 334–335; и социальное государство 338; и социальное обеспечение 371–373, 379; и социальные услуги 390–391; и честность 366

распределительная справедливость *см.* распределение доходов, перераспределение богатства
расточительство 164–166

рационализм:

vs вера 92–94; и виги 227–228; и возникновение институтов 81–82, 85–86; и древний мир 82; его определение 78; его основание 80; и конституционализм 236–237; и Конституция США 240; и контроль и предсказуемость 59–60; и мораль 91, 93–96; и последовательность 97; и свобода 88–89; и теории свободы 78, 80; традиция и обычай 89, 91; и утилитаризм 227–228; и Французская революция 497; французская традиция свободы 34–35, 80; и христианство 87–88; *vs* эволюционизм 85–89; и экономика *laissez faire* 86–87. *См. также* антирационализм

реализм, правовой 309

религия:

для консерваторов, социалистов и либералов 492, 497; обеспечение соблюдения ее требований 182–183; и закон 193–194. *См. также* христианство

Ренессанс и истоки свободы 204–205

Реставрация (Англия) 218–220

Рим, Древний:

враждебность к нему 208; законодательство 207; и индивидуальная свобода 208; конституция 82–83; и ограниченная конституция 232; правовая традиция 213–216; экономика 216

риск:

и занятость 153–155; и стихийные бедствия 133; и ценность 126–128

романтизм и английский либерализм 80

роскошь:

и предметы необходимости 66–67; равенство как 71–72

Россия:

государственная медицина 388; и марксизм 333–334; нарушители закона в русской литературе 101; наука в ней 484–485; образование в ней 484–485; первые годы коммунизма 314–318

рынок:

vs административное управление 364–365; и государственные услуги 297; и заработная плата 364–366; как голосование 73–74; и нерыночные блага 160–161; и объем денежной

массы 418–419; ограничения, свойственные рынку 160; и правовой порядок 303; и природные ресурсы 463–464; и регулирование цен и объемов выпуска 301–303; и сельское хозяйство 455; и ценность собственности 444–445

свобода:

vs абсолютная власть 307; альтуизм vs эгоизм 108–110; английская концепция 227–228, 258; английские vs французские теории 77–82, 227–228; и благожелательное правление 331; благотворность для большинства 53–55; и богатство 37; в древности 82–85, 209–210; в средневековой Европе 207; в США 489–490; в христианстве 84; и верховенство закона 33, 222, 313–314; и власть 34–35, 37, 38; и власть большинства 229–230; и влияние Англии на США 229–231; внутренние 33–35, 38–39, 41; и война 290–291; воли 34–35, 101–105, 109, 193; vs воляность 31–32; и воля 103; всеобщность ее традиции 18–19; и гражданские разногласия 77–78; и демократия 140–141, 151; и денежная экспансия 431–432; и дети 468–469; и децентрализация функций публичной власти 342–343; деятельности 57; диапазон возможностей для выбора 31–32; и добродетель 21, 90; и договорное рабство, религиозная присяга 32–33; договора 303–304, 361; vs доминирование 493; и достоинство индивида 108–109; и Древняя Греция 179, 208–210; ее гарантии 290; ее значение 225–226; ее интеллектуальные основания 80; ее исчезновение 272; ее конституция 208; ее критерии 19; ее медленно вырабатываемый продукт 77–78; ее наука 186–187; ее ограничения 186–187; ее определение 21, 25–31, 34–39, 175–176, 209; ее политические и другие формы 31–32, 39, 228; ее правовые гарантии 246; ее происхождение 204–208; ее различные типы 28; ее философия 19–20; ее ценность 20–21; естественная 85–86; и закон 86, 214–216, 254–256; и занятость 110–112, 153–156; и защищенность 36, 57; и принцип судебного вердикта 100–101; и индивидуальная инициатива 17; интеллектуальная 55; как всемогущество 35; как желанная 38–39; как не являющаяся результатом замысла 77–78; как отсутствие ограничений 35–36, 38–39, 204–205; как отсутствие принуждения 33, 34, 35, 40, 169, 176; как первоисточник потребности человека 21; как сила 35–36, 38–39; коллективная 33; и консерватизм 500–502; личности vs социального коллектива 311–312; метафизическая 33–34; и молодежь 32; и мораль 90, 109, 96–98; название для партии свободы 497–498; и наполеоновский режим 258–259; и наука 101–102; национальная 33; небольшое число ее друзей 487; и независимость 220–221; и незнание 50, 52, 485–486; и неопределенность 53; и непредсказуемость 51; и неравенство 115, 334; новая формулировка ее идеала 163; новая 34–35, 41; и общее право 216–217; объединений 347–348; и ограничения прав 273–274; и организация 58–59; и освобождение рабов 40–41; от нужды 27; и ответственность 101, 106–108; и повседневные пробле-

мы 21; подавление во имя свободы 34–36; позднее признание преимуществ 77–78; позитивная vs негативная 36–37, 39–40; политическая 30–32; и правила поведения 90–92; и предсказуемость 202–203; прессы 243; и принуждение 28–30; и принципы vs целесообразность 96–98; причины ее важности 25; и прогрессивные движения 487–488; и профсоюзы 347, 367; и процессуальные гарантии 291–292; и работа на государство 158; и рабство 29, 32–33, 40–41; и равенство 36–37, 115–116, 395–396; и разделение властей 225–226; и рассеянное знание 52; и рационализм 88–89; и рвение администрации 340–341; и свободная торговля 294–295; свободное общество как целое vs индивидуальная свобода 21–22; и свободы 25–42; и скептицизм 497; и собственность 32; и создание закона 207; и социализм 308, 334; и социальное государство 337–340; и социальное обеспечение 374–375; и социальные vs физические обстоятельства 30; страх перед ней 100–102; и субсидии на жилье 438–439; субъективная 33–34; и сфера свободы 280–290; и традиция 89; уверенность в ней 262; и удовлетворение желаний 34–35; упадок и возрождение ее философии 22–24; утверждающая сама себя 220–221; и ущерб другим 182–183; и Французская революция 256–258; и ценности 21; и человеческое развитие 485–486; экономическая 34–35, 57, 216–217, 293. См. также гражданские свободы, несвобода

Свободы торговли, доктрины 52

Сегрегация и государственное образование 472
сельское хозяйство:

в развивающемся мире 458–460; государственное субсидирование 454; и государственный контроль 455–456; и заработки фермеров 459; и земельная реформа 458; и изменения численности населения 451–452; и паритет 454–455; перепроизводство 455; и политика 454–455; и промышленность 452, 458–459; и протекционизм 494; и распространение информации 458; и расходы и цены 452–453, 455, 457; и сохранение почв 457, 464–466; и эстетика 456–457

система цен:

и занятость 429–431; и заработная плата 363–365

Славная революция (Англия) 218, 220–221, 230
случайности:

и инновации 51–52, 55, 484–485; и социальная справедливость 478

собственность:

в Конституции США 248–249; и городское планирование 444–450; и гражданское общество 159; и договоры 178; ее неприкосновенность 198; ее социализация 444–446; и естественные законы 197, 198; и занятость 153; защита 182; ограничения в нанесении ей ущерба 214–215; и ответственность 112–113; и планирование в Великобритании 320; и права 197–198; и правовой порядок 303; и предотвращение принуждения 177–179; и природные ресурсы 461; раздельная 177; и строительные нормы и правила 449–450; и уравнивающая справедливость 123–124; частная 177; и частная

сфера 190–191; и эффекты соседства 435–436.
См. также жилье

совершенство, стремление к нему 23

Советский Союз 314–318, 333–334

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (UK) *см.* Великобритания

социалисты и социализм:

Америка как источник вдохновения 321–322; в Древнем Риме 216; в Европе XIX века 266–268, 307; и верховенство закона 317, 319–320; и виги 500–501; горячий *vs* холодный 334–335; его неизменная привлекательность 334–335; и занятость 155; и империализм 496; и коммунизм 313–316; консерваторы и консерватизм 39, 319, 488–489, 491–493, 496, 499–501; и либерализм 78, 488, 496; международные тенденции 331–334; мораль 492–493; и налогообложение и сбережения 409–410; и национализация 331; и ограниченное правление 324–325, 335; и прагматизм 98; и принуждение и мораль 183–184; и прогрессизм 322–323; и произвол 338; и профсоюзы 355–356; разочарование в нем 334–335; и распределительная справедливость 129–130; и рационализм 497; и революция 1848 года 331–332; и свобода 35, 308, 332; и сельское хозяйство 454–455; синдикалистский 359–360; и социальная справедливость 331–335; увлечение им после Второй мировой войны 331–334; и уровень жизни 333–334; и утилитаризм 16; и Французская революция 258, 500–502; *vs* *Rechtsstaat* 313. *См. также* национал-социализм

социальная демократия 78, 83

социальная мобильность и налогообложение 413

социальная справедливость:

и большинство, работающее по найму 155–156; и верховенство закона 305–306; движения в ее поддержку 309–310; и зависть 123; и заработная плата 364–366; материальная *vs* формальная 307–308; и национализация 331; и случайности 478; и социализм 331–335; и социальное государство 338

социальное государство:

Алексис де Токвиль о нем 329; в Европе XIX века 267–268; его долговечность 391–393; его истоки 336; его пределы 337–338; издержки общественные *vs* частные 297; и инфляция 421; как термин 335–336; и образование 479–480; и полицейское государство 335–336; и принуждение 337–339; и свобода 339–341; и субсидии на жилье 438–439. *См. также* государственная благотворительность, социальное обеспечение

социальное обеспечение:

административный аппарат для него 371–373; и безответственность получателей 376–377; всеобщее право на него 379–380; и дискреционные полномочия 391–392; и европейское социальное страхование 370–371; его амбициозные цели 375; его отрасли 381–382; его сложность 375–377; его финансирование 374; его частное предоставление 372–373, 384, 393; зависимость престарелых от него 383–384; как саморазмножающееся 391–392; и минимальное *vs* адекватное содержание 382–383, 390–392; и налогообложение 380–

381, 401–402; общественная поддержка 380–381; и общественные отношения 379–380; отказ от обязательств по нему 393; перераспределение дохода 390–392; и политика 383–384; и принуждение 370–371, 374–375, 379–380; и проверка нуждемости 391–392; происхождение его в США 373–374; и пропаганда 380; стадии его развития 379. *См. также* государственная благотворительность

социальное страхование *см.* социальное обеспечение

социальный процесс *vs* замысел 144

социальный рост и эволюционная адаптация 84–85

союзы *см.* профсоюзы

Спарта, древняя 82–83

См. также Греция, Древняя

справедливость:

и доходы 131–132; и закон 280–282; и налогообложение 406–409; и общественный и частный интерес 198–199; и пропорциональное вознаграждение 127; распределительная 123–124, 127, 131–132; уравнивающая 123–124; формальная 191. *См. также* социальная справедливость

среда и неравенство людей 115–117

Средние века и происхождение закона 204–207

средства и цели *см.* цели и средства

статус и контракт 193

стойки 209

страхование:

и замысел *vs* эволюция 377–378; медицинское 378, 385–388; обязательное 370, 385; частное *vs* социальное 375. *См. также* социальное обеспечение

страховочная сетка *см.* государственная политика

суверенитет:

и демократия 135–136; и Джон Локк 221–222; его ограничения 232; его понятие по Гоббсу 236–237; исходная концепция 236–237; народный 256; парламента 229–230

судебная власть:

и администрация 266–267, 269–271, 322–323, 326–327; апелляционные полномочия 326–327; и воздержание суда от вмешательства 246; дискреционные полномочия 213, 224–225, 282, 283–285; ее независимость 218, 222–223; ее реформа 319; ее роль 214–215; ее чрезмерная власть 322–323; и налогообложение 406–409; и общее право 222–223; и общие принципы 233–234; и определенность закона 279; и права меньшинств 276; процессуальные гарантии 291–292; и разделение властей 226; и римское право 214–215; и упадок закона 325–326; школа «свободного права» 309. *См. также* судебный контроль, разделение властей

судебный контроль:

и администрация 278–279, 286–287, 299–300; и верховенство закона 282; его послевоенный успех 324–325; и Конституция США 239–245, 247–248, 252–253; и Marbury *vs* Madison 246

сухой закон 184, 195

схоластическая философия 109

США:

административное право 270; и английская концепция свободы 230; антимонопольная

политика 344–346; и виги 229–231, 499–502; городское планирование 445–446; движение в сторону социализма 321–323, 331; Закон Клейтона от 1914 года 349; Закон Норриса – Лагардии 1932 года 349; Закон о суде 1801 года 245; Закон Шермана 349; и здравоохранение 378–379; золотой стандарт 428–429; и империализм 496; инфляция 422–423; и колонии и парламент 229–231; консервативное движение 460–461; конституционное право 276; «либеральный» как термин 498–499; либералы 489–490; образование 472–473, 480–481, 484–485; и политическая философия 229–231; и правовая мысль 246; прогрессивное налогообложение 401–403; и профсоюзы 349–352, 361; регулирование арендной платы 438; сельскохозяйственная политика 454–455; и Славная революция (Англия) 230; социализм 333–334; социальное обеспечение 374–375, 381; социальное равенство 117–119; чрезвычайная власть администрации 319–325; сегрегация 472–473. *См. также* Американская революция, Конституция США

теократия 263–264

терпимость и незнание 52

технологии и защищенные права 288–289

тирания:

в отсутствие верховенства закона 274; и голосование 32; *vs* изомония 211; освободительные движения 33–34

торговая политика:

и свободная торговля 294; и справедливая торговля 361

тори (Англия) 224

тоталитаризм:

и война 484–485; и горячий и холодный социализм 335; дрейф Америки в его сторону 322; его экономические притязания 74–76; индивидуалистическая реакция на него 333–334; *vs* либерализм 134; и мораль 183–184; и общественные отношения 380; *vs* ограниченное правление 324–326; и правовой позитивизм 325; и произвол 309; и социал-демократия 78, 83; и Французская революция 499; и французская традиция свободы 80–81; и школа «свободного права» 309

традиция и обычай 48–49, 191–192, 261–262

убеждения:

и добровольное подчинение 90; их твердость 16; и рационализм 92–94

угнетение:

и закон 195–196; и принуждение 171, 175

урбанизация:

внимание экономистов к ней 435–436; и городское планирование 442–450; ее цена 433–435; и ответственность 113–114; и расчистка тропиц 441; и ценовой механизм 442–443; и цивилизация 433–434

уровень жизни 65–71, 74, 333–334

успех и неудача и цели и средства 58

утилитаризм 16, 227–228, 481, 498

утопизм 44

фабианское движение 332, 335, 496

фашизм 313–314

федерализм 241–242

Федеративная Республика Германии *см.* Германия

Физиократы 80

Филантропия 161–162

Флоренция *см.* Италия

Фокса партия 499

Фонд Лауры Спельман Рокфеллер 455

Франция:

администрация 258–259; и антирационализм 98; и конституционное право 259–260; и Декларация прав человека 182–183; девальвация валюты 423; и французский свод законов 198; инфляция 422; Июльская монархия 258; либеральная традиция 34–35; наполеоновский режим 258–259; рационалистическая традиция 86–87, 228; разделение властей 262–263; социальное страхование 374, 381; и теории свободы 77–83. *См. также* Французская революция

Французская революция:

и административная власть 258; и Американская революция 258; и английская традиция свободы 228, 256–257; и верховенство закона 256–258; и виги 499; ее идеология 207; ее энтузиасты 80–81; как приветствуемая всеми 255–256; и либерализм 496, 499–500; и налогообложение 398–399; распространение идей после 258–260; и рационализм 497; и свобода 256–257; и социализм 258; и социальная справедливость 307–308; и централизация 258

фундаментальные принципы:

и Верховный суд США 249–250; и Виргинская декларация прав 239; и конституции 85–86, 237–239; и произвол 226; и судебный контроль 252–253

характер человека 19

христианство:

и антирационализм 87–88; и неолиберализм 489; свобода в нем 84–85

цели и средства:

и демократия 138, 140; и закон 199–200; принуждение 178–179; и профсоюзы 361–362; и социальное государство 338–340; и успех и неудача 58; и ценности 57–58; и эксперты и администраторы 151

целостности:

vs институты 55; и общие законы 55

ценности:

и альтруизм 108–110; и моральные нормы 95–96; и цели и средства 57–58

ценность:

и заслуги 123–125, 127–130; и риск 125–127

цивилизация:

и городская жизнь 433–434; и знание *vs* незнание 43–44; и прогресс 61–63; и рост знания 46–48; и случайные события 51; человеческий замысел в ее создании 44–45

частная собственность *см.* собственность

частная сфера:

и государственное вмешательство 294–295; и защита от принуждения 176–178, 182–184; необходимые вторжения в нее 290; определение ее границ 41–42, 177–179, 190–191; посягательства государства на нее 266–267, 286–288; и свобода 31, 278–279

частное предпринимательство см. бизнес

Швейцария 137, 281, 381, 422

Швеция 262, 422

эволюция:

и британские vs французские традиции свободы 80; ее законы 63–64; и правила 91; и правовой позитивизм 310; и прогресс 61–63; и происхождение институтов 84–86; и разнообразие человеческой природы 115–116; vs рационализм 85–89; социальная и биологическая 84–86; и ценность свободы 88–89; и экономический человек 87–88

экономика *laissez faire*:

и допустимое вмешательство 304; презумпция в пользу 97–98; и рационализм 86–87

экономика:

и государственное вмешательство 293–297; и государственное регулирование 298–300; ее стабилизация 342–343; командная 306; и предотвращение депрессий 425–426; равновесный уровень заработной платы 364; и спираль «цены – заработная плата» 363–365. См. также деньги, валюта, инфляция, торговая политика

экономисты и экономическая теория:

и городское планирование 445–446; и городское развитие 435–436; и государственная политика 294–295; и история 335–336; о правовом порядке 303–304; обладание особым знанием 18; ортодоксальные 336; и путаница в вопросах государственного вмешательства 294–295

экономическая политика:

ее принципы в свободном обществе 17–18; и социальное государство 335–336

экономический рост:

быстрый 72–73; невозможность его спланировать 74–75; vs перераспределение богатства 72, 74–75

экономический человек 87–88

эксперты и экспертиза:

движение за новое государственное управление 320–322; и демократия 149–150; их

ограничения 18; и нахождение необходимой информации 47; принуждение с их стороны 317–318; и природные ресурсы 462–463; и самоускоряющаяся политика 377; и социальное обеспечение 376–377

экспроприация и компенсация 290–291

эмоции, апелляция к ним 21, 22

эмпиризм:

и правовой позитивизм 309; и происхождение институтов 81; и теории свободы 78, 80

энциклопедисты 80

этика:

и верховенство закона 261; и налогообложение 414–415

Южная Африка 422

юриспруденция интересов 309

Constitutio Libertatis 208

Economist (журнал) 316

Edinburgh Review (журнал) 85–86, 499

Hurtado vs California 276–277

Lex, Rex (Резерфорд) 219

Marbury vs Madison 246

Merchant Tailors' Case 216

NLRB см. Национальное управление трудовых отношений

Rechtsstaat:

и английское верховенство закона 267–268, 313; его значимость 267–268; его исчезновение 312–313; его происхождение 263–265; его развитие 263–265; его теория 263–264; его формализация 312–313; и налогообложение 401; и недееспособность государства 313; от идеала к практике 266–268; отказ от него 267–268; похвала ему 325; и правовой позитивизм 311–312; и прусское государство 262; слово 263–264; vs социализм 313; споры о нем 265–266; и юстициализм 266, 267. См. также верховенство закона

Osborn vs Bank of United States 215

Slaughterhouse Cases (U.S.) 248

State vs Boloff 277

Именной указатель

- Адамс, Джон 171, 214, 238, 499
Адамс, Рэндольф Гринфилд 231
Адамс, Сэмюэл 229, 231
Адкинс, Уильям Хоуп 125
Адлер, Джон Ханс 404
Адлер, Мортимер Джером 27–28
Акстон, Гарри Барроуз 92
Акстон, Джон Эмерих Эдвард Далберг (лорд Актон) 38, 85, 171, 177, 206, 211, 227, 229–230, 231, 239–242, 307, 487, 492, 493, 498, 500
Алексеев, Пол 269, 286
Алкмеон Кротонский 210
Аллен, Генри Д. 384
Аллен, Калтон Кемп 226, 270, 272, 326
Алликс, Эдгар 399
Алчиан, Армен Альберт 126
Альбер, Жан Франсуа 381
Альбертини, Рудольф фон 205
Альтмейер, Артур Джозеф 374
Амонн, Альфред 437
Антифон Афинский 82
Аншютц, Герхард 265
Аретин, Иоганн Кристоф фон 254
Аристотель 28, 31, 103, 124, 208–213
Арнольд, Турман Уизли 323
Аронсон М.Дж. 186
Архипов, К.А. 314
Аттербери, Фрэнсис 498–499
Ахингер, Ганс 376, 392
Ачесон, Дин 324

Баклэнд, Уильям Уорвик 214
Бамбургер, Людвиг 347
Баркер, Эрнест 29, 211, 226, 272, 371
Барна, Тибор 400
Барнард, Честер Ирвинг 157, 358
Барнет, Гилберт 80, 220
Барнетт, Хоумер Гарнер 49
Бартелеми, Жозеф Ипполит Жан Баптист 256
Бартли, Уиллиам У., III 101
Бартоло да Сассоферрато 206
Батлер, Джозеф 89
Батталья, Феличе 273, 288
Баттес, Джон Кит 413
Баттерфилд, Герберт 89, 208
Бауэр, Питер Томас 459
Беверидж, Уильям Генри (барон Беверидж) 159, 335–336, 365, 385
Бёдан, Шарль 187
Бейкер, Джон Рэндал 484
Бейли, Сэмюэл 64

Бёкенфёрде, Эрнст Вольфганг 276
Бекер, Карл Лотус 22
Беккариа, Чезаре Бонесана 255
Белло, Хейл Ли 272
Белльевр, Помпонн де 61
Бём, Франц 273, 360
Бенедикт, Рут Фултон 29, 135
Бенн, Стэнли Исаак 187
Бентам, Иеремия 28, 87, 88–89, 146, 228, 331
Бенхэм, Фредерик 457, 459
Берг, Гюнтер Генрих фон 254, 264
Бергбом, Карл 312
Бёрджесс, Джон Уильям 496
Бердсли, Рамл 455
Бёрк, Эдмунд 19, 21, 80, 83–84, 87, 90, 92, 93, 98, 171, 207, 226, 230, 391, 451, 491, 498, 500
Берлин, Исайя 39
Бернард, Фрэнсис 230
Бернацик, Эдмунд 311
Бёрнс, Роберт 152
Бёрнс, Уолтер 184, 342
Бёрнс, Эвелин Мейбл 373, 375, 381, 389, 392
Берри, Денстоун 379
Бири, Эрнст 156
Бисмарк 336
Блум, Уолтер., мл. 396, 415
Блэк, Джон 455
Блэкстоун, Уиллиам 226
Блэнк, Дэвид Мордекай 481
Боден, Жан 236, 263
Боденхаймер, Эдгар 286
Боймлин, Ричард 273
Болдуин, Элис Мэри 231
Бональд 490
Босуэлл, Джеймс 47
Боулдинг, Кеннет Эварт 72, 125, 142–143, 377, 452
Боули, Мэриан 294–295
Бош, Вернер 386
Боше, Пьер 208
Бракстон, Генри 169, 208
Брандейс, Луис 331
Брандес, Эрнест 264
Браун Артур Джозеф 363
Браунинг, П.Р. 404
Брифс, Гетц Энтони 360
Броули, Ашиль-Шарль-Леон-Виктор, де 259
Бромли, Джон Селуин 204
Бронфенбреннер, Мартин 38
Броуд, Чарльз Данбар 102
Брошье, Юбер 404
Бруннер, Андреас 273
Бруннер, Эмиль 203, 325
Брэдли, Филип Д. 350, 353
Брюне, Рене 280
Буагильбер, Пьер де 78

Бузольт, Георг 211
Буркхардт, Якоб 171, 184
Буттингер, Йозеф 332
Бэджот, Уолтер 52, 250, 277
Бэй, Кристиан 21, 28, 91
Бэкон, Фрэнсис 35, 189, 208, 213, 274, 310
Бэр, Отто 266
Бэри, Джон Багнелл 62, 63
Бюлер, Оттмар 280

Ваас, Адольф 29
Вагнер, Дональд Оуэн 216
Вайнер, Джейкоб 350, 360
Вайсс, Эгон 212
Вайссер, Герхард 374, 381
Валерий Максим 32–33
Валин, Марсель 273
Вандербильт, Артур Томас 282, 291
Вандерслеб, Герман 273
Ваттель, Эмер де 231
Вашингтон, Джордж 230
Вебер, Макс 41, 191, 202, 279
Вебер, Хильде 456
Велкер, Карл Теодор 263
Визе, Леопольд фон 136
Визер, Фридрих фон 171, 237, 399
Вико, Джамбаттиста 61–62
Вилльгеродт, Ганс 391
Вильсон, Вудро 35
Винний, Арнольд 214
Виноградов, Павел 211
Вергилий 214
Вико, Джамбаттиста 61
Вирцубеки, Хаим 214
Вольтер 34–35, 214–215
Вон, Чарльз Эдвин 222
Вордсворт, Уильям 23
Вортмут, Ф.Д. 100, 200, 219–220
Воэт, Йоханнес 214
Вудхаус, Артур Сатерленд Пиготт 218, 219, 235
Вудхаус, Уильям Джон 210
Вулф, Дон Марион 218
Вулф, Сесил Натан Сидни 206
Вуттон, Барбара 34, 349, 365, 366, 391

Габор, Андре 38
Габор, Денеш 38
Гадинер, Сэмюэл Роусон 218–219
Галевы, Эли 78
Галиани, Фердинандо 61
Галлам, Генри 498
Гамильтон, Александр 232, 239–243, 245, 500
Гарагорри, Паулино 134–136
Гарве, Христиан 261
Гаррингтон, Джеймс 213–214

Гаттридж, Джордж Герберт 232, 499
 Геббельс, Йозеф 494
 Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 310
 Геддес, Патрик 443
 Геддес, Чарльз 367
 Гейл, Питер 204, 468
 Гнейст, Рудольф фон 401–402
 Гейтскелл, ХьюГодд Нейлор 332
 Геллхорн, Уолтер 301, 324
 Генель, Альберт 276
 Гензель, Вернер 260
 Генц, Фридрих фон 398
 Герланд, Генрих Балтассар 276
 Германн, Оскар Адольф 286
 Геродот 171, 211
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 61–62
 Гзовский, Владимир 315
 Гиббон, Эдуард 163
 Гизо, Франсуа 259
 Гилби, Томас 206
 Гилбой, Элизабет Уотерман 423
 Гиперид 212
 Гирке, Отто Фридрих фон 205, 263, 314
 Гитлер, Адольф 292, 313–314
 Гладстон, Уильям Юарт 244, 420, 498–499
 Гласс, Дэвид Виктор 480
 Глезер, Стивен 223, 276
 Гнейст, Рудольф фон 260, 266
 Гоббс, Томас 36, 80–81, 83–84, 102, 189, 208, 209, 213, 221, 236, 309
 Годвин, Уильям 80
 Гомперц, Генрих 102
 Гордон, Скотт 461
 Гоф, Джон Уидхофт 207, 213, 218, 219, 221
 Грабейн, Макс 396
 Грейвсон, Рональд Гарри 193
 Грётойзен, Бернард 72
 Грин, Доналд Джонсон 223
 Грин, Марджори Гликсмен 101
 Грин, Томас Хилл 30, 39, 303
 Гриффин, Клэр Элмер 332
 Гроссман, Рудольф Генрих 272–273
 Гроций, Гуго 125
 Гручи, Аллен Гарфилд 35
 Гуарини, Джованни Баттиста 205
 Гуднау, Франк Джонсон 272
 Гудрич, Пьер Ф. 50–51
 Гумбольдт, Вильгельм фон 85–86, 261, 471, 486
 Гуч, Джордж Пибоди 218
 Гуччиардини, Франческо 395
 Гэлбрейт, Джон Кеннет 68
 Гэлли, Уолтер Брюс 123

Дайси, Альберт Вэнн 61–62, 97, 143, 147, 208, 226, 256, 269–270, 274, 276, 285, 316, 348,

Дальман, Фредерик К. 263–264
 Данбар, Лесли Уоллес 244
 Данлоп, Джон Томас 350
 Данхэм, Эллисон 442
 Дарвин, Чарльз 85, 91, 163
 Дармштедтер, Фридрих 260, 273, 313
 Декарт, Рене 83, 93, 309
 Делолым, Жан Луи 32, 225–226
 Дель Веккио, Джорджо 124–125
 Демосфен 212
 Деннинг, Альфред 223
 Дефо, Даниэль 223
 Джадсон, Маргарет Этвуд 219
 Джакки, Орио 276
 Джакометти, Заккариа 235, 272–273, 288
 Джей, Джон 231, 240
 Джей, Дуглас 332
 Джеймс Отис 229, 231
 Джеймс, Уильям 33
 Джек, Дэниел Томпсон 365
 Джекобс, Джейн 435
 Джексон, Роберт Хьюаут 246, 248
 Дженкинс, Рой 332
 Дженкс, Эдвард 206
 Дженнингс, Уильям Айвор 317–318
 Джефферсон, Томас 80, 89, 140, 231, 241, 323–324, 484, 500, 502
 Джеффри, Фрэнсис 81
 Джозеф, Маргарет Ф.У. 365
 Джонс, Арнольд Хью Мартин 209, 213
 Джонс, Гарри У. 272
 Джонс, Джон Уолтер 40, 179, 198, 211, 231, 232
 Джонс, Уильям 86, 211
 Джонсон, Гарри Гордон 379
 Джонсон, Сэмюэл 47, 223
 Джукс, Джон 386, 485
 Джукс, Сильвия 386
 Диез дель Корраль, Луис 258–259
 Дизраэли, Бенджамен 491, 494
 Дикинсон, Джон 240, 273, 323
 Дикинсон, Лоуис 53
 Дил, Эрнст 210
 Дин Филлис 423
 Директор, Аарон 57, 350
 Дитце, Готтфрид 245, 325
 Добрин, Сэмюэл 315
 Достоевский, Федор 101
 Друкер, Петер Фердинанд 55
 Дьюи, Джон 36
 Дэвенпорт, Джон 350
 Дэвис, Голдфри 218
 Дэвис, Джон 84
 Дюги, Леон 198, 259, 275, 276, 281, 297

Елизавета I (королева Англии) 216
 Еллинек, Георг 28, 198, 209, 238, 274

Жувенель, Бертран де 34, 127, 165, 171

Загорин, Перез 218
 Зенон 209
 Зигарт, Маргерит А. 259, 270
 Зомбарт, Вернер 36

Иеринг, Рудольф фон 41, 309, 314
 Имбоден, Макс 273
 Инграм, Джон Келлс 88
 Иосиф II, австрийский император 262–263
 Ипсен, Ханс Петер 280
 Исократ 212

Йеринг, Рудольф фон. См. Иеринг

Калвен, Гарри, мл. 396, 405, 415
 Калдор, Николас 365
 Каллен, Хорас Мейер 117
 Кант, Иммануил 85, 171, 254, 260–261
 Кантильон, Ричард 85
 Карвер, Томас Никсон 108
 Карита, Жан-Антуан-Николя де (маркиз де Кондорсе) 80, 256
 Карл I (король Англии) 141, 216, 219, 230
 Карлейль, Александр Джеймс 206
 Карлейль, Роберт Уорранд 206
 Карлейль, Томас 225
 Карр, Сесил Томас 283
 Картер, Джон Корри 186
 Карттер, Аллан Мюррей 404
 Катон Старший 82
 Кауфманн, Эрих 280
 Кейнс, Джон Мейнард 146, 159, 417, 427
 Келлер, Роберт фон 205
 Кельзен, Ганс 32, 78, 102, 135, 274, 312, 313, 315, 323
 Кеннан, Эдвин 435
 Кёрл, Адам 480
 Керн, Фриц 206
 Кит-Лукас, Аллен 292
 Китон, Джордж Уильямс 326
 Клайн, Беннетт 50, 53
 Кларк, Джон 75
 Кларк, Джон Морис 41, 178, 303, 377
 Кларк, Джордж Норман 204
 Кларк, Колин 390, 413, 421
 Кларк, Уильям 218
 Кленнер, Фриц 332
 Козер, Рейнхольд 260
 Коинг, Хельмут 325
 Коллиер, Дэвид С. 80
 Коллингвуд, Робин Джордж 131, 272, 488
 Колнап, Аурель 313
 Кольридж, Сэмюэл Тэйлор 19, 146, 490
 Коммаджер, Генри Стил 134

- Коммонс, Джон Роджерс 36, 176, 303
 Кондильяк, Этьен Бонно де 80
 Кондорсе. См. Карита, Жан-Антуан-Николя де (маркиз де Кондорсе)
 Конрад II (император Священной Римской империи) 206
 Конрад, Герман 260
 Констан, Бенжамен 80, 97, 209, 259
 Константин (римский император) 216
 Копп, Ганс Вернер 276
 Корвин Эдвард Сэмюэл 35, 207, 214, 232, 242, 244, 245, 247, 248, 500
 Кортес Доносо 490
 Коссман, Эрнест Генрих 204
 Коул, Джордж Дуглас Ховард 332
 Коул, Уильям Алан 423
 Коэн, Моррис Рафаэль 286
 Кратч, Джозеф Вуд 393
 Крёбер, Альфред Луис 63
 Крик, Вернар 488
 Кристерн, Герман 264
 Кристоф, Иоганн 254
 Кромвель, Оливер 61, 254, 497
 Кропси, Джозеф 38, 87
 Кросленд, Чарльз Энтони Рейвен 112, 123, 130, 183, 332, 334, 386, 403
 Кросски, Уильям Уинслоу 245
 Кроссман, Ричард Говард Стэффорд 316, 319, 332, 333, 334
 Кроче, Бенедетто 136
 Крэнстон, Морис Уильям 27, 31, 216, 221
 Кук, Колин Артур 86
 Кук, Л.Д. 404
 Кук, Эдвард 84, 208, 215, 216, 217, 218, 241
 Куланж, Нюма Дени Фюстель де 209
 Кули, Томас, Макинтайр 248
 Кун, Манфред 18
 Купер, Роберт М. 286
 Кушинг, Лютер Стернс 186
 Кэги, Вернер 136, 273
 Кэмпбелл, Рита Рикардо 379
 Кэмпбелл, Уизли Гленн 379
 Кэмпбелл, Чарльз Артур 102
 Кэрролл, Джон Джозеф 404
- Лабадье, Жан 79
 Лабанд, Пауль 276
 Лабулэ, Эдуар 261
 Лавджой, Артур Осборн 85
 Лайвли, Джек 259
 Ламперт, Ульрих 281
 Ланге, Рихард 273
 Ланглуа, Шарль Виктор 206
 Ларок, М. Пьер 374, 381
 Ларсен, Якоб Оль Оттесен 211
 Ласкер, Эдуард 266
 Ласки, Гарольд Джозеф 32, 209, 317, 498
 Ласлетт, Питер 221
- Лаун, Рудольф 286
 Лафоллет, Роберт Марион 250, 322
 Лаэ, Луи-Мари де (виконт де Корменен) 259
 Леви, Эдвард Хирш 280
 Легас-и-Лакамбра, Луис 273
 Лейбхольц, Герхард 115, 280, 313
 Лекки, Уильям Эдвард Харт-пол 405, 491
 Ленгмюр, Ирвинг 64
 Ленин В.И. 417
 Лёнинг, Эдгар 263
 Ленхофф, Артур 362
 Леони, Бруно 82
 Лернер, Абба Птахия 52
 Лернер, Макс 135, 253
 Лерой, Максим 273
 Лёртон, Хорас Хэрмон 272
 Летвин, Уильям Льюис 216
 Лёш, Август 450
 Ли, Артур 230
 Либер, Фрэнсис 79
 Лик, Эрвин 386
 Лилбёрн, Джон 219, 235
 Линдблом, Чарльз Эдвард 350, 352
 Линкольн, Абрахам 27
 Линтнер, Джон 413
 Липпманн, Уолтер 151, 272
 Липсий, Юст Герман 212
 Лист, Франц Эдуард фон 308
 Ллойд, Деннис (барон Ллойд Хэмштедский) 287
 Ллойд Джордж, Дэвид 336
 Лойола, Игнатий 32
 Локк, Джон 52, 87, 102, 204, 220–222
 Лоусон, Джордж 219
 Лоуэлл, Эббот Лоренс 135, 260, 270
 Луи Филипп (король Франции) 258
 Луц, Фридрих Август 426
 Луц, Харли Лейст 396
 Льюренс, Эдуардо Луис 280
 Льюис, Джордж Коруолл 193
 Льюис, Уильям Артур 50, 410, 433
 Лёрд, Джон 214
 Любтов, Ульрих фон 214, 215
- Майнеке, Фридрих 200, 225
 Майнцер, Отто 280
 Мак-Куллох, Джон Рамсей 227, 384, 398, 407
 Макадам, Эдвард Липпинкотт 223
 Макбит, Александр 84
 Макговерн, Уильям Монтгомери 81
 Макгрегор, Дэвид Хатчисон 87
 Макдермотт, Джон Кларк (барон Макдермотт) 171, 343
 Макиавелли, Никколо 88
 Макивер, Роберт Моррисон 170
- Макилвайн, Чальз Говард 200, 206, 218, 223, 230, 232, 236, 245, 253, 259, 272, 274, 322
 Макинтош, Джеймс 84
 Маккаллум, Роналд Бьюкенен 89
 Маккей, Д.М. 102
 Маккечни Уильям Шарп 208
 Макклоски, Генри Джон 200
 Макклоски, Роберт Грин 292
 Маклафлин, Эндрю Каннингем 230, 233, 245
 Маклин, А.Х. 219
 Макмиллан, Гарольд 489
 Макнейр, Арнольд Дункан 214
 Маколей, Томас Бабингтон 142, 223, 227, 491, 498
 Малиновски, Бронислав 38, 41, 84, 178
 Малицкий, Александр Леонидович 313, 315
 Маллетт, Чарльз Фредерик 231
 Мальберг, Раймон Карре де 276
 Мальтус, Томас 85
 Мамфорд, Льюис 81, 443
 Мангольдт, Герман фон 247
 Мандевиль, Бернард 80, 84
 Манхейм, Карл 320, 334
 Марке, Карл 163, 310, 398, 494
 Маркс, Фриц Морштейн 286
 Марсилий Падуанский 206
 Мартин, Альфред Вильгельм фон 255
 Мартин, Норман Х. 50, 53
 Мархет, Густав 264
 Марчич, Рене 273
 Маршалл, Альфред 150, 372
 Маршалл, Джеффри 326
 Маршалл, Джон 196, 215, 243, 246, 322
 Маршалл, Томас Хамфри 341
 Масгрейв, Ричард Абель 404
 Махлуп, Фриц 344, 350, 353
 Медавар, Питер Брайан 116
 Медичи 395
 Мёзер, Юсти 263
 Мёзер, Юстус 263, 490
 Мейсон, Джордж 239, 245
 Мейсон, Лоуэлл 158
 Мейтленд, Фредерик Уильям 50, 81, 98, 138, 169, 205, 218
 Менгер, Карл 81, 84, 97, 139, 187, 261, 309
 Менгер, Антон 308
 Менгер, Кристиан-Фридрих 273, 286
 Мериам, Льюис 373, 376
 Месснер, Иоханнес 332
 Местр, Жозеф де 490
 Мецгер, Вильгельм 261
 Мид, Джеймс Эдуард 410
 Мизес, Людвиг фон 11, 30, 82, 140, 158, 163, 179, 200, 285, 294, 298, 341, 349, 376, 386, 396, 398, 413, 418, 464, 472,
 Миллс, Чарльз Райт 152, 348

- Милль, Джеймс 79
Милль, Джон Стюарт 52, 62, 65, 88–89, 123, 124, 141, 146, 182, 184, 199, 261, 293, 294, 340, 399, 468, 469, 487, 496
Мильтон, Джон 52, 109, 171, 219
Мимз, Эдвин, мл. 32, 134, 229
Минье, Франсуа-Огюст-Мари-Алексис 256
Миркин-Гецевич, Борис 313
Миттайс, Генрих 325
Мишле, Жюль 256
Моль, Роберт фон 264, 398
Моммзен, Теодор 214
Монтегю, Фрэнсис Чарльз 16
Монтескье 27, 28–29, 32, 79–80, 87, 171, 205, 215, 224, 255, 279
Морандьер, Леон Жюлио де ла 276
Морли, Джон (виконт Морли) 420
Морли, Феликс 43, 163
Моссер, Эрнест Кэмпбелл 225
Мунье, Жан-Жозеф 257
Мьеж, Ги 205, 221
Мэбботт Джон Дэвид 102, 200, 240, 241–242, 243, 245, 293, 499, 500
Мэй, Томас Эрскин 78
Мэйер, Томас 422
Мэйн, Генри Самнер 177, 193
Мюллер-Армак, Альфред 374
Мюллер, Адам Генрих 263
- Найт, Фрэнк Хайнеман 28, 30, 38, 41, 119, 127, 170, 176, 345
Науман, Фридрих 33, 79
Неймайстер, Хедди 392
Нейман, Франц Леопольд 28, 134, 196, 253, 268, 272, 274, 279, 280, 313, 320
Нейман, Фридрих Юлиус 404
Некель, Густав 29
Нераций 82
Неф, Джон Ульрих 216
Неф, Ханс 255, 280,
Нигауз, Генрих 452
Николай Кузанский 206
Ноуэлл-Смит, Патрик Хорас 102
Нэш, Честер 318
- Обри, Джон 208
Оден, Уистен Хью 21
Оливекруна, Карл 189
Олмстед, Фредерик Ло 443
Ольер, Франсуа 81
Орелли, Конрад фон 136
Ориу, Морис 288
Ортега-и-Гассет, Хосе 135, 186, 191
Оруэлл, Джордж 334
Осборн Фредерик 442
Осборн, Генри Фэйрчайлд 85
Остин, Джон 207, 217
Оукшотт, Майкл 78, 240
Офстад, Харальд 27
- Ояла, Эрик Мервин 452
- Падовер, Сол Кассиель 171
Паиш, Фрэнк Уолтер 437
Пап, Артур 102
Пастер, Луи 51
Паунд, Роскоу 237, 272, 280, 304, 315, 322, 324, 341, 349
Пашуканис, Евгений Брониславович 315
Пейли, Уильям 80, 226, 227
Пейн, Томас 80
Пекелис, Александр Хаим 323
Пеннок, Джеймс Роланд 272
Перикл 15, 209
Перри, Ральф Вартон 37
Пертиконе, Джакомо 314
Петерсон, Уильям Г. 452
Петро, Сильвестр 175, 349, 350, 358, 362, 367
Петти-Фицморис, Уильям 226
Печмен, Джозеф А. 421
Пигу, Артур Сесил 297, 336
Пиз, Теодор Кэлвин 218–219, 273
Пико, Альбер 272–273
Пикок, Алан Тёрнет 380, 383, 402, 404
Питерс, Ричард Стэнли 31, 187
Питт, Уильям 230
Плакетт, Томас 206
Пламенац, Джон Петров 119
Планиц, Ханс 205
Плант, Арнольд 199, 446
Платон 63, 83, 117, 209, 212
Покок, Дж.Дж.А. 84, 221
Полак, Карел Хенрик 273
Полани, Майкл 45, 46, 169, 201, 483
Поленц, Макс 29, 211, 470
Поллок, Фредерик 205
Поппер, Карл Раймунд 11, 47, 57, 63, 83, 99, 101, 140, 191, 309
Порталис, Жан 257
Прайс, Ричард 80, 88, 228
Пратт, Чарльз (лорд Кэмден) 223–224
Прибе, Герман 452
Прингсхайм, Фриц 216
Пристли, Джозеф 80
Пфицер, Пауль Ахатиус 264–265
- Радбрух, Густав 124, 136, 267, 325
Райл, Гилберт 46
Райнштайн, Макс 207
Райт, Дэвид Маккорд 332, 350, 396, 411, 413
Рамсей, Фрэнк Пламpton 46
Рапен-Туаре, Поль де 205
Расмуссен, Стин Айлер 164
Рассел, Бертран 36, 183, 468
Рашдолл, Гастингс 53
Реберг, Август Вильгельм 263–264
- Рей, Жан 256–257
Ренан, Эрнест 88
Рёнке, Вильгельм 392, 424, 437
Рефельдт, Бернард 207
Рец, Жан Франсуа Поль де Гонди де 61
Рикардо, Давид 428
Рикка-Салерно, Джузеппе 396
Риперт, Джордж 307, 326
Рис, Альберт 350
Рисмен, Дэвид 114
Риттер, Герард 78, 136, 171,
Риттер, Клаус 325
Ритчи, Дэвид Джордж 308
Ричберг, Дональд Рэнделл 350
Роббинс, Кэролайн 219
Роббинс, Лайонел (лорд Роббинс) 87, 92, 197, 275, 295, 336, 342, 369, 413
Робертс, Бенджамин Чарльз 350
Робертс, Франгкон 386, 387
Робеспьер 83
Робинсон, Джоан 27
Робсон, Уильям Александр 317–318, 326
Розин, Франц 263
Ролз, Джон 200
Росси, Петер 136
Росситер, Клинтон 39, 230
Ростовцев, Михаил Иванович 215
Роттек, Карл фон 171
Роттье, Жорж 381
Ротшильд, Вальтер 219
Роулэнд, Кейт Мейсон 239
Рошер, Вильгельм 63
Рошгаш, Ласло 404
Рубье, Поль 279, 326
Руджеро, Гвидо де 78, 259
Ружье, Луи Огюст Поль 326
Рузвельт, Франклин Д. 27, 250–251, 323, 335–336, 452
Рузвельт, Теодор 250
Руссо, Жан-Жак 80, 83, 140, 215, 255, 256
Рутфорд, Сэмюел 219
Рэдклифф, Сирил Джон (виконт Рэдклифф Вернетский) 277, 292, 326,
Рюмелин, Макс Фридрих 280
Рюэгг, Вальтер 214
- Савиньи, Фридрих Карл фон 186
Саймонс, Генри Калверт 347, 350, 401, 427
Саландер, Густав Адольф 238
Самнер, Уильям Грэм 50, 120, 124
Самуэльсон, Пол Энтони 377
Сантиллана, Джорджо де 47
Селден, Джон 200, 272
Селигманн, Эрнст 276
Селигмен, Эдвин Роберт Андерсон 405
Сен-Жюст 83

Сениор, Нассау Уильям 227, 295, 369
 Сепир, Эдвард 98, 188
 Сиджвик, Генри 16, 336
 Сидни, Алджернон 7, 214, 220
 Сийес, аббат 82
 Силоне, Иньяцио 184
 Симон, Ив 103
 Сириаси-Вантруп, Зигфрид фон 461
 Сире, Пол Вигелуо 461
 Сичес, Луи Рекасен 279
 Скиннер, Беррес Фредерик 94, 102, 289
 Скотт, Сэмюел Парсонс 82, 213
 Скотт, Антони 460, 461, 464, 466
 Слитчер, Самнер Хьюбер 359
 Смайлс, Сэмюел 152
 Смарт, Джон Джеймисон Карсуэлл 200
 Смит, Адам 38, 65, 80–81, 86, 87, 125, 196, 225, 227, 293–294, 297, 435, 492, 498, 502
 Смит, Стэнли Барни 214
 Сноу, Чарльз Перси 480
 Соботка, Штефен Пауль 354
 Сократ 43
 Солон 210, 213
 Соуерс, Дэвид 485
 Спенсер, Герберт 47, 303
 Србик, Генрих Риттер фон 136
 Стаббз, Уильям 206
 Стамп, Джозайя (лорд Стамп) 399
 Стерн, Альфред 256
 Стернс, Гарольд 184
 Стивен, Джеймс Фицджереймс 140
 Стиглер, Джордж Джозеф 343, 437, 475, 481,
 Стиллерман, Ричард 485
 Стори, Джозеф 244, 264
 Стоукс, Диллард 375, 379, 383, 393
 Стоун, Джулиус 327
 Страбон 209
 Стучка, Петр Иванович 314–315
 Стюарт, Дугалд 85
 Сэбин, Джордж Холленд 214
 Сэдлер, Джон 219
 Сэйерс, Ричард Сидни 420
 Сэлмонд, Джон Уильям 187

Такер, Джозайя 80, 86
 Такер, Руфус Стикни 423
 Тальмон, Якоб Либ 78, 80, 82, 83
 Тард, Габриэль де 66
 Тацит 214
 Тёрви, Ральф 435, 442, 446
 Тецнер, Фридрих 286
 Тит Ливий 88, 208, 210, 213, 214
 Титмусс, Ричард Моррис 385
 Тодсен, Ханс Хайнц 287
 Токвиль, Алексис де 77, 80, 90, 95, 109, 142, 246, 258–259, 329, 498
 Тома, Рихард 311
 Томас, Норман 333

Томпсон, Джордж 245
 Томсон, Дороти 250
 Тоуни, Ричард Генри 116, 130, 476
 Тревелиян, Жорж Маколей 222
 Тривз, Д.Э. 286
 Трипель, Генрих 313
 Троцкий, Лев 174
 Тулмин, Стивен Эделстон 200
 Тьер, Мари Жозе Луи Адольф 399
 Тюр, Йозеф 136
 Тюрго, Анн Робер Жак 61, 80, 228, 398

Уайлз, Питер 341, 392
 Уайт, Лесли Алвин 45
 Уайт, Эдвард Дугласс 405
 Уайтхед, Альфред Норт 21, 43
 Уалдо, Дуайт 37, 321
 Уивер, Уоррен 47
 Уилер, Джон Арчибальд 51
 Уилкокс, Бертрам Фрэнсис 175
 Уилкс, Джон 226
 Уилсон, Джеймс 243, 245
 Уилсон, Томас 332
 Уилсон, Фрэнсис Грэм 272
 Уильямс, Роджер Джон 116
 Уинклер, Бенедикт 275
 Уоддингтон, Корад Хэл 102
 Уокер, Кеннет Фредерик 366
 Уокер, Фрэнсис Амаса 407
 Уолин, Шелдон Сэнфорд 98, 206
 Уоллич, Генри Кристофер 72
 Уоллхайм, Ричард 189
 Уорфилд, Этельберт Дадли 323
 Уоткинс, Фредерик Манделл 17
 Уотсон, Эндрю Дэниел 375
 Урмсон, Джеймс Опи 200
 Уэбб Сидней и Беатриса 159, 391, 496
 Уэбстер Дэниел 246, 247
 Уэбстер Уильям Кларенс 238, 239
 Уэйд, Генри Уильям Роусон 279
 Уэлдон, Томас Дьюар 318
 Уэнтуорт, Питер 208
 Уэстерман, Уильям Линн 40, 209

Фаге, Эмиль 78
 Файнер, Герман 140, 320
 Фальтер, Густав 261
 Фаррер, Остин Марсден 102
 Фёгелин, Эрих 313
 Фейербах, Пауль Иоганн Анзельм 262
 Фёнандер, Оруэлл де Рюйтер 366
 Фене, П. Антуан 257
 Фергюсон, Адам 44, 61, 63, 79, 81, 188
 Феррера, Сальватор Ф. 422
 Ферреро, Гульельмо 236

Фигис, Джон Невилл 204, 206, 222
 Филбрук, Кларенс 148
 Филд, Марк Джордж 388
 Филинг, Кит Грэм 491
 Филиппс, Генри Байард 25
 Филиппс, Джордж Годри 279
 Филон Александрийский 209
 Финк, Зера Силвер 208
 Фихте, Иоганн Готлиб 261, 468
 Флайнер, Фриц 267, 273, 275, 309
 Флорио, Джон 210
 Фома Аквинский 124, 206
 Форбе, Дункан 61, 80
 Форстхофф, Эрнст 267, 438
 Фосдик, Дороти 36
 Фосслер, Отто 80, 206, 230, 238
 Франк, Джером 323
 Франк, Тенни 215
 Франкл, Сэлли Герберт 459
 Франкфуртер, Феликс 291, 316
 Франс, Анаголь 308
 Фрейн, Ленор 404
 Фрейнд, Пол Абрахам 177
 Фрейнд, Эрнест 249, 286, 299
 Фридман, Милтон 163, 350, 353, 360, 396, 437, 459, 473, 475
 Фридрихсманн, Вольфганг Гастон 316, 319
 Фридрихс П (Пруссия) 260, 262
 Фридрих, Карл Иоахим 272
 Фримен, Кэтлин 210
 Фройнд, Эрнест 249
 Фромм, Эрих 101
 Фрэзер, Джеймс Джордж 84
 Фрэнкс, Оливер 341
 Фукидид 209, 212,
 Фуке, Ральф Фоллен 286
 Фуллер, Лон Льюис 315
 Фурастье, Жан 452
 Фут, Филиппа 103
 Фэген, Элмер 399

Хаар, Чарльз Монро 446
 Хаберлер, Готтфрид 360, 363, 377
 Хагенбух, Вальтер 373
 Хайек, Ф.А. 9–10, 18, 47, 55–56, 57, 61, 63, 68, 80, 88, 94, 101, 103, 108, 151, 163, 188, 199, 204, 242, 310, 334, 338, 344, 363, 396, 420, 426, 429, 430, 437, 446, 466, 487–502
 Хайнс, Чарльз Дж. 323
 Хаксли, Олдос 289
 Халлер, Уильям 218
 Хамфриз, Роберт Артур 231, 233, 241
 Хансен, Элвин Харви 338, 409
 Хардин, Чарльз Майер 455
 Харрис, Абрам Линкольн 303
 Харрод, Рой Форбе 437
 Харт, Герберт Лайонел Адольфус 102
 Хаскелл, Генри Джозеф 215
 Хасхаген, Юстус 238
 Хатт, Уильям Гарольд 350
 Хаттон, Джеймс 85
 Хаттон, Дэвид Грэм 403

Хауэлл, Томас Бейли 224, 272
Хёбель, Эдвард Адамсон 41, 139
Хёйзинга, Йохан 113, 210
Хейл, Мэтью 80, 83, 221
Хейл, Роберт Ли 37, 176
Хеллер, Герман 273, 310, 311
Хеман, Карл Фридрих 103
Хён, Карл 210
Хенне, Рудольф 205
Хеннингс, Август Адольф
Фридрих фон 205
Херменс, Фердинанд Алойс 137
Хикс, Джон Ричард 350, 364,
390, 494
Хинтце, Отто 263
Хиткоут, Хью Ричард (лорд
Сесил) 490
Хобарт, Р.Э. 103
Хобхаус, Леонард Трелони
335–336, 410
Холдсворт, Уильям 80, 83, 222–
223, 224, 228, 282
Холкомб, Артур Норман 272
Холл, Джером 276
Холл, Роберт Лоуи 184
Холланд, Филемон 210
Холлар, Вацлав 134
Холлоуэлл, Джон Гамильтон
273, 311, 313
Холмс, Оливер Уэнделл, мл.
115, 196
Хольдейн, Джон Бёрдон Сан-
дерсон 116
Хоркхаймер, Макс 320
Хубер, Конрад 276
Хубер, Ханс 284
Хук, Сидни 102
Хукер, Ричард 167, 206,
Хусар, Джордж Бернар де 379
Хьюарт, Гордон 316

Хьюз, Кристофер 281
Хэвлок, Эрик Альфред 209
Хэйс, Сэмюел Пфриммер 459
Хэмсон, Чарлз Джон 259, 326
Хэнд, Лернед 141, 497
Хэр, Ричард Мервин 102

Цайдлер, Карл 276
Циглер, Хайнц Отто 134
Цицерон, М. Туллий 77, 82,
214–216
Цшиммер Эберхард 36

Чемберлен, Джозеф 140
Чемберлин, Эдвард Гастингс
349, 350, 353, 357, 377
Черчилль, Уинстон Спенсер
320

Шабель, Франц 135
Шарпф, Франц Антон фон 206
Шварц, Бернард 259, 324
Шёк, Гельмут 123, 148
Шехаб, Факти 396
Шиллер, Фердинанд Каннинг
Скотт 47
Шиллер, Фридрих 109, 261
Шиндлер, Фридрих 99
Ширрас, Джордж Финлей 404
Шлезингер, Артур Майер,
мл. 455

Шлезингер, Рудольф 315
Шлик, Мориц 28, 102
Шлоттербек, Карл 373, 376
Шмёлдерс, Гюнтер 396
Шмидт, Ричард Карл 238
Шмитт, Карл 135, 263, 273, 276,
314
Шнабель, Франц 135, 263
Шоттлендер, Адольф 276

Шоу, Джордж Бернард 101
Шрадер, Отто 29
Шрайегг, Йозеф 378
Штайн, Фрайер фом 263
Шталь, Фридрих Юлиус 264
Штоль, Генрих 274
Штригль, Рихард фон 350
Штурц, Геральд 239
Шульц, Теодор Уильям 452
Шумпетер, Йозеф Алоиз 138,
159, 344, 348

Эванс-Притчард, Эван 81, 201
Эгеберг, Карл Теодор фон 395
Эджуорт, Фрэнсис Исидро 399
Эйбел-Смит, Брайан 385
Эйк, Эрих 261
Эйнауди, Луиджи Роберто 215
Элиот, Джон 208
Элльвайн, Томас 263
Эмке, Хорст 286
Энгельс, Фридрих 310, 398
Энфилд, Ральф 454
Эренберг, Виктор 211
Эрион, Джин 396
Эртель, Фридрих 215
Эртман, Пауль 286
Эсмен, Адемар 216, 274
Этвёш, Йозеф 78

Юм, Давид 23, 61, 70, 77, 81, 84,
87–88, 91, 98, 92, 103, 125, 134, 198,
214, 224–225, 227, 232, 234, 236–
237, 239
Юний 226

Яков I (король Англии) 200, 217
Янг, Майкл Данлоп 130, 480
Яррайсс, Герман 94, 201, 278, 279

Фридрих Август фон Хайек
Конституция свободы

Выпускающий редактор Анна Красникова
Корректор Светлана Крючкова
Верстка Ильяс Лочинов
Производство Сергей Николаев

Новое издательство
123022, Москва
Столярный переулок, дом 3, корпус 1
e-mail: info@novizdat.ru
www.novizdat.ru

Подписано в печать 13 августа 2018 года
Формат 70х100/16
Гарнитуры Figgins Sans, Scotch Micro
Объем 42,57 условного печатного листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заназ № 330-08/18

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг Радуга»
115280, Москва, Варшавское шоссе, дом 28А